

#роман #фантастика



Макс Казаков

Принцип
«Земля»

Макс Казаков

Принцип «Земля»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68099215

SelfPub; 2022

Аннотация

В разгар экономического ступора, человечество, обзавелось эффективными и доступными средствами коммуникации. Но стало порождать немислимые количества информационного хлама и неперевариваемый объем результатов исследований. Последние сами легкой добычей тонули в предсмертном чаде старых технологий. Люди уже не знали, как вывалить себя в грязи, чтобы казаться блестяще других. Не хватало только капли помета, пролетающей мимо ласточки, чтобы мир обрушился сам на себя и ласточек. Но... страшно не знать, что все линии современной жизни пересекаются, хотя бы потому, что в современном мире ваши имена могут легко оказаться в одной базе данных, например, банка, сотовой компании... А если вы группа ученых единомышленников, столкнувшихся в молодости с загадкой века, или их дети, и вам досталось оттого, что так и не успели открыть ваши родители. Или пускай даже вам кажется, что вы совершенно незнакомые люди...

Содержание

Глава 1	13
1	13
*	22
*	26
*	30
*	33
2	42
*	49
*	54
3	56
*	66
*	66
4	67
***	74
5	80
*	85
*	95
*	98
*	101
7	103
*	103
*	105
*	110

Глава 2	114
8	114
*	117
***	123
*	124
*	127
*	137
*	146
*	147
*	148
*	150
9	153
*	172
10	176
11	184
*	193
12	196
***	198
***	203
***	211
*	213
13	216
***	221
*	223
*	224
***	230

*	235
Глава 3	241
14	241
***	243
***	245
***	248
***	256
***	259
***	276
***	277
***	281
***	283
***	287
***	289
***	294
***	296
*	300
*	304
***	305
*	312
***	318
*	319
*	319
*	323
*	324
*	325

	*	325
15		330
	*	334
16		363
	*	371
	*	372
	*	377
17		381
Глава 4		400
18		400
	***	405
	*	407
	***	408
	***	409
	***	411
19		419
	*	420
	*	430
	*	434
20		439
	*	442
	*	459
	*	460
21		471
	***	477
Глава 5		481

22	481
*	483
23	497
*	498
***	503
*	507
*	508
*	508
***	509
***	512
***	515
***	516
***	517
***	521
24	524
*	527
*	528
*	528
*	529
25	530
*	541
***	544
*	546
***	547
26	561
*	564

*	576
*	578
*	579
*	580
*	581
*	585
*	588
*	590
*	592
*	593
*	595
27	599
*	607
Глава 6	620
28	620
*	623
*	623
*	624
*	625
*	625
*	627
29	631
***	640
***	643
*	645
*	646

30	652
***	653
***	656
31	659
***	664
***	670
***	674
***	676
32	682
*	684
*	691
*	695
***	699
*	702
*	705
*	711
*	713
*	716
33	722
***	723
***	728
34	731
35	741
36	745
***	752
Глава 7	763

37

*

*

38

*

*

*

*

39

*

*

*

*

*

40

*

*

*

763

766

772

773

774

777

780

781

793

798

800

802

808

816

819

820

822

826

836

836

838

839

841

844

850

852

*	857
*	857
***	862
***	878
***	881
***	888
***	894
*	895
Глава 8	899
41	899
*	900
*	902
*	904
*	906
***	910
***	916
***	918
*	919
*	923
***	924
*	928
*	934
***	938
*	941
*	941
***	943

42	948
*	951
***	956
***	960
*	964
*	968
*	973
43	975
***	978
*	981
***	988
***	991
*	997
*	999
44	1003
*	1006
*	1009
*	1013
*	1018
*	1023
***	1033
***	1037
***	1043
Глава 9	1049
45	1049

Макс Казаков

Принцип «Земля»

Глава 1

1

– ... Ну, сунулись. Дядь Виталя предупредил, далеко вперед не забегать. Фонаря всего два у нас было, поэтому послушались резко, как только отошли чуть от лаза. Дальше уже был полумрак.

«Это еще хорошо, день ясный сегодня, – сказал отец, – а то бы здесь совсем темнота была».

Рассеянный свет немного пробивался от краев плиты.

Там, короче, у нас город наш был не далеко от реки, и на окраине на склоне была наша местная аномалия. Так ее все называли, или еще скалой, хотя скалы там толком и не было никакой. Метров, наверное, двести в ширину какая-то как бы в земле плита непонятная была, наклонно лежала. Сверху и с одного бока под нее можно было зайти. Под ней то ли пещера была, то ли не понять, что... Местные называли это просто аномалией. Над ней потому что почти не росли деревья, так кусты кое-где чухнёвые, хотя вокруг было всего

полно. Еще приезжали, рассказывали, давно ученые, сказали, что где-то глубже, массивное вроде железное тело залегает. От него все причуды.

Короче, стали мы туда спускаться, уже по склону под плитой. А под ней спуск был немного круче, чем по поверхности. А внизу наоборот становился почти пологим. Не знаю, наверное, до самого низу и дошли. Брат с нами мой двоюродный старший еще Лёнька был, да сестра Нинка младшая. Та, чем дальше, тем ближе к отцу держалась. А брат, зараза, еще то меня, то ее чем-нибудь подначит. То хрень какую-то под ногу подложит, а потом потянет, то на плечо веревку незаметно положит и снова тянет, медленно, так, что, как почувствуешь, сразу прыгаешь блохой.

Как щас помню, наложил я вообще, когда впереди, зашуршало что-то. Отец с дядькой давай светить фонарями, высветили, пацан там какой-то суетился, мне показалось, что-то перепрятывал, наверное, боялся, что мы что-то заберем, не знаю точно. Отец сказал, что беспризорники здесь с давних лет уже прячутся, одни других сменяют... Деваться им некуда, а здесь под землей, не так холодно зимой и не жарко летом. А пацан толком ничего не говорил, что-то бухтел, особенно когда мы фонарями на него опять попадали. А там еще какие-то кульки висели, несколько куч чего-то навалено было.

Дальше мы уж не пошли, дядь Виталя сказал, что хватит. В общем-то делать там нечего было, не поиграешь, темно,

и.... Да и сестра от отца ни на шаг, да и сам-то тоже не далеко. Чё? мне тогда лет десять-то было всего самому! Чуть, да развернулись обратно.

А уж когда выбирались наружу, там лаз корнями был заплетен, через них еще прощেমиться нужно было. Бабушке дядь Виталья, он первым вылез, руку дал, я сестру подпирал снизу, отец помог Лёнке, сам тоже вылез и взял меня за руку, чтоб вытянуть. А у меня нога за что-то зацепилась, я так глянул вниз, как заору благим матом: «Аааа... Ия! Ия...» Давай дергаться. Теперь мне уже показалось, что кто-то рукой ногу мою держит. Еле, еле с теми же дикими воплями «Ия... Па, тяни меня», уже не помню, семеро меня тянули или как, выбрался.

Отец потом рассказывал: «...глаза, как иллюминаторы, весь трушусь...» Он потом говорит: «Ты чего это испугался? Зацепился ты просто там за сучок. Какая тебе Ия?» А я откуда, говорю, знаю? Я посмотрел, а там рыже-седая такая, криво улыбается, руку тянет. Он сразу рассказывать не стал про Ию, потом уже, дома, когда успокоились все и насмеялись.

Он подтвердил, что, вообще говоря, давно ходят рассказы про нее. Но мы-то это уже все знали, пацанами между собой давно всякими легендами обросли, что там, на аномалии, уже лет четыреста Ия как поселилась. Ничего вроде такого не делает. На глаза не показывается. Никто почти ее не видел. А кто видел, те из города быстро уезжали. Детская

боялка такая была у нас.

Только после это случая всплыло еще и продолжение, мол, если Ия кого заприметила, то непременно рано или поздно заберет. Я у отца спросил, он сказал, что все это только лишь истории. А Лёнька, зараза, тот наоборот, все зубы на полку выложил, что это правда. Правда, у него годам к двадцати все зубы и повысыпались почти, со вставными ходит.

– Ну и чё, ты когда Ию-то увидел, второй раз не наложил? – ехидно улыбаясь, спросил Егор, небрежно брынькнув на еще не полностью настроенной гитаре несколько категорически тревожных уменьшенных септаккордов. – А-то у меня прям мурашки подбираются к подмышкам!

– Ага!? – засмеялся вместе со всеми Авдей.

– Я так и знал! – ликовал Егор и сымпровизировал коду победителя викторины.

Удовлетворенный своим изобличением он несколько потерял интерес к истории и начал тихонько разыгрываться, а потом и напевать.

– Посмотрел бы я на тебя, – продолжал тем временем оправдываться Авдей, – как бы ты не наложил. Втройне! Я там трясся, как... Так я потом неделю вообще спать не мог! В комнате шкаф у нас стоял со стеклянными дверцами, так мне в них все время что-то виделось. Отец убеждал, что, мол, всякая нечисть в зеркалах не отражается. Значит, мне все показалось.

Может, это и была самая страшная история, рассказанная

за сегодняшний вечер, но она, конечно, вызвала больше улыбок, чем сочувствия или страха. Даже несмотря на наступившую темноту и непривычные для возвращенных в квартирах похрустывания окружающей природы, все бросить и удрать домой история никого не заставила.

Вроде бы на логическом финале этой истории Ярик позволил себе прервать рассказ, намекая, что уже можно бы и посуду оросить, иссохлась. И Лизка еще его подталкивала, мол, спой, давай, хотя прекрасно знала, что Ярик не из первого ряда сельских теноров.

– Еще пару стопариков и я спою тебе все, что пожелаешь. Ток вы все тогда разбежитесь, предупреждаю сразу. – Пока еще изображая, что ему трудно говорить, выговорил Ярик и начал напевать на надоевший мотив. – Вода была без цвета, ни вкуса, ни слуха, ни голоса. Пока не появился Юпи! Оп! – осекся он, приложив руку к губам, когда уже почти перешел на полный голос. – Егор, пардон, – почтительно добавил он поющему Егору, понизив тон.

Ярик говорил довольно низким голосом, почти басом, причем с каким-то непонятным желтоватым оттенком, всегда выделявшим его слова в потоке звуков. Спутать его тембр с чьим-то еще было почти невозможно.

После своевременно прерванной репризы Ярик артистично достал из-за спины бутылку «горяченького». Одобрительные возгласы не дали шанса родиться еще одному непопулярному человеку. И если бы Егор не прибавил напора, его

песня рисковала раствориться в этом оживлении вместе с гитарой.

– Все, все, уговорил, – шепотом согласилась Лизон. – Наливай лучше свое Юпи. Только не пой!

Она собрала в кучку стаканчики со стола, и, как только Ярик наполнил их и Егор закончил песню, торжественно объявила.

– Господа археологи, а теперь Юпи! Но это не просто напиток, – продолжала она, пока все тянулись за стаканчиками. – Это практически артефакт, найденный Яриком в забытых подвалах своей памяти. Только вслушайтесь, сколько плесени в этом слове «Юпи»!

– О, да! Чего мы там только уже не находили в этой памяти, – очнулся от воспоминаний Авдей. – А не найдется ли у Ярослава мудрого в подвалах еще и хорошего тоста?

– Даже не сомневайся. Для тебя всегда найдется и тост и стопка! Но! Этот тост я уже обещал, – Ярик начал изображать юную особу на императорском балу, помахивая рукой как веером...

– О нет, кто же этот проходимец, кому ты пообещала тост прежде, чем мне, – подыграл ему Авдей.

– Тотчас же заберите свои слова обратно, – испуганно выпалил Ярик, – пока не поздно, сударь. Ибо тот, кому я обещал тост, это его светлейшество Семеныч!

– Да вы судари, как я погляжу, ошиблись факультетом, а то и учебным заведением, – раздался голос Семеныча. – Вам

прямою дорогой в театральный. Могу даже поспособствовать вам в этом деле.

– Bravo, bravo, Семеныч, – включилась в игру Лизон, – Вы так великодушны!

– А вы барышня не судите о моем великодушии так преждевременно. Мое содействие может состоять в скорейшем выветривании вас из археологического. А к театральным подмосткам придется топтать своими локтями. – Семеныч вроде бы говорил серьезно, но при этом засмеялся сам, и его заразительный смех подхватила вся компания.

Тем временем юпи грелся, да и сложившийся конфуз нужно было как-то разрешить. Вмешалась Тамилка, продолжая в той же манере.

– Ну, полноте Вам, Семеныч, серчать. Перейдемте уже к тосту. Просим!

«Просим», «Просим»... поддержали другие.

– Не смею более томить вас, господа! – начал Семеныч. – Вот сейчас вы находитесь, – он постепенно сменил театральную господскую интонацию, на обычную походно-рюмочную, – в первой настоящей экспедиции. Ваше первое достижение – это то, что вы благополучно добрались до места, и даже вовремя поставили лагерь. Благодаря этому, мы сейчас уже можем позволить себе этот тост. Самое интересное начнется завтра. Но я собственно не об этом. Сегодня вас со мной пятнадцать человек. В прошлом году было двадцать четыре. Практика показывает, что те, кого я не успел выжить

из археологического к концу второго курса, имеют все шансы стать археологами.

– О, да! Мы слышаны, что Вы неофициально осуществляете кадровую чистку в рядах археологов, – перебила Лизон.

– Почему ж неофициально? Может и официально. Может, я за это доплату даже получаю. Но это снова сбоку темы. У вас есть шанс! И все зависит только от вашего желания. Поэтому, я хочу выпить за то, чтобы ваши желания не заставили меня в вас разочароваться.

Семеныч засмеялся, хотя и с небольшой грустью в интонации. Зазвенели хрустом пластиковые стаканчики.

– Анатолий Семенович, – начала было Лизон, обращаясь к Семенычу.

– Хамить изволите, Лизавета Ильинична, – перебил ее Семеныч. – Вы ж с первого дня за углами и не только меня кличете Семенычем. Че эт ты теперь? Даже не на кафедре вроде!

– Да так, чет, совесть с уважухой, блин, проснулись, вина еще надо, наверное, – засмеялась Лизон.

– За уважуху спасибо, а вот зверя по пустякам не буди! Я имею в виду совесть, – смеясь, ответил Семеныч. И приложив руку ко рту, будто шепчет на ухо, обычным голосом продолжил, – но только не теряй ее совсем. Когда-нибудь пригодится, к ходилке не гадать, как ты говоришь. – Он опустил руку. – Ну, дак ты чего сказать хотела?

– Да я все про кадровую чистку хочу продолжить. Гово-

рят, Вы никогда не возьмете с собой в экспедицию людей, с которыми не хотите идти?

– Злые языки, матушка. Все злые языки! – отшутился опять в царскоевековой манере Семеныч. – Ну, а если на самом деле? Это так! Кроме походов старателями, на какие-нибудь песко-пересыпалки под балконом, что на первом курсе бывают. Они, однако, для меня самые трудные. Именно там нужно успеть понять человека, если за весь первый год еще не успел. Времени на его отчисление остается уже всего год. Начиная со второго курса, могут быть серьезные экспедиции.

– А если ошибетесь, отчислите человека? – продолжил Авдей разговор, набирающий серьезность.

– Да, да. Вы, как и все предыдущие потоки, наверняка живете с убеждением, что Семеныч самонадеянный, даже жестокий и тому подобное негодяй, всех ровняет своей мачетой и тому подобное. Не буду спорить! Но поверьте, в экспедиции вас будет всего... ну, несколько... не много, в общем, человек. Кто бы вы хотели, чтобы были этими людьми? Ситуации могут случиться очень разные. Я со случайными людьми дальше огорода не пойду. Но такая работа, и иначе эту науку не сдвинешь вперед. Приходится идти.

Повисла пауза. Не просто пауза. Что-то плотное осело в воздухе после этих слов. Хотя и совсем ненадолго. Только негромкий звук гитары Егора, который что-то механически перебирал по струнам, оттенял не слишком выраженную ле-

пость тишины ощущением единения. И эта внезапная плотность воздуха постепенно доходила до всех присутствующих осознанием выраженного им кредита доверия.

– Ярый, – пробил завесу Авдей, – доставай свое юпи. Семеныч, я хочу выпить за Вас!

Не обошлось без традиционного одобрительного «Ооо...».

– Егор, – обратился Авдей к Егору, – давай-ка «Легенду».

– Цоя штоль? – отозвался тот.

– Угу. За легендарного Семеныча под легендарную песню!

Пока Егор отмораживал проигрыш, Авдей произнес тост, и под хрустальный хруст стаканов питье было испито.

*

Лизон немного плавающей походкой подошла к Таше и попыталась разместить себя рядом.

– Че-то как бы я совесть-то свою слишком не малость усыпила? – по привычке переворачивая слова, спросила она. – Подвинься-ка, подруга.

– Падай! – ответила Таша, расположившись слегка полубоком.

Лизон никак не могла выбрать траекторию.

– Митек, сузься маленечко, пожалусто, – скокетничала Лизон.

– Даже не подумаю! – заиграл глазами с ней Митек.

– Чево это? Ну, чуть-чуть! – клянчила Лиза.

– А-а, – махал головой Митька, не снимая с лица улыбки.

– Не будь таким свинтусом! – включила женскую солидарность Тамилка, дернув за руку Митька поближе к себе, подалее от Таши, освобождая место Лизке.

Но тушка Митьки только вальяжно покачалась и приняла прежнюю форму.

– Митька не выделяйся! – гавкнула Таша.

– Лизке что, бисером перед тобой посыпать? – засмеялась и снова дернула его Тамилка.

– Я отодвинусь, потом буду стесняться к тебе прижаться, а так ты сама ко мне прижмешься – объяснялся и лыбился всем, чем можно, Митька.

– О-хо-хо, – сманерничала Лизон.

– Да падай, не глядя, – подбодрила ее Таша и подала руку. – Сама всех растолкаешь!

Лизон присела, поерзала, чем сидела, расширяя себе пространство, и улеглась рядом с Ташей. Митек даже не заворчал. Он напротив, подложил Лизе под голову свою руку.

– Оооой, как спасибо, – как будто из последних сил выдохнула Лизон. Митек довольный улыбался. – Хорошо, что ты такой мягкий и оказался рядом.

– А мне ты так руку не подложил, – уколола Митьку пальцем в бок Тамилка.

– Эт мы могём! – довольный от такой популярности у девушек раскинул в обе стороны руки Митька.

– Так удобно! – продолжила стонать Лизка. – Тебе самому-то удобно?

– Удобно, пока рука не затекла, – ответил тот слегка и повернулся к Лизке, так чтоб не лишить подушки Тамилку. – Что расскажешь?

– Я якобы что-то обещала рассказать? – начала ломаться Лизон.

– Ты, кажется, что-то про спящую совесть говорила, когда заходила на посадку, – не собираясь уходить в молчанку, продолжал Митек.

– Да? А заметно, что она уже немного спит? – Лизон подозрительно посмотрела на Митьку.

– Не, не сильно заметно, все нормально пока идет, – ответил Митька, осторожно намекая на какие-то возможные варианты, если все так пойдет дальше.

– Ну, здесь ты свою совесть окончательно уложишь на лопатки, – продолжила Таша. – Костер греет, мужики только что дров подбросили.

– А Семеныч че-то прям ох как завернул сегодня, – переключила разговор Лизон от намеков Митьки на свои впечатления от речи Семеныча.

– Да. Он ничего мужик походу, – подхватил задумчиво Митек, определенно заметив смену темы и погрузившись снова в речь Семеныча.

– А помнишь, мы на первом курсе-то его психом вапще считали? – вспомнила Таша.

– Ну, псих он и оказался психом, – заключила Лизон. – Только в смысле психологом.

– И не хилым, походу, – согласилась Таша.

– А ты как полагаешь? – толкнула Лизон Митька, который только что вроде был в разговоре, но неожиданно стих.

Тот, не притворяясь живым, лежал, подложив для удобства под спину рюкзак. Лизон присмотрелась к его стеклянным глазам.

– Таш, смотри, – шепнула она подруге.

Митек смотрел сквозь костер. В его голове всегда кружилось много мыслей, иногда слишком много, как он сам говорил: «Шумно аж бывает». От этого иногда могло казаться, что он в несвежем настроении, хотя он просто о чем-то задумался, отвлекся, отключился...

– Да он че-то расстроился после второй стопки, – ответила тихонько Таша.

– Да не, наверное, просто опять повис, – высказала свою версию Лизон.

– Не думаю, что он думает о завтрашних раскопках. О них даже Семеныч сейчас не думает, – хихикнула Таша.

– Митек, Земля! – вильнула бедром Лизон. – Все, всплыли! У тебя какая степень погружения?

Она помахала Митьку рукой перед глазами. Тот вернулся.

– «Какая», это что за часть речи? – пробормотал Митек, улыбнувшись и прищулив один глаз.

– То есть? – удивилась Лизон и перевела взгляд на Ташу,

мол, он это о чем.

Таша задумалась и осторожно выдала версию.

– Ну, возможно, это вопросительное слово. Не прилагательное же?

– Угу, хорошо, – одобрительно кивнул Митек.

– А что хорошо? – взлюбопытствовала Лизон. – А могло быть как-то иначе?

– Хорошо, что не деепричастие, – ответил Митек.

Девочки провисли еще глубже, а когда сообразили, выплеснули по полтора объема легких.

– Фу! Ну тебя! – пищала Лизон, отмахиваясь от Митька руками. – Ты как из комы выйдешь, по жизни че-нибудь этакое ляпнешь.

*

Закончилась песня. Таша продолжила разговор, который они начали с Лизон, но уже в общем контексте. Она обратилась к Семенычу:

– Семеныч, вот Вы, стало быть, говорите, что разбираетесь в людях?

– Да нет. Не разбираюсь я в людях.

– Ну, как же, Вы можете отличить плохих от хороших, надежных от ненадежных, перспективных от...

– Все проще, Таша. Я не рассуждаю такими высокими прелюдиями, – Семеныч любил вставлять «левые» слова в

контекст, где их смысл всяко станет очевидным, – как ты. Я всего лишь пытаюсь отличать людей, с которыми я пойду в экспедицию, от тех, с кем не пойду. И даже не утверждаю, что это у меня всегда получается правильно делать. Но, как ты видишь, у меня уже появляется седина. Это хотя и косвенно, но... раз седина дождалась своего часа...

– Вот что, что, а выкрутиться Вы умеете, – улыбнулась Таша.

– Это точно! – подтвердил с азартом Ярик. – И выходит, вы вершите не чистку электората, а всего лишь естественный отбор, пытаясь обеспечить свое выживание!

– А ты, я гляжу, мастер умозаключений, Ярик! – ответил Семеныч.

– Да мы постоянно ему говорим, Ярослав-мудрый-второй-Сократ! – добавила с азартом Лизон. – Не верит!

– Все, господа. Боюсь, что если мы сейчас же не остановимся, то завтра не продолжим, – прервал мысль Семеныч. – Я имею в виду экспедицию! Отбой! Рекомендую хорошо отдохнуть. Подъем завтра в семь утра, дальше по будням в пять. Дежурный по лагерю завтра утром буду я, дальше разберемся. Выходим в восемь.

– В семь подъем, в восемь выходим? Мы не успеем! – взмолилась Тамилка. – Семь это очень рано!

– Просим пощады, – из последней вменяемости прогудел Вадим, приподняв часть своей тушки из-за спины Авдея.

– Завтра как раз и будет вам последний день пощады! Я

же объявил, завтра подъем в семь, дальше в пять! – ответил Семеныч, давая понять, что ребята явно недооценивают его мягкость, приуроченную к первому рабочему дню. – Все интересное начнется потом!

Утро для всех Семеныч все-таки начал на целый час позже, чем обещал. А пока все еще спали, Семеныч развел костер, приготовил завтрак, сделал чай, травяной из свежего местного сбора. За трапезой обсудили план дня. Хотели разделиться на группы, но Семеныч категорически запретил: «После защиты хоть по одному. А сейчас все вместе в коротком радиусе от материка».

С выходом, конечно, опоздали еще сверх щедрого часа. На двадцать минут. Тамилка наводила марафет. Лизон ее все подгоняла:

– Идем уже. Семеныч разозлится.

– Да иду уже, – отвечала Тамилка.

Но Семеныч их сильно удивил. Он ни разу не разозлился. Но без внимания Тамилу не оставил.

Тамила выползла из палатки и замешалась в какой-никакой толпе сокопателей, стараясь не сильно лезть на глаза Семенычу. Тихонько попросила там шепнуть ему, что, мол, все готовы. Но Семеныч, несмотря, что уже знал, что не хватает только одного человека, все-таки повторил положенную

перед выходом перекличку. Дойдя до Тамилы, он несколько раз чихнул.

– Отлично, Тамила! Ты сегодня шикарно одухотворенная!

– В смысле? – стесняясь сквозь всеобщее хихиканье, позволила она себе смелый вопрос.

– Духи прошибают! Я аж прочихался! Но это ничего! Лопата, комары и прочая ползуче-грызущая живность этих мест оценят! Ты много с собой вот этого всего набрала?

– Ну, – потянула Тамила, – как много? Не много.

– Ну, – подражая ей, ответил Семеныч, – одним словом, эти полтора кило твоего багажа, – он обвел вокруг своего лица, показывая, что он имеет в виду средства, которые Тамила нанесла на свое лицо, – что-то мне подсказывает, тебе больше в своем первоначальном назначении не понадобятся.

– Посмотрим, – скокетничала Тамила, сделав вид, что не заметила окружающего смеха, старающегося быть сдержанным.

– Посмотрим, посмотрим, – улыбнувшись, подбодрил ее Семеныч. – Сегодня-то тебе они ужегодились дважды! Так что уже не зря везла!

– Как это дважды? – нахмурилась Тамилка.

– Ты привела себя в божественный вид. Падрон, божественный! Это раз! И ты подняла настроение всей команде – это два! Совет тебе. Одну кисточку сбереги себе на обратную дорогу.

– То есть, одну? – просочилось у нее недоумение.

– Остальные ты скоро сама на раскоп понесешь. А эти на-смешники, – Семеныч оглядел мельком бригаду, – еще про-сить у тебя будут!

– Ой, да можно подумать они с собой не привезли кос-метику, – все-таки Тамилку спровоцировали, чтобы огрыз-нуться.

– У меня из косметики только хозяйственное мыло! – вы-палил, не задумываясь, Киоск.

Смех переместился на Матвея. Тамила, пользуясь ситу-ацией, покинула центр ехидного внимания и постаралась больше ничего не сделать, чтобы снова не вернуть его себе.

*

А после первого дня раскопок все устали так, что некото-рые упали мертвым храпом у костра, едва доев последнюю ложку ужина. Даже отпетые совы не справлялись с управле-нием и запинаясь о растяжки палаток. До разговоров, гита-ры и тем более веселья не дожил никто.

Хотя, по правде сказать, не всем в первый день пришлось хоть разок махнуть лопатой.

– Раскоп совсем свежий, – сразу предупредил всех Семене-ныч, – посему малоизученный. Это одновременно и хорошо, так как он малоиспорченный.

– И малоизгаженный! – добавил Егор.

– Ну, ты умеешь подметить самое важное! – подбодрил

его Семеныч.

А попросту сказать раскоп был брошенный.

– Ну, более отважные коллеги диагностировали сие место как слишком молодое и не представляющее исторического и научного интереса, – оправдывался за других Семеныч.

– А что же мы здесь делаем? – возмутилась Лизка. – Какая логика ехать туда, где перспективы уже похоронены?

– А как учебный полигон – эта задача, по моему мнению, вполне подходящая. Да и мало ли случаев, когда гоняясь за сенсациями, люди оставались с тупыми лопатами.

– Еще скажите, что большинство великих открытий сделано случайно, – продолжила мутить воду Лизон.

– Лиз, у тебя еще будет возможность выбрать себе свое особенное место, – попыталась облагородить ее Тамилка.

Семеныч не стал распылять дискуссию.

Первый день был посвящен щадящей диагностике окрестностей, уточнению карт, генерации предположений и выбору мест инфраструктуры.

В итоге были исхожены, досмотрены и обобраны все поверхности. Материала, однако, нашлось не много. Глядя на карту находок, скорректировали расположение материка, утвердили место промывки отвала. Оно осталось прежним. Вадик с Егором весь день занимались обеспечением подачи воды на промыв. Здесь им, конечно, больше пришлось побыть в роли реконструкторов. Водяная жила была проложена прежними старателями от источника, что пробивался

немного выше в склоне.

Отдельной задачей для всех была подготовка инвентаря. К ужину не допускались те, у кого имеющийся инструмент не был приведен в рабочее состояние: отмыт и заточен. Данная процедура была объявлена традицией перед ужином.

Наутро следующего дня терпеливый Семеныч снова решил дежурствовать по лагерю сам. По-отечески пожалел молодняк. Были в нем и заботливость, и ответственность. И они нисколько не конфликтовали с суровостью и научным фанатизмом.

Однако со временем и изысками, как вчера, он уже не баловался. При этом все отметили, что еда просто изумительна! Довольный Семеныч не сомневался, что будет именно так. Но на завтра назначил дежурить Авдея, рассудив просто, по алфавиту: завтра Авдей, потом Вадик, потом Егор...

Тамила этим утром не опоздала. Только не потому, что сильно постаралась. Она действительно обошлась без косметики. Но, выползая из палатки, боялась еще больше, чем вчера. Только вчера она боялась выглядеть не достаточно красивой и злого Семеныча, а теперь дружеских комментариев и даже просто взгляда доброго Семеныча.

Не случилось. Сказывался второй рабочий день первой серьезной экспедиции, раннее утро и разгоравшийся научный азарт.



На второй день в лагерь вернулись раньше. Нужно было разобраться с тем, что удалось обнаружить в этой глуши за два дня, и придумать себе новое будущее.

Пока готовили ужин и собственно ужинали его все вопросы и порешали. Главным образом всеобщим консилиумом обозначили раскопы. Поскольку ничего знаменательного здесь еще не было найдено, но каждый имел возможность порыться в покровах культурного слоя, этот вопрос решался пересечением интуиций.

– Твои интуитивные выводы, – убеждал Егор Лизку, – не выдержат никакой экспертизы!

– Я не напрашиваюсь работать с тобой в одной бригаде! – отвечала та, – найдешь себе единомышленников, и дерзайте!

– Хм, это ты попробуй найти себе единомышленников!

– Лиз, это понятно, что против женской интуиции наука бессильна... Ты сколько аргументов имеешь в пользу своей идеи? – Семеныч не препятствовал развитию у ребят профессионального чутья, но не упускал возможности обратить внимание молодых коллег на те или иные детальки. – Егор, а ты сосчитай свои. Потом обсудите их.

А после профессиональных вопросов и вовсе разговорились, расслабились. Егор достал инструмент своей души. Тамилка, минимизировав покрытие своего тела купальником,

ловила последние лучи Солнца. Ярик делал то же самое солнечной батареей, чтобы зарядить сотовый. Связи здесь не было.

«Чертова центральная глушь. Полсельпо и три коровы!» – все время ругался по этому поводу Ярик.

Но мобильник из принципа должен был работать.

Ближайший поселок и в самом деле был похож на полурассыпавшееся, а сначала полунедостроенное захолустное захолустье. Но даже здесь уже была вышка прогресса.

Разговор перетекал из темы в тему. И как обычно восстановить переходы между ними практически не реально. Ну, и как-то выплыли на провоцирующий вопрос.

– Семеныч, вы же нас почти не знаете. Ну, всего-то два года. Только на парах, и один поход, – нарвался Авдей на Семеныча.

– Эээ.. Боюсь, здесь ты не совсем прав. Я знаю вас лучше, чем вы думаете. И даже может лучше, чем вы друг друга.

– Да бросьте, это вряд ли!

– Отчего же? Вот что вы знаете, например, – Семеныч оглядел компанию, – про Егора? Кроме того, что он играет на гитаре?

– Он играет на саксофоне.

– О, это глубоко! Но это просто факт! Какое знание это дает вам о нем, как о человеке?

– А что, собственно, оно должно давать? – задумчиво произнесла Тамилка.

– Ну, человек играет на двух инструментах. Как так получилось? Зачем? Он с ходу играет любую песню, но он не знает нот. Забыл? Или притворяется?

– Почему вы решили, что он не знает нот? – задался Авдей.

– Вот! Ты и этого не знаешь. А утверждаешь, что я не могу знать вас лучше, чем вы. А ведь это тоже всего лишь факт. Но еще не понимание человека.

– Егор, – переигрывая возмущение, выдал Ярик, – общество требует объяснений!

– Ага. Письменно? На гербовой? – засмеялся Егор.

– И в трех экземплярах, пожалуйста, с каллиграфией, – добавил Ярик.

– Ну, положим, я знаю, что никакие школы и консерватории к нему не ходили, поэтому нот он не знает. Ну, чисто логически, – начала Лизон. Ей такой следопытский разговор стал интересен. – А ты сначала на гитаре или на саксофоне научился, Егор?

– На гитаре, – неохотно ответил тот.

– А на саксофоне начал, просто потому, что он тоже случайно был дома. Достался от дядюшки, наверное?

– Саксофон я покупал сам, – поправил Егор. – Точнее выбирал сам. И мне его подарили. Кстати, дядюшка. Просто хотелось играть на каком-то другом инструменте. Но принципиально отличном от гитары. Че вы ко мне вообще прицепились? Вон Митька что ли обсудите.

– Митек у нас известный русофил, – переключившись на предложенную кандидатуру, продолжил разгадывать шарады Авдей. – За границу не хочет. Кроме русского говорит еще только на матерном, и то не чисто.

– Ага. Он даже сникерс попробовал только тогда, когда его стали производить в России, – добавил Ярик.

– По этой же причине не пользуется мобильником, – довесил Егор, – хитро улыбаясь Митьку после удачного перевода темы с себя.

– За то Ярик их меняет каждые полгода. Старается угнаться за прогрессом. – Митек не очень хотел участвовать в этом разговоре, но не удержался. Нужно было отводить тему от себя. – В отличие от Рокфеллеров мне мобильник не по карману, – съехидничал он, защищаясь от выпада в свой адрес. – И сам аппарат, и стоимость минуты разговора. Егор, между прочим, тоже не рубит по-нерусски. Спасибо, тебе, кстати, за перевод разговора на меня.

– Ярик не за технологиями гонится. Просто он их так часто роняет, что ему поневоле приходится их менять. Ну, как бы логически! – заключила Лизон.

– А Лизон заводится с пол-оборота над всякими логическими задачками, – парировал Ярик. – Просто юбка в Шерлоке, – Ярик перевернул слова на манер Лизон.

– А слова, если че, переворачиваю я, а не ты, – сказала Лизон и засмеялась.

– Это точно, – заметила Тамилка.

– Вот как? – удивленно выпалил Ярик. – Ну, посмотрим, что на это скажет антимонопольный комитет.

– В лице кого? – насмешливо ответила ему Лизон.

– Лицо всегда найдется. Было бы за что размонополизовать, – успокоил ее Ярик.

– Яр, оставь лучше как есть. Представляешь, все станут слова путать? – посоветовал Егор.

– Я их не путаю, а переворачиваю, – уточнила Лизка.

– Ага. Иногда такую анархию в словах устроишь, – поддержал остальных Егор и завопил, вшпарив Am, Em, F, G, – Мама анархия, папа стакан портвейна...

– А это хорошее предложение, на счет портвейна! – выдвинул тему Авдей. – Семеныч, мы по одной, только.

Авдей посмотрел на Семеныча, не будет ли он возражать.

– Хм, – возмутился Семеныч. Потом смягчил брови. – Так и быть. Вы по одной, а мне по полной!

Пока разливали выпивон и запивон, Вадик пролил на себя стакан запивона.

– Этот как всегда! – заверещала тонким голосом Тамилка, пока остальные смеялись. – С тобой как обычно слишком большой расход запивона. В курсе?

– Да, в курсе, – с легкой досадой ответил Вадик.

– Это же просто случайная досадность, – вступилась Лизон.

– Сам страдаю! – добавил Вадик.

– Мало того, что он много пьет, еще больше разливает,

он к тому же и ест за двоих! Одни убытки! – развил тему Авдей. – А Вы, Семеныч, говорите, мы ничего не знаем друг о друге!

– Ну, есть ему нужно. Он же спортсмен, наращивает большую мускулатуру! – подобрал обоснование Егор. – Ну-к, Вадим, напряги свою широчайшую мышцу.

Вадик, демонстративно шевеля плечами, как всамделишный бодибилдер, набрал побольше воздуха в легкие, потом отвел плечи назад, выпятил живот и надул его, сорвав тем самым даже аплодисменты. В его движениях сохранилось что-то детское. Он словно немного косолапил, но не ногами, а руками. Как только шум рукоплесканий затих, он пожаловался, пытаясь просушить футболку:

– Вам-то смешно, а мне сыро. А так хочется ощущения сухости и комфорта?

– Ну, по поводу сухости есть как минимум два способа, – подхватил Егор повод для продолжения стеба.

– Памперсы не в счет! – мигом ввел ограничение Вадик.

– Да. Памперсы не комильфо! – поддержала Лизон.

– Тогда вам же хуже, – ответил Егор. – Остался один способ. Даже выбрать не из чего. Пол-литра водки плюс пол-полтора-литра пива с вечера, желательно вперемешку, и ощущения сухости на утро гарантировано!

– Нет, нет, нет! Утро нас встретит штыковыми лопатами, – запротестовал Семеныч. – Такая сухость нам не подходит. Лучше пусть спит так!



На третье утро Тамилка тоже собралась вовремя.

– Тамила!?! – с улыбкой посмотрел на нее Семеныч, протягивая ее имя, когда она присоединилась к завтраку, пускай и в числе последних.

– Семеныч, – зажмурила Тамилка глаза, понимая, чему так улыбается Семеныч. Тамила была уверена, что от этих приколов ей рано или поздно не удастся увернуться. То, что все обошлось вчера, ее даже удивило. Но желание выспаться легко справилось с желанием краситься. – Вы гений или пророк, или не знаю, кто еще. Одним словом...

– Не напрягайся. И не расстраивайся. Нам же еще возвращаться обратно. Так что где-нибудь на подъездах к дому...

– Ладно. Буду жить надеждой! – улыбнулась в ответ Тамилка.

– Семеныч, пять утра – это почти смертельная доза утра для нашей Тамилы, – подключился Вадим, кивая на Тамилу с последней надеждой на пощаду. – Вы же видите, что творится с ребенком! – Глядя на Вадима в этот момент, можно было разрыдаться от жалости. – Может, все-таки шесть?

Семеныч озабоченно взглянул на часы.

– Да. У Вас осталось всего шесть минут на завтрак. Нет. Уже пять. Вот видите, Вадим, – Семеныч поднял голову, – все-таки пять! Ничего не поделаешь!

Вадим понял, что его жалобливость против категоричности Семеныча хоть и держалась достойно, но сдала матч всего в двух сетах шесть-ноль в обоих.

А на вокзале, по возвращении из экспедиции, Тамила была, конечно, при полном параде. Как и ожидалось, было много встречающих.

– Ну, дорвалась! Соскучилась! – одобрительно сказал ей Семеныч.

– Дорогой Семеныч, – ответила она. – Я так рада, что мы дома. Такое Вам прям спасибо, что мы вернулись.

– А ты сомневалась что ли?

– Нет, конечно. Ну, все-таки мало ли?

– Никаких мало ли! А вот я в тебе ничуть не сомневался. Был уверен, что эти свои городские штучки ты забудешь. Ты помнишь, с каким азартом ты обрезала себе ногти после второго дня работ? Я помню тебя. В глазах не было ни тени сожаления.

– Серьезно? Я выглядела именно так?

– Именно так!

– Признаюсь Вам по секрету, – с улыбкой на ухо шепнула она Семенычу. – Более было с ними работать, чем их обрезать.

– Как бы там ни было, ты предпочла работать, а не уехать

с ногтями, – ответил Семеныч.

Ребята, – обратился Семеныч ко всем. – Натан Саныч возвращается со своей экспедиции в конце недели, Селиван Николаевич уже вернулся, судя по тому, что Нонна уже здесь. – Он улыбнулся Ноннке, висящей на шее у Ярика. – Пережила разлуку? – Довольная Ноннка только кивнула в ответ. – В понедельник в три часа дня в университете мы все встречаемся. Начало будет более-менее официальным «О проделанной работе», так сказать, а потом продолжим в свободной форме. Так что ваше присутствие не обсуждается, приводите кого хотите.

– В понедельник? – удивленно и возмущенно воскликнул Ярик. – Да мы не доживем до понедельника. Сегодня вечером все у меня! – заявил он. – Егор, не забудь! – Ярик подмигнул Егору. – Сам знаешь.

– Как я забуду, если я тебе сейчас отдам? – улыбнулся Егор.

– Малаца! Ну, давай!

– Семеныч, Вы тоже.

– Как бы меня не арестовали, – с легкой досадой ответил Семеныч.

– Супругу с собой! Партизанская 40, 23, – ответил Ярик.

– Хорошо, посмотрим, – улыбнулся Семеныч.

2

Ярик снимал комнату в коммуналке в не самом новом доме с еще деревянными и уже местами прогнившими полами. Хозяин очень радовался, когда все-таки уговорил Ярика на эту жилплощадь.

«Дорого-то не возьму, – заговаривал он, – не за что здесь, а мне две комнаты не нужны, а вот хоть немного денег за пенсию добавить, не помешает».

Ярика очень устраивала финансовая часть предложения, поэтому бытовую часть он счел приемлемой. Тем более в сравнении. Не на много лучшее качество ему предлагали и в несколько раз дороже. Кроме того хозяин в разговоре был вполне социализированным, образованным человеком и на самом деле не выглядел настолько безнадежно голодным и запущенным, чтобы побояться такого соседства.

Зато комната большая. Достаточная, чтобы можно было зависнуть с компанией. И даже частично меблированная. Знатный диван и стол с кучей пошарпанных табуреток стояли в углу вдали от окна. Ближе к окну небольшое приспособление в виде стола для компьютера. Остальное пространство не было нагружено смыслом, хотя нагружено оно было. Оно легко при необходимости превращалось в пустоту. Как, например, сегодня.

Начал подтягиваться народ. Ноннка с Лизкой, Авдей с

Маришкой, Василий. Маришка не училась со всеми в археологическом. Они с Авдеем дружили еще со школы, и она давно стала в компании своим человеком. Она с интересом рассматривала фотографии из походов и экспедиций, обо всем расспрашивала, еще больше рассказывала. Василий был сокурсником, но в другой группе, интересовался больше историей Европы, при этом его расстраивало то, что Европа уже изучена и вдоль, и вглубь, и вкривь. Однако променять ее на что-то другое он не желал.

Народ весь опытный. Кто-то пришел с сосисками, кто-то с чипсами, кто-то с рыбой... Между разговорами будет что укусить! Пока Ноннка высыпала пакеты на стол, Маришка отправилась налаживать на компьютере музыку. Ярик собрал в комнате все табуреты. Василий придиванился.

– Во, рыба на столе уже, пива вот пока нету, – окинул Ярик беглым взглядом поляну. – Так что, Василий, пей пока без рыбы!

– Где уже наша музыка? – поинтересовалась Ноннка. – Лиз, помоги ей что ли.

Так за будущей музыкой пропали обе. Ни у той, ни у другой дома не было компьютера, поэтому секреты яриковской шайтан-машины открывались им медленно. Музыка так и не появилась, но появились хи-хи. Наконец, к ним подошли Ярик и Ноннка, она как раз разобралась со столом.

– Красавица-ди-джейша! Что-то тиховато. Вы не находите? – обратилась Ноннка к Маришке.

– Да вот, уже сейчас, почти, и все скоро будет, – не сдерживая смеха, ответила та.

– У нее это «уже сейчас» уже двадцать с лишним минут, – добавила Лизон.

– Все с вами, девочки, ясно. Правило чайника, я вижу, никто не применял.

– Это о том, как вскипятить пустой, а потом полный чайник? – уточнил Ярик.

– Нет. Это задача чайника, дорогой. А я говорю про правило чайника.

– Я не знаю ни того, ни другого, – призналась Маришка. – Все исключительно на интуиции!

– Как так не знаешь? Как же ты пользуешься чайником? – переигрывая ужас, закипишилась Ноннка. – Правило чайника! Его же всем нужно знать.

– Я так понимаю, тебе не терпится его рассказать! Диктуй! Я, типа, записываю, – отрезала Маришка. – Надеюсь, оно простое.

– Такое же простое, как и сам чайник.

Заметив, что вся активность сместилась к окну и там обсуждается что-то потенциально интересное, Василий оставил диван и втиснулся в круг у компьютера.

– Про какие это вы тут правила? – бодренько вставился он.

– Его же нужно просто включить или зажечь? – попыталась угадать Лизон.

– Может и просто. Но... – Ноннка сделала многозначительную паузу. – Маришка пиши: если воду в чайник не налить, то она в нем и не вскипит. Собственно и все правило!

– У меня какое-то странное чувство, – медленно полупешепотом проговорила Маришка, – что это почти очевидно! – при этом она усиленно делала вид, что услышанное для нее, это какая-то новая великая тайна.

– То-то и оно-то, что музыки-то нету? – закончила Ноннка

– Да мы вон включаем одну песню, другую, а она молчит. Даже громкость уже нашли.

– Подсказка: чайник закипит быстрее, если его включить в розетку. Это для частного, конечно, случая электрического чайника.

– Ты у нас, конечно, умная. Даже вон правило чайника знаешь, – ответила Маришка.

– Что поделать, есть немного, – кокетливо сказала Ноннка. – А кнопочку вон ту на колонке все-таки нажмите.

Заорала музыка.

– Вот, вот видишь, я же говорила, я правильно громкость нашла, – перекрикивая, музыку голосила Маришка. Она была искренне рада тому, что она хотя бы что-то нашла сама, но совершенно забыла, что они вдвоем с Лизкой не догадались просто включить колонки.

– Давай рули ее обратно, – зашумел Ярик, – сейчас соседи сбегутся.

Пока Лизон с Маришкой выхватывали друг у друга мыш-

ку, чтоб убавить громкость, Нонна отрубила колонки обратно.

– Лиз, ну я еще могу понять, что у Маришки мозги замерзли, она не сообразила. Ну, ты-то, подумала бы логически? – улыбнулась Ноннка Лизке.

– А я не успела. Она мне то одно расскажет, то другое, – ответила Лизон. – Было над чем подумать.

– Тогда понятно, почему вы так долго, – улыбнулась Ноннка. – Громкость они искали, – с иронией произнесла она.

– Эй, алле, – возмутилась Маришка на Ноннкин выпад, – че это у меня мозги-то замерзли?

– Как че? Ветер же дует, – ответила Ноннка, и они с Лизкой засмеялись. – Ну не обижайся, Мариш. Зато свежий воздух!

– Я не обижаюсь, – отвела она в сторону глаза.

– Ты же у нас не обидчивая? – проникнув в поле зрения Маришки, поинтересовалась Нонна.

– Конечно, нет! Я отходчивая, – брызнула Маришка.

– Ох, и тонкое это дело, не обижаться, а потом еще и отходить! – выдохнула Ноннка.

Теперь брызнули все трое, но теперь смехом.

– О, блаженны слышащие! – возгласил Авдей, войдя в комнату. Он ходил встречать остальных. – Включите же эти чудные звуки обратно!

Он всплеснул руками присущими только ему угловато-пластичными жестами. По его неповторимым движениям

ям его всегда легко можно было узнать даже со спины, даже просто по манере ходить.

«Новенькие» ввалились в комнату. В том числе Таша, Тамилка, Киоск. Последнего на самом деле звали Матвеем; кличку он получил из-за того, что всегда приходил в универ как минимум с одной газетой. Через несколько минут, справившись с двойными входными дверями и собрав рассыпавшийся пакет, вошел и Егор. Как всегда последний, но с самыми большими мешками.

– Не, главное с улицы и на лестнице их было слышно с берушами в ушах, а когда мы здесь, они все заглушили. Ну, как знаете. Тогда мы идем обратно. – При этом Егор поднял руку с полупрозрачным пакетом.

– Ого, Егор! Не, не, не. Сюда! Щас все будет!

Ярик кинулся отбирать сумки у Егора. Он увидел у Матвея в руке сверток газет.

– Авдей, смари, Киоск, блин! Без газет не может! – подцепил Ярик Матвея и похлопав его по плечу добавил:

– Сегодня же нету лекций! Тебе некогда будет их читать!

– Сегодня я газеты по назначению применил. Нужно смотреть не то, что в них написано, а то, что в них завернуто! – Отшутился Матвей.

Пришли не все. У одних не получилось, других так и не смогли вызвонить. Но едва ли это отразилось на запланированном мероприятии: чешуя летела, сухосъедобности хрустели, пиво шипело, музыка орала...

Прооралась.

Ярик, Авдей и Маришка пошли курнуть. Киоск включил Таше Интернет и тоже пошел курить, Егор разогревал гитару с подсевшим рядом Василием. Остальные оказались, где получилось. Лизон с Тамилкой и Ноннкой слегка разгребали на столе, перешептываясь по ходу дела.

– Тамил, а мне показалось или как? Ты с Митькой что ли закружилась? – спросила Ноннка.

– Я чет не поняла, девочки, вопроса. У вас какой-то практический интерес?

– Что ты? Исключительно женское любопытство, – хихикая, шепотом ответила Лизка.

– Вы мне-то про женское любопытство не рассказывайте. Я не понаслышке о нем знаю. Предупреждаю сразу, волосы повырываю с глазами, – вроде тоже шутя, но на полном серьезе призналась Тамилка.

– Ааа. Ну, вот и раскололась, – обрадовалась результативному расследованию Лизка. – И давно вы уже?

– Да как давно? Всего-то немного.

– Че, еще даже ни ни?

– Дура что ли? – чуть понизила голос Тамилка. – Лишний сволок в хате!

Лизка сначала исказилась лицом, потом сообразила, что имеет в виду Тамилка. Она покосилась на диван. Егор был в глубокой нирване, прикрыв слегка глаза, что-то перебирал паукообразной манерой по струнам, периодически хватался

за колки, со стороны могло бы показаться, что просто, чтобы подержаться, и возвращался к легко узнаваемым мелодиям.

Ноннка и Лизон изобразили сообразительность. Все трое переглянулись и с мешками кульков и рыбьей чешуи отправились на кухню.

*

На кухне стоял хохот:

– Маришка, ты своими рассказами о вреде курения только подогреваешь кайф.

– От ты ж елки! – досадовала Маришка, а Авдей с Яриком ржали.

– Вот те и елки. А ты все: атмосферу загрязняем, глобальное потепление, – продолжил Ярик.

– Кстати, на счет потепления. Чет походу эт вообще реально. Кликуши кричат, мол, уже на два градуса средняя по планете поднялась, – доложил Киоск.

– Это из свежей ли газеты? – спросил Ярик.

– Обижаешь. Сам вчера печатал.

Подошли на кухню Лизон и Ноннка с мешком мусора.

– Да чухня это. Не будет потепления, – опротестовал Авдей.

– Конечно, в какой-то момент из-за влажности просто наступит оледенение, – продолжила Ноннка.

– Это она кино насмотрелась, – заметил Киоск.

– Только по-любому от этого не легче, – снова прорвалась Маришка. – А еще, уже доказано, что магнитные полюсы смещаются. И это тоже происходит, потому что мы...

– Короче! – сделала заключение Лизон, перебив Маришку. – Мы накануне эпохи, когда археологам снова будет что открывать. Слушайте, а ведь не плохо!

Услышав разгорающийся хохот, присоединился Василий.

– А то сейчас все неглубоко закопанное уже раскопали, – добавил Авдей, – трудновато становится быть археологом.

– Еще не все. Африку по большому счету только начали копать, – ответил Ярик.

– Тебе бы все в Африку. Два года тебя знаю, два года ты ей гредишь, – сказала Ноннка.

– Это он про Бармалея в детстве наслушался, – вставил Киоск.

– Ой, ну, прям, хахачу, резинка рвется, – ответил Ярик. – Хотя, Матвей, как ни смешно, а ты где-то прав.

– Где-то! Не где-то, а тута! – ответила Ноннка.

– Тута? Тута Ларсен! – схохмила Маришка.

– Тута Ларсен? Где? Здеся? – взлюбопытствовал Матвей.

– Расслабься, Киоск, – успокоила его Лизон. – Никого здесь нет. Ну, ты, Маришка додумалась, что сказать. На него ж это как заклинание действует. Ты б еще сказала Дженнифер Лопез.

– Где? – раздался Киоск еще громче.

– Ой. Тихо, тихо, – ржала Лизка.

– Тихо, – еле сдерживая смех, успокаивал его Авдей. – Это тебе показалось. Пойдем, там Егор уже, наверное, распарился, а не только разогрелся.

Попили песни, допевали пиво. Зашел в гости сосед Ванька Бублов, что сдавал эту комнату Ярику. Мужик нормальный, не пьющий без большого праздника, без дела не сидит никогда, что-то делает, суетится, несмотря на годы, конструирует, приходит по вечерам показать, посоветоваться. А иногда приходит: «Ярик, хлебца кусочек не найдется? А то так бежать в магазин не хочется».

«Все понятно, – думал Ярик и отвечал. – Да, да, Вань, конечно. Заходи, садись. Сейчас будем ужинать».

А когда у Ярика собиралось больше двух человек, Ванька всегда заходил.

«А что не зайти, если хорошая компания? И чего ж не выпить, если хорошие люди наливают? – говорил он и добавлял, как бы перекладывая вино на ребят: – Если все равно разбудили уже».

К нему все уже привыкли. Так и звали Ванькой, как он сам представлялся. Хотя мужик уже давно на пенсии был. С другой стороны, Ванька всегда заходил как бы по делу, сказать какую-то новость. Так и в этот раз. Он отвел Ярика к окну.

– Вот блин спасибо, Ваня, за известие. Спать буду крепче, – не в полной мере, конечно, осознав информацию, сказал Ярик.

– Тут уж крепче или как... Я вот и раньше не спал, а теперь и вовсе.

– Ну, пойдешь, расслабься. Ребята тебе пивка добавят. Глядишь, сегодня-то уснешь, – ответил Ярик.

– Ток, эт это, пока. Говорят только. Не железно! – добавил Ванька, усаживаясь за стол.

Ярик повернулся к окну, задумался. Потом стал перебирать фотографии, привезенные из экспедиции. В общем-то, через пару мгновений и ушел в них. Песни и разговоры ему не сильно мешали. Чуть спустя он подкрался к Авдею и Киоску.

– Слушайте, сейчас снова смотрел фотографии. Эти таблички, что мы нашли на раскопках... Я вам говорю, это вещь!

– На свете есть на самом деле две вещи: это вот та, о которой говоришь ты, и вот эта рыба. Поверь мне, она тоже вещь! – сморозил Киоск.

– Я вам серьезно говорю. Это сенсация! Это не просто случайные рисунки. Это письменность. Причем не европейская и не восточная. Вообще не понятно пока чья.

– Ооо, – затанул Авдей. – Ну, если ты подозреваешь, что это африканская, то тебя, я чувствую, сейчас накроет. Ну, ладно, берем Киоска, пойдём, посмотрим.

Они вернулись к окну, стали разглядывать, о чем-то даже спорить. А за столом всех развлекал Ванька очередными историями, собранными по окрестным переулкам. Кто не пел

песни, вынужден был слушать радио «Ваня». Справедливости ради стоит отметить, отнюдь не скучное радио, и даже с полезной информацией.

– Да это случайная мазня, Ярик, – доказывал Авдей.

– Кто тебе будет делать случайную мазню на глиняной доске? – защищался Ярик. – Причем обрати внимание на то, как сделана эта глиняная доска, и доской-то не назовешь. Лист! Причем идеально прямоугольный с обработанными краями. Плитку керамическую, сделанную с такой аккуратностью, в магазине не найдешь! И обрати внимание на прочность!

– Это детская разукрашка, – последовала очередная гипотеза.

На звуки активного разговора с экспрессивной жестикуляцией слетелся Василий.

– Блин, посмотри внимательнее. Что нужно сделать с детьми, чтобы они так разукрасили?

– Состарить лет на двадцать, – брякнул Матвей. – Не меньше!

– Вообще, конечно, не тривиально разукрашено, – задумался Авдей.

– Да, уж. Офигеть разукрашка. Ножом разукрашенная, – медленно выдавил Матвей, пытаясь придумать другое объяснение, но явно без значимых успехов.

– Может, и не ножом, но инструмент не простой, судя по всему, – добавил Авдей.

– Киоск правильно подметил, – добавил Ярик. – Кстати обрати внимание, материал на вид не свойственен региону, в котором его нашли. Это еще экспертизой будем проверять, конечно.

Ярик говорил быстро, так как был уверен в том, что он говорит, явно много передумав уже на эту тему. А вот его собеседники неохотно, но все-таки сменили свой искрометный антагонизм на вдумчивое сомнение.

– Ага, – смиряясь, но с сарказмом сказал Авдей, – и все объясняется опять, снова, как всегда и обычно шелковым путем.

Словно не слыша своих оппонентов, Ярик продолжал доказывать.

– Я тебе больше скажу. Мне кажется, я где-то что-то похожее уже видел. Не вспомню никак, где. В смысле, подобные находки уже были. Эт ладно. Вспомнится.

– Вспомнится, вспомнится. С твоей-то памятью. Пока всю перешерстишь. Это тебе не электронная библиотека: запрос – ответ, – подбодрил его Киоск.

– Точно! Завтра пойду в библиотеку! – загорелся Ярик.

– В инете посмотри. Кто щас ходит в библиотеки? – посоветовал Киоск.

*

Лизон – ранняя на сборы – начала было потихоньку соби-

раться. Под это намекливое оживление остальные тоже решили разойтись, мол, Лизон соображает в этикете, хотя все-го-то дело близилось к часу ночи.

– Ага, как обычно, – заметил Ярик, – стоит одному сняться с якоря, как все за ним.

Все, конечно, повозмущались, что приходится так рано срываться, покивали на Лизу, не прошло и часа, как все-таки бар-хата была покинута.

На улицу вышли все: кто по домам, кто провожать. На обратном пути Ярик с Ноннкой долго не могли найти дорогу домой. Даже каким-то «случайным» образом оказались в ночнике в совсем другом районе города.

3

Постепенно, секунда за секундой преобразался в информацию, просто в очередную туманность воспоминаний асан. В окно, едва пробившись локтями из-за разрезанного рельефом горизонта, уже проникал свет шикарного найвонового оттенка, переходящего в лилово-голубоватый. Свет словно исподлобья угловато попадал на потолок, где необыкновенно играл в сложной текстуре разнообразных мелких листьев, укрывавших редкие горизонтальные и поперечные балки и устилавших неглубокие ниши между ними. Цветки одних растений торжественно стягивались в бутоны, прячась от потоков света, становящихся все ярче. Бутоны иных напротив, почувствовав лиловое дыхание, насыщавшее пространство, жеманно просыпались и приветливо начинали распушаться в веера, зонты, амфоры и прочую причудливость, прекрасно понимая, что когда они раскроются, их уже никто не увидит, и в тишине и покое они будут дожидаться нового асана.

– Оо..., приветствую, Деш! Тебя ли я вижу?! – отвлекаясь от приготовления вечернего таойи, радостно воскликнул Сайкон, увидев влетевшего к нему в кабинет Деша.

– Мое Вам почтение, имилот! – улыбнулся Деш.

– Ты как всегда, насколько я понимаю, – прищурился Сайкон, – откуда-то куда-то спешишь, Деш! Ну, если забежал, присаживайся, – гостеприимно предложил он, нетерпеливо

похлопав по краю стола у ближайшего к себе стула, приглашая Деша поближе. – Ах, погоди секундочку. Побеспокою тебя. Дотянись, пожалуйста, пару вот тех листочков достань. Для аромата! – попросил Сайкон.

– Сегодня уже просто откуда-то! Но к Вам! Спешить куда-то уже поздно, – ответил Деш, передавая Сайкону горстку листьев и потянувшись, чтобы достать еще немного других.

– Да, да. Вот тех с самого верха, что посветлее. Высоко! – понимающе заметил Сайкон, глядя на Деша. – Еще не успели отрасти, как следует, после последнего набега нашего садовника. Поэтому тебя и прошу.

– Ничего. Мне не сложно.

– Не видел, кажется, тебя с тех самых пор, как ты блестяще выдержал отчет за годы обучения. Только звонки, звонки... А забежать и лично выразить свое почтение почтенному имилоту... – переходя в легкий смех, продолжил Сайкон, подчеркивая специальность нагромождения слов.

Деш тоже засмеялся, и ответил:

– Целиком и безраздельно на проекте.

– Именно! Сколько тебя знаю, ты все время в каком-то проекте. Как раз по этому поводу я тебя и позвал, Деш. Уже, знаешь, как-то хочется узнать подробности из первых рук. Могу я, как самый почтенный из твоих имилотов, иметь такую привилегию? – заговорщицки улыбнувшись, поинтересовался Сайкон.

– Безусловно! – в том же духе ответил Деш.

– Расскажи-ка мне о принципах, с которыми ты сейчас работаешь? Как я помню их два. Второй ты все-таки запустил?

– Да, имилот. С двумя. Наиболее близки к результатам мы сейчас с химио-электрическим.

– Угу, угу, этот я вроде хорошо помню, еще с тех пор, как ты его запускал. И не только я помню! Благодаря обнародованию, о нем знают уже весьма многие. О нем я хочу поговорить особенно детально. Давай-ка сначала вкратце о втором?

– Второй? Второй – это только концепт. Пока интересен чисто с фундаментальной точки зрения, хотя может оказаться на самом деле феноменальным. Возможности реального применения в чистом виде не однозначны, однако есть кое-какие идеи. Основное предполагаемое использование в будущих более сложных принципах, возможно, как модуль или даже часть модуля.

– У нас было много любопытнейших фундаментальных разработок, которые мы на протяжении всего проекта не знали, возможно ли будет их применение. Да и потом так никто и не смог придумать, что с ними делать. А в твоем случае... Если уже есть такие предположения, значит, на самом деле его можно будет использовать много шире. Не сомневайся!

– Возможно.

– Так все-таки вкратце об основных идеях принципа... – еще раз Сайкон предложил перейти ближе к вопросу.

– Мы изучаем кристаллиты. Давно не секрет, что в наших условиях, в которых мы существуем, а это известные притя-

жение, атмосфера, давление, температура, химический состав, магнитный, электрический, – продолжал скороговоркой Деш, – информационный, стирадный, радиационный фоны, кристаллиты на самом деле уже являются мертвыми телами. Но они были живы, когда росли и формировались. В тех своих условиях. Условия различны для разных видов и, как правило, в природе кратковременны. Относительно, конечно.

Сейчас мы выращиваем несколько популяций. На одном носителе, прошу заметить! Да. Некоторые могут существовать при одних условиях. Уже более трехсот поколений. Они растут, борются за выживание, за территорию. Предварительное заключение пока можно выразить формулировкой, что они, более того, общаются.

– Общаются? Значит, передают информацию. Наверное, и накапливают!?

– Вот именно! Поэтому то, что мы используем кристаллиты как носители информации, то есть используем их свойство хранить данные, не случайно. Но получается, что технология хранения информации может быть другой, не только такой, как сегодня.

– Естественной для кристаллитов, ты хочешь сказать! А наша сегодняшняя, получается, противоестественная.

– Точно так, имилот. Но еще интереснее то, что объемом хранимой информации можно управлять, так как кристаллит может продолжить расти. Нужно только создать условия. По-

нимаете, что получается? Если мы встроим эту технологию в принцип, то экземпляр самостоятельно сможет наращивать объем своей памяти. Это практически неограниченный искусственный интеллект.

Имилот Сайкон напряг седину. Ведь проблемы эффективной памяти уже давно стоят перед учеными. Но большей сложностью всегда была именно ее ограниченность.

В легкой задумчивости Сайкон продолжил.

– Тогда придется иметь на борту экземпляра запас исходного сырья для наращивания памяти.

– Не обязательно. Экземпляр сможет и сам найти себе его. Если, конечно, он подвижен. В противном случае, ему можно помочь.

– Насколько я понимаю, эти данные пока не обнародовались, – заговорщицки поинтересовался Сайкон.

– Пока нет, – подтвердил Деш.

– Очень любопытно. Очень! – задумчиво протянул Сайкон, после чего внезапно изменил ход мысли: – Лучше бы мы вместо десятка различных способов хранения данных разработали эффективный тоновый модуль.

– Мечта многих поколений! – поддержал имилота Деш. – Информация в тоне отпечатывается сама. В него лишь нужно вникнуть.

– А мы никак не можем симитировать даже частично собственные способности! – почти даже возмутился Сайкон из-за бессилия науки. – А хотелось бы их превзойти!

– Может, кто-то уже и на пороге такого открытия, имилот. Только пока не обнародовали данные. Мы ведь тоже работаем над таким модулем. Результаты пока только скромные.

– Ладно. Мы отвлеклись, – закруглил мысль Сайкон. – Мы обязательно поговорим еще об этом и о твоём принципе. Позже. Сейчас вернемся, пожалуй, к первому. Он очевидно более перспективный. Хотя... – задумался Сайкон. – Ну, как минимум, слышал, экспериментальная часть первого ближе к финалу. Правильно? Давай о них. Что там с близкими результатами?

– Да, имилот, это так. Еще несколько обиоров и можно будет делать предварительные выводы.

– Вот уже как? Любопытно. Я правильно помню, ты начал всего пару циклонов назад? И буквально полциклона назад ты был полон скепсиса по поводу перспектив?

– Это немного странно, имилот, но несколько обиоров подряд я наблюдаю скачкообразное развитие, особенно последний обиор. Просто невероятно!

– Хм. Такое редко бывает. И когда ты ожидаешь собрать данные?

– Через два, три обиора, полагаю, уже можно будет говорить даже о промышленном потенциале этого принципа. Однако, больше всего меня волнует другое. Появились признаки возможного авторазрушения. Оно тоже уже может случиться даже через пару обиоров.

– Проблемы с носителем или с принципом?

– Нет, носитель довольно устойчив. Да и у него достаточный запас прочности. Даже в случае появления дисбаланса, или даже в случае схода с режима, носитель способен стабилизировать себя самостоятельно. Хотя возможно и в несколько другом соотношении. Но для сохранения принципа это не страшно. Он тоже способен восстановиться. Это может всего лишь временно затормозить развитие. Волнует больше поведение самого принципа.

– Но, полагаю, ты пока не вмешиваешься? И твои коллеги поступают так же?

– Конечно, нет. Возможности управления мы отладили на малых носителях. Здесь же интереснее выяснить предел. Нам всем интересно именно это.

– Ну, и замечательно. Даже если авторазрушение случится, тебе уже будет достаточно данных, для того, чтобы сделать все необходимые выводы.

Тут вот, кстати, – вспомнил Сайкон, – есть еще одно дельце. Приблизительно через четыре обзора планируется созыв нового лигата. Тебе там обязательно нужно будет выступить с новым обнародованием. Так что предварительные результаты появятся как раз кстати.

– Отлично! Уверен, будет, о чем рассказать!

– Отлично – не то слово, Деш! Я тебе скажу больше. Тебя ждет широкий выбор. Если твоя квалификационная работа тянет на внедрение, то за тебя будут драться ведущие глобатиаты всех линий. Я чувствую, что университетским стенам

ты не достанешься. Разве, что только в качестве приглашенного имилота.

– Вы, как обычно, все преувеличиваете. Только глобатиатам возможно и не придется поучаствовать во внедрении этого принципа.

– Вон оно что!? Снова удивляешь! Любишь ты это делать!

– Те то, что бы так уж люблю... – возразил Деш. – Просто Вы все время удивляетесь?

– И все-таки ты тоже, как обычно, все недооцениваешь. Но это еще не все, что я хотел сказать. Как ты знаешь, подобными исследованиями занимаются очень многие. И из пятой линии, и из восьмой, и есть несколько университетов из десятых. Так наши коллеги из шестнадцатой линии вчера передали мне такую информацию: они очень заинтересовались нашим, твоим то есть, принципом. Но у них тоже есть весьма устойчивый принцип. Они хотели бы объединить наши эксперименты.

– Почему нет?!

– Я тоже полагаю, что это даже заманчиво! Твой принцип, Деш, уже определил границы носителя?

– О, нет, имилот. Они еще довольно далеки от этого.

– Шестнадцатая линия так же не определила, но утверждают, что близка. Тогда мы можем спокойно объединить два носителя.

– Только если они совместимы.

– Деш, ну, ты же знаешь, что этот вопрос почти всегда

решаем. Не работает один способ, воспользуемся другим.

– Или несколькими сразу, – добавил с улыбкой Деш.

– Точно! И принципам будет больше возможностей.

Шестнадцатая линия запускала эксперимент со своим принципом, конечно, раньше тебя, но вроде использовали один из последних носителей того времени. Так что совместим их как-нибудь.

– Был бы только сам принцип готов к открытию наших методов совмещения, – улыбнулся Деш.

– А твои вообще интересуются границами носителя?

– Не все, но глобально, да. Мне кажется, через несколько обидов они это смогут сделать, – ответил Деш и продолжил с иронией, имея в виду сегодняшний разговор об авторазрушении, – если они, конечно, просуществуют до этого.

Впрочем, произнеся это, Дешу самому стало несколько грустно, от такой иронии.

– Тогда, полагаю, допустить авторазрушение – это не в наших целях?

– Естественно, имилот!

– Кстати, еще о глобатиатах. К твоему принципу уже приглядываются глобатиаты из двух линий. Мы где-то на различных лигатах пересекались и общались. А это значит, что твой принцип весьма функционален с их точки зрения. А ты не запускал его на параллельных носителях?

– Только на очень малых, для отладки управления.

– Как это пережил основной носитель?

– В целом безболезненно. Но, судя по всему, на основном носителе это как-то отпечталось. Иногда у них возникают домыслы эту тему. Позже разберемся.

– Они близки к объяснению?

– Нет. Эта идея пока остается необоснованной. Ничего доказать они не в состоянии. Впрочем, как и опровергнуть. Все на уровне схоластических догадок, гипотез и веры. Вера, кстати, – любопытнейший феномен принципа.

– Вера? Что это такое?

– Это они сами так называют свой феномен. Объяснение его может затянуться, – с улыбкой предупредил Деш. – Мы сами пока до конца не понимаем, на чем он технически основан. По идее, этого не должно было бы быть. Но оно не мешает. А скорее наоборот.

– Тогда давай не сейчас. Ты знаешь, сегодня я, к сожалению, уже должен спешить. Тебе стоило бы зайти ко мне пораньше. У тебя найдется время завтра? Я бы встретился с тобой. Расскажешь мне про эту веру и то, как ты собираешься обойтись без глобатиатов поподробнее. Я догадываюсь, о чем идет речь, просто любопытны детали. А пока можешь обдумать объединение. Если ты согласишься, то придется отдать на объединенный эксперимент твой основной носитель, судя по всему.

– Подумаю, имилот. А Вы, я смотрю, все экспериментируете с флорой? – Деш обвел взглядом помещение и потолок.

– Нет, милый друг. Это ты просто так давно не был у ме-

ня в кабинете, что уже не можешь заметить, что здесь ничего не изменилось, – засмеялся Сайкон. – Хотя... может, зрители что-то мне сюда и подселили. – Он тоже окинул пристальным взглядом кабинет. – Впрочем, я что-то ничего особого не замечаю.

*

Они попрощались, но пути домой не были бы путями домой, если бы всегда были самыми короткими. Деш еще наврался на префера университета. Имилот Вейтел пригласил Деша к себе в кабинет, где так же за чашкой таойи они тоже обсудили дела принципа. Вейтел, так же как и Сайкон, был горд достижениями своего университета, что было заметно даже визуально. Для университета это, не нужно долго догадываться, очередной репутационный скачок – то единственное, что способно расширить возможности университета.

*

После Деш все-таки поспешил к себе. Вернулся довольно поздно. Хотелось уже просто отдохнуть. Темнота, пускай и не кромешная, утомляет. А яркий свет настойчиво клонил ко сну. Дома все уже спали. Деш старался парить, чтобы никого не разбудить. Расположившись на террасе, он быстро уснул.

Деш всегда подхватывался рано, как только света становилось даже приборам едва заметно меньше. Остальные пробуждались позже, когда уже начинались сумерки, и воздух пропитывался найвоновым светом Асаны.

Когда Лаина, распустив ниже пояса волосы, спустилась с верхней террасы вниз, на столе уже было накрыто, и Деш собирал паисы с плетей, кое-где свисавших с потолка.

– Ммм, Майол и Фиея с удовольствием закусят паисами.

Привет милый, – сказала Лаина, войдя в комнату.

– Привет, милая! – ответил Деш. – Отдохнула?

– О, да. Даже не заметила, когда ты вернулся. А где дети?

– Уже вылетели во двор. Обещали ненадолго. Я им сказал, что скоро завтрак.

– Не сидится им!

– Они еще малыши. Потому и не сидят на месте. Как хорошо, что они в эти выходные с нами, – он улыбнулся Лаине.

– Подрастут, и мы сможем их забирать на выходные не только, когда мы здесь на Калипре. Я так хочу, чтобы мы вместе провели какое-то время у меня на Препрее. Там очень красиво. Здесь дети этого не увидят. А там в холодные обиоры бывают такие чудесные озера! В течение половины сиклона туда очень просто добираться. А пять обиоров в сиклоне это совсем близко, и мы могли бы все даже жить там.

Не только ты и Майол. Ты мог бы взять с собой и Фиею, и Титуу.

– Обязательно так сделаем, как дети подрастут. Только мне придется хорошо стараться, чтобы мы были именно все. Сегодня, вот, не получится.

– Значит, мне не показалось. Я и смотрю, торопишься уже? Снова к Сайкону? Вчера ты к нему пошел уже поздно-вато. Наверняка вы все вопросы не успели решить.

– Наоборот. Сегодня он ко мне. Я уже с ним связался, пригласил его в нашу лабораторию. Посмотрим и заодно решим все вопросы. Мне с ним нужно посоветоваться. И я хочу, чтобы он все увидел сам.

– Ну, он же может сам вникнуть в нужную информацию. Не обязательно идти в лабораторию.

– Может. Но вникнуть и увидеть, все же не одно и то же и требует разных усилий. Он сказал, что с удовольствием посетит лабораторию. Думаю, что он даже ждал этого приглашения. Хотя вполне мог бы прийти и без него в любое время.

Влетели, наконец, дети.

– Как раз вовремя, – сказал Деш. – Давайте за стол. Мне придется ненадолго уйти, – Деш увидел погрузневшие глаза Майола и вынужденно уточнил, – я постараюсь не долго. А вечером, как договаривались, мы полетим во Внешний парк. Вы увидите вечернюю зарю.

– А мы в педагогуме тоже ходили в парк и смотрели зарю, – воскликнула Фиея.

– Это хорошо, – ответил ей Деш. – В какой парк вы ходили?

– В парк Непада.

– О! Там тоже очень красивая заря. Но вы не видели зарю во Внешнем парке.

– Она в самом деле необыкновенно красива! – подключилась Лаина.

– Вы увидите, как Сиклан восходит над горизонтом высоко, высоко. И ее свету не будет мешать ни Канис, ни Танкура. В небе не будет ничего.

– Только ариядовый свет, – продолжила, одновременно погружившись в воспоминания своего первого визита во Внешний парк, Лаина. – Такой яркий! Такой чистый!

В лаборатории Деш засветился не то, чтобы поздно, но некоторые его хотели бы увидеть раньше. Сайкон был уже там.

– Осматриваете наше детище, имилот? – спросил Деш, приблизившись к нему. – Мои почтения!

– И мои, Деш, – ответит Сайкон. – Вот смотрю. Удивляюсь. Скоро подобные эксперименты можно будет делать в тумбочке. Какими компактными стали носители!

– На мой взгляд, вполне обычные.

– Это на твой, – засмеялся Сайкон. – Ты не застал пер-

вых. Тогда мы их размещали на орбите. Представляешь себе масштабы? И возможности ежедневно их вот так наблюдать не было. Приходилось довольствоваться информационным тоном, вникать, знаешь ли. Пристализаторы тоже появились позже.

– Да, – согласился Деш. – Это не совсем то же самое, что непосредственно видеть.

– Ты удивишься, когда увидишь носитель эксперимента университета Санкь шестнадцатой линии. Гораздо больше нашего. У них в сегодняшнем арияде по-нашему времени, кстати, произошло ч.п.

– Вы серьезно? Надеюсь, без последствий?

– Пока мало что известно, надо было поискать, но зачем?

Если вроде все нормализовалось. Принцип цел.

– Я встречался со студентами оттуда на прошлом лигате. Мне они понравились! Молодцы! У них это серьезный эксперимент, фундаментальная работа.

– Серьезнее твоей?

– Это не мне сравнивать, имилот. Но они точно знают, что делают. Так что закономерно, что они справились.

– Были бы молодцы, если бы не было сбоя. Это именно они, кстати, желают объединиться с твоим принципом. Ты подумал об этом?

– Подумал. Тут собственно и думать нечего. До лигата мы получим нужные результаты. А потом... Объединение с кем-то – это самая лучшая перспектива исследований.

– Не считая внедрения! – уточнил Сайкон.

– Безусловно! – согласился Деш. – Бесконечно наблюдать за самим принципом не слишком интересно. Тем более, что экземпляры непосредственно с рабочего носителя для внедрения не подойдут.

– Ага, если не ошибаюсь, ты вчера намекал об обратном. Мол, можешь обойтись и без глобатиатов. А сегодня говоришь, что эти экземпляры не годятся.

– Да, я говорил об этом. Эти экземпляры напрямую использовать нельзя. Будут другие, на отдельном носителе.

– То есть, правильно я понимаю. Репликация принципа осуществляется успешно, со стабильным результатом?

– Именно, имилот!

– Потрясающий результат!

– А вот тут я могу Вам сказать, что «это на Ваш взгляд». А на мой взгляд ничего сверхъестественного. Репликацию удалось получить не только нам. Просто все процессы хорошо отлажены и, что очень важно, четко согласованы.

– Скорость химических процессов в разных условиях различна. Сколько их не согласовывай, все равно вероятность их рассогласования неприемлемо велика. А твой принцип ведь химический.

– Химио-электрический. Но мы внедрили еще одно ноу-хау. Автоматическая система согласования процессов.

– Припоминаю что-то такое, ты раньше уже говорил, что разрабатываешь какую-то систему. Ты ей еще название при-

думал такое, незапоминающееся.

– Мы назвали ее системой ликвидной регуляции. Имилот Сайкон, я хотел с Вами проконсультроваться еще по одному вопросу. Вчера я Вам сказал, что за последние несколько оборотов мы наблюдаем существенный скачок в развитии.

– Было такое дело! Помню. Пока я тебя ждал, я просмотрел журналы. Действительно так. Закономерное явление. Опыт, приобретенный в предыдущих периодах, стимулирует развитие в последующих. Это экспоненциальный рост.

– Именно, имилот!

– Так о чем ты хотел спросить?

– Мы пять конжонов назад собирались всей командой, и пришли к выводу, что есть смысл понизить плотность времени. Это, конечно, увеличит время эксперимента. Но мы в проектное время все-таки должны уложиться.

– Ну, допустим, уложите. А цель? Что вам даст понижение плотности времени?

– Как минимум, это позволит более детально анализировать развитие принципа. В случае необходимости у нас будет больше времени, чтобы успеть вмешаться с процесс и нивелировать последствия.

– В общем, логично. В условиях экспоненциального прогресса... – задумчиво произнес Сайкон. – Да и потом. Принцип университета Санкь наверняка существует в условиях времени с меньшей плотностью, чем наш. Так или иначе, их

придется выравнивать. На сколько вы хотите понизить?

– Предварительно в шесть-десять раз.

– Серьезно! Ну, попробуйте. Только аккуратно.

– Спасибо за поддержку, имилот.

– Напоминаю о сбоях у Санковского принципа. Постарайтесь не допустить этого, – с улыбкой произнес Сайкон.

– Все будет хорошо!

– Когда планируете осуществить понижение плотности?

– Да не раньше, чем через обиор, полагаю. Мы еще даже не продумывали, как это сделать.

– А можно подумать у вас много вариантов!

– Не много. Скорее всего, будем откачивать пространство с носителя.

– Так. Раз решено понижать плотность времени, то не теряйте его. Через три конжона жду тебя у себя с подробным планом мероприятия, картой носителя, точками приложения и объемами изымаемого пространства. Посмотрим вместе. Прошу не забыть так же о лигате. Тебе к нему нужно будет хорошо подготовиться. Так что, рекомендую не затягивать с намеченными планами.

– Здесь еще вот такое дело, имилот. Какое-то время я смогу заниматься проектом категорически строго по регламенту. Думаю, что как раз это потребуется после лигата, – Деш говорил, еле сдерживая улыбку радости.

– Хорошо, – одобрительно произнес Сайкон, поняв, что имеет в виду Деш. – После лигата, думаю, ты сможешь поз-

волить себе такую роскошь, как работа не более, чем по регламенту. Не вздумай провалить его.

– Безусловно, я не допущу этого!

– Вот это правильный настрой. Ладно. Передавай привет от меня Титусе.

– Титуса сейчас на двенадцатой линии, очень далеко, – Деш снова улыбнулся. – Мы снова вместе с Лаиной.

Сайкон с легким удивлением посмотрел на Деша.

– Отлично! Пусть так. Тогда привет Лаине. Она тоже молодчина! Впрочем, Титусе при случае тоже передавай привет, – добавил он.

Деш освободился не поздно, как и обещал Майолу, и поспешил домой. Дети и Лаина ждали его. Не теряя времени, они все вместе отправились в большой порт. Дети еще ни разу здесь не были, и они с интересом сверкали глазами по сторонам. В асановых сумерках было хорошо видно, как гоны один за другим подобно фейерверкам разлетались в разные стороны по направляющим линиям света, рассеиваясь от направляющих по мере удаления.

– Смотрите, Майол, Фиея, – сказала Лаина детям, – вот по той лиловой направляющей улетают гоны ко мне на Препрею. Мы с вами обязательно когда-нибудь там побываем.

– А это далеко? Дальше, чем до Калипра? – спросила Фи-

ея.

– Как тебе объяснить? – попыталась все-таки ответить Лайна. – Иногда это очень далеко. Гораздо дальше Калипра. Но мы туда отправимся, когда это будет совсем близко.

– Совсем близко? Как в педагогиум? – Фиея не знала, что такое Препрея, где это. И что такое совсем близко в данном случае.

– Конечно, дальше, чем до педагогиума и Внешнего парка, куда мы полетим сегодня, и даже Калипра. Но мы и полетим туда быстрее. Так что вы даже не успеете начать скучать.

– А сегодня мы полетим по лиловой полоске? – спросил Майол, заморожено разглядывая световые направляющие.

– Сегодня мы полетим по желтой. Если нужно лететь не далеко, то это всегда по желтой полоске, – ответил Деш, видя, как впечатлен сын. – Когда мы будем взлетать, тебе тоже понравится. Старты с высоты выглядят очень красиво.

Было довольно много пассажиров. И не меньше было служников, носивших багаж. Они были такими разными, но это никого не удивляло, даже Фиею и Майола, которые, наверняка, раньше многих из них еще не видели. В большинстве своем служники были не слишком уклужими и, видимо, несообразительными, потому что хозяевам приходилось периодически их направлять в правильную сторону. Сами же пассажиры большого багажа не носили. Они просто шли и разговаривали с детьми или между собой, а дети вели на веревочках свои игрушки, бегающие, на колесиках, летающие,

мигающие, жужжащие... Разных игрушек было не меньше, чем разных служников.

– Папа, я тоже хочу такую игрушку, – сказала Фиея, увидев у одного мальчика замечательную крошку, семенящую на трех тонких ножках.

– Симпатичная малютка, – ответил Деш. – Хорошо, мы найдем тебе такую. И ты тоже будешь вести ее на веревочке.

– А когда?

– Ну, не сегодня, деточка. Мы поищем, найдем такую, которая тебе понравится. Теперь идем. А то если мы будем так долго смотреть по сторонам, то можем не успеть на вечернюю зарю.

Они поспешили на старты. Очередной гон уже набирал пассажиров. Ждать отправления осталось совсем не много. Они заняли места так, чтобы дети могли посмотреть на старты во время взлета.

Фиея просто не отлипала н руками, ни глазами от панорамного окна, так она была поражена зрелищем, которое видела впервые в жизни. Теперь она не просто видела фейерверк. Теперь она была частью этого фейерверка. Другие гоны мчались вслед за ними, некоторые даже быстрее них. Прочие наоборот проносились в обратном направлении и терялись в сгущающихся огнях, символизирующих возвращение. По мере удаления пространство вокруг гона, теряя рассеянный свет стациона, становилось как будто гуще, растворив в себе остаточные очертания очага жизни. Одновременно оно на-

чинало терять найвоновый оттенок, что намекало на назревающую зарю.

– Смотрите, смотрите, Фиея, Майол, – внезапно и радостно обратил внимание детей Деш, указывая вниз и немного вперед по ходу гона, – начинаются настоящие сиклановые леса.

– Ааа... Настоящие сиклановые леса! – восторженно произнесла Фиея и мигом встроилась в окно, пытаясь разглядеть то, о чем сказал отец.

Майол тоже повернулся к окну и стал всматриваться в долговязые нечеткие силуэты, которые не то свисали в открытое пространство, не то стояли шпильями вверх вдали, под их гоном. А некоторые были такими большими, что их макушки оказывались высоко над гоном. Но леса, на самом деле, пока выглядели не так эффектно, как должны были бы выглядеть, судя по интонации Деша.

– Ура! Сиклановые леса, – не унималась в восторгах Фиея. – Деш, а почему они сиклановые? – спросила она.

– Просто они растут на стороне, которая сильнее всего освещается Сикланом.

Майол, однако, был постарше Фиеи и не поддался ее настроению, тем более что леса выглядели, по его мнению, не очень взрачно. Кроме того, он вспомнил про сиклановый парк у них в педагогиуме.

– А почему они настоящие? – спросил он. – У нас в педагогиуме тоже есть сиклановый парк. Он не настоящий?

– Разумеется он настоящий. Просто у нас не так много света Сиклана. Поэтому все растения немного не такие как здесь. Посмотри, какие они высокие!

– Кажется, высокие. Только плохо видно.

– Да. Сейчас еще плохо видно, потому что асан еще только, только заканчивается. А вот на обратном пути, их будет видно очень хорошо.

Их непродолжительный полет уже почти завершился.

– А вон, посмотрите, вдаль. Видите? Там тоже старты, – сказала Лаина.

Дети вгляделись вдаль. Там действительно прямо из глубины лесов бил фонтан из покидавших и возвращавшихся в местный стацион гонов. Только световые направляющие выводили их более узким потоком высоко вверх. И только там, они рассеивались брызгами в разные стороны.

– А с другой стороны еще один, совсем рядом, – добавил Деш. – Скоро уже и наш стацион.

– А почему, почему...? – у Фиеи был вопрос, но она не знала, как его лучше задать, какими словами.

– Что почему? – спросил Деш.

– Почему... – так и не сообразив со словами, она решила задать вопрос жестами, – мы взлетали вот так, – она попыталась изобразить подобие фейерверка или цветка с лепестками в разные стороны, разведя руки, – а они вот так? – теперь Фиея изобразила узкий длинный предмет с метелкой наверху.

– У нас нет высоких деревьев. Поэтому можно взлетать в разные стороны, – ответил Деш. – А здесь растения очень высокие. Гоны, когда взлетают, летят сначала, словно по туннелю. И только над лесами они могут направиться в свою сторону.

Не успели дети насмотреться и опомниться, как они снова сами оказались частью такого же фонтана.

– Мы уже прилетели, Деш? – спросила Фиея.

– Да. Это уже наши старты. И нас внизу уже встречают.

С этими словами Деша их гон нырнул вниз, но лес под ними закончился. Под ними оказалась очень большая поляна.

– Здесь большая гора, – пояснил Деш. – На самой горе не растут большие растения. Но их много вокруг. Поэтому здесь самое лучшее место для встречи зари. Заодно мы немного отдохнем. Нам же уже нужно отдохнуть? Под таким ярким Сикланом отдохнем мы быстро. В лес спустимся позже.

А параллельным временем в университете Санкь шестнадцатой линии в лаборатории Листана настройками жонглировал полный хаос. Весь штат лаборатории был поднят на уши. Листану пришлось даже обратиться к преферу университета за помощью.

Префер, имилот Дебль, направил к Листану несколько десятков студентов со словами, что Листан всегда может рассчитывать на его помощь. Лишняя практика студентам еще никогда не лишним поводом, свалить с обычных занятий. А в данном случае это не просто надуманные практические занятия по учебнику, но практика на реальном проекте, который может как раз сейчас накрыться неудачей или в скором времени закончиться промышленным внедрением.

Имилот Дебль, однако, заметил Листану, что случившаяся неконтролируемая утечка из области носителя – это целиком результат его личной безответственности. Если носитель не удастся стабилизировать и эксперимент провалится, то этот случай останется неприятной страницей в репутации всего университета Санкь. Второй попытки университет ему не сможет предоставить. И продолжить уже можно будет только под крылом глобатиатов, если удастся с ними договориться.

Когда все закончится, Дебль просил Листана навестить се-

бя с объяснениями.

Слетевшихся студентов в лаборатории Листана равномерно размазали по всем трем уровням вокруг носителя. Их задача состояла в том, чтобы наблюдать за возмущениями в носителе и, предсказывая точки наложения возмущений, создавать компенсирующие возмущения, не допуская таки образом резонансов.

– Сектор нактоно-шесть, направление 34-леано-8, завихрение станто, – то и дело раздавалось с различными вариациями значений с разных уровней.

– Компенсируем по прехилу 18-вечи, – отзывались в ответ.

Часть команды лаборатории многозадачно вычисляла параметры компенсирующих возмущений, в соответствии с которыми действовали студенты. Друга часть команды спешно латала носитель и готовилась к восстановлению в нем оптимального давления.

Вскоре стало очевидно, что далее носитель восстановится сам. Листан, как и обещал, отправился к имилоту Деблю.

– А, вот и виновник тишины во втором корпусе университета, – сказал Дебль, увидев Листана. – Все имилоты возмущены срывом учебного процесса, мой друг.

– Это, несомненно, имилот Дебль, потеря! И даже утра-

та! – с легким ехидством ответил Листан. – Мне рассказывали, что Вы даже радовались, когда мы просили Вас перенести лекцию.

– Нет, вы посмотрите на него! Он еще позволяет себе язвить! Каков! – засмеялся Дебль. – Ну, если честно, то мне тоже кажется, что имилотов в большей степени возмутило, что ты никого из них не попросил о помощи, нежели отсутствие студентов. Ну, да это все риторика. Мне же хотелось бы услышать факты. Найдется ли у тебя парочка таких?

– Несомненно!

– Кто бы сомневался. Это же Листан! Ну, слушаю.

– Носитель все-таки у нас достаточно старый, по современным меркам. Еще четырнадцать обидов назад нужно было установить новую стабилизирующую мембрану. Превышая практически уже полностью истощилась и испарилась.

– А какого типа была мембрана? – все еще сохраняя строгость тона, уточнил Дебль.

– Уже давно везде используют чистые мембраны, – пояснил Листан, – которые рассчитаны на определенный срок, после которого истощаются и испаряются. Когда мы меняли мембрану у себя в последний раз, мы тоже установили такую. Она и так прослужила дольше положенного.

– А где новая мембрана? Почему до сих пор не установили. Наверняка даже не запланировали. Я же говорю, что это твоя безответственность.

– Не буду спорить, но уточню. Проблемы с поставками.

Мембраны изготавливают на дальних линиях, почти синхронных с нами. А мы сейчас на противоположных сторонах от Асаны. Поставщик не имеет возможности доставить их сюда.

– Я бы поверил в это пару тысяч сиклонов назад! Но теперь?! – с недоумением произнес Дебль. – Не могут доставить!

– Имилот традиционно прав, – учтиво ответил Листан. – Но, увы, это так. Во-вторых, мы уже не могли далее откладывать эксперимент с пробным присоединением другого носителя. И вот имеем, что имеем. Возможностей стабилизации не хватило.

– Студенты-то хорошо справились с подмогой? – Деблю на самом деле было интересно, что этот, Дебль никогда не скрывал своего мнения, способный с торчащими из головы в разные стороны идеями индивид, может думать о других студентах.

– Просто молодцы! Все четко, без лишних вопросов, но с пониманием дела. Даже молодежь! Всех уже отпустил.

– Ты мог бы держать их до конца асана.

– Ну, асан уже практически закончился. Все светлее и светлее. Я тоже сегодня сильно устал. Не совсем понятно, почему, – сыронизировал Листан. – Но сегодня у меня будет возможность хорошо отдохнуть. Лечу на вторую линию. У нас с ними сейчас разница больше, чем в четверть конжона. Так что отдохну, заряджусь, и полный энергии пойду на пере-

говоры. Планируем объединить наши носители!

– Аа... Так они согласились? – Дебль, казалось, просто проснулся при этой смене темы.

– Пока однозначно нет. Но, разговаривая, легче убедить или как минимум заинтересовать, чем высылая удаленные проформы. А уж если заинтересуем, то там и убеждать не придется.

– Да я думаю, что они должны быть заинтересованы в этом не меньше нашего, – предположил Дебль.

– Возможно, только для них это пока еще немного преждевременно.

– Тогда зачем мы так торопились? Рисковали с тестированием присоединения носителя при старых стабилизирующих мембранах?

– Для них преждевременно, а для нас, как бы не упустить удобный момент. Наш принцип уже на пороге открытия границ носителя.

– Понятно, – покачал головой Дебль.

– Вот как раз на встрече и договоримся о сроках. Чтобы и им не рано, и нам не поздно. Так же хотелось бы предварительно сопоставить принципы. Хочу обсудить возможность изъятия представителей. Посмотрим на малых носителях.

6

– В задницу этих депутатов, – кричал шеф в трубку своей секретарше. – Пришел он! Разбираться! Депутатский за-

прос! Почтальоны, б! – негодовал он. – У меня есть свои депутаты. А еще генералы и прокуроры!

– Какие почтальоны? – не уловив нити рассуждений шефа, сдержанно спросила, Виолетта.

– Да никакие! Депутаты эти почтальоны! Все до единого, кто приходил со своими запросами, на самом деле хотели только одного. Получить чистый, но не совсем пустой конвертик. Когда он звонил?

– Два дня назад. Я вам говорила о его звонке.

– А сегодня он чего звонит?

– Сегодня он не звонит. Он ждет в приемной, когда вы его примете.

– Так он здесь? – одновременно удивился и возмутился шеф. Но времени злиться на секретаршу, что она не предупредила его несколько раз, не было. Он начал быстро продумывать последующие шаги. – Он меня слышит?

– Конечно, нет.

– Сколько у тебя сейчас в сейфе? Стоп. Скинь мне в личку. Пригласи этого уroda ко мне.

*

В кабинет к шефу вошла известная публичная личность.

«Да, Виолетта говорила, что он звонил. Я упустил этот факт из вида, – думал Ян Константинович, присматриваясь к гостю. – Этого фраера я точно где-то видел».

– Проходите, прошу Вас. Присаживайтесь, – пригласил Ян гостя, указывая рукой на кресло у своего стола. – Минутку.

Он взял трубку и вызвал Виолетту:

– Виолетта, не забудь, пожалуйста, подготовить срочные документы. И сделай нам два кофе, будь добра.

– Кофе или, может, чай? – обратился Ян к гостю.

Тот кивнул «Кофе».

Виолетта знала, что имеет в виду шеф под срочными документами. И даже знала, что они ему понадобятся. Поэтому сразу после звонка депутата обратилась к юристам и безопасникам за сведениями и подготовила все для шефа. Сейчас она мигом отправила их шефу по электронной почте, зная, что он будет беседовать и одновременно изучать досье гостя. Кофе тоже уже ждал, когда его разольют по чашкам. Но Виолетта, не спеша, поставила кофейник на поднос и вошла в кабинет шефа.

– А вот и кофе. Так быстро! – изображая полнейшее расположение духа, сказал Ян Виолетте. – Большое спасибо, Виолетта, – продолжил шеф, когда она, словно находясь в клубе любителей кофе, наполнила чашки.

– Сахар, сливки? – обратилась она к гостю.

– Сливки и без сахара, если не сложно, – глубоко вежливо, но по-деловому ответил тот.

Виолетта взяла кувшинчик со сливками с подноса и тоненькой струйкой стала вводить их в кофе. Все ее движения теперь были очень спокойными. Она давала шефу время

успеть посмотреть документы. При этом главное было не допустить неудобной тишины, поэтому Виолетта изредка вмешивалась предложениями и легкими побрякиваниями посуды, как бы мешая шефу вести беседу.

– Наша компания всегда охотно участвует в общественных и благотворительных мероприятиях, – поддерживая разговор, продолжил Ян, лишь ненадолго бросая взгляд на собеседника.

– Рекомендую добавить в кофе корицу, – продолжила свою миссию Виолетта. – Отменный вкус. Пробовали уже? Может, попробуете?

Гость согласился. Виолетта взяла стручок корицы и небольшой нож, стала строгать пряность.

– Еще полминутки и кофе будет готов, – сказала она гостю, отложив все в сторону.

– Благодарю, – ответил тот.

Шеф кивнул Виолетте в знак того, что она может идти. Она уложила все лишнее на маленький подносик, стоявший на большом, забрала его и удалилась.

– Так чем бы мы могли помочь Вам в этот раз? Мы организовывали сцены для различных акций. Можем это сделать практически в любом месте. Мы осуществляли ремонт зданий в детских домах, когда не находилось средств у самих организаций. Когда не могли помочь делом, участвовали материально. Думаю, возможны различные варианты и кроме этих. Прошу, изложите цель вашего визита. Я про-

шу, конечно, меня извинить, если сегодня не смогу предоставить подробные предложения. Просто Вы, если не ошибаюсь, о встрече предварительно не договаривались. Что, конечно, назовем это мягко, моветон.

– Я к вам пришел не за тем, чтобы обсуждать правила светского этикета, Ян Константинович. И оставьте свои предложения себе. Пока, – начал довольно резким тоном гость...

«Гусь, – подумал Ян, пока гость излагал свою точку зрения на деление пирогов. – Но это его «пока» уже о чем-то говорит. Клиент, судя по всему, не безнадежен».

– И, наверное, у Вас имеются какие-то сведения, факты, или, может, даже доказательства, раз Вы позволяете себе упоминать прокуратуру? – Ян разговаривал, но по-прежнему продолжал поглядывать в досье клиента.

– Вы не слишком ли вызывающе себя ведете, уважаемый Ян Константинович? Ведь то, о чем я Вам говорю, и Вы это прекрасно понимаете, не пустой звук.

– Вот Вы, как Вы говорите, для примера назвали мне несколько строительных площадок, где, по Вашему мнению, найдено немислимое количество нарушений. Но на двух из них наша компания работы не вела.

– Конечно. Только вела работы некая компания, контрольный пакет в уставном капитале которой принадлежит другой солидной иностранной фирме, назовем ее скромно так. А ее деривативы выкуплены Вами.

– Последнее вовсе не говорит о том, что я контролирую деятельность компании, – парировал Ян, вчитываясь в очередную абзац досье, который показался ему очень любопытным.

– Но есть и другое мнение по этому поводу, – намекая, что об этом мнении могут узнать кое-где, пропел гость.

– Есть мнения, господин депутат! А есть факты! – надменно вполглаза произнес шеф.

– Факты, безусловно, вещь незыблемая. Но вам известно, что у каждой игры есть свои правила...

«Интересно, сколько у тебя в запасе еще таких подкатов на обстоятельства наберется», – размышлял шеф.

– И в то же время очевидно, что наряду с правилами, существует и логика, – он сделал свой ход.

– Уж не усмотрели ли вы нечто нелогичное в моих словах? – прищурил глаза и депутат.

– Ну, вам-то с высоты вашего пьедестала видно только высоту, и не видно простой логики! – Ян Константинович по-прежнему говорил не спеша, давая себе подумать и гостю понервничать.

– Вы пытаетесь увести разговор в софистику, уважаемый Ян Константинович, – наконец отрезал гость.

– А вот Вы упомянули в своей обвинительной речи ряд объектов, – поддался шеф, вернувшись к серьезному разговору. – Но почему-то не упомянули еще, например, площадку на пересечении наших любимых проспектов Мира и Ле-

нина. А объект, как мне представляется, очень сильно аналогичен упомянутым Вами.

– Это от... – депутат немного замешкался с ответом. – Это от чего же они так аналогичны? Ничего общего.

– А, то есть ими вы тоже занимались? Тогда Вам известно, что и к этим объектам мы тоже не имеем никакого отношения.

– Нет, этими объектами мы не занимались.

Господин депутат явно чем-то встревожился. Ян, конечно же, это заметил.

«Молодец, Виолетта! Прекрасное досье!» – подумал он.

– Тогда мне непонятно, отчего вы утверждаете, что у них нет ничего общего?

Встреча с депутатом закончилась пусть не полной и безоговорочной победой, но все же удалось выяснить, что общие темы для разговоров у сторон есть. То есть у клиента есть свои проблемы. А следовательно, решить его запрос можно будет без труда и, вполне возможно, без затрат. Хотя, уходя, клиент обещал вернуться.

«Посмотрим», – подумал Ян.

В течение дня и на следующий господин депутат больше не объявлялся.

«Ну, и чудненько, – думал Ян. – Тем более, что у меня

завтра все равно командировка».

– Я еду по делам в Европу? – объявил Ян жене еще за неделю до командировки.

– На сколько едешь?

– На пять дней.

– А куда?

– Во Францию.

У жены на эту новость моментально сработали инстинкты. Нужно обязательно, любыми способами прицепиться к нему. Одну он меня за границу отпускать не хочет, пусть я тогда поеду вместе с ним.

– У дочери каникулы, возьми ее собой, – и она мигом сделала вид, что эта идея не часть только что построенного ею плана, а вдруг, внезапно возникшая мысль, и что она сама удивлена, как хороша эта идея. – Слушай, – потянула она, – это же отличная идея! Покажешь ей Дисней-Лэнд! Она давно мечтает.

– Я же еду не на выходные. В Дисней-Лэнд я бы с ней сходил на выходных. Но у меня еще будет несколько рабочих дней. Не таскать же мне ее с собой на деловые встречи.

– Я легко могу решить тебе эту сложность, – улыбаясь, ответила жена.

– Ааа. Кажется, я тебя понял, – засмеялся Ян.

– Да, да, дорогой. Если я поеду с вами...

– Ну, так сразу бы и сказала! Я еду не один. Так что сделай так, чтобы ваше присутствие не мешало работе.

– Ты же знаешь, что я с этим справлюсь, – улыбнулась она.

Во Францию Ян ехал со своими начальниками отделов: юридического, проектировки, финансов и новым начальником отдела маркетинга Наумом Сергеевичем, переведенным с повышением из отдела продаж. Плюс, конечно, охрана, которую пришлось усилить, из-за жены с дочерью.

В самолете Ян с коллегами продолжали прорабатывать вопросы новой сделки. Появилась возможность взять хороший подряд. Работа может оказаться выгодной с финансовой точки зрения, это зависит от того, как договориться. Но это так же неплохой имиджевый ход, который позволил бы подконтрольной ему фирме закрепиться еще в одном сегменте европейского рынка. А это, кроме всего прочего, еще и новые связи.

Сейчас необходимо было определить минимальные условия, при которых можно было бы соглашаться на сделку. Условия просчитывались для разных вариантов, так как точные параметры проекта еще не были известны. При этом все прекрасно понимали, что половина из сделанных расчетов точно не пригодится, что станет понятно, как только будут

озвучены какие-либо детали.

Так оно и вышло. Переговоры с зарубежными партнерами шли с переменным успехом. Были моменты, когда всех все устраивало, и все были практически готовы подписывать документы. Были моменты полного взаимного непонимания.

Три дня переговоров завершились, однако, всего лишь договоренностью еще раз проработать все вопросы более детально. От Яна ждут полноценно оформленное предложение. Возможно, партнеров Яна смутила его настоятельная просьба, в третий день встречу провести в другом помещении. Просьба была несколько неожиданной, но объяснение, мол, из соображений общей безопасности, мол, есть необходимость обговорить деликатные вопросы, уговорило остальных согласиться.

Истинным же поводом к переносу встречи была личная безопасность Яна. Он знал, что на его дочернюю фирму в Испании подан иск в суд. Дело умело затягивали. Но его службе безопасности стало известно, что органы Испании, получив информацию о том, что он находится во Франции, пытаются через международные ведомства добиться его ареста.

Пока шеф вел переговоры с заказчиком, перед Наумом Сергеевичем он поставил другую задачу. Тот мотался по стране, изучая специфику рынка, спрос, вкусы, предложения, особенности менталитета и многое другое.

В третий день на переговорах не было официальных лиц. Только заинтересованные, которые знают, как на самом деле

делаются дела. Ян не случайно настаивал на разрешении вопросов с официальными лицами вчера. При них поднимать некоторые вопросы было не деликатно.

– Нам хотелось бы еще понять одну вещь, – начал щупать почву юрист Яна с любопытным именем Оказий Пантелеевич. – Мы имели возможность побывать на месте, где предполагается строительство. Там имеются жилые строения.

– Пускай фас это не беспокоит, коллеги, – ответил заместитель директора по безопасности строительной компании-будущего партнера. – Этот вопрос решаем.

– Очень хочется надеяться, что он решаем без осложнений.

– У нас если вопрос решаем, то решение обратного хода не имеет. Поэтому осложнений не будет.

– С домами понятно. А с самим решением о строительстве? Учитывая, что территория прилегает к охраняемой зоне? – уточнил Ян Константинович. – Я слышал, что зеленые уже заявляли свое неодобрение.

– Фам не хуже меня известно, как решаются такие проблемы. Если бы вопросы не решались в принципе, то мы бы не тратили свое и Фаше время на пустые разговоры. Если нужно отрезать –отрежем. Нужно засыпать коралловые рифы в Красном море – сделаем. Мы-то с Фами прекрасно понимаем, что прогресс движется вперед только по костям. И это неизбежно!

– Кроме того, – добавил еще один на вид категорически

серьезный представитель принимающей стороны, – фактический заказчик способен обеспечить принятие нужных ему решений.

– А разве фактический заказчик не...? – Ян не успел закончить вопрос.

– Имена таких заказчиков не принято озвучивать. Но можно ощущать их поддержку. Одновременно это и большая ответственность.

– Что же это за личность, кому понадобился просто мост. Мне казалось, это делается для связи населения с материком? – предположил Ян Константинович.

– Вы задаете не мало лишних вопросов. Но все же отвечу Вам. Конечно, все делается для людей. На острове, правда, смешное население. Плюс развитие турбизнеса и все такое. Это официальная версия. Но на самом деле один из членов семьи заказчика не любит вертолеты, самолеты и при этом не выносит качку. Поэтому понадобился мост. Не за свои же деньги строить! Гораздо экономнее просто протолкнуть нужные решения в бюджетах нужных уровней. Красиво со всех сторон: деньги целы, люди властями довольны, о них ведь заботятся. Но это все для нас с Вами не важно. Важно обеспечить выполнение задачи.

*

После встречи Ян сел в отдельную машину и сразу же

уехал на частный аэродром, откуда улетел домой. Уже с борта самолета, покинув воздушное пространство Евросоюза, он позвонил жене, сообщил о своем местонахождении и извинился, что в Дисней-лэнд им придется ехать самим.

– А как же мы вернемся? – перепугалась жена.

– Все нормально. Ваши билеты у охранника. Побываете в Дисней-лэнде и спокойно вернетесь. А я постараюсь сделать вам приятное, буду вас ждать.

– Приятное и редкое. Обычно мы ждем тебя, – иронично сказала жена.

– Ну, ладно. Целую. Привет дочурке.

В понедельник после поездки шеф дал задание Виолетте собрать всех, кто был с ним в поездке, на совещание к девяти тридцати. Виолетта обзвонила всех, кроме Наума Сергеевича. Его не было на месте, и мобильник тоже не отвечал.

Пытаясь все-таки найти его, она вызвонила водителя служебной машины, закрепленной за Наумом Сергеевичем. Тот оказался многословным. Даже немного слишком.

– Ждал Наума как обычно у дома полчаса. Тот не выходил и не звонил. Но потом вышла жена и остервенелым голосом прокричала, что Наума дома нет, можешь не ждать, сам знаешь, где его найти. Я объехал пару известным мне адресов, но его и там не было. Вот думаю, куда еще...

– Ничего не поняла. Какие адреса? Ты где вообще? Тебя почему еле слышно?

Из того немногого, что удалось разобрать Виолетте, она поняла, что водитель уже подъезжает к офису.

– Тогда мигом зайдешь ко мне. Понял? – скомандовала она.

Не опуская руки, Виолетта тем временем спустилась к Науму в отдел. Когда проходила через зал отдела продаж, поприветствовала коллег:

– Привет передовому отделу!

Все дружелюбно отозвались с приветствиями.

– Мы у вас теперь передовой отдел? – шутя, поинтересовался Кирилл, старший менеджер отдела

– Вы у нас всегда были передовыми! В смысле на передовой в работе с клиентами! – улыбнувшись, ответила Виолетта. – Тем более с таким старшим менеджером! Конечно, вы передовые!

– Старший-то я совсем недавно, – ответил ей в след Кирилл. Виолетта побежала дальше в отдел маркетинга.

Но там она ничего нового не выяснила. В отделе не знали, когда Наум Сергеевич будет на месте. Все думали, что, раз его еще нет, он еще в командировке. Возвращаясь обратно через зал отдела продаж, Виолетта поинтересовалась у менеджеров:

– Где ваш Наум Сергеевич? Сегодня его кто-нибудь видел?

– Он уже не наш, – ответили одни.

– Не видели, – ответил старший. – Дан, ты не видела? А-то я уходил, может, он объявлялся.

– Не, его не было, – ответила Дана.

– А что случилось? – поинтересовался старший.

– Он шефу нужен, – ответила Виолетта.

– Э-ге-ге, похоже, сегодня что-то будет, – добавила Амалия, когда Виолетта вышла.



Наум Сергеевич задерживался, и появился уже ближе к десяти. Проходя через зал продаж, он выглядел как обычно спокойным, но несколько самодовольным, хотя и задумчивым.

– Наум, привет! Тебя Виолетта спрашивала, – предупредил его Кирилл.

– А-а, я перезвоню ей сейчас, – ответил Наум и пошел дальше в свой отдел.

– Нормальненько! Две недели, как здесь не работает, а уже ни здрасьте, ни... – задето заметила Амалия.

– Ни простого «привет», даже, – продолжил Кирилл. Он тоже был несколько смущен ситуацией.

«Может, прямо утром уже что-то случилось. Мало ли», – подумал он.

– Ну, да! – добавила Дана.

– Конечно, теперь у него и служебная машина! – подметила Амалия.

– И все равно опоздал, – ответила Дана.

– Звездеть, не мешки ворочать! Как говорит наш любимый шеф, – констатировала Влада.

– Это ты, Влада, точно подметила! – согласилась Амалия.

Наум догадался позвонить Виолетте сразу. И бегом обратно. Точнее вперед к шефу.

– Ну, я ж говорила! Точно что-то будет, – укрепились в своем предположении Амалия, когда Наум промчался мимо.

«Этим дурам только семечек не хватает» – подумал Наум, уловив их говорливые взгляды.

– Как помчался! Эх, как помчался-то! – вроде и довольная, но все-таки с неглубоким сочувствием проговорила Влада.

На совещании шеф говорил, естественно, о поездке и достигнутых договоренностях. Дал поручение в пятидневный срок оформить детальное предложение с учетом всех уточненных требований.

Наум Сергеевич расторопно и суетливо проскользнул в приемную, поздоровался с Виолеттой, успел учтиво поблагодарить, что та приложила много усилий, чтобы разыскать его, и откланялся с видом, что все, уже бежит к гильотинную.

– С вашего позволения, Ян Константинович, – стараясь выглядеть спокойно и уверенно, произнес он, постучав и приоткрыв дверь.

– С какого такого еще моего позволения? – разразился шеф. – Эка Вы так лихо его себе выписали!? И на свое отсутствие на работе Вы его себе тоже сами выписали?

– Форс-мажор, Ян Константинович, больше не повторится, – уверял Наум Сергеевич.

На опоздавшего Наума Сергеевича шеф не стал тратить много времени, лишь сделал эмоциональное замечание.

Виолетта, услышав в очередной раз крылатую фразу шефа про мешки, поняла: «Ага. Вот уже и последнее предупреждение. Учитывая его недавнее назначение, оно, скорее всего, и первое. Быстрый карьерный рост! Шеф сегодня серьезно настроен!»

Шеф, однако, в этот раз выдал и новый хит:

– У нас нет должности «Звезда отдела маркетинга»! Есть «Начальник отдела»! Вы ошибались, если думали, что новая должность – это просто медаль за заслуги!

– Так тебе и надо, – с улыбкой проговорила втретьюголова Виолетта, припомнив ему «никудышную несущку». Так ее однажды назвал Наум, когда она едва не опрокинула поднос с кофе, который несла шефу, запнувшись одной ногой за другую. – Впрочем, ты сам сейчас во всем виноват. – Легкое чувство досады ей щекотнуло нервы. – Будем считать, что я сделала не все, что могла, чтобы вынуть тебя вовремя к этому совещанию, – успокоила себя Виолетта, и ей стало немного теплее от этой мысли.



Распоясался служебный телефон. Обычно после третьего звонка, если трубку не поднимали, он глух. Но в этот раз сначала удивил своей настырностью, подав голос четырежды, потом разозлил пятым звонком и все-таки вынул шестым.

– Да, Виолетта!

– Ян Константинович, – у Виолетты был встревоженный голос. Она знала, что сегодня шеф не очень в настроении, но это он увидеть должен. – Включите телевизор, пожалуйста. Сейчас. На центральном канале.

– Зачем? – возмутился шеф.

«Что за чертовщина! Сегодня даже Виолетта решила меня достать, – подумал он».

– Ян Константинович. Включите, пожалуйста, телевизор. Вам нужно это увидеть, – спокойно продолжила Виолетта.

По ее тону, шеф понял, что это она неспроста. Видимо, что-то действительно важное. Он включил телевизор.

Как раз закончилась заставка новостей, и в эфир выдали первый ролик: «Сегодня ночью в подъезде собственного дома двумя выстрелами в упор из огнестрельного оружия был убит депутат...» – начиналась новость со стандартной фразы.

Через пять минут в кабинете у шефа уже сидели начальники служб безопасности, информационного обеспечения,

внешних связей, юридического.

Потихоньку запах школьной наивности абитуриентов в стенах университета стал разбавляться деловитой опытностью студентов, вернувшихся с различных экспедиций. Кучковались в актовом зале, обсуждали, рассказывали..., хохмили.

– Тамилка, а ты зачем сегодня так рано? Удивляешь! – подкалывал Тамилу Митек.

– Это все Семеныч. Он за месяц приучил меня вставать по утрам с первыми трелями ворон. Я теперь, наверное, и на пары буду ходить вовремя, – засмеялась Тамилка.

Она сама пришла в восторг от этой возможности. Точнее от казавшейся невероятности этого. Но сегодняшний день был фактом, говорящим за себя.

*

Вероятность встречи в универских кулуарах выполнила свою норму, и Натан Саныч с Семенычем, зацепившись друг за друга, куда-то спешили, но короткий разговор на ходу никак не завершался. Оба только что освободились от бумаг приемных комиссий. Обсуждали нынешний набор.

– Что-то у меня подозрение, что в этом году тебе, Семеныч, работы будет больше чем обычно.

– Ай, зачем же так на мою седую голову? – улыбаясь, негодовал Семеныч.

– А куда деваться? Абитуриент нынче слабоват идет.

– По твоим разговорам сразу видно, что ты рыбак. Об абитуриентах как о селедке на нересте.

– Ггля, а че, не так что ли? Косяки, кстати, в этом году густые. А чем гуще косяк, тем глупее отдельная особь, – смеялся Натан Саныч.

Подошел поздороваться Василий. Пожали руки.

– Не всякое наблюдение из фауны можно перенести на людей, но тут, похоже, что похоже, – улыбнулся и Семеныч.

– Какое наблюдение? – спросил Василий.

– Василий, вот ты скажи, – продолжил Натан Саныч, – абитуриент-то нынче не тот пошел, слабоват будет?

Василий кивнул.

– Ну, ты нашел поддержку. Он же тебе завсегда кивнет, о чем не спроси, – засмеялся Семеныч.

– Я не опоздал? – выстрелил Василий.

– Селиван Николаевич задерживается на комиссии, как освободится, начнем. Ваши уже здесь. В зале, кажется, их видел, – ответил Натан Саныч. – Минут десять-пятнадцать еще подождите нас. Уверен, после экспедиций вам найдется, чем поделиться друг с другом. А мы тут как раз с Анатолием Семеновичем об университетских делах договорим.

Но Василий, замешкавшись, остался.

– Мне тоже интересно послушать, – ответил Василий.

– Интересный аргумент, – весело ответил Натан Саныч, переключив внимание на прежнего собеседника.

– Самое главное – железный! – улыбнувшись, поддержал его Семеныч и продолжил разговор о текущем потоке. – А на чем они в этом году все валяются?

– Да на гуманитарных спотыкаются.

– Занятно, это технарей теперь к нам потянуло, получается? Так это же не плохо! – предположил Семеныч.

– Если б они еще и на технических не пасовали, тогда можно было бы так сказать.

– Надо бы помягче тогда экзаменовать.

– Недобора боишься?

– Точно! Отчислять будет некого! Точнее выбирать!

*

– Ты че после ночной поприездной тусовки тогда трубу не брал все утро? – допытывался Авдей у Ярика. – Звоню, блин ему, названиваю.

– Мы только утром домой пришли с Ноннкой. Как вас проводили, пошли немного прогуляться, и в итоге нас вообще в ночнушку занесло, представляешь?! Утром я тупо ничего не слышал? – ответил Ярик.

– Ага, занесло! – подозревающе хихикнула Тамилка. – Даже не сказали никому, что в кабак собираетесь! – добавила она с долей досады.

– Никак компании избегаете? Нашей?! – ерничая, принялась городить гипотезы Лизон. – Стыдитесь нас?!

Она даже сверкнула глазами, словно видит насквозь всех, лжущих и лукавящих.

– Да мы правда, не собирались. Спонтанно решили, – ответил Ярик. – Нонн, скажи им!

– Вы посмотрите, прям герои неожиданностей! – вернулся в болтовню Авдей. – А я скучным утром проснулся, стал разгребаться на столе, чтоб тарелку было, куда поставить, и понял, где ты видел похожее на наши таблички. Звоню, блин. А ему уже не надо, походу.

– Да, куда там, не надо! Ты мне потом когда рассказал про свой журнал, я полетел все-таки в библиотеку.

– И практически не выходил оттуда до сих пор, – добавила Нонна.

– Seriously? – изумился Авдей.

– А то! Посмотри на его щеки. Пропал там. Я ему есть носила. Как жена декабриста!

– О, Базилио, кажется, нарисовался, – заметила Тамилка в другом конце коридора знакомую походку.

– Какой Базилио? – удивился Митек.

– А, да. Васек вон идет, – сказал Авдей, опознав то же самое, что и Тамилка.

Василий, войдя в зал, огляделся, нашел своих, но остановился сначала у кучки старшекурсников, зарядиться слухами и здесь.

– А че он Базилио? – продолжил Митек.

– Ты не в теме, что ли? Этш невозмёглихь! – ответил Ярик. – Это же еще как с первого курса потянулось, Василий, Базилио. Так и повелось, прицепилось.

– Это с того момента, как он поделился своим планом раскопок под базиликой Святого Петра в Ватикане, – вспомнила Тамилка. – Потом он еще курсовую на эту тему в том году писал.

– Че получил? – спросил Митек.

– Кажется, отлично. Он в отстающих не числится, – ответила Тамилка. – Натану понравилось. Но он сказал, что ему сначала придется стать Папой Римским!

– А он в курсе своей кликухи? – поинтересовался Митек.

– Конечно, в курсе, – уверенно ответил Авдей.

– Экзотично! – констатировал Митек, удивленный тем, что он как-то оказался не осведомленным. – Первый раз слышу.

– Ну, ты отдыхаешь! У него есть и другое имя! Ты тоже не знаешь, походу? – засмеялась Тамилка.

– Неа, – помотал головой Митек.

– Эх! Ты походу не с нами эти два года учился! – махнула рукой Лизон.

– Второе секретное. Возможно, что не все знают, – напустил таинственности Авдей.

– Ну, уже все, колитесь? – нарывался на подробности Митек.

– Хер Шварцштерн, – шепнула Тамилка.

– Чево, чего? – напряг мозги Митек. – Это по-русски что будет?

– Из какой-то газеты у Матвея взяли! – добавила Лизон.

– Че это по-русски? – переспросила Тамилка у Ярика.

– Черная звезда, вроде.

– Экзотично, конечно, – заморгал глазами Митек.

– Да, да, – продолжила вспоминать Лизон. – Там статья была, что существуют такие массивные небесные тела, которые способны поглощать не только материю, но и информацию. То есть типа ты звонишь мне, а сигнал весь уходит туда. И все, связи нет.

– Ерунда это все, – возразил Авдей.

– Че ерунда-то? Даже писали, мол, по кабелю через Атлантику передается твой банковский перевод, но не доходит. И типа все этим и объясняется.

– А газета, небось, спортивная была и называлась «Гребля», – добавил Митек.

– Ну, ты сама логику-то свою включи! – напирал Авдей, сквозь смех. – Она что, избирательно одну транзакцию и всего потока может выловить? Был бы полный информационный коллапс! И всю Землю бы туда всосало!

– Да я согласна. Я просто статью вспоминаю, – оправдалась Лизон.

Митек вытянулся шеей, пытаясь сопоставить что-то с чем-то в голове, покрутил окулярами...

– Это, типа, черная дыра, которая? – уточнил он.

– Рассуждаешь! – многозначительно сказала Лизон.

Митек с сомнениями в глазах посмотрел на Ярика, Авдея, Ташу, Лизон. Те заговорщицки кивнули, мол, все так и есть. История в чистом виде. Митек выразил лицом вопрос, мол, почему так? Остальные пожали плечами, мол, ну вот так.

– Вы на пятник поднимались? Там ремонт сделали! – перевела тему Тамилка. – Не плохо, но, я б сказала, пожадничали, – хихикнула она.

– А без разницы, наш факультет в этом году съедет оттуда! – ответил Авдей.

– Да ну?! Гонишь? – возразил Ярик.

– Пойди сам узнай у Ильича! – настаивал Авдей.

– Да точно! Я тоже слышал, – поддержал его Митек.

Василий помямлился немного у старших и направился к своим, видя, что там тоже о чем-то весело спорят.

– Привет, – поздоровался Василий, подойдя. – Я еще ничего не пропустил?

– Привет! Такого, вроде, еще ни разу не было – поприветствовала Таша, – думаю, как раз вовремя. С минуты на минуту начнется. Семеныч и Натан Саныч, только что видела, уже в коридоре. Селивана, наверное, ждут.

– Уже пора бы, однако. Но профессора пока не появились. Ждем-с, – добавил Авдей, глядя на часы.

– Ну, да. Я их тоже видел, – поделился Василий.

– А спрашиваешь, не пропустил ли? А где там этот Селиван

застрял?

– Да где? Как обычно, – только улыбнулся в ответ Василий.

– На кафедре в журналах закопался, – предположил Митек.

– Или в деканате расписание правит, шахматист, – продолжила Тамилка.

– Расписание не по сезону. До осени еще э-ге-ге сколько, – возразила ей Лизон.

– Ну, у них на сегодня только одна пара, наверное, запланирована, поэтому и не торопятся, – предложил свое объяснение Авдей.

– А можно подумать они на обычные пары по расписанию всегда сильно торопятся, – вспомнила Тамилка.

– Тебе-то, Тамил, откуда знать, ты даже на третью во время редко приходишь? – уколол ее Киоск.

– Блин, ты...! – хлопнула легонько по голове его Тамилка, сделав вид, что сильно обижается, когда ей напоминают про ее опоздания.

– Ну, так все равно, раньше, если и начнем, – подытожил дискуссию Ярик, – раньше не закончим. Так что торопиться некуда.

*

Наконец, в конференц-зале собрались все действующие

лица. Натан Саныч попросил не рассказываться слишком далеко.

– Людей не так много. Будьте кучнее и дружнее. Я рад вас всех приветствовать здесь целых, так сказать, и невредимых дома. Покусанных, но не съеденных. Загорелых, но не перегоревших! – он подчеркнул последнее, выражая на это надежду. – Что вы успешно съездили и вернулись. Теперь очень бы хотелось по вашей свежей памяти узнать о ваших впечатлениях и результатах. Анатолий Семенович, давайте начнем с вас. Вы ездили на новую площадку. Не только мне, но и тем, кто не был с вами, это очень любопытно.

– Вам не зря так сильно любопытно. Эта площадка еще заявит о себе, – начал Семеныч.

Он рассказал в общих чертах о численности группы, длительности экспедиции, охваченной площади, о том, что не успели сделать в этот раз и наметили на следующий год. – А вот об одной из наиболее ярких находок нам лучше расскажет Ярослав. Ему уже удалось кое-что выяснить о ней дополнительное. Если я верно наслышан, – обратился Семеныч к Ярику.

– Вы верно наслышаны, Анатолий Семенович, – подтвердил Ярик. Он достал фотографии и раздал несколько штук по рядам, остальные разложил на столе перед профессорами. – Мы нашли вот такую табличку. У меня сразу возникло ощущение, что она мне знакома. Но только уже здесь, по возвращении, нам, а точнее Авдею, вон он наш герой, – Ярик

показал на Авдея, – удалось вспомнить, откуда именно. Еще полтора года назад в журнале была публикация о подобной находке, сделанной в Южной Америке, – Ярика продемонстрировал фотографию из журнала. – Таблички не идентичны, сделаны из различных материалов. Но изображения, нанесенные на них, имеют общий характер. Из других источников я узнал, что аналогичные находки были сделаны так же в центральной Африке. Причем там найден наиболее объемный материал. А у нас всего только одна табличка.

– Мы уверены, что их будет больше, – добавил Авдей.

Профессура принялась разглядывать предоставленный им материал.

– Вот эти знаки на табличках ваших и других. Вы что-то уже можете сказать об их значении? – поинтересовался Натан Саньч.

– Пока, ничего определенного, кроме того, что это определенно осмысленная упорядоченная запись, на наш взгляд – ответил Авдей. – Хотя мне поначалу так не казалось. Но теперь...

– Да мы уверены, что это письменность, – добавил Ярик. – Письменность, совершенно отличная от всех известных нам систем письменности.

Мини конференция в узком кругу студентов и профессоров затянулась дольше, чем затягивалась обычно. Но обсудили интересные находки всех групп, побывавших в экспедициях, сделали выводы.

Например, Ярика удивил Авдей, но пока Ярик не мог сформулировать четко свои мысли об этом.

Бурная полемика под занавес сама собой потеряла общий характер и разделилась на группы по интересам. Студенты в возникших кружках уже давно незаметно для себя перешли от споров на научные темы к более насущным проблемам: кто, где, с кем... собирается провести остатки каникул... Профессора в своем кружке, и Василий, стоявший с ними, в общем-то, тоже уже съехали к вопросам, не связанным с экспедициями. Заметив это, Натан Саныч попросил внимание всех присутствующих:

– Коллеги. Ну, поскольку де-факто мы уже закончили наш семинар, предлагаю продолжить встречу в студенческом кафе.

Глава 2

8

«Что может быть лучше весны, когда тебе больше пятнадцати» – сказал бы мечтатель, «...и меньше того размытого момента, когда все надоело?!» – добавил бы считающий себя мудрецом?!

Возможно, первый не понял бы мысли второго. Но со временем ему пришлось бы. Долго бы продлилась их беседа? Могла бы затянуться и до утра, если бы одному из них не нужно было спешить домой к жене и ребенку.

– Ярослав Дмитриевич, я все понимаю, Нонна родила, много забот. Я тоже отец. Поверьте, тоже ночами не спал. Но потрудитесь сделать минимум каких-то усилий. А я со своей стороны сделаю, что могу, чтобы как-то визуально их увеличить, – Натан Саныч сменил тон на менее официальный. – Ну, хотя бы, чтобы тебя не отчислили. Хотя, честное слово, мне очень жаль, что ты так несерьезно стал относиться к учебе. А говоря откровенно, просто забросил все. Во втором семестре ты и недели еще не учился.

– Так прошло всего четыре, – коряво оправдывался Ярик.

– А мы с Вами здесь не недели собрались считать, а поговорить о тенденции, которую в наших задачах и Ваших ин-

тересах изменить, пока это не поздно.

– Натан Саныч, в части того, что я забросил учебу, Вы правы. Только Вы не все знаете. Нонна долго лежала в больнице, а родители у нее далеко. Оставить ее? Это не вариант! Нужны деньги. Стипендия – это капли. А во-вторых, меня выселяют из комнаты, за которую я почти ничего не плачу. Через месяц нам негде будет жить или придется платить в десять раз больше. Я вынужден чем-то жертвовать. Сейчас работаю на трех работах: в день, в ночь и в свободное время.

– Ты хочешь сказать, что собираешься бросить учебу? С твоими-то перспективами? Ярослав, – Натан Саныч позволил себе многозначительную паузу, стараясь придать вес своим следующим словам, – подумай четыре раза, прежде чем подумать окончательно.

– Сессию я сдам. Если только никто не будет цепляться к моему отсутствию в течение семестра. Считайте, что экстерном. Так же можно?

– Сдающие экстерном обычно не занимают бюджетное место, – то ли для себя, то ли намекая на что-то Ярику, проговорил Натан Саныч. – Допустим, можно попробовать объяснить. У нас не так много особо вредных и принципиальных. А что это еще за история с выселением?

– Дом сносят – выдохнул Ярик. – Суды идут, а дом тем временем сносят!

– В смысле дом сносят. В котором ты живешь?

– Да. Уже возводят забор, подтягивают технику. Говорят,

что решение отменить уже невозможно. Слишком большие фигуры позади. Дом ветхий, район нужный! Машина градостроительства ничего не видит.

– И никого! – оценив ситуацию, с грустью в голосе согласился Натан Саныч.

– Никого? – усмехнулся Ярик, начиная распыляться. – Да, нет. Я не оговорился. Нет никакого «никого». Мы для них просто «что». Точнее «ничто»! И они не видят именно ничего! Там свои цели, не связанные с окружающим! Проклять! Почему все сразу? – обреченно закончил он.

– Ну, со всеми бедами я тебе помочь, к сожалению, не смогу. А что могу, то предложил. Так что... Как Нонна, ребенок-то? – перевел тему Натан, надеясь, что там теперь все хорошо.

– Ноннка молодец! Тяжело ей, конечно!

– Как всем, кто с первым ребенком управляется.

Ярик улыбнулся.

– Но, мне кажется, она все-таки счастлива. Она так любит малыша. Да я тоже счастлив. Если б только не эти проблемы. Пока она была в больнице, хорошо, ребята помогали. Навещали ее. У меня больше раза в день не получалось.

– Сейчас уже дома? Ей проще, наверное?

– Проще, конечно. Пока есть дом.

– Ладно. Я не могу от тебя требовать большего, чем как минимум явиться на все экзамены. Потрудись узнать расписание. И все-таки хоть несколько раз объявись на лекциях.

Понимаю, что работа...

Ярик действительно работал почти круглосуточно. Работу помог найти сосед Ванька Бублов. В одной крупной строительной фирме. Ванька часто удивлял Ярика. А тут еще оказалось, что у него есть удачные знакомые. Фирма крупная. Хотя должность скромная – носильщик, курьер, мастер на все мелочи. Зато частично официально. Белая зарплата не большая, но есть добавка в виде конверта. Нужно было и то, и другое. Для кредита. А его нужно было брать, следовательно, необходима стабильная работа с белой зарплатой. И нужно на что-то жить. В этом помогал конверт. По ночам сторожил все, что можно. Шабашил и калымил везде, где подворачивалось. Цель была хотя бы что-то еще отложить на первый взнос. И все это успеть до того, как выкинут из дома.

*

– Ты в курсе, какие проценты в банках? – восторгался Ярик как-то за ужином, когда к ним зашел сосед.

– С этими бездельниками у меня плохие отношения, – отнекивался Ванька.

– Самое интересное, что с душераздирающе-приветливой улыбкой, как будто манну небесную сыплют, мне сегодня сообщили, что это их самое лучшее предложение на сегодняшний день, – пересказывал Ярик, расплескивая эмоции.

– Поди еще и документов три портфеля нужно собрать, –

поддерживал разговор Ванька.

– Где-то три, где-то и четыре портфеля, – засмеялся Ярик. – Но не везде. Есть такие, что хоть справку о прививке своей собаки им предъяви, и они тебе хоть кредит, хоть кредитную карту. Причем хоть сразу три портфеля! Только у них проценты вообще летальные!

– Высокий риск, высокий процент. Все модели давно просчитаны, своего рода стра... – словно между делом заметил Ванька, и хотел было углубиться, но не стал навевать скуку.

Только Нонне зацепилось за ухо, что что-то как-то умно заговорил их простецкий сосед. Но мысли отвлек Ярик.

– Был, кстати, сегодня еще в одном тресте, – вспомнил он. – Слышал, что они занимаются нашим домом.

– В смысле его сносом? – конкретизировала негромко Ноннка, качая коляску с малышом.

– Все-таки нашлись начальнички? – обрадовался было Ванька.

– Нет, ошибка. Не они. Ну, по крайней мере, так сказали. Оборали по-полной! Про наш дом они ничего не знают. Причем сказали, что даже если бы и они занимались моим домом, то плевать они хотели на то, что я там живу. Сказано выселяться, значит выселяться. Решение принято! Они на меня смотрели, как на идиота.

– Глядя с их колокольни, им все кажутся такими! – прокомментировала Нонна.

– Пусть и с колокольни! Но ведь завтра и они могут ока-

заться в похожей ситуации. Все же люди! Должна же быть какая-то правильная колокольня!

– Она есть! Проблема только в том, – подметил Ванька, – что она у каждого своя! Но всего одна!

– И каждый видит окружающий мир, как не трудно догадаться... – многозначительно закончила Ноннка.

Их детеныш вроде зачмокал соской, успокоился, и Ноннка примостилась у стола.

– А видит он преимущественно себя, – продолжил Ванька, – ибо колокольня высока! Есть, конечно, совсем правильные и невысокие, и даже маленькие колокольни. Но с них ничего не видно, большие все загораживают!

– А ты, Вань, что собираешься делать-то с выселением? – спросил Ярик.

– А ничего! Мне уже не интересно что-то делать. Пускай здесь меня и засыпят этими стенами! Ни трат, ни хлопот! – с усмешкой, но тоскливо и, как показалось Нонне, очень из глубины ответил Ванька.

Между бровей у Нонны налилась неожиданно какая-то тяжесть, даже раньше, чем она успела осмыслить услышанное.

– Вань, что за бред! – посмотрела ему в лицо Нонна. – Яр, ты слышал это? – обратила она внимание Ярика.

– А что? Даже место на кладбище не придется занимать! – отшучивался Ванька.

– Я не пойму, ты чего развеселился так по этому поводу? – тон Ярика набирал серьезность. – Что это за идеи? Откуда

они?

– Вань, давай вместе найдем новое жилье, и все будет и дальше хорошо, – предложила Нонна и вероятно именно этими словами пробила стальную браваду Ваньки.

– Да и так все хорошо! – начал он прежним тоном. – И всегда все было хорошо! Много знал, много мог, много делал, много ездил, много видел. – А дальше Иван расплывался с каждым словом сильнее и сильнее. – Зачем ездил – понятно, но с кем? Куда возвращался – тоже ясно, но к кому? – И резко взяв себя в руки, он закончил. – Да вот есть, у кого соль попросить, когда закончится, – он показал, что имеет в виду их, Ярика и Нонну. – И слава Богу!

– Подожди, подожди, – поймав ту самую среднюю часть речи Ваньки, и стараясь не допустить нелепой паузы, продолжила Нонна, – ну как это, к кому, у тебя же есть, наверняка, или были, и их можно найти родные, близкие, дети, друзья...

– Друзья были, конечно! – начал Ванька с последнего. – А как же? Хорошие друзья. Мы часто были вместе. Наверное, их не стесняло мое присутствие, – погрузился в воспоминания Ванька.

– А сейчас они где, вы поссорились?

– Нет. Так же, наверное, и дружим.

– Как это, «наверное, дружим»? – спросил Ярик.

– Ну, мы не ссорились! – ответил Ванька.

Нонна и Ярик еще долго не отпускали в этот вечер Ваньку,

под конец все-таки развеселили его, попытались отговорить соседа от глупых мыслей о месте на кладбище, но остались с ощущением, что получилось у них это не очень хорошо, хотя Ванька и признал, что ему с ними очень хорошо.

Однажды секретарша генерального Виолетта в панике поймала Ярика.

– Срочно, выручай. Шеф бунтует! На кухне пять сортов кофе. Шефу нужен другой. Я такой даже не слышала. Не знаю куда бежать.

– Щас будет! – успокоил ее Ярик. – Если такой кофе вообще есть, то шеф его получит.

Оказалось, шеф ждал серьезных гостей. Люди нужные, требовательные. Отсюда и такое беспокойство. Кофе, добытый Яриком, был отменным. Встреча, что называется, состоялась! То есть прошла на высоте.

Потом получались еще срочные случаи и с более тонкими поручениями, иногда весьма неоднозначными. Однажды шеф вызвал Виолетту.

– Виолетт, мне нужен свежий человек, желательно посторонний, хотя не так принципиально, можно из наших, кто не много слушает, и еще меньше болтает. Ну, такой, чтоб... Понимаешь. Для одного дела.

Виолетта, не сомневаясь, порекомендовала Ярика. Так

Ярик стал не совсем просто рядовым сотрудником крупной строительной компании.

Раз утром ехали с шефом в машине.

– А чем ты вообще занимаешься? – нарушая формальностью тишину, поинтересовался шеф. – Я почему-то тебе доверяю, возможно, из-за рекомендаций, но на самом деле почти ничего о тебе толком не знаю. Виолетта, надо сказать, молодец! Подбирает людей изумительно.

– Чем занимаюсь? Много чем. Не учусь в университете, не воспитываю сына. Сразу все и не вспомнишь.

Ярику не хотелось грузить шефа, но получилось как-то скорее наоборот, поэтому он решил остановиться, а то на ум все равно приходит только то, чего он не успевает.

– У-гу? Любопытно, – задумчиво произнес шеф, и тоже куда-то провалился в свои мысли.

Разговор получился не длинным, скорее он и начасля формальным. Да и водитель предупредил, что уже, мол, подъезжаем.

Шеф оказался на самом деле человеком. А в фирме его все боялись: «Не приведи, встретиться с ним случайно в коридоре». Обходили через другие этажи. Но это только в делах он был жестким и порой жестоким. Из таких редких и коротких бесед Ярик запомнил одну фразу шефа: «Больше всего не люблю, когда дела мешаются с жизнью».



Дела делами, а в жизни сносили дома и выгоняли на улицу. Наконец удалось выяснить, что за подрядчик занимается домом, где Ванька сдавал комнату одному, но по факту целой бригаде студентов. Точнее сказать, название фирмы теперь уже висело на установленном вокруг дома заборе «Работы ведет ООО...». Только по адресу, где было зарегистрировано это ООО, располагался стоматологический кабинет. Фирму все-таки нашли. И выяснилось, что за ней стоит другая фирма. А за ней матрешкой третья. Та самая, в которую Ваня устроил Ярика.

«Ахринеть, – думал Ярик. – Хотя, че охренеть-то? Изначально было понятно, что такая крупная фирма имеет подобные дела: прошибает разрешения на строительство в «рыбных» районах, расселяет людей, методом выселения на улицу. А кто дает разрешение на строительство на месте жилого дома? А, да это не важно. Кто бы ни принимал решение, он по-другому поступить либо не мог, либо не хотел. В нашей стране иначе не бывает. Но совпадение это не очень кстати. Надо что-то делать. Что?»

Этим вопросом Ярик задавался уже несколько дней.

Нонна сказала, что ни за что не нужно идти к шефу. Он слушать даже не станет. А, скорее всего, сразу уволит.

«Уволит. А если не уволит? В любом случае, это един-

ственное, что можно сделать в данной ситуации, чтобы как-то ее изменить», – так Ярик рассуждал и в своих мыслях упирался во фразу шефа «Больше всего не люблю, когда дела мешаются с жизнью».

Подобным образом кругами между этими двумя мыслями Ярик ходил неделю. Решил, что лучше стабильная работа, которая позволит медленно, но как-то выжить!

*

Для Ваньки Ярик выяснил, что за сносимое жильё местная администрация предлагала компенсацию. Обещали равноценную, чтобы приобрести равнозначное жильё. Оказалась смешная.

– Ветхое жильё, видимо, сравнимо только с собачьей будкой, – негодовал Ярик, рассказывая новости Ваньке.

– И то получается, что за чертой города на болоте, – добавил, смеясь, Ванька.

От этого веселья легче, конечно, не становилось. Ярика и Нонну удивляло такое пофигистичное отношение Ваньки к этой проблеме. Он действительно как будто и не собирался никуда выселяться. Но повлиять на это им не удавалось.

– Ты же в тот же вечер прибежал рассказывать, когда узнал, что дом будут сносить, – напоминал ему Ярик. – А теперь тебя это не беспокоит почему-то?

– А я, может, уже успел подготовиться. Да и что тут беспо-

коиться, только нервы тратить. Ясно же, что ничего не сделаешь, – отмахивался тот.

– Не сидеть же, сложа руки!

– Вот вы молодые, вы и не сидите! – отрезал Ванька.

Сам Ярик занял крупную сумму у Авдея. Тот, в свою очередь, занял у родителей. Авдей согласился только на условиях, в шутку, конечно, что и на новой хате у них всегда будет возможность зависнуть всем курсом. Ноннка сказала: «Хоть живи у нас. Лишь бы у порога не гадил, а на горшок ходил». Поржали, конечно, тогда. Но вторую часть фразы Авдей ей еще впоследствии долго припоминал.

Оставшись вдвоем, Ярик и Нонна долго допивали чай, успокаивая друг друга, что все будет хорошо, все обойдется. Нонна гладила руку Ярика и так смотрела ему в глаза, что ему хотелось ей верить. Он находил поддержку и силы в ее взгляде, она, видя, что муж успокаивается, успокаивалась сама и улыбалась ему. От этой улыбки Ярику становилось всегда хорошо и легко.

– Господи! Спасибо Тебе за этот день, – проговорил медленно он, – за этот час, эту минуту, секунду, за этот миг!

Ярик взял в руки ладонь жены и приблизился к ее лицу. Нонна поняла, что для Ярика есть вещи, которые важнее и сильнее множества окружающих его неурядиц. Она почувствовала эту волну и добавила:

– Спасибо Тебе за то, что мы можем сказать Тебе это спасибо!

Ярик улыбнулся жене еще теплее, поняв, что они поняли друг друга.

– Нонн, а ты выйдешь за меня замуж? – вдруг спросил Ярик.

– А для нас это что-то изменит? – растеклась в улыбке Нонна, не переставшая ждать этого вопроса, но забывшая немного его былую важность.

– Нет, – улыбнулся ласково в ответ Ярик. – Но надо!

Они уткнулись друг другу лбами и не то смеялись, не то даже кто-то из них заплакал. Ярик нежно добавил:

– И я так хочу.

Нонна только долго поцеловала его, не сразу найдя какие-то подходящие слова.

– Я очень люблю тебя, Яр. Очень, – шепнула она.

– И я люблю тебя, – ответил он.

Они немного подышали друг другу нос в нос. Не удержавшись, Ярик поделился своими ощущениями:

– С тобой я словно выхожу из этого агрессивного мира в какую-то тихую, спасительную, белую, зеленую комнату с мягкими стенами... или даже только мягкими полами, а стен нету вовсе...

– Как это белую, зеленую, да еще комната без стен? – улыбнулась Ноннка, посмотрев ему в глаза, наклонив немного голову вправо, влево, словно проверяя все ли нормально с этим человеком. – И ты мне рассказываешь об этом только после того, как сделал мне предложение?

Она даже немного рассмеялась.

– Не знаю, как это, – улыбнулся в ответ Ярик и, прищурив глаза, прикоснулся лбом к ее лбу.

*

Однажды Ярик все-таки вырвался в университет. Вроде все то же, все те же. Но все иначе. Найти трех отличий он так и не смог, голову атаковали мысли, но по ощущениям...

«Какая-то ребяческая суета!... И преподавы тоже все в ней... Раньше вроде так же было... Или раньше она не казалась ребяческой? Наверное, просто отвык. Или изменился сам, – думал он. – Пожалуй, скорее второе».

Последняя лекция была в большой аудитории. Общая для нескольких групп с разных специальностей. Перед лекцией большая перемена. Студентов много, места заняты. Рассаживались кто где. Ярик разговаривал с Ташей и Лизкой. Забежала Тамилка. Сохранить походную привычку вставать рано Тамилка не смогла. И сегодня у нее получилось успеть только к последней паре.

– Ого. Ярик! Вот это да! Слушай, ты так давно не был. Расскажи, че там Ноннка, да Глебушек ваш.

– Он уже все рассказал, пока вы девушка спали, – съехидничала Таша.

– Ну, ладно тебе. Я не виновата, что так сильно устаю. Ярик, расскажи. Уже пошел?

Ярик рассмеялся, а Лизон со своей логикой:

– Да ему еще только два месяца. Куда он пошел?

– Пошел, пошел. Уже в школу, – поддержал Тамилу Ярик.

– Ага, в институт, – тоже засмеялась и продолжила Лизон.

Невыносимое чувство, что где-то начали говорить о чем-

то смешном, возможно, интересном, и, страшно представить, полезном подняло с места и привело к ним Базилио.

Пристроился рядом.

– От Ноннки огромный привет, – продолжил Ярик. – Буквально на днях она вспоминала тебя Тамил, говорит, что что-то не заходила давно.

– Передай, забегу как-нибудь.

– Что вы там с ней обсуждаете целыми вечерами?

– Как что? Ну, ты спросил! О своем. О том, о сём, помаленьку, по чуть-чуть, между делом, между чаем, – пыталась заболтать Ярика Тамилка.

– Во, во. Между чаем! Да ладно. Я все знаю, расслабься.

– Что ты все знаешь? – зацепилась Тамилка. – Ноннка что ли все проливает?

– Ничего она не проливает! Я и сам все знаю. Она зато передает всем большучестое спасибо. В больнице вы ей очень помогли. Я тоже вам очень благодарен. Действительно, огромное спасибо!

– Да ладно, ерунда.

– Да не ерунда. Если б все как обычно, то недельку бы и домой. А мы семимесячные, нас больше месяца не выпи-

вали. Вы и еду помогали, приносили. Я сам никак не смог бы несколько раз в день носить. И морально ее поддерживали. Опять же, зима, на улице не погулять. А с вами не так скучно было.

– Да, уж. С нами поскучаешь! Так хохотали, что нас выгоняли из отделения, – вспомнила Лизон.

После универа Ярик помчался на работу. Правда, для Ярика это означало не засесть в офисе, а, забрав срочную корреспонденцию, носиться по всему городу. И соответственно, если что-то передадут обратно, принести в офис. Плюс, конечно, отметить в журнале о доставке.

Вот возвращаясь в офис для исполнения последнего, он застал тот радостный момент, когда основная масса «трудоголиков» врассыпную покидала обитель реализации трудового потенциала.

«И куда только деваются в этот момент сонные и унылые лица людей?!» – подумал Ярик.

«Воистину ни что так не бодрит на работе, как последняя минута рабочего дня!», – припомнил Ярик слова начальницы отдела по работе с персоналом. Она однажды жаловалась ему, что никакими стимулами, методиками и техниками, применяемыми к работникам, она не может достичь такого же эффекта.

Ярику, зарядившись этой бодростью, пришлось задержаться допоздна, так как нужно было доделывать то, что не сделалось без него днем.

Люди в офисе еще были. Вовремя с работы здесь уходили далеко не все, ну, или уж, по крайней мере, не всегда. Но не в отделе Ярика.

Официально Ярик числился в канцелярии, где работали одни мамы, спешившие забирать детей из детских сади-ков, и в прошлом мамы, которые, конечно, уже никуда не спешили, но не могли отказаться от старой привычки. Так что правило срочной работы здесь не распространялось на всех, кроме него.

Если Ярик заходил к себе в отдел, и у него были свободные минуты, каждая пыталась придумать какой-то вопрос, чтобы заболтать Ярика и чтобы он осел возле ее стола. Наверное, именно поэтому тетки так и не выделили ему отдельного стола. У Ярика был только ящик со срочной корреспонденцией в шкафу и вешалка.

До Ярика дошли слухи, что тетки даже считают, сколько раз он с кем разговаривал. Ярик стал замечать, что какой-то блекловато-потертый флажок периодически переходит с одного стола на другой. Видимо, пальма первенства. Однако, эта пальма, чаще красовалась у мамаш помоложе. А мамы постарше, чувствуя проигранную конкуренцию, не так, чтобы уж очень, жаловали Ярика. Особенно начальница – строгая непробиваемая женщина со стажем килограмм на

сто двадцать. Но даже и она всегда расцветала, стоило Ярику заговорить с ней. И уж тем более, если не по работе.

Зато по вечерам, когда все расходились, Ярик мог сесть за любой стол и спокойно заполнить свои журналы. Так было и сегодня.

Сложив журналы на место, он оделся. Проходя мимо директорской, заглянул, спросил у Виолетты:

– Все нормально?!

– Все нормально! – подмигнула та. – Как сам? Тебя полдня не было что-то? – тут же она сообразила, – а ты же в университет ходил, вспомнила.

– Все нормально! – ответил Ярик. – Меня там еще помнят. А что шеф еще здесь? – Ярик заметил свет под дверью шефа.

– Да, еще здесь.

Спонтанная мысль пролетела в голове, и, не успев стать обдуманной и запутаться в принятых ранее выводах и решениях, настойчиво потянула Ярика вперед.

– Я зайду к нему?

– Попробуй. Он вроде не просил его не беспокоить, – несколько удивленно ответила Виолетта.

Шеф держал Ярика на хорошем счету, но чтобы они уже успели скорешиться, такого Виолетта не замечала.

«Раньше Ярик сам не вваливался к шефу, а шеф всегда вызывал его через меня, – думала она. – Либо я потеряла контроль над шефом, либо вообще доверие, либо... Надо присмотреться к этому..., этому..., этому. Подходящего сло-

ва что-то не получается найти. Значит, что-то изменилось, и я пока не поняла, что».

Ярик постучал в дверь шефа.

– Да, да, Виолетт, входи.

– Ян Константинович, это не Виолетта. Разрешите по личному вопросу?

– По личному? Надеюсь, не увольняешься? Ну, входи. –

Ярик вошел. – Присаживайся.

Ярик занял место в кресле у стола, шеф что-то дописывал в ноутбуке. Заметил, что Ярик как-то мнется.

– Ну, ну. Говори. Я слушаю, – предложил Ян Константинович, на секунду подняв глаза.

– Да, не знаю с чего начать.

Шеф отвлекся от компьютера.

– Так. Раз ты сюда уже зашел, значит, уже решил говорить.

Говори.

Ярик попытался вкратце рассказать, что дом, где он живет с женой и грудным ребенком, ради которых он практически бросил университет, ветхий, по известной всем схеме его сносят, и, несмотря ни на какие решения судов, все равно рано или поздно снесут, и что конечный подрядчик принадлежит на самом деле компании шефа.

«Так! Это, конечно, не тот депутат, – думал шеф. – Те наюхают что-то и, прикрываясь борьбой за справедливость, ищут рыбу покрупнее. Да на громких разборках делают себе душеспасительные имиджи. Этот тоже что-то наковырял?»

Может. Крысой оказался?! Пригрелся. Тогда какого он сидит, мнется? Каждый паршивый прокуроришка, следопытишка нароет муху и уже дует ее, диктуя свои условия. Этот мнется. Значит, нет».

Ярик раньше не видел, как шеф нервничает и думает лицом. Шеф всегда был предельно сосредоточен. Но Виолетта рассказывала, что у шефа, когда он судорожно думает, бровки делаются домиком. Точно как сейчас.

«Тот самый случай, – крутилось у шефа в голове, – когда дела мешаются с жизнью. Но пардон. Зачем он мне все это выложил? Он мне ни зам., ни сват. Курьер! Ну, несколько раз был на особом поручении. Он решил, что у него, таким образом, уже есть связи? Вообще-то, по его поведению не скажешь, что он так считает».

Образовалась небольшая пауза. Ярик уже как-то начал порываться уходить. Шеф понимал, что сейчас не время принимать какое-то решение, и торопиться с ним не стоит. Нужно взять паузу, причем по возможности исключить даже случайные встречи. Наконец он ответил.

– Ярик. Я сейчас очень занят и не готов тебе ничего сказать. Давай сделаем так. Завтра у тебя будет выходной. Послезавтра в восемь утра зайдешь. Пожалуйста, без опозданий. В восемь пятнадцать я уезжаю на встречу.

– Хорошо. А... – опешенно произнес Ярик. Он не понял на счет выходного, ведь завтра четверг, обычный рабочий день, хотел, было, прояснить, но не стал. – Хорошо. В восемь

часов, – обреченно выговорил он.

Он вышел из кабинета, не успев еще осознать произошедшего, но все равно озадаченный, хотя и, как мог, старался не выдать этого.

– Виолетта, давай, счастливо!

– Все нормально? – поинтересовалась Виолетта.

Она все равно заметила, что Ярик не такой, как обычно, не такой, как заходил к шефу. Рассредоточенный. Подчеркнуто радостный.

– Да. Все отлично! – бодрился Ярик. – Завтра у меня выходной. Увидимся в пятницу. Но если... – Ярик понизил голос и как бы шепотом добавил, – нашему шефу понадобится новый сорт кофе, звони.

– Обязательно, – улыбнулась в ответ Виолетта.

Ярик ушел. Он тоже заметил, какую-то холодность или даже осторожность со стороны Виолетты.

«Понятно. Значит, он просто приходил к шефу отпрашиваться, – подумала Виолетта. – А я уже себе накрутила, – она начала себя успокаивать. – Стоп. Это что же получается. Он, курьер, приходил отпрашиваться у шефа? Нашего шефа! У него что, нет своего начальника? Или Серафима его не отпустила, так он пришел отпрашиваться у шефа? Жаловаться на Серафиму! Я точно что-то пропустила. Не нравится мне это. Зря я начала успокаиваться. Порекомендовала, блин, на свою голову. А он, блин, тихий гусь. Ладно, – Виолетта выдохнула. – Пока без паники. Но, если что, пара ходов у меня

в запасе найдется».

Шеф хотел было вернуться к работе, но тоже еще думал о Ярике: «Значит не шантаж. Не зазнался. С другой стороны, он никогда не грузил меня рассказами о своих делах и тем более проблемах. Даже когда я как бы интересовался. Он же понимал, что это формальность нарушения тишины, отвечал коротко, не вдаваясь в подробности. Да какие у него могут быть проблемы? У курьера? Проблемы – это у меня! Как построить три дома стоимостью несколько миллиардов каждый, если первоначальных взносов есть только на один? Как осуществить прорывной проект без инвестиций?! Кому угодить, чтобы ускорить решение о выборе подрядчика во Франции? Да еще так угодить, чтобы в мою пользу! Это подвешенное состояние меня утомляет. Хотя, такой же подвес бывает с любым объектом. Но когда это у себя в стране, я хотя бы знаю, где и как смазать, чтобы скользило лучше. Что-то я отвлекся. А уже поздно. Ярик, Ярик, – вновь вернулся шеф к почему-то не выходившему из головы разговору. – Что изменилось? Что-то явно изменилось! Почему меня это так волнует вообще? Он в безвыходном положении? И это, видимо, единственная возможность хоть что-то изменить?...»

Успевая замечать тонкости настроения, Нонна совершала

обычный будничный подвиг по уходу за ребенком, мужем, домом, собой. Иногда она и сама замечала, что она лишь четвертая в этом ряду. Просыпалось желание оспорить это положение, но она не давала себе слабину, понимая, ради чего это и успокаивая себя заблуждениями, что это временно. Она знала, что у нее есть два человека, которые компенсируют все. Один пока еще только просто улыбкой и протянутыми руками, другой тем, что она у него на втором месте. Она в это верила. Она даже видела и чувствовала этому подтверждения.

– Ты сегодня позже пойдешь? – спросила она Ярика, который проснулся как обычно рано, но вроде как не торопился.

Вечером они поговорить не успели, так как Ярик вернулся поздно.

– Сегодня я, наверное, снова пойду в универ.

– Снова отпросился?

– Скорее всего, не снова, а насовсем, – ответил Ярик и рассказал ей про разговор с шефом. – Шайтан попутал, не сам пошел! – закончил он. – По пути куплю газету, а после универа пойду искать работу. А может опять Ваня чем поможет.

Нонна заметно занервничала, даже хотела напомнить, что они же все недавно обсуждали, и он не собирался ни о чем говорить шефу.

«Но поможет ли это сейчас ему справиться с ситуацией?» – подумала она.

– Не раскисай, Яр. Пусть так. Что мы можем против миллиардов долларов? Кроме, как не обращать на них внимания, – улыбнулась она.

– Если уж они нас не замечают?! – улыбнулся в ответ Ярик. – В нашей стране нет ничего невозможного и все-таки ничто невозможно!

– Не только в нашей. Просто о других мы меньше знаем. Или они лучше маскируются. Все нормально будет. Купим так же комнату, если кредита на больше не хватит. Глеб подрастет, я тоже пойду работать.

*

В университете Ярика не ожидали увидеть два дня подряд. Поговорили. Кто-то пообещал поспрашивать про работу. День прошел вяло. В двух местах договорился на завтра о собеседовании.

«Ну, хоть с сыном сегодня побуду», – подумал Ярик.

Домой вернулся рано. Зашел к соседу Ване. Потом Ваня зашел к ним за солью. Вместе поужинали. Ваня разоткровенничался, что старые связи уже ослабли. Через них можно только узнать какую-то информацию. Но уже ничего нельзя сдвинуть с места. Тем более снос дома во вкусном районе. Нонна подумала, что это несколько не странно и не похоже на такого простого соседа, что раньше такие вещи были для него возможны.

Первым делом, еще даже до официального начала рабочего дня, Ярик пошел к шефу. Виолетта сказала, что шеф его ждет. Ей было по-человечески жаль, что Ярик оказался в такой ситуации. Тем более она знала, что у него двухмесячный сын. Она понимала, что никто, и даже она, не застрахован от этого. Но она уже знала о решении шефа. Сочувствие, однако, все еще смешивалось с чувством настороженности, зародившемся позавчера. А широта решения шефа с одной стороны согревала и успокаивала, с другой стороны добавляла подозрительности.

– Ярослав? Проходи, – сказал шеф.

«Ярослав? – подумал Ярик. – Он меня так не называл. Точно адъёс щас будет. – промчалось в мыслях. – Ну и ладно, – облегченно выдохнул он. – Это жизнь! Она просто смешалась с делами! Чего нельзя было допускать. Но оно так само допустилось. Кто же знал?...».

– Здравствуйте, – сказал Ярик, не уверенно стоя у дверей с мыслью, что все равно сейчас уходить.

– Не стой, проходи, присаживайся. Времени не много. Короче так, – шеф говорил четко, отрывисто, деловым тоном, давая понять, что принятое решение с его стороны – это беспрецедентный случай великодушия. Но, тем не менее, это не дружеская беседа. – Ты сам понимаешь, что решение о сносе

никто отменять не будет. Наши суды потонут в своем болоте и без посторонней помощи. А если таковая потребуется, она, понятно, придет. Твой дом снесут через месяц. Ну, не позднее, чем через два. Насколько я помню, ты говорил, что у тебя еще и маленький сын? Значит нужно готовое жилье. Виолетта еще сказала, что ты бросил университет. Это так? – уточнил шеф. Пока Ярик соображал, как ответить, шеф прервал его. – А, ну, ты и сам как-то говорил. Припоминаю.

– Официально еще не отчислен. Но фактически это уже, наверное, формальность, – решил уточнить Ярик.

– Ладно. Сначала с жильем. У нас сейчас есть несколько законченных объектов, там есть несколько законченных квартир. Это, конечно, уже не самые престижные этажи, планировки и виды. Сам понимаешь, раз на остатках. Можно сказать, что это уже неликвиды. Даже реклама не сильно помогает. – Шеф улыбнулся. – Но в твоем положении, полагаю... – он многозначительно развел руками. – Мы можем продать тебе любую из этого списка, на сколько тебе хватит денег, – шеф дал Ярику лист со списком квартир. – Мы не благотворительная организация, и должны работать с прибылью. Но дисконт будет существенный. Свободно на рынке такого предложения ты не найдешь. Мы так же не кредитная организация, поэтому рассрочки и тому подобное не возможны. Но мы можем дать тебе поручительство в банке. В общем, если решишь, то для оформления квартиры подойдешь в отдел продаж. Соответствующие указания я дал

Виолетте. Она подготовит распоряжения для отдела продаж и документы о поручительстве. График работы я тебе назначаю свободный. Любые сорок часов в неделю. Срочные поручения, – по жестам рук шефа было понятно, что срочность их исполнения не обсуждается, – сам понимаешь. И всегда быть на связи!

Бумаги, которые передал Ярику шеф, валились у Ярика из рук, белым дымом, казалось, вытеснились не только мысли, а все мыслительные способности, равно, как и двигательные функции.

– Ян Константинович. Даже не знаю, что сказать, – наконец выдавил Ярик.

– Сейчас мне и слушать некогда. Да и еще не о чем. Ты сначала прими решение. А сейчас, извини. Прошу покинуть кабинет. Мне пора ехать.

Ноннка еле дождалась вечера, после звонка Ярика. До ночи рассматривали список. Позвали на ужин Ваньку. Сказали, что заберут его с собой, и они все будут жить так же как здесь, в этой коммуналке. Комната ему отдельная будет. С поручительством компании можно было получить хороший кредит. Плюс хорошая скидка, плюс сто тысяч у Авдея, плюс сам уже собрал – на первый взнос должно хватить. Плюсы, казалось, зашкаливали и затмевали минусы. Уже реально по-

тянуть на двушку! Первый этаж – фиг с ним. Так решили общим мнением. Далеко – но не шумно. Зато хорошая площадь квартиры. Ванька настаивал на трешке: «Пока есть возможность. Другой такой не будет!»

Умеет уговорить, ведь!

Почти месяц ушел на оформление документов. Отчасти, может быть, из-за того, что сделку затягивали в отделе продаж. У них в памяти еще теплилась раздача шефа Науму Сергеевичу их бывшему коллеге, переведенному в маркетинг, за какое-то опоздание. А тут, курьеру, такие преференции. И хотя Наума Сергеевича не сильно почитали и в отделе продаж, и, как выяснилось, в маркетинге тоже, но общая доля обделенных вниманием и заботой шефа объединяла людей в негласное противостояние.

«Чем ближе к шефу – там дальше от народа», – шептались в отделе продаж. Да и не только там.

Ярик стал регулярно, хотя и все-таки редко, появляться в университете. При этом часто висел на телефоне.

– Авдей, расписание сессии уже есть? – спросил как-то он,

разыскивая в сумке свои лекции.

– На днях вывесят.

– Там никто не грозился меня отчислить?

– Да через одного! Но Натан Саныч говорит, что разговаривал уже со всеми. Обещали не заниматься...

Ярику снова позвонили на сотовый, он отошел к окну и негромко ответил в трубу:

– Да. Да могу. Да, оставьте на столе у Виолетты. Я за...

Мимо него через холл спешил Василий, направляясь к Авдею с Киоском. Но увидев разговаривающего по телефону Ярика, призамедлился и поменял направление. Вдруг что-то ему говорят по телефону Ярика. Ярик продолжал разговор:

– Обязательно сегодня? Хорошо. Лично в руки. Понял.

Он нажал отбой, и вернулся к Авдею с Киоском, по пути записав что-то в телефон.

– Ага, так что там Натан Саныч, – вспомнил он, на чем прервался разговор, – обещали не заниматься...

– Обещали не заниматься формализмом. Если покажешь знания, то поставят.

– Осталось всего ничего. Работая на трех работах выучить все знания! Практически самостоятельно, – добавил Киоск.

– Фантастика! Не заниматься формализмом! – с издевкой ответил Ярик. – Ладно. Проедем!

– Кстати, на счет «проедем». Ярик, зайди обязательно в деканат. Составляют списки на экспедиции. Кто куда поедет, – напомнил Авдей.

К их компании все-таки присоединился Василий.

– Всем привет!

– Привет, Василий!

– В смысле, кто куда? – удивился Ярик.

– В этом году есть новые направления. Но я так понимаю, нам с тобой интересно продолжить прошлогодний поход?

– Я вот сильно заинтересовался новыми местами, – Киоск изложил свою точку зрения на их преимущества.

– Не возражаю. Есть интересные, – заметил Авдей. – Реально интересные. Не то, что вон Европа Василия, изрытая под каждым кустом и шлагбаумом, – Василий улыбнулся, но не прокомментировал. – Но нам интересно старое направление, как продолжение прошлогодних находок. Помнишь, мы же весь год искали информацию про африканские таблички.

– Да. Мы нашли одну, но их там по любому должно быть больше, – добавил Ярик.

– Точно! И в этом году мы их найдем.

– Только я, скорее всего, не поеду никуда, – изменившись лицом, словно что-то вспомнив, сообщил Ярик.

– Что значит «не поеду»? Не понял!

– Ну, куда я? Ты же все сам прекрасно знаешь.

– Что знаешь? – прорезался голос Василия.

У Ярика снова зазвонил телефон, он отошел. Но вернулся уже только, чтобы попрощаться.

Подобным образом Ярик иногда уходил и с середины пары. Одних преподавателей это бесило, и они грезились

страшной сессией. Другие относились с пониманием. Третьим был важен сам человек и результат, который он показывает на сессии. Они даже с уважением относились к тому, как справляется Ярик в своей непростой ситуации.

Наконец Ярик с Ноной и ребенком переехали на новую квартиру. Одной опухолью в голове стало меньше. Переезжать помогали всем миром. Вещей в одной студенческой комнате было не много, даже, несмотря на то, что в доме был маленький ребенок. Поэтому помощь по большей части заключалась в справлении новоселья.

В новой квартире было явно пусто. И это обещало затянуться надолго. Кредит съедал очень много. И нужно было в первую очередь как можно скорее рассчитаться с Авдеем.

Ярик главным новосельным тостом поблагодарил теперь уже, или еще пока, бывшего соседа Ваньку, Ванька сам еще не решил, за поддержку, что помог найти работу, по счастливому совпадению позволившую так удачно разрешить машинностроительный вопрос.

Разговор о работе продолжился и позже застолья.

– Ты до каких пор останешься работать в этой конторе? – спросил Авдей.

– Пока не расплачусь с долгами, – ответил Ярик.

– Да-а, все они сейчас такие ушлые, – посетовал Ванька. –

Ты им руку, они у тебя голову. Подыскал я тебе работу! Кабала!

– Да нормально все, – возразил Ярик. – Они мне дали гарантии. Я – им. Пока что они мне дали больше, чем наоборот.

– Ага, дали! – не соглашался Ванька. – Дом снесут не сегодня-завтра.

В нем, видимо, говорило свое наболевшее, что для Ярика с переездом уже стало не так актуально. Ярик и даже обычно проницательная Нонна в суете не заметили ванькиной озабоченности.

Толпившийся по обыкновению у нужных разговоров Василий поинтересовался у Ваньки:

– Вань, а может, и меня устроишь куда-нибудь? Или туда же?!

– Тоже что ли дети? – захихикал Ванька.

Все поддержали его веселье. Громче других Лизон, Авдей и Митек. Ноннка и Ярик отреагировали не так живо.

– Ну, нужно, – не расплылся, как обычно, с объяснениями Василий.

– Ну, если нужно. Может и удастся подсобить.

– Мне только так, чтоб по ночам. Учебу, чтобы не бросать, – конкретизировал Василий.

– Ты другую работу не искал? – продолжил Авдей превращенную мысль, вновь обращаясь к Ярику.

– Искал. Только до этой, – сообщил Ярик. – Этот вариант

пока остается лучшим!

– Теперь еще и обязательным, – заметила Лизон. – Зато ты теперь у нас угловатый мужчина! В смысле мужчина с углом! – добавила она, выждав, пока напряжение мозгов Ярика и остальных отразится на их лбах.

– Это ты к чему сейчас? – нахохлилась Ноннка. – Угол уже и с насадкой, если что!

Ярик ласково приобнял Нонну, давая понять, что у нее нет причин волноваться по поводу таких шуток.

*

Несколько дней спустя, сосед Ванька расстроил Ярика и Ноннку. Он сообщил, что не хочет переезжать с ними. Хотя, когда уламывал их на трешку, ставил это условие почти как ультиматум, мол, не хочет занимать у них комнату, мол, им на троих двух комнат самим будет мало. Они тогда сдались, а вот Ванька сейчас ни в какую не сдавался, остался в старом доме.

– Вот хитра выдра! – подначивал его тогда Ярик. – Вроде Иван, русское имя...

– А я по паспорту может на самом деле Иоханан! Ты таки и не проверял ведь!

– Вот как! Да неужели так?

– Так, так, – потянул Ванька. – И много ли разговаривали б вы со мной, если б знали это раньше? – картавя «р», нудя на

анекдотично-еврейский манер и при этом ехидно улыбаясь, добавил он.

– Фу ты! Хорош дурачиться! – возмутилась Ноннка.

– И не говори. Уже полтора года, даже уже больше, мы тут с тобой живем. А теперь он вдруг еврейничать начал, – поддержал ее Ярик.

– Да хоть прикидывается, хоть не прикидывается. Без разницы. Я с ним дитя новорожденного уже тыщу раз оставляла, то в аптеку бегала, то за хлебом в магазин, то за справками. А теперь чего же? Глеб вот тебя как деда принимает, – обратилась Ноннка снова в Ваньке. – А ты ехать не хочешь.

Однако сломить упертость так и не удалось.

– Упертый, как натуральный русский. Хочет, чтоб мы поверили в его паспорт, которого не видели! – уже прощаясь, сказала Ваньке Ноннка.

Тот только улыбнулся. Обнял ее и посадил в такси.

После Ярик с Ноннкой приезжали к нему, пробовали уговорить еще раз. Напрасно.

*

А однажды в начале лета Ярик поздно вернулся домой, застав гостей. В гостях расположилась Тамилка.

– Опа! Какая радость-то в нашем доме! – воскликнул Ярик, увидев Тамилу.

– Все, все. Уже убегаю, – вскочила та и принялась оправ-

лять нежные складки платья.

– Куда это ты убегаешь?

– Туда, куда все порядочные люди, как, например, Маришка, уже убежали. По своим. Мы уже с Ноннкой обо всем успели посекретничать, так что я...

– А со мной посекретничать? – перебил ее Ярик.

– Мил человек, не сердчай на меня за дискриминацию, – Тамилка чмокнула Ярика в щеку, – но есть же какие-то нормы приличия: женщины секретничают с женщинами. А мужчины, извини, пьют в гаражах.

– Эй, алё, гараж, – взбунтовалась Ноннка. – Это ты че, моего в гараж что ли сейчас спровадила. Он у меня домашний, – она погладила Ярика по голове, как кота.

– Что ты? Нет, конечно. Только пускай он не отбирает меня у тебя, – улыбнулась Тамилка, насадила на припудренный носик модные очки и хотела уже уходить.

– Вообще-то уже совсем день, – подтрунивая над тамилкиными очками, заметил Ярик.

– Пускай пока так. Я на улицу выйду, там что-нибудь придумаю, – не могла же Тамилка просто согласиться с мужчиной и снять очки.

*

– И о чем вы тут секретничали, – спросил Ярик, когда Тамилка выпорхнула.

– Да как о чем?

– О! Тамилка точно так же ответила на этот же вопрос. Что удивительно! – иронично заметил Ярик. – А может и не удивительно. Как у нее дела с Митьком?

– А ты откуда знаешь?

– Да как откуда? – передразнил Ярик предыдущий ответ Ноннки. – А вы все думаете, что только вы все замечаете, а мужики пьют в гаражах с закрытыми воротами и глазами!

– Конечно слепые. Дальше носа только папироса!

– Может вы, конечно, все раньше замечаете...

– Да не может! А так и есть!

– Но когда мне Митек сам рассказывал, что у них с Тамилкой уже давно шуры-муры, то мне уже трудно чего-то не замечать.

С этими словами они оба расхохотались. А как утихли, Ярик сообщил, что завтра будут сносить их старый дом, а Ванька все еще там.

– Тогда завтра с утра ищем газель и едем за ним. Куда он денется, когда под окном будет стоять машина? Погрузится и поедет с нами, – предложила Ноннка.

– Ну, ты, мать, шьешь идеи сегодня! – удивился Ярик.

– Ты давай, не удивляйся, а думай, где искать машину. И вообще, за стол садись.

– Это не возможно! Решение найдет, распоряжения раздаст. За стол посадит, накормит! С кем я живу?!

– Не поняла последнего! – изумилась Ноннка.

– Это же лучшая женщина на свете! – улыбнулся Ярик и поцеловал жену.

*

Так и сделали, как предложила Ноннка. Только даже этим не сломили Ваньку.

– Куда они будут сносить дом, если здесь буду я? – уверенно заявлял он.

В тот день дом действительно оставили. Что-то не спросилось у самого подрядчика. То ли техника понадобилась где-то еще, то ли рабочие. То ли действительно из-за Ваньки.

Сессию, нагрянувшую по обыкновению неожиданно, Ярик сдал успешно, как считал он сам.

– Всего один хвост на осень. Это просто удача!

– Ну, конечно, – возражала Ноннка. – Особенно если сравнить со всеми пятерками. И вообще перспективами получить красный диплом.

– Да ладно! От него пользы! Гордости себе да родителям на пять минут. И все!

– Что ты такое говоришь, «пять минут» – с упреком проговорила Ноннка.

– Ну, а что, не так что ли? – удивился Ярик.

– Конечно, не так. Как минимум на час! А то и два! Смотри сколько нальешь! – подмигнула она ему.

Оба засмеялись.

– А потом никто даже не посмотрит на его цвет, – продолжил Яр. – Обидно другое, что в этом году экспедиция накрылась.

«На самом деле, обидно до чертиков, – думал Ярик. Вырваться из петли этих мыслей помогала только надежда. – Одна надежда на Авдея».

Он тоже очень заинтересовался их вопросом и обещал непременно привезти еще несколько табличек. «Не найду, так сделаю», – сказал он.

Нонна тоже понимала, что это был трудный выбор для Ярика. Она видела, что, осознавая свою ответственность за них с сыном, он принял это решение.

«Другой бы мог плюнуть на все и уехать, – оправдывала его Ноннка. – Археологи зачастую помешанные люди. Им не редко плевать... Наверное, не то, чтобы плевать... Они не замечают ничего вокруг, кроме своей цели. Но мне тоже не просто, – в Ноннке проснулся ее адвокат. – Я тоже бросила университет. Академ, конечно. Потом будет возможность вернуться и продолжить. Но я, на самом деле, тоже двинутая на эту тему. В конце концов, с ребенком я справляюсь практически одна».

Действительно. Везде сама. Дома, погулять, стготовить, по больницам. А у них ведь еще усиленный медицинский кон-

троль, так как ребенок родился в семь месяцев. Но Ноннка этим Ярика никогда не напрягала. Видела, что в свободное время, считанные минуты в день, он все же старается ей помогать.

– Да, я считаю необходимым поставить лагерь там, где есть мобильная связь, – настаивала Тамилка.

– Точно, чтобы и здесь тебе постоянно промывало мозги магнитным полем! – отговаривал ее Егор.

– Даже я знаю, что оно электромагнитное, – с нескрываемым удовольствием съехидничала Тамилка.

– Ой, извини, извини. Я слишком сильно упростил, – улыбнулся в ответ Егор. – Это еще хуже магнитного!

– Ну, а как? Я как раз только перед поездкой, можно сказать, специально, наскребла на мобильник, и не смогу им здесь пользоваться?

– Ой, наскребла! Ты же говорила, отец подарил, – загорелась Таша.

– Вообще, конечно, да. Отец подарил. Где я с моей троечной стипендией в ноль деньгоф наскребу на мобильник?

– Известно где! На дороге! – съюморил Егор.

– Щас подзатыльник получишь. Ты, блин! – замахнулась на Егора рукой Тамилка, но великодушно ограничилась тычком пальца в спину.

– Ладно, ладно. Мы все про тебя знаем, – начал ее успокаивать Егор.

– Нифига себе! И что вы про меня знаете? – уже почти вскипала Тамилка.

– Ты у нас девочка приличная! Тамил, – Егор понял, что нужно срочно переводить разговор, – а чево эт ты, говоришь, не сможешь мобилой пользоваться? Пользуйся вовсю. Ты можешь им копать, например. Не удобно, наверное, но все же. Можешь еще не играть в игрушки. Тем более, что времени все равно не будет. Там еще есть, наверняка, чудо будильник.

– И еще есть чудо радио. За свежими новостями ко мне будете ходить!

– Толпами повалим! Только здесь, скорее всего, нет сигнала в FM-диапазоне, – заметил Егор.

– Кстати, обязательно заведи будильник в первую ночь. А то утром не успеешь накраситься, – подколот Тамилку Авдей.

Все засмеялись, вспомнив первое утро прошлогодней экспедиции. Даже те, кто не был с ними тогда. Они хоть и не были, но не раз слышали эту историю и пророчество Семеныча. Тамилку это воспоминание не очень обрадовало, но она не стала защищаться и акцентироваться на нем, чтобы тема поскорее утихла.

– Точно, точно! Я не буду вставать раньше, чтобы разбудить тебя, чтобы ты успела накраситься, – добавила Лизон.

– Смейтесь, смейтесь. Вставать-то все, небось, будете по моему будильнику. Ведь ни у кого же, наверняка, нету! – оправдывалась Тамилка.

– Да у нас бессменный Семеныч точнее будильника! – от-

говаривался Авдей.

– А дежурный все равно должен встать раньше Семеныча! – не унималась Тамилка.

– Слушай, ты стала круче Ярика. В прошлом году тот с телефоном носился, теперь ты, – заметила Таша.

– Да. Я у него и солнечную батарею взяла, – похвасталась Тамилка. – И, кстати, в прошлом году будильник был только у Ярика на сотике.

– А как батареей пользоваться, Ярик показал тебе? – спросил Авдей.

– Он сказал, что если что, Авдей мне поможет, – развернулась к нему Тамилка и расплылась в улыбке.

– Ставить лагерь на горе, только ради тамилкиного телефона, мы все равно не будем, – успокоил всех Семеныч. – А в низинке вероятность наличия связи совсем не велика. Так что выбор места очевиден!

– Да! Очевидно, что выбор подходящего места за Семенычем! – заключила Лизон.

– Придется сдаться перед натиском опыта и авторитета! – добавила Таша.

– Видимо мне придется потрудиться, чтобы оправдать ваше доверие, – ответил Семеныч.

– А долго мы с вами еще будем так трудиться? – поинтересовалась Тамилка. – Если не ошибаюсь, мы уже как бы ни часа три, как в поисках. Федор и Митька уже наверняка решили, что мы их бросили.

– Им, однако, лучше, чем нам. Их-то бросили с вещами и едой. А вот мы что будем делать? – начала строить цепочку возможных событий Лизон.

– Да, собственно, предлагаю закончить..., – Семеныч сделал еще несколько шагов, – прямо сейчас!

– Да будет так! – возликовал Авдей, тоже уже готовый остановиться в любом месте, и упал навзничь на землю.

– И чтобы увеличить окончательность этого решения...

С этими словами Семеныч выломал полутораметровый сушнячок, воткнул его в землю и привязал к нему повязку, накрывавшую его голову

Лагерь разбили на берегу той же реки, что и в прошлом году, но с другой стороны от материка, что оказалось чуть выше по течению.

– Будет больше возможностей изучить местность, – рассудил Семеныч.

Тропы, истоптанные в прошлой экспедиции, уже никого не интересовали. Связи здесь не было, но все-таки было радио! Ретранслятор, что стоял на сопке в ближайшем поселке, с хрипотцой, но добивал.

На нем же была сота, но телефон через сопки ее уже не видел. Разница частот сказывалась на дальности и огибаемости. Однако, как выяснилось позже, если потрудиться и взобраться на ближайшую сопку, то через хрюкания можно было услышать знакомые голоса.

Половину следующего дня потратили на ориентирование на местности. Не прошло и года, но места изменились. По крайней мере, всем показалось именно так. После долго спорили, в каком направлении двигаться дальше.

Цель экспедиции этого года была очень четкой: совершить мировое открытие.

– Мысли всей группы должны работать только на это! – настраивал друзей Авдей.

– Для этого нужно ни много, ни мало обнаружить новую цивилизацию! – рассуждала Лизон.

– Нуууу, это уже будет не открытие, – возразил Вадим. – Это уже сенсация!

Семеныч с улыбкой наблюдал, как ребята разжигают в глазах друг друга азарт.

Прошлогодня находка заинтересовала многих, была масса вопросов и обсуждений, как дома, так и за рубежом. Но незначительность количества материала охлаждала интерес. Были так же опасения, что найдутся другие желающие продолжить работу в этом районе раньше них. Но суровые зимы и позднее лето помогли свести эти опасения к минимуму.

Семеныч прикладывал все усилия, чтобы с одной стороны не допустить чрезмерной конкуренции внутри группы, она все-таки должна работать на общий результат, с другой сто-

роны, чтобы не ослабевал энтузиазм, поддерживал атмосферу некоего соревнования.

Стали делиться, кому и где копать. Дотелились до обеда. На сытые желудки вопрос прошел легче, и распределить группу по местам стараний удалось без кровавых боев. Как и в прошлом году дежурному по лагерю доставались мокрые работы на весь день. Его ссылали на промывание взвесей. Должность весьма противоречивая. Городище так не намоешь, конечно. Но если повезет, можно намыть золото или камня какие.

Однако первый день оказался совершенно пустым. Ни одного сколько-нибудь значимого свидетельства прошлого. Несмотря на это, а так же на дикую усталость первого дня, по возвращении в лагерь глаза светились у всех.

Ужин прошел в азартных спорах, плавно перетек в усталую дискуссию, которая потом снова разгорелась и закончилась тотализатором: сначала, кто же первым найдет любую находку, а потом, кто первым найдет еще одну табличку. Поднялся вопрос и о том, кто первым найдет селище. Но смельчаков спорить за это место не нашлось. Семеныч тоже, хоть и не очень активно, участвовал в разговорах. Апатию по отношению к селищу он немного развеял:

– А кто первым найдет городище, тот получает автомат у меня на следующей сессии!

Реакция последовала бурная.

Такие демагогии Семеныча сперва забавляли, но, в конце

концов, начали утомлять.

– Ох, ты. Уже десять, оказывается! – внезапно сказал он.

– И что, что десять? – полюбопытствовала Тамилка. – Уже поздно?

– Уже темно, солнышко! – ответил Семеныч. – А если вспомнить, какое сейчас время года, то светло станет очень скоро. А это означает... – многозначительно протянул Семеныч. – Поэтому рекомендую снизойти до отдыха.

Второй день к всеобщему сожалению прошел тоже безрезультатно, так же как и вся первая неделя. Угасание энтузиазма при этом компенсировалось ростом азарта. Ведь времени до конца экспедиции оставалось все меньше. Но бесконечно так продолжаться не могло. Семеныч, конечно, понимал, что случается, и целые экспедиции проходят впустую. Но для них-то это впервые!

«Да, – думал он. – В нашей стране великие достижения свершаются практически исключительно на оголтелом энтузиазме и фанатизме. Но и они все-таки ограничены. Без должной поддержки они заканчиваются даже при наличии результата. А при отсутствии результата... Уж лучше бы нам в ближайшее время что-нибудь найти».

И это «лучше» через день таки случилось. Пальму лидерства выхватил женский отряд: Лизка, Таша и Тамилка. Идея неглубоких выемок грунта, основанная на том, что табличку в прошлом году нашли именно на небольшой глубине, обсуждалась на вечерней археологической коллегии, но была признана утопичной. Все закапывались вглубь вокруг прошлогодних трофейных мест, пытаясь найти культурные слои более солидного возраста.

Но девчонки все-таки решили изменить тактику. Копали не глубоко, но чаще меняли место приложения усилий, как только оно переставало задевать интуицию за живое. В результате их раскоп стал самым обширным и беспорядочным. Однако, соединяя прокопами точки, в которых обнаруживались занятные предметы, им удалось удивить остальных.

За несколько дней они собрали уже некоторую коллекцию. Найденные предметы с определенной вероятностью могли быть частями предметов обихода. Но не очень понятно, какую функцию они могли выполнять. При этом они были достаточно сложны, что косвенно намекало на уровень развития их пользователей. Ничего, однако, что могло позволить сделать подобные вещи, найдено не было. Из этого сделали предположение, что предметы сюда были завезены. Не попались девчонкам и столь желанные таблички.

Где копали девчонки, стали вырисовываться какие-то очертания не то жилища, не то хранилища, не то стойбища, не то еще какого-то строения. Оно по форме было таким же, какое было найдено в прошлом году. Стали думать, как это могло бы располагаться, и в этот сектор перекинули еще несколько человек. Методом неглубокой копки, открытым отрядом девчонок, они тоже находили какие-то твердые формы.

До чего-то, имеющего форму, на довольно приличном расстоянии так же докопались еще в одном отряде. Таким образом, к концу второй недели стали пробовать составлять новую карту, внося корректировки в карту прошлого года.

Глядя на новую карту, сделали вывод, что все три места, где уже нашлось что-то, расположены на одной прямой. Все три места имели предполагаемые постройки строгой прямоугольной формы, их стали называть коробками, ориентированные вдоль этой прямой.

Как ни ликовали, как ни танцевали, но обнаруженное общими усилиями собрание построек, однако, не классифицировали как селище. И это даже не было авторитетное мнение одного Семеныча. Для жилищ постройки слишком велики и просты. Никаких фортификационных признаков тоже не выявили. Поэтому версия о городище так же не нашла поддержки.



Оставалось до отъезда домой еще три недели. Решили расслабиться и отметить этот, так сказать, экватор. Стоявшая жара хорошо вписывалась в придуманный праздник.

Федор, сговорившись, с Митьком пошли дальше. Экватор так экватор! Они вымазались сажей, обрядились в импровизированные туземские юбки, обвешались костями, привязанными к веревкам. Для реализации своего плана им пришлось еще заранее подговорить Егора, чтобы тот постарался всех скучковать у костра какой-нибудь особо популярной песней. А потом он должен был начать барабанить по гитаре тумба-юмбские ритмы, под которые предполагался выход туземцев.

Егор все исполнил чистейшим образом. Выход Федора и Митьки был необычайно эффектным и стал, конечно, событием всей экспедиции.

– Танку-да-нантара-хара, – кричал Федор.

Егору пришлось так же быть переводчиком.

– Ноги к центру, – переводил он, догадываясь о смысле, глядя на жесты Федора.

– Манхайа, манхайа синдава-тара, – продолжал Митька.

– Расслабьтесь, – переводил Егор.

Так исполнив один танец, они усадили всех вокруг костра, заставив их вытянуть ноги к центру. Под общий хохот

они начали новый танец, прыгая через ноги и призывая духов помочь им найти долгожданные таблички. Туземцы кроили все более смешные рожи и фразы. Но и переводы Егора ничуть не отставали.

В кульминации танца Митька и Федор начали сыпать приготовленную заранее сажу в костер. Естественно, что от этого народ начал жмурить глаза. А сажу в мешках наперевес запасли специально побольше. Под зажмуренные глаза туземцы неожиданно начали сажей мазать вытянутые ноги, одной рукой ногу одного человека, другой рукой другого человека, чтобы, пока все окончательно опомнятся, успеть перемазать побольше ног. Причем начали с девчонок. Визгу было столько, что духи должны были как минимум перепугаться! Но и сажу уже было вымазано много, чтобы отступить.

А дальше случилось, как Федор и планировал. Те, кого успели вымазать они, чтобы было не так обидно, начали мазать чистых. Через считанные минуты были вымазаны все, включая барабанщика Егора. Благодаря статусу музыканта, он, кстати, до последнего оставался нетронутым. Эта ситуация сильно возмутила Семеныча, которого вымазали предпоследним.

– А этот-то! Этот вон сидит! – кричал Семеныч. – Музыкант! Бледнолицый!

Обнаруженную несправедливость тут же устранили. На Егора набросились все, и в результате он оказался, конечно же, чернее остальных.

Напоследок Митек распылил остатки сажи из импровизированной котомки прямо там, где стоял. Возмущение не могло не остаться не озвученным.

– Ты чё на меня-то все вытряхнул? – вопила Тамилка.

– Ничего. Как вытряхнул, так и затряхну! – смеялся в ответ Митька.

– Я тебе затряхну сейчас! – шлепала в хохочущих конвульсиях она Митька, куда приходилось.

Продолжать ритуальные танцы пришлось в реке. По этому случаю даже принесли в жертву и вспенили целый флакон шампуня. Когда вышли из реки и начали немного успокаиваться, Семеныч вбил последний гвоздь в этот вечер.

– Ну, господа туземцы, если ваши духи нам завтра не помогут, придется по старинному языческому обычаю сжечь иноверцев на костре.

– Духи не всегда помогают так быстро, – возразил Митька.

– Да и кто-то и вас мог принимать участие в ритуале не с достаточно чистым сердцем и тем самым даже разгневать духов, – поддержал его Федор.

– А может, это все-таки шаманы были не достаточно хороши? – воскликнула Тамилка.

– Думаю, мы можем подождать помощи духов до конца экспедиции, – рассудила их Лизон. – Но если духи останутся глухи, то домой нам придется ехать без шаманов.

Следующий день тянулся до изнеможения долго, но удачи так и не принес. Мелкие находки, которые никак не тянули на сенсацию, не вызывали значительного энтузиазма.

Вечером весь ужин Гаша многозначительно сверлила глазами Федора и Митьку. Но в большой семье терять время на болтовню не решилась. И только лишь под конец трапезы разверзлась:

– Ну-с, чем сегодня были недовольны ваши духи?

– Духи? Возможно, они разгневаны тем, что мы забыли помолиться за завтраком и за ужином. – Федор улыбнулся ей, отставил еду и, приняв снова ритуальную позу, начал громко читать. – О, духи! Не гневайтесь на нас. Не гневайтесь на нас и пошлите нам удачу.

В ответ на это Авдей тоже принял ритуальную позу и тоже начал читать еще громче, нарочно произнося слова неправильно, но созвучно словам Федора.

– О, их духи! Не гневайте нас! Не гневайте нас и пошлите нам удачу как можно скорее, ибо... – это вызвало грозовой смех, частично заглушивший заключительные слова Авдея, – ... иначе эти двое будут сожжены.

– Стоп! Стоп! – возмутился Митек. – Я подвергаю последние слова настоящей иронии!

– Я то же с Митькой согласен! – добавил Федор. – Мы так

не договаривались!

Выводы прошлой недели находили новые подтверждения. Откопанные короба были одинакового размера и все три были одинаково разделены внутри. Однако, эти деления не образовывали отдельных помещений. Кроме того, расстояния между коробами были так же одинаковыми. Даже по этим нескольким фактам можно было сделать выводы о сильной любви к порядку у строителей, а так же об умении придуманный порядок соблюдать, в частности умении точно измерять.

Карта стала уже достаточно большой. На ней были отмечены все места, где находили какие-то предметы.

Как положено для каждого предмета фиксировалась глубина его находки. Карта глубин говорила о том, что, скорее всего, поселение было погребено под слоем грунта, распыленным сверху. Косвенно об этом говорило и найденные деревья, корневая система которых располагалась значительно глубже положенного уровня относительно нынешней поверхности. Однако, она вполне сходилась с уровнем расположения коробок.

Глядя на это, Егор и Вадим решили проверить, на сколько же шаблонны эти постройки и на следующий день начали копать в точке, располагавшейся относительно второй коробки так же, как точка нахождения первой таблички к первой ко-

робке, найденной в прошлом году. На следующий день Авдей и Киоск таким же образом поступили с третьей коробкой. И в этот же день, практически в ожидаемом месте, нашли то, что искали.

Три мегатонны эмоций пришлось сжечь в считанные пятнадцать минут. Тратить лишне время теперь не хотелось никому. Еще мгновение назад от боли и усталости из рук могла выпасть даже кисть. Но теперь руки сами вперед ног рвались за дополнительными мозолями.

Сильно огорчало то, что Егору и Вадиму так ничего и не попало.

– Ваша точка находится на пригорке. Попробуйте копать глубже, – предположил Авдей.

Но даже сделанной находки хватило, чтобы поднять эмоциональный настрой группы на новый уровень. Время завтрака сократилось само собой. Доедали уже по пути к месту раскопок. Через день после Авдея с Матвеем практически одновременно нашли еще две таблички. Одна из них была долгожданная находка Вадима и Егора. Вторыми отличились Семеныч, Митька и Федор. Только их находка случилась в непредсказанном месте, что послужило основанием для новых предсказаний.

Таким образом, третья неделя оказалась плодотворнее двух предыдущих. А на самом деле даже ее последний день! В этот день решили закончить работу пораньше.

– Слушайте! А мы же обещали Ярику сообщить, как толь-

ко что-то найдем! – вспомнила Лизон по дороге в лагерь.

– Ведь мы на радостях действительно об этом забыли! – подтвердил Авдей.

Всех так воодушевили последние находки, что люди превратились в землероек и были полностью поглощены раскопкам. В гонке за новыми трофеями сделанные находки почти не рассматривали. Как раз этим сегодня и в выходной планировали заняться.

– Точно! Вот наконец-то и пригодится твой мобильник, Тамил! – отозвался Егор.

Находки внесли в реестр. Стали изучать. Теперь это уже были не просто находки. Это был материал. Есть что сопоставить, найти общие черты, закономерности... Возможно, растолковать, наконец, надписи. Хотя вряд ли это реально сделать по такому количеству материала, и, тем более, здесь.

– Надо отправить Ярику снимки этих табличек, – предложил Киоск.

– Тамилка, у твоего телефона Интернет есть? – спросил Тамилу Авдей.

– В телефоне есть. Только я им не пользовалась, – ответила гордо она.

– Он, конечно, не настроен.

– Лучше посмотри сам, Авдей.

– Интересно, есть ли он еще в местной сети, этот Интернет, – задумчиво произнес Авдей.

– А даже если он есть, что мы сможем через него пере-

дать? И к тому же с чего мы будем передавать? – продолжил Егор. – Фотоаппарат есть. А ноутбук бы не помешал!

– А давайте, завтра все равно ехать за едой в поселок, найдем там где-нибудь или ноутбук, или может Интернет-кафе, – предложила Тамилка.

– Туда когда едем, времени в обрез на покупки. Да и неужели в этом ауле можно что-то найти? Особенно Интернет-кафе. Не во всяком областном центре сразу найдешь. А уж в этой дыре... – предположил Киоск.

– Если населенный пункт меньше твоего города, это еще не говорит о том, что это глухой аул, – возразила Тамилка. – Слушайте, у меня камера на телефоне есть.

– Ага. 640*480 разрешение! – ехидно крякнул слегка задетый Киоск.

– Ну, одинаково без разницы это лучше, чем ничего, – убедительно настаивала Тамилка. – Давайте, раскладывайте находки. Здесь связи нет, но сделать снимки это не мешает. А завтра поднимемся на холм, Авдей все настроит и отправит. Лишь бы баланса хватило.

– Нормально, – с иронией произнес Авдей. – Авдей настроит, Авдей отправит.

– Конечно, нормально, – ответила Тамилка. Она взяла со стола скомканную салфетку и запустила ею в Авдея. – Ну, вообще ты, конечно, можешь, как хочешь. Ты же Ярику обещал.



Наконец, с чувством выполненного задания группа собирала рюкзаки. Особенно тщательно упаковывались находки, среди коих было несколько десятков предметов неоднозначного назначения. В реестре указывалось, в каком рюкзаке поедет конкретный экземпляр.

Первое предположение, так как подобные находки традиционны в археологии, было, что это хозяйственная утварь или их части. Оно не укрепилось. Позже подумали, что это так же могли быть детали чего-либо, запасные части. У части находок, которые были найдены вокруг второй коробки, непонятны были и материалы, из которых они сделаны. Были прочные и жесткие части. Были и хорошо гнущиеся. Но их объединяло то, что эти странные вещи были очень легкими.

Ну, и, конечно же, находки, которые считались главными трофеями экспедиции, это пять табличек с надписями. К ним боялись даже лишний раз прикасаться. И долго спорили, как их упаковать, чтобы доставить невредимыми.

Наутро по плану должны были остаться только завтрак и снятие палаток. Потом марш-бросок, почти сутки на машине и трое поездом.

Конечно же, усталость уже накопилась. Многие мечтали о поезде, думали, удастся отоспаться. Но если в поезде собираются больше двух, а так бывает всегда, о покое можно

только мечтать. Тем более в данном случае было больше десятка хорошо знакомых людей, которые больше месяца до-вольствовались только дегустацией пива по выходным.

– Семеныч, отчего такой рабочий вид? – поинтересовался Киоск, подсев вместе с Митьком к компании Таши, Лизки, Тамилки и Семеныча, а так же Егора и Федора, что разместились напротив.

– Либо пиво слабенькое, либо его мало, – предположила Тамилка.

– Он просто молодцом держится! – вступился за Семеныча Митька. – От нас не отставал!

– Значит, оно просто не берет Семеныча, – не унимался Киоск. – Вот же шь опыт!

– Или ужин был слишком плотным, – добавила Тамилка.

– А это значит..., – попыталась сделать вывод Лизон.

Завесу серьезности Семеныча удалось пробить. Он все-таки улыбнулся и отвлекся от своей тетради.

– Это значит, что мне еще рано расслабляться! – закончил он за Лизку.

– Семеныч. Расскажите, что пишете. Какие у нас планы на после приезда и дальше? – спросил Егор.

К разговору присоединились другие, кому не спалось. То есть все. Даже соседи-попутчики в роли невольных слушателей. Обсудив и даже поспорив о планах, стали потихоньку разбредаться по местам.



– Лиз, ты уже думала на счет следующего года? – Тамилке еще не спалось, и она не унималась.

– В смысле, на счет следующего года? – с легкой усталостью ответила Лизон.

– Ну, в смысле, ты на следующий год едешь?

– Если ты про экспедицию...

– Ну, а куда же еще?! – перебила Тамилка.

– Наверное, – зевнула Лизка.

– А ты сюда же хочешь поехать?

– Почему нет.

– А в другое место куда-нибудь не хочешь?

– Можно подумать и над этим.

– То есть ты бросишь этот полигон после того, что мы в этом году накопили?

– Ну, там видно будет, сюда же или еще куда-то.

– Что значит, видно будет? Ты сама-то куда хочешь?

– В данный момент я хочу домой, – глубоко мечтательно ответила Лизка.

Ответ Лизон заставил Семеныча улыбнуться. Он все еще что-то дорисовывал в своей тетради, но прекрасно слышал разговор Тамилы и Лизы.

– Не, нормально! Я с ней о науке. О высоком, понимаешь. А она «хочу домой».

– Что поделывать? Хочу домой.

– Ладно, Лиз. Я смотрю, ты как-то не настроена, поговорить, – напустила на себя грусти Тамилка.

– Не, ну ты, хочешь поговорить? Говори, радость моя, – улыбнулась ей Лизон. – Я тебя послушаю.

– Так я и говорю!

– Если б ты говорила. А-то ж ты вопросы сыплешь.

– Спроси ты что-нибудь!

– Ты уж определись, дорогая, ты хочешь поговорить, что-то рассказать или, чтобы тебя спросили?

Семеныч снова не выдержал и практически засмеялся.

– А что смешного? – изумилась Тамилка.

– Разговор – это, как минимум, диалог, – вдумчиво ответил Семеныч. – Тут не поспоришь. – Он сделал паузу, докрыжив что-то в тетради. – Но даже частный его случай «допрос» – это все-таки не тот разговор, который вы сейчас имеете в виду, даже если он перекрестный.

– Да-а. Сразу видно ученый человек! – потянула Тамилка, начав переосмысливать услышанное. – А если кто-то все время отделяется односложными ответами или и вовсе молчит?

– Очевидно, оживленной и интересной беседы в этом случае не получится.

– Тогда всем молчать что ли? – торжественно заключила Тамилка.

– Или придумывать новые вопросы! – с улыбкой подбод-

рил ее Семеныч. – Только это не сильно продлит беседу.

– А вопрос разве не часть разговора? – не могла успокоиться Тамилка.

– Ну, попробуйте, позадавайте друг другу вопросы, – предложил Семеныч, хитро улыбаясь. – Я посмотрю на вас, как долго и продуктивно ли у вас получится?! Ты, если так хочешь поговорить, говори, Лиза в этом права. Начни, расскажи что-нибудь, заинтересуй собеседника, он сам продолжит.

– А если не продолжит? – Тамилка пошла на провокацию.

– Тут да, – задумался Семеныч. – Рано или поздно ты, конечно, иссякнешь, в одну сторону-то говорить.

– То-то же! – поддакнула Тамилка.

– Что ты налегла на Лизу? Она не из тех, кого нужно разбалтывать. Просто, видимо, сегодня она уже в другом агрегатном состоянии! Не до разговоров ей. Есть, конечно, и другой вариант, если хочется поговорить, пойти в соседнее купе и просто встрять в чей-то разговор.

– Кажется, у нас есть один такой общий знакомый персонаж, – предположила Лизон.

– Вот, видишь, Лизон начала включаться, – улыбнулся довольно Семеныч.

– И, кажется, он в экспедицию не с нами поехал, – догадываясь, кого имеет в виду Лизон, добавила Тамилка.

– Он с нами никогда и не поедет! – убедительно констатировал Семеныч.

– А мне вот кажется, что я че-то не догнала про допрос, что вы тут говорили, – сообщила Лизка. – Семеныч, Вы мне завтра повторите. А то сегодня я уже не в форме, судя по всему, – улыбнулась она.

– Ну, если Лизка не догнала! – добавила Тамилка. – Куда мне тогда?! Семеныч, от себя прошу, повторить ликбез и мне завтра дважды!

– Все будет хорошо! На самом деле все просто. Как раз за завтраком и продолжим.

Все были на раскопках. Ярик старался не вспоминать об этом каждую минуту, чтобы не портить себе настроение. Хорошо, что на фирме в это время царствовал разгар сезона. Лето – все-таки не для всех время пляжных дефиле.

На всех площадках нужно успеть сделать все как можно быстрее. А за зиму естественно не успели досогласовать по инстанциям документы и получить разрешения. Ярика постоянно в срочном порядке отправляли то туда, то сюда с разными папками. И зачастую уже не просто передать документы, а договориться, доказать, даже продавить решение, если, конечно, инстанция была не официальной.

Вдобавок ко всему возникли незапланированные хлопоты. Умер Ванька Бублов. Умер у себя в комнате накануне в очередной раз намеченного сноса. Обнаружили его рабочие. Позвонили его бывшим соседям, то есть Ярику, непонятно откуда выяснив его телефон. Вероятно, со времен войны за дом у них еще остались черные записки. Хотели узнать, кому следует сообщить о смерти. Но Ярик не смог припомнить никого, о ком бы Ванька говорил, как о родственниках.

И найти ничего не удалось ни дома в его бумажках, ни в государственных учреждениях. В замененном по возрасту паспорте Ваньки не было данных о предыдущих прописках, только последний адрес, по которому он прожил последние

тридцать с лишним лет. Телеграфный запрос по месту рождения удостоился формальной отписки, что записей о родственниках усопшего в архивах нет.

Однако, у районного нотариуса было найдено завещание Ваньки. Ярику его естественно не выдали, даже несмотря на то, что свидетельство о смерти усопшего было на руках именно у него. Ярик пытался объяснить, что завещание может помочь найти родственников. Но нотариус тоже, видимо, чем-то руководствовался, заявив: «Всему свое время». И попросил Ярика освободить помещение, на основании, что Ярик не является родственником ушедшему. Правомерны ли были действия нотариуса? Ярик не стал тратить время и разбираться.

Заботы о погребении он взял на себя.

Новостям о находках, сделанных на месте раскопок, Ярик очень обрадовался. Но, к сожалению, даже и полученным фотографиям не смог уделить много времени. Они с Ноннкой их рассмотрели вдоль и поперек. И все же отложили до лучших времен, так как качество было не очень хорошим, детали нечеткими.

Ярик попытался найти какую-то информацию о любопытной схематичности построек на полигоне, были ли найдены такие закономерности на других площадках, где попадались находки с такими же надписями. Все что находил тут же эс-эмэсил на фронт Тамилке. Однако, смс-ки доходили не все, из-за непостоянной связи в лагере.

Пусть и с переменным успехом, но оперативно-консультативная работа все-таки велась. Семеныч, по словам Авдея, отметил этот факт и назвал его качественным скачком в археологии, когда работы разделены на два штаба: совковый, так он назвал свой, и мозговой.

А шеф, Ян Константинович, получил, наконец, ответ из Франции. Там, оказывается, как отметил шеф, тоже умеют затягивать принятие решений.

Полностью рассчитанный проект был направлен заказчику почти год назад. Правда потом через два месяца пришли новые вводные, названные замечаниями. Проект переделали и снова отправили. Шеф несколько раз ездил лично на переговоры. И вот оно чудо! В качестве генерального подрядчика выбрана фирма шефа. Но с условием, что целый ряд мелких работ необходимо передать местным подрядчикам.

По этому случаю шеф организовал вспышку радости. Так шеф называл небольшие фуршеты по случаям заключения больших контрактов. Вспышкой был «ослеплен» весь офис компании. Но по таким случаям, видимо это было связано с высвобождением некоего времени, шеф так же обычно начинал у всех проверять состояния дел. Поэтому многие в разных отделах задерживались на работе и плодили срочную корреспонденцию.

Вечером Ярик пришел домой с кипой писем. Хотел разложить все и спланировать, в каком порядке он завтра это все раскидает по адресатам. Нонна сообщила ему, что пришло извещение. Его приглашает к себе нотариус для оглашения важных документов. Естественно без подробностей, о каких именно.

– Странно, – сказал Ярик. – Это не может быть связано с работой. Там есть и более официальные лица, чем курьер.

– И с университетом тоже не может быть связано, – продолжила Нонна.

Ярик посмотрел на адрес отправителя.

– Этот тот самый районный нотариус.

– Он же тебя выставил за дверь?! – продолжила Ноннка.

– Наверное, никто более родной, чем я, так и не объявился.

– Лишь бы тебе не предъявили претензий, что ты похоронил своего соседа.

– У нас запросто могут! Ну, если нашлись родственники, скажу им, где могила. Да разойдемся.

Других объясняющих версий не нашлось, поэтому, решили не гадать, а тупо поехать завтра и послушать.

На это время у нотариуса никому, кроме Ярика, назначено не было. Их пригласили в кабинет, предложили расположиться и подождать еще несколько минут, пока все документы будут подготовлены. Через пару минут вошли еще двое с совершенно нейтральными лицами. Оба устроились возле выхода, как невыносимо бедные родственники, не смевшие даже подумать о надежде быть упомянутыми.

– Если это родня, – шепнула с иронией Ноннка Ярику, – то она просто панически расстроена.

– До состояния обреченной подавленности, – поддержал ее сарказм Ярик. – Странные. Мне не кажется, что они хоть сколько-нибудь скорбят. И даже не рады, – ответил Ярик. – Наверное, они только лишь знали о существовании друг друга и никогда не поддерживали отношений.

Но внимание на себя резко перевел хозяин кабинета.

– Не будем терять времени, господа. Я, Бублов Иван Афанасьевич... года рождения... настоящим завещанием, – продемонстрировав всем целостность конверта, вскрыв его и достав оттуда документ, начал читать нотариус.

– Нет, он хоть по паспорту и Иван, но все-таки он Иоханан, блин! – шепнул Ярик Ноннке. – Афанасьевич! Он даже завещание составил!

Нотариус многозначительно посмотрел на Ярика и Нонн-

ку, выразив таким образом свое недовольство их перешептыванию. Но Ярик и Ноннка не сильно понимали, зачем они здесь присутствуют, поэтому им трудно было удерживаться от комментариев, учитывая всю странность ситуации.

– ... настоящим завещанием, – продолжал нотариус, чуть повысив голос, – делаю следующее распоряжение: Все мое имущество, какое ко дню моей смерти окажется мне принадлежащим, в чем бы таковое ни заключалось и где бы оно ни находилось: в частности вклад в банке... – нотариус перечислил несколько банков, в которых находились вклады, а так же земельный участок в пригороде, еще один участок в каком-то селе, далеко отсюда, как поняли Ярик с Ноннкой.

– Вот это Ванька! – удивленно продолжали перешептываться Ноннка и Ярик.

– Не иначе Иоханан! А жил в комнатухе ветхенькой. Только причем здесь мы? Я так ничего и не понимаю.

– А так же две комнаты в коммунальной квартире по адресу Партизанская... – продолжил нотариус и назвал прежний адрес Ярика, – и автомобиль марки Тойота 1993 года выпуска, кузов и двигатель с номерами ...

– Слушай, я уже не помню с чего он начал, – толкнул локтем Ярик Ноннку.

– Я тоже, мне кажется, уже запуталась, – ответила она.

Но нотариус, стараясь не обращать внимания, невозмутимо читал документ буква в букву.

– ... я завещаю Семенскому Ярославу Дмитриевичу, 25

августа 1983 года рождения ...

– А он смотри, знал, как тебя полностью зовут, и даже где и когда родился, – шепнула Ноннка Ярику, услышав такие точные подробности, которые и сама-то еще не четко успела выучить за время совместной жизни.

– А я до похорон даже отчества его не знал, – растерянно проговорил Ярик.

Нотариус дочитал, как положено, весь текст, со всеми официальностями. Взяв с понятых, коими оказались сидевшие у дверей странные родственники, необходимые подписи, вернулся к живой беседе.

– Насколько я понимаю, вы усопшему не являетесь родственником? – обратился он к Ярику.

Ярик не сразу ответил. Он не мог собраться, пребывая в рассеянности. Но не оттого, что было перечислено нотариусом. А просто от самого факта.

– Нет. Мы были соседями, – выдохнув, очень медленно выговорил он. – Я снимал у него комнату, но два месяца назад мы переехали.

– А родственники у него есть?

– Когда он умер, нам найти никого не удалось. Мы пытались их найти через Вас, если Вы помните.

– Помню. Значит, Вы так никого и не нашли.

– Увы. Не нашли.

– Но Вы все-таки правильно сделали, что пытались, и что приходили сюда. Благодаря этому завещание было вскрыто

своевременно. И вообще было вскрыто.

Они еще обсудили несколько вопросов, что и когда следует сделать, чтобы вступить в права наследства, что делать с комнатами, принадлежавшими Ваньке, по адресу которого уже нет, что делать, если все-таки найдутся другие наследники.

Завершив все бумажные формальности, они разошлись.

– Авдей, здорово, дружище!

Авдей с увесистыми и объемистыми сумками плелся в хвосте своей группы и, почувствовав крепкий хлопок по правому плечу, обернулся. Но там, согласно кем-то давно срежиссированной шутке, его никто не ждал. Ярик был с другой стороны. Авдей быстро повернулся туда и даже вздрогнул от неожиданности.

– Ярик! Здорово!

Авдей бросил ношу, и они по-дружески приобняли друг друга, похлопав по плечу. Обернулись остальные, и сумочное шествие моментально прекратилось, превратив привокзальную площадь в перрон с присущими ему раскатистыми аа-а-а..., оо-о-о..., лобызаниями и прочими нежностями. Пока всех поприветствуешь... да еще каждый чего-нибудь спросит...

– Чего нового, Ярик, – любопытствовала Лизон.

– Да чего? Всего нового! В полслова не расскажешь. А не выпьешь – не поверишь.

– Как Нонна? Встречать не приехала, – с улыбкой спросил Семеныч.

– Куда ей, – улыбнулся в ответ Ярик. – Нячнется.

– А мы тебя на перроне ждали. Долго, между прочим! А тебя все нет. Ведь уйдем, думали, не найдет, – начала напа-

дать на него Тамилка.

– Я, конечно, пardon с расшаркиваниями, господа, – заоправдывался Ярик. – Ну, вы тоже придумали, когда приезжать. В самый разгар рабочего дня. Еле вырвался.

– В прошлом году тебя разгар дня не беспокоил, однако, – напомнил Ярику Киоск.

– Конечно, Матвей. В прошлом году я возвращался с вами, – ответил ему Ярик, – и мне было даже хорошо, что мы приехали в одиннадцать дня, а не в одиннадцать ночи.

– Да не отмазывайся, все равно так просто не прокатит, – продолжил Матвей. – Вот, – Матвей взял у Тамилки рюкзак и палатку у Таши, – держи Тамилкину косметичку и палатку.

Взвалив рюкзак на плечи Ярику, он посмотрел, покачал головой и обдуманно добавил:

– Дисбаланс, однако! Вот держи еще Лизкину палатку, для равновесия. Идем! – скомандовал он.

– Пойдем в другую сторону, у ме...? – предложил Ярик.

– А и правда, пойдем в другую сторону. Чем дальше от транспорта, тем лучше, – поддержал с иронией идею воодушевленный Киоск. – Почему бы не прогуляться с баулами на шее?

– А ведь дело говоришь! – в духе Матвея продолжил Ярик. – Давайте Киоск поперет свои баулы сам на общественном, так сказать, транспорте. А я отвезу только вещи остальных.

– Опа-на, – удивился Матвей. – Нормоленчики! А сразу

предупредить нельзя было.

– Да расслабься, Матвей, ты же слова договорить не даешь. Предупредишь тебя.

– Не, не, – не унимался Киоск, – Давай поподробнее. Мы, значит, там тебе на диссертацию материал копаем, а ты тут машиной что ли разжился? Или она тебе с неба свалилась?

– Угадал. Практически с неба! Пойдем уже. Не с такими же сумками стоять объясняться.

В машину удалось погрузить только самые крупные и тяжелые вещи и взять одного пассажира. Кавалеры тут же раскланялись перед дамами, а дамы кинули жребий. Но поехала все равно Тамилка.

Осмотрев и оценив новую собственность Ярика, Егор кристаллизовал свои впечатления:

– Моей зависти нет ни малейшего предела! Поздравляю тебя! Но, как и Матвей, требую объяснений!

– Давайте не сейчас. Чуть не забыл. Ребят, Семеныч. Ну, традиции афтер-экспедиции-то нарушать не будем. Вечером все у меня! Ноннка тоже очень ждет вас!

– Да у вас же дитя малое, – забеспокоилась Таша.

– Ничего. Нормально. Пусть привыкает, – улыбнулся в ответ Ярик. – Все. Ждем всех!

По своей традиции Семеныч не смог увернуться от ужи-

на «при свечах» с супругой, детьми и внуками. А остальные остались верны заветам своих немногих археологических лет.

Всех встречала Нонна. Ярику, пропавшему на полдня с работы, пришлось там задержаться. А Ноннке пришлось каждому вошедшему отвечать на один и тот же вопрос: «А Ярика где носит?»

Киоск, ведомый любопытством, пришел самым первым. Не обнаружив Ярика, стал допытываться до Ноннки, откуда у них машина. Следующие гости поддерживали Матвея в его следопытстве. Ноннка подливала гостям чай и другие горячие напитки, но терпеливо сдерживала натиск, аргументируя молчание тем, что без Ярика не хорошо будет рассказывать.

– Вот чуем чую, – не унимался Матвей, – здесь либо что-то произошло, либо я чего-то просто не понимаю. Но хуже всего то, что я не понимаю, чего именно я не понимаю. И эта ситуация...

Он не успел договорить. За него продолжил Егор.

– ... просто съедает тебя. По тебе видно, уже не знаешь, как бы еще вывести Ноннку на ответы.

– Вот именно, уважаемый коллега!

– Как, впрочем, и меня, коллега!

– Как, полагаю, и остальным присутствующим коллегам, Нонна как Вас по батюшке..., – закончил Киоск, снова обратившись к Ноннке.

– Матвей, даже прямо и не уговаривай меня пять раз, –

ответила Ноннка.

– Ну, хорошо. Уговорила. Не хочешь рассказывать сама, мы расскажем за тебя. А ты будешь говорить, угадали мы или нет. Лизон, это твой конек. Давай продедуктируем их насквозь. Короче, Ярик угнал тачку? – предположил Киоск.

– Ну, тебя. Скажешь еще, – ответила Ноннка.

Смотревший все это время в другой комнате телевизор Василий, услышав, что вот-вот здесь раскроются все интересные тайны, решил не упустить момент и тоже влился ушами в разговор.

– Ну, ну. Что тут вам такого Ноннка рассказывает?

– Ааа. Так это ему служебную дали. Угадал? – генерировал идеи Киоск.

– У нее номера не местные, – вошла в контекст Лизон со своей логикой. – Какая она служебная?

– Не угадал, – улыбнулась Матвею Ноннка, выставляя на стол стаканы.

– Его назначили замом генерального! – вдруг придумал новую гипотезу Егор.

– Сто пудово! – поддержала идею Тамилка. – Как звучит: Ярослав Дмитриевич генеральный директор...

– Ооо, понеслась, – остановила ее Ноннка. – Называется, пусти Тамилку в отдел парфюмерии. Только что был зам., уже генеральный.

– А че это если он зам. или, тем более, генеральный, он такое корыто себе выбрал? – подметила Лизон.

– Лиз, не порть Ярику будущее, – остановил ее Авдей. – Глядишь и нас куда-нибудь потом пристроит на рыбное или хотя бы мойвенное место.

– Секундочку, – поймал мысль Егор. – А ты с археологией уже, я так понимаю, значит, завязываешь?

– Тут смотри, как человеку, понимаешь, фартит, – аргументировал Авдей.

– Фортуна – дама поворотливая, – парировал Егор. – Я бы даже сказал изворотливая и отворотливая!

– Все правильно! Поэтому не нужно ждать, когда она вернется к тебе навсегда. Нужно ловить ее за хвост даже тогда, когда она только мельком взглянет на тебя.

– Это вы не обо мне тут случайно чай пьете? – спросил Ярик, войдя в комнату и принявшись к еще тонкому, но уже купажу ароматов.

– А вот и он! Даже не услышали, как ты пришел, – обрадовалась Тамилка.

– Еще бы. Галдите как гуси на демонстрации.

– Так мы как раз все о тебе, – протяжно выговорил Киоск, намереваясь теперь-то уже получить ответы на свои вопросы.

– Я так и думал. Иду, икаю, ашь не могу, подпрыгиваю. Шаг вперед, два назад. Че так громко-то? Глеб не спит?

– Нет, не спит, – ответила Ноннка. – С ним Маришка пока играет.

– Ааа. Хорошо. Пусть опыта набирается, – и Ярик под-

мигнул Авдею.

– Я не поняла, – Ноннка заметила это подмигивание. – Я чего-то не знаю?

Но Матвей перебил ее:

– Так с чем мы тебя сегодня поздравляем? С назначением замом или генеральным?

Ярик медленно перевел взгляд на Киоска, его бровки плавно поплыли в кучку.

– Че за бред? – удивленно произнес он. Он взглянул на Нонну. – Нонн, че он несет? Чего ты им тут нарасказывала? – наконец, засмеялся Ярик.

Ноннка только махнула рукой.

– Не поверишь, как могла, старалась держать язык за зубами. Пойду-ка я лучше Маришку сменю. Эти меня уже утомили, разбирайся с ними сам.

– Да это не Ноннка. Это мы сами обо всем догадались, – не останавливаясь, нес Киоск. – Вот и говорим как раз о том, как тебе везет.

– Мне-то? Ребят, вы меня с кем-то определенно путаете.

– Ага. Полная невезуха, – подхватила Лизон и начала выстраивать цепочку «неудач». – Два месяца назад переехал в новую трешку, теперь у него машина...

– Три работы, жена с ребенком меня не видят..., – спокойно, улыбаясь, продолжил за Лизку Ярик, подмигивая ей, – брошенный университет, пропущенная экспедиция, о которой год мечтал, и в которой вы невезучие все были, – он

мимикой, жестами и всем телом помог себе передать Лизке свои ощущения по этому поводу.

– Ты тоже мог бы поехать, – возразил Егор.

– Нет, не мог! – ответил Ярик.

– Да Ноннка справилась бы один месяц без тебя, – убеждал его Киоск.

– Питаясь манной небесной! – Аргументы Ярика казались непробиваемыми. – Это ты в газетах что ли своих начитался? И кем бы я себя тогда чувствовал?

– Ну, извини. Приходится иногда выбирать, – заключил Матвей, осознав некую нетактичность.

– Вот! Сам все знаешь, продолжил Ярик. – Как говорит наш опытнейший Семеныч: «Каждый сам творит свое счастье, насколько позволяют ему его тараканы».

– Против Семеныча не поспоришь, нафик! – капитулировал, наконец, Матвей.

– Кстати, о Семеныче, – опомнился Ярик. – Как поездка? рассказывайте, давайте, что, как, где, сколько?

– Ну, уж нет! – запротестовала Тамилка. – Ты так просто не сменишь тему. Мы уже часа два Ноннку пытаем, она без тебя рассказывать ничего не хотела. Сначала новости об Вас, Ярослав Дмитрич, а потом уж такие мелочи, как экспедиция.

– Шантаж, значит! – улыбнулся Ярик. – Точнее попытка, с применением запрещенных методов. Инквизиторы!

Ярик перешел на смех, и все засмеялись.

– Ничего запрещенного, – разобрала ситуацию Лизон. –

Честный обмен информацией. Просто приоритет у большинства. Демократия! Извиняй!

– Ну, с чего начать-то? Столько всего. Ну, давайте знакомиться заново, – Ярик сильно замедлил темп речи. – Перед вами без всего-то полгода мультимиллионер, землевладелец, практически олигарх. И хозяин уже предъявленного ранее авто.

Договаривая это, Ярик заметил, что у всех поотвисали челюсти. Медленно подняв руки, он успел сделать саечки Киоску и Егору, добавив при этом.

– Приятного аппетита, господа. По саечке вам.

У Киоска саечка получилась не важная, а вот у Егора щелкнуло зубами отменно. Остальные успели опомниться и остались ни с чем.

– Спасибо, – ответил Егор.

А Матвей промолчал, но задумался, за что получил повторную саечку.

– А вам снова саечка. За невежество! – смеялся Ярик.

– Ну, хорошо, хорошо. Они не очень-то к чаю подходят, – отшутился Киоск. – Вот к рыбке бы...

Вернулась Ноннка с Маришкой и Глебом.

– Ааа. Ну, как же, – опомнился Авдей. – Про рыбу-то и вовсе забыли. Мешок же целый.

– Неее, Ярик, – изумленно потянула Лизон. – Ты удивил, конечно, фактами. Только вот оно как же это так вдруг-то?

Задумавшись об источниках, Ярик немного погрустнел,

потом рассказал все про Ваньку, про завещание. Предложил помянуть его. Все поддержали. Он ведь забегал на их вечеринки почти каждый раз и был в доску своим парнягой.

После этого ребята рассказали Ярику и Ноннке все про поездку, чего они еще не знали из эсэмэсок и телефонных звонков. И про то, что в понедельник, как обычно в универе будет семинар с разборами полетов.

*

Ближе к глубокому вечеру Авдей, Ярик и Матвей оказались на балконе. С высоты первого этажа можно было слышать, как раскрываются последние на сегодня цветки неприхотливой энотеры, освоившейся здесь благодаря настойчивости соседки с шестого этажа, которая переехала сюда месяцем раньше Ярика и захватила прилегающие к дому «поля». Энотера, в народе чаще называемая лунником, ночью вытесняла своей численностью и яркостью, выедающей даже в темноте, прочий дневной цветочный сброд. Казалось, что в земле отражается небо.

– Получается, если бы девчонки не наплевали бы на теории и каноны, – иронизировал Ярик, – и не перестали бы копать курганы вглубь, то вы могли бы ничего и не найти?

– Получается так! – ответил Киоск.

– Или могли бы не успеть найти столько много, – чуть смягчил Ярик.

– Чистая случайность! – подтвердил Авдей. – Совершенно научное обоснование! – засмеялся он. – Я бы даже сказал, новый научный подход!

– Ты можешь в это поверить? – изумленно полусшептал Киоск в ухо Ярику. Но даже шепот сейчас воспринимался почти как крик. – Я в это до сих пор не могу поверить!

– А мне вообще в последнее время в случайность приходится все меньше верить, – сказал Ярик.

– Как в нее можно не верить после такой экспедиции? – возразил Киоск.

Ярик немного повременил с ответом.

– В сколько случайных событий подряд вы можете поверить? – задумчиво поинтересовался Ярик?

– Не понимаю твоего вопроса, – ответил Авдей.

– Ну, что тут непонятного? Вот для примера известная вам цепь событий: я приезжаю сюда учиться. Допустим, выбор университета – это осмысленное событие. Потом я из десятков газет попадаю именно на ту, где нахожу объявление и селюсь в обшарпанной конуре у Вани. Этот Ваня устраивает меня на работу. Оно ему надо было? Тоже еще вопрос. И как он это смог устроить? Также интересно.

– Ну, он хотел тебе помочь. Вы же нормально общались, – напомнил Киоск.

– Ты будешь каждому квартиранту искать работу? – возразил Ярик.

– Не знаю, – задумался Киоск.

– Да и не важно. Оно не в этом суть. А в том, что именно в ту контору, которая будет сносить Ванин дом, и где мне потом помогут с этой хатой. Оно им надо было? Снова вопрос!

– Может ты для них очень ценный работник! – нес банальщину Киоск.

– Да. Уникальный! Конечно! – встретил его иронией Ярик. – Сам Ваня при этом умирает, – продолжил он, – оказывается состоятельным чуваком и завещает все почему-то мне. В это не поверит ни один здравомыслящий человек, то, что это было случайно. А если не случайно, то как?

– Ты любишь напускать сложности на простые вещи! – заявил Авдей. – Люди вообще склонны, даже глядя на лужу, видеть орнаменты. Будто дождь их рисует специально.

– В принципе, все могло бы быть иначе, если бы случайный порыв не занес бы меня в кабинет к шефу. Такая же шиша, как и у девчонок на раскопках.

– А, все-таки признаешь..., – возликовал Киоск.

– Но опять же, – перебил его Ярик, – у шефа могло быть другое настроение... И все могло покатиться к... Все-таки это звенья одной цепи.

Ярик отчаянно махнул рукой, запутавшись в видениях закономерностей.

– Что ты здесь снова нарисовался? – дежурно улыбаясь во все зубы, перебила Виолетта своего в каком-то смысле коллегу, не сказать, что ворвавшегося, но незвано ввалившегося в приемную директора с какими-то своими историями.

– Кофем, думал, любезно угостишь.

– Кофеемм! – несколько высокомерно повторила Виолетта, подчеркнув последнее «ем». – А ты принес?

– Думаешь, заржавеет?

Виолетте не ощутила восторга от провокационного взгляда, сопровождавшего вопрос.

– Да гляди... Шея только не треснет? – она не удержалась, чтобы снова не взглянуть на шею собеседника.

– От кофе-то? Уж не треснет, можешь проверить! – последовал весьма убедительный ответ. – Если б ты к нам спустилась, я б тебя угостил.

– Что я там у вас забыла? – собрала в кучку симпатичные бровки Виолетта, прихихикивая при этом. – Ладно, все давай, дуй к себе. Шеф может появиться в любую минуту. Молишь тут глаза. А у меня работы много!

– Так пока еще нету!

– Так может прийти в любую минуту. Это же его кабинет! – Виолетта сама заметила, что говорит немного кокетливо, но как так получилось, не знала.

– Придет, сразу уйду, – задерживал себя собеседник. И неожиданно ошаршил Виолетту, – В конце дня я зайду за тобой?

– Я... я не знаю, во сколько меня отпустит шеф, – прыгала глазами Виолетта.

– Хорошо. Я подожду тебя у себя. Подходи...

В коридоре послышались поспешные шаги.

– Ну, вот. Я же сказала, появится!

Хрустнула ручка двери, влетел Ярик, столкнувшись в дверях с выходящим мужчиной, которого с недавних пор замечал здесь уже не раз.

Ярик через секунду пришел в себя от неожиданного столкновения.

– Это новый директор у нас? По какому направлению? При черном костюмчике, свежей рубашечке, да крепкий, борец, наверное?

– Уф, – выдохнула Виолетта. – Директор! Это водитель нашего Наума Сергеевича. Они же у нас все при параде, кто генеральские машины водит, хлюпиков туда не берут...

– Как звать? – перебил ее Ярик.

– Говорит, Герасим. Уж не знаю, шутит, или как?! – вроде равнодушно ответила Виолетта.

– Молчит? – хихикнул Ярик.

– Да уж как же?!

– А сюда чего зачастил?

– Я-то откуда знаю?! – вдруг всплеснула Виолетта.

– А-а, ну, не знаешь... ну, ладно. Вот свежие, это возврат, это просили передать чуть ли не лично в руки. Думаю, Ви, через твои-то руки можно, – улыбнулся Ярик Виолетте, раскладывая стопки конвертов ей на столе.

Она посмотрела на него таким взглядом, увидев который Ярик понял, что Виолетта не оценила подобную фамильярность, не любит, когда ей так режут имя, и не простит этого даже за доверенные руки и действительно теплый искренний дружеский тон.

«Бывает ли такое, что на работе заканчивается аврал? Если «да», то где? Наверное, бывает, – крутилось в мыслях у Яна Константиновича. Но нужно было на завтра подготовить договор и документы в суд. – Уже десятый час. Виолетту точно пора отпускать».

– Виолетта, – позвал он ее, открывая дверь в приемную, – наверное, на сегодня... – он вышел в приемную и увидел, что Ярик тоже еще на работе. – Ярослав, ты тоже еще здесь?

– Я попросила его задержаться, а то мне с документами мотаться по этажам: в юр., в СБ..., – ответила Виолетта.

– А по электронке они не ходят?

– Ян Константинович, это уже оригиналы с подписями или на подпись. Да копии заверять, опять же бегать.

– Хорошо. Тогда юрики сами могли бы походить немного.

– Их там тоже за всех один остался.

– Как это один? Там же целый отдел, несколько человек.

– Все очень чудесно и неожиданно совпало. Один в отпуске, уже за границей был. Второй взял, да уволился. А Оказий Пантелеевич на больничном.

– Что значит на больничном? Он начальник отдела! А работать кто будет, если он в отпуске людей распустит, а другим при этом позволяет уволиться?

– Там, видимо, что-то серьезное. Звонила его жена. Он в стационаре.

– Хм. Серьезное, говоришь? Тогда почему я об этом не знаю? А кто же там тогда у них остался?

– Тимофей. Кажется, Антонович. Парнишка. Если не ошибаюсь, он у нас еще на испытательном сроке.

– Блеск! Мы вышли на международный уровень, а в главном офисе за всех юристов сидит практикант!

– Все-таки уже не практикант, Ян Константинович, – осмелилась поправить его Виолетта.

– Ладно. Если не кому бегать, пусть бегают Ярик.

– Заодно я заберу корреспонденцию. Завтра быстрее доставлю, не забегая в офис, – добавил Ярик.

– Вот интересное совпадение, я только что как раз думал об авралах. Они вообще заканчиваются? – вспомнил свои недавние мысли шеф.

– Тридцать первого декабря, – ответил Ярик, – когда аврал, на самом деле не заканчивается, но абсолютно не ощу-

щается за новогодним пофигизмом.

– Каким еще новогодним пофигизмом? Ты это брось! – засмеялся Ян Константинович. У него было хорошее настроение, несмотря на позднее время. Виолетта это тоже подметила. – Или неужели тридцать первого декабря все только делают вид, что работают?

– Ооо, конечно же, нет! – по-актерски убедительно произнес Ярик.

– Или может кто-то считает, что у него слишком много работы? – продолжил наступление шеф.

– Как такое возможно? – продолжал Ярик. – Счастливы те, у кого на работе много работы!

– О! Как сказано! Слушай..., – шеф сделал паузу, осмысливая услышанное. – Нет. Это гениально сказано! Тебя надо брать на полставки в отдел кадровой политики. А то они там только бумажки умеют перекладывать. Никакой работы с персоналом. Нет! Там нужно сделать отдел пиара! Точнее это будет отдел самопиара. Себя же и перед своими же будем продвигать.

– Это Вы уже далеко шагнули, – остановила его Виолетта.

– Это, конечно, уже далеко. Ну, а если кроме шуток. Ярик, сможешь придать своему слогану такой же гениальный внешний вид? Я имею в виду дизайн. Может это будут какие-то плакаты, таблички, которые можно будет разместить в фойе, у доски объявлений. Да даже на дверях рабочих кабинетов. А может и на столах.

– И даже на рабочих столах компьютеров! – подхватил идею Ярик.

– А что? Можно! С IT-шниками, думаю, эту задачу решить не сложно будет. У нас все, насколько я знаю, централизовано. Только это должно выглядеть не назойливо, не навязчиво, не нагло, не как мысль сверху, извне. А как мысль изнутри, из собственного подсознания каждого. При этом аккуратно, со вкусом. Чтоб не раздражало людей.

– Понятно. Чтобы производила эффект, соответствующий самой фразе, а не обратный, – закончил мысль Ярик.

– Точно! Тебе даже и объяснять ничего не нужно, – подчеркнул шеф. – Я, кстати, давно это уже заметил. Тогда давай завтра что-нибудь уже и посмотрим.

– Ян Константинович, уже десятый час. Как же завтра? – Виолетта встала на защиту Ярика.

– В каждой правде есть доля правды! – отметил шеф. – Ну, ладно. Тогда давай на той неделе посмотрим. И осень начнем с новым корпоративным имиджем. А сегодня все. По домам! И, – возвращаясь к себе, он попросил Виолетту, – Виолетта, пожалуйста, завтра утром первым делом свяжи меня с женой нашего Оказия Пантелеевича. Если у него все серьезно, то, похоже, мне не с кем будет решать судебные дела. Вот уж этот сезон отпусков! Кстати, если эти документы в суд готовил наш единственный практикант, то я думаю, он у нас останется.

Все радостно попрощались и засобирались домой. Но из

всего разговора в голове у Ярика сильнее всего зацепились слова «таблички». Не те, конечно, которые имел в виду шеф. А совсем другие, которые сразу переключили все мысли Ярика в другое русло.

– Ярик, – поднявшись и сгребая последние мелочи в сумочку, обратила его внимание Виолетта, – ты куда провалился? Прямо, шеф только вышел, ты так опа, – она сделала своеобразный жест рукой, – и нету.

– Серьезно? Да это я так. Задумался. Об учебе, – он сделал небольшую паузу, – да о будущей, надеюсь, профессии.

– Точно, домой пора. Ты все? Готов?

– Готов!

– Тогда але, – она показала рукой на дверь.

– Ох ты! – удивился Ярик. – Эскётюпарль франсэ¹?

– Ой. Эт ты че щас такое сказал? – теперь удивилась Виолетта.

– Ты французский знаешь, спрашиваю?

Виолетта удивилась этому вопросу.

– Возможно, только если где-то на очень глубоко подсобном уровне...

– Ну, ты сказала «але» – «идем» по-французски.

– А... Вон оно даже как? Кто бы мог подумать! Я имела в виду але-гоп через порог. Как в цирке лошадкам говоря, и не более того! – засмеялась Виолетта. – Да я зарюю кабинет. Теперь вот буду знать, что это означает. А ты походу шарить

¹ (франц.) Ты говоришь по-французски?

во французском?

– Да так. Пару ругательств.

– Скажи чего-нибудь, – попросила Виолетта, закрывая дверь кабинета. Но опомнилась, что она уходит не последняя, и убрала ключи в сумку.

– Да ладно. Не стоит. Расстроишься еще, – подмигнул ей, улыбнувшись, Ярик.

– Ой, ой, ой! Ну, и не надо, – сделала вид, что обиделась, Виолетта. Но гордость требовала что-то ответить. Не просто же так сдаваться. – Батайспикинглишабсолютлифлуэнт-ли ифювудлайк туноу², – сказала она по-английски, действительно абсолютно не задумываясь, с блестящим произношением.

– Могёшь! Мои аплодисменты, Виолетта. И я даже снимаю шляпу.

Так, обмениваясь колкостями и реверансами, они дошли до парковки и распрощались.

Утром Виолетта прилежно напомнила шефу про Оказия Пантелеевича, дала ему телефон жены Оказия и побежала передавать самому надежному посыльному просьбу шефа, купить чего-нибудь в качестве гостинцев в больницу: апельсинов, конфет... Однако, как выяснилось, он поспешил. Из

² (англ.) А я совершенно свободно говорю по-английски, если тебе интересно.

разговора с женой он узнал, что цитрусовые, оказывается, нельзя. Пришлось передавать уточняющие ц.у. Он узнал, в какой больнице лежит его главный юрист, и что это действительно надолго.

«Однако! – подумал шеф. – Что же делать? Что же делать?»

Он позвал Виолетту.

– Виолетта, узнай, пожалуйста, когда заканчивается отпуск у..., кто там у юристов отдыхает.

– На следующей неделе. Выходит с понедельника, – ответила Виолетта.

– Так. Еще, значит, три дня. А тут суды как назло посыпались. Послать некого в качестве представителя компании.

– У Вас есть только один посыльный по всем особым случаям. Это Ярик.

– Ярик? Ну, да. – Он продолжил через паузу. – Только здесь суд по его дому.

– Какая разница?

– Так он ведь потерпевшая сторона, одновременно.

– Ну, пусть он не будет потерпевшей стороной. Пусть будет представителем компании.

– И как же это он разорвется?

Где-то в глубине у Виолетты ожило чувство настороженности к Ярику, и она понимала, что это очередной не плохой случай. Такие бывают редко и их нужно ловить. Нужно подвести шефа к тому, что это единственный и оптимальный

для него вариант.

– За одно и проверите его.

В ее голове не успели созреть даже три стратегии, как шеф беспомощно сдался.

– Ну, что ж. Позови его, – решил Ян Константинович.

«Даже не интересно», – мысленно выдохнула Виолетта.

– Он сейчас на доставке. Собирался быть к десяти. Но с покупкой гостинцев Оказию Пантелеевичу... К одиннадцати, наверное, будет.

– Хорошо. Пускай зайдет ко мне. Отправим его в суд, а после пускай навестит Оказия Пантелеевича в больнице. У тебя есть какая-нибудь подходящая открытка, подписать?

У Виолетты, конечно же, нашлась подходящая открытка. Иначе она уже давно бы здесь не работала. Подписывая ее, Виолетта под впечатлениями от состоявшегося разговора мысленно спорила с собой:

– Ну, ты, Виолетта, и насугробила Ярику, – сверлила одна Виолетта.

– Ничего, ничего. Пусть. А-то ишь, какой стал! К шефу отпрашиваться ходит, а потом такие раздачи получает, – подпихивала под ребро другая.

– А может, не стоило? Может, тебе чего лишнего показалось? Ты же наверняка ничего не знаешь. Сама все придумала?

– Ну, и что теперь, назад пятками? Нужно упреждать, а не наверстывать и обороняться!

– Какой ужас! Неужели ты опустилась до мерзких подковерных интриг?!

Виолетта на мгновение замерла, прощупывая поподробнее последнюю мысль одной из себя.

«Откуда оно только взялось? – продолжила она рассуждать. – Эта злоба! Это эгоизм? Неприязнь, зависть? В чем причина? Что-то как-то противно даже стало. То ли от этой подянки, то ли от... Хотя какая подянка? Я же предложила послать Ярика, как надежного человека. Только потом, когда шеф сказал, что он потерпевшая сторона, я уже подумала, что это подходящий случай. Да, но потом, это я же убедила его, что это возможность проверить...»

Виолетта закончила подписывать открытку и подвела итог своим рассуждениям. В висках постукивало.

«Я не права! Все-таки я не права. Что я еще могу теперь сделать, кроме того, что признаться себе? И учесть это на будущее!»

Суд закончился решением в пользу фирмы. Ярик спешил в офис, сообщить об этом шефу, но настроение у него было откровенно гадким.

«Зачем? – думал он. – Козлом он оказался этот Ян Константинович. Неужели в фирме больше никого не было, кого можно было бы послать в суд именно на это заседание?»

Или это типа любезное одолжение за одолжение? Точнее любезный геморрой за одолжение. Или... Что он хотел таким образом доказать, выяснить, добиться? До чего же поганая ситуация. Настолько неприятно, что зубы захотелось выلعчить!» – Ярик даже удивился, этому неожиданному для себя ощущению.

И снова из головы Ярика не выходили слова шефа: «Не люблю, когда дела мешаются с жизнью». Он застрял в пробке, но продолжал думать: «Такое впечатление, что это не случайно. Со стороны директора компании такое решение как минимум странное. Я же заинтересованное лицо. А если бы я дал показания, и суд закончился бы иначе? Рак мозгов!»

Шеф сухо поинтересовался у Ярика:

– Как прошел суд? От тебя, по большому счету, там требовалось только присутствие, и получить судебное решение, если его вынесут. Все документы были представлены в суд ранее на нижних инстанциях и уже давно приобщены к делу.

– Да. Так и было, – так же сухо и даже несколько равнодушно ответил Ярик.

Шефа не смутила краткость Ярика, который и прежде не позволял себе лишних разговоров. Но шеф обратил внимание, что Ярик несколько скован.

– Тебе задавали какие-то дополнительные вопросы?

– Меня вызывали как свидетеля обвинения.

– Тебя? – сыграл шеф.

– Это не удивительно. Я был в числе первых активистов,

заводивших дело. Пришлось отказаться от дачи показаний, сославшись на то, что я присутствую в качестве представителя компании.

– Да. Это правильно.

– Они пытались обвинить Вас в подкупе свидетелей, мол, обеспечили работой и заткнули рот.

– Вот даже как?

– Мне пришлось оправдываться, что на работу я к вам пришел за две недели до того, как жильцам было объявлено решение о сносе дома. Для проверки пришлось предъявить пропуск, где указана дата его выдачи.

– Обвинение заявило об апелляции?

– У присутствующих активистов с той стороны не хватило решимости сразу объявить об этом.

– Видимо, без тебя?

– Полагаю, да.

– А выйдя из зала суда и перестав представлять компанию, ты не присоединился к ним?

– У меня не было времени думать об этом. Нужно было ехать в офис, – уклончиво ответил Ярик.

Яну не понравилось, что Ярик ушел от прямого ответа. Но шеф в такие игры умел играть гораздо лучше Ярика. И не только на таком уровне.

– Это, конечно, ответ, – сказал он. – Но все-таки не тот.

Разговор закончился неопределенностью.

Ярика это беспокоило. Беспокоило то, что подобная ситу-

ация вообще возникла. Его ведь, практически, подставили. Он уже успел составить некое мнение о шефе, о его деловом и обдуманном подходе. И теперь такая идея со стороны шефа ему казалась, по крайней мере, странной. Беспокоило так же то, что так никто и не решился расставить все точки над «і», позволив остаться странной напряженности.

Однако, шеф был доволен. Доволен и общим результатом, и даже сложившейся неопределенностью, которая иногда может быть полезной, как считал Ян Константинович, чтобы, например, люди не зарывались. Сейчас он понимал, что это было поспешное решение в безвыходной ситуации.

«А в безвыходной ли?» – думал он, вспоминая, как это решение появилось.

Он так же осознавал, в какую ситуацию он поставил Ярика, и чем, на самом деле, все могло закончиться – например, судом в следующей инстанции, который с бóльшими усилиями, но так или иначе все равно бы закончился нужным результатом. Он так же понимал, что, несмотря на уклончивый ответ, Ярик дальше не будет заниматься этим делом. А без него, насколько он понял ситуацию, все, скорее всего, развалится.

На следующий день Ярик пришел на работу тяжелым, но с надеждой, что все утрясется. Обратил внимание, что его

канцелярушки о чем-то шушукались у окна, но быстро разбежались по местам, когда он вошел. Причем шушукались всем составом, без разделения по возрасту и даже вместе с Серафимой.

«О! – подумал Ярик. – Если объединились оба клана? Это к переменам! Интересно, кто на этот раз жертва их дружбы?»

Но это узнать, к сожалению, невозможно. Ярик не много времени проводил в офисе компании. Не часто был в своем отделе и уж тем более редко в других, хотя и бывал, конечно, уже во всех. Он испытывал иногда странное ощущение, когда ты везде свой, и при этом чужой даже у себя.

Он скользко был знаком с локальными причудами служб и даже с корпоративными традициями. Но слышал, что руководство предпринимает много усилий, чтобы не допустить дружбы одних подразделений против других. Поэтому заговорщицкие взгляды в отделе его несколько удивили.

Вторая половина дня просто взорвала весь офис. Ярик как раз вернулся из утренней поездки. Все здание гудело, кипело, царило ощущение, что все вращалось вокруг чего-то. Первая мысль, которая промелькнула у Ярика: «Да-а. Вот это тетки дошушукались утром!» Но, поднявшись в отдел, он понял, что не угадал, так как тетки снова шептались и снова разбежались.

– Что за революция в здании? – поинтересовался Ярик.

– Шеф нашел новый проект! – обрадовала его Марьям, самая молодая в отделе, самая незамужняя. В отличие от дру-

гих незамужних, она просто замужем не была.

– На этот раз в Эмиратах! – пренебрежительно добавила, включившаяся в борьбу за внимание Клавка.

– Ох, ты! – удивился Ярик. – Франция, теперь Эмираты! Где нас еще не хватает? Куда дальше потянем свои краны и ковши?

– Подожди! Ковши! – успокоила его рассудительная Серафима.

– Для начала бы лопаты! – продолжила не отличавшаяся оптимизмом Клавка.

– Это только проект. Еще не решено, что он наш. Там таких, как мы, не мало найдется, – обосновала свой скепсис Серафима Андреевна.

На том и разошлись. Только вот и шеф разошелся не на шутку: архитекторам и дизайнерам поручил придумать нечто такое, чтобы Дубай обязательно захотел это иметь у себя, инженеров отправил изучать местность, с юристами, со всем одним оставшимся, договорился о погружении в Эмиратские законы, маркетологам все это предстояло завернуть в блестящую розовую прозрачку... В общем мало кто заметил, как закончилась неделя и когда началась следующая.

Самое тяжелое время года – это понедельник! Беда еще в том, что он наступает пятьдесят три раза в году. В этот день

отчего-то не так стыдно опоздать на работу, хотя и не сошлешься на сильную усталость от вчерашнего тяжелого дня, ведь насыщенные выходные на работе никого не интересуют. Поэтому рабочая атмосфера по понедельникам нагревается медленнее, чем в другие дни.

Но Ярик пришел на работу как обычно.

– Всем привет!!! – весело кинул он, и поставил какую-то коробку в шкаф, возле ящика с исходящей корреспонденцией – единственное место в кабинете, которое хоть как-то можно было здесь считать своим, как казалось Ярику.

Те, кто уже успел добраться до работы, тоже поприветствовали его, с трудом отрываясь от утреннего макияжа. Ярик стал смотреть корреспонденцию. Не прошло минуты, как вдруг Клавка опомнилась:

– А! Ярик! Ну, что же ты молчишь? Тебя же с Днем рождения! – она бросила все приспособления и посеменила к Ярику. – И ты тоже, забыла, – сваливая вину с себя, кинула она Марьям, которая тоже опомнилась и заторопилась исправляться.

Ярик был приятно удивлен. Клавка и Марьям подбежали к нему, поздравили, обняли, расцеловали. И как раз в этот момент вошла Серафима.

– Так, так, так! Вот, значит, чем они тут занимаются, – нахмурила она брови.

– Дак, они же... – начал оправдываться Ярик.

– Что они же? Не надо все на них сваливать. Мне про тебя

много рассказывали. Но я все не хотела верить. Но теперь-то мне все понятно.

– Да что, собственно, понятно? – Ярику никак не удалось вставить и слова.

– Да все мне понятно. Что День рождения у тебя сегодня! Поздравляю! – наконец, улыбнулась она. – Единственный ты наш! Мужчина в нашем рассаднике!

– Серафима Андреевна? – намекнула ей Клавка по поводу рассадника.

– Ай, ну, конечно. Я и имела в виду в цветнике! – она пожалала Ярику руку и даже похлопала по плечу.

Ему ничего не оставалось делать, как поблагодарить, удивиться и констатировать факт, что у Серафимы есть чувство юмора, которое она тщательно скрывает. Или он просто действительно редко бывает в своем отделе.

А Серафима Андреевна продолжила:

– Сегодня, пожалуйста, ты сразу никуда не убегай. Хотя бы дождись, когда мы все соберемся.

*

А когда все пришли, Серафима собрала коллектив для официального поздравления:

– В нашей компании есть приятная традиция, – начала Серафима, давая понять, что она имеет в виду не их тесную компашку, а фирму в целом, – От имени всей компании со-

ставом нашего отдела поздравляем тебя с Днем рождения! – на этом Серафима Андреевна остановилась и передала слово девочкам. – Давайте, девочки, дальше вы.

– От имени компании, но выбирали, конечно, мы, – Марьям, удостоенная чести вручать подарок, посмотрела на остальных. – Надеемся, что ты оценишь наш выбор. Мы дарим тебе этот достаточно скромный, элегантный, но очень кожаный деловой портфель.

Фраза «элегантный, но очень кожаный» всех рассмешила, и на ней, после дружеских рукопожатий и щечных поцелуев, закончилась официальная часть, перейдя в чайную церемонию. А здесь пригодилась коробка, с которой Ярик пришел на работу, рассчитывая удивить дам. В ней был набор для офисного праздника: фрукты, конфеты, торт.

В беседе за чаем ему рассказали про корпоративную традицию, о которой из-за специфики его работы он не слышал раньше: в день рождения фирма делает сотрудникам небольшие подарки. Выбором подарка обычно занимается отдел, где работает именинник, но оплачивает компания. Ему вот выбрали портфель. Так, оказывается, было заведено с самого начала, и от этой традиции директор не позволил отойти даже в кризисные годы, хотя пришлось все-таки стать скромнее. Точнее сказать, совсем скромными. Но, тем не менее.

Так же он узнал, что своим августовским днем рождения он спутал всю статистику их отдела, где все оказались осенними.

Говорили еще много о чем. Но Ярика с непривычки восхитила такая политика компании, когда каждому сотруднику не зависимо от его ранга компания считает необходимым сделать подарок.

«Пожалуй, это белый камушек, – подумал Ярик. – Не большой, но белый!»

– Между прочим, это ты, если мне не изменяет память, втянул меня в эту авантюру.

– Ага. Только что-то я не припомню, чтобы ты, страшно сопротивлялся.

– Зато я помню твой самый мощный аргумент: «Это вещь!», и хоть звезды упадите!

– Ну, железный же аргумент был, если ты повелся.

– Я-то повелся. Только вот ты даже на раскопки не поехал, мне пришлось одному откапываться.

– Ой, ой! Одному! Я еще помню, сколько сумок тогда сгрузили мне в машину. Скажешь, все твои были?

– Им всем тоже в той экспедиции тебя не хватало, впрочем, как и сейчас.

– Ладно, – Ярик сменил тон на серьезный и отчасти грустный.

Их негромкий, неторопливый, такой, между делом разговор сумбурным эхом отливался от стен, не смешиваясь с какими-либо другими звуками, напоминая, что уже довольно не рано. Ярик оторвал взгляд от дисплея, повернулся в сторону Авдея. В полумраке огромной лаборатории, нарушаемом только светом двух настольных ламп, Ярик разглядел за пересечениями штативов и других приспособлений друга и задумался.

Потеряв звуковой контакт, Авдей тоже отложил лупу.

– Ты чего замолчал? – спросил он.

– Ты же знаешь, Авдей, почему все именно так. Прекрасно знаешь, что я бы хотел уделять всей этой чертовщине больше времени. Заметь, в последнее время у меня это стало получаться лучше.

Это действительно было так. Дело близилось к концу осени, когда начинают просыпаться студенты, так как назревает очередная сессия. Авдей, взявший до конца сентября таймаут в научных работах, теперь был доволен, так как включился в работу он не один. У Ярика стало больше времени. Он чаще появлялся в универе, в лаборатории. Так же они встречались в неучебное время, работая с загадочными табличками и прочими материалами, которые, казалось, поглощали их обоих. Только если Авдея они смогли поглотить полностью, то у Ярика лишь ту его часть, которая не была занята семьей и работой.

Удалось наладить контакты с двумя университетами в Африке: в Египте и ЮАР. Страны не самые близкие к наиболее интересному, и, в общем-то, целевому, району центральной Африки. А именно туда пока сходились все информационные разрозненные следы и цепочки по делу о загадочной письменности. Но в более близких странах уровень развития науки или желания общаться не создавал оптимистического настроения для продуктивной работы. Так же активно, насколько это было возможно, велся обмен информацией с Южной

Америкой. Там находки были сделаны в Чили. Два университета в Чили и Аргентине делили исследовательские задачи по найденным материалам.

Ярик и Авдей обратили внимание на выводы своих южноамериканских коллег: материал, из которого сделаны таблички, найденные у них, тоже не свойственен их региону. И они тоже не достаточно разнообразны по содержанию надписей, как и те, которые были в распоряжении Авдея и Ярика. Таких наблюдений, однако, не было зафиксировано по африканским материалам.

Попытки расшифровать надписи пока оставались безуспешными, хотя к этой работе удалось подключить весь доступный опыт.

Авдей и Ярик сидели на кафедре и разбирали результаты последних сделанных экспертиз, отправляя часть из них «на повторно» с новыми параметрами, и добавляя новые. Киоск и Митек убежали немного раньше. Девчонки сегодня вообще в лаборатории не оставались.

Неожиданно громыхнула дверь в лабораторию. Сжигаемая любопытством, по какой такой интересной причине под дверью до сих пор горит свет, голова Василия влезла в щель. Потом за ней ввалился внутрь и он сам.

– А чего это мы еще сидим? На часы не смотрели?

– Увлечлись маленько, – ответил Авдей нарушителю творческого процесса.

– Радует, что не храпите! – сшутнул Василий, чем допол-

нительно чиркнул по душе и Ярику, и Авдею.

Но нужно было разобраться, чем же именно здесь занимаются, и Василий направился к столу Авдея, хотя он и был от выхода дальше, чем стол Ярика.

– Над чем работаете? – поинтересовался он.

– А ты разве не спешил уже куда-то? – озадачил его Авдей. – Вряд ли сюда?

– Ну, полчасака найду с вами поболтать, – не унывал Василий.

– А нам как раз полчасака и не хватило, чтоб закончить сегодня работу, – перехватил мысль Ярик.

Василий, однако, ничуть не растерялся, позволив себе минут пять и в тишине потереться вокруг то одного, то другого.

Еще минут через пять после его ухода, бывая рабочая атмосфера восстановилась.

– Как не уговаривай меня, но нам все равно придется ехать в Африку! – после продолжительной сосредоточенной паузы в очередной раз провозгласил свой диагноз Ярик.

– Эту фразу, Ярик, ты с каждым разом произносишь все с большей уверенностью, – ответил Авдей.

– Поэтому я и говорю, даже не уговаривай меня! Посуди сам: иероглифический материал в Африке гораздо более богат; архитектура, если те постройки можно так назвать, уж больно просты и геометричны и на нашем полигоне, и у американцев.

– И скудны, – добавил Авдей.

– Ты прав. А из карт африканского полигона видно, что там и площадь значительно превосходит нашу, и формы построек варьируются сильно. А что это может означать?

– Что там была более разнообразная деятельность.

– Вот. Можешь, когда хочешь!

– Просто ты повторяешься. К этим выводам мы уже давно пришли, – скинул груз ответственности за свои слова Авдей.

– Наш полигон – это мелкая база. А там – центр.

– Возможно, где-то есть еще более значимый центр.

– Этого нельзя исключать! – подтвердил Ярик. – Но пока мы его не нашли, значит главным городом этой цивилизации я считаю африканский. И ехать в следующий раз нужно туда.

– Это ты скажи Натану Санычу.

– А я уже говорил!

– Знаю, – выдохнул Авдей.

– И скажу еще раз!

– А вдруг от этого деньги в бюджете появятся? – с иронией заметил Авдей. – Тебе же Натан четко дал понять, что приоритеты сильно и безнадежно увязаны с финансами.

– Безнадежного ничего нет, так как надежда всегда умирает последней. А раз мы еще живы, то и надежда еще есть.

– Надежда действительно умирает долго.

– Это факт! – Ярик задумался. – И такое ощущение, что она это делает с удовольствием. Но нам от этого не легче. Пока ничего другого не остается.

– Она мучает нас тем, что она еще есть, – развил мысль

Авдей. – Как ты думаешь, это гуманно со стороны надежды?

– Не знаю. А было бы гуманней, если она сдохла раньше нас?

– Ты знаешь, иногда кажется, что лучше бы уж, чтобы все! Точка! Надежда – она, конечно, хорошая штука. Однако, надеяться только на нее, как это ни странно, безнадежно!

– А вот и не безнадежно! Тут все зависит от потенциальной значимости открытий. Приоритеты могут и измениться. А значимость открытия нужно чувствовать, иначе ты о ней узнаешь, когда уже все будет открыто без тебя.

– Тебя сегодня уже понесло в какую-то другую науку. Если так пойдет дальше, боюсь, мы тебя потеряем. Давай-ка, коллега, на сегодня будем закругляться, – предложил Авдей.

– Согласен, коллега, – ответил Ярик и оторвался от стула.

Совсем не спеша, но долетело время до зачетной сессии.

– Натан Саныч сегодня необыкновенно суров, – доложила Тамилка, выйдя из аудитории, где принимался зачет.

– Что, прям совсем крут? – спросил перепуганный Киоск.

– Может, бывало и покруче, но не с нами. Я его таким еще не видела. Да ты не бойсь! Прорвешься!

– Ага. Авдей уже вон второй час прорывается.

– Авдей на автомат рвется. А тебе бы зачет, да потом на экзамене троечку. И зимой лето будет! А вот что будет делать

Ярик? – добавила Тамила, увидев подошедшего Ярика.

– Что будет делать Ярик по поводу чего? Привет сдающим! – ворвался Ярик.

– Что будет делать Ярик по поводу зачета, из-за которого мы здесь сегодня собрались. А, собственно, вы по этой же ли причине к нам?

– По этой, по этой! Ярик всегда готов! Что за удивительно неуместный вопрос?! Не только готов, но еще и пришел, – ответил Ярик.

– Ага. Он уже начал зубы заговаривать! То же самое будет и с Натаном Санычем!

– Да уж, – Ярик почесал затылок. – Бывали времена, когда я был и получше готов. Но прошлая сессия показала, что было бы красноречие, а знания найдутся! Кто еще остался?

– Ты и Киоск, – ответила Лизка.

– В числе последних иду сдаваться! Как я низко пал! – изображая горе сожаления, сказал Ярик.

– Что значит, низко пал!? – возмутился Киоск. – Это ты такого обо мне мнения, значит?

– А то есть ты и сам считаешь, что в числе последних – это плохо? – перевел стрелки Ярик.

– Матвей, не пытайся его переговорить, – вступилась Тамила. – Он к этому всю ночь готовился, ты все равно не справишься.

– Ну, что, дружище, – обратился Ярик к Матвею. – Ты или я?

– Давай уж сначала ты, – ответил Киоск. – Может, ты его умолаешь, а мне он простит. А может, наоборот, настроение ему поднимешь.

– Ну, тогда к черту!

*

С этими словами Ярик постучал в дверь аудитории.

– Тук, тук, тук. – Он открыл дверь и заглянул. – Добрый день. Натан Саньч, разрешите пополнить ряды сдающих?

– День добрый, день добрый, Ярослав Дмитриевич, если не ошибаюсь. Входите. Будьте любезны. Только вот сдающие уже прошли. Остались только сдающиеся.

– Тут Вы верно подметили, сдавать других и сдаваться самому это в том числе и не одинаковые шансы на выживание!

– Еще более неодинаковые шансы у сдающих и принимающих! Ну, Вы проходите, Ярослав. Не толпитесь у дверей. Вы сегодня по какому-то предметному будете вопросу или по летнему обыкновению зашли пофилософствовать?

– Вы мне все тот экзамен припоминаете. Тогда все было сложнее. В этом семестре я ходил на Ваши лекции.

– Да, да. Кажется, было, – Натан Саньч сделал вид, что усиленно вспоминает. – Целых две!

– Где-то так. Около того. Плюс, минус, – улыбнулся Ярик. – Десять минут от третьей можно не брать в счет, – согласился он, вытягивая билет.

Прочитав несколько строк билета, он несколько раз изменился в лице. Натан Саныч внимательно наблюдал за Яриком.

– И! Будете терять время или сразу перейдем к разговорам на отвлеченные темы? – спросил Натан Саныч, очевидно, сделав какие-то выводы из выражений лица Ярика.

– Мне определено есть, что сказать по этому вопросу. Но хотелось бы сформулировать свою мысль поточнее. Поэтому я хотел бы воспользоваться дополнительной минутой для подготовки.

– Что ж, она у Вас есть. Выбирайте себе место в аудитории и готовьтесь. А-то, я смотрю, наша с Вами непринужденная беседа не мало отвлекла остальных от дела. А, кстати, там остался еще кто-то?

– Матвей.

– Матвей. Ну, пускай пока подкопит знания. Сейчас мы отпустим Авдея, и пригласим его.

*

Авдей отвечал долго, упорно отбиваясь от коварных нападков Натана Саныча, как он потом рассказывал остальным историю своей первой позорной четверки.

– Я бы мог поставить вам и пять баллов, – хотел было пояснить Натан Саныч.

– Да ладно, я понимаю, что Вы не можете выйти за бюд-

жет, – перебил его Авдей многозначительной фразой и, улыбнувшись, добавил: – Пускай у Вас в активе останется один лишний балл для Ярика.

– Точно! – ответил Натан. – Мы так и поступим! Если Ярослав не будет возражать, – обращая внимание Ярика, произнес Натан Саныч. – Подходите. Пообщаемся!

Ярик не торопился идти, делая вид, что он еще обдумывает ответ. А Натан Саныч дольше думал, что бы такое сказать Ярику на его ответ по билету, чем длилась собственно речь Ярика.

– Что я могу Вам сказать. Готовились Вы, конечно, долго. А вот только я приготовился слушать Ваш ответ, как он уже и закончился.

– Как говорится, краткость...

– ... второе лицо лени, – продолжил за Ярика Натан Саныч. – Как-то все скомкано у вас получилось. Однако, Ваше «определенно есть, что сказать», – Натан Саныч процитировал Ярика, – все-таки тянет на два с половиной балла. А значит, два балла я Вам поставить не могу.

– Натан Саныч, я бы, может, и хотел с Вами поспорить. Только это в данный момент не в моих интересах.

– Но и так просто Вам тоже уйти не удастся, – продолжил настойчиво Натан Саныч.

– Хорошо, я понял, – поднял руки в знак капитуляции Ярик. – Мне нужно срочно сейчас же все выкомкать. Да, Митька сказал бы именно так!

– Уж как-нибудь, пожалуйста. Есть у меня подозрение, что не то, чтобы Вы не знаете что сказать. Логически вы рассуждаете правильно. Но вот конкретики, которую нужно просто помнить, вы не знаете. Давайте сделаем так. Вот Вам справочник, в котором Вы сможете найти все, что трудно запоминается. Нужно всего лишь знать, что в нем найти. И через пятнадцать минут Вы мне снова отвечаете на свой вопрос. Идет?

– Идет, конечно!

– Ну, идите тогда готовьтесь, – сказал Натан Саныч Ярику и обратился к Егору, который тоже еще корпел над своими трудами. – Егор, вы там как? Не устали еще? Подходите, побеседуем.

Пока они расшифровывали записи Егора, Ярику позвонили. Из отведенных ему пятнадцати минут половину он провисел на телефоне, что-то записывая в блокнот, зачеркивая, и снова записывая. Судя по всему, принимались важные решения, с которыми Ярик был не вполне согласен. Но время истекло, и Натан позвал его.

– Ну-с. Что Вам там полезного подсказали по телефону? Или Вы сейчас снова скажете, что вынуждены покинуть нас?

– Да это все Новый год. Глупейший праздник, – начал оправдываться Ярик, что его отвлекли, и он не все успел.

– Только не нужно сваливать, друг мой, на Новый год. Он сейчас у всех!

– Да чушь это, этот Новый год. Новый месяц мы, значит,

не отмечаем, а Новый год, по сути, начало января, отмечаем. Суеты больше, чем повода.

– Я не сильно сомневался, – спокойно прокомментировал Натан Саныч и невольно растянулся в улыбке, – что рано или поздно Вы смените тему разговора на отвлеченную. И что это случится скорее рано, чем поздно, тоже было очевидно.

– Нет, я не меняю тему!

– Вот и хорошо. Давайте тогда посмотрим, что вы успели.

– Так вот из-за Нового года и половины не успел.

– Давайте посмотрим, что успели, остальное успеете тогда в прямом эфире.

Как Натан Саныч и предполагал, Ярику не хватало именно знания на память справочной информации. То, что Ярик успел сделать, он начал делать правильно. Остальное доделал в режиме живой беседы, не мгновенно, но уверенно отыскивая в справочнике нужное, и уместно это применяя.

– Вот значит, оказывается как? Можете, значит. А на Новый год все пытаетесь свалить, – поставил Натан Саныч окончательный диагноз.

– Так не сваливаю. Все ровно так и есть. Везде надо успеть, купить, отдать, не забыть, принести, передать...

– Нормальная предпраздничная суета, – рассудительный Натан говорил, как обычно, не спеша.

– Так все ради чего? Что за праздник? Встретить обычный день, обычного месяца. Ночь при этом не спать! Так еще же за неделю до и две недели после никто нигде не работает!

Одни уже до нового года не успеют, другие только к середине января завезут необходимое для работы.

– Пусть все так. Но Вы посмотрите, Ярослав, на это с другой стороны. Это единственный день в году, когда люди всей Земли делают одно и то же, с точностью до названия напитка. Даже более того. В один час и одну минуту все садятся за столы, накрытые лучшей едой, которую они себе могут позволить! Все открывают шампанское и под бой часов загадывают желание! И все надеются на лучшее завтра. Вы только подумай об этом. Шесть миллиардов человек! Ставят елки или что-то подобное, взрывают петарды, жгут фонарики...

– Шесть миллиардов, поделенные на двадцать четыре группы, – уточнил Ярик.

– Согласен! – взбодрился Натан Саныч. – Люблю, когда в Вас просыпается такая точность. В двадцати четырех часовых поясах поочередно! – не меняя тона восхищения этим событием, добавил он. – Вам когда-нибудь удавалось собраться на собрание в своем доме всем подъездом? И тем более о чем-то договориться? Это же фантастика! Радуйтесь! Отмечайте этот праздник, ради ощущения единства!

Киоск, который оставался последним после Ярика, сидел в аудитории, слушал разговор и с трудом сдерживался, маскируя улыбки под мучительный труд ума. Из двадцати минут ответа Ярика, они уже почти половину времени говорили о посторонних вопросах.

– Кстати, раз уж мы вернулись к Новому году, – вспомнил

Ярик. – Натан Саныч, мне тут ребята рассказывали, кто с Вами в поход ездил летом. Вы как-то заметили, что отмечали со студентами уже все праздники, кроме Нового года. Есть отличный повод исправить это. Коль вы за единство, давайте с нами!

Может Натана просто легко уговорить, может просто Ярик умеет уболтать любого. Как бы там ни было, они договорись. На последний аргумент Натана, мол, у вас маленький ребенок, Ярик ответил, мол, ничего, пусть привыкает быть археологом. А после добавил, что Семеныч, если че, уже с ними, так что Вам скучно не будет.

– С вами соскучишься! – отозвался Натан Саныч на последнее замечание Ярика. – Мне Семеныч рассказал, про ваш экватор в экспедиции и про папуасов. Ах, да, – вспомнил Натан Саныч, – тебя же там не было. Но тебе тоже ведь ребята рассказывали.

– Конечно, рассказывали. И снова «кстати», на этот раз об экваторе, как Вы удачно напомнили, – Ярик вспомнил еще один вопрос, по которому ему хотелось переговорить с Натаном, – и собственно об Африке. Вы же в курсе, что мы активно работаем с Египтом, ЮАР, Чили и Аргентиной по нашим замечательным табличкам.

– Да, конечно, слышал. Узнали еще что-то новое?

– Нового нет. Но все следы ведут на экватор в Африку. Туда нужно обязательно ехать. Летом! Как минимум несколько человек нужно направить в экспедицию.

– Ярослав, ты же не первый раз уже поднимаешь этот вопрос. Знаешь, что все упирается в бюджет. Нам никто не утвердит такие расходы. Ну, или мы можем закрыть остальные направления и поехать в Африку.

– Да неужели невозможно чуть-чуть увеличить расходы?

– Чуть-чуть? Вы себе, видимо, не очень четко представляете, о чем идет речь. Кроме того, есть еще одно «но». Пока вы являетесь студентами, такие зарубежные поездки вам точно не светят. Африка – это Вам не Европа! Я имею в виду под руководством университета. Причем ни за бюджетные деньги, ни за спонсорские или свои.

– То есть, я правильно Вас понимаю, через полтора года такую поездку можно планировать?

Натан Саныч не ожидал такой молниеносной изворотливости от Ярика.

– Сомневаюсь, что через полтора года бюджет станет богаче!

– Пусть не бюджет. Но при поддержке университета.

Натан Саныч задумался. Вывод, сделанный Яриком, был логичным. Но это был вывод в угол, из которого нужно было срочно выворачиваться. А может и не нужно?

Двери открыла Тамилка и сразу же осыпала гостей конфетти из хлопушки. Осевшие на шапках и шубах блестяшки

сразу удвоили праздничность настроения.

– О! Семеныч! Ой, то есть Анатолий Семенович, – поправилась Тамилка, увидев супругу Семеныча.

– Все нормально, – улыбнулся ей Семеныч. – Рита Семеновна давно в курсе о моей подпольной кличке. Здравствуй, Тамил.

– Верно. Я шь все ваши видео с экспедиций видела, – тепло подтвердила Рита.

– Она, кстати, тоже Семеновна. Можешь ее так и называть, – добавил Семеныч, улыбаясь жене.

– Не слушай его, Тамил. Он сейчас тебе насоветует. Тогда уж лучше Ритой.

– Как скажете, Рита. Проходите. Натан Саныч, тоже добрый вечер. Прошу Вас, – сказала Тамилка вошедшей вслед за Семенными чете Санычей.

Все тепло поприветствовались, расцеловались.

– А где же хозяин? – поинтересовался Натан Саныч.

– Он немного засуетился. Без Ноннки еле успевает раздавать поручения, – ответила Тамилка.

Ярик и вправду, поскольку домой приходил преимущественно ночевать, с трудом находил в шкафах, углах и нычках нужные вещи: скатерти, блюда и тому подобное. Но девчонки, взявшие сервировочную инициативу в свои руки, другого от него и не требовали. Только ответы на вопрос «Где?».

Для формирования поляны, девчонкам сначала пришлось

расчистить под нее место.

– Откуда у вас уже столько хлама? – возмущалась Лизка. – Вы же здесь не долго еще живете!

– И почему он у вас повсюду разбросан? – поддакивала такими же претензиями Таша.

– Хлам жидкий? – задал встречный вопрос Ярик.

– Нет, – уверенно ответила Таша.

– Он твердый?

– Ну, не всегда, – задумавшись, ответила Маришка, представив себе подушки и прочую подобную ерунду.

– Вот! – победно констатировал Ярик. – Хлам газообразный! Поэтому он занимает весь предоставленный ему объем!

Они посмеялись, но продолжили распахивать его по углам, опровергая слова Ярика, пытаясь его убедить, что он не прав.

– Это временно! Завтра он снова будет повсюду, – смеялся Ярик. – Он просто вязкий!

Но к тому времени, как в прихожей начались образовываться пробки, с хламом дела временно были урегулированы.

– Я смотрю, уже все здесь. Обувь поставить некуда, – заметил Натан Саныч.

– Да. Лизка, Авдей с Маришкой, – начала вспоминать скороговоркой Тамилка, – Василий, Ташка, Тимка... Кого-то, кажется, уже забыла. Егор будет последним, можно не сомневаться.

– А чего это Ярик без Нонны, – спросила Вера Афанасьевна, супруга Натана Саныча.

– Она с Глебом. Он что-то в таком большом количестве нянек запутался и захотел к маме, – ответила Тамила.

– Ну, это бывает! – как бывалые, засмеялись Вера и Рита.

Все прошли внутрь. Дамы пошли на кухню. Лизон сильно обрадовалась:

– Ааа! Еще два салата! Ой, нет, одно блюдо с мясом! Как пахнет! Побегу снова раздвигать на столе.

Разместив на столе новые блюда, она торжественно доложила, что места больше нет, но все готово, и можно начинать провожать. Только тут выяснилось, что нет ни водки, ни вина.

– Ну, и ладно, – попыталась засмеять проблему Лизон. – Их все равно ставить некуда.

– А кто у нас был ответственный за настроение сегодня? – спросил Ярик.

– Егор, кажется, – вспомнила Таша.

– Все понятно. Провожать будем насухую, – сделала вывод Лизка.

Но Егор пришел вовремя, оказавшись самым долгожданным и желанным человеком в этот вечер, и обеспечив проводкам старого года не меньшую праздничность и торжественность, чем встрече нового.

– Возьму на себя смелость на правах старшего отобрать право первого новогоднего тоста у хозяина дома, – Семеныч

улыбнулся Ярику.

– Все нормально, Анатолий Семеныч! – Ярик поднял руки, сжатые в замок, как знак символического рукопожатия.

– Зато у хозяина дома всегда есть неотъемлемое право последнего тоста, который «на посошок», – прокомментировал Егор, сорвав смех.

– Времени для шуток, однако, мало. Открывайте уже шампанское. Голова вон по телевизору уже речь толкает, – прервал его Семеныч.

Традиция открыть, разлить, пролить, вытереть, произвести, загадать, записать, поджечь, чекнуться, столкнуться лбами и выпить под бой часов и в этот раз была соблюдена. С чувством выполненного долга и новыми надеждами все с радостными лицами снова уселись за стол и начали выбирать, с чего бы начать или, точнее, продолжить.

Галантность все еще аккуратными словесными завитушками выходила наружу из кавалеров. Заранее готовясь к следующему тосту и поддерживая беседу, Егор обновлял содержимое бокалов у дам.

– Рита Семеновна, Вам добавить итальянского вина или уже решитесь отведать французского? – обратился он к жене Семеныча, помня еще, что в начале праздника многие дамы хотели попробовать разного.

Она, отвлекаясь от неформальности застольной беседы, рассмотрена на стол, показала невнятно пальцем на одну бутылку, потом нерешительно на другую...

– Я сейчас подумаю, – произнесла она с видом, что думать-то ей совсем и не охота.

– Понял, – сообразил Егор. – Короче, наливать, не спрашивать!

Уловив одобрительную улыбку Риты Семеновны, он налил в ее бокал то же вино, какое там было.

*

Семеныч подошел к стоящему у окна Егору.

– Так Вы, Егор, по-прежнему даже на сытый желудок считаете, что есть сегодня ничего нельзя? – перекрикивая музыку, продолжил он разговор, начатый за столом, но отложенный за его незастольностью, как заметили дамы.

– Нет. Теперь приходится признать, что рулетики с, как ваша супруга его назвала, баяном, кажется...

– Бадьяном, – поправил Семеныч.

– Точно! Вот же шь назвали травку! Но рулетики были великолепны, – ответил Егор. – И свининка, очевидно, не бразильская.

– О, да вы, я вижу, тонкий гурман. Риш, звезда моя, – обратился Семеныч к жене, – вот этот молодой хам все-таки признал шедевр в твоих рулетиках.

Рита подошла к ним и, улыбаясь, сказала:

– Тогда, молодой человек, я готова Вам простить вашу нетактичность за столом.

– Свининка даже не базарная и не мороженая, – объяснил Семеныч. – Шурин привез сегодня утром. Он к нам за городскими деликатесами, а нам натурпродукт везет.

– Вот натурпродукт есть можно. А наши городские деликатесы всего лишь приходится есть, – ответил Егор. – Там одни концентраты, заменители, ароматизаторы, ускорители роста, наполнители и так далее.

Подошел Натан Саныч и обратился к Семенычу:

– Пойдем, моя жена желает танцев. Бери свою и... Вот и песня почти наша.

– Подожди. Будет другая песня. Мы тут решаем вопрос практически выживания вида, – отбивался он него Семеныч.

Музыка как раз затихла. За ди-джея был Тимофей, он пытался исправить песню, понравившуюся старшему поколению. Пока он искал что-то подходящее, вся подтанцовка из коридора, где был танцпол, присоединилась к спору о своем выживании.

– Ничего себе! И без меня? – воскликнул Натан Саныч. – Если вы о человечестве? То уверяю, выживет! Приспособленцы, хуже тараканов! В смысле приспособливаются еще лучше.

– Хуже тараканов? Это я так понимаю, – подошедшая во время последней фразы Лизон попыталась угадать, о чем идет речь, – вы о людях?

– О них, – удивленно сказал Егор. – Ты тоже их ставишь в один ряд?

– В плане выживаемости, пожалуй, да, – немного задумавшись, ответила Лизон.

– Еще сравните с крысами, – с нескрываемым неприятием параллели с тараканами сказала Маришка.

– И обязательно с вирусами, – добавил Киоск. – Тоже еще те приспособленцы.

– Ааа. То есть все-таки можно приспособиться есть и ту еду, которая сегодня производится! Егор вот утверждает, что ее есть совершенно нельзя, – зацепился за идею Семеныч.

– Ее есть действительно нельзя, – с грустью подтвердил Натан Саныч, – но приспособиться к ней можно.

– Печально то, что другой еды уже не будет, – добавил Егор.

– Как не будет? – запротестовала Маришка.

– Ну, ты прям всю малину обметил, – возмутилась Лизон.

– В таких количествах, – уточнил Егор, – в каких она нужна, ее можно производить только на крупнопромышленных предприятиях. А там главная цель – это прибыль. Из, скажем помягче, пыли сделать деньги!

– Пардон, есть же стандарты качества, – парировал Семеныч.

– Их писатели, как и их контролеры, давно куплены и проданы в угоду крупному транснациональному бизнесу, – ответил Егор. – Это, кстати, касается не только продовольствия.

В комнату вернулись Авдей и Ярик с Нонной и ребенком.

– А вот по поводу «куплено и продано» мы сейчас спро-

сим у Ярика, – предложил Натан Саныч и позвал Ярика рукой, – он у нас одной ногой причастен к очень крупному бизнесу.

Выслушав краткое изложение темы, Ярик согласился с мнением Егора:

– Да, пожалуй, так и есть. Только, может, даже и не бизнес качает качельку.

– Но все-таки бизнес ведь во всех бедах обвиняется? – уточнил Авдей.

– А крупный бизнес – это инструмент, – ответил Ярик, – исполнитель. Он же у всех на виду.

– Еще более серьезное заявление! – констатировал Семеныч.

– Это общее замечание или это конкретные факты? – поинтересовался Натан Саныч.

– Это я о нескольких конкретных случаях, о которых мне известно. Только уверен, мне известны лишь немногие дела, – ответил Ярик.

– Вот и я говорю, – добавил Егор. – Каждый сам за себя!

– Только лишь у весьма некоторых есть много влияния. А думают они исключительно в перспективе своей короткой жизни, – продолжил Ярик. – Ну, и совсем редкие на поколение или два вперед.

– То есть за своих детей и внуков, – перефразировал Семеныч.

– Получается, так, – согласился Ярик.

– Что есть прямой путь в тупик, – закончила логическую цепочку Лизон. – Надо было под бой часов загадать, чтобы я не увидела закат цивилизации.

Натан Саныч немного отвлекся, глядя в окно.

– Ребят, посмотрите сюда, – подозвал он всех. – Обратите внимание, какие горят окна. Горят практически все большие окна, а это залы наших квартир. Все отмечают Новый год. Уже несколько часов не смолкают фейерверки. И то же самое, сегодня показывали, было в Гонконге и других странах. Мы, кстати, уже говорили об этом с Яриком, совсем недавно. Вы понимаете? В этот день мы, все люди Земли, едины! А вы говорите, что каждый сам за себя! Такие праздники, когда мы все можем ощущать себя едиными, могут стать для нас спасением!

– Красочная речь! Только спасением от чего? – уточнила Тамилка.

– От того, что может стать следствием нашего стремления отделяться. А мы сегодня стремимся разделиться. На всех уровнях: на уровне стран, национальностей, музыкальных предпочтений, подъездов одного дома, в конце концов!

– Ориентации, – продолжил Киоск.

– И даже мельче, на уровне кланов, семей, – задумчиво подхватил мысль Авдей. – Согласен, сегодня миром правят личные интересы.

– Вот поэтому нужно больше таких праздников, – вернулся к своей мысли Натан Саныч. И, заметив Василия, доба-

вил, – А что-то Василий у нас не добавит ничего к обсуждаемой теме.

Василий улыбнулся. Пока он думал, ответить что-то или нет, вернулись Митька и Федор.

– А вот и потерянные курильщики. Подышали свежим воздухом? – Натан Саныч увидел вернувшихся Митьку и Федора. – Вынимайте из наушников Тимофея, закончим эти разговоры и вернемся к празднику. У меня есть тост.

Глава 3

14

Майкл очнулся оттого, что трава под ним становилась мокрой. Но не холодной.

«Щит, уотзефак? – подумал он. – Андзуэрэмай?³».

В попытке приподняться он резко дернулся, вляпавшись рукой в сырость. Оттряхнув руку, он все же брезгливо понюхал ее. Мозги резко включились и начали перебирать мысли, хотя ощущение головокружения мешало им. Последнее, что он смог вспомнить, как он ложился спать, дома в свою постель, рано утром, вернувшись с работы. Запах воды тоже подтвердил, что вечер был в пределах рабочих будней.

«Откуда эта трава, почему она мокрая? Что это за место? Черт, – снова ругнулся он. – Это еще что за хрень?»

Мокрая трава оказалась не самой неожиданной новостью в данной ситуации. Майкл с удивлением обнаружил, что он полностью обнажен, а белая кожа покрылась мурашками.

Вокруг был лес, теплый и на вид дружелюбный. Но место совершенно незнакомое. В поле зрения никаких водоемов.

«Откуда вода?» – снова задумался Майкл.

³ (англ.) Черт, в чем дело? И где это я?

Прикрывая машинально наготу, он осторожно пошел туда, где траву еще не начало подтапливать. Мысли сменяли одна другую: «Это хренов сон! Нет! Во сне и голова тормозит, и ходить быстро не получается. Да! Попробую пробежаться».

Он побежал быстро, как мог, не разбирая дороги, успев рассудить, что направление не важно, так как он здесь все равно ничего не знает. Но остановился.

«Нет. Просто без причины бегать – это точно бредовый сон. Да и просто бежать бесполезно. Нужно убежать. Во сне не получается именно убежать. Или нужно догонять. Догонять некого. Убежать тоже не от кого. Что, скорее хорошо, чем плохо! – поймал за хвост позитивную мысль Майкл. – Можно ущипнуть себя! Черт! Больно!»

Он побрел, глядя по сторонам, пытаясь сообразить, где же он очутился. Нарастало чувство беспокойства. Звуков вокруг было достаточно: пение, казалось, очевидно, птиц, жужжание насекомых... по звукам казалось, что все эти существа не могут быть крупными.

«Это тоже успокаивает», – подумал Майкл, но беспокойство, тем не менее, не уходило.

Через некоторое время к нему прибавилось чувство голода.

«Проблем становится больше. Их уже три. Во-первых, я голый. Но пока я один, это не так важно. А также теперь нужно понять не только, где я есть, но и что здесь можно съесть, –

пролетело у него в голове. – Вокруг, однако, ни одного знакомого растения. Очевидно, что я не знаю всех фруктов мира, – думал он. – Помню, когда увидел китайское киви, я был в шоке, что это волосатое болотного цвета оно может быть съедобным да еще иметь вкус обычной клубники. Но здесь не было даже киви».

Пейжи так же очнулась от воды. Но воду ей с рук лил в лицо какой-то незнакомец. Пейжи ужаснулась. Он был наг. Но ужаснее этого было то, что и на ней не было никакой одежды. Она испугалась и сжалась в комок. Черные длинные упрямые волосы она опустила вперед, прикрыв ими груди. Еле справляясь с дыханием, она дрожала.

Незнакомец понимал, что сильно напугал девушку, и не предпринимал больше никаких действий. Сдерживая радость, что единственный человек, попавшийся ему здесь, оказался живым, он просто показывал себе в грудь указательным пальцем и говорил: «Кофи, меня зовут Кофи».

Но Пейжи не понимала ни одного его слова. Кофи спросил ее имя и при этом показал рукой на девушку. Пейжи, испугавшись этого жеста, попыталась убежать, но Кофи тоже дернулся. Пейжи испугалась еще больше и, окаменев, осталась на месте.

Кофи сел напротив нее. Он осознавал, что девушка дро-

жит не от холода, а от страха, и не понимает того, что он ей говорит. Говорить что-то еще было бессмысленно.

Через некоторое время девушка жестом Кофи показала на себя и сказала:

– Пейжи.

Пока они оба молчали, она думала: «Да, я раньше не стеснивалась с темнокожими так близко, но я много раз видела их по телевизору и даже в своем городе. Он, наверное, тоже никогда не видел сиамку. Они такие же люди, как и мы. То, что он голый, это не самое страшное. Ведь и на мне нет ничего. Мы просто не знаем, что с нами произошло. Но он не пытался меня обидеть. Скорее всего, он называл мне свое имя».

– Кофи, – ответил обрадованный африканец, снова показав на себя пальцем.

Они натянуто улыбнулись друг другу. Пейжи закрыла глаза, чуть наклонила голову и приложила ко лбу руку.

– Тоже кружится голова? – забеспокоился Кофи и помог девушке сохранить равновесие. – Ничего. Это скоро пройдет!

Пейжи не поняла, конечно, его объяснений. Они попытались что-то еще рассказать о себе, узнать друг у друга, как они здесь оказались, на своих родных языках. Пейжи еще знала немного английский, но он ей не помог. Пришлось снова погрузиться в тишину.



Настроение у Майкла немного улучшилось. Он шел все смелее, но все же постоянно озирался по сторонам. Сначала он шел, как ему казалось, все время прямо. Но так никуда и не пришел. Потом решил ходить змейкой, ориентируясь по Солнцу. Чувство голода не давало покоя, и Майклу казалось, что прошло уже не меньше, чем полдня, но Солнце практически не изменило своего положения.

«Ну, или я окончательно заблудился, или... – подумал Майкл. – А может, просто иду с такой же скоростью, с какой движется Солнце. Либо Солнце замерло! – осенило его еще одной догадкой. – Но делать нечего. Нужно решиться что-то съесть. Придется полагаться на интуицию, вид и запах».

Он стал вспоминать, что из увиденного сегодня, ему казалось съедобным. Начал разглядывать то, что казалось на вид плодами, более пристально. При таком взгляде одно потенциальное яство не выдержало критики. К борьбе голода и инстинкта самосохранения подключилась брезгливость, и еще один фрукт, или чем оно было, тоже ушел со стола. Другой фрукт не выдержал теста на запах.

«Человеку все-таки не зря даны его органы чувств, – подумал Майкл. – Большинство того, что до этого я ел, имело приятный запах и вкус, не считая кислых, но полезных, лимонов. Но и они были кислыми, а не противными».

Он потянулся за очередным фруктом, но вдруг впервые за весь день заметил какое-то движение. Движение было резким. Совсем не далеко, за деревьями.

«Может, что-то упало? – мелькнула мысль. – Но показалось, что по горизонтали. Значит, нет».

Сердце погнало галопом, так что стало не слышно мыслей и голода. Он замер. И вокруг все тоже было спокойно.

«Показалось!» – начал было успокаиваться Майкл.

Немного подождав, он снова сделал робкий шаг к ветке с растущими яствами. И снова что-то или кто-то перекинулось от одного дерева к другому. Майкл метнулся в сторону. В том же направлении и этот кто-то. Майкл рванул, как мог, прочь с этого места, бросив из рук отобранные припасы. Он оглядывался и понимал, что оно бежит за ним.

«Это не сон. Если это не сон, я могу бежать быстрее, – убеждал себя Майкл, пытаясь совладать с ногами, мыслями и совершенно незнакомой местностью. – А если сон, то мне нужно просто проснуться. А просыпаешься в таких случаях всегда, когда тебя вот-вот настигнут».

Но, обернувшись в очередной, раз он увидел, что за ним уже никто не гонится. Он замедлил бег и, пробежав еще немного, бессильно упал в траву.

«Ужас. Это не сон, – думал он. – Во сне погони не заканчиваются. И во сне от нее невозможно убежать!»

Сердце, еле справлявшееся с последствиями бега, снова накрыло волной адреналина. Зашумело в голове.

Майкл пытался контролировать окружающую ситуацию, но явно потерял часть внимания.

«Он отстал? Или потерял меня? Неужели я бежал так быстро? В любом случае там кто-то есть, ... был, – мысли у Майкла наслаивались одна на другую. – И даже если он меня потерял... Он зачем-то за мной гнался. Значит, он будет меня искать».

В этот момент что-то налетело на Майкла, прижало его к земле и надавило на горло. Спротивляться было бесполезно. Майкл просто смотрел ему в глаза и остатками осознаваемых мыслей пытался понять, кто этот человек? Типичное индейское лицо из старых приключенческих кино: скулы, цвет кожи, смоляные волосы. Ловкость ему явно к лицу. Тоже наг.

Человек что-то кричал, но понять нельзя было ни одного слова. Однако, обездвигив Майкла, он больше ничего не предпринимал. Майклу показалось, что индеец тоже в паническом страхе. Через некоторое время индеец ослабил хватку, но продолжал что-то говорить.

– Что за чертовщину ты несешь? – нервно ответил Майкл по-английски.

– Английский? Английский! – завопил индеец.

– Да, я англичанин, – рявкнул Майкл. – Американец. Ты что за черт свалился тут на меня?

Индеец стал пытаться изъясняться на ломаном английском, который, может, не очень хорошо знал, да еще от стра-

ха забыл.

Эмили шла по коридору и дергала ручки дверей, в надежде, что какая-то из них окажется не запертой. Сейчас она не думала, что может этим кого-то напугать, хотя сама проснулась как раз оттого, что кто-то дергал ручку ее комнаты, но так же бросил и пошел проверять другие.

Она тогда очнулась от шума, но насторожилась не из-за него. Она немного успокоилась и, совладав со странным самочувствием, огляделась. Комната была не знакомой, и она была в комнате одна. Эмили кинулась к двери. Та была заперта. Как выяснилось позже, дверь была заперта изнутри, а замка снаружи даже не было.

В обнаруженном шкафу было достаточно разной одежды. «Это очень кстати, – подумала тогда Эмили. – А то я уже начала комплексовать, хотя и одна в комнате. В незнакомой, кстати, мне комнате! К тому же здесь не жарко».

Впрочем, и холодно тоже не было. Она немного посидела, пытаясь вспомнить, где она, но ничего не сходилось. Потом она подошла к двери.

«Так. Закрыто изнутри, – начала рассуждать Эмили. – Значит, я закрывала дверь сама. Или нет?»

Секунду назад она еще не решалась попытаться выйти из комнаты, но с последним возникшим вопросом автоматиче-

ски открыла дверь, чтобы глянуть снаружи.

«Ага. Значит все-таки сама, – сделала она вывод. – С внешней стороны только ручка. И ее кто-то дергал?! – Мысль кинулась догонять побежавшее беспокойно сердце. – Значит, он где-то здесь, его нужно найти».

Коридор был широким, длинным и освещенным. Он периодически пересекался с другими коридорами, такими же длинными в обе стороны. Эмили шла довольно долго, как ей показалось. Пейзаж вокруг назойливо не менялся. Сначала она проверяла двери с обеих сторон, потом только с одной, пока не услышала женский голос, сопровождавший отчаянные попытки открыть дверь.

Эмили побежала на звук и увидела в боковом коридоре девушку, замотанную во что-то белое. Однако, замотанную довольно красиво, по всей видимости, умело.

Эмили остановилась. Девушка что-то причитала на своем языке и дергала ручку двери. Эмили осторожно сделала шаг в ее сторону, потом еще один. Медленно подошла. Девушка не переставала шептать.

– Мне очень хотелось бы тебя понять, – сказала Эмили по-английски.

– Она закрылась, – ответила девушка на странном, но все же английском языке.

– А! Так ты тоже знаешь английский?

– У нас его почти все знают. Это второй официальный язык.

– А ты откуда?

– Из Индии.

– Ну, да. Похоже, – обобщив черты лица и сопоставив их с одеждой своей собеседницы, ответила Эмили. – Тогда понятно. У Вас там, правда, какой-то странный английский... – с сарказмом добавила она, – ты уж извини. Но все ж можно понимать друг друга! – отметила, стараясь быть позитивной, она. – Я Эмили.

Густые выразительные брови Деви, показалось Эмили, немного расслабились, хотя полные хорошо очерченные губы, произнося слова, еще выдавали тревогу.

– Меня зовут Деви, – ответила девушка.

Эмили повернула круглую ручку двери сначала в одну сторону, потом в другую. Дверь не реагировала. Но на этой двери, как и на двери ее комнаты, тоже больше ничего не было. Деви, отчаявшись, опустилась на пол у противоположной стены, пока Эмили изучала загадку. Злополучная дверь четко входила в свой проем заподлицо со стеной без существенных зазоров; петли, если они и были, то располагались где-то внутри.

«Совершенно не за что зацепиться! Ни руками, ни мыслями!» – рассуждала Эмили.

После еще нескольких разных попыток, она начала терять терпение, попыталась придавить боком дверь и снова принялась за ручку, невольно придавив ее. Ручка поддавалась этому нажатию.

«Хм, – подумала она. – Все-таки...»

Спустя еще некоторое время им удалось справиться с этой задачей.

Девушка вбежала в комнату, но и здесь растерялась. Снаружи комната, из которой она недавно вышла, казалась спасением, но изнутри она снова оказалась совершенно чужой.

– Чего ты боишься? – нервно поинтересовалась Эмили.

– Не знаю. Просто услышала, что кто-то идет... Я же не знала, что это ты. А ты не боишься?

Эмили в глазах Девушки не выглядела напуганной. Поначалу у нее было не много страха, теперь его стало меньше, потому что очевидной угрозы она не наблюдала. А просто бояться было не в ее характере. Тем более, видя беспомощность Девушки, в ней проснулся профессиональный опыт, требовавший внушать спокойствие своим видом.

В комнате Девушки тоже нашлась одежда, и Эмили заставила Девушку переодеться. После этого она сказала:

– Идем!

– Куда? Я никуда не хочу идти, – сказала Девушка.

– Как знаешь. Оставайся, – равнодушно махнула рукой Эмили с чувством и так выполненного долга. Спасти несчастную от коридора ей ведь уже удалось. – Уговоры, не мой конек. Бойся, рыдай...

Но чем оставаться здесь одной, Девушка решила, что лучше уж пойти с Эмили. Выйдя из комнаты, Эмили обратила внимание на надпись на двери.

– Что здесь написано, ты можешь прочитать?

– Здесь написано на хинди Деви Арора. Это мое имя.

– Отлично! – задумчиво произнесла Эмили. – А это, видимо, номер комнаты, – Эмили показала на арабские цифры под именем. – Запомни их, красавица, – снисходительно порекомендовала Эмили, начиная напрягаться от такой обреченной беззащитности Деви. – Жаль, свои цифры я не посмотрела.

Ладно, идем. Ты тоже слышишь этот шум? – обратила внимание Эмили на вновь повторившиеся звуки.

Деви едва ли хотела их слышать, но неохотно подтвердила наблюдения Эмили.

– Уже не первый раз. Началось, еще когда ты переодевалась. Разве ты не слышала? – удивилась Эмили. – Я тоже думала, мне показалось. – Деви шла спасенной тушкой попятам и не участвовала в разговоре, поэтому Эмили продолжала сама. – Лично я пока ничего не понимаю. Но мы здесь точно не одни. И я хочу найти остальных.

Они пошли в сторону звуков. Прошли мимо одного коридора, второго, третьего... Очередной оказался не таким же бесконечным, как остальные. С одной стороны он был совсем коротким и заканчивался окном, а крыло напротив было перекрыто дверью.

Разъяренный слегка смугловатый парень набегамы дергал ручку, стучал в затуманенную стеклянную дверь, подкопив силы, снова хватался за ручку, тянул ее, помогая себе только

ему понятными словами. По всему было видно, что его очевидно глупые действия подчинялись уже истеричному отчаянию, а не были частью исследовательской или захватнической стратегии. Увидев Эмили и Деви, он остановился в остервенелом пофигизме, ничуть, однако, не испугался, не удивился и даже не смутился. Он что-то сказал, показывая на дверь.

– Я, к сожалению, не полиглот. Не понимаю ни слова, сказала Эмили. – Ты говоришь по-английски? – обратилась она к парню.

Но тот ответил на своем языке.

– Можешь попробовать свой хинди, – не скрывая скептицизма, Эмили попросила Деви. – Хотя сомневаюсь, что это удачный вариант.

Попытка действительно оказалась неудачной. Видя, что они друг друга не понимают, парень окончательно вышел из себя и побежал в сторону окна, схватил стул и кинул его в окно. Но стекло неожиданно не разбилось. Его просто не было, что зафиксировалось как факт только в голове Эмили. Стул красиво улетел вниз и, выждав солидные несколько секунд, издал тихие гибельные звуки.

Эмили тем временем подошла к двери, надавила на ручку и опустила ее вниз – дверь открылась. Эмили сильно не удивилась, она вспомнила, что с дверью от комнаты Деви было то же самое. Собственно она именно ту методику и проверила.

Парень, не веря своим глазам, бросился обратно к двери, а Эмили пошла к окну.

– Ты поосторожней бегай то к двери, то к окну, – сказала она парню. – Здесь лететь не мало, успеешь и подумать.

Парень был эмоционален.

«Наверное, это национальная особенность», – высокомерно подумала Эмили, изучая глазами буйную находку. Она еще не сделала выводы о полезности этой находки, но весы начинали склоняться в сторону сожаления. Что-то неуловимое и вместе с тем подозрительное читалось в его приятных, для единственного пока в округе мужчины, чертах лица. И этот второй факт невольно вытеснил первый в область подсознания.

Молодой человек выразительно размахивал руками в разные стороны, иногда даже напоминая Шиву, что-то показывал на пальцах, метался по коридору к разным дверям. Из всего этого Эмили поняла только, хотя сомневалась в правильности, что парня зовут Тадеу, он уже здесь везде бегал и это единственная дверь на этаже, отличающаяся от других.

Видя, что Эмили его почти не понимает, Тадеу закончил рассказ и выдохнул. Облегченно выдохнула и Эмили. Стало тихо.

Затопив всех своими соплями, Тадеу почувствовал облегчение. Выход никто не обещает, но одиночество теперь не грозит и не грызет. Он присмотрелся к дамочкам.

Корону Мисс в этой вселенной из двух женщин, конечно,

выиграла Деви. Хотя с ним общалась только Эмили, обратил внимание Тадеу первым делом именно Деви. Такая милая, чернобровая, полные губы, светлая, для индианки, кожа. Ресницы бабочки, которые Тадеу увидел, словно в замедленной съемке. В общем, впечатление всколыхнуло и мозг, и брюки.

Но внимания удостоилась и Эмили. Более классический и от этого более скучный европейский облик. Блеклый цвет волос, да и вообще блеклое лицо, по сравнению с контрастными линиями Деви. Однако, свежий цвет кожи. Тадеу заметил ее рефлексивный взгляд. Имея возможность по роду деятельности разглядывать в деталях множество лиц, он сразу классифицировал ее: «Да, да, это не простой случай. Здесь можно ожидать чего угодно».

На оценку ситуации Тадеу понадобилось совсем немного времени. При таком «жесточайшем» уровне конкуренции сошли бы любые, но он с радостью отметил, что обе девушки вполне себе хороши.

Эмили совсем недолго успела пообщаться с Деви. Но именно в этот момент ее укололо ощущение, что она здесь может и не оказаться первой.

Деви, казалось, стеснялась о чем-то подобном думать, хотя кто там знает на самом деле. Если все-таки позаглядывать за двери, то окажется, что и в восточной культуре фантазия и желания насыщают практическую жизнь не хуже, чем в тех культурах, где уже смирились с развратным мнением о себе.

Девы наблюдали за этим всем молча. Она подошла к окну и взглянула вниз.

– Там внизу человек, – сказала она не громко.

Эмили быстрым шагом пошла к окну. Тадеу не понял Девы, но тоже пошел за Эмили. Они посмотрели вниз и убедились в словах Девы. Внизу был, судя по всему, мужчина. Он просто лежал на траве, покрывавшей довольно внушительный квадратный газон.

Резонный вопрос, почему он лежит и не движется, и не связано ли это с выпавшим недавно из окна стулом, остался не озвученным, так как внимание на себя перевела Дева. Эмили заметила, что Дева почувствовала себя не важно.

– Эй, отойди лучше от окна, – сказала она Девы. – Тебя и так-то пошатывало, а от такой высоты и вовсе закачало.

Она подвела Девы к стене и потрогала ей лоб. Во время этой нешумной паузы в пределах слышимости открылась еще одна дверь, из которой нерешительно выглянул мужчина.

Стараясь не отставать далеко, но, соблюдая некоторую дистанцию, Пейжи шагала след в след за Кофи, держа в руках два больших листа и прикрываясь ими. Они периодически с подозрением поглядывали друг на друга.

Вокруг были только высоченные стройные деревья, нель-

зя было понять, где они заканчиваются, и кое-где кусты. Кое-где с деревьев свисали ветки с какими-то плодами. Идти же по земле было довольно легко, так как трава была не высокой, и под ней не было веток, камней, словно это был газон в ухоженном саду или вовсе ковер.

Внезапно Пейжи вскрикнула, подбежала к Кофи и спряталась за его спиной, показывая дрожащей рукой куда-то вдаль. Кофи присел. Пейжи последовала его примеру.

Индеец, которого звали Огимабинэси, рассказывал Майклу, что Солнце уже давно стоит так высоко и почти не меняет своего положения. Сравнение с тем, что Бинэси, так Майкл решил называть индейца, уже второй раз хочет есть, а Солнце не садится, убедило Майкла. И напомнило опять о еде. Он попросил Бинэси показать съедобные плоды.

Как раз когда Бинэси увлеченно показывал Майклу, что он ел в прошлый раз, они оба услышали далекий возглас Пейжи.

Очень осторожно, но две группы все же приблизились друг к другу. Теперь их было четверо. Но, даже имея возможность втроем изъясняться на английском, они мало, чем помогли друг другу в плане информации.

Дольше всех здесь был Кофи. Когда он очнулся, были сумерки, и только потом рассвело. Но этого он не смог объяснить. Зато Кофи и Бинэси смогли накормить Пейжи и Майкла проверенной пищей.

Собрав небольшой урожай из уже известных и некоторых

новых, но на вид и запах съедобных плодов, который можно было унести просто в руках, они остановились на привал. Ощущение настороженности не оставляло никого из этой компании. Каждый ждал, чтобы кто-то другой первым вкусил новый плод. Кофи и Бинэси было проще. Они не гадали, а ели то, что уже знали, и предлагали попробовать Пейжи и Майклу.

– Ешьте, – уговаривал Бинэси. – Эти я уже ел. Кофи тоже, как видите, их ест. Это можно.

– Вы видели здесь хотя бы один знакомый вам плод? – спросил Майкл. – Я сначала подумал, что оказался в какой-то другой стране: Китае, Таиланде или где-то в Африке. И поэтому мне все растения не знакомы.

– Я здесь тоже ничего не узнаю, – сказала Пейжи. – Есть похожие, но я не уверена.

– Похожие мне тоже попадались. Но я тоже не уверен, – ответил Майкл.

Голод брал верх. То, что на вид, запах, прежде всего, и вкус, при осторожном прикосновении языком, показалось съедобным, было попробовано.

– Я видел много лесов, – сказал Бинэси. – Разных лесов. Как видите, я индеец. Хотя это не значит, что все время живу в лесу, как жили наши предки. Мы уже живем современно и общаемся с бледными. Но я был в лесах. Традиции и знания предков у нас передаются поколениям. Этот лес не опасен.

– Это-то меня и беспокоит, – ответил Майкл.

Во время трапезы они попытались объяснить друг другу, откуда они идут, где уже были, что видели, и договориться о новом направлении теперь общем для всех. Кофи их слушал, но не мог принимать участия в обсуждении.

Однако, как только Майкл, Бинэси и Пейжи хотели двинуться, он указал в другую сторону, объясняя жестами, что нужно идти туда. Он не мог объяснить, что видел, что там, вроде, есть край леса, куда он побоялся выходить один. Но теперь их много, и нужно идти туда. Идти с остальными он явно не хотел. И все нехотя подчинились его уверенности.

– Еще один вылупился! – сказал Тадеу, услышав звук открывшейся двери.

Эмили и Деви его не поняли, но все трое медленно отошли от окна и посмотрели в коридор, откуда доносился звук.

– Каналья, я думал все ушли, – увидев остальных и вздрогнув, произнес новенький.

– Ушли! Отсюда некуда идти. Но теперь уйдем, она открыла эту чертову дверь, – слегка задумавшись, ответил Тадеу, показывая на дверь, с которой он не мог справиться.

Незнакомец тоже не торопился с ответами. Эмили, надуваясь, молчала, Деви и подавно.

– Вы так кричали, что я проснулся. А где это мы?

– Хороший вопрос. Не только Вы, сеньор, хотели бы знать

на него ответ, – с трудом понимая собеседника, отвечал Тадеу.

– Вы понимаете друг друга? – вскипела Эмили. Ее явно не порадовало, что кто-то о чем-то говорит, но она этого не понимает. – О чем вы говорите?

Тадеу уже пытался беседовать с Эмили, поэтому в этот раз он не стал ей ничего объяснять.

– Он мне сказал, что тоже не знает, где мы находимся, – поняв ее вопрос, но машинально ответив на родном языке, объяснил новенький.

– Я тебя тоже не понимаю, – ответила Эмили.

– Он мне сказал, что тоже не знает, где мы находимся, – осознав ошибку, попытался объяснить новенький по-английски.

– Ты знаешь английский? И его ты тоже понимаешь? – обрадовалась Эмили.

– Не так быстро, пожалуйста, – попросил новенький.

Эмили повторила вопрос.

– Он говорит на португальском, а я итальянец. Мы немного понимаем друг друга – объяснил уже не такой скороговоркой, как на своем языке, человек, чье имя теперь очень хотелось узнать Эмили.

– Как тебя зовут?

– Я Витале.

– Я Эмили. Скажи ему мое имя, и узнай у него, кто он, откуда? – обратилась Эмили к Витале.

– Его зовут Тадеу. Он из Бразилии, – ответил итальянец после непростых, но удачных переговоров.

«Черти заморские! Ни одного англичанина», – с досадой подумала Эмили.

Однако, Витале тоже подумал о состоявшихся разговорах. Ему не легла на душу такая открытая прямолинейность или скорее даже командирность Эмили.

«Никаких тебе куднт ю или кен ю, или даже аск плиз⁴», – отметил мысленно он.

– Понятно. Он, значит, колонизатор. В смысле, колонизированный, – поправилась Эмили. – Хорошо, хоть европейцы могут говорить на нескольких языках. Я немного знаю французский, но французы мне пока здесь не встречались. Вот покоренные народы знают язык своих колонизаторов, – Эмили показала на Деви и обратилась к ней. – Не обижайся только. – И добавила, уже обращаясь к Витале. – Это Деви, из Индии. Говорит по-английски, поэтому свой человек!

Витале еще не успел осознать, на сколько раздражающим может оказаться языковой барьер, о котором говорила Эмили. Поэтому он не знал, что ответить Эмили, и больше слушал.

– Почему ты не выходил раньше? Я стучал здесь во все двери? Никто не выходил, и я решил, что комнаты пусты, – спросил Тадеу у Витале.

– Не знаю, о чем ты говоришь, – ответил тот. – Я только

⁴ (англ.) не мог бы ты или можешь ты, или даже спроси, пожалуйста

что проснулся от вашего шума.

Тадеу снова стал стучать в ближайшие двери и крутить, давить и дергать ручки, по примеру Эмили.

– Вы видите, никого нет! Никто не открывает! Значит, никого нет! – бормотал Тадеу.

– Переведи мне его слова, – скомандовала Эмили.

Итальянец перевел его слова, но здесь и по жестам без перевода было все понятно. Эмили пошла в противоположную сторону, тоже проверять комнаты. Неожиданно в одной из комнат дверь оказалась не запертой. Все насторожились, так как любое отклонение от ранее сделанных выводов воспринималось, как потенциальная угроза.

Эмили открыла дверь и заглянула. Комната была пуста.

– Пока что, мы знаем, что комнаты открывались только тогда, когда из них кто-то выходил. Никто из нас из этой комнаты не выходил? – она вопросительно посмотрела на всех. – Витале, спроси, это не комната Тадеу? – попросила она итальянца.

Пока те объяснялись, Эмили посмотрела на надписи на двери.

«Это не латиница. Значит это не его комната», – решила она.

В этот момент Витале доложил, что это не комната Тадеу.

– Я уже знаю. Видите это? – она обратила внимание остальных на надписи. – На комнате Деви было написано ее имя на ее родном языке. Этот язык кому-нибудь понятен?

Витале вернулся к своей комнате и посмотрел, что написано там. Очевидные выводы напрашивались сами собой. Но озвучила их Эмили:

– Будем ждать встречи! На этаже я больше никого не видела. Он уже, видимо, давно здесь бродит, что аж с психов срывается, – Эмили заговорила с Витале, указывая на Тадеу. – Он кого-то видел?

– Судя по всему, нет, – ответил Витале, переговорив с Тадеу. – Но он говорит, что хочет есть.

– А он оптимист! – воскликнула Эмили. – Он отчаянно ломился в ту дверь. Наверно, на этаже ничего более разнообразного не нашел. Это так?

– Да. Он говорит, что все остальные коридоры одинаковые, а двери заперты. Предлагает идти туда. Возможно, это выход с этажа.

– Присоединяюсь к предложению, – ответила Эмили. – Раз здесь все равно делать нечего.

Они осторожно прошли в дверь, которую Тадеу не мог открыть. За дверью не было продолжения коридора. Эмили вернулась назад и сравнила цифры на комнатах и на двери с этажа.

– Это номер этажа. С этого номера начинаются все номера комнат на этаже, – сказала она.

Они прошли через большое полупустое помещение. Здесь было много стульев, две арки напротив друг друга приблизительно в метр шириной из прозрачной на вид пластико-

вой трубки, толщина которой становилась меньше на уровне локтя, несколько столов, таких же прозрачных как стулья и арки. Но глаза ни за что не зацепились. Глаза искали другое: лестницы, лифты, двери, одним словом выход, и, конечно же, еду.

– Ну, хотя бы есть, на чем посидеть! – с довольным видом заявил Тадеу, развалившись на стуле, и видя, что здесь не на много интереснее, чем в коридорах. – Меня уже ноги не держат, не знаю как вас.

Эмили и Витале так же уселись.

– Я проснулся совсем недавно, но я ничего не понимаю. Чем стоять, я бы тоже посидел, – оправдался Витале.

– О чем вы говорите? – возмутилась Эмили. – Я требую, чтобы вы дублировали на английском каждое слово.

Витале перевел слова Эмили на итальянский. Тадеу понял его и рассмеялся.

– А эта куколка больше ничего не хочет? – спросил он, кивнув пренебрежительно в сторону Эмили.

Эмили заметила это движение, и даже почувствовала его. На эти слова рассмеялся от души Витале.

– Что смешного? Ты можешь мне перевести, о чем он говорит? – она еще раз напористо попросила итальянца.

Тадеу и Витале не очень понравилась навязчивая инициативность Эмили, поэтому возможность быть непонятыми ею им обоим показалась привлекательной. Тем не менее, Витале объяснил Эмили, что Тадеу сильно устал и с удовольстви-

ем немного посидит.

– А что тут смешного? – поинтересовалась Эмили.

– Да это так. Не бери в голову, – ответил Витале.

«Все понятно. Эти два придурка уже спелись, – подумала Эмили. – Но не будем нервничать раньше времени».

– Честно говоря, я тоже находилась по этим коридорам до чертиков, – как бы ответила она.

Тем временем Деви почти дошла до противоположного края длинного зала. В этот момент Эмили заметила:

– Там же еще одна дверь. Мы ее сразу не увидели. Идем туда!

Она подхватила. Как бы не желая подчиняться инициативе Эмили, но ведомые здоровым интересом, не спеша, поднялись мужчины.

– Я здесь уже, по моим ощущениям, несколько часов точно, – по пути заметила Эмили. – Кстати, ни у кого нет часов? Я очнулась совершенно голая, ни часов, ни креста, ни сережек, ни пирсинга. – Остальные подтвердили, что с ними все было аналогично. – Не знаю как Вас, но меня не сильно успокаивает то, что за эти несколько часов еще ничего не произошло.

– Лучше уж так, чем, если бы все было еще хуже, – отозвался Витале.

– Я не говорю, что это плохо. Просто меня это не успокаивает, – настаивала Эмили.

Они подошли ко второй двери. Деви уже была там, но не

решалась открыть. Эмили была, видимо, самой бесстрашной. Она выдохнула и посмотрела на остальных, собираясь с духом.

– Я не знаю чего ожидать. А вы? – спросила она.

– Не томи уже, – нервно ответил Тадеу, даже не думая брать на себя риски первооткрывателя.

Он не понял ее вопроса, но его раздражало то, что Эмили полезла первой, а теперь медлила.

Они вошли. Перед ними было еще одно большое помещение. Такие же столы и стулья как в предыдущем.

– Но с той стороны уже нет двери! – воскликнул Витале. – Это все-таки не фрактал.

– Причем здесь фрактал? – огрызнулась Эмили.

– Я имел в виду, что двери закончились.

Обрадованный этим фактом, Витале транспонировал свою мысль Тадеу.

– И что же в этом хорошего? – возразил тот. – Я обошел уже весь этаж. Одни коридоры. Только эти два зала отличаются от всего остального. И, по крайней мере, они открыты. А выхода с этажа так и нет.

Витале объяснил Эмили точку зрения Тадеу.

– Он в чем-то прав! – задумчиво произнесла Эмили, пытаясь отфильтровать из услышанного то, что могло бы быть просто ошибками перевода.

Все медленно пошли дальше осматривать помещение.

– Странно, ничего не упало, не взорвалось, не выбежало,

не напугало, – с досадой произнесла Эмили.

– Ты точно не нормальная, если тебе плохо, когда все хорошо, – сказал Витале. – И ты уже, кажется, второй раз наступаешь на эту мысль.

– Да. Мысли действительно ходят по кругу, – согласилась Эмили, – не находя никакого ответа и даже зацепки. Уж лучше бы что-то взорвалось, и я бы проснулась. Возможно и вы тоже. Хотя вас на самом деле, наверное, нет.

– Я бы не сказал, что меня нет. И меня тоже мучает ощущение, что это сон.

– Хм. Такого я во сне еще не видела, чтобы тот, кто мне снится, утверждал, что это я ему снюсь.

– Вы достали, говорить по-английски. Как будто здесь больше никого нет, – вскипел Тадеу. – Я ничего не понимаю.

Витале объяснил Эмили, чем так не доволен Тадеу.

– Нормально. А когда вы смеялись на своем бонджорно-престо-амиго⁵? – возмутилась Эмили, выпалив на смеси итальянско-испанского, пожалуй, все, что знала. – Я так и не знаю, о чем вы там смеялись. Витале, переведи ему, пожалуйста. Судя по всему, тебе придется постоянно это делать. Других способов понимать друг друга у нас пока нет.

Тадеу и Витале на долю секунду встревожились знакомой речью из уст Эмили, но осознав этот бессмысленный каламбур остыли. Деви понимала, о чем говорят Эмили и Витале, но не принимала участия в разговоре.

⁵ (итал.) здравствуйте-быстро- (исп.) друг

– Вот эта конструкция у противоположной стены. Она мне что-то напоминает, – заметил Тадеу. Витале перевел его слова.

– Мне она напоминает шведский стол, – сказала Эмили. – Только пустой!

– Точно! И столы здесь не зря, – включился в фантазирование Витале. – Но тогда здесь должно быть и что поесть.

Витале уже, кажется, начал привыкать дублировать все сказанное и услышанное на двух языках.

– Хотелось бы! А кто-нибудь здесь видел место, куда сходить? – поинтересовался Тадеу. – Я не видел. Ходить, видимо, не предусмотрено. Значит, и еда тоже не полагается!

– Больше оптимизма. Там видите перегородки? За ними, судя по всему, еще помещение, – обратила внимание Эмили.

За перегородками действительно оказалось помещение.

– Невероятно! Это кухня? – наконец, проявила реакцию Деви. – Или я ошибаюсь?

– Может, и нет. Действительно похоже на кухню, – подтвердил Витале.

В центре помещения был большой сегментированный стол. Судя по нанесенным пиктограммам, одни сегменты были для разделки, другие представляли собой плиты, третьи...

– Сколько я здесь нахожусь, меня поражает отсутствие чего-либо лишнего, – констатировала Эмили.

– Как, впрочем, и нужного. Здесь есть, на чем готовить,

судя по всему, но нечем. Нет ножей, кастрюль, – добавил Тадеу.

– И нет из чего готовить, что не мало важно, – вставил Витале, еле успевая монотонно справляться с синхронным переводом.

– Может, мы просто еще не все нашли? – предположила Эмили. – Эти стены. Они выглядят как шкафы.

– Боковые стенки стола тоже, – добавил Витале.

Шкафы открывались простым нажатием на дверь, что было выяснено экспериментальным путем, но не сразу. Впрочем, данный механизм ни для кого не оказался чудом. И то, что они не сразу догадались до этого, даже огорчило Эмили.

– Я согласен, что это странное место, но нельзя не заметить, что здесь все просто и логично, – заключил Тадеу, открыв шкаф под столом. – Кроме дверей! – добавил он.

Под столом оказалась утварь, которой ему так не хватало.

– Я же говорю. Здесь все в порядке! – воскликнул он.

Стали открывать все шкафы подряд и изучать доставшееся неизвестно от кого наследство. В работу включились все, даже нерешительная Деви.

В закромах вдоль одной из стен оказалось всевозможное, но неизвестное продовольствие. Ну, или, по крайней мере, всем показалось, что это так. Оно выглядели потенциально съедобно как сырые овощи и фрукты. Как их готовить, конечно, никто не знал, как и то, какие из них вообще действительно можно употреблять.

– Зачем мы здесь? – начала рассуждать Эмили. – Зачем здесь еда? А выглядит это все именно как еда. Это же не случайное совпадение? Значит, это нужно есть. Значит, это можно есть. В смысле безопасно.

– Ты так уверенно говоришь. Может, первая и попробуешь? – предложил Тадеу, после некоторой заминки, связанной с переводом.

– А вдруг они не свежие? – встревожилась Деви.

– В шкафах вообще-то холодно. Это попросту холодильники, – ответила Эмили. – Мы можем, конечно, и дальше бояться, что они не свежие, или что их нельзя есть сырыми, или вообще. Здесь нет никаких инструкций и поваренных книг. Придется пробовать. Я лично готова, так как не вижу другого выхода. Больше трех-четырех часов еще я не продержусь.

С этими словами она начала выбирать глазами, что бы она попробовала первым. Видя, что с Эмили все в порядке, ее примеру последовали остальные.

Через некоторое время все четверо сидели за столом в обеденном зале и вполне привычно ели и одновременно почти безмятежно болтали. Только тема разговора была непривычной.

– Итак, значит. Мне кажется, прошло как минимум несколько часов, как я проснулась, – вернулась к хронологии Эмили. – Часов пять, шесть. Я даже уже проголодалась. Тадеу, ты здесь сколько уже ходил, до того, как мы с Деви

тебя встретили?

– Да часов, может, тоже пять, шесть. У меня уже крыша начала ехать, – ответил он.

– Значит, мы имеем историю длиной в девять часов где-то. Ты проснулся, было светло?

– Да. Как днем.

– За окном и сейчас день. Значит, это было утро.

– Ты обошел весь этаж? На других этажах ты был?

– Я не знаю, весь этаж я обошел или нет. Все коридоры одинаковые. Кроме этой двери, я больше ничего не нашел интересного.

Полной непринужденности беседы все же мешала необходимость толмачества. Витале явно не был рад своей роли переводчика и надеялся, что рано или поздно это закончится. Но сейчас он хотел просто спокойно поесть.

– Я понимаю важность разговора, – вдруг пожаловался он, – но я устал переводить с английского на итальянский, догадываться, что именно он говорит на своем долбанном португальском и переводить это на английский. Я все-таки не профессиональный мультипереводчик.

– А, кстати, кто ты по профессии? И сколько тебе лет? – спросила его Эмили.

– Мне тридцать пять лет, тружусь, трудился, – поправился Витале, – я в call-центре.

– Ну, тогда ты должен свободно и без усталости говорить часами на совершенно неинтересные темы! – подбодрила его

Эмили. – А это интересно? Я имею в виду твою работу?

– Скорее не очень. Одни звонят, чтобы прокричаться и нахамить, другие спокойные, но не поймешь, чего хотят. А ты сама чем занимаешься? Да и остальные?

– Я с самого детства кручусь в школе альпинистов, – начала с себя Эмили. – Сначала училась, теперь учу, сама мотаюсь по соревнованиям, других вожу. А ты, Деви?

– Я пока только студентка. Учусь на юриста, – скромно ответила Деви.

– И больше ничего не делаешь? Я, когда была студенткой, еще много чего успевала, – удивилась Эмили.

– По вечерам мне приходится подрабатывать няней, – неохотно добавила индианка.

– Понятно. Слушай, ну, очень же интересно узнать про него. Спроси его, про нас расскажи, – Эмили попросила Витале.

Поговорив с Тадеу, Витале сообщил, что ему двадцать девять лет, и он парикмахер-стилист.

– Ясно. Типа творческая личность. Поэтому он так легко впадает в истерику и не имеет терпения, – с некоторым пренебрежением прокомментировала Эмили.

– Я не понял, ее что-то не устраивает? – заметив выражение Эмили, возмутился Тадеу.

– Она рада, что среди нас есть хоть один человек с творческой профессией, – успокоил его Витале.

– Не очень видно, что она рада.

– Просто она считает, что такие люди легко выходят из равновесия.

– Да? Ну, пускай лезет тогда в свои горы, – огрызнулся Тадеу.

– Да ладно. Все нормально.

– Монтана – это, я так понимаю, гора. Ему что-то не нравится по поводу гор, – поинтересовалась Эмили у Витале, выхватив из их потока звуков знакомое слово.

– Он просто гордится своей профессией и ничего не имеет против гор, – Витале передал Эмили слова Тадеу, пускай и далеко не дословно.

– Ладно. Пускай расслабится. Значит, среди нас нет ни одного человека с полезной профессией, скажем, повара, – закончила тему Эмили. – Но мы все приблизительно одного возраста.

Она перевела дух и снова начала рассуждать о происходящем:

– Мы отвлеклись. Что мы имеем. Выход с этажа мы не нашли. Все комнаты, кроме этих двух закрыты. Здесь есть еда. На сколько ее хватит, мы не знаем, но на ближайшее время есть. Кстати, мы ее едим, и пока нормально, – обратила она внимание. – Самочувствие не ухудшается. Головокружение или проходит, или я к нему привыкла.

– Была еще одна открытая комната, вспомнила Деви.

– Точно, – Эмили тоже вспомнила о незапертой комнате. – Из остальных открытых комнат вышли мы. Значит нужно

искать пятого. Или он нашел выход и ушел с этажа.

– Кстати, вы заметили, что как будто вечереет? – спросил Тадеу, смотревший в окно, так как не понимал, о чем говорили остальные по-английски.

Все посмотрели в окно, но разошлись во мнениях. Эмили и Витале сказали, что вроде тот же день. Деви согласилась, что свет стал не таким ярким.

– Может, это облака, – предположила она и пошла к окну. Остальные оставались за столом. Подойдя к окну, Деви взглянула вверх:

– Вообще-то облаков я не вижу.

К ней все-таки присоединился Витале и тоже убедился, что облаков нет. Он заговорил о чем-то с Деви. Через некоторое время к окну подошли и остальные, продолжив все тот же разговор, состоящий преимущественно из вопросов.

Какое-то время они простояли здесь пока вдруг...

– Черт, что это такое, – практически одновременно крикнули что-то подобное все четверо на своих языках и начали переглядываться друг на друга.

– Там проснулся кто-то еще, – предположил Витале.

– И он тоже ломится в ту дверь и не может ее открыть, – засмеялась Эмили. – Это наш пятый нашелся.

Они вышли из столовой.

– Там на самом деле несколько разных голосов, – сказал Тадеу. – Или мне показалось?

Витале перевел сказанное.

– Мне тоже так показалось, – подтвердила Эмили.

– И мне, – согласилась Деви.

Голоса затихли, когда услышали эти разговоры. Эмили открыла дверь. С полминуты все смотрели друг на друга, изучая.

– Здорово! Ни одного европейца! О чем с ними можно поговорить? – с негодованием выпалила Эмили.

– Мы даже не узнаем, кто они, откуда? – поддержал ее Витале.

– Можем попробовать, конечно, – предложила Эмили. – Что еще остается?!

Она подошла поближе к новеньким и немногословно и еще с помощью жестов заговорила с ними.

– Я Эмили, – она показала на себя. – А вы кто?

– Меня зовут Рилей, – заговорил темнокожий на достойном английском языке, но с очевидным акцентом.

– Уау, да ты говоришь по-английски? – удивилась Эмили. – Смотри-ка, Витале, он шпарит по-английски лучше тебя?

– Это, наверное, его родной язык, он своего и не слышал никогда. Тогда это не удивительно, – ответил Витале.

– Я знаю свой язык, – возразил Рилей. – Просто моя семья давно живет в городе, я с детства говорю по-английски.

– Откуда ты? – спросил Витале.

– Из Австралии.

Тадеу попросил Витале рассказать ему, что происходит.

Тем временем Эмили обратилась ко второму.

– Ну, ты нас, похоже, не собираешься удивить. Ты у нас явно из Азии. Да? Вас там тоже, говорят, так много разных. Но все вы такие одинаковые! Эмили. Витале, Тадеу, Деви, Рилей, – она показала сначала на итальянца, потом на бразильца и так далее по порядку.

– Хантай, – ответил второй новенький.

– Хм. Догадливый, – отметил Витале. – Откуда ты?

Ответа не последовало.

– Давайте спросим его на всех языках, которые мы знаем, – предложила Деви, в который раз удивлявшая Эмили своей непосредственной наивностью.

Видно было, что он не из глухой деревни, но, тем не менее, он не понимал ни одного из собеседников, хотя и догадался, что с ним пытаются наладить контакт. Поэтому ответил он на двух языках, которые, увы, не знали остальные.

– Вот засада, – негодовала Эмили. – Мы вчетвером говорим на шести языках. Он говорит на двух. И мы все равно не можем друг друга понять!

Долго не сдававшее позиции Солнце все же не стояло на месте. Казалось, что приближаются сумерки.

Майкл и Бинэси все еще терпели предводительство Кофи. Больше всего им не нравилось то, что они просто шли, ни-

чего вокруг почти не менялось, и при этом не было понятно, сколько еще идти. Майкл и Бинэси могли обмениваться мнениями между собой. Из-за сложившейся неопределенности у них назревал план мятежа. Пейжи тоже их понимала, и скорее была готова согласиться с ними. Кофи периодически что-то показывал им на пальцах. И каждый раз количество пальцев, которые он показывал, уменьшалось. Но это не вносило достаточной определенности.

Одновременно копилась и усталость. Сумерки спускались очень медленно, создавая ощущение, что и ночь будет продолжительной. Они были довольно странными, совершенно непонятного цвета. Решено было сделать очередной привал и поспать. Несмотря на то, что становилось темнее, было так же тепло, как и днем.

В очередной раз за праздным трапезным разговором они, как смогли, поделились друг с другом ощущениями о том, что все происходящее кажется всем странным. Преодолевая страх и недоверие друг к другу, они начали засыпать. Проспали они не долго. Проснулись всё в тех же сумерках от криков Пейжи.

Эмили зачем-то необходимо было дознаться, не является ли кто-то из двоих новеньких хозяином незапертой комнаты. Она стала пытаться австралийца. Тот объяснил, что он долго

шел к этому пятачку как раз со стороны, в которой находится указанная Эмили дверь. А Хантай с другой.

– То есть вывод один. Это не ваша комната, – сделала заключение Эмили.

Девушка снова подошла к окну и вспомнила:

– Эмили, в прошлый раз мы там видели человека. Может, это как раз он?

– Да. Точно. Наверняка, это он, – согласился Витале с предположением Девушки.

– Возможно, – согласилась и Эмили. – А сейчас он там?

– Сейчас хуже видно. Все-таки немного стемнело.

– Не видно? Ну, и ладно. В любом случае, мы все его там видели, – казалось, потеряла интерес Эмили.

– Он так безмятежно себя вел, – вспомнила Девушка.

А Эмили неожиданно снова включилась в погоню за целью:

– Так что? Мы будем сидеть или будем искать способ спуститься?

– Подожди, – сказала Девушка, прислушиваясь к звукам за окном. – Пожалуйста, не говорите ничего.

– Что там? – спросил Витале.

– Тихо. Кажется, я слышала звуки.

Через минуту глухие звуки донеслись как будто из зала с арками, так между собой они стали называть помещение между столовой и блоком коридоров, потому что ничего особенного другого в нем не нашли. Все ринулись туда. Крики

повторились. Громкие, но невнятные.

– И здесь они, кажется, доносятся из окна.

Так и оказалось. Все подошли к окну и стали прислушиваться и разглядывать все вокруг. Сначала таинственные звуки прекратились, но потом из окна парой этажей ниже высунулась голова человека. Он казался встревоженным, но так же удивленным, так как все-таки увидел здесь еще живых людей.

Они сделали несколько попыток объясниться, обращаясь к низкожителю на разных языках, но тот отвечал на своем. Его языка никто не смог понять.

Следом за ним осторожно появилась еще одна голова, потом третья. Обе были женщинами из каких-то азиатских стран. С ними тоже не удалось договориться, даже с помощью Хантая.

– Да! У азиатов тоже оказывается целая куча разных языков, – уныло сказал Витале.

– На том этаже, судя по всему, еще хуже, чем нам, – предположила Деви. – Мы можем общаться, так как многие знают английский. А они, похоже, только знаками.

– Ну, что ж, – многозначительно сказала Эмили. – Нас, однако, становится все больше и больше. С этими двоими нас уже шесть. Мы видели человека на улице внизу. Это семь!

– Мы знаем, что обитаем не только наш этаж, – робко продолжила Деви.

– Да. С ними нас десять. Рост численности становится тен-

денцией. Мне только остается повторить вопрос, мы будем сидеть или будем искать способ спуститься?

Единогласно решили искать.

– Тогда так, – скомандовала Эмили. – Этот перекресток отличается от всех других, которые я видела. Здесь с одной стороны столовая, где мы были, всё проверили и туда сейчас не пойдем. Напротив окно. А пойти мы можем только в двух направлениях. Делимся?

Разделившись на две группы по двое англо-говорящих и один в нагрузку, пошли в противоположные стороны. Тадеу попросился идти с Витале, чтобы он тоже мог поговорить. Эмили сформулировала задачу просто:

– Во-первых, найти выход, во-вторых, постараться не заблудиться, в-третьих, составить план этажа. Правда я и сама не знаю, что из этого поставить на первое место, – под конец она сама немного сконфузилась.

На этот раз ее командирство не сильно ударило по бровям некоторой части мужского населения этого этажа.

– Ориентируйтесь по цифрам на дверях, – посоветовала Эмили. – Я думаю это не случайные цифры. Первая, по крайней мере, совпадает с номером на двери в столовую, это, видимо, номер этажа. А дальше... Это и нужно понять. Как надоест ходить, возвращайтесь сюда.

– Эмили, – попросил ее Витале. – Только если вы найдете отсюда выход, не уходите одни. Вернемся, встретимся. И пойдем вместе. Договорились?

– Уговорил, чертяга! Тогда, в четвертых будет, вернуться сюда за остальными. Если кого встретите, берите с собой.

Они разошлись.

Пейжи изо всех сил отбивалась от Майкла. Бинэси ловко в одно движение оказался возле них и отшвырнул Майкла в сторону. Следом подбежал Кофи.

– Что ты делаешь? – рявкнул Бинэси Майклу.

Майкл отошел от падения и злобно из-под бровей посмотрел на индейца. Он был возбужден и однозначно разозлен тем, что эта девка закричала, а эти двое несчастных вмешались, расстроив его планы, вместо того, чтобы повеселиться на троих.

– Не лезь не в свое дело, – просипел он, словно намереваясь вцепиться индейцу в глотку. – Лучше бы помог справиться с девкой!

Он посмотрел на Пейжи, посмотрел на Кофи. Реально оценил свои силы и, агрессивно сплюнув, отошел в сторону.

– Пойди, успокойся, – сказал ему Бинэси.

Майкл пыхтел, упершись руками в дерево. В ответ на слова индейца он кинул на него взгляд и ушел вглубь леса.

Дальше спокойно спать было невозможно, но и отдохнуть никто еще не успел. Поглядывая друг на друга, не говоря ни слова, они периодически проваливались в дремоту, с трево-

гой возвращаясь в сознание.

Когда они ложились спать, было почти так же темно, как и сейчас. Бинэси посмотрел вверх. Блики света, освещавшие тогда бесконечные макушки высоченных деревьев, теперь пропали. Он обратил внимание, что деревья очень стройные, без раскидистых веток.

«Поэтому в полдень сюда пробивались вертикальные лучи, – подумал он. – А сейчас, значит, ночь. Но полная темнота еще не наступила. А времени уже прошло не мало. Мне снова хочется есть».

Он взял какой-то круглый плод, оставшийся с ужина, и снова посмотрел вверх. Деревья уходили ввысь могучими колоннами.

Неподалеку послышалось шуршание.

– Майкл, это ты? – не ожидая никого другого и не испытывая сильной тревоги, спросил Бинэси.

– Я, – остывшим голосом выдавил Майкл.

– Я думал, ты там где-то уснул?

– Не могу уснуть один.

– Тебе пошло бы на пользу.

– Эта дыра меня угнетает, – прохрипел Майкл, имея в виду этот лес.

– Иди сюда, и ложись здесь, – дозвоительно произнес Бинэси. – И мне будет спокойней, если я буду тебя видеть.



В результате данных, собранных во время походов, две команды исследователей пришли к выводу, что этаж состоит из системы перпендикулярных коридоров. В каждую сторону от столовой основной коридор пересекается с другими не меньше десятка раз, а те столько же коридорами, параллельными основному по обе стороны от него.

– В общем сплошные стриты и авеню, – сказала Ванесса. – Как мне нравилась эта простота в Штатах! И как я ее уже ненавижу здесь.

– Да. Я с тобой полностью согласна, – стараясь казаться дружелюбной, согласилась с ней Эмили.

– Я в них совершенно потерялась, – продолжила Ванесса. – Если бы не они, я бы уже, наверное, сошла с ума.

Ванессу нашли Витале, Тадеу и Рилей. Они рассказали ей все, что знали, пока ходили, считали повороты. Она оказалась канадской француженкой, но вопреки модной тенденции все-таки знала два языка.

Обменявшись впечатлениями о походе, все одновременно и познакомились.

Эмили не очень обрадовалась этой Ванессе, весьма болтливой особе, которая так же была не прочь поохотать, и при этом не дурна собой. Однако, внешне Эмили выдерживала такт.

Как нормальная женщина Эмили мгновенно разглядела в ней конкурентку. Тем более, что эти трое уже успели с ней немного познакомиться и теперь двое из них лебезили перед ней, как могли. На Рилея Ванесса явно не клевала. Впрочем, и Эмили она тоже сразу списала со счетов. Заносчивая английская скалопендра, такой диагноз поставила ей Ванесса, можно даже не беспокоиться.

«Кто захочет возиться с ее характером?» – думала Ванесса с позиции еще не долгого, но все это время не скучного, пребывания здесь.

Эмили смотрела в большое окно, которое находилось напротив двери в столовую. В сумерках она разглядела то, на что при нормальном свете почему-то не обратила внимания.

– Смотрите. Вид из окна. Там впереди часть здания. Оно справа и слева соединено с... Витале, пойдем со мной, – она схватила за руку именно его, а не Тадеу, которому не о чем будет поговорить с Ванессой без Витале, и побежала по коридору. – Оставайтесь здесь, ждите нас, – попросила она остальных.

Прошло не много времени, но для остальных оно показалось бесконечным, так как они прошли практически в полной тишине и ожидании непонятно чего. Эмили и Витале вернулись с другой стороны.

– Ты была права! – сказал Витале. – Можно пройти из одного крыла в другое.

– Наверно, так же можно пройти, если из главного коридора.

дора свернуть не влево, а вправо, – предположила Эмили. – Но я не хочу это проверять. Теперь я хочу посидеть и отдышаться. Нет! Хочу есть!

Идею на ура подхватила вся компания и направилась напрямиком в столовую.

За трапезой Эмили снова принялась считать время, которое они уже провели здесь.

– Мы в этой чертовой дыре уже два голода!

– В смысле? – спросила Ванесса.

– В смысле, что я уже успела проголодаться два раза.

– Отличная единица измерения времени, – усмехнулся Витале. – Главное, оптимистичная! – Он рассказал эту идею Тадеу. Тот тоже рассмеялся и выдал:

– В моих голодах я уже не меньше трех. В тот раз я так проголодался, как будто обед пропустил. Можно считать как минимум за два.

– Другой более объективной системы измерения времени у меня нет, – оправдывалась с некоторой досадой Эмили. – Есть хотела я очень сильно. Это значит, что я здесь уже не менее двенадцати часов. А за окном еще даже не полностью стемнело.

– По поводу голодов, – продолжил Тадеу. – Тут другая проблема вот-вот назреет. По-малому, конечно, можно сходиться в окно, или на кухне. А что мы будем делать...

Засмеялся только Витале, так как только он понял сказанное. Просмеявшись, он перевел это остальным, на этот раз

постарался сделать это как можно более дословно.

– Эй. Вы что? – удивилась Ванесса. – У меня в комнате были все удобства!

– Ооо! Отлично, – воскликнул Витале. – Слышишь, Тадеу, у нее в комнате есть то, что ты ищешь.

– Я знал! Я знал, что где-то оно должно быть! Значит, как только созреем, мы идем к тебе, – торжествовал, бубня в стол, Тадеу. Он сидел за столом, сложив руки в замок и уткнувшись в них головой.

– Ты слышишь? – негромко повторил Витале, глядя в глаза Ванессе. – Мы идем к тебе!

«Кобель, – подумала Эмили. – Я так и знала. Сразу видно по его загорелой роже».

– Да я думаю, тогда это есть во всех комнатах, – предположила вслух Эмили, и, обращаясь персонально, она попыталась как-то продолжить общий разговор. – Странно, однако, Ванесса, что никто, кроме тебя не нашел! Никому не было нужно?

– Я бы и тогда не отказался от удобств. Но именно не нашел, – сказал Тадеу. – Почему меня так и лихорадило, что я не мог открыть эту дверь.

– Ха, ха! Мозги прижало? – пошутила Эмили.

– Ну, действительно так сразу и не догадаешься, наверное, – вспоминала Ванесса. – Там зеркало. Оно же одновременно и дверь в уборную.

– То есть предполагается, что, когда мне приспичит, я дол-

жен бежать в свою комнату? – возмутился Рилей. Он долго молчал, так как все еще не успел освоиться в этой компании. – Да я даже не знаю, из какой именно я вышел. Даже в какой она стороне.

– Ты не один такой, – согласилась Ванесса и зевнула.

– Ты тоже хочешь спать? – поинтересовалась Деви.

– Да я бы вздремнула, – ответила Ванесса.

– Я уже тоже смертельно хочу спать, – сказала Эмили. –

И Тадеу уже вон клюет.

– Что Тадеу, – встрепенулся он, услышав свое имя.

– Ничего, – успокоил его Витале и объяснил ему ситуацию.

– Не знаю как вы, я не пойду искать якобы мою комнату.

У меня на это нет сил, – сказал Тадеу.

Первым проснулся Кофи. Хотя трудно сказать, проснулся он, или это было что-то другое. Но он перестал дремать, усиленно стараясь не заснуть. Он сел. Вскоре за ним поднялся Бинэси.

– Опять этот чертов лес! Сколько можно? Какой-то бесконечный сон! – ругался Кофи.

– Я очень надеялся проснуться дома, – как бы ответил ему Бинэси.

Кофи посмотрел на индейца.

– Хочу проснуться в следующий раз не здесь, – проговорил он.

Они разговаривали по-своему, но вроде как друг с другом, жестикулировали и даже не знали, что говорят об одном и том же, что у них получается довольно связный диалог.

– Что он здесь делает? – спросил Кофи, указав на Майкла.

– Он вернулся. И пусть он лучше будет в моем поле зрения, – ответил Бинэси.

По брезгливо-спокойному тону Бинэси Кофи понял, что все нормально. Он успокоился.

«И в любом случае, пока он на виду, всем спокойнее», – мысленно согласился Кофи.

У них неплохо стало получаться объясняться жестами.

Кофи сказал, что пойдет в лес, найдет что-нибудь съедобное, и ушел.

Когда он вернулся второй раз, Пейжи уже не спала. Она как раз говорила Бинэси, что много раз просыпалась, но темноты так и не было.

– Не было, – подтвердил индеец.

Он посмотрел вверх и подумал: «Те же сумерки. Но время все-таки не стоит на месте. Ведь был же уже день. Потом наступила ночь. Значит, будет день еще. Впрочем, и ночью вполне можно идти».

– Интересно, – сказал он. – Есть ли в этом лесу еще кто-нибудь, кроме нас?

Они разбудили Майкла и принялись завтракать, после че-

го пошли дальше, ведомые Кофи. Он снова что-то показывал на пальцах. Возможно, это означало, что уже не далеко. Но не было гарантии, что Кофи правильно ориентировался в этом лесу. Тем не менее, план мятежа совместно с Майклом после произошедшего с Пейжи автоматически отпадал.

Девы всегда высыпалась быстро. А здесь еще вся ситуация способствовала тому, чтобы спалось плохо. Кроме того, спать, сидя за столом, ей было неудобно физически, а на столе, как поступили некоторые, тоже неудобно, но по чисто этическим соображениям. Идти искать свою комнату она не хотела. И не потому, что ей было лень, как Тадеу. Она не хотела оставаться одна. Проснувшись, она ходила по столовой, стараясь не шуметь, пока не проснулись остальные.

– Елки палки, мы что, совсем что ли не спали? Как было темно, так и осталось, – продрав глаза, возмутился Тадеу.

– Тихо, спят же еще, – приложив палец к губам, шепнула ему Девы.

Только благодаря этому жесту, он понял ее. Но не стал комплексовать по этому поводу.

– Так пускай просыпаются, – он громко потянулся и зевнул. – Наверное, уже светает. Не может же быть, что еще даже не стемнело.

– Постарайся не так громко, – снова попросила его Девы.

– Ну, ладно, – согласился Тадеу. – Тогда пойдем по холодильникам. – Он взял ее за руку и потянул на кухню.

Деви не поняла его слов и сначала сопротивлялась. Но Тадеу устранил пробел жестами. Они перекусили сами и, по инициативе Деви, собрали много разного на стол. Все равно ведь все скоро проснутся. Тадеу продумал эту идею дальше и проворно сдвинул столы в столовой. Потом отнес все, что они собрали, туда. И как только все было готово, во весь голос протрубил:

– Сеньоры и сеньориты, званый вечер объявляется открытым! Прошу, не стесняйтесь, подходите, угощайтесь!

Конечно же, все от этого проснулось. Не всем понравилось такое пробуждение. Но обратно заснуть все равно не дали. За столом говорили, в общем-то, ни о чем. Больше громко смеялись. Обсудили непонятное время суток за окном.

– Хорошо, хоть помещения освещаются, а то эти непонятные сумерки какие-то бесконечные, – заметила Ванесса.

– Да свет горел здесь и днем, если я правильно помню, – задумчиво сказала Эмили, глядя в окно. – Смотрите, все окна во всем корпусе горят, – обратила она внимание.

Эмили, Ванесса, Витале, Рилей подошли к окну.

– Но это же не значит, что во всех комнатах кто-то есть? – предположила Ванесса.

– Ничего не могу тебе сказать определенного. Думаю, что действительно не значит, – согласилась Эмили.

– А там кто-то машет из окна, – сказал Витале. – Вот там,

выше нас.

– Просто песня! Еще одна живая душа, – заключила Эмили. – Тогда, что получается? Люди есть уже на трех этажах. Логично предположить, что на других этажах люди тоже есть, просто мы их еще не видели. Нас становится все больше, все мы просыпались в комнатах по одному. Тогда логичный вывод, что нас должно быть столько же, сколько комнат.

– Так здесь комнат только на одном этаже...!!! И этажей, голова кружится! Это бред какой-то! Что же это будет? – сказал Витале.

– Я надеюсь этого не узнать, – ответила Эмили. – Очень надеюсь к тому моменту проснуться.

– Я тоже, – сказал Витале и направился к выходу из столовой.

– Ты что, обиделся, – спросила Эмили.

– Да, нет. Я в туалет, – ответил тот по-итальянски, потом осекся и повторил по-английски.

– О! Я тоже с тобой, – крикнул Тадеу и догнал Витале.

Только они открыли дверь, как раздался возглас Витале:

– Каналья! Ты еще кто?

Они столкнулись лоб в лоб с еще одним чудаком. Все обернулись в их сторону, и, сообразив, что произошло, поспешно подошли.

– У нас новый пассажир! – иронично заявил Витале. – Точнее пассажирка!

– Да! – продолжительно и многозначительно протянула Ванесса, брезгливо оглядывая гостью.

С минуту ее внимательно изучали все, а она остальных и пыталась понять, что же происходит. Она уже долго стояла под дверью, к которой пришла по звукам. Она ничего не смогла понять из их разговоров, к тому же громкий смех только добавлял ей ужаса. Все это, плюс традиции воспитания, мешали ей решиться открыть дверь раньше.

– Ну, что? Нужно знакомиться и с ней, – сказала Эмили. – Полагаю, это по твоей части, Хантай. У вас подозрительно одинаковый разрез глаз, – улыбнулась она ему.

Но Хантай не понял радости Эмили, чем слегка разозлил ее. Пришлось помочь жестами и примерами.

– Я Деви, – сказала Деви, показав на себя, – ты Хантай, – она показала на него, – она...

Хантай, кажется, сообразил.

На слова Деви девушка не смогла ответить. Когда то же самое ей повторил Хантай, она через паузу вымолвила: «Сай».

Радость, что девушка поняла Хантая, длилась не долго. Хантай еще что-то сказал девушке на бурятском, Сай отвечала ему на кхмерском. Остальные не понимали ни слова, хотя им и казалось, что эти двое говорят на одном языке. Но Хантай тоже не понимал Сай, как и наоборот.

Не теряя надежду, попробовали интернациональные: английский и французский, они широко распространены в Азии. Но тоже безуспешно. Видимо девушка определенно из

нетуристической азиатской глубинки.

– Что ж, в этот раз нам не повезло, – сказал Тадеу.

– Не повезло! – согласился Витале и перевел это остальным.

– Пускай она будет просто Сай. Тоже, как и Хантай, из никакой страны, – с некоторой досадой выдохнула Эмили. – Зря только подорвались.

Она села на стул. Недостойный пример и тот заразителен, а уж приятный тем более. Все как стояли в зале с арками возле входа в столовую, так тут и расположились.

– Чем будем заниматься? – полюбопытствовал Тадеу, почему-то преимущественно играя взглядом на Ванессу.

Из десятка так и не озвученных вариантов не смогли выбрать ни одного. Делать действительно было нечего.

– Я больше не хочу ходить по этажу в поисках лестниц, – заявил Тадеу.

– А если через не хочу? – без намека на бодрость в голосе буркнула Эмили.

– Через не хочу не хочу еще больше, – даже несколько повысил тон Тадеу.

– Пожалуй, это бессмысленно, – согласилась Эмили. – Ну, как видите, нас постоянно становится больше. Будем ждать прибавления.

– Увлекательно! – выдавил Витале.

Никто не нашелся, что ответить, и на некоторое время воцарилась тишина. Возможно, все о чем-то думали. Деви хо-

телось отыскать свою комнату, но она боялась идти одна и потеряться, поэтому осталась. Эмили и Тадеу тоже думали об этом, но остались, так как не хотели оставлять остальных, боясь, что может произойти что-то важное без них.

Пока эти с недавних пор девятеро изучали карту мира по лицам появляющихся вновь людей, Кофи вел Бинэси, Пейжи и Майкла путями практической географии. Бинэси уже оставил мысли об отделении от Кофи.

«Какая разница, куда здесь идти? – думал он. – Мне совершенно не знакомо ни это место, ни где мы уже были, ни, скорее всего, куда идем. Если мы так никуда и не дойдем, ему самому рано или поздно надоест идти».

Пейжи чувствовала себя более защищенной в компании Бинэси и Кофи. Они почти ни о чем не разговаривали. Лишь иногда кто-то позволял себе спустить пар и выговорить накопившиеся злость и непонимание.

Но Кофи оказался прав. В какой-то момент он стал показывать рукой несколько в сторону от того направления, куда они шли, и что-то говорить. Было понятно, что он обрадован. Они, наконец, пришли туда, куда он их вел. В том направлении лес и вправду, казалось, редел. Было похоже на то, что он заканчивается, хотя в условиях недостаточного света это было трудно сказать с уверенностью. Прямо туда и направи-

лись, оказавшись вскоре на краю леса.

Теперь никто не знал, что было лучше, идти по бесконечному лесу, или оказаться здесь на пороге новой неопределенности.

– Ахринеть! – сказал Майкл. – Здесь все такое монументальное? Лес с неизвестно заканчивающимися ли деревьями, через который мы идем уже, наверное, вторые сутки. Собственно сами местные бесконечные сутки. Эта чертова ночь никогда, наверное, не закончится! И это! Оно же просто огромное!

– Что бы это могло быть? – задумался Бинэси.

Остальные что-то говорили на своих наречиях. Ко всему добавилось чувство голода. А может, это оно просто обострилось, при встрече с новыми вопросами.

– Я не знаю, что там. Но перед тем, как туда идти, я сначала поем, – сказал Бинэси.

– А ты туда пойдешь, – испуганно спросила Пейжи у Бинэси.

– Я пойду, – уверенно заявил Майкл.

– Я тоже пойду, – подтвердил свои намерения Бинэси. – Но сначала поем.

Они снова вернулись в лес, нашли еды и остановились, словно затаив дыхание перед сложным броском.



Шло время. Кто-то вставал, ходил, садился. Периодически возникали и быстро затухали локальные разговоры. Как, например, Рилей от скуки сказал:

– Давно не объявлялись новенькие!

– Не известно, что лучше, – ответила Ванесса. – Как объявится какой-нибудь ненормальный.

Но разговоры становились все короче. Люди совершенно чужие. Общих интересов нет. Дежурные темы уже исчерпаны. Сказывался так же и языковой барьер – с одинаковым родным языком были только Эмили и Рилей.

Но Эмили не хотелось общаться с этим аборигеном. Деви была не сильно разговорчивой, а Ванесса английский знала не на столько, чтобы беспечно болтать. Она все-таки была канадской француженкой. И этим все сказано. Квебек! Она так сильно этим гордилась, что Эмили даже не захотелось пытаться говорить с ней на французском, который Эмили немного знала.

«Многие европейцы знают немного какой-то другой европейский язык, – в очередной раз думала она. – А я вот не тот выбрала. Нужно было учить португальский, или итальянский. Сейчас могла бы разговаривать с этими двоими. Впрочем, и испанский бы подошел. Эти три языка вроде сильно похожи. А французский отличается сильнее, особенно на

слух».

Для разнообразия они всей компанией перемещались с места на место: за другие столы, к окну, на кухню...

Пытались даже спуститься на этаж ниже через окно. Но никаких подручных средств не нашли. Простыни в комнатах показались настолько тонкими, что никто не решился на них спускаться, хотя игру на перетягивание каната они вроде выдержали. А собрать достаточное их количество для крепости не смогли, так как для этого нужно найти много открытых комнат, но никто не помнил, где искать свою. А может, не хватило отчаяния еще и из-за боязни спуститься и остаться там. Здесь какая-никакая, а компания. Уже все-таки своя. А там?

Так они прожили еще два голода. К окончанию второго по звукам в коридорах нашли еще одного свеженького.

– Внешне он ближе всего к тебе, Рилей. Может, он африканец. Да. Но ты австралиец, – рассуждала Эмили. – Ну, попробуй познакомиться.

– Да ничего у него не получится, – заранее сдался Витале. – Посмотри на него, он же араб.

Араб действительно не понял диалекта Рилея. Перепробовали еще несколько языков, но неожиданно незнакомец сказал:

– Жьмапэль Мусьяб.⁶

⁶ (франц.) Меня зовут Мусьяб.

– Бо! Кельжуа! Ильсэпарлефрансэ!⁷ – воскликнула Ванесса. – Его зовут Мусьаб. Он говорит по-французски. Какая же это прелесть! Наконец-то здесь будет с кем поговорить, – тараторила она вперемешку на французском для себя и на английском для остальных.

Незнакомец оказался тунисцем, где, как и в большинстве бывших колоний, уживаются два официальных языка. Его взяли под ручки и понесли в трапезную. Застольных разговоров на этот раз хватило. А после продолжительного банкета сытые желудки отвоевали себе ресурсы тел, и всех сморило в сон.

И снова наступило утро, точнее можно было бы так сказать, если бы что-то изменилось за окном. Но там были все те же надоедливые непонятного цвета сумерки. Календарное утро определялось только ощущением пробуждающейся бодрости после хорошего отдыха.

– Поздравляю вас, господа, – как-то сказала Эмили. – У нас появилась вторая единица времени. Мы здесь находимся шесть голодов или две дрёмы.

– А почему шесть голодов? – озадачился Витале. – Мы уже шесть раз ели? Кажется, меньше.

– Ну, у нас между попытками поспать, а по сути мы только дремали, получилось по два голода.

– Не скажите, не скажите! Я спал почти нормально, – признался Тадеу.

⁷ (франц.) Какая радость! Он говорит по-французски!

– Тебе везет больше, чем другим, значит. Ты почему-то не ощущаешь засады, в которой оказался, – продолжала Эмили. – Плюс непосредственно сон, у некоторых, – она улыбнулась Тадеу. – Многие дремали. Отсюда я взяла название. Можете придумать другое. Сон можно приблизительно по времени приравнять к одному голоду.

– Диалектика! – восхищенно сказал Витале.

– Схоластика! – возразила Эмили.

– Заумно вы как-то говорите! Будете нашими мудрейшими из мудрецов, – сказала Ванесса.

– Тогда уж звездочетами, – засмеялся Витале.

– Только звезды в местных сумерках, кажется, так и не появились, – улыбнулась Деви.

Стали чаще всматриваться в окна, в поисках новых контактов. И даже звали людей с других этажей. Где-то далеко внизу, они увидели, кто-то все-таки спускался по простыням вниз. А висячая лестница так и осталась висеть. Но у тех был больше стимул. Они спускались с одного их первых этажей на землю.

Из увиденного сделали вывод, что там должно быть уже больше людей, раз они смогли связать такую длинную веревку.

– Или там просто оказалось много незапертых помещений. А у нас всего одно, – предположил Тадеу.

– И они тоже смогли найти общий язык, – продолжила цепочку предположений Эмили.



Неоднократно возникавшие возгласы: «Нужно что-то делать!», «Сколько можно сидеть, сложа руки?» заканчивались отсутствием идей. Были даже попытки во что-то поиграть, чтобы скрасить быстротечность возникавших разговоров. Но отдых, при полном отсутствии перспективы даже на ближайшее время, казался скорее работой.

Эмили снова задумалась над темой разноязычности и многонациональности. И заикнулась на ней. Но не она одна. Тадеу, обиженный тем, что его с трудом понимает только один Витале, но он не всегда переводит общие разговоры, ведущиеся на английском, тоже думал об этом.

– Заметьте, – сказал он, обратившись к Витале с просьбой перевести. – Вот нас уже восемь. И мы все из совершенно разных регионов, говорим на разных языках, я имею в виду родной. Разные по профессии. Кстати, Ванесса, ты чем занимаешься? – не упустил он момента обратиться к ней.

А чтобы с прицелом на будущее сократить дистанцию, Тадеу со своим стулом втиснулся между Ванессой и Витале, обняв их как друзей детства за плечи.

– Я пою в театре, – ответила она. – А что?

– Да просто.

– Мы уже один раз пытались понять, какова же цель нашего здесь пребывания, – перехватила инициативу Эмили. –

Возможно, нас что-то, например, профессия, объединяет? А ты Рилей?

Тадеу, впрочем, в данный момент не огорчился по поводу вступления Эмили. В промежутках, когда Витале ничего не переводил, он что-то нашептывал ему на ухо, кивая при этом в сторону Ванессы.

– Строитель, – сдержанно ответил Рилей.

– Жилье, дороги...? – поинтересовалась Эмили.

– По-разному, – с ностальгией сообщил тот.

– А ты, – обратилась Эмили к арабу.

Мусаб сказал, что он подрабатывал водителем такси. Смутные пояснения на вопрос, чем же он занимается в свободное от подработки время, навели на его смуглую личность дополнительный налет и лишнюю настороженность окружающих.

– Хантай и Сай отпадают. От них мы ничего не добьемся, – снова переключился на общую тему Тадеу. – Итого?! – Он вопросительно посмотрел на остальных.

– Ты хочешь сказать, что между нами нет ничего общего, – закончила его мысль Эмили.

– Совершенно ничего! Отсюда вопрос! Зачем-ем?! – продолжил Тадеу и вернулся к уху Витале.

Эмили прищурилась, глядя на это.

– Добавим сюда еще тех троих, что мы видели в окне ниже, – вспомнила Деви. – Никто из них не был как мы.

– У меня в голове возникает только одна мысль по этому

поводу! – сказал Витале.

– Ты увидел между нами связь? – удивилась Ванесса.

– Каждой твари по паре! – выдал на-гора Витале.

– Зашибись вариант! – воскликнул Тадеу. – Только даже по паре-то нету!

– Для тебя еще не все потеряно! – ехидно заметила Эмили. – Комнат ты сам можешь предположить сколько здесь. Нас еще недавно здесь было четверо.

– А может не для меня?! – подмигнул ей дерзким взглядом Тадеу.

– Есть еще один вариант! – предложила Ванесса. – Мы все участвуем в каком-то новом невероятном реалити-шоу!

Она даже воодушевилась при этой мысли, словно она мечтала об этом, и вот оказалось, что это та самая мечта.

– Только без нашего на это согласия! – раздраженно выпалил Витале.

– Эй! Я согласен на проигрыш! Только выпустите меня отсюда! – начал, размахивая руками, кружиться во все стороны Тадеу в поисках камер и кричать, после того, как Витале перевел ему эту идею.

– А вдруг здесь для таких, как ты, в случае проигрыша предполагается смерть? – предостерегла его от капитуляции Эмили.

Она тоже поневоле принялась озираться по сторонам, пытаясь обнаружить средства наблюдения за ними. Она даже встала и деловито походила немного.

Витале тем временем попытался что-то объяснить Ванес-

се, убеждая ее поговорить об этом же с Мусьабом. Она пыталась отбиться от Витале и Тадеу, но все же согласилась переговорить с не очень приятным ей пока тунисцем.

– Все это чушь, то, что вы говорите. Какое там реали-шоу? – раздался голос из Рилея. – Это тюрьма. И нам повезло, что она достаточно комфортабельная.

Но на него мало, кто обратил внимание, то ли потому что он был похож на аборигена и не внушал своим видом необходимость слушать себя, то ли потому, что эта идея совсем никому не понравилась.

– Либо здесь все так хорошо замаскировано, либо... Я здесь ничего не обнаруживаю, – наконец выдала вернувшаяся за стол Эмили.

Усаживаясь, она успела разобрать последние негромкие слова Ванессы в адрес Витале:

– Никуда я не пойду!

– О чем шушукаетесь? – несколько напрягшись спросила она.

– Это Тадеу нас смешит, – ответил Витале и наигранно засмеялся в подтверждение своих слов.

Ванесса тоже захихикала, бегая глазами.

– У вас такой заразительный смех, что антибиотики хочется выпить, – выдавила Эмили, стараясь не показывать явно своего постепенно нарастающего негативного отношения к этой шайке.

– Экутмуа, Мусьаб. Сетом...⁸, – все-таки Ванесса решила удовлетворить просьбу пронырливого бразильца и обратилась к арабу, скашивая глаза на Тадеу, – предлагает забить на эту имперскую тренершу и дернуть отсюда.

«Ах ты, смазливый подстрекатель! – подумала Эмили, не без труда, но уловившая смысл сказанного. – Вот оно, значит, что происходит! Ну, посмотрим, поглядим!»

Пока она решила не выдавать, что в курсе новостей.

– Ну, и меня тогда посмешите что ли, – сладко-доброжелательно попросила она.

– Да, пойдем лучше перекусим чего-нибудь, – перебросил тему Витале.



Несмотря на наличие кухни, ели по-прежнему все в сыром виде. Никто так и не попытался что-то приготовить, хотя на кухне нашли даже что-то похожее на муку и еще кое-какие ингредиенты питания похожие на привычные.

Но скука пребывания здесь заставила хотя бы визуально разнообразить завтраки, обеды и ужины. Походы на кухню стали называть выходами в ресторан и даже придумывали ресторанам каждый раз новые названия. На один из ужинов мужчины пригласили дам в поднебесное кафе, составив из столов трехъярусную пирамиду с местами для гостей, есте-

⁸ (франц.) Послушай-ка, Мусьаб. Этот человек...

ственно, на верхнем ярусе.

После похода в очередной ресторан бомонд снова переместился в арочную. Но количество и разнообразие занятий от этого не изменилось: Тадеу интриговал, Эмили уже вынуждена была вести свою игру, Ванесса упивалась вниманием к себе и даже немного начала проникаться к скромному арабу, Деви, молчаливая, но наблюдательная и проницательная, заметила напряжение и мучилась в выборе лагеря. Мятеж ее пугал не меньше этого места. Ей не хотелось вновь оказаться британскоподданной, но и оппозиция ей тоже не казалась добродетелью.

– Вы это видели? – вдруг громким внезапным возгласом напугал всех Рилей.

За время трапезы Кофи, Бинэси, Пейжи и Майкл успели собраться с духом и, так и не дождавшись рассвета, пошли обследовать огромное, по всей видимости, здание, которое они увидели, выйдя из леса.

Все здание со всех сторон было просто белой стеной, и лишь с одной стороны внизу была подозрительно доступная возможность попасть внутрь стены. И это была не дверь, не ворота. Это был не высокий, всего в один обычный этаж, длинный и широкий, метров, возможно, около ста, как всем показалось, тоннель. Он, правда, был хорошо освещен. Не

найдя другого варианта не стоять на месте они вошли в него.

С обеих сторон располагались двери. Через одно и тоже расстояние, как заметил Бинэси, большой коридор, по которому они шли, пересекался другими, совсем не широкими, по сравнению с большим, довольно обычными. А между этими пересечениями над их головами парами открывались свободные пространства с видом на все еще темноватое небо. Эти пространства выглядели как очень глубокие колодцы вверх. По стенам колодцев располагались окна, светящиеся одинаковым светом. Каждый раз оба колодца, и правый, и левый, были квадратными.

– При взгляде вверх, кружится голова, – сказала Пейжи.

Пол был гладким. Но под колодцами были квадратные участки открытой земли, точнее газонов, размером немного меньше самих колодцев.

Проходя мимо одного из поперечных коридорчиков, они услышали, как их кто-то окликивает.

– Эй. Эй! Неужели здесь еще кто-то есть? Я здесь скоро сойду с ума.

Они посмотрели в сторону и увидели мужчину, который направился к ним. Подойдя ближе, он первым делом удивленно спросил:

– А вы чего все голые?

Он говорил на языке, которого никто не знал. Но из-за того, что незнакомец был одет, даже не понимая его слов, ко всем вернулось ощущение наготы, которую они какое-то

время уже не замечали. Вместе с этим ощущением накатило стеснение, мешавшее собраться с мыслями.

– Ну, хорошо! Не хотите говорить, не говорите. Как вам больше нравится. Но все-таки пойдете, я вас одену.

Он поманил их рукой, показал на себе одежду и жестами попытался объяснить, что даст им такую же.

Незнакомец не вел себя агрессивно. Всем четверым потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя и решиться пойти за ним. Он понимал, что молчат эти странные и голые люди, возможно, потому, что не понимают его языка. Но если они сумели догадаться и пойти за ним, то, увидев одежду, уж как-нибудь смекнут одеться сами и без объяснений.

«Видно же, что они из весьма отдаленных стран, – думал он. – Хотя один бледный, но, видимо, тоже не нашенский».

В этот момент Майкл одернул его за плечо и сказал:

– Айм Майкл⁹. Майкл, – повторил он, показывая на себя.

– Ааа. Все-таки умеете ведь говорить! Можете, когда хотите, – совершенно вальяжно отвечал им незнакомец. Кажалось, что он здесь уже давно освоился и чувствовал себя вполне комфортно. – Я Макар. Можно прям так просто Макаром и называть. А ты значит Майкл, можно Миха.

– Оу. Ма-ка-рбм. Гуд, гуд, – отвечал Майкл. – Макаробм. Айм эмэрикэн¹⁰.

⁹ (англ.) Я Майкл.

¹⁰ (англ.) Я американец.

– Макар я! Ма-кар! – повторил Макар громко и внятно, для особо одаренных, недвусмысленно показывая на себя пальцем и не произнося громко на этот раз лишних слов.

И, бурча под нос и немного посмеиваясь, он передразнил Майкла, даже пригрозив ему:

– Макаро́м! Еще скажи б... макарон! Прямо, так с локтя и развернусь.

Макар, ехидно улыбаясь, посмотрел через плечо на Майкла. Тот едва ли понял, чем так поднял настроение собеседнику, но обрадовался завязывающемуся разговору.

– Айм эмэрикэн! – довольный повторил он.

– Америкэн, значит, говоришь. Американец штоль? Ну, гут, гут! Или нихт гут?¹¹ Ох, и не люблю я вас! Сам не знаю, за что, но не люблю. Уж не обижайся, если что. А я русский. А эти кто? Я Макар, – повторил он, обратившись к Бинэси.

– Он, наверное, спрашивает, как вас зовут, – перевел остальным Майкл.

– Огимабинэси, – ответил индеец.

– Я так и думал, какое-нибудь не киношное замороченное имя, – ответил Макар. – Это только в кино Орлиное Перо. А попроче ниче не придумать?

Как будто отвечая на его вопрос.

«Опять он выделяется со своим Огимабинэси, кто ж это выговорит?» – подумал Майкл.

¹¹ (нем.) Ну, хорошо, хорошо! Или не хорошо?

– Айколхимджаст Бинэси¹², – сказала Майкл, но сообразив, что Макар не понимает по-английски упростил фразу, показывая на Бинэси. – Бинэси, Бинэси.

– А! Просто Бинэси. Я так и думал, что можно проще, – Макар протянул индейцу руку.

Тот тоже поприветствовал бледнолицего рукопожатием.

– Макар, – обратился Макар следом к совсем темнокожему.

– Кофи, – сухо ответил тот, понимая, что все знакомятся, но не имея возможности добавить что-нибудь понятное еще.

– Гэ, гэ – позабавился Макар такому совпадению цвета и имени. – Ладно, посмотрим, как завариваться будешь! Ну, а как зовут вашу даму? – Макар обратил свое внимание на девушку. – Я Макар.

– Пейжи, – смущаясь больше других, ответила та.

Макар привел их в свою комнату и предложил одеться. Выбрав себе одежду, Майкл понял, что после столького времени, проведенного в лесу, наконец, одеться, конечно, приятно, но... Он объяснил Макару, что не плохо бы помыться, почесав себя по груди, по плечу.

– А ты, однако! – удивился Макар, но показал, где здесь можно помыться, открыв зеркальную дверь.

Майкл вежливо поблагодарил. Он принял душ с таким удовольствием, сразу вспомнив дом. За это время Бинэси удалось объяснить Макару, что они очень долго ходили и уже

¹² (англ.) Я зову его просто Бинэси.

снова проголодались.

– Да вы прямо господя, как я посмотрю. И одеться, и помыться, и поесть, – шутя-нарочно говорил Макар. – Ну, я вас понимаю. Сам так же дикарем здесь ходил: ничего не знаю, поговорить не с кем, жрать хочу как февральская дворняга. А вы-то, кстати, из того леса, что ли? Я доходил до конца коридора, но в лес не решился идти. Ааа... Да с кем я разговариваю? – выдохнул Макар, видя, что разоряется впустую.

Но он уже так давно ни с кем не разговаривал, что все равно продолжал нести небылицы без остановки.

Вышел Майкл. По очереди пошли в душ остальные.

– Вот. Сейчас всех вас помою, и пойдем есть, – грустно сказал Макар. – Тут не далеко, минут за двадцать, тридцать дойдем потихоньку.

Макар вывел всех снова в большой тоннель и повел дальше вглубь здания. Наконец они дошли до конца тоннеля.

– А здесь нет двух одинаковых колодцев, – сказал Майкл.

– Да, – согласился Бинэси. – Здесь они объединены в один широкий.

Пройдя этот пяточок, дверь и следующую за ней большую комнату, они оказались в столовой и дальше в кухне. Здесь-то их и обрадовал Макар.

Обед выдался несколько более разнообразным. Были те же яства, что и в лесу. Но были и другие. Некоторые из них прежде они не решались есть. Других даже не видели. Поначалу на правах скромных гостей ели молча, не считая потока

открывшегося сознания Макара, который никто не понимал, но и не пытался приостановить.

– А это место не менее странное, чем лес, – разбавил, наконец, тишину Бинэси.

– Здание огромное. Но не менее, а может быть и еще более однообразное, чем лес, – ответил Майкл.

– Но главное, что здесь тоже не умрешь с голоду, – продолжил оптимистично индеец.

– И что здесь есть во что одеться, – добавила Пейжи.

– Это точно! – поддержал ее Майкл.

И они втроем засмеялись.

– А вы сами-то чего в лесу делали? – поинтересовался Макар.

Гости на все вопросы Макара только пожимали плечами, после чего снова затихали. Потом стали пытаться о чем-то спросить его. С такими же успехами.

– Да. С вами приятно поговорить! – сказал Макар. – Похоже, что вы говорите на чертовом английском. И что же я его не учил-то? – тоскливо сам себе говорил он. – Только и знаю мейнемиз¹³.

– Дью ноу инглишь?¹⁴ – обрадовался Майкл, услышав что-то узнаваемое.

– Че ты сказал? Ты мне? Не. Ноу¹⁵, ноу. Я не понимаю, –

¹³ (англ.) (искаженно май нейм из) Мое имя

¹⁴ (англ.) Ты знаешь английский?

¹⁵ (англ.) Нет

отказывался Макар, продолжая разговаривать сам с собой. – Ох, и черти вы нерусские. И поговорить-то с вами не о чем. А как хочется поговорить. Дни здесь длинные, ночи еще длиннее. Покуковали бы вы здесь с мое! Посмотрел бы я тогда на вас, как бы вы молчали.

У Пейжи уже было видно, что закрывались глаза. А сытость тянула в сон еще больше.

– Ваша дама, кстати, устала, – сказал Макар. – Спать можно здесь, а лучше вот там на травке. Еще лучше у себя в комнате, если не лень туда идти. Но там только одна койка.

Он встал и вышел из столовой, прошел еще через следующую большую залу, вышел в коридор. Напротив него был отличный газон, прямо под колодцем.

– Мне нравится здесь засыпать. Ложишься, и сразу кружится голова. Вырубает мгновенно. Только еще лучше там. Он, – Макар показал вверх, – там квадратный. Так что, я пойду туда, а вы располагайтесь, где хотите.

Остальным только и оставалось, что последовать его примеру, тем более, что действительно уже устали.

*

Как бы им ни хотелось расстаться друг с другом, но проснувшись, все снова обнаружили себя в столовой в надоевшем окружении. Бинэси успел немного походить по округе и кое-что для себя подметить.

За завтраком Макар вдруг вспомнил:

– А! Я же забыл. Тут есть на что посмотреть. Вам будет интересно.

Пояснять он не стал, так как это было бесполезно.

Когда все наелись, он повлек всех за собой. Макар привел их к мемориальным доскам, так он их назвал сам. Последний блок в тоннеле перед дверью в зал и столовую справа и слева был без дверей. Стена была усыпана ровными рядами надписей на разных языках.

– Вот. Смотрите, – начал излагать свое видение Макар. – Здесь уже все похоронены. Вот наши имена. Так что то, что мы еще ходим, не говорит о том, что мы еще живы.

Он как мог жестами и мимикой, прикладывая руки к горлу, имитируя удушье, складывая руки у горла на манер Веселого Роджера, пояснил, что считает всех уже мертвыми.

Остальные начали разглядывать стену. Надписи были расположены в некоем порядке, скорее всего в алфавитном, но это можно было однозначно понять, только увидев знакомую письменность.

– А вот, здесь дальше пошла латиница, – заметила Пейжи. – Это все на «А».

– Смотрите, – продолжал Макар, хотя знал, что его не понимают. Но язык примитивных жестов, плюс интонации позволяли донести часть информации. Таким образом, дальше и общались. – Я думаю, что это все имена. И у каждого имени есть номер, это номер его комнаты. Свой номер я нашел.

Пойдем. Пойдем, покажу. – Он поманил их рукой, а показав на противоположную сторону коридора добавил. – С той стороны тоже имена. Много имен.

Макар завел их в боковой коридор и стал считать проходы между такими же стенками, как и первая. Отсчитав довольно много, он свернул и стал считать столбцы.

– Вот он я. Я здесь похоронен, – он последние несколько шагов до своей записи прошел похоронной походной, сделав прискорбное лицо, остановился и гордо показал на одну из записей.

– Мэ-кэп, – прочитал надпись Майкл.

– Макар! Ма-кар, здесь написано, – повторил Макар, как для неприлежного первоклассника, учащегося читать. – И вот номер моей комнаты. Я в ней проснулся, в ней и живу. – Он посмотрел на остальных. – Понятно. Не врубаетесь. Ладно. Еще раз смотрите сюда, – он показали им свое имя и номер. – Теперь пойдем. Далеко, но что делать. Торопиться, уверяю вас, нам некуда. Не понимаете словами, дойдет через ноги. Так у нас говорят. А надо было в школе учить русский. Так что считайте, что сами виноваты.

Он отвел их в свою комнату и показал надписи на двери.

– Вот. Видите? То же самое. «Макар» и тот же номер.

Трое, говорящих на английском, начали что-то обсуждать между собой. И похоже было, что они пришли к какому-то единому мнению. Индеец показал на имя на двери, потом на себя и потом рукой в направлении обратно к спискам.

– А. Теперь вы решили найти себя? Так я вам про это и говорил. Че ж вы сразу-то не въехали? – сказал Макар. – Пойдем искать. Только я не знаю, где ваши имена. Сами будете искать.

Искали, пока не проголодались. Но самое главное, что нашли только Майкла.

– Хе. Тебе не повезло. Видишь первая цифра какая? Тебе туда. – Макар показал вверх, имея в виду, что его комната будет на каком-то этаже.

Майкл спросил, мол, как туда попасть, где лестница.

– Эээ, чувак! Лестницу я тоже искал. Не нашел, – помотал одновременно со словами головой Макар.

Пейжи не знала, на каком языке себя искать. Китайские списки нашли, но ее там не было. А тайские списки отыскать не удалось. Решили сделать перерыв и снова пошли в столовую.

Пока ели, Майкла не покидала мысль, как бы не забыть свой номер. Он поинтересовался у Макара:

– Райт даун¹⁶, райт даун, – повторял он, изображая человека, пишущего ручкой.

– Рай даун? – ответил Макар, поняв по инсценировке Майкла, что тот интересуется карандашом. – Да уж. В уме тебя не заподозришь. Ты здесь хоть что-то видел, кроме стульев? – он снисходительно покачал головой. – Все вы там дауны, что ли? Куда вам еще в рай.

¹⁶ (англ.) Записать

В латинском блоке найти Пейжи тоже не удалось. А так же Бинэси и Кофи. А как может выглядеть их родная письменность, знали только они. Даже разделившись, они успели избить ноги и сломать глаза.

Макару эти поиски осточертели еще с тех времен, когда он искал себя. Поэтому, пока эти интернационалы ходили по мемориальным лабиринтам, он развалился на лужайке. К нему чуть позже присоединился Майкл.

– А кто там ходит? Они уже пошли есть? – спросил Макар, услышав разговоры в зале, смежном с главным коридором.

– А, – откликнулся Майкл.

– Они пошли туда? – повторил Макар. Но, поняв, что спрашивать без толку, встал и пошел к двери в зал. Открыв ее, он воскликнул:

– Мать честная! А вы-то откуда, касатики?!

А касатиков было много. Они посмотрели на Макара, и один из них даже ответил.

– Мы звиткы? Цэ ты звиткы? Хлопци, ггляньтэ. А тут хтось е, – обратился Данило к своей компании.

Но с ними и раньше не удавалось ни до чего договориться, и сейчас они не оценили радости Данилы.

– Не-е-е, вы слышите? Майкл, б..., ты слышишь? – кричал, не сдерживая радости, Макар. – Он хохол. Иди сюда, земляк. Дай же ж я тебя расцелую.

Макар бросился к нему в обнимку.

– Гглянь. Чи ты росиянын будэш? Скильки вжэ я нэ чув

ничего ридного? Ххтоб и сказав, що я зрадию побачыты москаля, так вбыв бы. Ххто ты?

– Я Макар.

– А я Данило. Ну, будэмо знаёми.

– А эти кто?

– Да, хтоб знав. Ни як нэ розумиють по-нашему. Антыхрысты.

– А вы откуда взялись, я здесь уже черт знает сколько! Один все время. Вот только-только из леса подкатила бригада чуркобесов. Ни слова по-нашему!

– Та мы злизлы. О! Бачишь? – Данило показал на окно, на веревку, связанную из каких-то тряпок.

Макар где-то понимал по-украински, где-то не совсем, где-то догадывался, и Данило, с трудом переламявая привычное нежелание говорить по-русски, стал иногда переходить на русский язык, хотя знал его слабенько.

– Как же я рад этой встрече, Данилко, – не унимался Макар.

Им двоим явно было, что отметить. И от такой радости они бы, конечно, напились бы вдрабадан. Но пришлось довольствоваться фруктовой трапезой и водой.

Однако, кулибинская мысль не окостенела и пошла прямыми путями к околицам. Из имеющегося сырья они отобрали пару сортов, их которых можно было попытаться сделать веселую жизнь. Дело осталось за малым, найти подходящую тару, а тепла здесь достаточно!

За трапезой познакомились с остальными. Действительно, никто из них не понимал ни по-украински, ни по-русски. Однако, некоторые из них спелись с англичанами. Кофи по-прежнему остался в одиночестве. В спустившейся компании таких уникальных оказалось еще двое. Но поскольку клубы по интересам уже очертились довольно явно, им оставалось только расшифровывать жесты, если кто-то вспоминал о них и пытался им что-то объяснить.

Поведав, кто мог, друг другу свои истории и свои небогатые знания об этом странном месте, здесь же все и поотключались.

– Ну, кто-нибудь это еще видел, – повторил Рилей.

Стали оглядываться по сторонам, стараясь понять, о чем это он. Ничего особенного не наблюдалось.

– Голова. Голова! Она появилась и исчезла, – в полном недоумении кричал Рилей, показывая рукой на арку.

– Какая голова? Где? В окне? – принялась разбираться Эмили.

– Нет. Из арки высунулась голова и опять исчезла в ней, – объяснял Рилей.

– Это опять твои духи. Ты про них уже который раз песни поешь. Ты же сам говоришь, с детства живешь в современном городе, среди нормальных людей. А в эту чушь еще ве-

ришь, – махнула рукой на исчезающую голову Ванесса.

– Я не говорил, что это духи, – обиженно ответил Рилей.

Он уже не раз замечал, что эти белые воспринимают его, именно как аборигена, а не как нормального человека.

*

Арамаан, однако, тоже был в шоке от увиденного. В совершенно пустом помещении, в котором он уже ходит из угла в угол, наверное, несколько десятков километров, вдруг он увидел проявившуюся, как на фотографии, толпу людей. Испугавшись, он естественно отдернулся назад. В таком же полнейшем недоумении, как и Рилей, он стоял несколько минут и не решался даже шелохнуться. Но потом все-таки попытался снова пройти через арку, сделав осторожно шаг. Но появление людей из ниоткуда его напугало еще сильнее, чем в первый раз. Ему стало бы легче, если бы он убедился, что люди ему просто показались. Но факт подтвердился.

*

– Вот, он снова сейчас только что был, – торжествовал подскочивший Рилей.

Теперь он хотя бы сам был уверен, что ему эта чертова голова не показалась.

Но кроме Рилея за аркой снова никто не наблюдал. Одна-

ко...

– Мне тоже, что-то показалось, – сказала Эмили. Она стояла к аркам боком. – Или нет? А больше никому?

– Одновременно у всех галлюцинации начаться не могут? – сказала рассудительная Деви. – И мне показалось, будто что-то там такое мелькнуло.

Остальные ничего не заметили, так как стояли либо спиной к аркам, либо их внимание было занято обсмеиванием несчастного Рилея, который от постоянного уничижительного отношения к себе, по их мнению, совсем съехал с катушек.

Эмили, однако, подошла к той арке, возле которой ей что-то примерещилось. Немного постояла.

– Просто, как бублик! – сказала она, разглядывая прозрачную, на вид пластиковую, возможно даже полую трубу, из которой была согнута арка. Сначала ее правую часть и через верх левую. – Ничего! Я ничего особенного в ней не вижу, – Эмили была отчасти изумлена этой простотой и неясностью надобности. – И не могу предположить даже, для чего бы эта хрень здесь стояла. Тем более их две.

С этими словами совершенно без задней мысли она сделала неторопливый шаг сквозь арку. Но как только она пересекла ее наполовину, завизжала Деви. Вслед за ней завопила и Ванесса. От этих криков внимание Эмили резко вернулось к своим, и она ничего не успела заметить впереди себя. Эмили, не закончив шаг, вернулась назад.

– Вы чего?

– Мы чего? Ты сама-то видела? – тряслась Ванесса.

Она подбежала к Эмили и стала вглядываться, все ли с ней в порядке.

– Видела что?

– Ты только что наполовину пропала в этой арке! Прямо вот так, – она показала на Эмили вертикальную линию. – Вот так вот ты исчезла.

– Я? Где? Здесь, сейчас? – Эмили просунула в арку руку и мгновенно одернула, тоже выпучив глаза. – Нереально! Нет. Вы это видели?

– Мы это уже видели, – уверенно в один голос подтвердили Ванесса и Деви.

Но их больше удивило первое наполовину исчезновение Эмили, чем фокус с рукой.

– Вас это не удивляет? – недоуменно спросила Эмили, оглядывая остолбеневшую публику.

– Трудно удивить тех, кто уже находится в шоке! – ответил ей Витале.

Остальные, судя по всему, просто пребывали в оцепенении и не проронили больше ни слова. Кто-то из них тоже решил подойти к Эмили и изучить ее на предмет неврежденности. Другие обступили со всех сторон арку и разглядывали ее. Рилей тоже просунул в арку руку с тем же эффектом, что и у Эмили.

– Абсолютно никаких ощущений! – отрапортовал он.

Тем временем Эмили судорожно соображала, ее глаза бегали: на арку, на руку, на Рилея, остальных, просто по сторонам. Мысль о том, что там тоже был человек, наводила ее на то, что это не опасно.

– Я не знаю что это. Но раз со мной ничего не произошло, я иду туда. Если можно туда, значит можно и обратно. Тем более, что там тоже есть человек.

И она целеустремленно прошла сквозь арку.

Звуков, которые раздались за ее спиной, она не услышала.

Ее ожидания, однако, не оправдались. Пройдя через арку, она обернулась назад. Но уже никого не было. Не было и Деви с Ванессой, которые стояли с другой стороны арки, так что Эмили шла как бы им навстречу. Она перестала слышать их разговоры. Эмили так же не встретила и того человека, который выглядывал из арки.

«Но не могло же мне показаться то, что дважды видел Рилей, – думала она. – Если он видел то, чего нет, то мне оно не показалось бы?»

Эмили огляделась по сторонам. Точно такая же огромная комната. Столы стулья и две дурацкие арки. Что-то промелькнуло в ее голове, и она решила вернуться, логичным, казалось, способом, просто пройдя через арку обратно. Но, сделав это, она, как будто, осталась тут же, в этой же пустой комнате: столы, стулья и арки. Ее прежней компании уже не было.

«Стоп. Столы! Стоят по-другому? – разговаривала она са-

ма с собой. – Да вроде нет. Гляну еще раз».

Но, не успев сделать шаг, она замерла и начала рассуждать медленно вслух.

– Я прошла два раза. Но, пройдя обратно, я не вернулась. Значит, я и сейчас не вернусь. Ха! А ведь можно не проходить. Можно просто глянуть!

*

Эмили отсутствовала не больше трех минут. И все ждали, что она вот-вот вернется назад. Собственно Эмили тоже так думала сделать, и даже попробовала вернуться.

Сай видела в произошедшем нечистую силу и отошла подалее. Деви вцепилась в Ванессу. Мужчины стояли возле арки, демонстрируя мужской подход к делу: если кто-то уже полез в костер, то лучше не суетиться, а спокойно подождать, чем это закончится. Тем более, что никто никого никуда не торопит, и они находятся в более безопасном месте.

Рилей думал, что все мужики стоят и чего-то боятся, а Эмили, женщина, первой не побоялась пройти в арку. Тадеу, напротив, думал, что так этой выскочке и надо.

«Вечно лезет во все первой. Я за ней не пойду. Кстати, а ведь никто не кинулся спасать ее!» – отметил мысленно он.

Почти о том же думал и Витале, но все-таки ему тоже было любопытно. Не столько, что стало с Эмили, сколько, куда же она попала, что там.

Хантай решил попробовать, как это, и несколько раз подряд просунул руку в арку. Мусьяб подошел к женщинам и попытался их успокоить. Увидев это, Тадеу сообразил, что упустил момент окончательно втереться к девкам в число своих.

– Я знала, что здесь все не так просто, – говорила невнятно Деви. – Эмили тоже все время говорила, что что-то должно произойти. Здесь пропадают люди.

– Эмили пропала пока только одна. А все остальные непонятным образом появились, – сказал Тадеу, стараясь наверстать упущенное. – Вспомните, мы все вышли из комнат, а как мы оказались там, мы не знаем.

– Я все-таки пойду за ней, – неожиданно сказал Витале, и шагнул в арку. – Эмили, – позвал он. – Эмили.

Но Эмили ему не отзывалась. Он стал оглядываться по сторонам.

*

Эмили просунула голову в арку, посмотрела на столы, что оказались перед ней. Высунула голову обратно и снова посмотрела на столы, стоящие по другую сторону арки.

– Я так и знала. Это все-таки разные комнаты. Хотя нет. Комнаты-то, как раз, одинаковые. Может, даже одна. Но разное время? До того, как мы передвинули столы!?

Она снова стала оглядываться, ходить и изучать все во-

круг, пытаясь зацепиться за что-то, что помогло бы ей найти ответ на этот вопрос. Но все было крайне похоже, вплоть до двери в столовую. Да и за ней все выглядело точно также: столы, стулья, а дальше кухня.

– Мы вроде ели не так давно, но я бы перекусила, – проговорила Эмили.

Она открыла холодильник, точно такой же, какой она видела раньше.

– Но здесь ничего не тронут! Еще ничего не тронут? Либо мы сюда еще не пришли? Либо...

*

Так и не обнаружив Эмили, Витале тоже попытался вернуться назад через ту же арку. Но, пройдя через нее, так же не встретил тех, от кого уходил.

– Что такое, – чертыхнулся он. – Не сработала что ли? – И он снова шагнул в арку.

*

Взяв с собой несколько фруктов, Эмили пошла обратно. Остановилась между арками.

– Одинаковые. Но их две!

Она несколько раз перевела взгляд с одной арки на другую. И неожиданно ее глаза зацепились за входную дверь в

этот зал. На ней был выбит номер этажа.

– Так это другой этаж! Это просто другой этаж! – ликовала теперь она. – Я прошла через нее два раза. И оказалась двумя этажами ниже. Проверим!

Она подошла к той же арке, через которую уже ходила, и снова заглянула в нее.

– Я права! Здесь номер этажа на один меньше, – объясняла Эмили сама себе. – А я проходила сначала в одну сторону, потом в другую. Проверим!

Она обошла арку, посмотрела на всякий случай на дверь, чтобы убедиться, что при этом она осталась на том же этаже, и снова заглянула в арку.

– Так и есть. В любую сторону на один этаж вниз. Тогда вторая арка будет вверх. А иначе, зачем их две?

Она оказалась права. Дважды пройдя через вторую арку, она вернулась на свой этаж.

– Эмили! – обрадовалась Деви.

Никто не ожидал, что она выйдет из другой арки.

– Невероятно! Где ты была? Как ты? Все в порядке? – причитала подбежавшая Ванесса. Чувствительность ее натуры перехлестнула квебекскую гордость, и она искренне радовалась появлению Эмили. – А мы тут не находим себе места, где же ты? Что с тобой стало? – сыпала она словами.

– Все отлично, девочки! – отвечала довольная Эмили. – Со мной все тоже отлично! Эти арки – это то, что мы искали здесь всю эту чертову ночь и прошлый день, все эти голоды

и дремы! Они здесь вместо лестниц. Эта ведет вниз, а эта ведет вверх. Все просто! Как бублик! Кстати, а вы заметили, что стало светлее?

– Витале пошел за тобой. Туда, – рукой показала на первую арку Деви.

– Не беда. Разберемся, – ответила уверенная Эмили.

– А ты не видела там больше никого незнакомого, – спросил Рилей.

– Твою голову что ли? – засмеялась Ванесса.

– Нет. Не видела, – задумалась Эмили. – Голова высовывалась из этой арки?

– Да, – ответил Рилей.

– Значит, она шла к нам сверху. Чтобы ее найти, нужно идти наверх. То есть в ту арку.

И Эмили, не раздумывая, шмыгнула в нее.

Она увидела забавную картину, хотя после этих арок она уже ничему не удивлялась. В углу, обратившись лицом в угол, согнув спину, сидел человек в позе молящегося.

– Эй, – осторожно окликнула его Эмили.

Она не торопилась докричаться до него и получить реакцию. Человек явно не был в состоянии душевного равновесия. Но голос другого живого человека, показалось Эмили, не вызвал у сидящего усиления настороженности, наоборот, он действовал на него успокаивающе, его плечи невольно опустились, дыхание стало более глубоким. Не спеша, Эмили все-таки подошла к нему и дотронулась до плеча.

Найти общий язык они не смогли. Эмили даже и не надеялась на это, лишь только увидев его лицо. Они уже проходили это с Хантаем и Сай. Этот был из них же. Им удалось, однако, познакомиться.

– Идем, Арамаан, – сказала Эмили, и взяла его за руку. – Идем со мной.

Она повела его в арку, возле которой он нервно остановился.

– Все нормально. Идем, – уговаривала Эмили.

Ей пришлось задействовать всю свою убедительность, чтобы заставить его пройти через арку. Вслед за ним прошла и она.

– Смотрите. Вот она наша голова. Рилей был прав. И мы зря нападали на него с духами. Его зовут Арамаан. Больше я ничего не знаю. Он такой же, как Хантай и Сай, говорит мало и на каком-то своем наречии.

Обычное дело. Большинство европейцев не способны отличить людей разных азиатских народностей. Но Хантай сразу понял, что это не его сородич. Однако он заговорил с ним. Несколько фраз они произнесли как будто невпопад, но потом заговорили на третьем языке, что на слух, конечно, сумели определить присутствующие. Заговорили очень слаженно и кинулись обнимать друг друга.

– Как это чудесно, – сказала Ванесса, – разыгрывая слезы умиления, хотя вполне возможно, что ее радостные эмоции были настоящими.

– Да просто индийское кино! Я твой брат, и ты мой брат, – улыбнулась Эмили. – Деви, только не обижайся. Но у вас действительно все фильмы такие.

– Что же это такое? Эти двое, значит, нашли себя. Витале пропал. А без него я в абсолютном информационном вакууме, – негодовал Тадеу.

Из этих слов Эмили поняла только слово Витале.

– А! Витале! Нужно его найти! Он, наверное, заблудился. Я сейчас, – сказала Эмили, – найду Витале. А потом... Ванесса, Деви, – Эмили обратила на себя внимание. – Я вернусь, а потом не знаю, кто как, а я пойду на первый этаж, буду искать выход отсюда.

И она пошла вниз.

– Это была последняя информация на сегодня. Но мы еще вернемся к этому вопросу, так как нужно будет думать, что делать с людьми.

– Вы это серьезно говорите, что мы закрываем Европу? То есть, я правильно понимаю, полностью?

– Вы меня понимаете правильно, – ответ был дан спокойным тоном уверенного руководителя, хотя и немного усталым. Сказывалось позднее время. – Я именно это и говорю. И категорически серьезно.

– И это решение, насколько я понимаю, уже окончательное и никакой дискуссии не предполагается?

– Дискуссия уже была. Все, в том числе и Вы, имели возможность выразить мнение и изложить аргументы. Так что не нужно делать вид...

– Ладно, не будем. Только все равно не понятно. Закрывать Европу! – он в недоумении покачал головой.

– Все очень понятно. В сложившейся ситуации, о чем именно я говорю, все присутствующие в курсе, мы просто не можем более обеспечивать этот проект. Он не самый масштабный, в плане территории, но финансово самый дорогой.

– Полностью! – видно было, что вопрос хотя и муссировался, но такое решение было неожиданным, и выбивало из колеи. – И насовсем?

– Странный вопрос! А Вы полагаете, что можно заморозить проект? Бросить в Европе людей, пусть выживают сами? Или может людей убрать, а бросить все остальное? Без присмотра?

– Сокращение проекта могло бы быть компромиссным вариантом?

– Кого удалим? Турцию, Грецию? Испанию? Или, может, Черногорию? А... Наверное, Францию? Допустим, кого-то оставим. Что скажут другие?

– Ну, ...

– Затрудняетесь? Каждый из этих вариантов обходится нам дороже любого другого целого направления. Европа нынче дорога! Она, впрочем, всегда была дорогой.

– Это цинично, говорить о культуре и истории через призму денег.

– На моем месте было столь же цинично свернуть все остальное и оставить только Европу. Финансово эти варианты сопоставимы, но людей пострадало бы в десять раз больше. Так что циничным можно было бы назвать и отстаивание Вами Европы, поскольку это именно Ваше направление.

– Хорошо. Оставим циничность циникам!

– Спасибо на добром слове. Надеюсь, и в дальнейшем мы с Вами будем находить общий язык столь же легко. На самом деле, я Вас понимаю. Это нормальная реакция с Вашей стороны. Но такова ситуация.

– Да. Пожалуй, я несколько погорячился. Вы, конечно, в

чем-то правы.

– Изначально предполагалось значительно большее сокращение финансирования на исследовательские цели. Удалось выбить увеличенный бюджет.

– Там как на базаре, начинают сразу с шокирующих скидок, чтобы в итоге сторговаться на удобной им величине, – провел аналогию еще один из присутствующих коллег.

– Да. И мы уже не в первый раз сталкиваемся с такими сокращениями, – руководящий тон сменился на товарищеский, поскольку острые углы вопроса уже прошли.

– Увы! Это так! – подтвердил «старейшина» совета. – Хорошо, что хоть иногда с громкими лозунгами властители, так сказать, с барского плеча возьмут и скинут нам прибавку, которую позже начинают обрезать то с одной стороны, то с другой. А без подачек мы бы уже давно сидели в бублике. Но это, извините за отступление, сбоку темы.

– Жалко старушку! – слова были сказаны с глубоким сожалением. – Но были и более крутые времена. Когда вообще все менялось. Был ведь уже почти бублик!

– Хватало только на песочницу под балконом, – подхватил «старейшина». – Так что сейчас еще все хорошо!

– Тогда на хорошем и закончим. Только позволю себе еще раз напомнить, что необходимо будет распределить людей по оставшимся направлениям.

С этими словами совет был закрыт.

Заканчивался долгожданный и вместе с тем неожиданно подошедший к концу пятый курс. Но это так только для студентов. Для профессоров время идет ровнее. Один пятый курс меняется пятым курсом следующего потока, потом следующего... Сданы все экзамены. Встретить в университете Авдея, Ярика, Лизон или кого-то другого из их компании уже было событием. Тем более...

– Нонна? Тебя ли я вижу? Какая радость!

– Натан Саныч. Здравствуйте. Я тоже рада Вас видеть. Вы спешите?

– Немного. Ярика здесь после экзаменов не встретишь, и тебя тем более удивительно. Ты по какому-то вопросу?

– Да на следующий год восстанавливаться хочу. Вот зашла узнать. А то летом здесь никого не найдешь.

– Значит, всё. Выросли! От мамкиной юбки оторвались, – улыбнулся Натан Саныч. – Как там мальчуган-то поживает?

– Глеб хорошо. В садик пошли, теперь вот я днем бываю свободна.

– Слушай, ну, я бы поговорил, только мне сейчас к Ильичу нужно. Ты в деканат-то или на кафедру зайдешь?

– Так прямо к вам и иду! Я подожду Вас.

– Отлично! Не прощаюсь тогда.



Натан Саныч зашел в кабинет ректора.

– Савелий Ильич, здесь некоторые документы, по поводу...

Зазвонил телефон и Савелий Ильич рукой показал, мол, оставьте документы здесь, я посмотрю, и стал отвечать на звонок. Но оторвался и от него, вспомнив, что...

– Да, Натан Саныч. Я уже посмотрел списки новых групп в экспедиции. Они, конечно, с профессорами согласованы?

– Безусловно.

– В общем, готовьте приказ. Я, правда, внес небольшие коррективы. Я бы рекомендовал... – хотел, было, пояснить Савелий Ильич, но то ли отвлекся, то ли передумал. – Увидите сами.



Вечером дома Нонна рассказала Ярику, что была сегодня в универе, всех видела, кого застала, со всеми разговаривала.

– Ага. А я в обед забежал, тебя дома нет. Чудеса, думаю.

– И не говори. Чудеса! Сын в саду. Загуляет мамка!

– Да Тамилка уже так и решила! – припомнил с улыбкой Ярик.

– Вот же зараза! – улыбнулась Нонна. – Ты ее видел?

– Она как раз, когда я уходил, зашла в гости. Удивилась!
«Эх, мать-то дает!» сказала.

– Поговорит она еще у меня!

– Ты знаешь, она, кстати, не сильно говорливая была сегодня, – припомнилось Ярику.

– Тамилка-то? – удивилась Ноннка.

– Мне так показалось.

– Утром в универе мы виделись пару минут, была нормальная... Ну, или делала вид. Она уточнила, что я не надолго в универ. Но не предупредила, что собирается зайти.

– Может, она и не собиралась? – предположил Ярик.

– Да может... – Ноннка пыталась припомнить подробности утренней встречи, как это она ничего не заметила. – А я засиделась с Семенычем, потом у Натана Саныча.

– Может у нее за пару часов случилось расстройство какое... – проямлил Ярик.

– Какое еще расстройство?

– Расстройство настроения, например.

– Ну, если только настроения... То одно из двух. Не иначе! – заумно многозначительно заключила Ноннка. Но все-таки не удержала свое любопытство. – И что, она прям совсем ничего не рассказывала?

– Сказала, зайду в другой раз. Буду знать, что теперь ваша мамаша свободна, и ей нужно предварительно позвонить.

– Ладно. Я ей сейчас сама позвоню. Она просто не знала, что мы Глеба в садик отдали.

– Ты же в деканате была? Че тебе Натан-то рассказывал?

– Европу, оказывается, закрывают?

– Полностью?

– А ты не в курсе? Полностью! Натан говорит, Панкрат Андреевич чуть не поседел на совете, когда услышал, что его Европу все-таки порезали. Даже поругался с Савелием Ильичем.

– С ним разве можно поругаться? Он же всегда спокоен, как три сытых удава.

– Ну, в общем да. Как и положено руководителю. Потом на кафедре они отпаивали Панкрата Андреича чаем. Семеныч с высоты своего опыта убедил его, что это не самое страшное. На кафедре только об этом и разговоры. Они же сейчас распределяют студентов, кто на Европу ездил. Кстати, пятикурсников собрать не могут.

– А из нашего потока не многие ездили на Европу.

– Ну, да. Я помню.

– Ты узнай у Тамилки, что там у нее такого? Не из-за Европы же она такая не своя, – улыбнулся Ярик.

– Ну, привет, подруга! – словно пропела, но бодро и радостно произнесла Ноннка, раскидывая руки в стороны и разглядывая подругу во все глаза, как будто сто лет ее не видела.

На самом деле они действительно не виделись сто лет при таких обстоятельствах. Возможно, редкость таких выходов, точнее сказать давность последнего, и была причиной бурного восторга обеих.

– Ой, привет! Ну, вот! – Тамилка тоже рентгеном окинула подругу, просто заставив таким взглядом ее покрутиться и показать себя. – Ну, и че и че? Как ты? Собралась? Ой, вижу, вижу. Угу, – зачирикала Тамилка. – Мы, наконец, опять можем ходить с тобой по магазинам вместе, – пищала она, обнимая подругу.

– Слушай, ну, ты че думаешь... вчера с тобой поговорили, а потом я подумала, ну это же клево, что ты предложила встретиться здесь.

– Ну, ты, Нонн, даешь! Конечно, клево! Сколько же можно дома сидеть?

– Я еще потом прикинула, а мне уже реально нечего одеть. Так что тебе сегодня полно работы, красавица!

– Ну, только если очень, очень полно! – многозначительно сказала Тамилка. – Придется сделать оптовую скидку за услуги стилиста.

– Но сначала ты мне все расскажешь, – перебила ее Ноннка.

– Все, что?

– Я пока не знаю, что. Но Ярик мне вчера сказал, что ты какая-то странная была. Не слишком многословная.

– А обычно я слишком? – возмутилась Тамилка. – Ну, я

ему еще скажу. Ладно. Пролетели, помадой мимо ротика... – сделала она вид, что забыла. – А он у тебя, слушай-ка, становится проницательным. Ты посмотри-ка! Не иначе на работе с одними бабами целыми днями трещит.

– Так! Не переводи тему! – возмутилась Ноннка. – У тебя-то что происходит?

– Да уже все нормально. Просто мы с Митькой поскреблись маленько. Вечером, кажется, все рассосалось.

– Вечером? Мммм... – Нонна потрясла головой, словно что-то подозревает.

– Что не так? – сделала вид, что смутилась Тамилка. – Вечером!

– Наверное, поздним?! – подмигнула Нонна.

– Ой. Какая разница?! – закокетничала Тамила.

– Это со всеми бывает. Без этого, во-первых, скучно, во-вторых, мужиков без этого не воспитаешь. Сядут и едут!

– Да оно понятно. Главное, чтоб не слишком часто. А то решит, что стерва, и... Ну, в этот раз мы прям вдрызг, конечно.

– Не! Нормально?! «Поскреблись маленько» – это у тебя, когда «вдрызг». Ты уж как-то определись? Да давай, рассказывай. Я же так просто от тебя не отстану теперь.

– Ну, началось с того, что...

Тамилка рассказала Ноннке все, как было, и что вчера они после двухдневной разлуки помирились. По ходу беседы они обсудили еще примерно несколько собственных жизней

и обошли все бутики, не всегда замечая, как в их разговоре появляются и исчезают посторонние лица:

– ...ну, я, значит, представляешь, пол вечера, первый раз сама, обложилась всеми лаками... – вещала между делом Тамилка, – на столе вот прям так, значит, стоят лаки, – она показала рукой, как будто у нее ряд из двадцати с лишним флаконов был. – Я такая вся ошпаренная музыкой...

– Ты же сказала, что пять цветов купила. Прям показываешь ряд на два стола, – уточнила Нонна.

– Ну, у меня же были еще. Я еще у девок попросила всяких разных оттенков, – уточнила Тамилка. – Ой, вот смотри симпатичная туника. На лето то, что надо, – обратила она внимание подруги, проворно перебирая глазами и пальчиками вешалки.

– Да и не только на лето. Ее сочетать можно будет, – зацепила находку Ноннка.

– Это Италия, – полупрошептал вдохновенный голосок смотрительницы бутика.

– Как у тебя глаза только не разбежались от такого количества пузырьков!? – продолжила основной разговор Нонна.

– ... Разбежались! Еще как!

– Это тоже Италия, – откомментировал голосок очередную вещицу, удостоенную девушками более полсекундного внимания.

– Это ты полвечера ванную занимала? И Митек тебя ни разу не выселил оттуда?!

– Отложить в примерочную?

– Что ты?! – усмехнулась Тамилка.

– Да, пожалуйста. И эту, – ответила Нонна.

– Ты такое не носишь?! – удивилась Тамилка.

– Это я для тебя отложила.

– А это тоже Италия, из коллекции этого сезона.

– Я в комнате засела, – вернулась к важному Тамила.

– Я представляю этот запах в комнате!!!

– Так что интересно-то: Митька ни на запах не отреаги-

ровал...

– Терпел, наверное, бедняжка, – хихикнула Нонна.

– Вот эту тряпочку посмотришь?

– Ну, давай, – подозрительно согласилась Нонка.

– Это Франция, – восхищенно закатила глаза гардероб-

щица.

В изображенном закате глаз можно было так же усмотреть полное недоумение и нервную тряску пальцев от услышанного пренебрежительного слова «тряпочка», которым Тамила ласково назвала милый топик.

– Эта галерея все Франция, – добавила, словно с высоты чердака, продавец.

– Я думаю, тебе пойдет. Думаю, ты даже немного удивишься, – подтвердила жестами-примерками свои предположения Тамилка. – Так что, посмотри.– А Митька... Ну, наверное терпел. И на результат он тоже не отреагировал!

– Ну, мужики! – снисходительно выдохнула Нонна.

– Я, значит, розовый по минимуму. Он терпеть его не может...

– На этой стойке тоже Италия, – еле успевал за перемещениями девушек голос географички.

– Что с них взять!

– Я выводила, старалась одинаково.

– Зеркально на разных руках! – подхватила старальческую песню Нонка.

– Смотри, что я тебе нашла! – воскликнула Тамила. – Или... Может это себе взять?

– И это тоже Италия. А на следующей витрине актуальные твинсеты. Франция.

Нонна оценила находку подруги:

– Нет. Мне нашла! Значит, мне!

– Очень модная модель. Италия.

– Простите, а Италия, Франция – это какие-то заклинания? – наконец, обратила внимание на продавца Ноннка.

– П... Почему заклинания? – недоумевая раскрыла глаза продавец.

– Вы так часто их повторяете, как будто это должно действовать магическим образом.

– Простите, – смутилась девушка. – Эту блузу тоже отложить в примерочную?

– Да. Она померяет, – ответила Тамила.

– Точно! Зеркально! – история с маникюром не тонула ни в вешалках, ни в заклинаниях, ни шутках. – Как ты догада-

лась?

– Ты всегда так заказывала.

– Вот видишь, ты даже такие важные вещи помнишь. А он ни вечером, ни утром! Представляешь!

– Это он, наверное, специально. Весь вечер терпел запах лака. А в отместку сделал вид, что не замечает твои труды!

В итоге культпохода подруги присмотрели несколько шмоток Ноннке, Тамилка себе подобрала обновочку, и одной продавщице разбомбили ее стратегию продаж. У обеих сложилось впечатление, что день крайне удался.

– А я на будущий год решила восстанавливаться. Поэтому вчера ты меня не застала дома. Я ездила в универ наводить справки, – поделилась Ноннка.

– Да ты что, мать! Ну, ты осмелела, я смотрю.

– Ну, надо же высшее-то получить. Уже как-никак половина-то диплома есть. А там глядишь, и снова за лопату. Ох! Соскучилась! Хочу! – замечталась Ноннка. – Как представлю, комары, лопата, никакого маникюра... Костер!

– Ну, так ты можешь и не восстановившись еще поехать летом с нами.

– Нет. Пока не могу. Глеб еще совсем малой. Через пару лет его уже можно будет отправить к бабушкиным комарам, а самой уж... В этом году Ярик хочет выбратся.

– Я уже слышала. Он все начальство уже доконал, хочет, чтоб открыли Африку.

– Я тебе больше скажу. Если универ ее не откроет на бюд-

жетной, Ярик накопит денег и откроет за свой счет.

По ходу беседы они дошли до остановки и дождались подходящей кареты. Продолжили уже по дороге в детский сад, куда Нонна торопилась, чтобы забрать сына.

– Давно с тобой не попадали вместе на обед.

– Это да! – ответил Натан. – Чаше приходится одному, причем в армейском темпе.

– Ты еще помнишь этот темп? – удивился Семеныч.

– Ты шутник! Такое на всю жизнь!

Натан Саныч и Семеныч зашли в университетскую столовую и заняли очередь.

– А я все то в другом корпусе оседаю, то иногда просто времени нет, – продолжил Натан тему, почему им редко удастся пообедать вместе.

– То всего две пары, или к третьей, – поддержал Семеныч.

– Ну, это тебе так можно. Я все время на работе.

– Декан, однако! Зато как звучит! – улыбнулся Семеныч, поддерживая друга.

На какое-то время их вниманием завладел выбор блюд и душистая раздатчица, явно вчерашняя выпускница кулинарного техникума, еще не успевшая заматереть, окрыситься и заматериться на одних и тех же посетителей.

– Анатолий, почему ты не хочешь взять его в свою груп-

пу? – вдруг перевел тему Натан, когда они разместились за столиком. – Численность группы у тебя позволяет, ты ходил и большим составом. Пусть это было давно, и ты был молоде...

Семеныч не сразу уловил, о чем речь, но после понял, что имеет в виду Натан, и о ком он говорит.

– Давно, не давно! Это не важно. Натан, ты же знаешь. Если я не вижу человека рядом с собой, то я не возьму его с собой. Точнее я не пойду с ним.

– И в этом правиле не может быть исключений?

– Это правило меня ни разу не подводило! С чего тогда в нем появиться исключениям?! А чего ты уже какой раз мне его сватаешь? Мы же уже сформировали группы.

– В тех составах появились изменения.

– Кто их внес?

– Это рекомендация Савелия Ильича.

– Хм... Все понятно. Только это ничего не меняет. Ты же понимаешь?

– Слушай, ну Стоялинцев же даже пять лет как-то здесь выдержал. Все остальные сходят до конца второго курса. Отличник!

– Это мелочь. У меня в группах, сам знаешь, процент троечников больше, чем у других. Это для меня не критерий. А то, что он дожил до диплома, это не благодаря отсутствию моих стараний. Ты сам знаешь, как оно было. Слушай, не смотри так на меня. Савелий Ильич рекомендовал, как ты

говоришь, – Семеныч сделал акцент на слове «рекомендовал» с хорошей паузой, намекавшей на то, что рекомендацией можно воспользоваться, а можно и не воспользоваться.

– Нужно как-то аргументировать.

– Так и аргументируй. Семеныч против. А уж почему Семеныч против, это ты не обязан аргументировать.

Натан Саныч и сам мог бы припомнить неудобные моменты, когда ему приходилось как-то замять разговор в присутствии нежданно зависавшего возле них Стоялинцева, чтобы потом продолжить его в другом месте. Но что крутилось в голове у Семеныча, он, конечно, знать не мог.

Через небольшую паузу Семеныч добавил.

– В любом случае, Ильич не может утвердить мой список без моего согласия. Тем более я не помню, чтоб Стоялинцев сам ко мне обратился с просьбой, включить его в группу.

– Еще не поздно?!

Семеныч сморщил нос и покачал головой, как бы давая понять, что не желает этого, и что это все равно ничего не изменит. А иногда движением брови можно сказать больше, чем страницами текста.

– Посмотрим, – закончил он.

– Сегодня, слышишь? Мне нужны будут эти документы сегодня, – с самого утра на повышенных тонах раздавал ука-

зания Ян Константинович. – Я когда тебя еще просил о них?
– Вот первый раз десять секунд назад, – ответила Виолетта.

– Какие десять секунд? Ты не в себе что ли? Повторяю, сегодня! И кофе, с самого утра прошу. Или опять скажешь...?

– Кофе уже готов, сейчас будет, – Виолетта не стала еще больше раздражать шефа, хотя про кофе он тоже ничего не говорил. Вообще говоря, влетел в офис, даже не поздоровавшись.

Она поспешила налить кофе, но нервничала и пролила. Отдернула чайник и уронила крышку.

«Елки! Все к одному. Хоть не разбилось ничего, – думала она. – Еще кофе закончился. Когда за ним бежать? Так, кофе, сахар, ложечка, сливки. Лучше открыть самой, а то... Еще поставлю кардамон, корицу... да, и анис. Хватит. А то не сможет выбрать, тоже потом выслушивай... Бегу».

Вернувшись, она набрала Ярика.

– Привет. Слушай, будь другом. Днем будешь где, купи шефу кофе. Лавацца или Турати. А лучше оба. Заканчивается, а бежать ну, некогда.

– Ага. Я слышал, что он сегодня в ударе. Сам пьет кофе, а наша Серафима уже валерианкой не обходится. Хорошо, куплю, – ответил Ярик.

Немного позже в приемную забежал Оказий Пантелеевич, кинул стопку бумаг на стол и развернулся на выход.

– Это на подпись? – уточнила Виолетта.

– На подпись, на подпись. Я же их не в туалете бросил, – огрызнулся тоже взвинченный Оказий. – Да, давай, хватай, беги. Он их с утра ждет.

– Я просто уточнила. Если б Вы не сказали, что это срочно, я бы как обычно понесла их к обеду. Он документы рассматривает два раза в день.

– Деточка, проснись! И делай свою работу! – кинул Оказий и хлопнул дверью.

Виолетта взяла документы и побежала к шефу. Постучала в дверь.

– Кто там скребется? Входите, – раздалось из-за двери.

– Документы из юр. отдела. На подпись. Сказали, Вы срочно ждете.

– Они все-таки разродились?! – он взял документы и начал листать. – Подожди, сейчас заберешь. Черт, – неожиданно рявкнул он. – Виолетта, почему они даты не впечатывают?

Виолетта сглотнула:

– Я передам им еще раз, чтобы впечатывали, – ответила она.

– Когда уже эти двухтысячные закончатся?! Устал двойку в году писать!

– Осталось совсем немного, чуть меньше тысячи лет, – понимая, что юмор может сыграть и невеселым образом, пошутила Виолетта.

– Да, – выдохнул шеф. – Я знаю, что они только начались. Просто двойка у меня плохо получается! – наконец, улыб-

нулся он.

Несколько мгновений тишины и шеф вернул бумаги Виолетте.

– Держи. И пускай впредь ставят даты! – нервно кинул он ей в спину.

Вышла Виолетта как оплеванная: «Оказывается, стучаться теперь не в почете, и за нерасторопность Оказия и отсутствие дат получаю я!»

– Оказий Пантелеевич, Ваши документы подписали, – сообщила по телефону Виолетта.

– И что они еще у тебя делают?

– Вообще-то, ... – она хотела сказать: «...это не входит в мои обязанности», но подумала: «Что тут спорить? Сегодня все укушенные». – Хорошо, через пять минут принесу.

– Знаю я твои пять минут, у меня нет получаса, мне нужны эти документы. Слышишь? – уже почти вопил Оказий Пантелеевич.

– Я никогда не заставляю себя ждать полчаса. Вы это знаете, – начала с досады защищаться Виолетта, почувствовав, что крышку с чайника пора снимать, пока она не взлетела.

– А сейчас ты вот что делаешь, по-твоему? – не унимался Оказий и бросил трубку.

На последней фразе он был прав, признала Виолетта, и, решив, что меньшим злом сейчас будет срочно отнести ему документы, выбежала из приемной.

Она отсутствовала не более пяти минут и по возвращении

сразу принялась готовить другие документы. Через пару минут вылетел шеф с очередными разгромами:

– А ты, наконец, здесь. Я понял, почему тебя все время нет на месте. Здесь у нас разве зона свободного посещения? Хотя бы раз в иногда можно быть на месте, когда ты мне нужна?

Виолетта молчала в полный голос, из последних сил пропуская эту ворону мимо себя, понимая, что эти обвинения совершенно не обоснованы, но едва ли больше пользы будет от пререканий.

– Извините, Ян Константинович. Я относил документы Оказию Пантелеевичу.

– А почему ты их ему относил, он у нас не ходячий? Или, может, у него опять нет людей? Зайди-ка ко мне, я надиктую приказ.

Выйдя из кабинета шефа, Виолетта нервно бросила блокнот на стол: «Не прошла еще и половина половины дня. С самого утра эта Олена-через-колени, Елена Саввична, нафик, устроил же Наум Сергеич свою кралю. Потом шеф, Оказий. Щас если еще кто, я тоже спущу своих собак. Че-т как шеф вернулся из этих своих Эмиратов, так и покатило. Съездит туда, так и начинается. Весна на дворе, а они все бесятся. Или поэтому и бесятся, коты несчастные».

Из кабинета вылетел шеф в пальто.

– Я буду через два-три часа.

– От... Отвечать, что Вы будете. Хорошо, – ответила Ви-

олетта и подумала: «Чуть не сказала «Отлично!»».

Из глубин магазина к кассам выкатывалась громадная телега, с горкой заполненная преимущественно горяченьким, прохладительным и так, мелочами пожевать.

– А есть вы не планируете? По программе предполагается только напиться и свалиться? – вопреки предписанным правилам поведения, забавно улыбаясь, сказала кассирша, несколько заскучавшая за своей кассой. Время ранее, людей не много. А настроение было очень разговорчивое.

– А думаете, стоит? – ответно во все зубы улыбнулся Егор.

– Думаю, некоторые могут не осилить.

– Ну, там есть немного, что поесть.

– Похрустеть и посолониться! А Вы все это унесете?

– Конечно! Сейчас с минуты на минуту, как раз когда мы все это пропикаем, подъедет машина, – отвечал Егор, оглядывая свою продуктовую корзину.

– У вас даже есть водитель? – многозначительно произнесла кассирша.

– Нет. Это друг. Попросил помочь.

– Не сомневалась, что у Вас есть надежные крепкие друзья.

– С машиной, так что мы справимся.

– А сами Вы без машины.

– Да, сегодня я не за рулем. У меня есть машина. Она еще пока на заводе, точно не знаю, на каком, – улыбаясь, ответил Егор. – А, пожалуй, Вы правы. Нужно добавить чего-то существенного. Я оставлю эту телегу здесь? Посторожите?

– Только не долго!

Через некоторое время Егор вернулся со второй тележкой. Стал выкладывать свертки, брикеты, пакеты и просто кульки на кассовую ленту. Начатый разговор продолжился.

– А по второй тележке можно подумать, что Вы приличный многодетный семьянин.

– Это чистая правда. В будущем!

– Как и с машиной?

– Как и с машиной! Зато большие перспективы!

– Понятно. Что-то празднуете?

– Юбилей!

– Ваш?

– Наш! – довольно растянулся в улыбке Егор. – Четвертак! Некоторое время пикали без комментариев.

– Вы что-то немного погрустнели, – разбавил Егор.

– Да смотрю вот, вам весело будет, наверное.

– Приглашаю Вас присоединиться.

– Мне завтра, к сожалению, рано вставать.

– А мы и не сегодня празднуем! На выходных! – подмигнул Егор кассирше, которая теперь вдруг смутилась и порозовела.

Пока они проббили весь товар, Егор уговорил ее принять

приглашение на свой юбилей, вечером договорился о встрече, узнал телефон. Он медленно покатил тележки к выходу, одновременно набирая сотовый. Тем временем его нашел Авдей и хлопнул его по плечу со словами:

– Здорова! Минут пятнадцать тут уже тебя ищу, караулю.

– А я тебе говорю, что без сотового уже не обойдешься.

Потерял – покупай новый! Привет! Как ваше поживаю?

– Да, поживаю! Еще как! Ярика пока нет?

– Вот звоню ему.

– Буду через пять минут! Уже еду. Ты уже на кассе? – кричал Ярик из своего мобильного офиса.

– Уже вышел.

– Отлично. А то у меня мало времени.

Когда Ярик подъехал, они оперативно начали грузиться в багажник.

– Спасибо, Ярик, что смог меня забрать. Представляешь за сколько раз бы я сам это все... даже вдвоем с Авдеем. Полдня, к бабке не ходить!

– Да ладно. Мелочи. Я уже насобачился маневрировать во времени в течение дня. Егор, тут Ноннка предлагает не в общаге засидеться, а у нас. Там же в общаге по-любому весь этаж слетится. А здесь ей и ребенка будет легче занять и в общую кухню не бегать.

– Ну, если вам это удобно? Я только «за»!

– Отлично! – довольный, что одним вопросом на сегодня стало меньше, ответил Ярик и переключился на дорогу, пры-

гая из полосы в полосу.

– Вы в универе давно не были? – спросил Егор. – Я в понедельник был. Ну, там по диплому перетереть нужно было с Семенычем. Куда он гонит только? Еще только апрель, уже что-то хочет видеть.

– Это он да. Реактивный, – ответил Авдей.

– Ну, короче, до меня там у него еще Тамилка была. Ушатала разговорами Семеныча. Поэтому я еще легко отстрелялся. Базилио встретил. Перекусили с ним в столовке. Он, короче, жалуется, что его не включили к нам в группу.

– В смысле к нам? А... ну, их же Европу закрыли, – вспомнил Авдей. – А почему не взяли?

– Он точно так и не знает. Селиван Николаевич, к нему в итоге Василия записали, говорит, что, мол, распределили, кто как в первые списки подавался. Потом не меняли. Савелий Ильич кивает на Натана. Натан на Семеныча. Говорит, Семеныч непонятный какой-то.

– А Ильич-то здесь при каком монастыре? Он что ли группы сводит? – удивился Ярик.

– Наверное. Он же окончательно списки утверждает, – ответил Авдей.

– Что ему Натан принесет, то он и утверждает, – возразил Егор, – Короче, я тоже не знаю. Василий жалуется, что Семеныч от ответов уходит, да и остальные: Натан, Авдей, Тамилка, Киоск, все в общем, с кем он встречался.

– Ну, я, если что, от тебя только об этом и услышал, –

теперь удивился Авдей. – А интересно, ему какая разница? Все равно же не Европа уже?

– Потом я у Семеныча был, – продолжил Егор. – Говорю, мол, Василий жалуется, Вы не берете к себе и избегаете ответов.

– А Семеныч че? – Авдею ситуация становилась очень интересной.

– Да он че?! У него уже перед глазами таких как мы прошло сколько?! Он говорит, что, мол, если люди уходят от ответов, то это неспроста. Возможно, что-то не то с вопросами.

– Даа. Семеныч, заковыристый землекоп! Видимо, знает, о чем говорит. Хотя, возможно, что-то не то с теми, кто задает эти вопросы, – развил тему Авдей.

– Ну, как бы там ни было... А как у вас дела? – обратился Егор к Ярику. – Тамилка говорит, вы Глеба в сад отдали.

– Ой. Не говори, – ответил Ярик. – Наконец-то! Ноннка прям снова деловая стала. Восстанавливаться надумала.

– Seriously? С осени? – уточнил Егор.

– А вот как раз сейчас сам спросишь. Приехали.

Пакеты выгрузили у подъезда.

– Ноннка вас пустит, обогреет, отпоит. Поднимите без меня, я помчался. Оставайтесь до вечера. Вернусь, посидим, – извинился Ярик.

– Я уже вечером назначен, – вспомнил Егор.

– Тогда пока!

Ярик поспешно уехал.

Уже ближе к вечеру Ярик забежал в приемную шефа, передать Виолетте заказанный кофе.

– Привет, Золушка! – сказал он, войдя.

– О! Хоть один сегодня зашел и поздоровался! При том, что мы с тобой уже и по телефону сегодня дважды успели поздороваться, – ответила Виолетта, еще не успевшая оправиться от эмоционально тяжелого дня. – Еще и Золушкой назвал, – наконец, улыбнулась она. – А то для остальных я просто сижу трубку поднимаю, и то если на месте.

– Вот кофе. Слушай, ну, Турати сегодня еле нашел. Зато мне вот еще посоветовали Данези. Тоже решил взять. Сказали, что у них есть еще варианты, для требовательных ценителей.

– Спасибо, – устало улыбнулась она, взяла кофе и понесла его в кухню, раскрывая на ходу.

Она сразу же сделала пробный помол нового кофе, вышла из кухни, предложила понюхать Ярику и вдохнула сама, пытаясь расшифровать аромат и предугадать, понравится ли этот кофе шефу:

– Сложный, но гармоничный. Ммм.. патока... Да, будет интересно, – с закрытыми глазами медленно говорила она. – Ванильно-сливочный... чуть маловато кислинки. Шеф любит чуть более яркий.

Ярик даже еще раз заглянул в чашу с помолом.

– Где это написано? То, что ты читаешь? – с удивлением спросил он.

Виолетта вышла из транса и только снисходительно фыркнула на такую «чуткость» Ярика.

– Но, возможно, он раскроется, когда заварится, – добавила она.

Она снова ушла на кухню. Даже аромат свежемолотого кофе не сумел снять с нее напряжение. Расставляя кофе в шкафчике, она не удержалась, и негромко произнесла: – Как все надоело!

– Ты чего там, с кем разговариваешь? Сегодня, я смотрю, совсем загоняли?

– Я говорю, все-таки пресноват купаж, – отозвалась Виолетта. – Шефу, наверное, не понравится.

– А что там тебе надоело?

– Надоело все время делать вид, что ты такой-то, – натянуто ответила Виолетта с кухоньки.

Услышать такое от всегда цветущей Виолетты было неожиданностью. И через небольшую паузу Ярик попытался подбодрить ее.

– Не надо делать вид. Старайся быть самой собой.

– Философский подход! Вообще-то, стараться быть – это уже означает делать вид!

– Ну, где-то ты права, – подумав, согласился Ярик.

– А меня, просто, достало изображать, что ты в хорошем

настроении, когда тебе паршиво, потому что твой парень непрошибаемая тупица, что ты любишь задерживаться на работе, когда к тебе на один день в гости приехала мама, да даже, когда у тебя дома голодная собака гадит на ковер, потому ее вовремя не накормили и не выгуляли, – выплеснула Виолетта, вернувшись за свой стол.

Ярик сел на стул возле ее стола и заметил, что Виолетта на мгновение отключилась куда-то в свое. Только теперь он обратил внимание, что и на костюмчике Виолетты отражалось ее неудачное настроение, костюмчик сидел не так опрятно, как обычно.

Она же представила себе, как мучается ее любимая собака, которая скучает с самого утра и понимает, что нужно дождаться хозяйку, но не может найти сил, поспорить с природой.

– Слушай, да тебя не загоняли. Тебя уже накрыло! Давай-ка я тебе кофе что ли новый сварю. Нет, – подумал Ярик. – Тебе лучше чай. С мятой.

Не дожидаясь ответа, Ярик пошел на кухню.

– Ой. Будь любезен. Я чайничек там как раз поставила. Наверное, закипел, согласилась она. – Ты знаешь, у меня уже просто нет сил, не замечать, списывать, мягко говоря, невежливость на чьи-то случайности, неосторожности и плохое настроение. Как будто им позволено не держать себя в руках.

– Я тебя слышу. Сейчас, Виолетт, минутку. – Он вышел с двумя чашками чая в руках. Одну поставил ей, сам сел на-

против. – Ты же лицо шефа, как он говорит.

– Только это не значит, что в это лицо можно плевать!

Ярик почесал лоб.

«Если не сегодня, то завтра она окончательно сорвется, – думал он. – Обидно. Ведь реально девчонка с головой и от души в работе».

– Знаешь, что. Вот у тебя сейчас наболело. Тебе нужно это куда-то деть. Представь вот это все таким темным облаком.

– Ой, я тебя умоляю, – засмеялась Виолетта. – Это все такое... – она даже сморщилась при мысли о всяких вариациях саморазвода. – Я слышала тысячу подобных методик.

– Не вижу ничего смешного, – настаивал Ярик.

– Да не то, чтобы смешно, – пояснила Виолетта, – но все эти методики до смеха забавны.

– Пускай. Зато ты уже смеешься. Это уже хорошо! Но ты все-таки попробуй. Хочешь сейчас, хочешь потом. Представь. И отставь это все темное в сторону. Ты никуда не можешь его пока деть. Просто отставь в сторону. И светлое само заполнит освободившуюся нишу. Вспомни маму. Вот оно твое светлое. Замечаешь, как его быстро становится все больше и больше. Вспомни еще что-нибудь. А вот теперь, когда есть, чему остаться, проткни темное облако иголкой или спицей, или вообще кинь в него пылинкой. Он лопнет даже от нее. Это просто мыльный пузырь! Он большой. Но пустой!

Виолетта немного успокоилась, расслабилась. Ярик попы-

тался перевести тему.

– Ты говоришь, у тебя есть собака?

– Да! Бубён, – снова с нежной улыбкой вспомнила Виолетта. – Он сейчас сидит и героически ждет меня.

– Бубен! Не иначе, по имени прапрадеда.

– Да, нет, – засмеялась Виолетта. – Только не Бубен, а Бубён. Его на самом деле зовут Туз Бубён. Так положено, весь помет называть на одну букву. Фантазии у хозяев было достаточно, – Виолетта многозначительно подняла бровки. – В результате в помете оказались три Туза: Червон, Бубён, Виней, Тройка и Ту́за. Моего ласково иногда называют Тузиком, Бубиком, особенные невежи Бобиком. Он не обижается. Но если я его так назову! От меня он хочет слышать только Бубён или, в крайнем случае, Бубен, как ты сказал.

– А что за порода?

– Ой, это такая прелесть! – Виолетта, кажется, совсем расцвела. – Самоедская лайка. Чисто белая, представляешь! Я мечтала об этой собаке с детства. Родители не разрешали.

– Зато уход, наверное, за ней...!

– Это сплошное удовольствие! Сплошное и в прямом смысле. Особенно после осенней прогулки. – Она задумалась, а потом перевела тему. – А скажи-ка мне, Ярик. Ты вот чего сейчас сидишь на работе? У тебя дома жена с ребенком, а ты успокаиваешь истеричную секретутку? Безусловно, большое тебе спасибо за это. На самом деле. Эта чашка чая с тобой уже привела меня в какое-никакое настроение.

– У меня отличная жена! У нас с ней есть любимая, скажем так, прибаутка: иной раз вздорим, я под конец уже кричу: «Боже! С кем я живу?». Или она: «Боже, с кем он живет?». А потом я или опять же она отвечаем «Это же лучшая женщина на свете!» И мы оба ржем в шестьдесят три зуба, и все разногласия заканчиваются. Так что она знает, что если я еще не дома, значит так надо. Она знает, где я, чем занимаюсь.

– Знает, что ты тут меня чаем отпаиваешь?

– Узнает! Вечером.

– И она еще не сделала куклу Вуду на меня?

– Она, кстати, давно хочет с тобой познакомиться.

– Срезать пучок волос, я так понимаю, – улыбнулась Виолетта.

– Так! Ты о моей жене, пожалуйста, поаккуратнее! – строго сказал Ярик.

– Ладно, извини. Я неудачно пошутила. Сегодня уже тоже не вижу границ приличия, – сменила вольный тон Виолетта.

– Я смотрю, тебя сейчас нельзя одну оставлять. Предлагаю прогуляться. Пойдем, где-нибудь на мосточке постоим, камушки побросаем. Завтра будешь как новенькая.

Они покинули офис. Сторожа уже даже приглушили свет в кулуарах и фойе, поэтому освещение в здании не сильно контрастировало с уличным.

Спустя несколько тем для разговора, они вышли на набережную вдоль одной из совсем не широких водных артерий

города, перетянутой многочисленными мостиками. С обеих ее сторон не было дорог, а были газоны, мощеные тротуары, деревья и достойные музея фонари, завершающие образ сквера. Первые этажи домов, обрамлявших улицу, переминувались вывесками и обеспечивали оживленность района даже в это время суток. Переходя по очередному мостику, Ярик предложил Виолетте еще один способ избавиться от плохого настроения.

– Ты случайно в последнее время не подбирала монеток с пола? – спросил Ярик.

– Неа, я не успеваю говорить по телефону, лавировать в толпе и выискивать монетки. Ты б еще спросил, не сидела ли я в переходе со шляпой.

– Да ладно тебе. Не обижайся. Я не то имел в виду. Монетки и острые предметы иногда люди бросают, сговаривая на них свои неудачи и проблемы. Кто подберет, тому и дальше маяться с наследством. А вот если монетку бросить в воду ее никто не подберет.

– Гуманный способ! – улыбнулась Виолетта, и попыталась найти у себя монетку. – Вот незадача! Ни одной. У тебя случайно нет?

– Монетка должна быть твоя.

– Тогда займи мне до завтра!

– Выкрутилась! – отметил Ярик.

Он тоже пошарился в карманах и протянул ей несколько пятак.

– Сейчас я шепчу на нее все плохое и...

– А ты точно знаешь, что именно есть плохое и не плохое?

– Ну, плохое – это чего не должно быть, – сходу предположила Виолетта.

– Все имеет право на быть! А хорошее, как и плохое, оно, во-первых, относительно, а во-вторых, познается только в этой относительности, – лечил Ярик.

– Это точно! Вот и я иногда подумываю, что нужно бы уже, наверное, сравнить!

– Ты, случайно, не уволиться ли подумываешь?

– Из-за таких мелочей, – удивилась Виолетта. – Оно, конечно, достало, но я все-таки понимаю, что это глупости.

– Как сказать. Мелочей, бывает, становится много. И очень много!

– Согласна. Все складывается из мелочей. Когда мелочей становится достаточное количество, что-то обязательно меняется. – Виолетту тоже потянуло в философию. Она задумчиво продолжала, кидая в воду монетки. – А до тех пор ты эти мелочи не замечаешь. Или стараешься не замечать. И даже большие вещи, наверное, даже в большой политике, случаются только тогда, когда совпадающих мелочей становится достаточно много. Но всю мою мелочь я сейчас выброшу в воду, и как говорится...

«Сменяются годы, но при этом меняются времена. К ним приходится ежедневно подстраиваться, находить новые решения, чувствовать новые тенденции.

Чтобы тебя знали и стремились с тобой работать, недостаточно отсиживаться в типовых или массовых программах. Каждый новый проект, пусть и не большой, должен быть словом! Даже не важно, что скажут, хорошо или плохо.

Хорошему просто можно добавить громкости, а плохое всегда можно превратить в спорное, а оно громкое по умолчанию. Но те, кто мыслят на два шага вперед, давно поняли, что чувствовать тенденции – это значит догонять.

А хочется ведь бежать впереди! И те, кому не просто хочется, а кто намерен бежать впереди, давно перешли к стратегии формирования тенденций. А дальше, еще не много вложений в рекламу и модные журналы и уже быдло всего мира думает, что оно этого желает, что оно это для себя выбрало...

Но с новыми временами приходят и новые условия. Чем легче тебе, тем легче и остальным. Старые конкуренты еще могут себе позволить чувство ниши, а новые, чтобы пробиться, ведут себя агрессивно, выходя на новые и новые уровни, тесня старых. Но конкуренты – это еще и коллеги, с которыми можно и интересно поговорить на близкие темы».

Так размышлял Ян Константинович во время очередной строительной выставки.

После нее боссы крупнейших строительных компаний по традиции договорились встретиться где-нибудь на лужайке в чьем-нибудь скромном поместье. На такие встречи часто приглашались люди, занимающие значимые посты или просто имеющие подходящий вес, а так же крупные представители смежных отраслей.

В этом году гостей принимал у себя Ян Константинович. Он решил продлить встречу и предложил своим ближайшим коллегам погостить у себя еще несколько дней, чтобы иметь возможность пообщаться и в более узком кругу.

– Вчера не было возможности оценить твоё жилище по достоинству, – признался Антип Аверьянович Бросский, один из присутствующих тяжеловесов, возвращаясь с прогулки по саду после обеда второго дня. – И после вчерашнего шумного, но сложного и плодотворного, вечера эта прогулка просто чудо! Кажется, я снова жив!

– Сейчас ты станешь не только жив, но и молод как дитя! – сказал Ян.

Они расположились в небольшой беседке, где для них уже был готов чай.

– Чай по моему рецепту! – рассказывал Ян, наполняя чашки. – С травушками. А травки выращивает моя супруга. Прямо здесь. Под этим роскошным небом. А когда не сезон, в теплице.

– Небо сегодня и впрямь роскошно. У кого заказывал? – подмигнул Антип Аверьянович.

– Сейчас так сразу и не скажу. Во всех важных мелочах я полагаюсь на своего помощника, – подыгрывая значимость вопроса, ответил Ян Константинович.

– Кстати, твоя супруга. А почему ее самой здесь нет? – поинтересовался Борис Парамонович.

– Она решила, если все будут без жен, то и ей здесь делать нечего.

Антип раскинулся в плетеном кресле, стараясь визуальнo полностью его заполнить, и вознамерился закурить.

– А ты урвал очень удачное место для загородного дома. На выходных вообще не вопрос сюда ездить. Близко ведь! Да?

Ян посмотрел на него и сморщился.

– Антип, рекомендую закурить немного позже. А то ты не оценишь всего аромата чая. А на счет места... Здесь можно даже жить и ездить каждый день. Если с водителем. В машине как раз успеваешь подготовиться ко дню, дочитать то, на что не хватило времени вечера.

– А если на вертолете? Здесь, наверное, полчаса лета? – предположил Тарас Романович.

– На моем даже чуть меньше.

– А место купил наверняка не без связей? – все-таки Антипа интересовало, как Яну досталось это местечко.

– Куда без них! Зато здесь район без вопросов. Даже если

сменяются власти придрачься здесь не к чему.

– И с воды и с дороги все так аккуратненько, скромненько.

– Но вкусно, – продолжил мысль Тарас.

– Ландшафтеры от работы здесь получили огромное удовольствие. Работы было много, и, говорят, было сложно, – рассказал Ян.

– Ты практически предвосхитил мой проект, – заметил Антип. – Видел на выставке макет нового элитного поселка?

– Конечно, видел. Небольшая только разница. У меня внешняя неприметность была изначально ключевым моментом. А у тебя это не очень подчеркивается.

– Компенсируем это на месте силами ландшафтеров, как ты их называешь. Кстати, у меня сейчас в связи с загрузкой, есть некоторые сложности, не хватает тяжелой техники. Я знаю, что подходящая есть у тебя. Хотел бы арендовать у тебя на время. Есть у тебя такая возможность?

– С места не скажу. Давай, как неделя начнется, я соберу информацию. А там договоримся.

– Хорошо! – одобрительно ответил Антип. Он понимал, что Ян действительно не может располагать данными прямо сейчас, для четких обещаний. Но его смущало, что все-таки ничего конкретного договорено не было. Чтобы повысить шансы, он пустил в ход психологию. – Я знал, Ян, что на тебя можно рассчитывать.

– Тебе когда нужно?

– Чем быстрее, тем лучше.

– Антип, а насколько я помню, тот участок, на котором ты планируешь строить свой элитный поселок, он не пустой, – вспомнил вдруг Борис.

– Да, там, кажется, есть какие-то поселки, даже какие-то капитальные постройки, – добавил Ян.

– Там и ферма есть. Только она в таком состоянии, что точнее будет сказать, что ее нет, – рассмеялся Антип.

– Тем не менее, там кто-то живет, – возразил Тарас.

– Они там не живут, а жалко существуют, – Антипа явно возмутило это упоминание о людях. – Это их проблемы, как они собираются существовать дальше. Не наша с вами задача, думать о тех, кто смирился с тем, что он существует. Это их выбор. Им, правда, не повезло. Они вынуждены не просто существовать, но сосуществовать. С теми, кому существование не достаточно, кто борется и достигает. Но просто бороться мало. Достигать надо любой ценой! Надо стоять, слушать и мозолить глаза там, где выгоднее стоять, хоть и не звали, пускай, даже поначалу просто делая вид, будто местный. Да, у тебя есть шанс не попасть в новый круг и потерять свой! Но...

Антип Аверьянович всегда был эмоционален. А тут тем более его задели за живое и он просто разверзся. Но тема вернулась немного назад.

– Возможно, это на твой взгляд они существуют, а они вполне нормально живут?

– Эта дискуссия не достойна траты нашего времени! – ка-

тегорически прервал тему Антип.

– Тогда предлагаю продолжить на кортах. Кинем жребий или сами поделимся на команды? – перевел разговор Ян.

– Да можно считать жребий кинутым, – заметил Борис. – Я и Антип чай уже выпили – это будет одна команда. Отстающие – в другой.

– Не отстающие, а ценители! – возразил Ян.

– Посмотрим, как вы будете двигаться по корту. Тогда и решим, кто вы! – смеясь, ответил Антип.

После тенниса они позволили себе еще часок расслабиться в бассейне.

– Да Ноннчик, приветик, дорогая! – Лиза мгновенно изменилась в тоне речи, переключившись от обычных проблем к телефонному разговору.

– Привет, Лизёнок!

– Ну, чё? Чё делаешь? Как дела, вообще?

– Все здоровы, слава Богу. Лиз, ты не занята, говорить можешь?

– Конечно, могу. Занята, не занята... Что ж я и поговорит одновременно не могу?!

– Ну, мало ли... – многозначительно округлила глазами Нонна, так что Лиза это легко представила и почувствовала настроение подруги.

– Не лекция! – ответила Лиза, намекая тем самым, что и с лекции она могла бы выйти, а уж так-то и подавно не занята.

– Ты в универе?

– Дааа. Чё хотела, рассказывай?

– Там нигде Ярика не встречала?

– Я так и знала! – всплеснула Лизон. – Он еще, кажется, здесь, у Семеныча, наверное.

– Его ищут с работы, не могут дозвониться, мобильник не доступен.

– А он жаловался сегодня, что он сдох у него. Там что-то срочное?

– А я знаю? Наверное, раз уже мне позвонили.

– Ну, давай, я поднимусь к Семенычу, передам ему. Ты сама-то как? Че Глеб там?

– Лиз, ну, ты лучше пойди, найди Ярика побыстрее. Потом поговорим, – попросила Ноннка.

– Так я и иду. Я пока еще могу одновременно идти и разговаривать, – почти возмутилась Лизон.

– Да, да! Я верю. Только раньше ты это не считала достижением! – снисходительно заметила Ноннка.

– Ну, ладно тебе. Я и сейчас не считаю! Рассказывай, чем занимаешься в сезон авитаминоза?

– Чем?! Шейпингом, конечно, занимаюсь, готовлюсь к пляжному сезону.

– Да ты че?! Ходишь куда?! Давай, поподробнее.

– Да прям!

– Кассету что ли купила, типа теле-тренер?

– Смеешься что ли?! Глеба таскаю через лужи! А он уже далеко не грудничок!

– А я уж хотела тебе предложить, составить мне компанию в походе за купальником.

– Так я только «за»! Мне тоже не помешает. А ты как? Летом собираешься?

Как обычно, перепрыгивая с темы на тему, дамы понимали друг друга с полуслова.

– Конечно! В этом году будет что-то новенькое, состав обещает немного освежиться. А ты в курсе, Семеныч, оказывается, хотел соскочить в этом году? – поделилась новостью Лиза.

– Да ну! На новый год с нами зажигал, даже признаков не подавал.

– Я помню. На двадцать лет минимум вперед планы строил.

– Точно. Говорил, что до пенсии точно будет ездить, а до пенсии ему лет двадцать, наверное, и есть.

– Да, наверное, поменьше... – начала срочно прикидывать и переприкидывать неизвестное Лизон.

– Ну, кто его там знает. Сам пускай с такими мелочами разбирается, – усмехнулась Нонна. – А чем он обосновывался-то?

– Ну, говорят, грешил на здоровье. Хотя мы ему еще позавидуем в этом плане. А там, кто его знает. Но вроде остается.

– Ты ему привет передай, скажи, чтобы не думал даже. Ему самое время сложить лопаты и ходить руководить. В крайнем случае, кисточкой расчищать. Я еще хочу с ним съездить. Но только не раньше, чем на следующий год смогу.

– Хорошо. Передам, пообещала Лизон. – Слушай, кажется Ярик идет навстречу. Давай. Я его буду ловить. Созвонимся позже на счет магазинов.

*

В офис Ярик перезвонил по городскому телефону.

– Виолетт, это Ярик. Что-то срочное? Говорят, искали меня. У меня, как назло, мобильник сел.

– Искали, искали!

– Что случилось-то?

– Дорогой шеф тебя хотел видеть. Уже часа два мне душу вынимает.

– Так срочно?

– Ты же его знаешь. Если он хочет кого-то видеть, то это, конечно, срочно.

– А что за тема?

– Ну, ты Серафиму напугал? Она растрещала по офису, и дошло до шефа. Вот он и ищет тебя.

– Офигеть, напугал! Ладно. Через час буду в офисе. Сразу поднимусь.

По дороге он не стал гадать, что такого могло случиться;

связано ли это с его увольнением, хотя упоминание Серафимы Андреевны явно указывало на это.

*

– Умеете же вы удивлять, Ярослав Дмитриевич, – начал сразу шеф без всяких приветственных формальностей, как только Ярик вошел к нему в кабинет. – Вы бы Серафиму Андреевну предварительно подготовили к такому известию. Все ж таки дама скоро на второй бальзаковский пройдет.

– Вы по поводу моего ухода? Мне показалось, она абсолютно спокойно восприняла это.

– Она все всегда воспринимает спокойно, а потом идет пить горстями таблетки.

Не частый случай, когда шеф не знал, с чего начать. Но у него был только один, по большому счету, аргумент, чтобы изменить намерение Ярика. И при этом много срочных вопросов.

– Компания не сможет выступать поручителем по вашим обязательствам, в случае если вы покинете компанию. Возможно, банку будет не достаточно обеспечения в виде заложенного имущества, и он потребует от вас дополнительных гарантий. Вы уже продумывали этот вопрос?

– Мне нет необходимости в этом. С кредитом я уже полностью расплатился.

– Вот как!?! – шеф удивился, не сумев скрыть неожидан-

ность новости и спрятать невольную паузу.

– Еще в прошлом году, я закончил все формальности с оформлением наследства. И смог полностью расплатиться.

– Теперь понятно, что является причиной, – проговорил Ян Константинович, не став вдаваться в подробности чужого наследства.

– Причиной является то, что в этом году я заканчиваю университет. Далее мне бы хотелось полноценно заниматься научной работой, а не только в объеме, позволяющем не быть отчисленным. В частности иметь возможность отправиться в экспедицию. Два года, в том числе и из-за того, что сын был совсем маленьким, я оставался дома.

– Все-таки нормальная рабочая обстановка, позволяющая себя обеспечивать, не выбила из Вас этот археологический фанатизм. Я не ошибаюсь, археологией Вы занимаетесь?

– Не только не выбила, но скорее разожгла. Друзья ездят, находят, продолжают ту работу, которую мы начинали вместе. А у меня есть возможность только отсиживаться в лабораториях.

– Что же за работу Вы такую, если не секрет, ведете, что не можете оторваться?

Ярик вкратце рассказал шефу о том, чем он уже несколько лет бредит, о перспективности открытия. И что над этим работают несколько стран, и что хочется быть первыми, кто разгадает эту загадку. И о своих планах поехать в Африку. Тут он несколько поник видом, рассказав об очевидных

трудностях, прежде всего финансовых, но что он готов даже за свои деньги снарядить экспедицию. У него еще осталось достаточно средств, оставленных ушедшим соседом. А если удастся еще найти какие-то средства... Ну, и на организацию всего этого, конечно, нужно время, которое теперь у него появится.

Шеф тоже заинтересовался при слове «Африка».

– Ладно, мы сильно увлеклись, – прервал шеф Ярика. – У нас еще, надеюсь, будет возможность поговорить об Африке поподробнее. Мы туда тоже намереваемся дотянуть свои сваи, – усмехнулся Ян Константинович. – Так что, может еще и пересечемся, а может и посодействуем друг другу. Сейчас единственное я вот что хотел бы Вам предложить. Не знаю, от чего так расстроена Серафима Андреевна в связи с вашим уходом. Я же больше ценю помощь, которую Вы оказывали в неофициальных задачах. И если Вы сочтете возможным для себя остаться штатным сотрудником нашей компании, то... – Ян сделал паузу, чтобы разорвать логическую цепочку двух мыслей, но не настолько большую, чтобы совсем нивелировать причинно-следственную связь, что подчеркнул так же и интонацией. – Имейте в виду, что у Вас есть связи в довольно крупной, – зазвонил телефон, – транснациональной строительной компании, которая стала таковой не без Вашего участия, – договорил Ян и ответил на звонок. – Да, Виолетта. Да. Пускай войдут. – Шеф снова обратился в Ярику. – Ну, у Вас есть время обо всем подумать. А у меня

сейчас будет совещание.

На совещании Яну доложили, сколько техники они могут сейчас освободить для сдачи в аренду, чтобы не нарушить свои сроки строительства.

«Долбанная работа, – ругался мысленно Герасим. – Нееет, работа водителем в парке директорских авто, конечно, не плохая, позволяет держать солидный внешний вид, а точнее заставляет. Даже направляют на специальные тренировки. Но если бы при этом была возможность нормально высыпаться!»

Он снова прикинул время. Это тянется уже года полтора. С тех пор, как нарисовался этот новый ночной управляющий гаражом – так гордо здесь назывался простой сторож.

«Не плохо устроился, этот Васи́лис, – продолжал возмущаться Герасим, выгребая мусор с пассажирских сидений. – Васи́лис, Васи́лис... И Наум спелся с этим Василием! Или наоборот! Как его смена, так... повадился брать машину шефа, зараза, для своих покатушек! Ну, и бери, ездь сам! Нет, ему надо с водителем!»

И шеф, вездесущий, всеполезный... укатил за город! На своей машине. Видимо, вообще полный бордель, что даже передо мной не захотел светиться.

А этот, конечно, не упустит момента! Тем более его сме-

на! Закрыл гараж! И колеси до утра! Лекс и Герасим все равно железные!»

По завершении этого ночного веселья Василий попросил Герасима выбросить его дома, чтобы привести тело в порядок, но предусмотрительно отправил Герасима в гараж, чтобы тот привел в порядок технику.

Вернувшись в гараж, Герасим причесал, прилизал машину и блестящую оставил, не заметив, что одна из задних дверей не плотно прикрыта. В гараже тишина. До начала рабочего дня оставались уже скорее не часы, а минуты, смысла ехать домой не было, тем более и не на чем – общественный транспорт закрыт, а служебку он не решался бросать дома под окном.

Вышел в комнату персонала, плюхнулся на черный кожаный диван, слегка задев белый стол, и вздрогнул от неожиданного шелеста крыльев.

В одной из глубоковатых узких высоких оконных ниш, отделанных черной плиткой, но с белыми матовыми стеклами, уютились две маленькие птички, попавшие сюда, предположительно, через приоткрытую фрамугу вверху, по-хозяйски кем-то оставленную. Это были два волнистых попугая. Оба они были зеленоватого оттенка, контрастировавшего с окружающей черно-белой обстановкой.

Один из попугаев, видимо она, подчеркнуто напугано уткнулся носом в угол. Второй, получается защитник, как раз и гремел крыльями, после чего придвинулся ближе к по-

друге и внушительно нахохлился.

«Откуда они взялись, и сколько они налетали, прежде чем забиться сюда?» – подумал Герасим.

Он, не спеша, приблизился к птицам. У храброго уже хватало сил только на то, чтобы что-то вяло бубнить.

Герасим стал думать, что же с ними лучше сделать: «Выпустить в окно? Так они оттуда сами искали спасения. Оставить здесь? Не порядок. Клетка нужна! И объявления расклеить! Вдруг хозяева ищут?»

Он снова посмотрел на пернатых. Своим свойственным пташкам глуповатым видом они, казалось, ни о чем и не просили. Ни о чем конкретном. Но только о хорошем. О милости. «Покормить бы вас! – подумал Герасим и забежал глазами по комнате. – А у меня ничего и нет, – очередной беглый взгляд на птиц продолжил мысль, – впрочем, как и у вас. Только капля себя на двоих».

Он присел на диван, чтобы собраться с мыслями и все-таки что-то решить с попугаями, но сам не заметил, как отключился.

*

Наум примчался на работу ни свет ни заря.

– Срочные дела! – как он потом объяснился своему корешу Василию, успевшему оказаться вовремя на месте. Запыхавшийся Василий как раз только успел отдышаться. – Нуж-

на машина...

Вошел Наум через гараж, где бросил свою машину, напрямиком в дежурку, мимоходом оглядев свою служебную и обратив внимание на не плотную дверь.

Они вместе прошли в комнату персонала, Наум сказал, есть, мол, пять минут выпить кофе. Василий очень согласился. Кофе и ему был весьма кстати.

Здесь они увидели уснувшего Герасима.

– Это еще что? – надменно спросил Наум. – Это мне сейчас с ним ехать?

– Он вроде в порядке, – прищурившись, попытался обойти острые углы Василий.

– Куралесил что ли всю ночь? – продолжил Наум. – Да небось еще на служебной машине! – Тут в его голове еще всплыла дверь. – Стопроцентно! Даже двери не позакрывал. Сейчас мимо шел, обратил внимание.

– Ну, в гараже же. Не страшно, – снова сделал робкую попытку замять тему Василий.

– Не, ну, мы знаем, что водители иногда берут машины пофорсить...

– Я проверю по журналам, когда он заехал. Ключи не сда ны, кажется.

– Да это мы по распечаткам навигатора проверим. Точнее будет. Но чтобы так вот на утро вхлам!? – сильнее прежнего возмутился Наум. – Это же он так может и на улице бросить машину не закрытую. А ты знаешь, сколько она сто-

ит? А сколько стоит то, что в нее напичкано? Рассчитать его нужно нахрен!

В голове Василия строились какие-то мысли, но с таким трудом, что так и не успевали воплощаться в аргументы.

Герасим, подремав не более двух часов, от голосов сразу проснулся, но слушал дифирамбы в свой адрес молча. Он смущенно поздоровался с присутствующими, тоже налил себе кофе и присел за другой стол, механически похлопав себя по карманам, убедившись, что ключи на месте.

– А что, Герасим? Как ночь прошла? – разродился прямо таки сочувствием Наум.

Герасим еще приходил в себя.

– Нормально все. Просто задержался, машину мыл, домой уже не на чем было ехать.

– Ага, я и вижу. Двери все нараспашку!

Фраза глубоко не врезалась в утреннее сознание Герасима, наткнувшись на убедительную подсознательную уверенность, что он проверял машину, все было в порядке. Он не ответил. Это, однако, только усилило подозрения Наума в том, что колесил Герасим ночью добро.

– Надо кончать с этим беспределом, – шепнул он своему компаньону. – Поразбивают еще нахрен служебные машины. Вот уж, думаю, Ян Константинович добрым словом никого не помянет по такому случаю.

Василий что-то невнятное поддакнул.

– Уволю его от греха подальше, наверное, – заключил На-

ум. – Или пускай его другому кому дадут. Себе возьму путевого. Хватит. Сколько лет уже с этим маюсь, – заключил Наум, попытавшись на обрывке фразы вспомнить хоть какой-то замаенный эпизод, но так и не смог.

Время занудно-медленными рассветами и никогда не заканчивающимися закатами шло в какую-то свою сторону, не давая людям понять, куда именно. А людей становилось все больше. Уже никто не замечал появления новопробужденных, даже несмотря на их круглые глаза, пока они сами не признавались, что ничего не понимают в происходящем.

Эмили уже едва ли смогла бы собрать ту компанию, с которой они прожили в общей сложности две дремы и один голод. Много это было или мало? Она думала об этом. Но ответ требовал дополнительного условия «Много для чего?». Ведь если для чего-то важного, то, может, и не долго. А важного она придумать или припомнить не могла. Хотела бы она их снова видеть? И этого она тоже не знала. Их и тогда с трудом объединяло только полное непонимание ситуации и отсутствие других людей.

А теперь, когда они больше не заперты на одном этаже, когда хотя бы что-то уже было вполне конкретно, когда у всех появились более подходящие компании: разговаривающие на том же языке, того же цвета кожи, граждане одной страны, приверженцы одной религии... Теперь им было бы трудно друг друга понять, даже разговаривай они все на одном языке. А тенденция появления общего языка, хотя и появилась в самом начале, сошла на нет с ростом численности.

Таким образом, появился и вырос сепаратизм. И чем больше становилось людей, тем более осмысленным и, что особенно, злым он становился.

Ситуация усугублялась полным отсутствием занятий и тем, что на каждом этаже было всего две лестницы и только одна столовая. Людям поневоле приходилось сталкиваться и скапливаться в этих местах.

Замеченная мутная особенность, что холодильники никогда не истощались до конца, не позволила, однако, не возникнуть прохиндейским разногласиям на предмет доступа к провианту. Наверное, еще и потому, что причину неконтролируемой неисчерпаемости выяснить пока не смогли. Просто периодически в холодильники накатывало изобилие. Это как раз и вносило свою неопределенность на длительный период времени. А вдруг все это однажды прекратится? Каждый хотел обеспечить, прежде всего, собственное будущее. Даже те, кто вышел из леса и знал о наличии еды там, не смогли отказать себе в жадности и не оказались в стороне от борьбы за ресурс.

В дополнение ко всему со временем все более важную роль стал играть сексуальный фактор, в котором, впрочем, тоже не было изобретено ничего нового. Одним легко удавалось найти общий язык и снять напряженность, другим это было труднее, третьих раздражала чья-то неприступность. Бездна надежных случаев, однако, не наблюдалось. Это было подмечено лишь немногими, профессионально умеющими

отмечать такие детали, как полное отсутствие убогого люда. Каждый мог похвастаться, если не симпатичными, смазливými или невероятными чертами лица, то, как минимум, приятными. Все были здоровым образом сложенными и, как минимум, нормально физически и умственно развитыми. «Отборнейший генофонд!» – констатировала фрау Фон Гинтер врач и социолог, заведовавшая не так давно кафедрой в университете Билефельда. Но, не смотря на закономерную потребность, платежным средством пока услуги известного характера стать не смогли, так как пока ничего взамен нельзя было предложить. Пока...

Пока однажды не случилась одна неприятная ситуация. Хорошо, что рядом оказались знакомые Марка, не то бы его серьезно наказали соплеменники пострадавшей:

– Марк, ты что? С ума сошел? Что на тебя нашло? – кричал друг Марка, пока двое держали его, а другие человек десять оттаскивали от него троих индусов.

– Бастард, – кричал один из индусов.

Разобраться в ситуации было не просто, все ругались, как могли, преимущественно на своих языках.

Марк тем временем вырвался и кинулся в арку наверх. Далеко убежать не удалось, через несколько этажей его догнали, и тем самым привлекли к проблеме широкое внимание. Когда вернулись на исходный этаж, Деви уже почти успокоилась и стала что-то понемногу рассказывать.

– Он уже давно пристает ко мне, – заявила она. – Но всегда

обходилось. А сегодня он мне просто не давал пройти вверх, требуя, чтобы я переспала с ним. Хорошо, что Рамеш, Кумар и Пракаш оказались рядом.

Но эти друзья рядом оказались не совсем случайно. Пракаш сам давно не ровно дышал к Деви, и так же, как и Марк, ходил за ней попятам.

С этажей, где успели засветиться беглецы, стеклось много народа. Пришли и другие, так как весть об инциденте разлеталась быстро.

Не много потребовалось времени, чтобы нашлись судьи, которые начали предлагать карательные меры, а за ними и добровольцы в палачи. Но поддерживались такие заявления не очень активно. Вероятно из осторожности, или опасения установления каких-то властей люди не шли на поводу у ситуации.

А желающих воспользоваться ситуацией было достаточно. Предлагались лозунги даже совершенно не связанные с произошедшим, встречаемые лишь частичной поддержкой толпы. Очевидно той ее частью, которая смогла понять смысл сказанного. Благодаря этому, эффект толпы не сыграл своей роли, что, в свою очередь, не позволило утвердиться никакому решению. Толпа была слишком разнородной.

Тем не менее, инцидент не смог пройти без последствий. Через некоторое время индийская диаспора заявила, что с целью самозащиты занимает себе отдельный этаж. Лицам других национальностей предлагались освобождавшие-

ся комнаты на других этажах.

Так многократно проверенная теория Макара о закреплении за людьми комнат в строгом соответствии с реестром на первом этаже начала пересматриваться. Однако, пройти выше на свой этаж и спуститься на первый можно было, только пройдя через этажи, находящиеся между. Очевидно, что владение этажом имело не только преимущества для защиты, но могло стать в будущем отличным геополитическим фактором.

Следом за индусами сразу две группировки заявили, что они занимают себе так же по отдельному этажу, и соответственно выселяют с этажа всех остальных. Но если индусы определились с выбором этажа по принципу, где они уже преобладали, то китайская община жестко была нацелена на второй этаж, так как на первом уже по факту сильно преобладало славяноговорящее население. При этом китайцы пошли дальше. Быстро проведя переговоры со всеми восточными диаспорами, и определив свою численность, они заявили, что занимают три этажа подряд, начиная со второго.

Если отделение индусов на фоне случившегося прошло довольно спокойно, то такое заявление китайцев было воспринято остальным миром крайне негативно. Те, кто успел более-менее крепко объединиться в устойчивые союзы, тоже заявили свои права на нижние этажи.

Одним из таких союзов было многоногое, но безрукое, объединение наций западной Европы, к которым наотрез

отказались присоединяться американцы, а существенную часть себя Европа сомневалась, стоит ли признавать собой. В эту часть негласно попали и любители сиесты с маньяной. Маньяна¹⁷ была не просто словом, а диагнозом, который иногда портил настроение, а порой и дела более обязательным центральноевропейцам. Но в контексте общей проблемы за геополитическое будущее все же Европа осознала свое единство от маньяны вплоть до первого этажа, заручившись его поддержкой.

Другой группой стали американцы. Особняком стояла многонациональная группа африканских и близких им по духу народов. И последней в борьбу вступила разношерстная и внутренне тоже противоречивая мусульманская община, последней же и сформировавшаяся объединением ближневосточных, кавказских, азиатских и африканских мусульман.

Отделение диаспор происходило, конечно же, не само собой. Начали действовать знакомые большинству только понаслышке политические технологии. Те, кто успел сориентироваться и получить первые баллы, торопились их не потерять, ведя подпольные переговоры. Но на вторые сумерки после заявления китайцев о трех этажах одна из сторон предприняла несколько агрессивных действий, чем развязала руки остальным. В результате не избежали жертв. Пострадали не тысячи человек, конечно, но это были первые жерт-

¹⁷ (исп.) (дословно) утро, завтра, (ментально) в ближайшие дни

вы в этом странном мире.

Все-таки численность взяла верх. Второй и третий этажи стали азиатскими. На третий этаж подряд им или сил не хватило, или одумались и решили избежать бóльших жертв.

Вскоре большинство этажей контролировались какой-либо общиной. Стало ли в результате спокойнее? Однозначно на этот вопрос вряд ли кто-то бы ответил. На своем этаже – да. А нахождение в интернациональной зоне арок-лестниц у большинства вызывало тревогу. И стало очевиднее, что недавние диаспоры, которые были просто клубами по интересам, теперь стали друг другу более чужими.

Вновь рожденные, то есть те, кто впервые просыпался в своих комнатах и выходил наружу, сразу депортировались к более похожему на себя. Формально их, конечно, спрашивали, хотят ли они этого. Спрашивали, в том числе, и на родном языке, привлекая представителей соответствующих кланов. Но кто из «новорожденных» мог сразу четко понимать, что для него лучше, остаться здесь или уйти туда, куда предлагают, и где понимают. Все соглашались.

Зато, благодаря этому, появилась новая дипломатия.

Было ветрено. И это было достаточно необычно, так как было впервые. Рилей смотрел на деревья, стремившиеся вверх мимо окон. Далеко внизу небольшая компания возвра-

щалась из леса домой. К нему подошел Кофи.

– Тебя тоже озадачивает этот ветер?

– Да. Озадачивает, – ответил Рилей.

Они уже научились немного понимать друг друга. Рилей говорил по-английски, но не чувствовал себя своим с англоговорящими. В компании Кофи ему было спокойнее. Но чтобы быть здесь он начал понемногу изучать суахили. Давнее знакомство с Кофи помогало ему и в изучении языка, и во вхождении в группу народов Африки.

Рилей снова обратил внимание на людей, которые внизу шли из леса.

– Я здесь уже давно, но еще ни разу не был в этом лесу.

– А я как раз побывал там достаточно. До сих пор отлично помню, как я проснулся, как не мог решиться есть эти дикорастущие плоды.

– Там страшно?

– После вторых сумерек нет.

– А звери там есть?

– Я слышал птиц. Зверей не видел.

– А что там еще есть?

– Не очень хочу вспоминать, – ответил Кофи.

Но невольно в голове начали перебираться разные образы.

И тут он вспомнил:

– Первое, что я решил там попробовать – это были мелкие семена, зернышки. – У Кофи загорелись глаза. Его осенила мысль. – И это то, чего нам не хватает здесь, в этом

скупнейшем белокаменном санатории.

– О чем ты говоришь? – заинтересовался Рилей.

– Идем. Ты хотел посмотреть лес?

– Хотел, – с некоторым сомнением подтвердил Рилей.

– Я тебе его покажу. Но только имей в виду, что мы пойдем нереально далеко! Я даже сам не знаю, куда. И это на долго!

Чтобы их не кинулись искать, они предупредили в своей общине, что уходят на несколько, вероятно, сумерек в лес. К ним пожелали присоединиться еще трое. Кофи рассказал, что они без труда, только лишь со страхом, отыскивали пропитание в лесу. Поэтому с собой брать ничего не стали, кроме дополнительной одежды.

Как Кофи не убеждал своих товарищей в мирности окрестных лесов, первые сумерки и первая дрема в сумерках все-таки стали испытанием. Испытанием даже бóльшим, чем то, через которое тогда прошли Кофи, Майкл, Пейжи и Бинэси, так как им тогда некуда было возвращаться. А теперь они знали, что есть место более комфортное и безопасное. Кофи представил себе, каково было Пейжи. Особенно после выходки Майкла.

Вторая дрема прошла спокойнее. Но в сознании ведомых все более четко обрисовывалась мысль об удивительном постоянстве красоты пейзажей.

– Кофи, ты в этих колоннах ориентируешься? – осторожно поинтересовался Нкемдилим.

– Честно сказать? Нет, – ответил Кофи.

– Тогда куда мы идем?

– Мы ищем зерна. Но я не знаю точного места. Пока ничего похожего на то, что мы ищем, я не видел.

– Не, вы слышали? – удивился сказанному То. – Этот парень молодец! Он, оказывается, не знает, куда идти.

– А я и не говорил, что знаю. Но я предупреждал, что не знаю, на сколько долго.

– А ты знаешь теперь дорогу обратно? – продолжил мысль Нкемдилим.

– Несколько более уверенно, чем прямую!

Сказав это, Кофи засмеялся.

– Это действительно смешно! – с сарказмом, но неохотно, поддержал его веселье То.

– Какая вам разница. Сидеть в тех белых стенах было интереснее? – задал встречный вопрос Кофи. – Сколько времени мы уже там? И все это время абсолютно мы ничего не делаем. Только едим!

– И в последнее время стали чаще конфликтовать, – заметил Эмека.

– Да. За это время мы успели только разделиться и понести при этом десятки человек убитыми, – продолжил Кофи. – И больше никаких достижений!

– А что это такое? – вдруг обратил внимание компании на причудливое соцветие Рилей.

Леса таили в себе много. И постепенно они раскрывали

свои казавшиеся необычными дары. Кофи остановился, разглядел.

– Да. Раньше мне такого не попадалось.

Перед ними были длинные лианы, свисавшие не видно откуда сверху. Такие лианы здесь встречались на многих деревьях. Кое-где на лианах были цветы, с причудливыми соцветиями в виде длинной ленты, скрученной в спираль, наподобие винтовой лестницы. Края полоски были обрамлены частыми мелкими белыми цветками, которые на сочном зеленом фоне смотрелись очень грациозно.

Эмека сорвал одну такую спираль, раскрутил ее и прикрыл лентой один глаз на пиратский манер.

– Ну, как? – поинтересовался он.

Потом он снял ленту с лица и, держа ее за один конец, отпустил другой. Лента тут же скрутилась обратно в спираль.

– Чего только не увидишь! – констатировал То.

– В этом ты, То, прав. Но что это за место? Вот в чем вопрос! – сказал Нкемдилим. – По-крупному все необычно. Но если присмотреться к деталям, то это та же Земля: те же листья, те же цветки и фрукты, те же лианы, только не привычно, что они здесь повсюду.

– Мне привычно, – возразил Эмека.

– И все сочетается в новых комбинациях, новых формах, – продолжил Нкемдилим.

– А вот такая же, только, видимо, уже отцвела, – продолжал разглядывать Рилей. – А вон выше уже засохшие есть.

– Ладно. Идем дальше, – предложил Кофи.

– Мы куда-то торопимся?

– Пожалуй, нет. Но повод ли это удлинять и без того безразмерный поход?

Сколько прошло сумерек еще можно было сказать с небольшой ошибкой, а вот сколько миновало дрем, конечно, сбились со счета. За это время пилигримам лишь несколько раз попадались небольшие водоемы или места с повышенной сыростью, где воду можно было зачерпнуть мелкими горстями у корней травы.

Возле таких мест они всегда задерживались, так как вода встречалась не часто, а плоды не позволяли так напиться, как вода. Кроме того, такие места Кофи обхаживал особенно тщательно. Он сказал, что именно в похожем месте в прошлый раз росло то, что они ищут теперь.

Вскоре они увидели, что искали. Плоды этого растения, свисавшие тоже на длинных плетях, были похожи не то на крупные шишки, не то на маленькие ананасы. Шашки этих ананасиков в свою очередь состояли из более мелких сегментиков, той же формы, что и сами шашки. Одни шишки были тяжелыми, явно сырыми внутри, не созревшими. Другие были существенно легче. А при небольшом сжатии они рассыпались на множество вытянутых пирамидок.

– Это оно! – торжественно заявил Кофи, сорвав с плети одну шишку, и распустив ее на зернышки прямо над головой Эмеки. – Это можно есть!

На вкус они, конечно, не были верхом изыска, но вполне могли сравниться с какими-нибудь орехами. Пока вся команда грызла найденные семечки, гадая, дорога обратно займет больше или меньше времени, Кофи топтался вокруг.

– Но это не то место, – сказал он, сделав окончательные выводы. – Другое. Значит таких мест на самом деле много.

– Тогда жаль, что мы нашли именно это место, а не другое, поближе к санаторию, – вздохнул Нкемдилим. – Было бы ближе идти обратно.

– Обратно все равно будет ближе, – убеждал его Кофи.

– Посмотрим.

– Хотя? – вдруг Кофи задумался. – Обратно мы пойдем не пустыми.

– Ты хочешь насобирать их и взять с собой? – уточнил То.

– Не знаю как вы, но я именно за этим сюда и шел. Будет легче коротать сумерки в санатории.

Кофи позавязывал узлами все прорези в запасной одежде, которую брал с собой, и стал распускать в получившиеся смешные мешки зерна анашишек, так они называли этот плод.

Обратный путь действительно казался короче. Вот они уже снова оказались в роще спиралей, где задержались в прошлый раз, остановились и теперь, на привал.

– А здесь, похоже, работал какой-то долговязый дизайнер.

И в этой его коллекции преобладают свисающие элементы, – отметил Рилей.

– Это точно! Нет почти ничего, что торчало бы из земли, – поддержал мысль То.

– Зато удобно. Вокруг только стволы и трава, – добавил Нкемдилим.

Разглядывая одну из множества висящих спиралек, он попробовал ее развернуть. Но та оказалась уже сухой и тот час же обсыпалась вниз. В руках у То осталось несколько иглоподобных зернышек.

– А эти можно есть? – спросил То у Кофи.

– Я рисковал расстройством желудка, а может и жизнью, уже достаточно раз. Так что можешь сам попробовать и узнать ответ на этот вопрос.

– Не беспокойся. Мы не бросим тебя,ждемся, если ты вдруг потеряешь сознание, – подбодрил Рилей.

– А если я стану буйным?

– Тогда вопрос решится перевесом сил.

– Не бойтесь, что вам не удастся со мною справиться?

Поговорив еще немного о пустом, они все-таки уговорили То попробовать семена спиралек и впали в очередную дрему.

– А вы представляете, – сказал Эмека, наворачивая кру-

ги вокруг одной из стоек арки, – как с этими баулами мы бы поднимались на свой этаж по обычным лестницам. Эти лестницы, что ни говори, гениальны!

– Даже не хочу себе это представлять, после такого похода, – выдохнул Рилей.

– А я бы, пожалуй, не отказался бы и от лифта, даже поднимаясь по таким гениальным лестницам, – добавил Нкемдилим.

– Ну, вас. Психология вечно недовольного человека! – махнул на них рукой Эмека.

– Нет. Это как раз психология человека, довольного всем тем, что есть, но всегда стремящегося к большему! – возразил Нкемдилим.

Пререкания прервались узнаванием новой родины – атрибутов и обитателей своего этажа.

Несмотря на прошедшее время, их признали за своих, встретили с радостью и кое-какими почестями. Да и вообще им удалось спокойно пройти через все этажи. Этому особо не удивились, но в задворках сознания встречались призраки страха. В застольной беседе Кофи заметил:

– Честно говоря, больше всего боялся, что здесь могли произойти очередные переделы. И мы могли уже вернуться совсем в другое место.

– Это тебе только показалось, что все осталось по-прежнему, – ответил ему Изингома, де-факто уже ставший главным в их общине.

Изингома долгое время, где-то не спеша, где-то исподтишка подкрадывался ко всем людям; там парой слов обмолвился, там согласным кивком притерся... Так потихоньку везде стал своим, доверенным. А потом поймал момент и выбился в лидеры.

Но путешественники пока об этом не знали. Изингома же видел в вернувшихся бродягах угрозу своему достигнутому положению. Его мысли работали на то, как теперь его не потерять.

Изингома рассказал им, что здесь была настоящая война за свободное пользование арками, и что война вряд ли закончена окончательно. Информировал, что снова погибли десятки людей и что несколькими этажами выше одну арку, просто разбили.

– Хорошо, что ведущую вниз и выше нас, – добавил он в конце рассказа.

– А мы нашли целых два вида семечек, – продолжил разговор То историей про свои приключения. – Сначала мы нашли анашишки, а потом еще набрали вот этих спиралей.

– Точнее нашли-то мы сначала спирали, но прошли мимо них, – поправил его Эмека. – И только на обратном пути ты решился их попробовать.

– Чтобы убедиться, съедобны ли они, мы ждали целую дрему, после того, как То их наелся, – добавил Рилей.

Изингома и другие лузгали и чавкали новыми яствами, слушая походные байки.

– Почти как дома, – грустно вздохнул он. – Болтаем, грызем семечки.

– Не хватает только хорошего дивана и телевизора, – согласился с ним Кофи. – Когда я вспомнил про анашишки, я именно об этом и подумал. Но даже и без диванов все равно решил, что нужно идти за ними. Будет не так скучно. Да и немного разнообразней с едой. А то в холодильниках-то здесь такого не найдешь.

– Кстати о холодильниках, – вспомнил Изингома. – В мусульманской общине тех, кто не строго соблюдал правила, стали не допускать в столовую. Им приходилось уходить питаться на другие этажи. Обычно к малочисленным. Но их религиозные старейшины не пришли к единому мнению, правильно ли это. И их община распалась. Разделилась на две. В бóльшей, где это правило утвердилось, фактически установилась монархия. А меньшая отселилась на другой этаж.

– Хм..., – многозначительно выдохнул Кофи. – Политические процессы здесь набирают обороты.

– То ли еще будет.

Весть о новом деликатесе довольно быстро разошлась по всем этажам. Кофи несколько раз еще ходил за семечками в лес, собирая каждый раз все большие команды, и увеличивая нагрузку на человека. Чем больше людей узнавали о них, тем

большим дефицитом они становились. И увеличивающиеся сборы не помогали сломить тенденцию.

Уходя, Кофи каждый раз следил за тем, чтобы никто лиш- ний не увязался за ними. К выводу, что нужно обязательно сохранить места произрастания семечек в тайне, они с Изин- гомой и остальными пришли сразу.

Возвратившись однажды обратно из похода, им воспре- пятствовали подняться к себе на одном из латинских эта- жей. Требование было простым: отдать часть сбора за про- ход вверх. Им отдали мешок.

И это стало началом нового этапа в развитии нового об- щества. Семечки стали платежным средством. А товаров на обмен было не так уж и много. Самыми ходовыми стали про- ход через этаж и долго ждавший себе достойной цены секс. В течение длительного периода за него почти ничего достойно- го нельзя было взять взамен, кроме безопасности. Ну а без- опасность со временем стала цениться. Теперь же предла- гался новый товар – удовольствие. А это всегда было при- влекательным благом. И секс впоследствии сумел завоевать известные позиции, перечеркнув длительный период своей недооцененности.

Как ни странно, но после продолжительных поисков толь- ко одной общине удалось так же найти анашишковые рощи. Остальные то ли сильно боялись уходить слишком далеко, то ли все-таки не туда ходили. Появление еще одной семечко- вой державы было встречено с некоторым энтузиазмом. Во-

первых, диверсификация поставщиков и рост объемов поставки сулили новые возможности для торга, а во-вторых, это все же вселяло надежду, что и другим улыбнется удача.

И удача улыбнулась, но кровавой улыбкой.

Африканцы собрали небольшую группу в очередной поход. К ним пожелала присоединиться более многочисленная группа из другой общины. Часть африканской группы, которая не пожелала присоединения, была убита, оставшиеся в живых показывали дорогу. Но и их убили на обратном пути, чтобы избежать лишних политических неприятностей.

Глава 4

18

Наверняка в природе существуют такие странные люди, которые с умилением смотрели бы на капризного несносного ребенка в его лучшем спектакле. Например, это те, кто смог бы вспомнить себя в таком возрасте и состоянии. Но это вряд ли были бы родители ребенка, чувствующие свою неспособность подключиться к волне чада и окрасить ее в тона очарования. Так умела делать дама Фима, поражая своих коллег.

– Дама Фима нам сказала, что мороженое всем дадут только после урока, – убеждала Грета.

– Не хочу после урока, – топала ногами Матильда в пустом коридоре. – Я хочу сейчас.

– Но дама Фима сказала, кто не ходит на уроки, тем мороженое не дадут.

– Я не хочу на уроки, – не унималась Матильда.

– Но такие правила, – настаивала Грета.

– Не хочу правила! – по цепочке отрицала все Матильда.

– Ну, и не хочи, – махнула рукой Грета и побежала по коридору в класс.

Она, конечно, не знала и даже не задумывалась, что же

ее больше задевало в таком поведении подружки: просто выпендражное упрямство, слабость собственного статуса или возможность того, что Матильда сможет получить мороженое, не соблюдая правила. Грета по-детски вспылила, но через несколько шагов она обернулась.

– А еще дама Фима говорит, что кто не будет ходить на занятия, того не возьмут в Большой мир! Бе-е!

Матильда смотрела на Грету так, словно и это ее ничуть ни разу не задело. Но, будучи еще ребенком, она не умела радоваться тому, что это задевало Грету. Впрочем последнее Грета сама тоже не осознавала.

Матильда осталась одна и не знала, что ей делать. Ломать комедию для себя было не интересно, и часть Матильды, осознававшая это, уже готова была сдать и пойти в класс. Но другая часть Матильды все еще протестовала, ей на урок идти не хотелось, но хотелось мороженого. Она знала, что мороженое есть в столовой, и все-таки перетянула Матильду туда в надежде, что удастся незаметно его взять.

Она прошла через зал столовой, зашла на кухню и стала гадать, в какой бы холодильник заглянуть для начала. Она стояла, не могла решиться, и вдруг услышала голос.

– А ты почему не в классе? – спросила дама Бэль.

– Я не хочу в класс, – ответила сурово Матильда.

– Но ведь без тебя не начнется занятие.

– Я не хочу занятие, – заладила Матильда, – не хочу занятие!

– А как же другие дети? Они ждут тебя. Им интересно послушать, какую ты расскажешь смешную историю сегодня.

– Я хочу мороженое, а не смешные истории.

– А! Так ты любишь мороженое!

Дама Бэль должна была что-то придумать, чтобы уговорить Матильду пойти на урок. Ведь совсем скоро уже начнутся основные занятия. А если дети будут пропускать занятия по языку, они не смогут понимать дальше.

Матильда, будучи теперь еще и пойманной строгой дамой Бэль, уже забыла про свои желания и в растерянности слушала добрый, мягкий, чистый, достаточно высокий, даже бархатистый, подсознательно воспринимаемый как убедительный голос воспитателя.

– Матильда, солнышко. Дай мне свои ручки, детка. Давай договоримся так. Ты пойдешь на занятие, расскажешь там свою самую новую историю. Если тебе будут громко, громко хлопать в ладоши, то дама Фима даст тебе два мороженых. Ты сможешь съесть их сама или угостить кого-нибудь. У тебя же есть подружки? Есть?

– Есть, – переключилась, наконец, на что-то другое девочка.

– Ты ее угостишь, и вы будете вместе наслаждаться мороженым. А когда-нибудь она тебя угостит.

– Хорошо, – согласилась с уговором Матильда. – А если мне будут хлопать громко, громко-прегромко, то мне дадут три мороженых, – не столько спросила, сколько естествен-

ным образом интерполировала она.

– Так и быть. Договорились, дорогая моя, – ласково кивнула в знак согласия дама Бэль.

– А почему все говорят, что если я не буду учиться, то меня не возьмут в Большой мир? – неожиданно спросила Матильда.

– Это правда. В Большом мире хорошо. Там очень интересно и всегда много дел, – ответила дама Бэль. – Но чтобы туда попасть, нужно очень много уметь. – И там тоже мороженое не дают просто так, – добавила она, поглаживая Матильду по голове и слегка подталкивая в спину в сторону классов.

Матильда побежала в класс, где ее ждало много других детей. Одни были как она, другие чуть младше. Но все радостно зашумели, увидев ее. Дама Фима подбодрила их и Матильду, сказав, что они уже заждались.

Дама Фима включила мультфильм, в котором разные звери угощали друг друга фруктами. После просмотра мультфильма дама Фима стала разыгрывать сценки из него с детишками. Они тоже должны были изображать зверей и угощать друг друга фруктами. Потом они разыграли по одному разу несколько сценок из мультфильмов, которые были на прошлых занятиях.

В конце занятия дама Фима всегда предлагала детям рассказать всем какую-нибудь смешную историю. Первой вызвалась Матильда. В этот раз она сочинила такую небылицу,

что дети еле дышали от смеха. Следующую историю рассказал маленький Эдик. Он был еще мал, чтобы придумать достаточно складную и при этом смешную историю, но дама Фима его тоже похвалила. Для нее было главным, чтобы дети стремились и учились говорить и привыкали думать на новом для них языке.

Между уроком и обедом детей отпустили на небольшую прогулку. Одни побежали гулять сами по себе, другие бросились купаться в фонтанах, третьи кружились вокруг воспитателей, которые фанатично занимались детьми все свое время. Они читали, рассевшись на квадратных газонах, рисовали мелками на дорожках, играли в разные подвижные игры вокруг деревьев или на специальных спортивных площадках.

– Матильда, не нужно так быстро крутиться. У тебя закружится голова, и ты упадешь, – заботливо повторяла дама Бэль, прекрасно зная, что детям как раз наоборот нравится, когда кружится голова, и что они ее не слушают.

– Я кружилка! – в восторге пищала Матильда

– И я кружилка, – повторяла за ней Грета.

– Девочки, только смотрите, не упадите, – причитала суежливая дама Бэль.

Но так и вышло. Матильда, кружившаяся в центре лужайки, шлепнулась на траву, перевернулась на спину и уставилась вверх, продолжая так же хохотать, как она хохотала, когда кружилась. А белые высокие стены с множеством окон,

в центре которых была лужайка, продолжали свой хоровод. И Матильде уже казалось, что они образуют не квадрат, а круг. А окна вовсе не окна, они дымчатые кольца. И что это не они кружатся, а она. А может они в одну сторону, а она в другую. Кольца складывались в стройную пирамиду, вершина которой затягивала ее к себе, создавая ощущение полета. Матильде казалось, что она летит на зеленом ковре, на котором в фонтане льется вода, кружатся и падают другие дети. Ей хотелось, чтобы ковер так и летел, не останавливаясь, но он останавливался. А другие дети, хоть и пытались его раскрутить, но получалось у них это только для себя. У них ковер тоже останавливался, отчего Матильде было не так обидно.

Лужайки-ковры и фонтаны полностью были в распоряжении детей и после обеда до самого ужина, на который детей повели к себе. А площадку заняли дети с другого этажа.

Прошло достаточно времени, чтобы детям надоело кружиться на лужайке и переключиться на более сложные игры. Если считать местные дни, то прошло года два, а если смотреть на детей, то лет пять.

Теперь за ними было труднее уследить. И однажды они сильно напугали даму Бэль. Вроде и все были на площадке, но вдруг прибегают и наперебой начинают рассказывать:

– Там в лесу, мы думали там только деревья, а там стоят такие, – кричал Джимми и показывал скрещенные руки. – И еще такие, – он нарисовал в воздухе полукруги.

– Их много, – добавляла Шани.

– Они все в лесу, далеко, – Шэхриэру тоже хотелось добавить и от себя что-то.

– Да как же? – встревожилась дама Бэль. – Вы сами в лес ходили? Кто же вас одних отпустил?

– Да, мы не далеко ходили, – тихонько загундосила в оправдание Араксия.

– Ну, как же не далеко. А Шэхриэр говорит, далеко, – негодовала дама Бэль.

– Ну, мы не хотели далеко. Просто... – продолжил Эдик.

– Ох, как я сейчас даме Фиме про вас расскажу, – пригрозила дама Бэль.

Но на самом деле дама Бэль не столько хотела припугнуть детей, сколько испугалась сама. Но не за детей, поскольку они были здесь, а в общем. Ведь подумать можно было все что угодно, слушая такие истории: много, стоят, то ли с крестами, то ли руки просто скрещены. Она позвала даму Фиму, господина Фридриха и господина Туана. Вместе они попросили детей показать им то, о чем рассказывали.

Увиденное заставило взрослых задуматься. Они, конечно, и раньше понимали, что им мало, что известно об этом странном месте. Но находка детей оказалась кладбищем. Причем здесь были и мусульманские, и, судя по всему, буд-

дийские, и христианские могилы, и могилы, устроенные по иным традициям. Все это наводило на размышления, порой ужасающие.

– Ну, вот. Хотели найти ответы на вопросы детей, а нашли только новые вопросы, – тихо сказал господин Туан.

– Да какие же тут вопросы? – возразила дама Фима.

– И правда. Молчаливые слова. Одни ответы, – поддержал ее господин Фридрих.

– Это вам только кажется, – так же тихо продолжил господин Туан. – А вы знаете, кто были эти люди? Они ведь здесь, очевидно, жили до нас. Но умерли. Отчего? А кто их хоронил? Ведь никто из нас про кладбище не знал. Куда делись те, кто хоронил? А вы говорите, нет вопросов.

*

Теперь дама Бэль старалась не упускать из виду ни одного ребенка, когда занималась детьми на игровых площадках первого этажа. А когда прогулка заканчивалась и дети уходили, она всегда провожала их печальными глазами. Несмотря на то, что следом за уходящей спустится другая группа детей, ей почему-то было грустно смотреть вслед деткам, поднимающимся к себе.

Много раз она пыталась представить себе, какими они станут лет через десять. Перестанут ли, наконец, искать, ждать маму и спрашивать, где она? И невольно она всегда

приходила к мысли, а как она узнает, что прошло именно десять лет? Для себя она еще давно, когда детям было по три-пять лет, со слов самих детей, неуверенно показывавших на пальцах свой возраст, решила так: если ориентироваться по мальчикам, лет через десять они как раз должны возмужать.

Это случилось. И дама Бэль с трудом угадывала в детях ту маленькую Матильду и того забавного Эдика. Теперь они все чему-то научились, они стали целеустремленными и не тратили время по пустякам. У кого-то уже даже появились дети: маленькие, смышленные, дама Бэль иногда ходила на младший этаж.

Они смотрели на нее веселыми честными глазами, когда она с ними играла. Дама Бэль им улыбалась доброй улыбкой и иногда думала: «Они еще ничего не знают. Кем они станут? О чем будут мечтать?»

А все взрослые мечтали только об одном, чтобы и им почастливилось попасть в Большой мир. А для этого нужно следить за собой, заниматься спортом и обязательно посещать занятия, чтобы уметь все делать.

В одном из мальчиков дама Бэль узнала, как ей показалось, Эдика.

– Это же сын Эдика? – спросила она даму Мингю, которая присматривала за малышами.

– Какого Эдика? Да мы и не знаем, кто здесь чей, – дружелюбно ответила Мингю, ласково подпушив малышу подушечку и поправив одежду.

– Вы не знаете? – удивилась дама Бэль.

– Конечно! Нам малышей передают из медики, а чьи они, они и не говорят нам. Угу-гу-шеньки, – дама Мингю заиграла с малышом. – Нам оно и зачем?

– Ну, как зачем? Знать, кто чей!

– А и из родителей-то все равно никого не знаем.

– Верно. Вы ведь здесь совсем недавно?

– Недавно. Ой Буль-буль-щечки! – дама Мингю поила ребенка из бутылочки.

– А мы с четырех лет за ними попятам смотрим, – запуталась в воспоминаниях снова дама Бэль. – Каждого знаем и по имени, и по походке, и по характеру.

«Основные занятия на сегодня, кажется, закончились», – думала Матильда.

Она так и не научилась не радоваться таким коротким учебным дням, хотя сильно изменилась с тех пор, как была совсем девочкой, и теперь записывалась на каждый новый факультатив, хотя бы только для того, чтобы узнать, о чем он.

Но на сегодня все факультативы отменялись, так как на

этот день был назначен очередной медитест. Сейчас она спешила в медику.

«Кажется, Грете и Франчи я вчера напомнила, – вспоминала Матильда и проверила, не забыла ли она взять с собой свою карточку. – Тонкая, – подумала она. – С другой стороны, это же не аттестат. Даже лучше, что она не толстая».

В медике уже скопилось много народа. Многих Матильда не узнавала даже в лицо. Это были дети из других классов, младшего возраста.

У входа она встретила своего друга Карстена, с которым они дружили с детства, но сейчас, после определения выбранного занятия встречались намного реже. Они практически на ходу перекинулись парой слов и разбежались – девочки в одно крыло, мальчики в другое.

Матильда зашла в стол справок и протянула карту серьезной на вид даме Мартаске.

– А тебе в этот раз положено заменить карту, – сообщила дама Мартаска.

– А где это можно сделать? И что будет в новой? – спросила Матильда.

– Я тебе сейчас и выдам новую. В нее будет включено несколько новых докторов.

Матильда захлопала удивленно глазами.

– Да, да. Тебе уже пора, дорогая, – продолжила дама Мартаска. – И теперь тебе нужно будет приходить к нам на медитест в два раза чаще. Все должно быть под контролем.

Замена карты не заняла много времени. Матильда с интересом раскрыла ее. Новый список процедур в карточке вырос почти вдвое.

«Любопытно! – подумала Матильда. – Но врачи все объяснят, так сказала дама Мартаска».

Ее подругам, Грете и Франчи, тоже выдали новые карточки, что, вместе с пройденными процедурами, было предметом разговоров на целый вечер.

От Франчески они узнали, а ей сообщил Карстен, что ребятам карты не заменили. И более того, им не будет нужно чаще посещать медику. Лучше это или хуже, девочки так и не пришли к единому мнению.

Однажды дама Бэль и дама Фима беседовали за чаем и к ним подошли Матильда и Грета. Они разговорились. Матильда рассказывала, что у нее в оранжерее выросла новая доника. А Грета поделилась, что она разучила на рояле новую пьесу.

– А ты помнишь, как ты боялась дня выбора занятия? – спросила дама Фима Грету.

– Да, конечно помню. Мы вместе с Матильдой хотели заниматься музыкой. Но дама Жура сказала, что Матильде лучше будет заняться садоводством.

– А вот Грете она сказала, что музыка – это ее. И особенно

пение, – добавила Матильда.

– И я помню, – добавила дама Бэль, – как мы успокаивали вас после ужина. А после сна вы не хотели просыпаться и идти к даме Журе.

– Но дама Жура оказалась очень доброй, – вспомнила Матильда. – Даже странно, что мы так ее боялись. Но все равно хорошо, что вы нас тогда успокаивали.

– Вас было много, и у всех был день выбора занятия. Мы всех вас успокаивали, – сказала дама Бэль. – Но вы, девочки, были нашими лю...

Дама Бэль вовремя остановилась. Она вспомнила, что здесь они всегда учили детей, что не правильно говорить другим о том, что им нравится и, тем более, о том, что они любят. Любить кого-то сильнее, чем другого, вообще неприлично!

«Ой, какой ужас! Что бы обо мне подумали дети, – представила она, – если бы я договорила?»

Хотя она помнила, что раньше это было не так. Но почему-то здесь на Клеттоне это было не принято.

Ей не объяснили, почему. Просто было сказано, что можно, а что нельзя. Конечно же, на другой чаше весов лежало неотвратимое. Она уже почти привыкла к этим новым правилам, но иногда еще нежность к тем, к кому волей-неволей привязался, кого любишь, давала о себе знать. Нежность неожиданно раздражалась учащенным ритмом сердцебиений, которые становились иногда настолько гулкими, что руки

сам сжимались вокруг голов этих таких еще молодых людей. Они были первыми детьми в ее жизни, ставшими очень дорогими, о которых она понимала, что несет ответственность за их судьбы. А первые всегда остаются первыми и особенными, с которыми сравниваются все последующие, пускай ты и к ним относишься с такой же нежностью.

«Впрочем, здесь и нежным быть разрешено только тем, – подумала дама Бэль, – кому на выборе занятия было определено заниматься воспитанием малышей».

– Ой. Уже пора бежать, – сказала Матильда. – У нас еще после обеда факультативы.

– А на какие же факультативы вы сейчас ходите? – поинтересовалась дама Фима.

– Сегодня мы решили вместе пойти на факультатив по играм. Нам рассказала Франчи. У нее это выбранное занятие. Они учатся играть в разные игры. Она уже столько игр знает! Невообразимое количество!

– Невозможно придумать игру, которой бы Франчи не знала! – добавила Грета.

– Неужели кроме игр они ничего не учат? – стало любопытно даме Бэль. – Я, честно сказать, раньше и не слышала, что есть такое выбранное занятие.

– Его ввели совсем недавно, – пояснила Матильда. – На занятиях они еще учатся подготавливаться к играм: надувать мячи, готовить краски, рисовать разные карточки, плакаты... Они все, кто изучает игры, так красиво рисуют! –

Матильда была искренне восхищена этим.

– Там, кроме факультатива по играм, ввели еще несколько выбранных занятий, – добавила Грета. – Дама Жура, конечно, расскажет лучше.

– Я помню, что добавили пение. Ты, Грета, кстати, тоже хотела записаться на этот факультатив. А так же добавили какой-то массаж, пока не знаю, что это, и кулинарию, – перечислила все, что вспоминала, Матильда.

– Это ты меня вообще-то уговаривала пойти на пение! – удивленно возразила Грета.

– Ну, ты же вроде согласилась! И надеюсь, не жалеешь.

– Пока не жалею! Но я пока только записалась, и еще не ходила, – ответила Грета.

– Вы такие умницы! Знаете все факультативы, которые появляются! – похвалила их дама Фима. – И с охотой ходите на них.

– Это Матильда меня на все факультативы за собой водит, говорит, чтобы ей одной скучно не было, – уточнила Грета.

– Конечно, мы знаем факультативы! Ведь везде уже говорят, что скоро кого-то возьмут в Большой мир. Поэтому нужно знать как можно больше, чтобы взяли тебя, – объясняла Матильда.

– Скоро, да не скоро! Сначала, я слышала, откроют Горный дом, – уточнила дама Бэль.

– Сначала открывают Горный дом, потом построят паром. И как только его построят... – замечталась Матильда.

– Паром уже начали строить. Сегодня читала в последнем информационном листе, у центрального входа, – поправила ее Грета.

– Уже? Ура! – захлопала Матильда. – Я последний лист еще не читала, но я же говорю, скоро!

– Через пять обидов закончат Горный. И потом, ну, еще два обиора, может, – добавила Грета. – Так было написано.

– Девочки, а вы не знаете, мы сможем попасть в Горный, и на паром посмотреть? – спросила дама Фима.

– Конечно, сможем. На крыше нашего Белатория построили старты. Такие же будут в Горном, – рассказала Матильда. – Будут летать гоны туда и обратно.

– Сколько всего происходит вокруг! А мы с тобой, Фима, сидим и чай пьем, – засмеялась дама Бэль. – Как только откroют, обязательно с тобой полетим. Надо же посмотреть!

– Ладно, Матильда, уже пора! – поторопила Грета.

Девочки побежали и по дороге в класс встретили Франчи. Но она почему-то не торопилась.

– Франчи, Франчи! – подбодрили ее девочки. – Ты разве не торопишься в класс?

– Зачем туда торопиться? – безразлично ответила Франческа.

– Как зачем? – изумилась Матильда. – Уже скоро начнутся занятия. Нужно быть вовремя! Ты куда идешь?

– На игры.

– Тоже на игры? И мы туда. Идем скорее.

Матильда и Грета заметили, что Франческа в каком-то странном настроении. В таком они ее раньше не видели. Они даже не смогли подобрать слова, чтобы сказать Франчи, как она выглядит. А Франческа просто была сильно расстроена. Но сейчас об этом говорить было некогда. Они подбодрили подругу и втроем заторопились к школьному этажу.

После этого факультатива был еще один. Матильда и Грета разбежались по другим студиям, Франчи осталась. Но они договорились встретиться и пойти вместе на час спорта. И уже там Грета поинтересовалась у Франчи.

– Франчи! Что с тобой? Ты сегодня очень грустная.

– Карстен сегодня не пришел обедать. Наверное, обедал где-то в другом месте, – грустно ответила Франчи.

– Ну, и что теперь? Завтра придет! – удивилась Грета.

– Не придет!

– С чего ты взяла? – Грета не понимала, что могло так беспокоить Франческу в том, что Карстен обедал где-то в другом месте.

– Он, наверное, не хочет со мной обедать.

– Откуда тебе это знать? – А этот аргумент Грету совсем запутал.

– А где он тогда был?

– Ну, был занят.

– Чем он может быть занят? Все занятия идут строго по расписанию!

– Ладно тебе. Подожди до завтра.

– Он не приходил уже два дня, – добавила Франческа.
Грета задумалась.

– Все равно, мало ли что бывает. Он придет, и все прояснится, – попробовала ее успокоить Матильда. – Ты лучше вот что скажи. Ты после обеда тоже ходила на игры? Но это же твой основной предмет.

– Ничего. Это же не запрещено? Да и больше ничего интересного нет, – Франческу не успокаивали объяснения девочек по поводу Карстена, поэтому отвечала она без настроения. – Я хожу на два факультатива, а остальное время тоже изучаю игры.

– Боюсь, так ты будешь мало знать. Тебя могут не взять, – предположила Матильда.

– Ну, и пусть.

– И что пусть? Ты здесь что ли хочешь остаться? Тогда тебе придется стать дамой и учить других.

– Разве это плохо?

– Нет. Не плохо. Но я бы не хотела остаться здесь. Скорее бы нам уже выдали аттестаты.

– У тебя, наверное, будет красный и толстый, – несколько с ухмылкой предположила Франческа.

– Ой, я на это надеюсь, – ответила Матильда. – Он наверняка будет толстым. Я столько факультативов посещаю!

– А мне знаете что интересно? – сказала Грета. – Кого возьмут первым?

– А мне это совсем не интересно, – возразила Франчи. –

Какая разница?

– Как же не интересно? А еще интересно, вернется ли он хоть не надолго, рассказать нам, как там, в Большом Мире? – продолжила мечтать о своем Грета.

– Так известно же! Из Большого мира вернуться нельзя! – ответила Матильда.

– Это так говорят. Но мы еще не знаем этого точно.

– Как не знаем точно, есть ли он вообще, этот Большой мир? – поддержала ее Франчи, но высказала еще более сильное сомнение. – И даже если есть, то возьмут ли туда кого-нибудь из нас. Может там и без нас хватает.

Авдей топтался в фойе университета и пытался вызвонить Ярика, но Таша помешала ему услышать гудки «занято».

– Ты сегодня никуда не торопишься? – улыбнулась она.

– Да не то чтобы... Сейчас только Ярик освободится, и летим, – ответил Авдей.

– Да? Ну, он только-только зашел к Натану Санычу. Я как раз выходила когда.

– Надеюсь, он быстро.

– Ну, да! У Натана быстро не отделаешься! – заметила Таша. – Мне Натан, представляешь, хочет на следующий год еще одних первокурсников всундучить!

– Это лучше, чем старичков, которых ты знаешь, как собутыльников, и которые тебя знают в таком же качестве, – подколот ее Авдей.

– В каком качестве? – вспыхнула Таша. – Щас как тресну.

– Тихо, тихо, – остановил ее Авдей. – А то Натан Саныч увидит, как ты уничтожаешь научные кадры. Тогда тебе не только первокурсников не дадут, но и остальных отберут.

По коридору как раз спешил Натан, за ним по обыкновению с телефоном в руке, плащом наперевес и чемоданом пытался спешить Ярик. Встретившись и распрощавшись со всеми в фойе, Ярик и Авдей побежали на выход.

– Слушай, Авдей, завтра подменишь меня на последней

лекции? – попросил Ярик. – Шеф со старой работы нашел меня, очень просит продуть одни бумаги.

– Это какая будет пара?

– Четвертая.

– Подменю. Хорошо. Что-то случилось?

– Нет. Ничего не случилось. Говорит, нужно срочно позарез, а быстро у них еще никто не научился.

– Это, который Константиныч? – уточнил Авдей.

– Ян Константинович, – поправил Ярик. – Он самый.

– А продуть бумаги, это... – задумчиво повторил Авдей, пытаясь расшифровать профессиональный, видимо, термин.

– Это значит прогнать и утвердить по всем инстанциям, – пояснил Ярик, – с максимальной скоростью.

– Ты у него все еще работаешь что ли?

– Нет. Но иногда он по старой памяти просит, когда вопрос совсем не терпит. Не хочется отказывать, связи терять, да и сноровку, – подмигнул Ярик. – Вдруг и себе пригодится так же что-то выбегать в этих коридорах! А Ян Константинович хоть и махинатор, но нормальный мужик.

*

На следующий день в очередной администрации с очередной коробкой конфет и всем остальным, что положено по райдеру, Ярик проталкивался по людному коридору, заставленному столами, стульями и людьми, к заветной двери.

Ярик старался не обращать на людей внимания, тем более не вглядываться в их разные, но одинаковые лица, словно боясь заразиться. Выражение этих лиц говорило, что люди уже для себя решили, кто они в этой жизни, и лишь иногда они позволяли себе беспомощные выбросы гордости:

– Куда вы претесь!

– Туда же, куда и вы, – надел снова вежливо-хамскую маску Ярик, припомнив, что здесь или нагло, или долго.

– По ногам давайте еще!

– Не обращайтесь внимания и извините.

– Здесь все туда стоят!

– У меня по записи ровно на четыре, – отпустил учтиво-высокомерно-важно Ярик.

– Здесь, может, у всех по записи!

– Значит, мне только спросить! – давно уже не боясь никого разозлить, молвил Яр.

– Молодой человек, имейте совесть! – неожиданно очень смелой интонацией одернул Ярика еще кто-то из очереди.

– О! Митек! Здорово! А ты здесь откуда, мил человек? – удивился, подняв голову, Ярик.

– Прет, никого вокруг не видит, – по-свойски наехал на него Митек.

– Если честно, даже не смотрю по сторонам, – признался ему на ухо Ярик. – Здесь как с патрулями, лучше в глаза не смотреть! Только там, потому что тебя сразу остановят, мол, едешь, волнуешься, а здесь совесть проснется. Потом ищи

новую работу! А ты здесь чего?

– Да туда, куда и все.

– К Рыбийжирской?

– К ней. Вторую неделю пытаюсь попасть. И ты к ней же?

– Ну, да. У меня запись на четыре часа. Не проворонить бы.

– Рыбийжирская не терпит опаздывающих? – съязвил Митек.

– Не терпит! Это точно! Это же просто и убытки! А мог бы быть кто-то другой по записи на это время, кто бы не опоздал, – обрисовал ситуацию Ярик. – А что у тебя?

Ярик посмотрел документы Митьки, молча забрал их с собой и через несколько минут вынес их, и, забрав Митьку из очереди, вышел на улицу.

– Слушай, спасибо большое. Как ты все так быстро сделал? – удивился Митек.

Митек обратил внимание, как резко преобразился Ярик в лице и интонациях, покинув казенные кулуары, в обычного Ярика, которого он знал уже семь лет.

– Когда тебе нужно успеть еще в три места до вечера, а все печати должны быть завтра на столе у директора, то поневоле научишься все делать быстро. Хорошо, хоть шеф не ограничивал никогда ни в чем. Так сказать в представительских расходах! И особо не контролировал, – он подмигнул Митьку, мол, иногда и для себя пользовался возможностями.

– Но, честно, говоря, я тебя не узнал. Даже не ожидал от

тебя такого! – Митек процитировал несколько из услышанных фраз Ярика.

– Сам ненавижу. Но здесь либо так, либо долго! А долго нам некогда! Ладно, с этим делом все. У тебя как дела?

– Да у меня все нормально, – сухо ответил Митек.

– А вот вид у тебя, как будто тебе чего-то не хватает, – заметил Ярик.

– Всегда чего-то не хватает. В этом смысл жизни! – многозначительно ответил Митек, задрав брови.

Но фраза прозвучала не как ответная юмористическая зарисовка, а как выношенная эпитафия.

– В философию подался? – заподозрил неладное Ярик и так же многозначительно улыбнулся другу. – Как Тамилка?

– Тоже нормально, вроде, – пробурчал Митек.

– Мне Ноннка рассказывала, что вы опять поразбежаться решили. Она говорит, в последние полгода вы вообще зачестили с этим.

– Вот женщины! Нет бы задуматься! Они сначала всем подругам все расскажут! – всплеснул Митек

– Ага. Нет бы задуматься, – повторил Ярик, указывая на машину впереди, – а потом поворотник включать. Сначала моргала влево, потом переключилась вправо, теперь снова влево. Так вы-то из-за чего поссорились? – вернулся Ярик к теме. – Из-за того, что она принесла в дом третьего котенка? Ноннка просто, как вариант, предположила такую версию.

– Да ну, че ты такое говоришь, при чем тут это?

– Не че, а что! – подколол Митька Ярик, чтоб немного разбавить краски.

– Да что ты такое говоришь, при чтом тут это? – членораздельно повторил с поправками Митек.

– Так все равно лучше, – улыбнулся Ярик. – Ладно, тогда рассказывай сам, на что вы на этот раз наступили.

– Ты же все и так знаешь от Ноннки.

– Неа. Причины она не рассказала. Только придумывала. Ты же знаешь, у них эта женская солидарность против мужиков... Грудью встанут! К сексу допустят! Но не расскажут! Так что, рассказывай.

– Вот скажи, – чуть помолчав, разродился Митек, – что хочет услышать женщина на вопрос «Ну, как?», перекрасившись из рыжего цвета в черный, учитывая, что три месяца назад она перекрасилась из черного в рыжий?

– Могу предположить, что она хочет услышать, по крайней мере, что-то отличное от «мне все равно». А ты, наверное, сказал, что тебе все равно, какого она цвета, и что тебе надоело, что она постоянно его меняет. Это из-за этого вы разругались?

– Нет, конечно. Это я так, вспомнил. Просто мы разные, наверное, – добавил он, чуть помолчав, пока не загорелся зеленый светофор, как бы разрешив ответить.

– Помнится, лет пять назад ты говорил, что вы чуть ли не во всем похожи. Шутил еще, хорошо, хоть пола разного!

– Помнится, – подтвердил Митек. – Но оказалось, мы не

идеально друг другу подходим.

– Вот ты даешь! Идеально друг другу могут подходить только пробка и дырка в ванной! – огорошил Митька Ярик. – Но ведь у вас было столько общего!

– С тех пор прошло какое-то время, – многозначительно произнес Митек.

– Не на столько большое, – возразил Ярик, – чтобы стать совсем другими людьми.

– Когда ты меняешься сам, это естественно. И происходит это не быстро, как правило, – рассказывал или, скорее, рассуждал Митек, возможно даже на ходу пытаюсь поймать то самое ощущение, которое далеко не любой человек сможет расшифровать с первого раза. – Когда люди вокруг меняются, это тоже нормально и плавно. Но когда люди меняются в твоих глазах... А это происходит внезапно! Это даже пугает.

– Ну-у, – задумался Ярик. – Если люди изменились, то они, понятно, меняются в глазах других.

– А я не утверждаю, что люди изменились... Это трудно объяснить. Человек-то сам, может, резко и не изменился, но в какой-то момент ты вдруг начинаешь видеть его иначе. И все! Это для тебя уже как будто другой человек. Чужой! Человек!

– Просто так, вдруг?! – Ярик пытался подобрать что-то похожее в памяти, но беспричинность оказывалась слишком сильной степенью свободы. – Причина есть всегда! – попытался убедить он Митька.

А где-то по периферии мысленного процесса обеих друзей стелилась полуощущениями практически одинаковая мысль. Каждый из них медленно додумывал ее части. И попытайся они произнести все вслух, у них могла бы выкристаллизоваться некая истина или хотя бы просто причина, объясняющая, почему человек, увы, способен бросить то, что у него есть. Бросить, даже не имея уверенности, что сможет найти что-то лучше. Конечно, люди не хотят верить, что уже имеют лучшее из того, что может быть. Они не готовы смириться с парой недостатков...

Но каждый из них продолжал витиевать вежливый разговор. Ярик пытался ненавязчиво узнать подробности и в меру допустимого повлиять. Митек старался уйти от ответов, так чтобы это не было слишком заметно.

– Так уж и всегда?! – не столько возразил Митек, сколько воспользовался возможностью увести разговор.

– Если ее нет, то это просто ты ее не знаешь. Или не осознаешь. Или не хочешь ее признавать, – рассуждал Ярик. – Так что, давай разбираться.

Ярик бегло махнул взглядом на своего пассажира и обратил внимание на его выражение лица. Митек не сразу ответил, а Ярик не стал сразу сбивать его с мысли.

– Может, не просто так, продолжил, наконец, Митек. – Может, все-таки какая-то мозаика, наконец, сложилась. Что-то словно щелкнуло, переполнилось, не знаю...

– Это ты где-то начитался парапсихологий всяких что ли?

И думаешь, что все стали другими?

– Ничего я не читал и ничего не думаю. Тем более обо всех. Говорю, как ощущаю. Я же говорю, самого пугает.

– Мне кажется, ты все-таки все очень далеко заводишь! А был ведь когда-то нормальным материалистичным археологом! – гы-гыкнул Ярик.

– Завожу? Не знаю... – выдохнул Митек. – Но зато я, наверное, теперь знаю другое...

Ярику пришлось посодействовать, чтобы Митек не перевел задумчивую паузу в разряд «ну, значит, можно и вовсе не отвечать».

– Да? И что?

– Когда зайдешь слишком далеко, оттуда уже кажется, что некуда возвращаться, – проговорил Митек, постепенно замедляя речь.

Снова тишину пришлось разрывать.

– Ну, и что теперь? Ты-то, я надеюсь, все-таки планируешь возвращаться? – многозначительно спросил Ярик, осознав, что ситуация все-таки не такая уж и простая.

– Да что теперь! Пойду седня куда-нить в кабак, – приободрился голосом Митек, – подцеплю бабочку какую-нибудь. Тебя, извини, не приглашаю! – улыбнулся Митек, намекая на известные обстоятельства.

– Ты пользуешься такими услугами? – удивился Ярик.

– А что делать? – удивился Митек. – Секса хочется чаще, чем общения с девочками.

– Ну, вы хотя бы разговаривали?

– Пробовали, – попытался сократить разговор Митек.

Ярик справился с очередным перекрестком, давая Митьку возможность самому передумать.

– А Нонна говорит, что не пробовали, – наконец разочаровал Ярик Митька тем, что разговор не закончился.

– А, так ты все-таки все знаешь! – зацепился снова Митек.

– Нет, Мить, не все, – с грустью сказал Яр. – Ну, что-то мне все-таки было дозволено узнать! Тамилка жалуется, что ты ей всегда что-то не договариваешь. Ей не просто тебя понимать.

– Неужели то, что я делаю, имеет меньшее значение, чем то, о чем я не говорю? – вспыхнул Митек? – Я тоже ее не понимаю!

... Что не так уж и редко бывает у людей. Параллельный разговор каждого с самим собой продолжался. Говоря о непонимании, можно предположить так же и нежелание понять. И в результате люди считают минусы, перевешивающих все преимущества. А их зачастую больше, но их заслоняет собственный эгоизм. То, что ему не нравится, он видит как под лупой с прожектором. А все остальное для него мелочи. И, конечно же, надежда, что где-то есть идеал, гонит человека на авантюру поисков. Эгоизм и надежда – гремучая смесь.

– Говоришь-то ты правильно, – одумался Ярик. – Но почему со мной? А ты ей об этом говорил?

– Не помню.

– Ну, так скажи!

Митек молчал, делая вид, что думает. А может и правда думал, Ярику, не имея возможности разглядывать собеседника, не удалось это понять.

– Или вы больше не встречаетесь? – настойчиво не давал закончиться разговору Ярик.

– Не встречаемся, – проугрюмил Митек.

– Позвони Тамиле, – отчасти советуя, отчасти командно предложил Яр.

Никак не заканчивавшийся разговор уже начал раздражать Митька. Но он не хотел переходить на резкости и грубости, и уже старался сдерживаться, понимая, что Ярик это делает не из худших побуждений.

– Я вынужденно подвергаю твою просьбу непониманию, – в своем духе ответил Митька.

– Ты хочешь, чтобы я позвонил? – не унимался Ярик.

Митек снова творил многозначительную паузу.

– Так я позвоню!

– Не стоит, – тихо, но все-таки прорвало Митька.

– Что значит не стоит? Ведь вы в самом деле подходите друг другу, что с вами произошло? – теперь вспыхнул Ярик.

– Я уже все рассказал, – выдохнул Митек.

– По-зво-ни ей! – давил Ярик

– Нет. Не буду, – лаконично закончил Митек интонацией, в очередной раз не предполагающей продолжения.

– Так значит, по девочкам? – неожиданно взял другую палитру настроения Ярик. – Ладно, поговорим еще о тебе и твоём поведении, – засмеялся он, – созвонимся.

Я сейчас сворачиваю налево. Тебе, я так понимаю, туда уже не надо. Тебя где здесь лучше высадить? – спросил Ярик, пытаясь перестроиться в правый ряд и одновременно поднять тон разговора.

– Да вот возле башни нормально будет. Я практически уже дома. Спасибо, что подбросил.

– Всегда рад! Ну, я тебе позже позвоню, поговорим еще. Имей в виду! Пока, дружище!

– Пока! Ты мне сегодня здорово помог!

*

Виолетта вернулась домой, где ей на встречу кинулось самое верное, после мамы, конечно же, существо в ее жизни. Виолетта сняла ботиночки с раскапризничавшейся по погоде дочки и, взяв ее на руки, направилась в комнату. Но разве можно пройти мимо глаз прождавшей весь день собаки? Виолетта погладила ее одной рукой по голове, потрепала холку и позволила облизать себе одно ухо. От мокрой щекотки она втянула шею в плечи.

– Ах, ты мое беспокойство! Обещаю, Бубён, сегодня я пойду с тобой гулять. – Бубён, стоя во весь рост на задних лапах, практически обнимал Виолетту, державшую на руках

дочь. – Да, мой белый. Я пойду, а не этот пузатый тихоход. И мы набегаемся с тобой, насколько тебя. . . – Виолетта поняла, что обещает, наверное, слишком много, – . . . насколько меня хватит.

Осторожно расстегнув уснувшей во время прогулки дочери легкую кофточку, и уложив ее в кровать, она устало упала в пружинящее кресло. Сию же минуту возле нее оказался Бубён. Виолетта набрала Ярика.

– Привет, Виолетта, – раздалось из трубки.

– Привет. Слушай, тебя шеф нашел? – спросила Виолетта.

– Да, нашел.

– Ничего, что я дала ему твой новый номер? Ему нужно было срочно, он решил, что быстрее объяснить все напрямую. Ты трубу не берешь. Он сразу мне звонить. Был уверен, что я тебя моментально найду.

– Нормально. Мы с ним уже обо всем договорились и все порешали, – успокоил ее Ярик. – Как дела у тебя?

– Все хорошо. У вас как? Вы давно не заходили к нам? Сами-то мы еще по гостям не ходим, а без гостей нам скучно.

– Да Ноннка тоже буквально недавно предлагала сходить к вам, – ответил Ярик. – Говорит, Пела, наверное, уже и ходить начала, а то и говорить!

– Ну, вот! Приходите! – обрадовалась Виолетта и тепло улыбнулась, что Ярик почувствовал эту улыбку на другом конце телефонного разговора. – Узнаете!

– Хорошо, как соберемся, мы обязательно вам позвоним,

чтобы не свалиться неожиданно на голову – пообещал Ярик.

– Договорились. Ждем тогда. Потом и поговорим обо всем.

– Хорошо! Давай, Виолетт!

– Привет Ноннке! – напоследок добавила Виолетта.

Отложив телефон, она посмотрела на скучающего у ног Бубена и улыбнулась ему.

– Что же с тобой делать? Иди ко мне, – сказала Виолетта и спустилась с кресла на пол. – Пелочка моя уснула. Я всех обзвонила. Теперь можно и с тобой побеседовать. – Пес облизал Виолетте ухо, руки и улегся возле, положив голову на колени и уставившись в глаза хозяйке.

«Сколько же в тебе преданности!? – подумала Виолетта. – И отчего вы так цените людей? Ведь мы, по сути, держим вас дома как игрушек, ради забавы. А вам ничего больше и не надо, кроме как внимания. А что мы? Мы зачастую не уделяем вам столько внимания, сколько вы хотите. Что-то ведь нас так связывает? Вот уличные собаки, и не скажешь, что они сильно привязаны друг к другу. Отчего ж вы так сильно привязываетесь к людям?»

Виолетта посмотрела в глаза Бубену.

– Да? Ты так считаешь? – задумчиво произнесла Виолетта. – Нет, белый. Я не бросила, не променяла тебя и не разлюбила. Просто у меня стало меньше времени даже по вечерам.

Зато у нас с тобой появились карапуз и... Что ты так на

меня смотришь? Между прочим, ты раньше спал возле меня, а теперь спишь возле Пелы. Я же не обижаюсь на тебя?! Да! И толстопуз появился. Тот самый, который с тобой гуляет иногда аж по два часа. Когда я так долго с тобой гуляла? Я всегда допоздна работала, – вздохнула Виолетта.

Хм, толстопуз..., – улыбнулась она. Пес вопросительно посмотрел ей в глаза. – Хотя ты, Бубён, и называешь его толстопузом, – возразила Виолетта, – но поверь мне, это не ленивое бремя, это плотный живот, под стать крепким рукам и спине. Ты бы на себя посмотрел. Хочешь сказать это еще после зимы?

И она сама усмехнулась тому, что это, якобы, Бубен называет Герасима толстопузом.

– Скоро, кстати, – обратилась она к жарко дышащей у колен собаке, – снова на работу. Шеф не хочет еще один сезон работать с моей заменой. Правда он пока не знает, что я выйду, а потом, надеюсь, снова уйду.

Конечно, – продолжала Виолетта разговор с псом, – а то Пелагея подрастет, чей сон ты тогда будешь охранять? Еще к нам приедет бабушка. Помнишь ее?

Бубён поднял глаза и грустно опустил.

– Ты больше любишь гулять со мной? Они не любят с тобой бегать? Зато толстопуз далеко бросает палку! Ты же помнишь?

Бубён снова поднял взгляд, как бы поддерживая беседу.

– Ну, и что, что его зовут Герасим!

Пес облизнулся.

– Вот, я знаю, что ты его тоже любишь! Как и я, – заключила Виолетта. – Ты тоже считаешь, что он хороший? – Виолетта улыбнулась Бубену. – Да ты мой хороший, спасибо тебе. Ты меня и раньше всегда понимал, и теперь. Теперь я буду совсем уверена, что все сделала правильно. Или что он все сделал правильно? – Виолетта немного ушла в себя.

Пес мирно прищурил глаза, встречая взгляд Виолетты, и прижал посильнее голову к коленям хозяйки.

– Ты на прогулках защищаешь его так же, как и меня? – словно не расслышав пса, переспросила Виолетта. – Какой ты умничка!

Виолетта прижалась лицом к голове собаки. Зашурудил дверной замок.

– А вот, кажется, и он.

Бубён поднял голову, и даже как будто хотел бежать, но и оставить хозяйку, видимо, решил, что не совсем хорошо. Он тонко заскулил, не то оттого, что приходится выбирать, не то, упрекая Виолетту, что та не торопится встречать.

– Ну, беги, Бубён, белоснеж. Встречай, – разрешила Виолетта, стараясь подняться. – Я тоже иду. Только тихо, Пелочка спит.

*

У Ярика дома было не так спокойно. Подрастающее поко-

ление занимало пространство не пропорционально ни своему возрасту, ни воздухоизмещению. Придя домой, Ярик с трудом смог добраться по минному полю до спальни.

После продолжительных боев за разминирование квартиры Глеба удалось уложить спать. Нашлось время и поговорить.

– Нонн, что там Тамилка? – начал не совсем издалека, но и не сразу напрямик Ярик.

– Сумбурно периодически истерит, – ответила Нонна, словно как о слегка надоевшей новости.

Даже такое мимолетное пренебрежение в интонации немного удивило Ярика, но Нонна ощущала ситуацию немного иначе. Они по-бабски много уже чего перешуршали на эту тему, но Тамилка по каким-то причинам не прислушивалась к советам подруг. И у Нонны просто уже опускались руки от своей беспомощности.

– Не помирились?

– Вроде нет. Если б помирились, я надеюсь, я знала бы, – убеждала себя Нонна в глубине их с Тамилкой дружбы.

– Тамилка чем-то объясняет эту разбежку? – продолжал Ярик, не слишком явно демонстрируя интерес к вопросу, прихлебывая чай и ковыряясь чайной ложечкой в блюде.

– Она заявляет, что-то типа «у нее закончился бисер», – эмоционально, рисуя руками в воздухе эфемерные чертополохи, объяснила Нонна. – Что это значит? – она окончательно развела руками. Ярик непонимающе нахмурил брови. –

Она ругалась на Митьку свинтусом за некоторые его выходы. Особенно когда они ссорились. Я так поняла, что какая-то вот такая здесь аналогия.

– Странная аналогия. В чем же Митек прям такой уж свинтус, интересно? – задумался Ярик. – Я чего-то за ним не замечал?

– Не всё, на что жаловалась Тамилка, я бы назвала свинством. Но может мы все-таки не все знаем? – продолжила рассуждения Нонна. – А, собственно, что? – теперь уже проснулся встречный интерес у нее так, что аж ложка остановилась перед губами.

Если мужчина задал больше одного вопроса на одну тему, то это уже не праздное любопытство! Эту мысль каждая женщина даже не думает. Она ловит ее подсознательно.

Ярик дальше не стал блуждать кругами.

– Организуй им как-нибудь тонко случайную встречу. Я не смогу так, как это умеете вы, – он жестами и интонацией дал понять, что это скорее женский талант.

– Зачем? – заиграла глазами Нонна.

– Ну, пускай встретятся, может еще наладится что... – Ярик надеялся, что такого простого объяснения будет достаточно.

– Нет, нет, нет! Так не пойдет! – Нонна понимала, что в этой партии козыря у нее на руках. – Ты меня просишь о чем-то, и не хочешь, чтобы я знала, что ты задумал?

Ярик не очень ожидал, что дознание будет на столько обя-

зательным.

– Говори. Го-во-ри! – напирала Нонна.

Ярик еще отмалчивался.

– А вдруг это не очень удачная затея. А я женской интуицией это смогу почувствовать, – она улыбнулась несколькими улыбками сразу: доброй, искренней, ласковой, слегка обольстительной, полной надежды...

Но взглядевшись в глаза Ярику, она поняла, что есть женские штучки, а все-таки есть и мужские штучки, и Ярику, конечно, не хотелось бы о них говорить. Но это же не повод ей о них не знать!

– Яр, ну, пойми. Если я буду знать, зачем это, я смогу аккуратнее все устроить, не ляпну ничего лишнего, или как-то подготовлю Тамилку...

Ярик терпел свое молчание. А ее женское любопытство сильно расстроилось, и это не могло не отразиться на бровях, губах и других чертах лица.

Осознанно они это делают или нет, не имеет значения. Факт в том, что у женщин всяких штучек больше!

Ярик капитулировал. Но не полностью.

– Он хочет ей что-то сказать, – многозначительно произнес Яр с интонацией, что, мол, нам и не нужно знать, что именно, это их дело. – Пускай они встретятся и поговорят.

– Что он ей хочет сказать? – маленькая победа воодушевила Ноннку.

– Нонн, ну не надо. Я и сам не знаю, – Ярик понял, что

его интонации не помогли.

– Это он тебя попросил о встрече?

– Нет. Я хочу попробовать дать им шанс поговорить. Он должен ей сказать.

– Ты же знаешь, я так не могу, мне хочется знать.

– Зачем тебе знать, что думают мужчины?

– Тамила, моя подруга! И я хочу знать, что ей хотят сказать. Ей и так плохо!

– Нонн. Я правда не знаю. Я хочу устроить им встречу.

– Яр, я сейчас надуюсь, – сгустила брови Нонна.

– Ой, мне так нравится, как ты это делаешь, – улыбнулся

Ярик. – Я только ради этого и выдумал всю эту историю.

– Что? Правда что ли? – вспыхнула Ноннка. – Я тебе шас как что-нибудь выдумаю!

– Тихо, тихо. Шучу. Правда, Нонн, устрой им встречу. Хуже не будет. А на нас они, надеюсь, не обидятся.

Имилот Вейтел бережно раздвинул в стороны разрастающиеся тонкие плети тепатии, которая по замыслу садовника обязательно должна была преобладать в его кабинете, так чтобы листы партнерских соглашений с глобатиатами были хорошо видны. Вейтел считал, что они должны быть на виду, когда к нему заходят посетители. И он никогда не дожидался, когда садовник наведет порядок в кабинетных зарослях.

На глаза Вейтелу попался партнерский лист с тандемом Манкоа, и он вспомнил, что совсем скоро Манкоа начнет поставки новой продукции, разработанной совместно с его родным университетом Пианс. Он снова почувствовал гордость за работу своих коллег и выпускников и одновременно ощутил ту ответственность, которая ложится на университет при внедрении новой технологии.

Он подошел к окну и остановился. Перед его глазами мгновенно пролетел весь тот огромный путь, который они проделали, чтобы достичь этого почетного сотрудничества с одним из ведущих глобатиатов. Он вспомнил тот первый курс, в рядах которого был Деш, который теперь вот-вот получит звание имилота. Он вспомнил, как давно Деш запускал тот самый первый тестовый носитель своего принципа. И как упорно Деш запускал его снова и снова, добиваясь стабильности. Он вспомнил доклад Деша, который проводил-

ся на столь необычных новых линиях. Собственно, благодаря этому лигат, коих Вейтел видел не мало, особенно запомнился ему. Он и сам тогда впервые посетил новую линию.

Вейтелу даже захотелось снова увидеть новые линии и тот лигат. Он вник в информационный тон и позволил воспоминаниям взять себя на время в плен:

Новые линии существенно отличались от старых. Существенным, но не единственным, отличием было малое количество растительности. Ее завозили со старых линий, и постепенно она распространялась. Но на это требовалось время. Поэтому в текущем своем состоянии новые линии были очень экзотичным местом.

Однако, несмотря на экзотичность, сюда летели неохотно. Ни временно, на такие мероприятия, как лигат, ни на постоянно. Причиной этому были непривычные короткие асаны и арияды, и, как следствие, разорванные промежутки отдыха. К ним нужно было приспособливаться. Но большинству из тех, кто приспособился к местным условиям, здесь все очень нравилось. В том числе и сами короткие арияды. Они уже напротив неохотно покидали новые линии даже на непродолжительные сроки.

Местом проведения лигата организаторы выбрали именно новую недавно запущенную линию. Это было сделано по нескольким причинам.

Во-первых, здесь было проще найти свободную подходящую площадку и договориться. Даже скорее договариваться

не пришлось. Преферат линии с радостью предоставил территорию, так как подобные мероприятия привлекали большую аудиторию, а это могло способствовать популяризации новой линии.

Правда, могло случиться так, что большая часть участников решили бы принять участие в лигате удаленно. Организаторы, однако, приложили немало усилий, чтобы заинтересовать участников лигата, как слушателей, так и докладчиков, присутствовать на лигате лично. Вниманию посетителей предлагались удивительнейшие принципы, которые уже были в завершающем этапе разработки или напротив были только на стадии концепции, новейшие гоны, которые еще не вышли в серию. Можно было не только посмотреть на них снаружи или внутри, но и полетать. Экспонатов было много. Но самые интересные по регламенту планировалось открыть после научной части лигата. Чтобы зрители, получив необходимые сведения, могли с большим пониманием оценить их и понять суть нововведений.

Во-вторых, скудная растительность здесь была не только экзотикой, но и преимуществом – огромные совершенно свободные от препятствий площади позволяли свободно размещать и перемещать объекты любых размеров.

В-третьих, на этой новой линии и только здесь можно было найти почти уникальное место, позволявшее организовать круглоконжонную выставку, с которой посетителям не было бы необходимости уходить на отдых. Они могут быть

зрителями, отдыхая, заряжаясь энергией Сиклана постоянно. Это неоспоримое преимущество наклонных линий, где может быть светло весь арияд, а асаны как таковые отсутствуют, так как свет Сиклана очень редко заменяется тенью Асаны.

На первую, выставочную, часть лигата тогда отводилось три арияда. Посетителей было много. Это, даже учитывая, что ученая аудитория в большинстве своем объявилась ближе к началу второй, научной, части, на которую так же отводилось три арияда.

Деш тоже смог тогда прилететь только к пятому арияду лигата, на который был назначен его доклад. Он взял с собой детей.

«Вряд ли им будут интересны доклады. Но они могут их не слушать, а пойти и осмотреть всю выставку. Поэтому совсем не обязательно лететь на выставку к ее началу», – рассуждал тогда Деш.

*

Префер лигата объявил:

– Следующий докладчик выступает по теме, которая становится все более и более актуальной в последние два десятка циклонов. Эта тема все активнее вплетается в нашу обычную жизнь. Все чаще среди нас мы видим результаты исследований по ней. Эти самые результаты весьма разнооб-

разны. Мы пользуемся ими. Они облегчают нашу обычную жизнь, помогая в рутинных делах. По какому бы принципу они не функционировали, они стали незаменимыми нашими помощниками. Речь пойдет об ИААИ системах – искусственных автономных автоматизированных либо интеллектуальных системах. Докладчик по теме финансист университета Пианс второй линии Деш.

Деш встал со своего места в первом ряду, поблагодарил префера за представление и, поприветствовав присутствующих, вышел в центр зала.

– Итак, – начал он. – Мой доклад носит название «Принцип 714 Сарбо». Оно в данный момент высвечено на первом слайде вместе с планом доклада. В первой части доклада я опишу научные основы и примененные подходы в построении данного принципа. Во второй части расскажу о развитии принципа и о полученных результатах. Третья часть – это традиционное активное обсуждение с вами. Скажу сразу, что это предпоследний слайд в моей визуальной презентации. Результаты исследований, проводимых нашей лабораторией настолько разнообразны и многомерны, что их трудно представить в виде звуко- или видеоряда. Поэтому прошу вас сразу настроиться воспринимать информацию в синхроне.

«714 Сарбо», так мы называем наш принцип, это химико-электрический принцип, построенный на основе элемента сарбо порядковый номер 714. В принципе «714 Сар-

бо» мы использовали только одну из семи устойчивых модификаций элемента сарбо. Еще три устойчивых модификации образовались в условиях принципа самостоятельно. Так же там образовалось около двух десятков неустойчивых модификаций. Но это ничтожные количества. Так что можно считать принцип «Сарбо» основанным только на элементе 714 модификации 6. Конечно, используется много других элементов, но конструктивно основным является названный. На основе сарбо формируются все базовые структуры. Остальные элементы, а некоторые могут даже использоваться в большем объеме, являются дополнительными, так сказать, наполнителями, так как не формируют базовых структур непосредственно принципа. Но могут являться важным условием стабильного существования.

Как вам известно, это не первый химио-электрический принцип. Их было несколько, и два из них получили широкую известность. Последний, правда, закончился неудачно. Но первый из упомянутых даже был внедрен. И каждый арияд рядом с собой мы встречаем устройства, реализованные по этому принципу. В своей сфере они очень хорошо себя показывают, но они довольно узко специализированы, так как не могут самостоятельно адаптироваться к новым условиям и к новым задачам. Именно этот пробел мы старались устранить, как главный недостаток технологий прошлых поколений.

В принципе «Сарбо» мы использовали несколько новых

подходов. Во-первых, это жесткий каркас. Сама идея жесткого каркаса не нова, но в нашем принципе каркас так же химический. Он не является внешней составляющей экземпляра принципа. Каждый экземпляр формирует его себе сам.

Во-вторых, это система синхронизации всех процессов принципа. Каждый экземпляр принципа имеет свою независимую систему регуляции. Даже в случае нарушения одного процесса, по внутренней, по отношению к экземпляру, причине или внешней, эта система позволяет ему временно адаптировать все параллельные процессы к сбойному. Одновременно с адаптацией запускается процесс восстановления параметров сбойного процесса. Такой подход позволил добиться высокой устойчивости экземпляров. Они способны не только поддерживать себя в равновесии, но и точно таким же образом адаптироваться к изменениям внешней среды.

В-третьих, это аналогово-электрическая система внутреннего информирования и интеллекта. Хотя технически это одна система, но логически в ней можно четко выделить две обозначенные части. Первая – это система внутреннего информирования, которая интегрирована с системой синхронизации процессов и, по большому счету, управляет ей. И вторая – это собственно система интеллекта. Эти две системы в штатном режиме функционирования экземпляра в среднем на девяносто восемь процентов независимы. То есть силой интеллекта экземпляр практически не имеет возможности разбалансировать свои процессы и уничтожить себя.

Но даже в тех двух процентах цепей информирования-синхронизации, которые могут управляться интеллектуально, в случае возникновения самоугрозы включаются защитные механизмы обратной связи, а так же блокировки интеллекта.

Принцип относится к категории способных к саморепликации. Это позволило нам провести весьма продолжительный эксперимент без вмешательства.

В принципе реализованы не все средства коммуникации, доступные нам. Экземпляры принципа могут воспринимать как информацию только звук и свет. И то и другое в несколько более узком диапазоне, чем способны мы.

Передавать непосредственно, то есть без использования посторонних объектов, они могут только звук. Спроектированный новый звуковой модуль позволяет достичь довольно широкого диапазона. Это обеспечивается тем, что хотя физически модуль имеет всего один источник звука, но он работает в четырех режимах. Фактически звук на всем диапазоне получается не однородным, то есть мы имеем четыре регистра.

В редких случаях для передачи информации они используют отраженный от себя свет, но данный способ менее эффективен. Всего реализовано семь систем восприятия информации. Но остальные призваны, скорее, обеспечить адекватное восприятие среды, чтобы ориентироваться в ней, нежели, как источник собственно данных. Таким образом, есть одна система коммуникации, полностью не до-

ступная принципу. Поэтому принцип удовлетворяет требованиям безопасности.

Свои слова Деш подкреплял, синхруя дополнительно для всей аудитории выкладки и выжимки из продолжительных наблюдений за принципом.

– В заключение первой части доклада хотелось бы подчеркнуть одну особенность принципа, имеющую важное прикладное значение и, по нашему мнению, относящуюся к важным преимуществам, которое может влиять на решение о внедрении принципа. Экземпляр принципа не может существовать без четкой цели. При ее отсутствии, что случается крайне редко и считается ошибкой, у экземпляра снижается интеллектуальная активность, заинтересованность в поддержании себя в работоспособном состоянии, производительность. Начинается поиск фальшивых целей. В ряде случаев встречаются попытки заглушить процесс поиска цели. В худшем случае начинается деградация. Несмотря на то, что инициализация цели экземпляра – это достаточно тривиальная техническая задача, цели, сформированные без внешнего вмешательства, сильнее. А чем сильнее выставлена цель, тем большую производительность показывает принцип. Цели можно устанавливать совершенно различные, что обеспечивает весьма широкий круг применения принципа.

Деш выдержал небольшую паузу, позволяя слушателям осознать синхруемые им примеры применения принципа, удивляя при этом их реалистичностью, живостью и деталь-

ностью моделей. Только позже Деш сообщил, что это были не модели, а реальные кадры опытного образца принципа.

– Если есть вопросы по технической стороне принципа, – продолжил он, обозначая завершение первой части доклада, – прошу, задавайте.

Публика была представлена не только понятливыми учеными, но и дотошными, возможно, представителями конкурирующих кругов.

– Хотелось бы поточнее узнать, какие способы коммуникации не доступны в принципе «714 Сарбо»?

– Им практически не доступны вникновение в информационный тон и полностью не доступен синх. При обсуждении концепции нашей безопасности в условиях внедренного принципа, именно последний способ коммуникации мы сразу решили исключить из объема проекта. Он не реализован технически. Способ коммуникации через информационные тоны можно считать им тоже не доступным. Здесь причина проста. На элементе сарбо пока не разработана эффективная технология для построения такого рода коммуникационного модуля. Но мы не стали отказываться от этой темы совсем. Мы разработали свой прибор, и он был внедрен в принцип. То есть физически принцип имеет модуль, позволяющий ему оперировать тонами, но его эффективность мала. По нашей оценке много меньше эффективности, скажем, звукового модуля. Для сравнения у нас эффективность звуковой коммуникации, хотя она и является наиболее про-

стой и удобной, в районе тринадцати-девятнадцати процентов от того информационного потока, который можем получить через информационный тон, но, тем не менее, мы тоже преимущественно используем этот способ общения. Фактически получилось, подавляющее большинство экземпляров принципа «Сарбо» не способны интерпретировать данные, которые может воспринять модуль из-за недостаточной четкости. Аналогично дело обстоит и с передачей информации этим способом. Лишь некоторые экземпляры могут сознательно использовать этот канал связи. Остальные же используют его в незначительной степени на неосознаваемом уровне.

– Вы говорили о двух подсистемах: внутреннего информирования и интеллекта. Они на девяносто восемь процентов независимы, а за оставшимися двумя следят механизмы обратной связи и блокировки. Можем ли мы понимать это как то, что экземпляр на сто процентов защищен от сознательного самоуничтожения? И даже если ему будет дано указание уничтожить себя, он не сможет этого сделать?

– Нет. Полной защиты не существует. И в процессе нашего эксперимента случаи саморазрушения наблюдаются, хотя и в ничтожных количествах. Надо так же отметить, что в подавляющем большинстве означенных случаев разрушение производится не с помощью сознательного подавление какой-либо из систем самого экземпляра, а все-таки с помощью посторонних предметов. Зачастую экземпляр ставит се-

бя в такие условия, в которых, спустя некоторое время, авторазрушение становится неотвратимым.

Первая серия вопросов была непродолжительной. Деш собрался с мыслями и перешел ко второй части.

– Ну, что ж, – продолжил Деш. – Теперь перейдем к рассмотрению вопросов развития принципа.

Принцип был размещен на носителе, способный выжить в его условиях благодаря заложенным на уровне подсознания автоматическим реакциям. Условия на носителе подобны нашим: атмосфера, давление и другие параметры. Это логично, ведь внедрение принципа планируется в наших условиях. Значит, и тестировать его нужно в таких же. Основное отличие – это однонаправленная центральная гравитация.

Структура принципа уже на старте была неоднородна. Два процента форм были когнитивно-способными. Девяносто процентов форм можно отнести к низшим и примитивным формам. Оставшиеся восемь процентов – это промежуточные формы. Для эксперимента результативно-значимыми были упомянутые два процента форм. В их числе и исследуемая нами форма А, так сказать ключевая, отличающаяся от остальных когнитивно-способных бóльшим потенциалом некоторых модулей, связанных с когнитивными возможностями.

Количество форм со времени запуска проекта сильно увеличилось за счет адаптаций и смешений форм. Форма А несколько изменилась внешне, но в целом сохранилась, хотя

от нее так же образовалось несколько менее развитых субформ. Интересно, что сам принцип считает себя напротив произошедшим от них.

Форма А задумана как универсальная. Остальные – узкоспециализированные. К их числу так же следует отнести и образовавшиеся субформы формы А, которые в результате своего развития, оказались заточенными на ограниченный набор функций, связанных с жизнедеятельностью, но выполняемый с большей эффективностью.

В дальнейшем я буду говорить только о результатах развития упомянутой формы А.

Заселение на носителе было точечным. В данный момент, говоря о носителе, я имею в виду не целиком носитель, а только выделенный твердый объект с подогнанными условиями, то есть непосредственный субстрат. На нем принцип был размещен в оптимальной зоне. Принцип практически сразу стал стремиться расширить свой ареал. И это не было обусловлено ростом численности. Скорее это было желание обособиться, отличиться от других. В результате у них сформировались понятия «свое» и «чужое». И как следствие стремление обособить свое имущество от других. Но наряду с обособлением появилась необходимость объединения в группы. Причин две: необходимость общения плюс невозможность в одиночку охранять имущество и заниматься чем-либо еще.

Таким образом, принцип разделился на группы. Со вре-

менем они изолировались друг от друга в том числе и территориально на столько, что перестали общаться. Группы стали развиваться по-разному: с разной скоростью, с разными приоритетами, с различными подходами. Кроме этого с ростом численности возникло деление на более мелкие формально независимые группы, зачастую взаимоисключающие, что выражалось в деятельной активности.

Следующим этапом развития стало возникновение обратной тенденции к объединению групп. Это совпало с ростом развития, отчасти им и было обусловлено. И, по-видимому, им же стало стимулироваться.

Само развитие шло неравномерным темпом. Чем больше знаний было накоплено, тем больше новых фактов открывалось. В данный момент мы наблюдаем существенный скачок в развитии. Сейчас они уже смогли покинуть пределы субстрата. Наблюдают за околосубстратным пространством, уже не только глазами. Для сравнения, всего один процент всего своего времени развития назад они только пытались строить механизмы для передвижения без использования живой силы. А шесть процентов времени назад они еще даже не догадывались о существовании электричества. Развитие так ускорилося, что нам пришлось понизить плотность времени на носителе, чтобы иметь возможность контролировать процесс с большей точностью.

Принцип в процессе развития показал себя как устойчивая форма, способная адаптироваться в широком диапазоне

к изменениям внешних условий не только физиологически, но и стратегически, самообучаться и поэтапно находить решения возникающих задач любой сложности. А это главная цель, которую мы хотели достичь. Именно эта способность делает принцип универсальным.

Прошу ваши вопросы, – завершил свою речь и обратился к аудитории Деш. Желаящие что-то уточнить нашлись сразу.

– Вы упомянули о существенном скачке в развитии принципа в последние несколько обиторов. А какие-то специальные меры принимались, чтобы ускорить их развитие?

– В процессе эксперимента никаких дополнительных мер мы не принимали. Мы строили когнитивный принцип, и нам было важно оценить их предел познания себя. Поэтому никакой информации сверх той, что осталась на носителе изначально, мы не давали. Принцип развивается абсолютно самостоятельно. Но изначально мы создали существенное разнообразие форм, сосуществующих в едином носителе. Считаем, что именно такое разнообразие, возможность его наблюдения и изучения, позволило принципу снова и снова выходить за пределы очередных границ развития. Мы только исправляли конструктивные ошибки и производили конструктивные доработки, внося точечные изменения. Значительная часть наших исправлений закрепились, повысив стабильность экземпляров, унаследовавших эти изменения.

– Некоторые из принципов в своем развитии формируют

феномены. Больше всего широкой общественности запомнился забавный феномен обратной возрастной субординации из принципа Хаита. Он был настолько удивителен и интересен, что даже перешел в наше общество, хотя и в несерьезной форме. А были ли отмечены какие-либо феномены в принципе «Сарбо»?

– Да. Были. Наиболее ярких феномена два. Один из них, принцип называет его «семья», заключается в том, что они объединяются в устойчивые маленькие группы, чтобы осуществлять репликацию. Очень интересно, что данный феномен сформировался у многих форм. Второй феномен они называют «вера». Но о нем пока не хотелось бы говорить подробно. Едва ли он будет интересен с точки зрения перехода в наше общество, хотя потенциал его прикладного применения нам кажется существенным и основополагающим.

– А как вы прокомментируете информацию о существенном снижении коэффициента устойчивости и развития принципа?

– К сожалению да. Этот аспект отмечался в прежних обнародованиях. Как большинство химических принципов, «714 Сарбо» так же в своем автономном развитии проявляет тенденцию к снижению коэффициента устойчивости и развития. В нашем случае это снижение весьма велико. И при этом, к сожалению, этот коэффициент показывал на протяжении всего эксперимента исключительно негативную динамику, то есть с ростом уровня развития снижался потенциал

устойчивости. Но я подчеркиваю, это в условиях автономного развития. Нам хорошо известны причины этого. Одна из главных – это обратимость некоторых химпроцессов. Построить химический принцип, исключив такие процессы, невозможно.

– Сейчас, я слышал, они уже не так далеки от критического значения коэффициента, когда им придется бороться за сохранение себя.

– Это тоже верно. Форма А была задумана как двигатель развития, она наиболее способна изменять среду, все остальные формы адаптируются под нее. Но развитие почти загнали в тупик определенные интересы некоторых экземпляров. Их количество оказалось очень ограничено. Хотя, если анализировать в общем... Общество формы А пришло в такое состояние, что если любой экземпляр оказался бы на месте тех некоторых, то он действовал бы так же как они. Скорее некоторые были бы исключением из этого.

– Вам удалось определить причины этого?

– Да. В основе явления лежит стремление к выживанию. В ряде случаев оно приобретало гиперформу.

– Вы планируете как-то препятствовать этому?

– Нет. Тестовый носитель не имеет прикладного значения. Поэтому его развитие никак не будет корректироваться, – уверенно ответил Деш.

– За продемонстрированными цифрами, особенностями и успехами в Вашем докладе не нашлось места изображениям

самого принципа и субстрата. Это связано с секретностью или отсутствием материалов?

– На самом деле изображение субстрата уже было продемонстрировано. Вращающийся голубовато-белесый шар, на фоне которого демонстрировались все цифры – это и был субстрат, его макро вид. Более детальные изображения, конечно же, имеются. Поскольку возник этот вопрос, предлагаю их посмотреть. Снова в формате синхрона.

Деш сам вошел в соответствующее состояние и ощутив в синхроне всю аудиторию начал вещать.

Во время демонстрации первого слайда присутствующие оказались на песчаном побережье Атлантического океана. Дул легкий теплый ветер. Солнце клонилось к горизонту, на фоне которого играли дельфины. Деш комментировал материалы:

– Здесь снята местность с наиболее благоприятными условиями для существования принципа. Подобные виды ассоциируются у принципа с отдыхом, романтикой. Форма А принципа на данном изображении отсутствует. Здесь представлены преимущественно статичные формы, относящиеся к восьми процентам ранее упомянутых промежуточных форм. Это растения. Если приглядеться, то в песке можно так же разглядеть некоторые подвижные формы. Так же здесь представлена одна из немногих выживших когнитивных форм. Обратите внимание на горизонт левее от звезды. Это дельфины.

Какое-то время публика переговаривалась между собой, обсуждая изображения принципа. Деш проецировал слайд с разных сторон, то позволяя всем лучше услышать плеск волн, шум прибоя, крики птиц, то позволяя лучше разглядеть мелкие детали.

– А за счет чего форма Дельфины так легко и быстро может оказываться под поверхностью субстрата и выходить изпод нее? – последовал вопрос.

– Это не особенность формы. Это особенность поверхности. Я уже упоминал о центральной гравитации субстрата. Благодаря в том числе и ей, большая часть парообразной воды сконденсировалась и охладилась. Жидкая вода покрыла всю поверхность субстрата. И только высокие его части выступают на поверхность. Преодоление поверхности воды в обоих направлениях не сложно и не опасно для принципа. Аналогичные условия встречаются и у нас, но не часто. Дельфины живут в воде. Попробуйте сейчас сами. Вы легко сможете сделать то же, что и дельфины.

Тем, кто попытался это сделать, Деш передал соответствующее ощущение: прохлады и легкости проникновения. Тем же, кто не решился подойти к воде ближе, оставалось наслаждаться податливостью теплого песка. Деш при этом продолжал:

– Плотность воды ниже плотности твердых тел. В ней можно свободно передвигаться, – пояснил Деш, и, подождав еще немного, предложил: – Полагаю, можно перейти к сле-

дующему виду.

Слушатели оказались в похожем месте, но было жарче, на аналогичной песчаной полоске, граничащей с водой, было много людей. Полоса располагалась вдоль крупного стациона. Было видно много высоких зданий, нижние ярусы которых утопали в зелени, а верхние слепили блеском. Аудитория получила возможность снова походить по песку, более крупному, чем на предыдущем слайде, поразглядывать все вокруг: людей, их вещи. Кто-то пробовал песок на ощупь и сыпал его сквозь пальцы, другие все-таки решались зайти в воду и брызгались ей так же, как люди, за которыми они наблюдали. Только люди не видели ни этих брызг, ни тех, кто их делал.

– Здесь вы можете видеть саму форму А, – продолжал комментировать Деш, – в ее среде обитания.

Но последовал вопрос.

– Вы говорили об априорной целеустремленности людей. Но здесь трудно сказать о большинстве из них, что они что-то конкретное делают.

– Вы правы. И Вы правильно обратили внимание, что это только большинство из них, но не все. Здесь мы наблюдаем место и способ отдыха. Так многие люди любят проводить свое свободное время.

– Как вы можете прокомментировать или даже обосновать внешний вид формы А? Почему они сделаны именно такими? Почему такими похожими на нас?

– Едва ли есть смысл специально изобретать революцию, чтобы потом ее все испугались. Очевидно, что все подобные проекты строятся с целью в результате быть внедренными. А значит, экземпляры наших принципов будут постоянно находиться среди нас. А нам должно быть комфортно, когда они будут находиться рядом с нами. Поэтому форма А во многом напоминает нас: по строению тела, размерам, внешнему виду, функциональным возможностям. Многие из остальных форм так же в чем-то были скопированы с наших.

*

Доклад, сделанный Дешем на лигате, тогда широко обсуждался и в научных кругах, и в прессе, и среди глобатиатов. Именно после него в университет и к Дешу поступило огромное количество обращений за дополнительной информацией с просьбами продемонстрировать.

Вейтел так же вспомнил, как после лигата Деш приходил к нему и просил в помощь его команде направить первокурсников, чтобы организовать официальный стенд принципа, обнародовать там все известные и необходимые потенциальным глобатиатам и будущим потребителям данные и осуществлять его дальнейшую поддержку.

Именно вскоре после лигата университет Пианс от нескольких глобатиатов получил предложения о внедрении

принципа, которые, конечно, стоило понимать как предложения о рассмотрении внедрения. Но все-таки это означало, что пришло время подводить итоги и принимать решения.

Впрочем, к тому моменту Деш уже сам неоднократно говорил об этом имилоту Вейтелу.

Вейтел вспомнил, как почувствовал, что настал момент, что, имеются подтверждения в заинтересованности со стороны глобатиатов, как он созвал совет по данному вопросу. А перед совещанием он готовился, просматривал имеющиеся материалы по принципу, в том числе и доклад Деша на лигате.

*

В отличие от имилота Вейтела, Дешу не было нужды тогда вспоминать собственный доклад. На совете он бы во всеоружии и уверенно обратился к Вейтелу:

– Имилот, считаю, что результаты эксперимента с принципом «Сарбо» положительны, и уже настало время думать о непосредственном внедрении.

– Согласен, – ответил флегматичный Вейтел. – Ты, наверное, уже даже рассмотрел всех глобатиатов, которые заинтересовались принципом?

– Скорее не рассмотрел, а присмотрелся. Единственно, мое мнение таково, что у нас нет необходимости в сотрудничестве с глобатиатами? Мы можем самостоятельно обес-

печивать производство и подготовку навыков под любые задачи. Принцип является самореплицируемым, специальные технологии нам не потребуются. Все производство будет заключаться в построении отдельного носителя.

Сказанное выглядело весьма смело, очень удивило тогда всех присутствующих и заставило задуматься.

– Есть несколько вопросов, пожалуй, – прекращая небольшую паузу, произнес имилот Сайкон, – с которыми нам будет справляться сложно, так как мы не имеем в этом опыта и соответствующих мощностей. Например, продвижение, доставка, обучение. Я имею в виду обучение не экземпляров принципа, а пользователей.

– Для пользователей, допустим, будет достаточно инструкции, – предположил Лешаль, один из присутствующих научных сотрудников, как и Деш недавний финант университета.

– Отлично! Тогда как быть с изданием инструкций, – ответил Сайкон. – Университет не располагает типографией для массового тиражирования.

– Мы можем поместить инструкции в информационном тоне, – предложил Лешаль, развивая свою мысль.

– Это дурной тон! Все-таки удобнее иметь под рукой осязаемый экземпляр руководства.

– Кроме того, у нас нет складов, – продолжил Вейтел перечень задач, которые придется решать.

– Склады не потребуются, – ответил Деш. – Складом бу-

дет сам носитель. Готовые экземпляры вполне могут существовать там неограниченное время. Ну, на самом деле ограниченное сроком жизни экземпляра, – уточнил Деш. – Покупатель может выбрать любого. Нам потребуется не более конжона, чтобы изъять его оттуда и подготовить к продаже.

– Не более конжона! – подчеркнул Вейтел. – А если заказчик не может ждать даже одного конжона. Прибавьте еще к этому времени гонировку. На какую-нибудь новую линию. Хотя..., – задумался Ветел.

Он догадывался, почему Деш предлагает избежать работы с глобатиатами. Но нужно отчетливо представлять себе задачи и свои возможности.

– С новыми линиями, – продолжил он, – может, даже проще, они быстрее вращаются. А вот, например, на двенадцатую, в противофазный сектор! Время может оказаться неприемлемо большим для заказчика. А склады организовать мы не сможем, как и оперативную гонировку. И вообще подобные задачи не специфичны для нас, как исследовательского и образовательного учреждения. Кроме того, это даже нарушение регламента деятельности университета.

– Ну, с точки зрения целевого регламентирования, – сказал Сайкон, – университет имеет право заниматься научными работами, в число которых входит и построение носителей. Мы не ограничены в использовании результатов, которые можем получить с этого носителя, даже если это не разовый, а постоянный и глобальный процесс.

– То есть, мы имеем право участвовать в процессе производства, если оно является сложным научным процессом, требующим аналитического контроля, – заключил Деш.

– Это да! А издательство, – парировал Вейтел, – доставка и складирование не являются такими процессами.

– Кстати, о складировании, – спросил Лешаль. – Нельзя утверждать, что нужно совсем не много, чтобы его обеспечить? Экземпляр ведь не может существовать неограниченное время автономно.

– Не может, – ответил Деш. – Он требует обслуживания. Либо условий, в которых он сможет себя обслуживать сам. Плюс, естественно, необходимо питание.

– Вот еще одна причина, по которой нам необходимо сотрудничество с глобатиатами, – заметил Вейтел. – Это производство и распространение питания.

– Они могут употреблять обычную нашу пищу, – добавил поспешно Деш.

– Могут – это хорошо! Но будет ли она наиболее оптимальной, с точки зрения эффективности? – поинтересовался Вейтел.

– Нет, конечно! Комплексная пища теоретически будет лучше, – ответил Деш.

– Значит, именно ее нам придется рекомендовать пользователям, – подытожил Сайкон. – А значит, ее нужно производить.

– А скажи, пожалуйста, – Вейтел все-таки решил спросить

об этом Деша напрямую, – тебе действительно так хочется участвовать в процессе производства и постоянно его контролировать? Ведь там не будет возможности допустить отклонения от норм и задач, чтобы посмотреть: «А что произойдет, если...» Это же не эксперимент в чистом виде, а производство. Все в строго заданных рамках. Любые отклонения должны будут четко отбраковываться и исключаться с носителя.

Вывод напрашивался только один, но его никто не решался озвучить, понимая, что для Деша это все-таки не простой вопрос. Смелость на себя взял корифей и авторитет последней инстанции имилот Кеферá (ударение на а).

– Для нашего университета это первый принцип, продукт которого мы предполагаем внедрять непосредственно на потребительском рынке, а не в промышленности. То есть мы можем предоставить конечный продукт. Но вообще это не первый случай. И нам стоит обратить внимание на опыт других университетов. Считаю, что наше участие логично в создании, запуске и поддержании стабильности носителя.

– Мне просто неприятна мысль, – перебил Деш, – если в целях максимизации обеспечения поставок, глобатиат станет применять неестественные для принципа методы, сокращать время начала репликации, искусственно сужать их биологические способности. Извлекать неготовые экземпляры.

– Ну, во-первых, – продолжил Кеферá, – если будут изложены объективные причины, почему этого делать нельзя,

то на это не пойдет ни один глобатиат просто из соображений качества продукции. Во-вторых, сотрудничество можно организовать по-разному. Мы можем даже расположить носитель у себя на территории. И наша работа с глобатиатом будет заключаться в передаче ему необходимого количества готовых экземпляров. А все остальное – это его задача. В этом случае объем нашей работы будет, конечно, больше, чем, если носитель будет расположен у глобатиата.

– А вот интересно, – поинтересовался имилот Вейтел, – как отличать готовых от не готовых?

Этот вопрос, и еще целый ряд подобных, уже имел целый ряд решений. Деш со своей командой уже прорабатывали их, как и вообще весь процесс организации промышленного носителя. Эти задачи встали перед ними, и они естественно возникли бы у любого глобатиата. Поэтому вопрос не удивил Деша. Он напористо пояснил:

– Можно реализовать на промышленном носителе такой же метод регистрации, какой сложился в процессе эксперимента на носителе «Сарбо». У них по достижении определенного возраста каждый экземпляр получает специальный документ, они его называют паспортом, подтверждающий полную самостоятельность экземпляра. Все сведения из паспортов содержатся в специальном хранилище данных. Таким образом, информация будет нам легкодоступна. Контроль выдачи документов у них происходит довольно эффективно.

– То есть они сами будут вести базу данных своей готовно-

сти? – удивился Вейтел.

– Получается так!

– Может, они еще будут и контролироваться свое качество?

– Это тоже возможно. На носителе «Сарбо» такие механизмы существуют. Они не носят всеобщий характер. Но ничто не мешает сделать их всеобщими. И даже можно заносить информацию в тот же паспорт, идентифицирующий экземпляр. Просто необходимо дать им достаточное количество знаний о себе.

– Еще и знания о себе? А это не будет мешать их эксплуатации? – спросил Кеферá.

– Определенно не будет, – предположил Сайкон. – Думаю, скорее наоборот. Они будут четко понимать, что им можно делать, а чего стоит опасаться. Они будут сами заботиться о своей безопасности, своем состоянии, а, следовательно, и о работоспособности.

– Совершенно верно, имилот, – подтвердил Деш. – Именно так это и происходит у них сейчас. Они не любят чувствовать себя в состоянии отличном от нормального.

– Кстати, а какую производительность мы можем обеспечить? – поинтересовался Вейтел. – То есть, сколько экземпляров в один обиор?

– Практически любое количество. Несмотря на то, что скорость самого процесса репликации и взросления у принципа постоянна, мы можем увеличивать плотность времени

на носителе, чтобы ускорить их историю относительно нашего времени.

– Хорошо. Из сегодняшнего разговора мне понятны такие моменты: причин откладывать внедрение принципа нет, мы готовы обеспечить налаживание производства, сотрудничество с глобатиатами нам необходимо. Форма сотрудничества – это пока открытый вопрос. Но, насколько я понимаю, для нас приемлемы два варианта: один – полный контроль над носителем и второй вариант – только техническое его сопровождение. Аргументов против какой-либо из этих форм я не услышал.

Деш, расскажи нам о глобатиатах. С кем ты общался, что они предлагают? И если ты уже имеешь предпочтение...

– Мне самым интересным вариантом показалось предложение тандема Манкоа.

– Хм. Нами заинтересовался Манкоа?! Солидная организация. Это делает нам честь, – изумился Вейтел.

– Мы сами такой возможности внедрения, при разработке принципа, даже не рассматривали. Они меня просто удивили, – продолжил Деш.

– Тебя не просто удивить, насколько я помню, – удивился Сайкон. – Что же они такое предлагают?

– Как следует из регламента университета, насколько я понял, мы можем работать с любым глобатиатом. Но Манкоа, во-первых, имеет представительство на нашей линии. И если уж мы будем работать с глобатиатами, то это бал в их поль-

зу. Во-вторых, предлагает внедрить не только форму А, но и еще ряд форм. Первоначально они отобрали десять форм. Но уверенно заявили, что этим списком они не ограничатся.

– Какие-то другие формы, кроме А? – заинтересовался Кефера. – В качестве чего они предполагаю их использовать? Ведь там всего одна из всех когнитивных форм показала должный уровень интеллекта, чтобы быть функциональной.

– Не поверите! В их дополнительном списке нет ни одной когнитивной формы или близкой к ним. Они хотят их использовать как детские игрушки, как сувениры. И даже хотят заимствовать непосредственно с принципа некоторые вещи. Вот посмотрите, что их заинтересовало, как интерьерное решение.

Деш достал из кейса синх-проектор и продемонстрировал светящуюся панель, в которой плавно двигались по вертикали и горизонтали продолговатые цветные создания.

– Это принцип «Сарбо»? – спросил Сайкон.

– Да, имилот, это он самый, – ответил Деш. – Изображение взято непосредственно с носителя.

– Разве там кто-то умеет парить? Без опоры, я имею в виду, на что-либо. На крыло, как минимум.

– Они не парят. Это рыбы. А емкость наполнена водой. На носителе она очень распространена в жидком виде. Она достаточно плотная. За счет этого в ней можно передвигаться без опоры.

– Да! Выглядит это просто великолепно! – восхищенно

произнес Лешаль, хотя он видел это уже не раз.

– На носителе это называют «аквариум», – добавил Деш.

– Название такое же впечатляющее, как и он сам, – отметил Вейтел.

Присутствующие оценили новинку. Кефера даже попросил не отключать проекцию до окончания совета.

– Ну, а если мы будем производить больше одной формы, то соответственно мы сможем иметь бóльшую репутацию, – закончил Деш свой рассказ о глобатиатах.

– И получим возможность проводить больше исследований, – продолжил мысль Деша имилот Кефера.

– Тогда мне остается только подытожить наше совещание, – взял слово Вейтел. – Кого мы выберем в качестве партнера, кажется, уже очевидно, поскольку других Деш даже не стал упоминать. Но, тем не менее, Сайкон, проработайте завтра с Дешем список глобатиатов. Делайте окончательный выбор и выходите с ними на связь. Прорабатывайте соглашение.

Деш, завтра же извлеките с носителя образцы. В том числе и тех десяти дополнительных форм, которыми заинтересовались в Манкоа. И подготовьте их для сертификации. Соответственно нужно подготовить все документы к ним: это спецификации, инструкции, изображения для маркетинга. Давайте обозначим себе такую цель: в начале следующего обора выпустить опытную партию.

– Полагаю, глобатиаты так же не будут заинтересованы в

затягивании запуска проекта, – выразил надежду Сайкон.

– А мы можем на первом этапе осуществлять поставки с экспериментального носителя? – поинтересовался Вейтел.

– Форму А только в крайне ограниченном количестве, – ответил Деш. – Не иначе как для небольшой, даже эксклюзивной, опытной партии. Остальные формы свободнее, так как они не когнитивны. Еще нужно учитывать, что не все формы можно извлечь малоинвазивными методами.

– Тогда извлеките другими.

– На носителе «Сарбо» я этого делать не буду. Это нарушит ход их развития, – категорически заявил Деш.

– С промышленного носителя ты тоже будешь извлекать малоинвазивными методами? – спросил Вейтел.

– Там это будет ни к чему. Там сознание экземпляров будет изначально ориентировано на то, что они будут покидать пределы носителя.

– То, что у тебя уже все так продуманно и просто, оставляет меньше поводов для волнения! – успокоился Вейтел. – Ну, все. Через несколько с небольшим конжонов, я так полагаю, мы уже увидим рекламу нашего детища?!

Сразу после совета у Вейтела процесс закрутился с утренней скоростью. Несколько ариядов Деш не терял контакта с Манкоа. В кратчайшие сроки было определено предварительное соглашение и подготовлены документы для сертификации. В документах необходимо было перечислить массу особенностей и параметров. Деш не предполагал, что описание принципа будет таким объемным и потребует столько времени.

Основными моментами для сертификации, конечно, были токсичность, причем не только самого экземпляра принципа, но и его питания и производства этого питания, энергоемкость и требования к содержанию. Были сделаны сотни тестов, несмотря на то, что в свое время эти исследования так же проводились в университетских лабораториях.

По данным параметрам принцип «Сарбо» на много превосходил все существующие аналоги. Он вообще не потребляет энергии. Вместо этого ему необходимо питаться, так же, как пратиарийцам. Причем он способен питаться той же пищей, которой питаются пратиарийцы. Выделения не агрессивны для окружающей среды. Особые требования к содержанию есть, но их все можно обеспечить при существующей инфраструктуре.

Все тесты вновь были повторены независимой лаборато-

рией центра сертификации. Данные лабораторий университета Пианс и тандема Манкоа подтвердились. Разрешение на внедрение было, наконец, получено.

Сразу после этого начались работы по созданию промышленного носителя, о расположении которого пришлось немало поспорить. Манкоа, что не удивительно, настаивали, чтобы носитель был расположен у них на промплощадке на седьмой линии. Изначально они были категоричны, заявляя:

– Все наши производственные мощности сосредоточены там и будет эффективнее, если мы сможем задействовать мощности одного производства в другом.

Деш хотел убедить их, что специфика данного производства, скорее всего, не позволит задействовать какие-либо мощности. Манкоа отказались предоставить дополнительную информацию о своих производствах. Но все нужное, чтобы взвешенно аргументировать, Деш узнал из информационного тона. Кроме того, он показал Манкоа все особенности принципа «Сарбо», поясняя:

– У вас здесь не будет никаких сборочных линий. Не будет производства запчастей. Не будет отходов, которые нужно будет вывозить. Носитель – это самостоятельная экосистема. Просто в нее необходимо будет заложить достаточное количество вещественного ресурса, так как экосистема не будет полностью замкнутой. С другой стороны, можно будет продумать и пополнение вещества на носителе.

– Все равно потребуются площади для хранения произве-

денной продукции, – настаивали представители Манкоа.

– Продукцию нет необходимости хранить вне носителя, – парировал Деш. – На носителе идеальные условия для их существования, а следовательно и для хранения. Кроме того, при хранении они будут требовать обслуживания, либо соответствующие условия для самообслуживания. На носителе это все есть. В-третьих, в отличие от обычных поточных линий для сборки, условия на носителе необходимо будет корректировать...

– Что вы имеете в виду, – перебил Деша главный специалист по производству от Манкоа.

– Поймите. Это не привычные для нас устройства с механической логикой, которые включаются и выключаются по необходимости, собираются из готовых частей и не изменяются в процессе эксплуатации. Экземпляр формирует себя сам. Для этого ему необходимо некоторое время. Это, не буду стесняться этого выражения, существа. С настоящим искусственным интеллектом. Ни один из них не будет в точности похож на другого, в отличие от привычных серийных изделий.

– Вы не приписываете ли своему детищу, Деш, завышенные качества? – с подозрением высказался Рейпатеонд руководитель делегации Манкоа. – Если не ошибаюсь, мы все-таки говорим о некоем приборе, устройстве, автомате, – он развел своеобразно руками, пытаясь подобрать еще аналогии, – агрегате, роботе, назвать можно по-разному, который

будет просто выполнять некий набор функций?

– Отчасти это так. Может, и робот! Но на качественно новом уровне. Экземпляр принципа «Сарбо» не действует по заложенному алгоритму. Он решает задачу творчески. Он способен не только запоминать, но и переосмысливать, переносить опыт, решая таким образом задачи, которые раньше ему никогда не приходилось выполнять, используя, естественно, при этом свои навыки. Навыки нужно развивать. Если появится необходимость в новых навыках, придется организовывать на носителе систему, которая будет их развивать. Это точно так же, как налаживать новую линию сборки, например. Но только не на новом пустом месте, а непосредственно на самом носителе. Поэтому это потребует аккуратного вмешательства.

Имилот Вейтел понял, что необходимо понизить эмоциональность разговора:

– Очевидно, что специалисты глобатиата руководствуются имеющимся у них богатым опытом внедрения технологий прежних поколений.

Рейпатеонд одобрительно кивнул, подтверждая непререкаемость своего авторитета.

– Так же понятно, – продолжил Вейтел, – что пока они не достаточно осведомлены об особенностях принципа «Сарбо». Вы знаете, – обратился он к Рейпатеонду, – только те возможности, которые мы вам продемонстрировали. Деш напротив, очень хорошо знает все изнутри. Поэтому вам

трудно понимать друг друга. Поскольку вы будете работать с этой технологией и рано или поздно изучать ее в деталях, предлагаю сделать это, хотя бы до какого-то уровня, сейчас. А потом, владея информацией, мы сможем принять правильное решение.

Сказанное не смогло завязнуть в спорах, так как было фактом с торчащей и него очевидностью. Вопрос расположения носителя временно отложили.

На полномасштабный ликбез потратили половину обидора. Деш показывал представителям Манкоа экспериментальный носитель и параллельно рассказывал, как, по его мнению, следует организовать производственный, что есть несколько сценариев запуска.

Манкоа согласились, что технология революционна, и производство действительно категорически будет отличаться от существующих процессов. Многого из увиденного они даже не могли предположить. Так же им пришлось признать, что у них, к сожалению, нет специалистов, способных на должном уровне обеспечивать логическую целостность носителя.

– Но оставить носитель, в который мы собираемся вкладывать свои ресурсы, под полным контролем университета – это неприемлемо для Манкоа, – заявил Рейпатеонд.

Кроме того, он предложил свои аргументы, против расположения носителя в университете:

– Для вас будет удобным постоянное присутствие наших

сотрудников в университете, имилот? – спросил он у Вейтла. – А так же циркуляция гонов, вывозящих продукцию?

– Конечно, это не изящное решение, – ответил Вейтел.

– Кроме того, сможете ли вы обеспечить достаточный уровень безопасности? – продолжал Рейпатеонд.

В итоге было найдено компромиссное решение. Носитель организовывается на территории филиала Манкоа здесь же на второй линии. Университет обеспечивает, а тандем Манкоа полностью принимает, методологию по созданию и запуску носителя. Манкоа ставит задачи. Университет в рамках допустимых возможностей обеспечивает достижение этих целей. Манкоа обеспечивает весь процесс материалами и осуществляет мониторинг функционирования носителя в заданных параметрах. Университет так же имеет право осуществлять свой контроль. Процессом извлечения готовых экземпляров в требуемом количестве управляет тандем, под контролем университета, после чего Манкоа принимает на себя полную ответственность за дальнейшую судьбу экземпляра.

Эти и другие решения были включены в соглашение между университетом Пианс и тандемом Манкоа. Вейтел ясно вспомнил асан подписания этого соглашения. Эта дата стала началом...

Но никто из участников этого процесса даже не представлял себе, что именно они начинают.

На производственном носителе единым мнением реши-

ли реализовать упрощенную модель системы Прата: двойная звезда, одна из которых уже гаснет и вокруг нее вращается пояс населенных астероидов, на начальном этапе только один. Эта модель все же сложнее той, которая была построена на тестовом носителе, но такой подход упростит адаптацию изымаемых экземпляров.

У Деша в тот обиор, кроме внедрения принципа, случилось на самом деле еще одно большое событие.

– Рад тебя снова слышать, Лаина, – немного уставшим, но теплым и радостным голосом поприветствовал Лаину Деш.

– И я рада, – ответила она. – Ты устал? Слышу по голосу. Я, наверное, опять сбилась со счета и запуталась в ваших длинных ариях.

– Не переживай, за эти мелочи, – ласково успокоил ее Деш.

– Хорошо, не буду.

– Вот и славно. Тебе все равно и нельзя. А дай я угадаю. Ты, наверное, хочешь мне напомнить, что осталось уже меньше двух обиоров, и я должен обязательно прилететь к тебе.

– Если бы ты сам не вспомнил, я бы тебе напомнила, конечно. Но я хотела тебя поздравить.

– Вот как? С чем?

– Как с чем! Сегодня по всем каналам запустили вашу рекламу «Принцип Земля – они сумели познать себя! Это новая эра искусственного интеллекта. Это новые уровни функциональности и новые идеи сферы развлечений».

– Так быстро? Уже запустили даже на вашей линии. Манкоа работает профессионально!

– А вы работаете с Манкоа?

– Да. Из нескольких предложений глобатиатов мы выбрали именно тандем Манкоа.

– Здорово! Это же, кроме всего прочего, престижно! Я вот только запуталась. Принцип «Земля» – это несколько принципов под общим названием?

– Конечно, нет. Это один принцип.

– А почему тогда предлагают несколько устройств: кошка, пес, рыба и большими буквами люди. Да и откуда такие забавные названия?

– Названия мы не стали придумывать сами, заимствовали непосредственно у принципа. Мы его между собой называли по-научному «химиио-электрическим...» или от базового элемента «Сарбо 714» и все такое. Точное, но длинное название. Но очень хотелось простое. А потом Сантер, работает в лаборатории у меня, принес список слов, которыми они сами себя называют, точнее свой субстрат. Мы немало позабавились, сколько разных слов они используют для физически одного объекта. И вот выбрали наиболее симпатичное, как нам показалось, «Земля». Оно прижилось, благода-

ря упоминаниям этого слова в первых презентациях.

– Довольно необычно, но коротко и звучно. А какие еще были варианты?

– Да все кто теперь вспомнит? Ну, например Тичоу, Эрде, Лате, Претви, Фёльд, – попытался вспомнить некоторые названия Деш. – Может, я даже и не правильно вспомнил. Информация-то вся осталась, она не исчезает и доступна всем. Не охота искать. Можешь вникнуть сама и найти. Развлечешься, посмеешься. А можешь поискать прямо на носителе.

– С названием понятно. А почему предлагается несколько устройств?

– А несколько устройств потому, что мы будем внедрять одновременно несколько форм. Это впервые! Несколько форм одного принципа! И самое интересное, что в разных сферах! Обычно всегда внедрялись бытовые устройства. У нас такое одно. Это наша форма А, те самые люди. А все остальные – это будут игрушки. Представляешь, у детей появятся совершенно новые невероятные игрушки!

– Пока я с трудом представляю себе, что это будет, – задумчиво произнесла Лаина.

– Подожди немного. Это первая волна информации. Следом Манкоа обнародуют изображения. На всех выставках появятся образцы. Вот тогда вам будет, что понять, на что посмотреть и что обсудить.

– Ну, ладно. Тогда подождем пока. Думаю, мы еще не раз созвонимся до того, как ты не забудешь прилететь ко мне, –

Лаина не смогла удержаться, чтобы не напомнить Дешу. – Все-таки напоминаю, осталось уже меньше двух обиоров. Будь умничкой. Не переутомляйся.

– У нас сейчас идет внедрение. Но Сайкон меня каждый арияд просто гонит домой.

– Это хорошо. Он прекрасно понимает, что без тебя ничего не получится, и от твоего состояния будет зависеть здоровье будущего малыша.

Глава 5

22

Заиграл будильник.

– Нафик! Кетайская техника! – проскрипел невнятно в полголоса Ярик, потянулся и отключил звонок. – Делают много, красиво, но ...

И его мысли обессилено растворились в прерванном сне. А в них было: «... не для людей».

В самом деле, светлая находка маркетолога, который придумал залить на мобильник кучу пробников, чтобы прикрыть скудность родной прошивки, принес неожиданные «бонусы». В один чудесный момент программотина выкинула, что, мол, я все, срок, отпущенный мне, истек, больше общаться с вами ни-ха-чу и показала бескомпромиссную кнопку «ОК», которую только лишь осталось нажать. При этом заведенные когда-то будильники исправно звонили каждый будний день в установленное им время. Это было ловко во время работы, но не во время поездок. И только чтобы не опаздывать на работу, в жертву были принесены утренние часы нерабочих будней, а жмотский код избежал гильотины.

Окно гостиницы показывало, что активность уже высypается на улицы, расползаясь между высотками, забитыми,

словно сваи, в небо и бесчисленными эстакадами, завораживающими своими круговоротами транспортных потоков.

«Ты удивишься, что они делают с деньгами, – говорил Ярику Ян Константинович, когда Ярик собирался в поездку. – Они их в распор вонзают в небо, втыкают в воду, врывают в землю. И ни дай Бог в этой конструкции что-то лопнет».

Но шум уличной активности не мешал, ее просто не было слышно. С семьдесят шестого этажа гостиницы она казалась просто песчано-масляной картинкой, которую, вероятно, огни светофоров, поворачивали то в одну сторону, то в другую, то вращали, закручивая в развязках дорог. Через панорамное окно, выходящее на теньевую для этого времени суток сторону, было видно, как насыщаются красками море и парки. Это были как раз самые красивые минуты, потому что через часа два все эти краски просто расплавятся в горячем воздухе. Они останутся такими же яркими, но будут казаться миражами.

Эмираты! Это их своеобразная летняя экзотика! Но это был последний день здесь. Завтра уже нужно лететь в Египет. А планов на сегодня было много.

Через два часа Ярик снова проснулся, но уже своим ходом. Преодолевая лень, он выкарабкался из кровати, чуть не упал, споткнувшись о брошенные на пол брюки. Чтобы глаза его больше так не подводили, он пошел умыться. Включил воду, разглядел на табло выставленную температуру, она

сохранилась со вчерашнего вечера, и стал прислушиваться к легкому пощелкиванию механизмов, регулирующих напоры, чтобы выйти на заданную температуру.

«Мои любимые тридцать четыре! Здесь все как будто для людей! – подумал Ярик. – Ведь до чего удобно! Нам до этого еще долго прозябать».

Когда он вышел из ванной, ему на глаза попалась фотокамера. Ярик лениво потянулся и стал рассматривать сделанные вчера снимки, невольно мысленно сортируя, какие из них он будет показывать на кафедре. Потом он вспомнил, что завтра утром у него самолет, бросил камеру, достал сумки и стал собирать вещи: «Это надо, это сюда, это поглубже, пригодится только дома...». Через несколько минут бардак сгустился в центре комнаты, сумки не успевали его поглощать.

От развалов вещей отвлек вид из окна. Над горизонтом, соединяющим небо и море слегка растушеванной полоской, повисли два небольших белых округлых облачка. Ярик улыбнулся, слегка наклонив голову. И ему показалось, что горизонт при этом как бы прогнулся вниз.

«Улыбнись миру! И мир улыбается тебе!» – подумал он.

*

В дверь учтиво постучали, прервав момент постижения одного из элементов гармонии.

– Да, да. Все дома, – пробурчал себе под нос Ярик. – Камин!¹⁸

Приоткрыв дверь, заглянул служащий отеля. Но так как постоялец был в номере, ему ничего не оставалось, как вежливо извиниться:

– Простите за беспокойство, с вашего позволения, я уберу в номере позже.

Дверь почти закрылась, как Ярика осенило, что неплохо бы позавтракать. А так как он в гостинице ни разу не завтракал, да даже не обедал и не ужинал, по причине непрекращающихся встреч или походов за сувенирами, в редких перерывах между первыми, он решил поинтересоваться у служащего:

– Эй, простите, один момент, – служащий вернулся, – подскажите, завтрак здесь до сколько?

– Ресторан работает без перерывов, вы можете позавтракать в любое время.

«Даже ночью можно позавтракать?» – хотел сострить Ярик, но пожалел иностранца и уточнил:

– А где найти ваш круглосуточный завтрак?

– Ресторан находится на верхнем этаже, впрочем, это прямо над Вами, – едва поняв второй вопрос, ответил служащий.

– Ага. Шукран¹⁹.

¹⁸ (англ.) Входите!

¹⁹ (арабск.) Спасибо.

– К вашим услугам, сэр.

Служащий поспешил удалиться.

– О, черт! Нельзя не отметить, – забормотал Ярик – что даже ленивый факультатив по арабскому пригодился, пускай и всего одним словом. Впрочем, этот индус по-арабски тоже, наверное, только спасибо и знает.

Арабским Ярик озадачил себя на третьем курсе, сразу, как только заболел Африкой после экспедиции. Учителей удалось найти с трудом. Тем обиднее было, что через полгода все пришлось бросить. Но гордость от полезности даже того малого, что он успел запомнить, то и дело просыпалась в такие моменты, как сегодняшний. И Ярик продолжил рассуждать:

– Моего скудного арабского оказалось достаточно, чтобы не пропасть здесь в пропащих ситуациях. Но все-таки он оказался не более полезным, чем международные языки, особенно английский. Этот просто вне конкуренции, особенно у торгашей и туристильщиков.

Ну, да ладно. Пора уже что-то закинуть в живот! – закончил минутку гордости Ярик.

Ресторан его удивил. Даже поразил. Как они это сделали?! А ведь у него была когда-то возможность посмотреть проект этого сооружения. Но не было времени! Разбираться Ярику было некогда и сейчас, но, даже покинув ресторан, он остался в твердом убеждении, что это было нечто. Хотя нечто подобное было и не только здесь. Но это было лишь нечто по-

добное.

Здесь ресторан располагался внутри прозрачной сферы, которая, как и обещал недавний служащий, была на самом верху здания отеля. Выявленное наблюдением двойное вращение сферы, точнее ее внутренностей, вокруг вертикальной и горизонтальной осей завораживало людей со стабильным вестибулярным аппаратом. Другие же люди дольше изучения меню здесь не задерживались. Для них, наверняка, специально было еще одно трапезное заведение на первом этаже.

Столики для посетителей в залах, как оказалось, были расположены по периметру сферы, они перемещались относительно ярусов внутренней неподвижной зоны обслуживания. Через прозрачные сферу и полы при движении Ярик смог рассмотреть как панораму окрестностей с заполненной вертолетной площадкой на крыше отеля, так и устройство здания, включая холл – холл высотой во все здание с лестничными клетками и шахтами лифтов, напоминавшими резные колонны, нарочито расставленные по периметру холла, словно подпирая крышу и ресторан.

«Да, да, да! Это тот самый холл, – подумал Ярик. – Только теперь наоборот!»

Приходя в отель, он каждый раз смотрел вверх в высоту этого холла, но не мог понять, что это там такое движется на потолке. А все оказалось очень просто – симбиоз колеса обозрения и 7-го неба в Москве, где Ярику тоже однажды

удалось побывать.

«Вот оно! Из-за этого тогда Ян Константинович держал фирму на ушах несколько недель. Из-за концепта этой гостиницы вот с этим рестораном, – припомнил Ярик нелегкие времена всего коллектива. – Ресторан однозначно можно назвать изюминкой. Да, пожалуй, изюминка будет маловата. Урюком!»

Официант проводил Ярика к столу, ненавязчиво проинструктировав гостя, как безопасно занимать и покидать столик, и удалился. На другом ярусе, куда Ярик плавно переместился, ему другой официант вручил меню.

Все рядом стоящие столы, оказались временно стоящими рядом, так как двигались они в разные стороны. Ярик вниз, они вверх, а после прохода вершины наоборот. И так через один ряд до тех столов, что, по заключению Ярика, располагались на горизонтальной оси.

«Занятно, – подумал Ярик. – Это отличное решение от назойливых взглядов соседей по столикам. С другой стороны в любую минуту рядом может оказаться новый человек. Не факт, что добропыхатель».

Уже доедая заказанные блюда, он заметил, что в ресторане почти нет людей.

«Да, поздний завтрак здесь не очень популярен, – взгрустнул он. – Но вот, кажется, кто-то пришел на весьма ранний обед?»

Его внимание переключилось на этого самого нового че-

ловека, приехавшего сверху в соседнем ряду. Им оказалась милая девица европейской внешности в довольно вкусном платьице с рисунком в неброскую фасольку.

«Если она не знает английский, то это будет западно!» – подумал Ярик.

Девушка тоже голодно впитывала атмосферу этого шокирующего аттракциона, не скрывая своего изумления перед этим техническим изыском. При этом она изучала меня, мучительно сосредотачивая на нем внимание, постоянно соскальзывающее на окружающую обстановку. А кроме необычной конструкции, здесь можно было еще много интересного узреть и в антураже.

Когда их столы приблизились Ярик, отбросив в сторону стеснение и догмы приличия, поинтересовался:

– Вы тоже под впечатлением? – На автомате он произнес фразу на родном языке.

Девушка обернулась, но, конечно, не поняла слов неожиданного собеседника.

– Уат?²⁰ – переспросила она.

Ярик перефразировал вопрос по-английски. Она улыбнулась и согласилась с тем, что никак не придет в себя от увиденного.

Ярик предложил ей присоединиться к нему, но девушка скромно отказалась.

– Тогда разрешите мне перейти за ваш столик?

²⁰ (англ.) Что?

– Ну, ... ладно, – все так же в нерешительности, но согласилась она.

«Вот и правильно, – подумал Ярик. – Один раз отказаться даже положено, а второй раз уже глупо!»

– Вы только приехали?

– Да.

– А я, к сожалению, завтра рано утром уже улетаю. Меня зовут Ярик. А Вас?

– Я Прис.

– Очень приятно!

– Взаимно!

Они обменялись еще парой любезностей, потом еще немного обсудили ресторан. Затем Ярик рассказал, что завтра летит в Египет, и вообще, чем он занимается.

– А я работаю в туристической компании. Мы хотим предложить нашим клиентам новое направление. В Эмираты. Мне необходимо наладить работу с отелями. И вообще выбрать отели, с которыми мы будем работать.

– С некоторым приближением, как и я! А Вы думаете, Эмираты, как направление, перспективно? – засомневался Ярик. – Здесь же дорогое жилье!

– Ну, Вы же здесь, Вам, видимо, не дорого здесь находиться! А это вообще здесь один из самых дорогих отелей, – подчеркнула Прис.

– У меня, скажем так, здесь двойная миссия. А остановиться в этом отеле мне помогли хорошие знакомые. Мне,

признаюсь по секрету, этот отель обошелся бесплатно.

– Да мне, по сути, тоже. Фирма оплачивает.

– Мне бы командировочных института не хватило даже на завтрак здесь, – усмехнулся Ярик.

Ярик позвал официанта и заказал чай, с трудом разъяснив несведущему индусу элементарные для себя, но дикие для него, вещи. Благодаря этому, однако, удачно сменилась тема беседы.

– Чай с лимоном? – удивилась Прис.

– Очень рекомендую! – не меньше удивившись ее реакции, ответил Ярик.

– Нет, спасибо. У нас не принято добавлять лимон в чай.

– Конечно, вы попробуйте с лимоном, но без молока! Нормально будет!

Ярик засмеялся. Прис догадалась, что это был такой юмор, хотя и сочла его несколько странным. Но все же сдержанно поддержала веселье Ярика.

– Вы полагаете? – снисходительно улыбнулась она.

– Даже не сомневаюсь! А если вы сомневаетесь, предлагаю культурный обмен. Вы заказываете чай с лимоном, а я с молоком. Идет?

– Ну, только если в качестве культурного обмена. Тогда идет!

Общение с уговорливой собеседницей создало ощущение, что чай подали как-то быстро.

– А что Вы хотите найти в Африке? Вы говорите, что на-

ши цели почти совпадают, – поинтересовалась Прис, пробуя чай.

При этом она немного сморщилась оттого, что лимонная долька мешала ей сделать глоток.

Ярик улыбнулся шире Чеширского кота.

– Что Вас так развеселило? – спросила Прис. – Лимон убирают из чашки или пьют прямо так?

– Это жидкий закон бутерброда!

– Что это?

– Ну, Вы знаете закон бутерброда?

– Конечно. Кто не знает?

– А жидкий закон бутерброда?

– Такого нет!

– Очень даже есть! Лимон в чашке всегда плавает с той стороны, с которой ты отпиваешь чай! – торжественно доложил Ярик.

– Это кто такое придумал? – хихикнула Прис.

– Это никто не придумывал. Это так есть! Закон!

– Но его же кто-то открыл? Как, например, Ньютон свой закон тяготения, – блеснула туроператорша.

«А она не безнадежна для симпатичной», – подумал Ярик.

– Об этом молчит не только история, но даже стены! Но Вы, Прис, спрашивали про Африку.

– Да, да. Закон нас отвлек, – немного успокоилась девушка.

– Если получится, то на следующий год, но, скорее всего,

через год, я планирую собрать экспедицию. В центральной Африке, может, слышали, определенно что-то происходит, – Ярик, перебирая мысли в голове, забарабанил пальцами по столу. По взгляду собеседницы, он понял, что она вряд ли интересовалась такими вещами. А на всеуслышание они еще не выходили. – Нечто похожее нашли в Южной Америке и не только там, но Африка впереди по количеству занятых сводок. Сейчас хочу собрать более точную информацию о нашем целевом районе и тоже, как и Вы, наладить более тесные контакты с коллегами археологами из местных лабораторий. К сожалению, не все подробности удастся узнать в переписке.

Ярик снова посмотрел на часы.

– Мне кажется, Вы уже торопитесь, – сказала Прис. – Признаться, я тоже. Приятно было с Вами познакомиться.

– И мне так же, Прис. Удачи Вам. Кто знает, может, мы еще встретимся. А у Вас есть электронная почта?

– Шутите?! Конечно!

Ярик попросил Прис снять его на фотокамеру в этом ресторане. И сделал ее фото на память, пообещав его скинуть.

Информации, которую Ярику удалось выяснить у коллег из эмиратских университетов, было достаточно, чтобы переваривать ее весь непродолжительный предстоящий перелет.

Но самое главное, он был уверен, что он узнает еще больше.

Однако, его надежды оправдались не в полной мере. Эмиратским университетам он обзавидовался, египетские были так себе. Но когда он попал в страны южнее, он понял, почему исследования у них идут так медленно. Мысль, как они могли, когда были студентами, жаловаться на недостаток чего-то у себя на архе, застряла у него комом в горле.

«Да. Лишний раз убеждаюсь, что кому-то молоко – вода, а кому-то и вода – молоко!» – подумал Ярик.

Но была и другая причина, которую ему удалось узнать только немислимыми речевыми ухищрениями. Никто просто не хотел об этом рассказывать. Ярику стало известно, что люди, кто занимался этой проблемой, пропадали в том самом регионе, который больше всего интересовал Ярика.

Было несколько экспедиций. Один человек погиб, его тело удалось найти. Еще один пропал без вести. Это был господин Тафари Кнундал. А африканский народ – народ суеверный. Мало, кто решается продолжить эту работу. И даже мало, кто хочет говорить об этом. Теперь Ярику стало понятно, почему информация по интересующей его теме была скудной.

С другой стороны, из того, что рассказали о погибшем, он сделал вывод, что причиной скорее всего было либо несоблюдение техники личной безопасности, либо слабая экипировка. Либо и то, и другое, точнее первое, без учета поправки на второе. Как бы там ни было, никакой мистики. Про-

павший? Здесь непонятного больше. Впрочем, про Тафари говорили, что он довольно странный и замкнутый человек. Это, конечно, ничего окончательно не объясняло, но, тем не менее, не исключало того, что Тафари просто ушел. Сейчас может жить просто где-то с отдаленными племенами. Ведь его даже почти не искали! А все из-за страха и суеверий!

Но все же ему показали карты районов, расчерченные материки, а их выделили два. Разрешили сделать копии карт.

Но самое важное – это то, что ему показали живьем все найденные материалы. Их на самом деле оказалось гораздо больше, чем университет смог предоставить на фотографиях.

– Бараса, а почему вы не делали фотографии всех предметов, – спросил Ярик своего коллегу. – Это ведь такой обширный материал. Мы могли бы его уже изучить.

– Все фотографии, которые мы вам отправляли, – ответил Бараса, – были сделаны до того, как пропал Тафари Кнундал. После той экспедиции сюда сдали все находки. И потом в хранилище никто не заходил.

Впрочем, говоря это Бараса, тоже осторожно стоял за порогом хранилища.

Ярик проработал здесь несколько дней. Ему было разрешено изучать, описывать, фотографировать. Но нельзя было ничего выносить из хранилища. Здесь Ярик нашел множество надписей, сильно отличавшихся от всех, которые они видели прежде, но однозначно это был тот же диалект. Он

уже сейчас понимал, что эти новые данные могут дать необходимые подсказки, к разгадке этих текстов.

Когда он ехал сюда, работа с местными коллегами ему представлялась совсем иначе. Он думал, что они будут работать бок о бок, много беседовать. Вместо этого все время, что он провел в хранилище, он беседовал сам с собой. Да и вне хранилища с ним стали общаться осторожнее, чем поначалу – все же таки он уже прикоснулся к этим «проклятым» находкам.

К сожалению, здесь Ярику не смогли ничего сказать о возрасте находок. Но это был очень важный вопрос. Пришлось долго торговаться и выходить на уровни руководителей выше и выше, чтобы ему разрешили вывезти несколько самых незначительных образцов для экспертизы, хотя бы горст культурного слоя, образцы которого были взяты с раскопа.

На удивление Ярика выехать из страны с артефактами в руках оказалось очень просто. Гораздо проще, чем вынести их из хранилища.

«Едва ли они так все хорошо согласовали, что меня даже не спросили о них на границе, – думал Ярик, поднимаясь на борт самолета. – Скорее всего, здесь очень слабо обстоят дела с охраной подобных предметов на государственном уровне. Самый надежный способ охраны – это не выпускать из хранилища. Наверное, поэтому мне ни разу не позволили выйти на свет, чтобы получше что-то разглядеть».

В самолете он думал о многом, но чаще всего возвращался к мысли о собственной экспедиции в регион. Теперь ему было более понятно, что для этого нужно и сколько приблизительно на это нужно денег. У него еще оставались средства от наследства соседа. Но, уволившись из фирмы и перейдя на работу в университет, его доходы резко упали. Кроме того, возраст сына и те страхи, которые он услышал, никак не могли примириться.

– Деш, я так понимаю, ты снова взялся за старую привычку и не успеваешь забегать в гости к почтенному имилоту, – укорял Сайкон, но все-таки в интонациях больше торчало добрых иголок, чем недобрых.

Да и откуда высыпаешься недобрым, если ты сам устало-приятно потягиваешься в кресле имилота, улыбаясь улыбающейся тебе заре, с ощущением, что скоро можно будет собираться с работы домой.

– Я вообще-то еще планировал сегодня успеть к Вам, имилот, – весело ответил Деш, разговаривая на ходу.

– Уже светает! Но я слышу, ты еще бодрисься! – ощущая величину противопоставления своего настроения и настроения Деша, продолжил Сайкон.

– По-другому нельзя. Вопросов много, успеть нужно все. Сами понимаете.

– Да. В такой ответственный момент расслабляться нельзя. А мне уже к концу асана не просто сохранять бодрость духа. Да и хотелось поговорить с тобой спокойно и обстоятельно. Но ты если и успеешь, то совсем поздно.

– Да и детей еще сегодня из педагогума забираем, – сознался Деш.

– Забираем, говоришь? Титуа здесь?

– Нет. У Титуи сейчас нет возможности. Это Лайна. Ей

пока сюда не долго добираться, она старается почаще бывать здесь.

– Ну, тогда вопрос решен, – понимающе резюмировал Сайкон. – Переносим встречу. Только имей в виду, «переносим», не означает «отменяем». Жду тебя после выходных.

– Договорились, имилот, – не найдя ни одной причины возражать такому решению, согласился Деш.

– Я бы, конечно, побывал бы у тебя в лаборатории, но там нам поговорить ведь не дадут.

– В текущей ситуации, пожалуй, это так.

Они попрощались, и каждый вернулся к своим хвостам, которые нужно было еще сегодня успеть подчистить.

*

По дороге домой Деш изобразил небольшой зигзаг и заскочил в магазин, взять детям сладостей. Долго не мог выбрать, хотелось чем-то их порадовать и даже удивить. Но дома удивили его дети своими рассказами про невероятную новую воспитательницу.

– Она столько разных игр знает! – спешила поделиться впечатлениями Фиея.

– Да. Нам даже отменили дополнительные занятия, чтобы мы могли все с ней познакомиться и подружиться, – перебивал ее Майол.

– И мы играли с ней всю вторую половину асана. И все

игры были разными, – подхватывала Фиея.

Лаина и Деш слушали детей и не могли сдерживать улыбку перед таким напором восторга с детской наивностью.

– Она знает игры и для совсем маленьких, и для тех, кто постарше. В ее игры играли даже песторы!

– Ты что-то понимаешь? – наконец, спросила Лаина Деша. – Такого удовольствия от учебы я еще у них не видела.

– Восторг, судя по всему, не от учебы. Слышишь? Даже песторы играли, – ответил Деш и обратился к детям. – А скажите, как ее зовут, о которой вы так бурно рассказываете?

– Франческа.

– Какое любопытное имя! – удивилась Лаина.

– Теперь все понятно! – выдохнул Деш. – Манкоа все-таки успели организовать гонировку до выходных.

Лаина только изумленно смотрела на восторженных детей и догадавшегося Деша.

– Сейчас объясню, – сказал Деш. – В этом обьоре мы успели запустить наш принцип. Пока объемы производства очень не велики. Но, тем не менее, первая партия уже готова. В Манкоа, это наш глобатиат, предполагали начать гонировку со следующего обьора, но, похоже, в пределах Калипра или, может быть, только Мантамы они смогли выполнить заказы до выходных. Значит, мы уже сможем, вероятно, встретить их во время прогулки. А после выходных у нас уже будут первые отзывы потребителей.

Так вы говорите Франческа? – обратился он к детям. –

Да, я помню. Франческа – это девушка из нашего принципа «Земля», – гордо произнес Деш. – Основная ее задача, она именно этому обучалась, – это воспитание детей. Она обращает внимание на речь, манеры, знает множество игр и умеет организовать и завести детей любого возраста. Поэтому они в таком восхищении.

– Это из того самого принципа «Земля», что и собачка, которую ты подарил детям около обиора назад?

– Да, да! С того самого! Кстати, а где Картес?

– Да, он еще спит, наверное. Он просыпается, когда мы идем спать, – с азартом доложил Майол. – Ему больше нравится, когда светло.

– Ну, при свете он просто лучше видит, – пояснил Деш. – Так устроен принцип.

– Картес в асане тоже хорошо видит, – убеждал Майол. – Мы часто берем его с собой в педагогиум и играем с ним в парке. Он легко находит палку, если ее бросить куда-нибудь в кусты.

– Вы все вместе играете с Картесом?

– Да! Всем нравится, что Картес очень смысленый. Он умеет находить, даже когда не видел, как мы прятали.

– Это здорово!

– Деш, а нам сказали, что скоро таких как Франческа будет много, – спросила Фиея.

– Да. Скоро они станут нам во всем незаменимыми помощниками.

– Послушайте, я тоже хочу их увидеть. До того, как их станет много! – возмутилась Лаина. – Это те самые люди?

– Да, это люди, – ответил Деш.

– Это название мне кажется по-прежнему забавным! – засмеялась Лаина.

– Так они сами себя называют. Мы просто не стали ничего выдумывать, хотя пытались. А если один, то человек, – прокомментировал Деш.

– И Вы мне, конечно же, их покажете!

– Мы можем поехать в педагогиум и познакомиться с Франческой.

– Ура! – Закричала Фиея. – Мы поедem к Франческе! А мы можем пригласить ее к себе домой?

– Нет. Она же не наша. Кроме того, так мы ее заберем у других детей, кто на выходные не поехал домой, – ответил Деш, стараясь не расстроить детей.

Новости не смогли дожидаться окончания выходных. Их распирало еще больше оттого, что их многие очень ждали. С Дешем связались из Манкоа.

– Деш, я постараюсь Вас не сильно отвлечь, но не могу не поделиться с Вами. Уверен, что Вам это интересно, и Вы обрадуетесь. Мы успели в этом обзоре доставить несколько десятков экземпляров нашего принципа в пределах Калип-

ра. Думаю, Вы, возможно, уже в курсе, на самом деле.

– Да, Вы правы, Рейпатеонд, меня волна интереса не смогла обойти стороной, – ответил Деш.

– Все клиенты довольны. Хотя нет. Они просто в восторге! Нам поступает невероятное количество заказов. Необходимо как минимум удваивать производительность носителя.

– Спасибо за новости. Я тоже немного наслышан. Да, собственно, только об этом везде и говорят. У меня у детей в педагогуме есть один экземпляр. Дети сами, несмотря на выходные, просто просились туда. Мы там были вчера.

– А, то есть Вы не просто наслышаны, Вы уже видели наших людей в работе! И как Ваше ощущение от внедрения первой собственной разработки?

– Не скажу, что обычно, – не скрывая гордости в интонации, ответил Деш. – А вот для Вас это, наверное, уже привычно?

– Да не скажите. Тоже каждый раз волнуюсь. Особенно за безопасность. Ну, расскажите, что было в педагогуме.

– Приехало очень много родителей, чтобы посмотреть. Я устал отвечать на их вопросы. Так что, думаю, Вы правы, после выходных поднимаем плотность времени, иначе мы не справимся с заказами. Кстати, а какие-то новые навыки были в заказах?

– Пока все ограничиваются выбором из того перечня, который мы уже предлагаем. И что интересно, число заказов с навыком хозяйственника не так уж велико.



– Я так рада за тебя Грета, – семеняла эмоциями Матильда. – Как же вам повезло с Франческой.

– А ты помнишь, Матильда, ведь Франческа даже не верила, что мы когда-нибудь попадем в Большой мир. И ей даже не было интересно, кто будет первым счастливымчиком.

– Но первой была именно она! – даже с небольшим налетом зависти ответила Матильда.

– Да! – срочно погрузившись и выплыв из старой детской мечты произнесла Грета. – Она была первой на первом пароме!

– Кто же мог это знать?

– И Франческа всегда говорила, что невозможно все знать. Она еще с тобой часто спорила, когда ты уговаривала ее пойти на какой-нибудь очередной факультатив.

– Это точно, – согласилась Матильда. – Она говорила, какой смысл пытаться везде успеть, за все схватиться, везде наследить и при этом все равно ни в чем хорошо не разобраться? Она тебя еще часто изображала: «И это мне обязательно нужно! И это мне интересно!»

– Да, она считала, что лучше сосредоточиться на нескольких самых важных вещах. Возможно, даже всего на одной. Это было уже два сиклона назад! – Грета покачала головой.

Это было так давно, казалось ей.

Девушки понимали, что последний раз беседуют вместе, хотя где-то внутри и теплилась надежда все-таки когда-нибудь еще встретиться. Они стояли на большой площади с множеством клумб перед парящим у края площади паромом, на котором люди улетают в Большой дворец, а оттуда в Большой мир. У Греты в руках тоже были цветы. Их только что ей подарила Матильда.

К ним подошла дама Бэль, чтобы проводить свою любимицу.

– Я так рада Вас видеть, – тепло улыбнулась Грета. – Спасибо, большое, что пришли.

– Как же я могла не прийти? – все с той же доброй улыбкой ответила дама Бэль.

– Ах, как жаль, что дама Фима успела проводить только Франческу, – с грустью сказала Грета.

– Что ж поделаешь! Разве мы можем успеть все? – ответила дама Бэль. – Вот мне уже сейчас, наверное, лет шестьдесят. Вот случилось тебя проводить. А даст...

Дама Бэль неожиданно замолчала и подумала, что все-таки за столько лет она не забыла еще того, как они раньше говорили «даст Бог...». Хорошо, что она вовремя остановилась.

– Может быть, успею и Матильду проводить, – продолжила она. – А даме Фиме было уже, наверное, больше семидесяти.

– Дама Бэль, А Вы вот иногда говорить «лет», «шестьдесят

лет»... А как это? Что это такое «лет»? – И еще Матильда добавила. – А мне сейчас сколько лет?

«Да! И этого тоже не следовало мне вам говорить», – тяжело вздохнув, подумала дама Бэль.

– Тебе сейчас, наверное, лет двадцать пять уже будет. Попробую вам объяснить, что это такое «лет». Вот у нас есть Сиклан, мы по нему считаем сиклоны. А раньше было Солнце. Оно было такое желтое, и такое теплое, особенно по весне. Летом оно бывало и жарким, но я помню именно весеннее. И по нему мы считали годы: один год, два года, пять лет, десять...

Дама Бэль прикрыла глаза. Матильда и Грета поняли, что она погрузилась в приятные воспоминания.

– А Солнце было лучше, чем Сиклан? – спросила Грета.

– Лучше или хуже, не скажешь. Оно было другое. Сиклан тоже очень красивый. А Солнце было желтым. И там под Солнцем было тоже очень много людей, гораздо больше чем здесь.

Дама Бэль вспомнила, что на самом деле ее зовут Изабелла, вспомнила всех своих друзей и близких, которых она не смогла проводить в их последний путь, вспомнила... И на ее глазах проступили слезинки.

– А почему его не стало?

Девушки не могли слышать мыслей Изабеллы, но их вопрос прозвучал как логичное продолжение.

– Почему его не стало? – задумчиво и с легким удивлени-

ем проговорила Изабелла, вспоминая своих не родившихся двойняшек.

А ведь она так любила детей. Она вспомнила и те месяцы горя, и те странные обстоятельства, когда ей предложили на всю жизнь посвятить себя детям, но с условием, что придется всех забыть и оставить...

– Почему вы, думаете, его не стало? – спросила она.

– Мы не знаем. Это Вы говорите, что оно было раньше, – ответила Матильда.

– Оно, наверное, осталось, – дама Бэль по прежнему была в плену воспоминаний.

– Но где же оно тогда? – Грета определенно заинтересовала эта история, от которой у дамы Бэль стали мокрыми глаза.

Но Грета ничего пока не понимала. Как не понимала она и того, отчего могут стать мокрыми глаза.

– Там же, где и было. Не знаю, мои золотые. Наверное, там же, где и было. А я теперь здесь, – выдохнула дама Бэль.

– Наверное, Солнце в Большом мире! – радостно воскликнула Матильда. – Грета. И ты увидишь его!

– Дама Бэль, так Вы были в Большом мире? – почти прокричала Грета. Так, что услышали окружающие. – Что же Вы раньше не рассказывали?

Дама Бэль, словно ее одернули, неожиданно поняла, что наговорила слишком много лишнего.

– Я не знаю, девочки, что такое Большой мир, и где это. Наверное, я уже совсем старая стала и много себе наприду-

мывала, – ласково улыбнулась она.



Зазвучал паромный марш. Это был знак, что пора прощаться. Грета, дама Бэль еще раз обнялись и поцеловались. Грета нисколько не грустила, покидая Клетсион – мир, ставший родным для нее. А свой настоящий родной мир с Солнцем она не вспомнила, даже слушая рассказы дамы Бэль.

Так же счастлива, как и Грета, была Матильда. И только дама Бэль, в отличие от них, старательно скрывала свою печаль от расставания. Расставания с теми, кого любишь. Она была так воспитана и научена любить тех, с кем рядом, и болеть в разлуке, хотя одновременно и радоваться за них, за исполнение их заветных желаний.

Сделав свой последний шаг здесь, Грета ступила на паром и одновременно в новую жизнь. Вместе с ней на паром вошли еще сотни человек. Они все так же кому-то махали рукой, когда паром начал медленно уплывать вдаль и вверх к Большому дворцу через глубокую пустоту, заполненную сизой дымкой. В этот момент на площади находилось огромное количество людей, среди которых было много детей.

Те, кто не был здесь, могли наблюдать торжественную церемонию по телевизору. Вид счастливых лиц тех, кто возносил, многократно усиливал мечту зрителей так же когда-то стать достойными и оказаться на этом пароме.



Когда стихла музыка, дама Бэль и Матильда отправились на старты, где их и других провожавших ожидали гоны.

– А помнишь, Матильда, раньше ведь не было ни стартов, ни гонов, – спросила дама Бэль

– Да. Помню. Был только один наш Белаторий.

– Да, да, – засмеялась дама Бэль, – это мы его так стали называть еще, когда вы были совсем детьми. Сокращенно от слов «белый» и «санаторий».

– И мы долго даже не знали, есть ли еще такие.

– Да. А потом, когда открыли «Горный», наш получил официальное название «Лесной», потому что у нас вокруг со всех сторон леса. Между ними стали летать гоны.

– Из-за леса старты у нас сделали на крыше.

– Потом открыли «Центрум» возле Паромной площади. Ты помнишь, Матильда, как его открывали?



– Здравствуйте, дама Бэль! Привет, Матильда!

– Эдик! Какая встреча! – обрадовалась дама Бэль, подошедшему к ним Эдику, которого она тоже очень давно не видела. – Ты тоже кого-то провожал?

– Да. Карстен сегодня улетел на пароме, – ответил Эдик.

– А ты остался?

– Мы же не сами это решаем. Может, меня в следующий раз возьмут. Но если не возьмут, не страшно. Я пока здесь других буду учить. Я стал господином, – гордо произнес Эдик.

– Правда! – воскликнула Матильда. – Здорово! И как тебя теперь называют? Господин Эдуард!

– Чуть проще и чуть короче. Господин Эд.

– А чем ты занимаешься? – поинтересовалась дама Бэль.

– В Горном я веду факультатив горных лыж. Я сам давно уже на него хожу. А теперь людей становится все больше, с других центров приезжают, с вашего Лесного, с Центраума, а учить не кому. Поэтому меня взяли в господа. А вы кого провожали?

– Грету.

– Грету? Вот будет здорово, если они все: Франчи, Грета и Карстен в Большом мире встретятся!

Они пошагали медленно дальше и даже не стали расставаться на стартах. Эдик отправился вместе с дамой Бэль и Матильдой в Лесной. А оттуда планировал уже попасть к себе в Горный.

Всю первую половину асана Деш занимался изъятием с промышленного носителя. После этого он и еще несколь-

ко его коллег отправились проконтролировать дальнейший процесс подготовки, хранения и гонировки экземпляров. Для Деша было очень важно, чтобы в Манкоа четко соблюдались все условия для людей.

Люди изымались с носителя спящими. Их доставляли в цех Манкоа, где каждый экземпляр размещался в отдельном помещении и спокойно пробуждался. Переход в цех хранения был возможен только через стерильную камеру. Здесь люди получали новую одежду, которую они сами выбирали из очень широкого ассортимента, которая отшивалась на специальных фабриках Манкоа. Так же люди проходили специальную маркировку.

На фабриках Манкоа так же изготавливалась и специальная еда для людей. В цеху хранения люди получали питание и могли отдыхать так же в отдельных комнатах. Здесь они также оставались ненадолго. Вскоре в сопровождении экспедитора их отправляли на гонировку к месту назначения.

Однако, даже за это непродолжительное время ожидания некоторые из людей успевали в цеху хранения встретить своих знакомых, как, например, Грета и Карстен. Но поговорить им удалось совсем не долго, так как Карстен уже шел в составе отправляемой группы с экспедитором. Они только и успели порадоваться друг за друга, что они сюда попали, да поделиться первыми впечатлениями.

- Большой мир не такой уж и большой, – сказала Грета.
- Наверное, мы пока еще просто не все видели.

– Пожалуй. И здесь совсем не страшно. Мне очень нравится. Только мне сказали, что здесь еще совсем нет ничего интересного. Снаружи будет еще красивее!

– Да? То есть мы сейчас внутри чего-то? Не в самом Большом мире? А кто это сказал?

– Жители Большого мира. Они такие красивые! – Грета была в полном восторге. – Еще мне сказали, что Большой мир называется на самом деле Прата.

– А мне сказали, что мы находимся на Калипре, – возразил Карстен.

– И я слышала что-то про Калипр, но поняла, что вроде все-таки Прата. Ты меня снова запутал.

– Странно, что пока не говорят, что нам нужно делать, – Карстен всегда был деловитым и целеустремленным. Поэтому безделье его мало радовало. – Говорили, что здесь всегда будет много работы.

– Я слышала, что нам потом скажут, что делать, когда отвезут нас на место. Здесь мы временно, судя по всему.

– Хорошо, что мое «временно» уже закончилось. Мы вот уже отправляемся.

– Здорово! А ты знаешь куда?

– Слышал, что не далеко. Далеко пока никого не отправляют. На Танкуру. Но я не представляю, где это. А ты уже знаешь, куда тебя направляют?

– Нет. Мне пока не говорили.

Разговаривая они дошли до ворот цеха, где вынуждены

были попроситься, пожелав друг другу удачи.

«Значит, в Большом мире все-таки можно встретиться», — подумала Грета, оставшись одна.

С экспедитором остался еще один сопровождающий. Это был специалист университета Пианс по имени Блонис. Остальные ушли. Деш еще что-то договаривал с Блонисом непосредственно у посадки на гон.

– Ну, все, Деш. Работайте здесь, а я все проконтролирую, вплоть до доставки экземпляра получателю. Помогу им во всем разобраться. Попробую отметить недочеты в инструкции. Если потребуется, наверное, останусь для инструктажа на столько асанов, на сколько понадобится.

– Да. Хорошо. Нам и Манкоа важно еще понять, как будет адаптироваться человек. Так что обращай внимание не только на новых хозяев, но и на поведение экземпляра, — добавил Деш. — Давай, удачи!

Группу Карстена разделили на меньшие по несколько человек и разместили в пассажирском салоне. Везти груз в грузовом отсеке не стали. Таким образом договорились одновременно решить вопрос и с доставкой, и с подогревом интереса к технологии. Ведь люди в течение всего полета находились на виду.

– Вам удобно, Карстен? Все хорошо? — спросил Блонис

Карстена, а потом и остальных.

– Да. Вполне, – ответил Карстен.

– Меня зовут Блонис. Если что-то понадобится, обращайтесь ко мне или к нашему экспедитору. Его зовут Омере́.

– Хорошо. А здесь такие же гоны, как и у нас на Клетиионе, – то ли спросил, то ли просто поделился наблюдениями Карстен с Блонисом. – Только больше.

– У вас – это теперь здесь. А на Клетиионе – это теперь уже для Вас там, – поправил его с улыбкой Блонис. – Так что привыкайте! А Вас это удивляет?

– Мы на Клетиионе всегда думали, что Большой мир... Он совсем другой.

– Это правда. Поверьте. Сейчас Вы это увидите, как только мы покинем старты. Вам повезло, мы вылетаем в конце асана. Будет хорошо видно. Но что-то общее у Клетииона и Прата все-таки есть, – оставил немного загадочности Блонис.

Блонис оказался прав. Как только крыша стартов перестала нависать над гоном, перед Карстеном открылся совершенно новый мир. Большой мир!

«Прата или Калипр?» – эта мысль мгновенно покинула Карстена, когда перед ним открылись новые виды.

Через большие окна гона было видно все, хотя и было еще не достаточно светло. Сначала он увидел внизу быстро ускользящий из вида стационар с множеством белых круглых крыш разного размера. А когда они стали совсем неразличи-

мы, Карстен посмотрел вверх. Небо его поразило еще больше. Они привык, что небо всегда было чистым. Но здесь...

– Что это? – спросил он у Блониса.

– Это Танкура. Хорошенько разгляди ее издалека, – посоветовал Блонис. – Мы летим именно туда.

– Танкура, – замороженно прошептал Карстен.

Он смотрел и не мог поверить, что в небе может что-то быть, кроме Сиклана, тем более внушительнее его по размерам. Сам Сиклан Клетiona был существенно меньше здешнего светила и гораздо более ярким.

Но спустя некоторое время Карстен удивился еще больше. Станцион, который они покинули, теперь превратился в нечто такое же огромное, как и Танкура. Это был Калипр, как пояснил Блонис. Он внушительной глыбой, подобно Танкуре, занимал свою половину неба, ставшего темным, только с другой стороны гона.

По мере удаления Калипр терял свои позиции на небе, постепенно обрамляясь по краям своего диска ореолом, пока, наконец, из-за края не плеснул в глаза свет. Спустя мгновение стало понятно, что это... Карстен вопросительно посмотрел на Блониса.

– Это Сиклан, – ответил тот.

– А тогда..., – Карстен показал на то, что он до этого принял за Сиклан.

– Это Асана.



Деш вернулся к себе в университет. Он остался доволен тем, что увидел в Манкоа. И в конце асана, разговаривая с Рейпатеондом, он выразил надежду, что и в дальнейшем процесс подготовки будет таким же гуманным.

– Конечно, – заверил его Рейпатеонд.

– Я просто еще раз напоминаю, что это не просто принцип. Он отличается от всех прежде внедренных ранее, наличием имитации обычных эмоций. Но, тем не менее, для них эти эмоции настоящие, они с ними живут. От этого зависит устойчивость каждого конкретного экземпляра.

– Вам, Деш, виднее. Вы имеете дело с этим принципом уже... – Рейпатеонд задумался.

– Уже три сиклона, – договорил Деш.

– Вот именно. Поэтому мы постараемся следовать Вашим рекомендациям. Ведь мы так же заинтересованы в том, чтобы внедрение было успешным, – уверил Рейпатеонд. – А для этого нам потребуется эффективно удовлетворять спрос, – с намеком закончил он.

– Да, да! Понимаю, что Вы имеете в виду, – улыбнулся Деш. – Я как раз иду к себе. Необходимо все точно просчитать и спланировать завтрашнее повышение плотности времени на носителе. Мы так и оставляем запланированное повышение в три раза или у Вас появилась какая-то допол-

нительная информация, и нам необходимо скорректировать планы?

– Пока оставляем в три раза, – ответил Рейпатеонд. – Точнее смогу сказать только завтра, когда мы обработаем заявки, собранные за сегодняшний асан.

– Хорошо. Тогда завтра свяжемся и уточним параметры, – заключил Деш.

Время на промышленном носителе ускорилось, что позволило изымать с Клетииона втрое больше людей уже сейчас. Однако это не было пределом производительности.

– Количество готовых экземпляров где-то пять процентов от общей численности, при условии их изъятия по мере физиологического созревания и стабильной репликации, – объяснял Деш Рейпатеонду, – Поэтому, если не изымать слишком много экземпляров, а нарастить численность на носителе, то возможно наращивание мощности и без повышения плотности времени.

– Но это потребует временного ограничения в поставках? Правильно я понимаю? – уточнил Рейпатеонд.

– Да это так. Временно. Одного обиора будет достаточно. Но кроме этого временного недостатка, у этого способа есть и преимущества. Во-первых, чем быстрее идет время на Клетиионе, тем нам труднее контролировать события, происхо-

дящие там, труднее успеть вмешаться и скорректировать их.

– А значит, больше риск получить сбой качества, – сделал логический вывод Рейпатеонд, исходя из своих практических интересов.

– Совершенно верно. Во-вторых, при повышении численности, можно будет увеличить и количество специализаций. С прикладной точки зрения это тоже аргумент.

За несколько последующих ариядов было отправлено в разные направления несколько десятков тысяч человек. Количество заказов стабильно росло. Поэтому решили использовать оба способа наращивания производительности.

Деш более всего опасался, что экземпляры придется долгое время хранить на складе. Но этого не случилось. Их держали в цеху хранения не более установленного Дешем необходимого минимума, чтобы дать людям возможность осознать свое новое местоположение и немного привыкнуть к новым окружающим условиям.

В этом динамичном темпе Деш не заметил, как миновала еще половина обиора. На предстоящие короткие выходные дети звали его в педагогиум на запланированный концерт и обещали сюрприз. Правда, они и сами не знали какой именно.

Даже в большом зале педагогиума оказалось довольно тес-

но для такого количества гостей. Снова было много родителей, как и в прошлые выходные, когда была встреча с Франческой. Очевидно, многим эта встреча запомнилась, и они ожидали чего-то столь же интересного и в этот раз.

Эти ожидания оправдались. После своих выступлений дети заняли места в зрительном зале. А на сцену выкатили какую-то трехногую каракатицу. Объявили дополнительный номер для которого пригласили из ресторана Маники, нашу-мевшего в последние конжоны, их новую артистку из новой развлекательной программы. Она исполняла музыку, что само по себе было новым явлением для пратиарийцев, очередным заимствованием изобретения у изобретенного принца.

Для небольшого концерта было отобрано несколько чисто инструментальных разнохарактерных произведений и одна песня для заключительного номера.

Те немногие, кто уже слышал артистку в ресторане, слушали музыку с еще большим вниманием, чем те, кто слышал ее впервые. Выступление прошло в исключительной тишине, какая бывает, когда хочется вслушаться и не упустить ни одного пассажа, ни малейшего оттенка звука, ни единой гармонии. Но такое тонкое восприятие свойственно только самым утонченным земным меломанам. Пратиарийцы же слышали в этом новое для себя фантастическое и виртуозное сочетание звуков, гармоний, ритмов, настроений, переходов создававшее необычные ощущения. А когда артистка

еще и запела...! Яркий неповторимый окрас голоса и богатейший тембрально фальцет артистки отметила в свое время еще дама Жура. Удивленные игрой на рояле слушатели еще больше впечатлились сочетанием рояля и вокала. Но им, как в принципе и неискушенным людям, сложно было оценить мастерство исполнения и широту тесситуры, подвластную исполнительнице.

Выступление приглашенной пианистки и вокалистки закончилось шикарными аплодисментами. А Франческа даже расплакалась, вновь услышав это непринужденное и вместе с тем чувственное глубокое и так сильно знакомое ей вибрато, задевшее в ее душе струны, которыми она не умела управлять.

– Что с тобой, – испуганно спросили дети Франческу.

Они никогда не видели столь странной реакции и даже насторожились за нее. А имила Монцаи даже предположила, что это какая-то неисправность.

– Это Грета, – шептала растроганная Франческа.

– Да. Ее зовут Грета. Кажется, именно так ее объявили, – ответил Майол.

– Нет. Вы не понимаете. Это Грета. Моя подруга.

– Так ты ее знаешь?

– Конечно, знаю. Мы с ней были постоянно вместе с самого детства.

Франческа сама не понимала, что с ней происходит. Она никогда не испытывала ничего подобного. Она даже не зна-

ла, что делать со слезами. Ей не стоялось на одном месте, но ее состояние не позволяло ей понять, как следует поступать.

– Деш, Франческа, оказывается, знает Грету, – радостно сообщил Майол подошедшему Дешу.

– Это не удивительно. Ведь они обе из первого поколения людей, – ответил Деш. – Они самые старшие.

Франческе безумно захотелось увидеться с Гретой и обнять ее. Ей так много хотелось рассказать, и так много хотелось узнать. Она побежала за сцену. Туда, куда только что ушла Грета.

– Что это с ней? – испуганно спросила Зеиниса, мама одного из учеников.

– Разве ей кто-нибудь что-нибудь поручил? – с не меньшим удивлением поинтересовалась имила Монцаи.

Присутствовавшие подтвердили, что ничего не поручали Франческе.

– Это же вы их сделали, может, поясните? – обратилась Монцаи к Дешу.

– Ничего особенного. Просто ей самой чего-то захотелось. Вот она и побежала.

– А разве они так могут?

– Как так? – уточнил Деш.

– Сами что-то хотеть, что-то себе решить и сделать? Мне казалось, они могут только исполнять поручения, – продолжала Монцаи.

– Не беспокойтесь, имила Монцаи. Они действительно

могут принимать решения самостоятельно. В этом их самое главное отличие от всех предыдущих наших изобретений.

– Нужно будет рассказать об этом инциденте имилоту Гигону, – настороженно произнесла имила Монцаи.

Ее этот случай явно встревожил.

– Да. Это хорошая мысль, – поддержал ее Деш. – Нужно будет обязательно рассказать об этом случае имилоту Сайкону. Он будет в восторге!

Франческа не быстро нашла Грету, потому что после выпустления ее сразу проводили в кабинет к имилоту Гигону, так как он обещал лично отвечать за ее сохранность. Узнав об этом Франческа побежала к администратору, спросить, где найти имилота Гигона. Она постучала, прежде чем открыть дверь и, не успев даже спросить, можно ли ей войти, услышала радостный голос Греты.

– Франческа! Это ты!

Грете не было позволено долго оставаться в педагогичуме, но до того, как Грету забрали, им удалось немного поговорить.

– Франческа, прошло столько времени, а ты совсем не изменилась! – говорила Грета.

Они были так рады встрече и словно не слушали друг друга.

– Ты сильно изменилась, – несколько раз повторила Франческа, глядя на Грету и покачивая головой. – А прошло совсем немного времени. Но ты повзрослела.

– Совсем немного? – удивилась Грета. – Прошло уже два сиклона!

– Какие два сиклона? – теперь изумилась Франческа!

– Да, да, подруга! Тебя забрали в Большой мир два сиклона назад!

Франческа рассказала, что она в Большом мире занимается с детьми, что все, чему она училась на Клеттоне, здесь очень пригодилось, что ей здесь очень нравится. Грета согласилась с ней, что здесь очень хорошо. Вот уже несколько арядов здесь она может заниматься только музыкой, ни на какие факультативы ходить не нужно. Напротив, к ней приходит множество зрителей, чтобы послушать, как она играет и поет.

– В их лицах столько восторга, – говорила Грета.

– Это правда. С самого начала я замечаю, что они на меня смотрят замороженными глазами, – рассказывала Франческа Грете о своих впечатлениях. – Особенно дети! Словно мы для них... я даже не знаю, как сказать. Мы ни к кому и никогда так не относились... Хотя... Может, это похоже на то, как мы всегда смотрели на Большой дворец?

– И мечтали попасть в Большой мир? – продолжила мысль Грета.

– Ты права!

– А ты знаешь, Франчи, – неожиданно вспомнила Грета, – мы в Большой мир уходили вместе с Карстеном. Последний раз я видела его, когда он уезжал на Танкуру. Ему сказали так. Если я что-то правильно понимаю, это вот тот круг, что постоянно висит на небе.

– Я слышала про Танкуру. Это тот самый круг, – прошептала растроганная Франческа, бессильно пытаясь вспомнить, что же ей еще рассказывали про Танкуру. Но впервые испытываемые эмоции перехлестывали обычные возможности разума. – Но если мы встретились здесь с тобой, может быть и с ним получится встретиться.

Обе девушки испытывали сейчас странное чувство. Они не могли его понять, даже описать.

Утро удалось не самым приветливым, но постепенно немного растеряло свою неряшливость. Стало выглядывать Солнце и бросаться пучками приятного тепла. Но оставался небольшой ветерок.

– Конечно, идем! Это ведь будет твой по-настоящему первый такой праздник. Помнишь ли ты прошлые годы? – с сомнением выдохнула Виолетта. – Но в этом году он будет юбилейным. Десятым! С момента его официального утверждения. И, наверняка, особенно торжественным. Дочь, ты наденешь зеленый шарф или зеленую шапку?

– Шапку, – ответила Эвелина и добавила, – и шарф тоже.

– А что тогда останется Пелочке? Давай оставим ей шарфик.

На улице было очень много людей. Но в этот день толпа никуда не спешила, она не пыталась пройти сквозь себя поперек. Она, словно, отдыхала и наслаждалась. Здесь были и взрослые, и дети. В этот день все здоровались друг с другом и дарили небольшие букетики цветов.

– Смотри, Эвелина. У всех есть что-то зеленое в одежде, – обратила внимание дочери Виолетта. – Хорошо, что мы Пелочке оставили шарфик, а то бы у нее ничего не было.

Но Эвелина почти не слушала маму, сидя на руках, она смотрела по сторонам. Пелагея тоже пыталась в промежут-

ках между взрослыми ухватиться глазами за все, но не расстраивалась, что люди вокруг такие высокие. Скорее напротив, она чувствовала себя большой и не просилась к маме на руки. Она видела, как мимо них, не спеша, проходили колонна за колонной. Люди распевали подброшенную им идею-фикс нового поколения. Но Пелагея воспринимала все через радужную линзу и записывала в почти еще белый лист своего мировоззрения:

Мы не будем просто верить,

Что планета расцветет.

Мы посадим рощи, скверы

...

«Да. Не без популизма, конечно, – подумала Виолетта. – Но это все более становится похожим на правду. Отчасти это может быть результатом этих песен?»

Последнюю строчку припева Эвелина не расслышала, так как ее отвлекла Пелагея.

– Смотри! Смотри, – шумела она. – Вот оно, самое главное! Ты только посмотри!

В воздухе плыл огромный надувной шар, расписанный под Землю. На нем были изображены все материки и океаны. Дети замороженные рассматривали и махали руками людям, которые были в корзинке под шаром.

«Как все-таки хорошо, что появился этот праздник!» – думала Виолетта.

Для детей этот праздник был новым. Но поколение Вио-

летты и старше еще помнило подобные мероприятия. Она быстро мысленно провела параллель между прошлым и настоящим.

«Он заменил собой прежние, в которых половина не понимала смысла, а другая не принимала его!» – заключила она.

– Ну, вот, девочки. С праздником Матери-Земли Вас, – вернулась от своих мыслей Виолетта.

Она так же поздравила тех, кто стоял рядом с ней. Они в ответ поздравили ее и детей.

– Мама, а зеленые называются материки? – спросила Эвелина, показывая на шар.

– Материки, – ответила Пелагея. – А синие – это океаны.

– А почему они зеленые? – снова поинтересовалась Эви.

– Потому что там растет много, много деревьев. Деревья все зеленые. И материки зеленые.

– А океаны синие, потому что там деревья не растут?

– Конечно. Как они могут расти в воде? – засмеялась Пелагея, испытывая детское легкое чувство превосходства над младшей сестрой. – Океаны синие, потому что... – разогналась, но не смогла объяснить этого Пела.

– Потому что они чистые, – продолжила Виолетта и грустно выдохнула, подумав: «Потому что они должны быть чистыми», и добавила: – Синий свет символизирует чистоту.

– А зеленый? – не унималась с вопросами Эви.

– А зеленый символизирует жизнь!

– Ой, смотрите! Вон еще! – восторженно запищала Эвелина, увидев второй воздушный шар.

В их поле зрения появился огромный, еще больше первого, весь желтый воздушный шар.

– Вот и Солнце! – сказала Виолетта.

В этот момент колонна остановилась, рассматривая парящие в небе шары, и напротив Эви оказался мальчик, который был на демонстрации так же с мамой, как и сама Эви.

– Привет! С праздником! – и Эви помахала ему рукой. В другой руке у нее были цветы.

В ответ мальчик тоже помахал ей рукой, правда, сделал это не очень весело, и ответил что-то на своем языке.

– Что он сказал? – спросила Эви у Виолетты.

– Он тоже поприветствовал тебя, и поздравил, – ответила Виолетта. – На своем языке. – Эти слова не требовали специального перевода, Виолетта понимала их без труда, большинство из них были очень похожи на родные. – Видишь, как много разных людей отмечают этот день. Когда мы все, все, все станем отмечать этот праздник, тогда на Земле, наконец, будет мир, чистый воздух, прозрачная вода, веселые птицы...

*

– Мама, а что она сказала, – спросил мальчик у своей мамы.

– Она поздравила тебя с праздником. А ты от чего сегодня такой не приветливый? Улыбнись и ты ей, – ответила мать сыну.

Но разогнать тучи детского настроения одними словами не просто.

– Поздравляем и вас, – добавила женщина в ответ на приятное поздравление в свой адрес.

*

– А почему он такой грустный? – спросила Эви.

– Разве он грустный? – Виолетта посмотрела на мальчика. – Смотри-ка, он улыбнулся тебе. Ты его поздравила, и ему стало хорошо. Давай подарим ему цветы!

Эвелина протянула ему свой небольшой букетик примул.

– Поздравляю! Меня зовут Эвелина. А тебя как?

Мальчик взял цветы, поблагодарил и добавил что-то еще.

Колонна начала медленно двигаться дальше. И когда они в последний раз встретились взглядом, они помахали друг другу руками.

*

– Мама, смотри, что мне подарили!

– Эти цветы особенные. Это примулы. Они стали символом этого праздника, потому что они одними их первых рас-

цветают весной, как раз к празднику. Они растут почти повсеместно, и они бывают очень разными, так же как и люди. И они показывают нам пример, как можно быть такими простыми, скромными и разными, но украшать свою планету, а не наоборот. А так же в знак надежды... Но ты пока этого не поймешь, – добавила она.

Свою фразу она закончила мысленно: «... надежды, что когда-нибудь эффект примулы перестанет быть главным для людей».

– А ты запомнил, как зовут ту девочку? – поинтересовалась женщина. – Она же тебе назвала свое имя?

– Эвелина, – ответил мальчишка.

Имя показалось ему очень необычным.

*

Эвелине же имя мальчишки не запомнилось.

Прошли годы. Очень много, как думали бы Авдей и Ярик, заканчивая учебу и мечтая о научных открытиях. Но не так уж и много, если оглядываться назад и не округлять до десятков. Возможно, потому что мечта все еще была впереди, а возможно, просто потому, что после определенного рубежа время чудовищно ускоряется, и начинаешь его болезненно не замечать.

Иногда в разговорах они все еще пытались убедить друг друга:

– Вся-таки я не жалею, что сделал выбор в пользу детей.

– А я не жалею, что ты ушел из прикладных профессий и вернулся в науку.

– Пора нам брать под свое руководство серьезные экспедиции. Как считаешь, Яр?

– А они сейчас есть? – усмехнулся Ярик.

– Согласен. Финансирование жмотское! Хватает только на самые скромные проекты.

– Но мы же с тобой поедem в Африку? Я уже могу решиться. У старшего отметил совершеннолетие.

– Глеба уже можно оставлять за старшего в семье? – подначил Авдей.

– Конечно, можно. Жду, вот теперь, когда ты поставишь на ноги своего, – улыбнулся в ответ Ярик.

Вместе решили отложить поездку еще на три года. Как бы ни много это было, но они уже ждали ее пятнадцать лет. Три года, казалось, роли не сыграют. А за эти пятнадцать лет изменилось слишком много.

Состояться долгожданная экспедиция теперь могла почти полностью за счет средств энтузиастов, так как открыть такое направление силами университета теперь стало в принципе невозможно сразу по двум причинам. С одной стороны, деньги, хотя и поменяли название, но в реальном количественном выражении остались те же. Археология так и не стала почетной областью науки, в отличие от других направлений. И их не могло хватить на довольно дорогую экспедицию. С другой стороны, университет теперь вообще не выбирал направления исследований, они полностью диктовались сверху, академией Земной археологии, входящей в Академиат – жесткую структуру из десятков подобных академий по своим направлениям.

Ярик и Авдей, возможно, решились бы перейти в другой университет, если бы академия где-то открыла направление в Африку в интересующий их район для исследований по старому, но не забытому, вопросу о странной цивилизации. Но этого не происходило, несмотря на то, что несколько университетов предоставляли доклады таких же самообеспечиваемых энтузиастов о направлении и просили об открытии больших исследований. К их числу относились лаборатории, которые с начала века занимались этой проблемой: собствен-

но университет, где трудились Авдей и Ярик и южноамериканские. Сама Африка долгое время отсутствовала в процессе, и только в последние годы стала немного активнее, видимо, поборов свое суеверие. Но к ним подключились североамериканские коллеги, по необъяснимым причинам долгое время игнорировавшие факты, словно они находились под запретом.

Из данных, собранных всеми университетами, напрашивался невероятный вывод. Ни один из видов анализов на возраст не показал древности или хотя бы старости находок. Напротив, все указывало на современность их происхождения.

Анализ письменности привел к выводам, что в ней нет ничего принципиально отличного от тех систем, которые существуют или существовали на Земле. Она так же систематична, и в ней так же, как и при разгадке известных систем, можно было выделять закономерности. Однако, ее отличали куда большая абстрактность и меньшая примитивность, дополняемые разнообразием, превосходящим привычные диалекты. В частности, например, символы солнышка, воды, человечков и тому подобное, что встречалось во множестве обнаруженных ранее систем письменности, здесь отсутствовали. Еще одной особенностью этой письменности была исключительная, словно машинная, точность в деталях при нанесении символов и, как предполагаемое следствие, однозначность.

Пока еще все эти характеристики не были доказаны и объ-

яснены. Это были всего лишь статистические наблюдения и основанные на них попытки интерпретации. И, конечно же, полной загадкой оставалась фонетика. Однако полагали, что если она есть у этого языка, то она должна насчитывать весьма значительное количество звуков, ввиду богатства символьных примитивов. Пока ученые могли лишь предполагать, что это количество сравнимо с общим количеством звуков, изобретенных человечеством в процессе развития своего речевого аппарата.

Несмотря на все эти выводы, направление оказывалось, словно под негласным табу. Бороться с Академией и Академиатом было сложно. Сам же Академиат подчинялся напрямую единому правительству, которое появилось после того, как сыграли последнюю революцию.

Революции первого десятилетия большинству казались событиями, из ряда вон выходящими, и в них многие склонны были увидеть их негласного хозяина. А с тех пор, как политику полностью вытеснили политические технологии, все последующие волнения, захватившие в том числе и привыкшие считать себя благополучными страны, проходившие с разной степенью громкости, объяснялись с большим трудом. Но, однако, это уже казалось делом весьма обычным, просто демократическим процессом – широко внедренным в сознания покрывалом, укрывавшим собой многие жизни и реальные поводы.

Пока множество мнений об общей причине революций

возникали и тонули в общемировой полемике политологов, на «ура», наконец, прошла старинная идея создания общего Земного правительства. Ничего, однако, с его появлением, не изменилось, хотя многие ожидали разительных перемен. Одни ожидали, другие боялись. Но наступило время стабильного равновесия. Даже стало создаваться ощущение мирового застоя, обещавшего затянуться. А по сути, изменились только вывеска и невидимый вектор воли, люди же и бюджеты остались прежними.

Поэтому, как только сын Авдея достиг совершеннолетия, они с Яриком мобилизовались и осуществили свою мечту. В африканском походе к ним смогли присоединиться коллеги из других университетов.

На анализ накопанных материалов ушло больше года. Поскольку границы государств теперь были стерты, работать с коллегами из других университетов стало гораздо проще. Да и обмен информацией, несмотря на колоссальный рост ее объемов, перестал быть задачей, требующей временных или каких-либо иных существенных затрат.

Общими усилиями, на основании данных, найденных во всех известных экспедициях, удалось расшифровать, ну, или прийти к некоему единому мнению о значении, часть текстов и надписей. Ни Ярику, ни Авдею не хотелось верить, что таблички, найденные ими в первых экспедициях, были всего лишь указателями. Но они вынуждены были согласиться с этим выводом, так как тексты на них большей частью повто-

рялись. Плюс сопоставление аналогичных находок в других регионах с непосредственными данными расположения табличек на местности говорило именно об этом.

Однако, детальное изучение африканских раскопов и сопоставление их с родным привело друзей главному выводу: необходимо организовывать новые более оснащенные экспедиции. Причем не только в Африку, но и на старое место. Так же хотелось попасть в Южную Америку. Но это было еще сложнее. Оставалось довольствоваться результатами работы коллег. А связь этих районов уже давно стала очевидной. Теперь ученые пришли к единому мнению, что ключевым звеном среди них, включая и Южную Америку, все-таки была именно Африка. И что именно там нужно искать ключи к разгадке.

На оборудование новых поколений они возлагали большие надежды. Это оборудование, не успев появиться, на самом деле сильно изменило археологию. Лопаты, совки, шпатели, напильники и кисти никуда не ушли, но они перестали быть инструментом поиска, став только средством извлечения.

В приобретении нужных приборов, да собственно и в поиске средств на две экспедиции помогли старые связи Ярика с Яном Константиновичем, сумевшим пройти через стройные ряды конкурентов. Так же пригодились сохраненные, умно сохраненные и преумноженные, деньги Ваньки Бублова. Ярик еще тогда сразу решил, что ни на какие мелочи и

глупости он их тратить не будет. Они должны будут послужить более высоким целям. И вот теперь он обращался к ним в третий раз.

Однако, академия археологии отказывалась в этот раз санкционировать исследования, несмотря даже на их полную независимость от своего бюджета. Тем не менее, препятствовать независимым энтузиастам, ведущим работы не под эгидой академии и университетов, они не могли. Точнее могли лишь тем, что запрещали участие студентов в таких поездках. Теперь, однако, уговаривать пришлось даже Натана Саныча. А потом еще и Савелия Ильича. Ни тот, ни другой не хотели рисковать и ссориться с академией, поэтому студентов брать не разрешили.

Но на помощь пришли верные друзья. Из прежней гвардии в науке остались еще не многие. Но по старой памяти, теплившейся или горевшей, они могли бросить все и позволить себе уехать в края чая с песком и обветренных губ. Пусть не на весь срок экспедиции, а только на часть! Но вернуться к тем годам, к той атмосфере... Хотя не многие жалели, что променяли романтику на спокойную и в чем-то более скучную жизнь, но каждого из них все-таки манила эта бесшабашная воля. А Ярик и Авдей в свою очередь были им рады еще и потому, что им они доверяли уже много лет. Слова Семеныча, который и по сей день был в строю, приравнявшего разведку и археологическую экспедицию, оказались доказанными еще и обычной гражданской жизнью.

Почти все, кого они решили пригласить, с радостью согласились. Энтузиазм, конечно, был не тот, что во времена студенческой окрыленности, но еще не нуждался в форе. В команду влились также не менее проверенные желающие с других выпусков.

Началась подготовка.

– Ярик, я не могу в это поверить, – восторженно заливалась Лизон. – Ты наконец-то через столько лет, лет ведь двадцать где-то, если не ошибаюсь...

– Девятнадцать! – поправил ее Ярик.

– ...И ты все-таки собираешь эту экспедицию?! – продолжала Лизон.

– Вообще-то это уже вторая экспедиция. И я не один, не сам. Мы с Авдеем вместе.

– Но я слышала, что сейчас это направление открыть было практически невозможно!

– Оказывается, возможно! – улыбнулся Ярик.

– Это все его долгое нудное упорство! – добавил Авдей, желая подчеркнуть заслуги Ярика.

– Или долгое упорное занудство! – подхватил на лету разговор Митек, с полминуты назад присоединившийся к компании.

– Вот, спасибо, вам честнейшие друзья, за «нудное занудство», – заметил им Ярик.

– Ладно, назовем это целеустремленностью и настойчивостью, – поправился Митек.

– Это вы и впрямь загнули. Ярику занудство не свойственно! – включила адвоката Тамилка.

Ярик почему-то поймал себя на мысли, что ни Тамила, ни Митек не чувствуют себя скованно в присутствии друг друга и даже спокойно участвуют в общем разговоре. Ему даже захотелось поговорить об этом с Митькой.

– Да ладно, Тамил, – успокоил ее Ярик. – А если на чистоту, – добавил он, – то, пожалуй, наверное, так и есть. Вместе эти две «добродетели», – Ярик подмигнул Тамилке, – сделали возможной, в том числе, и нашу встречу. Когда бы мы еще собрались таким составом?

– Не хватает только Егора! – заметила Лизон.

– Я ему звонил. Он отказался, – пояснил Ярик.

– Как это отказался?! – возмутился Митек.

– Сказал, что не сможет, – Ярик тоже всплеснул непониманием.

– Д что значит, не может?! – Митек даже не успевал произносить все звуки. – Даже просто сюда прийти не смог?

– Откуда я, блин, знаю?! Я сам чуть телефон не уронил далеко, далеко, – ответил Ярик. – Пришлось его вычеркнуть.

– Как это он отказался? Красавчик такой! Вчеркивай его, давай, обратно! Теперь еще я ему позвоню. И он согласится! Не сомневайся! – уверил Митек.

На первом сборе составили списки. Записав имена всех участников, прикинув возможности каждого, Ярик решил продемонстрировать новые карты соответствующих регио-

нов. Взяв за концы свою ручку, он растянул ее до длины обычного журнала и повернул концы в разные стороны вокруг оси. При этом в пространстве спроецировались экран и клавиатура. Ярик отрегулировал удобный угол между ними и положил ручку на стол, развернув ее экраном ко всем.

– Это еще что за вычуринка? – первая отошла от удивления Тамила и спросила Ярика.

– У Ярика как всегда полно каких-нибудь новых крутых штук, – как бы пожаловалась и одновременно восхитилась и позавидовала Лизон.

– Да это очередная кетайская всеводнойка, – между делом пояснил Ярик. – Ручка с проекционным ноутбуком. Они любят все в одно запихивать. Но сюда они вложили вдохновения, не пожалели. Шустро ворочается.

– И все сети поддерживает? – уточнил Митек.

– Шутишь? Все, что угодно, держит!

– Только мелкогато больно, – прищурилась Лизон. – Глаза-то уже, немного, не те!

– Поправим! – ответил Ярик.

Он просто, взяв ручку за концы, растянул ее сильнее. При этом экран пропорционально увеличился.

– Сложная, наверное, штука! – фыркнула Тамилка.

– Ну, она, может, и сложная. Это чтобы нам проще было! – подбодрил ее Яр.

– Ой, да чем больше нам облегчают жизнь, тем сложнее она становится, – Тамилку переубедить было не просто.

Расположив удивившее многих устройство на столе, он начал водить рукой по экрану, поясняя особенности местности. Тамила аж всплакнула, увидев снова тот самый расчерченный квадратами полигон. Ярик уменьшил масштаб, и вокруг тех знакомых квадратов прорисовались другие.

– Да! Вот так! – пояснил он. – Теперь это выглядит таким образом. Пока нам академия перекрывает воздух, а сами мы не можем выбраться по разным причинам, другие там поработали очень ударно. Мы, конечно, знакомы с результатами их работ. Отсюда вопрос. А стоит ли нам ехать туда теперь? Есть как минимум несколько соображений по этому поводу.

Тут Ярику позвонили. Нехотя, но он вынужден был отобрать у всех карту. Он развернул ноутбук к себе и принял вызов. На экране высветился абонент.

– Виолетт, привет! Видео не обязательно? Поговорим так? – обратился Ярик к собеседнику. – Отлично.

– Я расскажу пока, чего мы насоображали, – понимающе перехватил инициативу Авдей.

– Я на минутку, – с извиняющимся видом засуетился Ярик.

Он свернул свою технику обратно в ручку и приложил ее к уху.

– А она еще и телефон! – подчеркнуто не удивившись, прокомментировала Лизон.

– Ну, конечно, – улыбнулся в ответ Ярик и вышел.



В конце встречи Ярику удалось поймать Митька на пару слов о давно забытом. Но на самом деле Ярику еще было важно понять их нынешние отношения, чтобы исключить риски такого рода в экспедиции.

– А вы, я смотрю, с Тамиллой общаетесь вполне свободно, – начал Ярик.

– Да, конечно, – вполне легко ответил Митек, нисколько не смутившись затронутой теме.

– Жаль. Мне кажется, вы были бы отличной парой.

Одной фразой Ярик опрокинул на Митьку все воспоминания разом. Митька даже стал в несколько раз медленнее говорить.

– Да сложно сказать, как было бы. Может. А может, и не может, – все-таки сознательно запутывал разговор Митек.

– Тебе ведь было без нее плохо? Ну, признайся, хоть сейчас, – улыбался Ярик.

– Наверное.

– А ей без тебя?

– Не знаю, – показал удивление Митек.

– Ты же знаешь! – опротестовал Ярик. – И тогда знал.

– Не знаю, – медленно повторил Митек, перебирая в голове остатки мысленных круговоротов тех времен.

– Ты же так и не пробовал с ней тогда помириться? Я тогда

настаивал, чтобы ты поговорил с Тамиллой.

– Нет. Не пробовал, – фраза прозвучала довольно сухо.

– А вы вообще виделись тогда?

– Ты знаешь, – припомнил Митек. – Мы тогда поругались и месяца два не встречались. А потом за неделю как-то случайно пересеклись аж два раза.

– Ну! И что?

– Случайно? – Митек подозрительно посмотрел на Ярика.

– Я не знаю, – непонятливо ответил тот и поспешно вернул разговор в прежнее русло. – Ну, так что? Встречались...

– Да ничего, собственно.

– Ты не разговаривал с ней?

– Нет, – отрезал Митек.

– Не жалеешь?

– Тогда я не верил, что возможно вообще начать что-то сначала, – уклончиво ответил Митек.

– А теперь веришь, что возможно все?

Теперь в разгаре такого пристрастного разговора Митек понял, что те встречи с Тамиллой не были случайностью. Зная ее характер, он понимал, что она сама не стала бы подстраивать такие встречи и делать вид, что случайно оказалась там, где и я.

«Значит, и для нее они были случайными, но на самом деле случайными не были, – рассуждал он, пока Ярик ждал от него продолжения разговора. – Но если бы их устраивала она, то она должна была ждать, что я сделаю шаг, и сама

не делала. А если встречи – это дело рук Ярика... Она тоже могла бы... Но не стала. Не хотела? Считала, что я должен... что я виноват...»

Прервал его мысли Ярик, желая все-таки узнать развязку той истории.

– А ты смог понять, что между вами произошло? – спросил уже прямо в лоб Ярик.

– В смысле?

– Ну, что вдруг между вами стало не так? Что вы не так делали? Кто, в чем виноват? С позиции-то времени оно уже виднее теперь.

– Ты, знаешь... В молодости мы все хотим быть сами собой. Требуем, чтобы нас приняли такими, какие мы есть. А фишечка-то в другом. Людям, к сожалению, нужно предлагать то, что им нужно, а не то, что имеется.

– Мдааа. Ты случайно не подрабатывал где-нибудь в отделе маркетинга? – впечатлился Ярик.

– Нет. Случайно не подрабатывал, – улыбнулся Митек.

– А верю, что всегда можно начать сначала. Возможно многое! Если хочешь! Нужно только не ждать, а действовать.

Но Митьку удалось с головой погрузиться в ощущения тех лет, так что отвечать было не просто.

– Ты знаешь, Ярик, ведь накопилось столько, что казалось, отравлено все, – вдруг начал он. – А оказалось да. Со временем я узнал это. Простой открытый разговор и два слова «прости» могут обнулить целую кучу лишних глупостей. И

создать ощущение чистого листа.

– Это, наверное, как исповедь, – сравнил Ярик.

– Ты исповедался когда-нибудь? – поинтересовался Митек.

– В церкви?

– Угу.

– Я нет.

– Я тоже. Но, наверное, ты прав. Смысл один и тот же.

– Если искренне, – добавил Ярик.

– Да, пожалуй, это важный фактор.

Экспедицию в Африку повел Ярик.

На старое место неделей раньше поехал более сильный состав во главе с неизменным Семенычем, уже весьма престарелым, но еще сохранившим дух и запал. Как старший по возрасту, он был назначен официальным руководителем. Хотя идейно здесь уже заправлял Авдей, представитель повзрослевшего и сформировавшего свои интересы нового поколения.

Обе группы постоянно поддерживали связь между собой, сообщая друг другу о своих достижениях. Ярик был чрезвычайно доволен своим компактным полевым офисом, который оказался сразу всем: картой, записной книжкой, переговорным пунктом, аналитической лабораторией, центром до-

суга. Больше всего Ярик оценил по достоинству его автономность – несколько недель без подзарядки при круглосуточной нагрузке.

Но неожиданно вдруг Ярику пришло сообщение, что Семеныч прервал экспедицию и возвращается. Причины ему не сообщались из соображений, как позже выяснилось, чтобы не нагнетать обстановку на втором фронте. Ярик попытался узнать новости у жены, но Нонна тоже отделялась общими спокойными формулировками. Тревога, вытесняемая азартом работ, у Ярика понемногу улеглась.

Ярик находил все новые и новые следы, которые не приближали его к финалу, не сужали круг работ, а к огорчению или, может, наоборот, к радости, раздвигали границы шире и заставляли переоценивать масштабы. С каждым часом, с каждой лопатой он убеждался все больше в правоте своей интуиции. Ведь ни на каком другом полигоне никто еще не находил таких территорий и строений.

Ярик со своей группой пытались высветить общие черты и различия. Объединяло все полигоны то, что они все были словно засыпаны грунтом, как будто кто-то нарочно хотел просто захоронить следы своего пребывания. Под этими курганами они находили множество очень схематичных построек со скудным количеством быта. Африканский же полигон наряду с коробками вскрыл множество художественных сооружений. Причем они не представляли собой какую-то свою культуру. Они повторяли мотивы, традиции множества

разных известных народов, а где-то просто копировали существующие памятники истории или достижения современности.

*

Наконец, команда Ярика снялась с места. Они спокойно возвращались домой. Ярик был готов ворваться в аналитическую работу. Самые важные свои догадки он приберег, не стал сообщать заранее. Во-первых хотелось рассказать это лично, во-вторых хотелось в более спокойной обстановке более тщательно проверить еще некоторые моменты. Но уже сейчас он знал, что как никогда близок. Это ощущение, однако, не конкретизировало оставшегося расстояния, ведь он не знал общего. Единственное о чем он жалел, что срок экспедиции закончился. Впрочем, необходимо было еще как минимум столько же времени, а не просто несколько дней, чтобы добраться до того, что казалось самым интересным на данный момент. Никто не мог утверждать, что возможны и более головокружительные находки.

Их самолет в аэропорту встречала целая делегация из родственников. Нонна здесь уже, конечно, не смогла уклончиво отвечать на вопросы Ярика об экспедиции Семеныча. Однако, Ярик не много понял из ее объяснений. Она говорила эмоционально, что было, вообще говоря, не в ее стиле, и такими небылицами, в которые было трудно поверить.

Главной новостью было то, что Авдей не вернулся из экспедиции. Это был факт, в который трудно было не верить. Ведь человек либо есть, либо его нет. Ошибиться в этом трудно. И если бы Авдей был, он бы встречал его. А вот с причинами... У Ярика осталось много вопросов. Он даже сам осознавал, что его голова тупо прокручивает, не в состоянии соединить объективную реальность с привычной и желаемой.

– Натан Саныч! День добрый! – ожидаемым, но все-таки неожиданным гостем ворвался Ярик в кабинет своего руководителя.

– Ярослав! Эка тебя Африка-то поджарила! Ну, рассказывай скорее!

Они поднялись на кафедру. Ярик привез профессору в качестве сувенира финики, которые тут же пошли в дело «под чаёк».

– Эти аборигены... – начал было что-то рассказывать Ярик, но вспомнил, что хотел сначала расспросить про Авдея. – Так, а что там с экспедицией Семеныча? Давайте начнем с этого. Мне Нонна что-то невнятное рассказала. Вроде как Авдей не вернулся со всеми. Ну, все остальное, что она говорила, звучало еще менее суразно. Впрочем, это обычно для информации из третьих рук. Не очень правдоподобно.

Поэтому...

– Может и не очень, – перебил Натан Саныч, резко изменившись в лице после смены темы. – Может и то, что я скажу, так же не очень. – Он выдохнул, собираясь с мыслями. – Группу водил Семеныч, как ты знаешь. В смысле Анатолий Семенович. Ну, да что там, вы его тоже всегда просто Семенычем зовете. Он, конечно уже не в студенческом возрасте, но...

– ... Подозрений не вызывает! – продолжил Ярик, глядя в глаза Натану Санычу.

– Именно. Именно этот факт больше всего и не дает покоя. В принципе показания всех участников сходятся. Хотя там показаний-то... В общем... Они уже достигли цели. Собственно, поставлен был стационарный лагерь. Песчаный берег у начала косы на извилине речки. С одной стороны лес. Думаю, ты представляешь, где это и как это. Был там. В этом лагере они собирались жить все время экспедиции. Это была третья неделя. Спать легли поздно, бурно обсуждали результаты дня и с их учетом строили график работ. И то, если бы не начал моросить легкий дождь, спать бы легли позже. Все надеялись, что дождь несерьезный и не испортит следующий день. Морозящий дождь, однако, шел почти всю ночь, на рассвете прекратился, – пересказывал Натан Саныч события того утра со слов Семеныча, который утверждал, что каждый раз, как вспоминает тот день, все события пролетают у него в голове с точностью до писка комара.

А Семеныч рассказывал, что утро оказалось довольно загадочным:

Проснулся он, слышит голос Лизон.

– Семеныч, это Вы проснулись?

– Похоже на то. А ты как догадалась?

– Да храпеть перестали, – засмеялась Лизон.

– Ну, ты, блин, Агата Кристи!

– Ага! Еще и Золя Матьяра одновременно.

– А эт еще кто такое?

– Это легенда африканской фемиды! – слегка даже обиженно сказала Лизон. – Храпите там в своем спальнике и ничего-то вы не знаете вокруг.

– Хм! А это еще как знать! Вот вопрос тебе, только, чур, из палатки не высовываться. Был ли ночью дождь?

– Да мы б обмерзли, если б был.

– Эх, блин, Чоля Мадьяра. А он ведь был. Можешь вылезть и проверить.

– Какая Чоля Мадьяра? Золя Матьяра! – продекламировала Лизон. – Известная личность, между прочим.

– В узких кругах, видимо! – засмеялся Семеныч.

– Блин. Придется вылезать, проверять Вас на дождь. Может тогда, Семеныч, сразу по чаю?

– Ну, ты, Лизон, знаешь, что я чай не пропускаю. Придется тоже вылезать. Только ты варишь!

– Была б кирка. А чай мы сварим!

Они одновременно высыпались из палаток.

– Привет утренним кукушкам, – потягивающимся голо-
сом промычал Егор и передернулся от набежавшей зябко-
сти. – Ух, ну и холодрища же!

– О! Привет, Егор! И Егору после дождя не спится. Не
только нам, – ответила Лизон.

– Мне не спится? Это вам не спится? А я жертва вашей
бессонницы. Что делать совам прикажете? Ладно, че путное
бы рассказали. А то какая-то Зойка Мутяра.

– Золя Матьяра! – продекламировала снова Лизон. – Ни-
какая ты не сова. Натуральный и полный глухарь! И прекра-
щай уже зевать. Проснулся – выковыривайся наружу.

– Выковыриваюсь, – передразнил Егор грамотную Ли-
зон. – В качестве компенсации тоже требую чаю.

– Будет тебе чай. С глухарями, как ты любишь!

В кабинет вошел Селиван Николаевич, прервав беседу.

– Вот те и неолит! Я значит, его посылаю в Африку, а он
обо всем интересном сначала докладывается этому, прости-
те, Натану Санычу! – взбодрившись от встречи с Яриком,
радостно закричал Селиван Николаевич.

– Селиван Николаевич! – С не меньшей радостью выпалил
Ярик, и они крепко пожали руки. – Уж на счет того, кто, кого
посылает в Африку...

– Ладно, ладно! – успокоил его Селиван. – Я же это, из
зависти, так сказать.

– Да я недавно пришел. А у Вас по расписанию пары. Бы-
ли. – Но радость встречи быстро сошла с лица Ярика. – На-

тан Саныч мне как раз рассказывал об экспедиции Семеныча и Авдее.

– А. Да, – поблек вслед за Яриком и Селиван Николаевич. – Это... В общем, да. Ума не приложу, что делать.

– Лизон изобразила чай. Ну, а где чай – там и разговор, – продолжал пересказывать Натан Саныч. – В течение получаса появились все. Лизон начала с чая и осталась ответственной за завтрак. Семеныч всех пересчитал и скомандовал, будить Авдея.

– Вот человек знает, где ставить палатку, чтоб его утром разговоры не будили. Слышь, Егор? – обратился Семеныч внимание Егора.

– Слышу. Уже записываю! – отозвался Егор.

– Записывай, записывай. Да Авдея сходи, подыми. Через полчаса уже выдвигаемся.

Через минуту раздался голос Егора:

– Авдея нет.

– Что значит, нет? – отозвался Семеныч.

– То и нет. Отзываться не хотел. Открыл палатку, но его там нет, – кричал от палатки Авдея Егор.

– А куда он ушел?

– Куда он ушел, куда он ушел?! Откуда я знаю? – Егор стал осматриваться вокруг палатки. – А уходящих следов-то и нет!

Тут уже оглянулись все. Любопытно же! Что же так такое растет, что Егор так быстро начал забываться. Семеныч по-

шел было в сторону палатки Авдея по следам Егора, и видит, что кроме следов Егора к палатке других-то свежих следов на песке действительно нет. Ни уходящих, ни приходящих.

– Лизон, ну-к, давай, Золя Катяра, разберись, – снова шутливо сказав имя героини этого утра, сказал Семеныч.

– Не смешно, Семеныч, – сухо ответила, уже стоявшая рядом с ним, Лизон.

– Натан Саныч, ну, это же чухня полная, – недоумевая, загудел Ярик.

– Ну, чухня, не чухня, а Семеныч говорит, что после слов Лизон чувство юмора покинуло всех.

Осмотрели палатку. Цела. Все вещи на месте, одежда. Вплоть до нижнего, в котором он, очевидно, спал. Вещи не только на месте, но они абсолютно невредимы. Со слов Егора, как он вспоминал, когда он залез в палатку, одеяла не были развернуты, как обычно, когда человек, проснувшись, покидает постель. Одеяла лежали так, как будто человек укрыт ими, даже закутан в них. Только что слегка осевшие, что бросилось Егору в глаза. И он стал стягивать их, а не пытаться докрикаться до Авдея. Остались даже нательный крест и серьга из уха Авдея. Представь человека, решившего сходить по нужде посреди ночи, который перед этим снимет серьгу... Или похитителей, которые аккуратно снимут крест и оставят его на подушке. Или вдруг он надумал сбежать, если уж предполагать даже невозможное, и...

– Вы в это верите, Натан Саныч? Сами?

– Ярик. Я там не был. Но открою тебе секрет. Все, кому я не верю, вылетели с кафедры уже очень давно. И ты знаешь, благодаря кому. Я полностью разделяю его профессиональную позицию. А дожившим здесь на архе и в экспедициях в том числе и со мной до диплома я верю. Иначе, я бы с ними, как говорит Семеныч, не пошел бы даже в песочнице совочком копать. Но там был еще и сам Семеныч, – Натан Саныч перевел дух. – Я за него ручаюсь.

Естественно планы экспедиции были прерваны. Но они оставались там еще три дня. Каждый вспомнил все, что ему вчера показалось странным вообще и в Авдее в частности. Ничего! Если только излишне возбужден и разговорчив. Но такими были абсолютно все. Все предвкушали завтрашний день. Днем раньше Авдей первым увидел в скале грот. И завтра туда собирались отправиться пять человек.

– И что грот?

– Обследовали дважды. Просто грот!

– Ну, если не грот, – не находил себе места Ярик, – то это должно быть связано с чем-то другим. С чем-то оно должно же быть связано? Должна быть объяснение!

– Может, это связано с тем, зачем вы туда ехали? – отчасти огрызнулся Натан Саныч, еле сдерживаясь под напором негодования своего собеседника. – Кого мы там накопили, кого задели, мы ведь не знаем.

Ярик не мог срастить в голове детали. Не мог поверить в мистику. Не верить словам причин не было, но ушам в таких

ситуациях люди склонны не доверять, сожалея, что не видели всего своими глазами. Ярик жалел, что его не было там.

– Ты себя нормально чувствуешь, – поинтересовался Натан Саныч, видя, что Ярик совсем изменился в лице.

– То ли тошнит, то ли просто хочется сдохнуть, – еле отозвался тот.

– И не говори. Ну, значит ты в норме, – проговорил Натан Саныч, не найдя больше ничего для продолжения.

– Семеныч, Семеныч, – медленно повторял, как в трансе, Ярик. – Как? Я просто не понимаю!

– Ты, видимо, действительно не понимаешь. Ты знаешь, сколько ему лет?

– Точно? Не знаю. Но он всегда грозился еще успеть отчислиться из универа наших детей.

– Но между тем он ходит в экспедиции почти столько же, сколько ты ходишь своими ногами.

– И что с того?

– А сколько открытий сделал он за эти годы?

– Я слышал только о двух.

– И это все! Больше нет! Это при том, что в экспедициях под его руководством было сделано больше двух десятков важных открытий. Вот и делай выводы, чем Семеныч занимается в экспедициях и что ему важнее.

После этого разговора Ярик уже было далеко не в том состоянии, чтобы докладывать о своих масштабных и перспективных результатах. Он просто оставил документацию и ушел. Договорились встретиться завтра.

А вечером он и Ноннка пошли в Маришке, жене Авдея.

Она, конечно, была в полнейшей растрепанности, но все-таки в полном сознании. Сын Аким не отходил от нее. Из ее рассказа самым важным фактом было то, что Авдей в палатке был. Он непосредственно перед сном из палатки звонил Маришке и был вполне обычным.

– А ты его родителям уже сообщала, Мариш? – осторожно поинтересовалась Ноннка.

– По телефону не могу, Нонн. И ехать не могу, – окончательно расклеившись, закрыла руками лицо Маришка. – Даже не знаю, как это сделать.

Нонна подошла к подруге и позволила ей отпустить эмоции.

– Яр, ну, придется тебе съездить, – сказала Ноннка, еще сдерживаясь, чтобы Акиму не пришлось успокаивать еще и ее. – А кто еще? Как лучший друг. Они тебя хорошо знают.

Все немного задумались.

– Да я сама должна сказать, – вдруг пролепетала дрожащим голосом Маришка. – Я ж ему жена. А то, что они потом

скажут? Что я сгубила им сына и даже на глаза не показываюсь.

Маришка снова отвернулась в подол Ноннке.

– Мы съездим с тобой. Сама ты далеко не уедешь, – ответил Ярик и спросил у Ноннки. – Ты поедешь?

– Не стоит, думаю. Такие новости, да еще толпу создавать. Не до гостей им будет, – ответила Нонна.

Встречу с Натаном Санычем пришлось перенести на более отдаленное будущее. Но ехать к родителям с рассказами, в которые Ярик сам до конца не верил, ему не хотелось. Поэтому и в дорогу засобирались не сразу.

На следующее утро Ярик отправился к Семенычу, который после экспедиции в университете появился всего два раза. Разговор с Натаном, точнее то, чем он закончился, не выходили из головы Ярика. Он понимал, что Семеныч действительно сделал больше, чем на его месте сделал бы любой другой добросовестный человек. А Семеныч таким был, в этом Ярик не сомневался. Но просто не поговорить и не узнать все из первых рук, Ярик не мог. Кроме того, для того, чтобы понять, что делать дальше, Ярику хотелось узнать, что же они обнаружили там нового именно от Семеныча.

– Более всего это похоже на базу, – рассказывал почти равнодушным голосом Семеныч, описывая всю расчищенную

там территорию. – Базу, спроектированную четко функционально логично, но по каким-то причинам брошенную.

– Как и все известные полигоны, – добавил Ярик.

– Причем мы неоднократно могли уже убедиться, – продолжил Семеныч, – что ее возраст крайне мал. На это указывают и результаты определения возраста находок, сделанных там, и незначительная толщина довольно, кстати, легких и однородных пород, из которых был насыпан курган.

– А пещера, которую нашел Авдей?

– Грот? Ничего подозрительного. Причем, скорее всего другие экспедиции уже находили его.

– Мне кажется, я ни разу не находил в их описаниях упоминания о гроте, – попытался вспомнить Ярик.

– Да. Ты прав. Мы тоже об этом вспомнили, когда вечером обсуждали его. Никем не упомянутый грот. Что показалось странным. И мы тоже побывали там. На самом деле ничего интересного с научной точки зрения: необычного, аномального... Я никак не могу связать его с...

– Ничего необычного, никем не описано..., – задумался Ярик. – А как вы решили, что не вы его нашли первыми?

– Не только туристы могут быть идиотами! А может, и туристы там тоже были. Все банально. Горка жестяных банок и надписи у входа «здесь был...», причем на каких-то нескольких различных языках. В том числе и нашем! Не только ведь наш арх снаряжал туда походы.

– Каких-то языках?

– Современных языках! С другой стороны, так же никто еще не заявлял о пропаже людей, – добавил Семеныч.

– Никто не заявлял..., – повторял зомбировано Ярик. – Да. Тоже факт. Ну, раз Вы говорите, что никаких признаков жизни или намеков на активность там нет...

– Это не лично мое мнение. Мы несколько дней до полуночи спорили, пытаюсь вырваться из круга фактов: возраст мал, с точки зрения археологии просто отсутствует, но заброшена, закопана, мертва. Почему? И такое ощущение, что раскопали уже все.

– Нет мест, где хотелось бы идти глубже? – уточнил Ярик.

– Да. Научный потенциал исчерпан!

– То же самое говорят и о полигонах Южной Америки, – добавил Ярик.

– Судя по доступным материалам, да, – согласился Семеныч.

– Мой полигон – прямая противоположность, – сравнил Ярик. – Там необходима полугодовая вахта. Мне так не хотелось уезжать. Мне казалось, что мы ушли просто с порога понимания, что это за явление такое. Кто были эти люди?

Ярик и Семеныч еще обсудили некоторые моменты, информацию о поездке Ярика, что в сложившейся ситуации делать дальше...

Когда Ярик вернулся от родителей Авдея, он и Семеныч пошли в университет, где продолжились обсуждения. Семеныч не хотел туда идти, воспринимая все-таки произошедшее и как свою ошибку, и как личную утрату. Несмотря на то, что прошел уже почти месяц, он старался избегать общения.

– Как восприняли родители? – сразу поинтересовался Натан Саныч.

– Мать нормально. В слезы, в плечо снохе. Она возле Маришки сидела, слушала, так вместе и успокаивали друг дружку. А отец неожиданно, – ответил Ярик. – Даже, наверное, можно сказать, что он был готов к этому, и ждал этого всю жизнь. А может быть, просто тронулся умом.

– Про отца что-то ничего не понял, – замотал головой, задрав брови, Натан. – Давай-ка сначала рассказывай.

– Он сказал, что его забрала Ия, – добавил Ярик.

Но увидел, что это ничего не прояснило Натану Санычу, и зашел по-другому:

– Ладно, попробую сначала. Приехали мы с Маришкой. Ну, поговорили немного, пока они не спросили, почему мы без Авдея. Сели, объяснили. Отец только и сказал: «Она все-таки его забрала. Ишь, где нашла!» Я сам ничего не понимал, пока он не сказал, что это Ия. Авдей нам как-то рассказывал

свою страшную историю из детства, – начал Ярик.

Вид из подмороженного иллюминатора с искорёженными пиявками из кристалликов льда был прескучнейший – пустыня справа, пустыня слева. Она же, должно быть, впереди. И лишь уверенность в том, что позади еще совсем недавно был большой живой город, который провожал его в самолет, разбавляла уныние. Но не справлялась с ним. Эта мысль окончательно загнала Ярика в дремоту, от которой он очнулся из-за внезапно начавшегося беспорядка.

– Нужно прыгать с самолета, – кричал ему, глядя в глаза, попутчик, вскочивший с соседнего кресла и порывавшийся выбраться через Ярика в проход или вовсе вытолкнуть его.

Причем кричал он очень убедительно.

– Да мы разобьемся тонким слоем, – в не вполне ясном сознании, пытаясь сообразить, бубнил Ярик.

Когда только-только провалишься в дремоту, выбираться, как ни странно, из нее приходится как будто очень издалека.

«Да и вроде бы совсем не этот плюшковидный параноик, – подумалось Ярику, – сидел здесь еще несколько минут...»

Тут мысли Ярика потеряли остатки четкости, продираясь сквозь завалы дремоты и толкая друг друга. Он засомневался в оценке времени. Может, прошло уже и больше. Сознание почему-то сконцентрировалось именно на времени, а не на том, что сосед в самолете обычно не меняется.

– Да не разобьемся! Мы разобьемся вместе с этой ржавой гондолой, если не спрыгнем раньше! – настаивал попутчик и поднимал за руки Ярика.

Его пухлые, но не теплые и при этом не очень мягкие руки, сгущали непонятность ситуации своим несоответствием, которое улавливалось лишь подсознанием, но что-то удерживало сознание и не давало ему вырваться наружу. Сейчас Ярику казалось, что уже и этот спор тянется полчаса.

А целеустремленный паникер не унимался. Впрочем, паниковал в салоне не только он.

– Ярослав, да очнись же ты, наконец, – вскипел сосед.

«Мы уже даже успели с ним познакомиться?» – замедленно удивилось полусознание Ярика.

Факт обращения на «ты», да и вообще разговор на родном языке его снова существенно не задела. А услышанное собственное имя в подсознании раскрутило колючую проволоку недоверия и заставило поддаться на призывы.

Они еле протолкнулись сквозь почему-то встречный поток к люкам и поспешно прыгнули, практически не столкнувшись с протестами персонала. Ярик был в полнейшем смятении. Кто им открыл люки, кто их потом закрыл, прыгали ли с ними кто-нибудь еще, были ли парашюты...? Это некоторые из тех вопросов, которые успели чередой промелькнуть в его голове до того, как его захлестнуло новое состояние.

Ощущение свободного падения и бесконтрольного вра-

щения в воздухе окончательно лишило его связи с реальностью. Ко всему, видимо, еще подключился и страх неминуемой катастрофы, но вестибулярный аппарат не давал мозгу ресурсов на обработку еще и его. Попутчик же не выпускал руки Ярика и перед падением обнял его как бы в кокон и принял удар о землю на себя. Ярик не почувствовал совершенно ничего болезненного или даже жесткого. Но проанализировать, почему так, было некогда. Сразу после мягкой посадки попутчик схватил Ярика за руку и принялся настойчиво тащить его в укрытие.

Ярик более-менее осознал себя уже на земле, точнее на песках, бегущим. Они вместе неслись, оббегая и иногда перепрыгивая небольшие кусты, к каким-то полувысохшим зарослям, стремясь укрыться в них. Ноги еле справлялись с непривычным для них покрытием. К тому же песок попал в обувь, отчего ноги скользили еще и внутри башмаков. Воздух плыл, хотя этот эффект мог быть обусловлен и собственным состоянием сознания Ярика. Впереди в зарослях с трудом проглядывались какие-то строения.

Попутчик объяснял, что нужно опасаться погони... Когда им удалось обогнуть небольшой бархан, оказалось, что пустыня не такая уж унылая и безжизненная, какой предстала поначалу. За барханом заросли были гуще.

«Вероятно, по близости должен быть оазис», – заключил находчивый археолог.

Кто был этот попутчик? Почему Ярик так легко поддался

на его призыв? Ему показались беспорядки или они на самом деле были? Трясло ли самолет? Возможно, оттого, что он был в полусне? Возможно, Ярик после произошедшего с Авдеем уже не боялся ничего предполагать? Возможно, ему что-то подмешали в напиток? Причин могло быть много, но как бы там ни было, теперь в сложившейся ситуации нужно было тупо выживать. Эта мысль выходила на первый план по мере возвращения к Ярику самообладания.

А когда самообладание возобладало, к этой череде вопросов добавился еще один. А куда делся этот бесноватый попутчик?

*

Ярик оказался в городе. По его прикидкам, несколько раз пересчитанным, это было где-то в центральной Африке. Но это его не сильно успокоило, несмотря на то, что приблизительно сюда он и направлялся из Эмиратов. Сейчас он с трудом мог себе поверить, что в этом районе могут быть такие города. Единственное объяснение, которое находил Ярик, это то, что он не может знать всех городов Африки и уровня их развития.

Попутчик, однако, так и не нашелся. И сейчас Ярик ходил по городу один.

Город престранный. Здесь можно было встретить выложенные булыжниками улицы и рядом асфальтированные

площади, старинные дома и зеркальные небоскребы, конные повозки и автомобили самых разных марок, вплоть до самых последних и, даже, встречались такие, которые на вид много современнее современных, как показалось Ярику. Здесь через одну и ту же реку были переброшены каменные мостики эпохи средневековья и внушительные многоярусные подвесные с развязками у спусков весьма на вид актуальные сегодняшнему дню. Кроме того, здесь были перемешаны все культуры: отчасти мистическая готика и загадочные китайские пагоды, шотландские серые основательные замки и легкие турецкие деревянные дома с балконами, каменные европейские дворцы с полями перед парадным подъездом и геометрические аскетичные снаружи жилища ближнего востока, ступенями разбросанные по склону.

Когда Ярику захотелось есть, он на удивление выяснил, что еду можно было запросто попросить, и тебя накормят. Причем торговцы едой тоже были очень разнообразны. Рядом с пышной булочницей в старинном платье, в чепчике, с корзинкой на ленте, пахнущей ванилью, кардамоном, корицей и, возможно, еще дюжиной пряностей, можно было увидеть торговца хот-догами с цветастой тележкой и навесом над ней, источающих типичный кетчупо-сосисочный парфюм. Торговали они просто за спасибо. Причем не важно какое, открытое или скупобуркнутое. Пока что разницы в их ценности Ярик не выявил, зато решил, что это и не важно. И тех и других спасибо у него было достаточно. Уж с голода

он не помрет. Булку у булочницы можно было взять за два спасибо, а хот-дог уже обходился в три.

От легко узнаваемого запаха ширпотребной еды у Ярика желчь захлестнула аж в глаза. Пришлось ни в чем себе не отказывать. Ярик взял две булочки, хот-дог и мороженое. Причем всем дал на чай по одному лишнему спасибо. Правда, как ему показалось, торговцы не были обрадованы этому, видимо, почувствовав себя обманутыми. Они хотели за это отдельное спасибо что-то еще продать Ярику, но тот хамски отказывался, говоря, что это на чай. Но те расстроенные, что чая у них не оказалось, сдавались. Ярик решил больше на чай не оставлять.

На сытый желудок думать труднее, потому что хочется спать, но и тревоги ощущаются не так остро. Спать было негде, поэтому мыслительный процесс не угас. Ярик вдруг раскопал в потоке нестыкуемых впечатлений цель своего пребывания в Африке.

«Вот засада! Ведь через день должны прилететь остальные, – вспыхнул он, – я же поехал первым, чтобы организовать всё: машины для оборудования, жильё».

Он вспомнил, что они срочно вылетали с новой группой в Африку в надежде окончательно разобраться с таинственными поселениями. Ехать на старый полигон во второй раз за решением проблемы исчезновения Авдея, постановили, бессмысленно. Поисковая группа, которую Ярик все-таки сформировал, спустя неделю после возвращения, даже по свежим

следам ничего не нашла. Но пропажу человека не связали больше ни с чем. Все сходилось на загадочной цивилизации, понимание которой могло осуществиться только еще одним известном, но неизученном африканском полигоне.

Он достал мобильный, чтобы позвонить своим. Ни одной антеннки!

«Ну, хорошо хоть, что эта незаменимая тыкался вообще здесь, – промелькнуло у Ярика в голове. – Заряжен. Батареи надолго хватит».

Оценив свое положение, он так же заметил, что кроме телефона у него почти ничего нет. Все вещи улетели вместе с брошенным самолетом.

Соображая о сложившейся ситуации, Ярик шел по улице. Через какое-то время ему надоело идти, и он поймал коляску. Добив дотошного кучера, недовольного ответом «прямо», четким указанием «никуда не сворачивать» он продолжил изучать разномастность окрестностей. Двигаясь прямо и долго, он вдруг обратил внимание, что он здесь уже вроде был.

«Но я ведь никуда не сворачивал! – подумал он. – Или мы по кольцу катаемся?»

– Эй, как Вас там, водитель! Вы никуда не сворачивали? – крикнул Ярик.

– Как приказывали-с, барин. Никуда-с, – отвечив тот. – Эка, Вы меня на «вы», барин, – смутился от такого уважения мужик и даже позволил себе легкую усмешку. –

Проскочили Ваш переулочек? Не гневайтесь, барин, – не дожидаясь ответа, продолжил кучер. – Мигом найдем. Вы помните, куда Вам надобно-с?

– Пока прямо, – помедлив, ответил Ярик. – Да чуть прибавь, – добавил он, стараясь обращать внимание на наличие изгибов у улицы.

Улица выглядела четко прямой, но через некоторое время они снова оказались на том же месте.

– Престранное совпадение. Где я, блин, – проговорил полупшепотом Ярик, чувствуя, как внутри уже начинает скапливаться нечто такое, что не уместится в слово «блин».

Вдруг зазвонил мобильник.

– А, здесь все-таки работает телефон! Это уже плюс! – проскочили в эфир мысли Ярика.

Звонил бывший шеф. Он не часто звонил.

«Видимо, что-то для него важное», – подумал Яр.

– Ярик, привет! Ты где сейчас? Можешь говорить?

Ярик задумался. Первый вопрос оказался в его ситуации не просто формальностью телефонного разговора, на которую можно не отвечать. Он очень хотел бы сейчас сам знать этот ответ.

– Ну, да – ответил он и привлек внимание кучера хлопком по его плечу.

Объяснив жестами, что нужно остановить и договорившись о цене, он буркнул кучеру несколько спасибо и спешился.

– Слушай, я тут застрял в Париже, не могу вылететь из-за погоды, – говорил Ян Константинович, – мне там нужно...

– Ян Константинович, я сейчас тоже не дома. Я в экспедиции в Африке.

– Ааааа. А где ты?

– Точно не знаю.

– Что значит, точно не знаю?

– Вы не поверите... Я и сам не верю. Но не знаю, что это за город. Пытаюсь разобраться.

– Забавный ты стал! – шеф, конечно, не смог по телефону оценить странность и критичность ситуации. Последнее, впрочем, еще и Ярик не осознавал. – Ну, ладно, – сказал он, оставаясь целиком в своих проблемах. – Тогда не буду тебя отвлекать. Будем дома, встретимся. Заходи в офис.

– Да, конечно! – бодро ответил Ярик.

Во время разговора Ярик увидел приземляющийся самолет. Он сразу решил найти аэропорт.

– Смотрите, Вам куда. Туда или обратно! – Ответили ему на вопрос «Как попасть в аэропорт?». При этом сопроводив слова «туда» и «обратно» своеобразными жестами, подчеркивавшими большую разницу. – Но ближайший здесь. Садитесь на шестьдесят первый автобус, доедете. Или вот хотя бы возьмите карету. Тоже довезут. Даже дешевле. Всего четыре спасибо. Правда, конечно, трясет невыносимо, особенно по брусчатке.

– О, это мне сейчас не важно. И цена тоже не критична, –

ответил Ярик. – Главное, как быстрее.

– Тогда карета. Автобус редко ходит.

– Редко?

– Просто они не очень популярны. Все чаще пользуются метро.

– А и метро тоже есть? – удивился Ярик.

– Конечно! – в свою очередь удивилась и булочница.

– Тогда, может, лучше метро?

Ярику было не понятно, зачем сначала рассказывать про автобусы и трясущиеся кареты, если есть метро.

– Там всегда час пик! – поморщила нос румяная мадемуазель.

– Понятно, большое спасибо! – ответил Ярик и поспешил ловить карету.

– Ой! А что же вы? Ничего и не заказали даже, а спасибо говорите. А у меня за одно спасибо и нет ничего вам.

– Да ладно!

– Ну, как это ладно, – булочница спешила за ним, боясь растерять все булочки из своего короба.

Ярик оглянулся, увидел ее. Ему стало неудобно. Вернулся, попросил булочку.

– Сколько еще с меня?

– Одно спасибо, – улыбнулась честная булочница.

– Спасибо, – ответил Ярик и откланялся.

«Вкусно и совсем не дорого, – подумал он, откусив булочку, и поторопился в аэропорт. – Странно, час пик, а на улице

совсем не людно».

Аэропорт оказался вполне провинциальным по масштабам. Однако, Ярик отметил, что даже язык не оббил, расплатившись за билет. Так же он не придавал значения тому совпадению, что нужный ему рейс будет совсем скоро, билеты на него еще не распроданы, и регистрация не заканчивается вплоть до вылета. Ярик назвал первый город, который пришел ему в голову, лишь бы выбраться отсюда, и им оказался Париж, видимо из-за недавнего упоминания в разговоре с бывшим шефом.

«Если что, свяжусь с ним», – подумал Ярик.

Он беспрепятственно прошел в зал ожидания, так как багажа не было. Объявили рейс. Он свернул ноутбук, положил в нагрудный карман и направился на посадку.

Взлетели. Город быстро пропал из вида, Ярик не успел оценить его сверху. Впрочем, он не успел даже задуматься о дремоте и насторожиться, так как именно с дремоты в самолете все так завязалось, как самолет пошел на посадку. Стюардесса объявила, что они заходят на Париж. Оставшееся ощущение легкой странности только позже нашло себе обоснование.

Покинув здание аэропорта, он огляделся по сторонам и увидел выглядывающую из-за крыш домов вершину Эйфелевой башни. Это его успокоило, убедив, что он находится в Париже.

«В общем, не такая уж и большая, – подумал Ярик и по-

тянулся за мобилой. – Попробую позвонить шефу».

В Париже на улицах приходилось быть внимательнее, чтобы не столкнуться с поглощенными собой прохожими. Люди стекались с разных сторон, спешили через один каменный мосток на другую сторону небольшой речки, другие возвращались через более солидный мост обратно и поглощались первым этажом здания в средневековом германском стиле фахверк с белыми стенами, разделенными черными полосами. Прямо над входом висела латинская буква «U».

«Стоо-о-оп! – прищурился на нее Ярик. – У, у, у – это же U-Bahn?! Но так обозначается метро в Германии!»

Снова посмотрел по сторонам. Снова разналяпистость культур и времен. С губ сорвалось что-то, не вошедшее в текст.

Он поинтересовался у первого попавшегося прохожего:

– Не подскажете, где я нахожусь?

– Вы находитесь практически непосредственно здесь! – оценив ситуацию и подумав, ответил на полном серьезе молодой человек и поспешил своей дорогой.

Ярик попытал счастья у торговки напитками. Купив банку холодненькой, спросил:

– А что это за город?

– Вот это Дюссельдорф, там Париж, как видите, в конце улицы есть немного Калькутты.

Ярик выпучил на нее глаза.

– Нет. Я имею в виду вообще все это место, – Ярик обоб-

щающе обвел рукой вокруг. – Где оно находится?

– Ну, так прямо в точности под Вами!

Голос торговли звучал настолько правдиво, а ее глаза были при этом так наивны, что возразить что-либо, а тем более усомниться, было невозможно. И нечего было уточнить!

Он спустился в метро, в надежде узнать что-то из надписей и указателей. Выяснил, что здесь можно попасть почти в любую точку земного шара.

«Да, дерьмовато как-то!» – подумал Ярик.

Но пытаться куда-то ехать он не стал, полагая: «Ну, Дюссельдорф через площадь от Парижа – это уже предел. А на метро из Дюссельдорфа в Чикаго? Едва ли это оправданная трата времени. На самолете в Париж и то оказалось не реально».

В газетном киоске оказались только схемы и карты города. И ничего с более обширной географией.

«Типично», – сделал вывод Ярик.

Где-то внутри что-то начинало подзуживать. Это еще не был липкий страх, но Ярик понял, что все может закончиться именно этим состоянием. А его лучше ослабить заранее! Поэтому Ярик решил воспользоваться самым простым для этого способом – снова подкрепиться.

Жуя вполне оказавшийся приличным хот-дог, Ярик посмотрел на часы. Еще полсуток до прибытия группы. Между тем, вечерело и заметно холодало.

«Верный признак глубоко континентальной Африки, –

отметил Ярик. – Вокруг, должно быть, пустыни. Хоть какая-то определенность и подтверждение. Но в центре города река? – неожиданно всплыла картинка перед глазами. – Что это за дыра? – снова озадачился Ярик, чувствуя, что уже иссякает. – Ладно. Надо искать ночлег».

Это, однако, не оказалось проблемой. В процессе поиска гостиницы он недорого прибрался: кофтой для прохладных вечеров, шапочкой для знойного дня и, на всякий случай, новой батареей для мобилы. Ярик уже поленился удивляться тому, что для его модели здесь нашлись нужные компоненты.

В отеле Ярик попытался выйти в Интернет. Все работает как обычно. Первым делом он попытался найти себя в Око. Система показывала, что видит его, определяла нормальный уровень сигнала, но только в масштабе материка. Однако, при попытке позиционироваться с точностью большей, чем десятки широт, система сообщала, что сигнал пропал. Кроме того, отсутствовали карты. Ярик даже удивился тому, что еще, оказывается, есть непрорисованные регионы.

«Или, может, они просто не подгружены? – всплыло предположение. – Тоже странно! Весь мир уже давно подгружается мгновенно одной картой!»

Он забежал на всякий случай на сайт системы eye.glo. Но система Око никаких дополнительных карт к данному региону и на родном сайте не предлагала.

В попытке улучшить качество сигнала открытое окно и даже выход на крышу гостиницы не помогли.

«Чухня какая-то. Раньше я мог узнать, лежит мобила на столе или в ящике стола. А теперь даже город не определить. Ладно. Хрен с ним, мне сейчас и простого позиционирования хватит», – подумал Ярик и включил опцию приема сигнала старых систем.

Результат оказался не лучше.

Этому могло быть много объяснений, но все они прокатили бы еще лет десять назад. Теперь все технические причины были смешными. Все спутники десятков систем одновременно не могли упасть или сломаться.

«Да и вообще, чему там ломаться? – рассуждал Ярик. – Примитивщина из детского конструктора, и техникой-то не назовешь! Сигнал могли глушить. Тогда почему в большом масштабе я легко определяю свое местонахождение? Практика засекреченных областей существует. В правительственных системах! Существовала раньше, когда правительств было много. Но только не в независимой Око. А может она тоже не такая уж и независимая? – заподозрил Ярик. – Вот тебе и мировая система позиционирования! Все бесплатное – это хорошо оплаченное кем-то платное!»

«Ну, что ж? Зато я однозначно в Африке! – заключил

Ярик. Косвенно, это так же подтверждает, что я где-то в реальности, что я, возможно, еще жив. Просто чудесно!», – он, однако, ужаснулся от этой позитивной мысли, точнее оттого, что она вообще возникла.

Ярик проверил свои блоги, почту, подписки... Попытался что-то узнать о городе, в котором есть все города. Таких, оказывается, раньше было несколько. Только это все были игрушечные забавы: в Брюсселе, в Германии. Здесь же все представлялось более реальным. Нереально только оказалось уехать отсюда и узнать более точно, где же это.

Оставшуюся часть времени от поздно до совсем поздно он изучал купленные карты, пытаясь выяснить из них хоть что-то конкретное.

*

Утром Ярику пришлось сражаться со странным ощущением. Он чувствовал себя инородным телом в этом мире. Кровать ему казалась ненастоящей, вид из окна плохо прорисованным, словно это был черновой рендеринг, собственная память мягкой или заплесневелой, он так и не смог определиться. Вроде бы и не забыл ничего, и того, что должен был забыть, и того, что хотел забыть. Но утро странное.

Найдя себя в своих недоощущениях, он решил сперва позвонить Егору, с радостью отметив наличие связи.

– Егор! Привет! Вы, наверное, уже прилетели?

– Ты, наверное, нас видишь и звонишь. Прикальываешься?

– Да, нет.

– Ну, мы высаживаемся. Через несколько минут будем в терминале. Встречай нас.

– Я как раз об этом. Я не могу вас встретить.

– То есть...? – напрягся Егор.

Как можно объяснить то, чему сам не только не можешь подобрать слов, но даже не знаешь к чему их подбирать?

Между тем Егору удалось выйти из равновесия во время разговора с Яриком. Из услышанного Егор заключил, что Ярик не собирается их встречать. А значит, выбираться из аэропорта с оборудованием им придется самим. Более того, они сегодня вообще не встретятся, так как Ярик не в городе. Но он постарается добраться как можно быстрее.

Позже, рассказывая эту новость другим, Егор вспомнил, что Ярик еще упоминал Эйфелеву башню:

– Меня и так-то разозлило, что он нас кинул, машину для оборудования нам нужно будет искать самим. А когда он сказал, что видит Эйфелеву башню, я вообще всякий юмор потерял!

Из этого все сделали вывод, что он прохлаждается за каким-то чертом в Париже, и пообещали не забыть ему этого при первом же удобном случае.

Однако, как начать экспедицию без руководителя?

А руководитель не объявился ни на следующий день, ни через день.



После разговора с Егором Ярик обнаружил гостиничный телефонный справочник. Позвонил администратору, заинтересовался:

– Мне должны сюда позвонить в номер, не подскажете код города?

– У нас все звонки прямые.

– То есть прямые? А если из другой страны звонят?

– Это не имеет значения.

– А это какой вообще город?

– А Вы из какого номера звоните?

– А это имеет значение?

– Более чем, – администратор так же недоумевал, по поводу вопроса Ярика, как и Ярик, не понимавший, что может зависеть от номера.

– Четыреста девятнадцатый.

– Тогда Стамбул.

– То есть?

– Соседний с вашим номер уже будет на стороне Дамаска.

Но они очень похожи. Он, кажется, свободен. Если желаете, мы с радостью предо...

– Да я имею в виду весь этот город, вместе с Дамаском и Стамбулом и..., – Ярик уже прикладывал усилия, чтобы сдерживаться.

– Мне трудно понять, что Вы имеете в виду. И вы задаете слишком много вопросов.

– Тогда разрешите последний. Позавтракать в этом городе можно?

Администратор не проникся, почему постояльцу так важно позавтракать именно в Стамбуле, а под словами «этот город» он понимал конкретно Стамбул, по расположению номера клиента. Но отвечал он предельно точно на поставленный вопрос.

– В Стамбуле есть несколько ресторанов. К вашим услугам так же бар-ресторан на втором этаже нашей гостиницы. Это, правда, уже на территории Дамаска.

*

Ярик с трудом нашел ресторан, так как коридоры в гостинице были такими же узкими и путанными, как и улицы городов, на территории которых якобы находилась гостиница. Заказав завтрак, он обратил внимание на некую настороженность и странную внимательность официанта.

– А Вы не подскажете, как называется этот город? Я имею в виду вообще, весь, – обратился Ярик к нему.

Тот немного помялся, подумал:

– Это Дамаск, если я правильно понимаю Ваш вопрос.

– Ладно, спа... – Ярик осекся. – Хорошо.

Но официант взглянул на Ярика после этого вопроса и

недосказанного «спасибо» еще подозрительнее. Ярик развернул ноутбук и снова вышел в Интернет, где просидел весь завтрак. Он заметил, что официант, покашывая взгляд в его сторону, что-то сообщил администратору ресторана, хотя, возможно, это было исключительно по поводу заказа.

*

Весь день Ярик пытался выпросить, вычитать, выслушать хоть какую-то информацию, которая позволила бы прояснить происходящее. Ориентируясь по картам, он побывал в нескольких районах города.

Во второй половине дня он заметил, что за ним следят. Чтобы убедиться в этом он вспомнил киношные трюки и остановился у торговли, затем возле чистильщика обуви, отойдя от которого он втерся в поток людей, пересекающих мост. Однако у самого начала моста, он заметил сбоку ступеньки, ведущие на набережную. Аккуратно вымешавшись из толпы, он скользнул вниз. Но на набережной совсем не было многолюдно, что пахло риском быть вновь обнаруженным, оставалось только свернуть под мост. Однако и здесь его ждало разочарование: пройти под мостом было нельзя. Основание моста, переходящее в округлый свод, сужалось, образуя нишу под мостом и позволяя Ярику скрыться от улицы, но упиралось стеной с небольшим выступом фундамента прямо в мокрую воду.

Не то, чтобы идти назад, но даже выглядывать на лестницу Ярику не хотелось. Стоять – означало играть против времени. Выход был один. Несколько метров он преодолел крабиком по узкому выступу фундамента и оказался на другой стороне опоры. Здесь он надел кофту, которую после испарения утренней зяби таскал в руках, шапку напротив скомкал в карман и пошел вдоль набережной. По первой лестнице он снова поднялся вверх и нырнул в толпу, стекающуюся в подземку метро.

Однако уверенности, что он сбросил хвост, еще не было, и на метро он не поехал. Выйдя через противоположные двери, он поймал карету и уехал из Мехико в соседнюю Джакарту. Теперь ему казалось, что он, наконец, оторвался.

*

Допоздна Ярик скитался по улицам, наблюдал, анализировал, ужинал, припасал еду, выслушивал, осторожно спрашивал и вынюхивал. Наконец, снова пришлось искать отель, поскольку город так и не выпустил его из своих цепких закоулков. Но сразу лечь спать он тоже не смог.

Уже ночью позвонил Егор:

– Не спишь?

– Умный вопрос, – замученно ответил Ярик.

– Слушай, не умничай тоже, – вспылil вдруг Егор. – Это ты пропадаешь неизвестно где, а не я!

Пришлось оправдываться и настаивать, чтобы они его не ждали и выдвигались сами. План работ все знают.

– Ты сам-то где есть? Не пойми не правильно, но мы уже за тебя начинаем волноваться, – напирал Егор. – Ты собираешься сюда лететь?

– Уже пробовал, но из одного аэропорта вылетел, в другой сюда же приземлился.

– Это ты надо мной сейчас прикалываешься или это над тобой так пошутили?

– Да я не знаю, здесь сплошные приколы, – уже не выдерживал и Ярик. – И вообще, сам не могу понять, что это за дыра. Как сюда попал, толком не помню. Выбраться не могу.

В этот момент Ярик вспомнил пустыню, бегущего себя, жидкие заросли и город вдаль, показавшийся из-за бархана. Еле восстановив в памяти, что был еще и истеричный якобы спаситель, он зафиксировал факт, что в этот город он вошел пешком из пустыни.

«Значит, можно и выйти! Обратно в пустыню? А там что...?» – не успел додумать мысль Ярик.

– То есть ты не в Париже уже? – продолжал разговор Егор.

– Я там и не был, – удивленно ответил Ярик. – Кто вам сказал, что я в Париже?

– Как это не был? Мы решили что ты...

– С чего это?

– Ну, Эйфелева баш...

– Здесь есть не только Эйфелева башня, но и Кёльнский

собор, и Музей Гуггенхайма и даже филиппинский Воздушный рай, который реально уже лет пять, как развалился во время землетрясения.

Егор стал подозревать, что Ярик не в себе, и только хотел сказать ему, что он бредит, но Ярик перебил мысль.

– Слушай, попробуй ты найти меня через Око. У тебя же есть мой идентификатор? Я сейчас подключусь к системе. Я сам себя не вижу. Потом позвони, расскажешь, что получится.

Сам же Ярик за очередным ужином стал перебирать в голове все мысли и события за последние два дня.

«Одуреть. Два дня уже!» – думал он.

Вспомнилась торговка со своим странным ответом по поводу аэропорта «Смотря вам куда, туда или обратно». Теперь ее многозначительный жест не выходил из головы Ярика и казался весьма конкретным.

«Не могла же она без основания задать такой вопрос? – думал Ярик. – Значит, все-таки есть возможность отсюда выбраться. Хотя, кто знает, что она имела в виду?»

Но сомнения меркли, перед мыслью, уже ставшей мечтой, выбраться отсюда. Вырисовывался план действий на утро.

Егор позвонил и сообщил, что не может точно определить его местонахождение.

– Яр, а ты откуда летел? – спросил он.

– Я летел с пересадкой через Каир, – сообщил Ярик.

– Ну, тогда ты потерялся где-то на полпути.

– Это я и сам знаю. Только это самое «где-то» уж больно растяжимое. Я не вижу себя даже с точностью до пяти градусов широты.

– Уже поздно. Что ты там делаешь?

– Пытаюсь разобраться, где я, и придумать способ выбраться отсюда. За мной, кстати, уже была слежка.

– И что?

– Оторвался, – равнодушно ответил Ярик. – А ты что делаешь, тоже поздно не спишь?

– Жду тебя, успокаиваю нервы! – напряженно ответил Егор.

– И как успокаиваешь?

– Ужас! Жру гамбургер! В 2:10!

– А что ужасного, есть гамбургер в 2:10? Если только это не размер гамбургера в метрах?!

– Слушай, ты еще умудряешься шутить, зараза? – усмехнулся Егор, узнав прежнего Ярика.

– А что же мне здесь сдохнуть от безнадеги?

– Ну, по наличию чувства юмора, я хотя бы убеждаюсь, что ты – это ты.

– А голоса недостаточно? – удивился Ярик.

– Голос уже давно не обязан быть живым для узнаваемости, – немного язвенно ответил Егор.



Позавтракав, Ярик вышел на улицу и подошел к первой же попавшейся коробейнице:

– Не подскажете, как добраться в аэропорт?

– А вот, на метро, две станции всего. Или хоть на автобусе.

– Только мне в аэропорт, чтобы туда, – многозначительно уточнил Ярик, попытавшись повторить жест той самой, первой булочницы.

– То есть? Что значит «туда»? – подозрительно прищуриив глаза, спросила коробейница.

– Нет, нет. Ничего. Благодарю Вас, – поспешил закончить разговор Ярик и удалиться.

«Хм, значит, «благодарю» у них здесь как валюта не котируется! – мысленно отметил он. – И торговки разные. Эта либо не в теме, либо не из простых, больно подозрительная».

На другой стороне площади он попытался еще раз узнать то же самое, но снова нарвался не на того собеседника.

«Ладно. Поедем туда, откуда я прилетел в Париж», – решил Ярик.

Как назло, он не мог припомнить ни одной известной достопримечательности с того места.

«Там мне предлагали метро и автобус. Шестьдесят первый автобус! – вдруг он вспомнил. – Это то, что нужно».

По схемам города он определился, куда ему нужно по-

пасть, чтобы сесть на шестьдесят первый автобус. И таким образом он снова оказался в той самой точке, где этот навязчивый город ему стал казаться странным. Он вспомнил, с чего все началось.

На картах город выглядел вполне обычно: прямые улицы, площади, дома... Из них нельзя сделать вывод, что, идя прямо, можно попасть в то же место, откуда начал идти.

«Я либо сойду с ума, либо выберусь отсюда! – подумал Ярик. И эта мысль его напугала еще больше, чем мысль, что он жив. – Те люди, что здесь есть. Они здесь откуда? Не смогли выбраться и сошли с ума? Торгуют теперь булочками за спасибо! – И тут его осенило ударом в виски неожиданно всплывшее в голове имя Тафари Кнундала. – Черт! Так и он, возможно, тоже добрался до сюда и теперь не может выбраться! А все считают его пропавшим без вести! Надо его здесь найти! Стоп! Нет!!! – продолжал складываться Каркассон в мыслях Ярика. – Ему так же, как и мне, помогли сюда попасть. Мы слишком близко подобрались к разгадке?! И нас тупо убрали. – Ярику уже становилось немного смешно от осознания безнадежности положения. – И все эти люди, что здесь, такие же, значит! Они же уже реально походили с ума! Через сколько дней это происходит? – Ярик вдруг снова почувствовал волну несогласия с ситуацией. – Значит, мне нужно до этого момента успеть что-нибудь придумать. Иначе я здесь точно зависну! Где эта булочница? – наконец, Ярик выкарабкался из засосавших его догадок».

Но к своему сожалению, Ярик не встретил здесь той булочницы, которая в прошлый раз посоветовала ему взять карету.

Тогда он решил снова пройти по знакомой улице, глядя в карту города и понять, где же происходит этот парадокс возврата.

Позвонила Лизон.

– Ярик. Егор несет какую-то чушь. Скажи ты мне что-нибудь внятное, – настаивала она.

– Более внятного, чем Егору, мне сказать нечего. Я действительно не знаю, где нахожусь.

Едва ли то, что услышала Лизон, было более информативным, чем то, что прежде слышал Егор. Но зато теперь Лиза с Егором могли уверенно нести одинаковую чушь, хотя бы веря друг другу.

– Нам без тебя запретили выезжать на полигон. Ты в курсе?

– Как это запретили?

– Потому что без руководителя!

– Назначьте руководителем другого! Егора. Он в списках официально дублирует меня. Какие проблемы?

– Пытались вдолбить это. Монолитно!

– Попробуйте еще раз получить разрешение на выезд. Когда будете там, позвоните мне, я официально передам руководство Егору. Увидев меня, они должны принять изменения в списках.

Но, похоже, чиновники уперлись в эту формальность, не желая видеть очевидную абсурдность своих действий.

*

Между тем, Ярик шел, как намеревался, прямо по улице, отмечая на карте свое местоположение. В том месте, где, судя по карте, была граница города и дальше должна была быть уже долгожданная спасительная пустыня, на самом деле ничего не заканчивалось. Он вышел на вполне типичную для старинных городов площадь, от которой радиально расходились улицы. Их было определено больше десятка. Но они были довольно широкими, что больше соответствовало сегодняшним нормам, чем былым.

«Здесь я уже был», – припоминал Ярик.

Он пересек площадь прямо и вошел в улицу, которая на карте уже была с противоположной стороны. Следуя упорно прямо, он через некоторое продолжительное время прошел через еще одну похожую площадь, которая была честно изображена на карте, и, значительно подустав, вернулся к исходной точке. Повторив эксперимент с другой радиальной улицей, он понял, что все они, выходя из города, на самом деле пересекаются.

Спросить было не у кого. Можно было позвонить и задать глупый вопрос Егору или еще кому-то из друзей, но едва ли кто-то из них об этом мог знать, а Егор только разозлился

бы еще больше. Единственный компетентный собеседник – сеть.

«Но как сформулировать свой вопрос? – размышлял Ярик. – Карта как развертка глобуса? Замкнутые улицы? Порочные круги? Замкнутые прямые...»

Наткнувшись в результатах поиска на фамилию Римана, Ярик еще раз убедился в том, что несчастный Роберт Шекли заблуждался, полагая, что, чтобы правильно сформулировать вопрос, нужно знать не меньше половины ответа. Может, так было в его время? А может быть источник информации, доступный Ярику, не дотягивал до Шеклиевского.

Но может быть Риман и знал, что делает, изобретая свою геометрию, может она и была умна, только ответа, как вырваться из замкнутой системы, она не давала. Или Ярик не сумел разобраться, что же Риман предлагал, чтобы развернуть сферу в плоскость. Так же он не понял, в какой момент и почему она свернулась?

«С Риманом явно не все в порядке, – заключил Ярик. – Слишком надумано у него как-то все. Хотя... Такие теории появляются не от великого безделья. Но скорее от жестоко избалованных логикой мозгов! А вот Шекли, все-таки, был не дурак, – перекинулось его внимание. – Только половину ответа нужно знать не для того, чтобы задать корректно вопрос, а чтобы суметь понять правильный ответ!»

Он поднялся на Эйфелеву башню. По его мнению, при таких небольших размерах глобуса, что его можно легко обой-

ти по кругу, эту кривизну должно быть заметно с высоты. Однако ничего подобного не наблюдалось.

«Хорошо, – решил он. – Тогда я снова лечу. Если я даже и снова вернусь сюда, я хотя бы взгляну на это сверху».



В городе при его размерах было три аэропорта. Ярик выбрал третий, в котором еще не был.

– Мне один билет туда, – Ярик пристально посмотрел в глаза кассирше.

– Туда куда? – прищурившись и понизив голос, уточнила кассирша, словно поняла, что имеет в виду Ярик.

– Каир, – полушепотом ответил Ярик. – Когда ближайший рейс? – у Ярика в мыслях промелькнула надежда.

– Уже утром. Места еще есть, – тоже полушепотом ответила кассирша.

До темноты Ярик ходил по городу. Но уже не интересовался центральными улицами, а заглядывал во дворы, заходил в здания. Его поразили некоторые из них, которые оказались просто стенами. Входишь в парадную дверь и тут же выходишь из нее с другой стороны здания на другую улицу.

Такие здания располагались на окраинах города, точнее там, где по карте заканчивались радиальные улицы. И такими оказались не все здания, но многие. Некоторые же просто оказались гораздо более узкими, чем этого следовало ожи-

дать, глядя на карту. Кроме того, если свернуть на поперечную улицу, ближайшую к «краю города», то она окажется довольно длинной, а не короткой, подобно проулочкам вокруг центральных площадей.

За этот преимущественно пеший день, Ярик сильно устал. Он постарался лечь спать не поздно. Ему так же хотелось в самолете быть в полном внимании.

– В самолете нельзя пользоваться устройствами связи, – вежливо предупредила стюардесса, когда самолет стал набирать высоту.

– Я нет. Я просто смотрю кино, – сменив картинку на экране, соврал Ярик.

Стюардесса провела рукой над ноутбуком Ярика, словно что-то таким образом проверяя, и с видом, что она полностью его раскусила, произнесла:

– Хорошо. Воды не желаете, или другой напиток?

– Благодарю. Пока не нужно.

Стюардесса удалилась. Ярик вернулся в Око, где пытался отследить свое местонахождение во время полета. Одновременно он смотрел в окно, пытаясь понять, каким образом улицы перетекают одна в другую через края города. Но, так как самолет совершил вираж, задрав как раз сторону Ярика вверх, и резко набрал высоту, город снова быстро исчез из

вида, не позволив ничего уловить.

Пропала и связь. Невозможно было подключиться ни к одной системе позиционирования. Да и вообще ни к одному сайту.

«Столько много непонятого случайно в одном месте не может быть, – размышлял Ярик, поскольку уже ничего другого делать не оставалось. – Здесь должна быть закономерность. Если я смогу ее понять, то я смогу действовать в ее рамках. Но конечная цель – выйти за их пределы, для чего нужно эти чертовы рамки сперва осознать».

Совсем скоро объявили посадку. Сели в этом же доставшем городе, что уже не удивляло Ярика. Но все-таки ему не давала покоя та самая фраза об аэропорте «смотря Вам куда, туда или обратно».

«Наверное, нужно было заказывать билет не туда, а обратно, – подумал он. – Может быть, в следующий раз».

*

Он снова попытал счастье увидеть ту самую булочницу. Но ее не было.

Организм исправно и регулярно требовал подпитки, выдавая в качестве отходов привычные материалы. «Значит, законы природы здесь все-таки не все попораны», – думал Ярик.

За обедом он размышлял: «Как в здание, которое на кар-

те выглядит достаточно широким, да еще и имеет солидный внутренний двор, можно зайти и выйти из него всего за два шага? Такое возможно, если шаги слишком большие!»

Мысль показалась смешной, потому что была слишком очевидна. Но во внутренних дворах могло быть много любопытного, чтобы так просто отбрасывать смешные мысли.

Одно из таких зданий было прямо напротив окон кафе, в котором обедал Ярик, и он наблюдал за ним. Вполне обычный человек вошел в него.

«Если он знает, что это просто стена, то зачем туда вошел? – подумал Ярик. – Чтобы сократить путь? Ну, вполне возможно. Ведь даже со стороны площади здание выглядит толще, а со стороны поперечной улицы, ближайшей к площади, и подавно.



Позвонил Егор и доложил:

– Мы выяснили информацию по твоему рейсу. Рейс не изменял курса и приземлился успешно по расписанию в пункте назначения. Так что в Париже ты оказаться не мог. Ты был зарегистрирован на посадку. Но ты не проходил границу на выходе.

– Я и не говорил, что я был в Париже. Что вы с ним ко мне прицепились?

– Это мы прицепились? Ты уже три дня, как должен быть

здесь. А мы тут сидим и не можем сдвинуться с места без тебя!

Егор не то, чтобы с трудом сдерживал эмоции, он уже без труда их не сдерживал.

– Егор, давай поспокойнее. Вы хотя бы точно знаете, где вы находитесь! А еще какая-то информация про мой рейс была?

– Вы проходили через зону турбулентности.

– Наверное, как раз над тем районом, где сейчас меня трясут Око и аналогичные ей системы.

– Приблизительно так. Но это тоже не сильно сужает район поиска, так как зона была достаточно протяженной.

Самое интересное, что тебя здесь никто не ищет, кроме нас. Тот факт, что ты не вышел с самолета, никаких действий со стороны авиакомпании и местных властей не вызвал.

– Меня сейчас уже ничем не удивишь.

– Ты так спокойно об этом говоришь? Меня, однако, это удивляет. Мы здесь, в отличие от тебя, себе места не находим. А тебя ничто не удивляет! Поехали, чтобы попытаться выяснить хоть что-то, что поможет отыскать Авдея. В итоге потеряли тебя.

– Ладно. Я не хочу дальше нагнетать разговор. Ты попробуй узнать, мой самолет нигде в промежутках не садился?



За время обеда в здание напротив успели войти четыре человека. Никто не выходил. Кроме того, в окнах наблюдались признаки активности. Ярик вышел из кафе и продолжил вести наблюдение.

Вошел еще один человек. Ярик поспешил за ним, снова прошел в два шага сквозь дом-стену и оказался на улице. Человека, вошедшего в здание непосредственно перед ним, на улице не было, впрочем, и в стене он тоже не остался.

«Уйти бы не успел. Я шел за ним следом, – размышлял Ярик. – Значит, не выходил он из здания. Иначе я бы его догнал. Я ведь шел быстро?! Быстро... – закрутилось в голове, – быстро... А он шел быстро? Если идти медленно, то можно идти долго. Но долго, не значит длинно. Или значит? Так, смотря с какой скоростью! Если долго и быстро, то длинно. Или нет, если долго и длинно, то должно быть быстро. Бррр, – Ярик помотал головой. – Но здесь длинно негде! То есть, здание не может стать длиннее, чем есть. Логично! Только в этом городе все не логично! А если долго и не быстро...?»

Ярик вошел снова в дверь и стал идти по короткому коридорчику от одной уличной двери до другой очень медленно, осматриваясь по сторонам. Сделав шесть коротких шагов, он снова оказался на улице.

«Странное ощущение, – подумал он. – И не понятное, как и все здесь. Как будто что-то было, но ничего конкретного».

В этот раз он еще обратил внимание на эхо.

«В коридоре было эхо. Я слышал свои шаги и эхо, – вспоминал Ярик, медленно разжевывая мысли. – Эхо в коридоре длиной в два шага. Но в этот раз я сделал шесть шагов... А если в реальном масштабе?»

Тогда Ярик обошел здание со стороны площади, куда оно сужалось, располагаясь между двумя радиальными сходящимися улицами. Он еще раз убедился, что со стороны площади было всего лишь несколько небольших окон.

«Это все равно больше, чем несколько шагов?! А по карте это окраина города, и должно быть... – рассуждал он, – чтобы только пройти через крыло здания и выйти на внутренний двор потребуется шагов сорок. Пересечь двор, здесь метров, наверное, около пятисот. Это шагов шесть сотен с лишним будет, плюс еще одно крыло, это еще сорок шагов. То есть расстояние от одной улицы до другой... от семи до восьми сотен шагов должно набежать. А я их прошел за шесть. Все равно очень быстро».

Снова войдя в здание, Ярик стал отсчитывать шаги, почти стоя на месте. Стали появляться звуки, которые не получалось осознать и отчленить. Они, хотя и были редкими, но при этом давили на уши. Или это только казалось? Кроме того, на какое-то время коридор как будто перестал быть совершенно неосвещенным. Все это вынудило Ярика оста-

новиться, в результате чего все его недоощущения пропали. Плюс он заметил, что сделал всего полсотни шагов, но уже прошел почти весь коридор.

«Снова быстро», – он сделал финальный шаг и опять очутился на улице.

В следующей попытке он стал шагать еще чаще, в ритме обычной походки, но предельно короткими шагами, практически на месте.

«Наверное, важно все-таки не идти назад», – думал он, вглядываясь в стену справа.

Неожиданно со стороны другой стены какой-то мужчина сделал ему замечание.

– Что же Вы стоите прямо на проходе, Ярослав? Вам здесь вообще-то не следует находиться!

– Черт, кто здесь? – вздрогнул Ярик и обернулся.

Он увидел только, что человек прошел у него за спиной. Повернулся обратно, услышал хлопок дверью, но не успел заметить, куда он делся.

«Ага, здесь есть двери!» – обрадовался Ярик.

Пока он соображал, к нему вышли двое и проводили его на улицу, сделав еще одно предупреждение, что, мол, посторонним здесь находиться нельзя.

– А где же мне тогда находиться? – возразил Ярик.

Но двое молча вернулись обратно. Ярик приоткрыл за ними дверь и заглянул внутрь. Они шагали по коридору вполне обычным образом, потом свернули влево и пропали за ка-

кой-то дверью.

«Они просто хорошо знают, где находятся нужные им двери, поэтому ориентируются в темном коридоре, – решил Ярик. – Ну, ладно. Попробуем решить проблему».

Через некоторое время он вернулся сюда, раздобыв приличный фонарь за какие-то жалкие семь спасибо. Снова войдя в странное здание, пошел по коридору, сделал около полсотни шагов практически на месте и представил, как это может выглядеть со стороны. Ему стало смешно. При этом он не обнаружил никаких дверей.

«Куда тогда свернули те двое? И тот первый? Он вошел в дверь за моей спиной. Что-то я делаю не так?» – рассуждал Ярик.

Он почти остановился.

Вдруг дверь оказалась прямо перед его носом, он едва не налетел на нее. Не вторая наружная! Она еще долю секунды назад была шагах в двухстах, если мерить такими микропутиами, какими он шел. Пульс участился, а рука сама потянулась к ручке, подчиняясь любопытству и ощущению долгожданной разгадки этого ребуса.

– Яр, как мне сказали, на трассе нет ни одного аэропорта, способного принять нормальный самолет, кроме конечного, – сообщил Егор Ярику.

– Ну, вот. А ты говоришь, что я зря ничему не удивляюсь. Чему я еще могу удивляться, если в городе, в котором я нахожусь, их три. А ты говоришь, что их нет. Я уже лично во всех трех был. Из двух пытался вылететь, в два возвращался. Правда, если не врет карта, взлетная полоса у них на всех одна.

Ярик невольно засмеялся.

– Не понял? – недоуменно произнес Егор. – Ты специально издеваешься? Еще смеешься!

– Согласен с тобой, – задумчиво пробурчал Ярик.

– С чем ты согласен?

– С тем, что ты не понял. Я тоже не понимаю. Заказываешь билет на Париж, приземляешься, перед тобой Эйфелева башня, но это тот же самый город, только другой район, который здесь все с дебильно довольным видом называют Парижем. И совсем ничего, что на соседней улице возле лужи валяются апельсиновые кожурки Сиднейской оперы. Но и это еще не самое странное.

– Яр, ты бы слышал себя! Что ты несешь!

– А ты бы побыл на моем месте! Умник!

– Слушай, и звук какой-то странный. Или мне кажется? Как будто ты в пещере что ли...

– Почти угадал. Здоровенный бункер. Здесь отличнейшее мягкое эхо. Тебе бы понравилось, – решил подшутить Ярик, припомнив молодые походы и манию Егора к пещерам.

– Бункер?

– Ну, бункер, или убежище, укрытие, может, бывший спортзал. По размеру мог бы быть залом приема делегаций, даже есть длинный обеденный стол с резьбой, возможно красного дерева. Но остальная обстановка минималистична, вплоть до полного отсутствия.

По речи Ярик, казалось, даже не напрягался, находясь там и описывая в красках имперские интерьеры, какими они представились Егору. Но этим напрягал Егора.

– Окна-то хоть есть? – выдавил он.

– Окна есть. Даже без решеток. Правда, высоко. Жаль, закрытые, а то здесь душно.

– Ты здоров ли? Умом-то? У меня ощущение, что ты съел, где-то отсиживаешься и всякую чушь нам сливаешь!

– Тогда мне это простительно, если я тронулся.

– Да хренов тебе, простительно! Ты че там, реально что-то подхватил что ли?

– Да здоров я пока! Наверное, – перебил Ярик. – Кстати, заметь, сумасшедший никогда не признается, что он сумасшедший. А вот человек в здравом уме легко может заподо-

зреть в себе отъезд крыши. Конкретно я что-то подозреваю. Так что...

– О! Это очень успокаивает, – безнадежным выдохом ответил Егор.

– Ну, хоть все ногти пока целы, – многозначительно добавил Ярик. – Но судя по обстановке... Хотя, может у них найдутся методы и поинтереснее. А по поводу «чуши» и «где-то»... Знаешь, я бы себе сам не поверил. Но и мой навигатор тоже показывает, что я где-то в долбанной Африке. Поэтому точнее я сказать не могу, к сожалению. А ты случайно не обратил внимания, я один не вышел с того рейса, или были еще такие же пассажиры?

– Не смотрел. Я искал только твою фамилию.

Егор отключился. А у Ярика перед глазами продолжали крутиться картинки увиденного, когда его тащили в этот представительский бункер.

«Чухня, какая-то, – думал он. – Че за прикол, стоять перед экраном и копировать речь, голос, движения, мимику? Десятки людей: актеров, известных бизнесменов, политиков, ... глав государств, ... но не всех. Для некоторых уже нет необходимости? Не могу припомнить, были ли среди них представители объединенного правительства.

Груда непонятно чего, меняющая форму то под машину, стоящую рядом, то под дерево, растущее тут же, то под кресло и другие предметы. Образцов, благо, было предостаточно. Только на ветру настоящее дерево более естественно колы-

халось, чем эта деформированная куча.

Хотя кто на самом деле знает, было ли оно настоящим. Ведь когда я спрятался в кустах, они мне тоже показались совершенно обычными. Но это не помешало им рассыпаться в пыль. Собственно, благодаря этому меня быстро и обнаружили».

На лице Ярика вытянулась кривоватая улыбка. Он вспомнил, как вышел в залитый Солнцем и заполненный какими-то разнообразными постройками двор. Он, конечно, предполагал увидеть здесь кого-то, но все равно испугался, что оказался на виду у всех. Стараясь не привлекать к себе внимание, он скрылся за башней, напоминавшей водонапорную из далекого детства. Но наблюдать с этой позиции было плохо, потому что далеко.

Ярик перебежал от башни к деревьям, чуть позже к какой-то длинной, очевидно, хозяйственной постройке, вся конструкция которой держалась на четырех массивных колоннах по углам с утопленными стенами. Попытка обойти эту бытовку столкнулась с проблемой. С одной стороны из-под постройки выходила глубокая шахта несколько метров шириной, судя по всему пересекавшая весь двор. Ярик преодолел ее, осторожно пробравшись чаплиным по цоколю вдоль стены, и заглянул за угол.

Он вспомнил, что именно тут он совершил ошибку. Пройдя вдоль стены вперед, он решил тогда перебежать к кустам. Из них спокойного наблюдательного пункта уже не получи-

лось.

Оказавшись не просто на виду, а, как на ладони, он попытался бежать, хотя, наверное, стоило бы спокойно встать и пойти. Тогда бы его, возможно, не заметили. Но сразу несколько пародистов бросили свое занятие и кинулись в его сторону. А он еще и поскользнулся на этом недавнем кусте.

Сейчас, вспомнив этот момент, он показался Ярику странным. Они кинулись к нему одновременно, без заминки на оценку ситуации, словно по команде.

Ну как бы там ни было, скрываясь от преследования, перебежав через небольшое открытое пространство, он вбежал в дверь одного из барачков, стоявших параллельно друг другу. С трудом сориентировавшись внутри, он пробежал немного вдоль по коридору, а потом свернул в комнату и выпрыгнул в окно. Быстро пересек дворик и снова вбежал в следующий барак, который так же покинул через окно. На втором дворе было не так пустынно, как на первом. Соображая в режиме погони, он не ощутил недоверия к местной растительности и нырнул в очередные кусты. А еще через секунду куст собрался в клетку вокруг него.

«Да, да, вообще взрыв мозгов, – вспоминал Ярик, – клетка-то сначала была эластичной, я пытался трясти прутья, а прутья гнулись. Но потом они стали жесткими. А эти двое потом подошли и открыли двери в клетке. Только все стенки клетки были без дверей. Я же пытался найти их. Да и парочка была странной. У них еще руки были ледяными. Как у бес-

новатого в самолете! – осенило Ярика. – А на вид обычные, даже не страшные, не как зомби в кино. Но странноватые. Только непонятно, от чего именно. То ли лица железные, то ли глаза... – Ярик прикрыл свои, пытаясь вспомнить те. – Темные. Слишком темные! В них не было бликов, которые делают глаза живыми, – рассуждал Ярик. – Наверное!»

Гроыхнула дверь, в бункер вошел мужчина.

– Ярослав Дмитриевич, – обратился он, усевшись с противоположного края стола, что было довольно далеко и не располагало к душевной беседе. Впрочем, и к пристрастной тоже. Это немного успокоило Ярика. – Вас же предупреждали, что это не то место, где Вам стоит проходить ваше время.

– Проводить, Вы имели в виду? – уже не ощущая страха от странностей и нелепостей, Ярик позволил себе беспечно поправить вошедшего верзилу.

– Мы имели проводить? Нет. У нас не было проводить, – замысловато ответил собеседник.

Ярик не слишком это заметил.

– А, простите, мое имя Вам как-то известно, а я с кем имею честь?

– А с кем бы вы хотели ее иметь?

– Мне просто хотелось бы знать, кто Вы, как Вас зовут?

– А, по-вашему, меня могут как-то звать?

Теперь Ярику показалось, что его собеседник немного странно ведет беседу. С одной стороны, он уклоняется от ответов, что по ситуации в его положении могло бы быть нор-

мальным. С другой стороны его ответы какие-то кривые, как будто он говорит не на родном языке. Последнюю фразу, судя по контексту и интонации, Ярик сказал бы скорее «А, по-вашему, как меня могут звать?».

– Ну, мне Вас плохо видно, Вы сидите далеко, но мне кажется, Вас могли бы звать, скажем, Порфирием.

– Пусть на этом и остановимся. Мое имя Порфирием.

– Порфирий, тогда уж, – снисходительно поправил Ярик.

– Да, я Вас слушаю. Вы что-то хотели спросить?

– Да, нет. Я просто хотел сказать, что... – Ярик не стал договаривать, в половину мимолетной мысли сообразив, что, хотя он сам это просто ощущает как должное, вряд ли сможет доходчиво объяснить падежные окончания иностранцу.

Ярик при этом отметил, что незнакомец говорил криво, но без акцента.

– Я Вас не понял. Все-таки «да» или «нет»? – цеплялся к каждой фразе Ярика косноязычный кадр.

– Что, что?

– Вы сказали «да нет». Вы хотели что-то спросить?

«Елки! Стажер что ли какой-то? У меня, конечно, много вопросов. Но стоит ли их задавать такому..., – подумал Ярик. – А может он специально так говорит, чтобы вывести меня?»

– Да, нет. Я что-то передумал, – нехотя выдавил Ярик. – Есть вот хочется уже.

– Что у Вас есть? – переспросил согласившийся называть-

ся Порфирием.

– У меня есть желание есть! Перекусил бы я, короче, чего-нибудь. – Последней фразы Ярик даже сам испугался. Во-первых, как ее может понять этот магистр филологии, неизвестно. Во-вторых, перекусить – это мало. Неплохо было бы плотно отобедать. – Кушать! Кушать я хочу! – наконец, Ярик подобрал однозначное слово.

– Да, конечно, кушать. Я сейчас передам Вашу просьбу. А пока заполните эту анкету, – попросил Порфирий, достав из нагрудного кармана пиджака несколько листов бумаги и карандаш.

Порфирий вышел.

– Интересно, что он передаст? Не запутался ли он со словом «есть»? – скептически проговорил Ярик. – И такой красавец, главное! Не мог анкету сюда принести, положил на своем краю стола. Это мне что ли туда переться надо? Она мне что ли нужна, эта анкета?

Но любопытство, проев мозги, потащило Ярика вперед.

На этот раз Ярику повезло. Всего через несколько минут принесли еду, которая перебила и без нее отсутствовавшее желание заполнять анкету. Но бумагу Ярик внимательно рассмотрел. Даже надорвал один лист у края. Вышло вполне натурально.

«Но, однако, листы не измяты. Ни одного изгиба, – обратил внимание Ярик. – Он вытащил их из нагрудного кармана. Он, конечно, крупногабаритный малый, но такие нагруд-

ные карманы только на спине поместятся».

Легкая жуть пробежалась вдоль позвоночника Ярика, выдергивая в мурашки прозрачные волоски. Их быстро разгладило тепло сытого желудка. Однако, разгладив мурашки снаружи, они словно стали колотиться внутри, сделав пульс более отчетливым.

После трапезы Порфирий не вернулся. Да и, судя по окнам у потолка и собственной усталости, уже было поздно. Выбирать не приходилось, Ярик уснул, сидя за столом.

*

– Ну, что ж, продолжим, Ярослав Дмитриевич, – сказал Порфирий, как только Ярик открыл глаза.

Ярик даже не успел навести резкость, как дородная фигура начала сыпать вопросами.

– Чем занимаетесь здесь в мое отсутствие?

– Хм, – поперхнулся смехом Ярик, понимая, что он все время тупо проспал. – Чем? Так, сижу, боюсь, стучу зубами!

– Зачем?

– Что зачем?

– Стучите зачем.

– Ну, чтобы..., – Ярик так и не удосужился продолжить свою фразу.

Это, однако, не создало неудобства для Порфирия.

– И так, все-таки, продолжим. А Вы вчера крепко устали,

раз проспали всю ночь в такой неудобной позе. Хорошо отдохнули?

У Ярика сложилось впечатление, что собеседник ждал здесь его пробуждения уже долго.

– Что продолжим? – неохотно отозвался Ярик.

– Вчерашнюю беседу. Скажите, ведь Вас предупреждали, что Вам не стоит проводить время здесь?

– А почему здесь так душно? – пронудил Ярик, сперва пытаясь разобраться со своими ощущениями.

– Если не ошибаюсь, у вас считается дурным тоном, отвечать вопросом на вопрос?

– В общем, да, – чуть повременив, небрежно кинул Ярик и осмотрелся, пытаясь восстановить в голове последние события.

Порфирия как будто подменили, отметил Ярик уже после этих нескольких фраз. Он и держаться стал иначе, более раскованно, и речь вроде более грамотной стала. Не иначе тоже отоспался.

– Тогда почему Вы ведете себя дурно?

Возразить было нечего, тем более, что Порфирий сделался более суровым на вид и по интонации.

– Да. Кажется, припоминаю, говорили, – Ярику не хотелось подавать вида, что он обратил внимание на изменившийся тон Порфирия, он отвечал медленно, и несколько вальяжно.

– Спасибо. Отвечу теперь на Ваш вопрос. Здесь душно,

потому что не проветривается.

«Ага, значит, отвечать на вопросы у вас здесь принято очень точно? – подумал Ярик. – Ну, ладно, посмотрим! Может, и нам пригодится такое правило».

– Тогда почему Вы оказались там, где Вам было не положено находиться?

– Мне вообще в этом городе не положено находиться. Сейчас я должен был бы быть со своей группой на раскопках.

– Это я знаю. Но Вы снова почему-то вошли в наше здание и даже вышли во внутренний двор. Что Вы здесь ищете?

– Выход! Я просто хочу понять, что это за дыра такая, и как выбраться отсюда?

Пока эхо последней фразы обломками рассыпалось по бункеру, оба собеседника пытались понять реакцию друг друга.

У Ярика от неожиданно нахлынувших эмоций проступил пот. Он протер лоб рукой. Порфирий огляделся, как будто в поисках чего-то подходящего, потом остановил свой взгляд на стуле, который стоял сбоку стола. И, видимо, стул воспринял его взгляд как команду. Он вытянулся, трансформировавшись в вентилятор на очень тонкой изящной ножке. Лопasti вентилятора начали вращаться.

«Совершенно бесшумно, – подумал Ярик, – не считая шума воздушного потока! Розеток и проводов я что-то не наблюдаю. Впрочем как и места для аккумулятора, а так же места для мотора, даже революционно компактного. Здесь то-

же все из этого пластилина!?! – удивился он. – Ну, после машины в дерево и куста в клетку это уже не впечатляет. Хоть приятно охлаждает!»

– Зачем тогда Вы здесь оказались? – продолжил разговор Порфирий.

– Я не знаю, – Ярик предварительно дал формальный ответ на вопрос, после чего перешел в наступление. – Что Вы имеете в виду под словом «здесь»? Этот бункер, это здание или этот город? Я не планировал и не хотел оказаться даже в этом городе! Не говоря уже о бункере!

– Вы не стали отвечать на анкету? – неожиданно сказал Порфирий, поднявшись со стула и направившись к Ярику.

Он так же взял с собой карандаш, который так и остался лежать на его стороне стола. Ярик напрягся.

«Не думал, что это так обязательно», – подумал он, внимательно наблюдая за приближающимся Порфирием.

Порфирий остановился, положил карандаш перед Яриком и, приблизившись лицом к лицу, посмотрел ему в глаза. Ярик не сдавался, упираясь взглядом в глаза Порфирия.

– Поднимите удивленно брови, – попросил Порфирий.

Ярику не пришлось заставлять себя это делать, так как просьба была достаточно удивительной, и это вышло само собой. Порфирий при этом изменился в лице. Оно как будто расслабилось, превратившись в лицо спящего человека. Взгляд стал сканирующим. Через секунду Ярик невольно затряс головой, как бы выводя себя из забытья.

– Угу, левосторонний, – угукнул себе тихо Порфирий. – Ну, что ж, – добавил он громче, – вы сможете отсюда выйти. Но позже, – сказал он, продолжая прерванный разговор, и тем самым пресек попытку Ярика снова вернуться к вопросу о выходе.

Потом он развернулся и направился к двери.

– Нет! Вы не поняли! Я не отсюда хочу выйти. А вообще выбраться из этого чертового города! – крикнул Ярик ему вслед.

Но реакции не последовало.

– Отлично! Он просто взял и вышел! Зашибись! – наконец, спустил пар Ярик. – И еще смеет говорить о вежливости!

Оставшись снова в одиночестве, Ярик устался в стол, за которым сидел уже давно, но только сейчас он обратил внимание на то, что поверхность стола была шероховатой.

«На вид деревянный. Но не отшлифованный? В качестве письменного стола он не годится, – подумал Ярик. Спихватившись, он посмотрел на свой стул. – Такой же. Не гладкий. Деревянный, судя по весу. Скорее дерево, а не деревянная плита, металл или пластик. Дерево вообще-то уже давно не используют для мебели. Такими же не гладкими были и поверхности в машине, на которой его везли сюда, хотя и не выглядели как дерево. Но та машина легко становилась деревом, креслом... Значит, здесь все пластилиновое. И в случае чего оно без труда станет клеткой».

При этой мысли он вспомнил странные корпуса с окнами без стекол на внутреннем дворе того злополучного здания. Они тоже походили на клетки.

«Хотя скорее они выглядели не как корпуса, – сравнивал он, – а как бараки. Двухэтажные, правда. Четыре, кажется, их было, по два в ряд. Или по три в ряд! Все происходило так быстро, когда я убежал от погони, что теперь уже трудно восстановить детали. И площадь между бараками, такая песчаная, кажется, но кое-где торчали оазисами предательские кусты».

Ярик устал гонять по кругу недавние события. Но ничего более не происходило. Порфирий не возвращался.

Тогда он взял два стула и оттащил их к стене. Стулья вели себя вполне типичным для стульев образом. Он притащил еще несколько и попытался сконструировать из них башню. Он даже попробовал вытянуть ножку одного стула.

«Чем черт ни шутит, пластилиновые же!» – рассуждал Ярик.

Но стул не поддавался ни рукам, ни взгляду Ярика.

Взобравшись на свою башню, Ярик дотянулся до окна. Какой-то мальчишка подбрасывал мяч ногой вверх. Мяч падал, но не отскакивал, хотя на вид был тугим, накачанным, а все действие проходило на мощной площадке. Так снова и снова. Мяч начал отскакивать. То слишком слабо, то напротив, неестественно сильно, или не в ту сторону. Но с каждым разом все правдоподобнее были и первый отскок, и последую-

щие затухающие.

«Это напоминает школу, – подумал Ярик, вспомнив недавние наблюдения. – Там учились подражать людям, копировать форму предметов, а здесь учат мяч прыгать».

Спустившись на пол, Ярик осознал, что он по-прежнему не может срастить во что-то единое все увиденные нелепости. Данный факт иногда переполнял стек Ярика и уже не просто нервировал, а просто бесил его.

Его башня развалилась у него за спиной.

«Я же хотел попробовать открыть окно! Этот чертов мяч», – ругнулся он и со злости схватил стул и изо всех сил рубанул им об стол.

Ножки стула погнулись.

«Совершенно неожиданно для деревянного стула, – мелькнуло в мыслях у Ярика. – Что за искривления здесь происходят: безразмерные коридоры, гнущиеся деревянные стулья?»

– Что здесь творится, в конце концов? Мне кто-нибудь объяснит? – крикнул Ярик. – Зачем меня здесь заперли?

Эхо кругами ходило по бункеру.

«Здесь хорошее эхо! – отметил он, потом подошел к стене и провел по ней рукой. – Гладкая. Не как стол. Иначе такого четкого эха, наверное, не было бы. И значит стены здесь нормальные».

Он налетел с кулаками на дверь и снова крикнул.

Сплюнув накопленный негатив словами или кулаками,

ему иногда снова удавалось включить ироничное отношение ко всему. Так, казалось, немного легче.

Лишь спустя, наверное, час объявился Порфирий и обратился к Ярику, удивленно рассматривающему погнутый стул:

– Вы так внимательно изучаете стул?

– Да, тут есть на что посмотреть, – равнодушно буркнул Ярик.

– На что конкретно?

– На то, что он погнулся! – ответил Ярик, недоумевая, что Порфирий не замечает этой странности.

– А он не должен был погнуться? Ведь вы ударили им об стол. Стол обычно более крепкий предмет, выдерживает большие нагрузки. Поэтому погнулся стул.

– Я не об этом. Стул ведь деревянный?

– Да, – ответил, задумавшись, Порфирий.

– Дерево не гнется! Точнее гнется немного, а потом выпрямляется.

– Ну, попробуйте еще.

– Что?

– Ударьте стулом об стол.

– Зачем?

– Ну, просто попробуйте.

Ярик снова замахнулся и со всего размаха саданул стулом. Его ножки согнулись, но потом выпрямились обратно.

– Теперь так? – заинтересовался Порфирий.

– Да вы не поняли! Дерево – упругий материал, – продолжил Ярик нравоучительным тоном. – Выпрямляется сразу, как только прекращается усилие. Причем, возможны колебания! Ну, вы чего, никогда линейку не сгибали? А ножка стула вообще не может так сильно согнуться, она бы сломалась.

– Где?

– Где! Я физик что ли? Наверное, в том месте, где максимальное усилие. Или где максимальное напряжение.

– Попробуйте снова, – предложил Порфирий.

На этот раз ножки стула действительно сломались. Ярик посмотрел на разлом и покачал головой.

– А они что? Полые что ли? – удивился он.

– Да, – в ответ удивился Порфирий, с видом, мол, разве что-то не так?

– Обычно нет, – выдохнул Ярик, закатив глаза.

– Сломались хорошо?

– Хорошо. Но дерево так не ломается.

– Что значит, дерево так не ломается? – полюбопытствовал Порфирий

– Ну, как Вам объяснить! – Ярику определенно уже приходилось сдерживать себя, от такой тупости собеседника. – Древесина обычно не бывает полой, это раз. В ее структуре есть волокна... – начал было объяснять Ярик, но вдруг озадачился более глобальным вопросом. – А что это вообще такое? То ломается, то гнется. Это какая-то новая технология?

Порфирий немного подумал, прежде чем ответить.

– Для вас, наверное, да. Новая технология.

– И вы учите ее правильно ломаться, гнуться, прыгать, –

Ярик вспомнил про мяч.

– Да. Мы изучаем поведение тел.

Подозрительность Ярика нарастала экспоненциально.

– Что значит, Вы изучаете поведение тел? Вы разве не знаете, по каким физическим законам прыгает мяч?

– Сегодня уже знаем.

– То есть, вчера еще не знали? – И тут Ярику в голову стрельнула еще одна мысль. – Пойдите, в прошлый раз Вы сказали, мол, Вы знаете, что я должен быть сейчас на раскопках. Откуда Вам это стало известно. И вообще, почему здесь все знают мое имя?

Ярик начинал заводиться.

– Это все Ваши вопросы?

– Нееет! Это не все мои вопросы. Только отвечать вопросом на вопрос, как Вы сами заметили, не прилично. У меня очень много вопросов. Если Вы знаете про раскопки, то Вы знаете и про то, зачем я туда ехал. Что с Авдеем?

– Отвечать вопросом на вопрос не прилично у вас, – Порфирий акцентировал последнее слово.

«В прошлый раз, говоря о приличиях, он тоже дистанцированно говорил о нас как не о себе, – подумал Ярик. – Кто бы это мог быть? Другие слои общества? Другое государство, нация, раса, спец. служба, вышедшая из-под контроля, сек-

та? Секта технологичных интеллектуалов! Не знающих физику! – Ярику вспомнился первый Порфирий. – И быстро прогрессирующих маразматиков!»

– Что с Авдеем? – повторил свой последний вопрос Ярик.

– Кто такой Авдей, нам известно. Но о его исчезновении мы ничего не знаем.

– А откуда вы тогда знаете, что он исчез?

– Ну, мы же знаем Ваше имя!

– Не морочьте мне голову! Что вы с ним сделали? Раз вы столько о нас знаете, подозреваю, что мое появление здесь тоже не случайно. Это для того, чтобы не состоялась экспедиция? Значит, мы на правильном пути и там мы найдем все ответы? Я требую, чтобы вы мне все объяснили. И как отсюда выбраться?!

– Вы задаете слишком много вопросов подряд.

– Так ответьте на все по порядку!

– Вам нужно отдохнуть! Я распоряжусь, чтобы Вас сейчас же накормили.

– Я еще не голоден! Давайте сначала поговорим! Мне же кусок в горло не полезет, зная, что я ничего не знаю, но знаете Вы, хотя и не сознаетесь, и знаете, что я хочу узнать все, что Вы знаете!

– Слишком много знаете, – отрезал Порфирий и вышел.

– Что Вы имеете в виду? – задумался Ярик. – Слишком много раз слово «знаете» или, что я уже и так слишком много знаю, и мне не светит отсюда выбраться?

«Но, вообще-то, он говорил, – вспомнил Ярик, – что позже я смогу отсюда выйти. Опять же, что он имел в виду? Да. А есть я на самом деле уже чертовски хочу. Надеюсь, он не передумает».

Сытый и уставший от сплошных загадок Ярик снова собрал пирамиду из стульев и попытался открыть окно. Это не составило труда. За окном был тот же внутренний двор, где на этот раз двое мужиков ломали о бревно стулья. У одного они ломались всегда по разному: в щепки, в крошки, по диагонали, но все более и более правильно... У другого напротив, весьма по-настоящему. Наверное, это и были настоящие. Как образцы. Но у первого и металлические на вид стулья теперь ломались как деревянные.

«Идиоты», – заключил Ярик.

Другим очевидным выводом было то, что вылезать на внутренний двор бессмысленно. Противоположные окна Ярику понравились больше. Они выходили вроде бы на улицу.

«Только зачем убежать сейчас? – рассуждал он. – Мне, во-первых, нужно все узнать про Авдея, во-вторых, нужно выяснить, есть ли путь отсюда. Если есть путь сюда, должен быть и отсюда. То есть туда, как говорила булочница, или обратно. Какой-то из способов, в общем, ведет домой! А потом уже делать ноги».

Ярик смотрел в окно и только теперь обратил внимание на статичные объекты, находившиеся в поле зрения. Он при-

смотрелся внимательнее. Кое-где были надписи. Они были сделаны на скрипте, который они обнаружили на табличках в своих первых походах. От неожиданности Ярик даже пошатнулся на своей башне и чуть не упал.

Спустившись, он стал разглядывать пристально все предметы в помещении. Но нигде в бункере ничего не нашел.

Глава 6

28

На радио слегка прогоркло звучала легко узнаваемая песня из категории ретро годов двадцатых третьего тысячелетия. Песня, которая уже даже перестала быть назойливой. На ней уже успело вырасти два поколения. Но песня жила. Жила вместе с третий десяток лет устаревающим радио. Да и, пожалуй, только на нем.

И его не заботило, что в своем существующем виде оно популярностью уже давно перестало пользоваться. Оно просто было, хотя на нем ничего интересного не было, и при этом оно совершенно не менялось. Одни удивлялись:

– Радио? Оно вообще еще до сих пор существует?

Другие удивляли:

– Радио? А как его послушать можно?

Третьих оно вообще раздражало, так как оно, все-таки, требовало денег налогоплательщиков на свое содержание.

А вообще это касалось не только радио. Удивительным образом ничего не менялось и нечего как будто не происходило, как в заледеневшей пещере.

Нет, мир по-прежнему кипел, работал и зарабатывал, продолжая традиции последних столетий, черпал источники

своих финансовых успехов исключительно в стабильной инфляции, но выдавал это за новые достижения. Старая технология, которая, как и любая другая, была придумана кем-то для обслуживания конкретных интересов! Таким образом создавалась иллюзия развития. Но заглянув глубже...

Одни не хотели этого делать. Другие не знали, что существует что-то, помимо того, что они видят. Третьи не могли. Четвертые боялись смотреть, хотя знали, что все просто повязано густой финансовой централизованной паутиной, сложившейся еще больше чем полвека назад, не позволявшей ничему повернуться. Паутина замкнулась, благодаря мании перекрестных инвестиций, которые были призваны снизить риски, стабилизировать конфликты. И теперь нельзя было отрицать, что такое положение вещей было великолепным удерживающим фактором.

Мир, с тех самых пор, как вошел в эпоху манипуляции массами, не менялся, хотя и раздражался заказными локальными конфликтами, словно очередной серией в сериале. Зрителю не давали передышки и возможности расслабиться. Таким образом в том числе оправдывалось существование армии при отсутствии необходимости охраны границ. И это было лишь частью придуманной технологии. Мир предлагал себе новые стили, течения, нравы, однако, все чаще это было лишь экстенсивно перефразированным старым или очередным экстравагантным купажем...

Мир словно застыл в этом своем состоянии непрерывного

циклического бурления, которое никуда больше не вело и ни к чему не стремилось. Но оно вот уже с полвека являло собой стабильность подчеркнутого равновесия.

Так было до самого начала столкновения.

Не знать имя человека, начавшего столкновение, уже через несколько месяцев было не возможно. Узнать, кто его на это подвиг, было так же просто. Стоило только воспользоваться любым источником информации: будь то телевизор или Интернет. Но как остановить столкновение пока не знал никто, поэтому ответа нельзя было услышать даже по радио, которое еще не знало о своем предстоящем повторном рождении.

Телевизоры вещали на каждом углу: в любом магазине, офисе или учреждении. Поэтому информация просто выплеснулась в общество лавиной противоречий. Одновременно по всем каналам и страницам обсуждались сотни фактов, подтасовок, их интерпретаций и опровержений.

Одна сторона пыталась связать воедино множество странных наблюдений и донести до всех понимание опасности, в которой находится мир. Другая сторона применяла испытанную тактику и пыталась рассеять внимание, выдвигая свои кандидатуры всеобщих врагов.

Кем были эти стороны? Сколько их было? Среднему человеческому мозгу это понять было не возможно, даже если круглосуточно отслеживать все информационные потоки.

Но как бы там ни было, десятки профессиональных и

любительских видеозаписей сделанных на всемирном благотворительном концерте, мгновенно обойдя весь мир, буквально взорвали его. Они были многократно просмотрены всеми, умеющими видеть, без исключения.

*

В эфире одной телепередачи собеседники, имитируя динамичную дискуссию, активно соглашались друг с другом в одном мнении:

– Действительно, как мог один электротехник самостоятельно без чьей-то помощи сорвать концерт такого уровня?

– Да. Вне сомнений, здесь действовала высокоорганизованная группа террористов. А рассыпавшиеся в порошок министр мировой культуры и половина звездного состава концерта – лишь дешевый спецэффект, цель которого шоковыми методами отвлечь внимание от главной проблемы.

– Это неоспоримый факт, ведь министр культуры сегодня присутствует в нашей студии, поприветствуем его.

*

Другой телеканал докладывал об итогах своего расследования, где главным выводом было то, что видеозаписи, распространенные по всему миру – это просто качественный графический продукт. А никакого благотворительного турне

и этого концерта вообще не было. Сообщалось, что это самая масштабная фальсификация со времен высадки американцев на Луне. Это не более, чем хорошо спланированная финансовая афера, в которой замешаны очень известные и высокопоставленные лица.

*

Третья версия была еще менее правдоподобной. В ней все произошедшее объяснялось тем, что мир уже давно находится под управлением внеземной цивилизации. Приводились ссылки на документы некоего Семенского Я.Д. двадцатилетней давности, где впервые публиковались данные о захвате нашей планеты. Но эти сведения были впоследствии многократно перепечатаны с множеством дополнений, догадок и, как следствие, искажений, отчего потеряли к себе доверие, превратившись в слухи.

Теперь же утверждалось, что это было сделано намеренно, в расчете на особенности психологии человека: чем больше противоречивых вариаций у одного утверждения, тем меньше оно кажется достоверным. Люди с большей охотой верят в мифы Древней Греции, поскольку они уже несколько веков перепечатываются слово в слово.

Ярослава Дмитриевича сумели разыскать и пригласить на телепередачу. Будучи уже весьма престарелым и слабым здоровьем он пришел, пользуясь поддержкой сын. Он еще раз

попытался подробно, насколько позволяла память, рассказать все, что ранее излагал в своей диссертации и многочисленных статьях, растиражированных в Интернете. Сам он, однако, смог говорить только минут пятнадцать, после чего ему стало не по себе, и он покинул беседу. Продолжил, в меру осведомленности, сын.

*

Параллельно на оппозиционных оппозиционным каналах всплыла информация, что Ярослав Дмитриевич Семенский в том же году, когда вышли его первые публикации, проходил психиатрическое освидетельствование. Умалчивалось, однако, что он был признан здоровым. Так же отмечалось, что свою диссертацию, законченную двумя годами позже, он так и не защитил, а своему сыну не позволил продолжить свои исследования.

*

С подтверждениями версии о внеземном контроле несколько раз в эксклюзивных интервью появлялся на экране и сам Джоска Кардаш, тот самый электротехник. Его безуспешно искала полиция. Но некоторым журналистам удалось найти его и договориваться о встрече. Впрочем, возможности таких встреч, вероятно, искал он сам. Свое по-

явление Джоска всегда сопровождал подтверждением своей подлинности, одновременно противопоставляя себя тем ненастоящим, против которых он ведет борьбу.

– Я теперь всегда, появляясь на публике, прокалываю себе палец медицинским скарификатором и показываю, что у меня есть кровь, – говорил Джоска Кардаш. – Если я этого не сделал, значит, это перед вами не я, а моя копия, подобная копии рассыпавшегося министра. Не верьте ни чему, что будет говорить моя копия.

– На что был направлен срыв этого концерта? – задал очередной вопрос журналист, ведущий программу.

– Мы уже давно живем и не знаем, что все ключевые решения в мире принимаются не нами. Все первые лица не люди. И я всем это хотел показать. Кроме того, я показал всем способ, как с ними можно бороться.

– Надо сказать, что способ весьма не прост. Неужели это единственный способ?

– Для того чтобы определить, являются ли они людьми, достаточно просто нанести любую рану и убедиться, что у них нет крови. Обезвредить же намного труднее. Вы видели, что даже современные холодильные установки, почти мгновенно замораживающие воду, еле успели захватить рассыпавшиеся их тела.

– Да. Мы все много раз видели этот момент в многочисленных роликах. Но позвольте Вас спросить. Вот Вы и в нашей беседе и в других все время говорите «их». О ком Вы

говорите? Кто они?

– Нам известно не многое.

– Простите. Вы теперь сказали «нам». А кто такие мы?

– Мы – это люди. Кто такие они, мы не знаем. Но мы – весь мир, все люди – теперь убедились в их существовании. Они существуют среди нас.

*

Как бы там ни было, жуткое ощущение окружающей небезопасности словно смогом легло над городами и поселками. Оно заползло в душу и глаза каждого, гнило в груди всякого человека, выедало силы бессонными ночами.

В разных частях света стали появляться сообщения о случаях проверки на подлинность, имевших различные исходы. Сначала они были единичными. Их жертвами, к сожалению, стали обыкновенные люди. Но вскоре мания проверять заразила все человечество. Этот вирус распространялся не по путям миграции людей или других животным. Этот вирус распространился гораздо быстрее по венам цифровой эпохи.

Уже никто не знал, чего больше бояться, «их», которые, как утверждается, уже десятки лет никому не причиняли вреда, или проверок. Поднималась волна общественного негодования, подкрепляемая средствами вещания.

Но когда таким образом все-таки был выявлен не человек, и мир снова взорвался известиями и сотнями комментари-

ев очевидцев, волна отхлынула назад. Стали, однако, пропадать очевидцы этого события. В итоге взамен пришла другая волна новыми участвовавшими тестами на натуральность.

Мир погрузился в хаос, управляемый страхом. В нападениях не было порядка. И им уже не было числа. Несмотря на то, что в большинстве случаев проверок страдали или гибли люди, обнаружения нескольких не людей было достаточно для нарастания напряжения. На улицу без надобности никто не выходил. Подозрительным казался каждый прохожий, потому что он тоже смотрел на тебя подозревающим взглядом.

Вкупе с многие годы топтавшими по ушам слухами начинала все более отчетливо вырисовываться пугающая картина мира. Но обрести окончательные черты в гламурных эфирах телевидения и всеголосого Интернета, а, значит, и в сознании людей, она не успела.

В один миг вся информация просто оборвалась. Как по команде центрального рубильника. Большинство ресурсов, которые могли передавать хоть какие-либо сведения, теперь круглосуточно вещали белый шум. Были заблокированы все средства массовой и точечной коммуникации. Исключением стали только несколько правительственных телевизионных каналов.

И сбылись ли самые смелые прогнозы? Подтвердились ли предположения, что человечество уже не сможет жить без возможности мгновенной связи? Нет. Не подтвердились. Человечество смогло выжить. Но разрушились экономические

связи и торговые цепочки. Транспортное сообщение встало на колени по самый пояс. Люди были вынуждены вернуться к наличным расчетам, а добыча наличность стала делом жизненной необходимости. Общество было полностью и надолго дезорганизовано и дезориентировано.

Так началось Столкновение. Но это была только лишь та цена, которую пришлось заплатить в первые часы. Столкновение стало шоком – невероятным, необъяснимым, но объясняющим. Что именно? Это стало понятно много позже.

Человечество оказалось втянутым одновременно в две борьбы. С одной стороны, с «ними», которые себя до сих пор никак явно враждебно или просто внятно не проявили, кроме отключения средств коммуникации. И это была борьба за выживание человечества. С другой стороны, велась борьба между людьми. И это была борьба за выживание личное. Победить в первой войне, не победив во второй было не возможно.

В первый же месяц голод и хаос слизали треть населения Земли. В некоторых районах, которые больше других зависели от поставок из других регионов, выжило и вовсе до десяти процентов жителей. Еще треть была отпущена на вечную волю последней третью позже при дележе оставшихся ресурсов и формировании новых сфер влияния.

Эти процессы, как это ни печально, возобладали перед попытками всеобщей консолидации. Враг врага оказался так же врагом.

Прошли месяцы и годы – голодные, жестокие – прежде чем начали складываться новые шелковые пути. Но они должны были сложиться, потому что в любых условиях существует возможность получить выгоду. И эти возможности, покрывая одна другую, начинают формировать новые правила.

– Да, Палаш, я тебя, наконец, слышу! Ты меня слышишь? Как связь?

– Отлично, Глеб! – ответила Пелагея.

– Ну, наконец-то! – обрадовался Глеб.

Захар поймал хлопок победы от Милены и поднял руку, чтобы таким же образом поздравить с удачей Глеба. Кто одной, кто двумя руками, радостные поздравления раскатились волной по всему штабу.

– Вы что там, голубей запускаете? – спросила Пелагея.

– Палаш, все нормально! Ребята просто радуются за хорошую работу.

– Лаша, держи и ты пять! – поприветствовал Пелагею Захар. – Теперь мы надолго на связи!

Волна несколькими хлопками поздравлений передалась в немногочисленный пока третий штаб.

– Связь-то налажена. Осталось только подождать несколько дней и убедиться, что они не смогут ее обнаружить. Канал зашифрован? – уточнила Пелагея.

Глеб посмотрел на Акима, инженера по связи:

– Что скажешь, дружище?

– Конечно, Палаш, – кивнул тот в ответ головой. – Ты не поверишь, как я рад тебя снова слышать.

– Поверю, Аким. Поверю, – с радостной тоской в голосе

ответила Пелагея.

– Ну, будем надеяться, что этот канал они не увидят, – продолжил Глеб, – и старая добрая оптика нам еще послужит. Начинаем отсчет тестового периода. Мы пока прорабатываем подключение через оптику второго штаба. Вы в своем штабе сделали защиту?

– Да. Вся территория обшита металлической сеткой, – ответила Пелагея. – Над нами находится обычный жилой дом с его обычным излучением, который нас дополнительно маскирует. У нас осталось километров пятьдесят волокна. Забирайте, если нужно для прокладки во второй штаб.

– Этого все равно мало. Они расположены от старых магистралей намного дальше вас. Поэтому с вас и начали. Ну, будем искать склады. Где-то же еще должно было остаться это старье?! Да и наверняка еще остались где-то производства. Запустим их, если стоят.

Глеб засмеялся при мысли, к на сколько старым технологиям им приходится теперь возвращаться.

– Тебе чего смешно-то стало? – спросила Пелагея.

– Да, просто. После оптики было еще два поколения технологий, но она еще не полностью умерла. И только то, что на демонтаж проложенных линий нужны были огромные деньги, которые попросту зажали, теперь, возможно, нас свяжет.

– Понятно. Ладно, давай теперь поговорим о планах. Изображение мы когда увидим?

– Аким, прокомментируешь? – попросил Глеб.

– Канал широкий. На данный момент актуально было наличие самой связи. Если канал будет работать, то контентом мы его наполним. Передача видео не сложнее передачи звука. Но просто на таком оборудовании этого давно никто не делал.

– Отлично! Но много больно говоришь. Скажи, Аким, проще, когда я тебя увижу? – настаивала Пелагея.

– Лаш, пару дней потерпишь?

– Так долго?

– Что долго? – не утерпел Аким.

– Ну, потерплю! Убаял! Сколько тебя помню, ты всегда умел это сделать. С самого детства! – засмеялась Пелагея.

– Да тебя вообще всегда было легко уговорить, – подначил ее Аким.

– Меня? – возмутилась Пелагея.

– Тебя, тебя. Особенно на какой-нибудь беспредел.

– Вы представляете, как мы навспоминаемся, когда увидим друг друга? – остановил их Глеб. – Ладно. Вернемся на землю. Видео – это наши ближайшие планы. Но нужно возвращаться к более сложным вопросам. Во-первых, нам необходимо уметь отличать их от нас, не стреляя в голову и не отрубая руку.

– И желательно даже не прокалывая пальцы, – уточнила Пелагея.

– Да. Так как в этом случае ситуация сразу становится непредсказуемой, – добавил Захар.

– Безусловно, – согласилась Глеб. – В случае ошибки мы можем потерять человека. А в случае удачи никакого вреда им все равно не наносим. Они даже если и рассыпаются, то моментально восстанавливаются. Отсюда вторая задача, все-таки нужно иметь способ их нейтрализовывать.

– Ну, у нас есть как минимум один способ, – уверенно сказала Пелагея.

– Это ты какой именно имеешь в виду? – уточнил Глеб.

– Какой? Он единственный, насколько я знаю! Мгновенная заморозка. Зато он проверенный! Как минимум один раз! Я только технических подробностей не знаю.

– Лаш, ты смеешься что ли? – Ей ответил Джоска, который как никто другой знал все трудности этого способа. – Я расскажу тебе подробности. Основные действия мероприятия тогда происходили на искусственном льду, который можно было практически мгновенно разморозить и снова заморозить. И это очень не само собой происходит!

– Но ведь как выяснилось, это отличный способ одновременно изолировать множество частей друг от друга. Или я что-то не правильно понимаю? – словно спрашивая у окружающих, уточнила Пелагея.

– Наверное, правильно, – ответил ей Нейл, который в их штабе тоже шарил по технической части. – Вот об этом же и рассказывает человек. Давай дослушаем.

– Да. Давайте дослушаем, – поддержала его Колет.

– Но это только первая из задействованных тогда техно-

логий, – продолжил Джоска. – То, что они рассыпаются на мелкие части – это то немногое, что мы тогда о них знали.

– Впрочем, сейчас знаем не намного больше, – добавил Глеб.

– Согласен.

– Да и на сколько реально так все подтасовывать каждый раз, чтобы они оказались рассыпавшимися в воде, которая только их и ждет, чтобы резко замерзнуть? – добавил Захар.

– Вот, вот! А для создания эффекта парения артистов, – не унимался Джоска, – использовались магнитные подушки. Это вторая технология. Идею этого концерта мы тогда прорабатывали до мелочей. Продюсеры купились и тогда даже в очередь за ней стояли. Мы ее еще и хорошо продали! Только мы установили гораздо более мощные магниты, чем договаривались. Их тела состоят и множества мелких притягивающихся частиц.

– А как они удерживаются вместе? – перебил его Нейл.

– Откуда ж я знаю?! Мы выяснили только, что они реагируют на магнитное поле.

– Значит в магнитном поле, чтобы удержать форму, частицы начинают сопротивляться полю, – рассуждал вместе с Джоской Нейл.

– Конечно, – согласился Джоска. – Вы видели на записях, что их движения стали неестественными?

Все без исключения, кто собрался сегодня на пробный сеанс связи, видели этот момент не меньше сотни раз. Им ни-

чего не оставалось, как хором дать утвердительный ответ.

– И если сила магнитного поля превысит их предел сопротивления, – рассказывал Джоска, – то мы предполагали, что они будут разваливаться. Но они все попытались покинуть лед.

В этот момент мы, как и планировали, разморозили на несколько секунд ледовую арену. Дальше не все пошло по плану, но это оказалось даже лучше. От недостатка мощности вышли из строя цепи, обеспечивающие магниты. Резко пропало магнитное поле, и они рассыпались от собственного внутреннего напряжения. В этот момент сработала заморозка льда, и все, что попало в воду, уже не смогло соединиться в одно тело.

– Задумка с фантазией, конечно, – согласилась Пелагея.

– И заметь, все оборудование тогда закупалось не за наш счет! – поставил жирный акцент Джоска.

– И тогда это все еще можно было достать! А теперь это гораздо труднее. Боюсь, производства-то такие стоят! – добавил Аким.

– Вот и я о том же, – ответил Джоска. – Этот способ слишком сложен. Он не может использоваться массово. А значит, не годится для борьбы.

– С момента начала столкновения прошло уже почти два года, а мы так мало знаем о нашем противнике, – отметил Глеб.

– И единственный результат этих лет это то, что мы еще не

уничтожены, – констатировал Нейл, после небольшой паузы.

– Однако, это все-таки положительный результат, – добавила Колет. – Люди ведь могли бы остановиться и позже.

– Мы, кроме того, начали развиваться, – возразила Пелагея. – Хотя бы налаживать связь. А без связи мы не сможем ничего стоящего предпринять. Кроме того, мы теперь знаем, как надежно от них укрыться.

– Положительный! – Глеб согласился. – Но это тоже порождает больше вопросов, чем ответов. Они не могут нас уничтожить? Или не хотят? Если не хотят, то почему? Зачем мы им нужны?

– О чем ты говоришь? Не хотят! – возмутилась Пелагея. – Они ежедневно истребляют тысячи человек.

– Они проводят зачистки населения, преимущественно уничтожая солдат столкновения, – пояснил Глеб. – Если бы они хотели, они бы могли за день уничтожить все население Земли. Вот и вопрос. Чем мы для них являемся?

– Еще скажи, что они пытаются сохранить нашу расу? – возмутился Джоска, который периодически захлебывался от ненависти или азарта борьбы.

– Скажу! – настаивал Глеб. – Не пытаются, а старательно и методично это делают! Ведь вспомните, за последние десятилетия, до войны, ведь в мире не осталось отсталых регионов. Везде была инфраструктура, люди забыли про голод. Везде было обязательное бесплатное образование вплоть до диссертаций! В школах до сих пор есть научные лаборато-

рии! Их ведь не везде закрыли!

– Ну, уничтожают они не только солдат столкновения, – прервал Нейл, мрачную цепь рассуждений Глеба. – У нас в день убирают по несколько обычных людей, практически с улицы. Может, потому что город большой, поэтому так много. У нас вот Колет раньше собирала информацию обо всех таких случаях с самого начала столкновения: кого, при каких обстоятельствах...

– Единственной общей чертой всех смертей, я смогла сделать только такой вывод, – продолжила за Нейла Колет, – было наличие шумного происшествия, неразберихи, паники.

Колет по образованию была социологом, и до начала столкновения она служила в специальном подразделении полиции, где занималась исследованиями причин девиантного поведения в своих рядах. Позже ее перевели в архив, где она стала обращать внимание на дела, сдаваемые отрядами грифов с грифом «СЕКРЕТНО» и решением «ОТСУТСТВИЕ СОСТАВА». В отряде грифов таких дел было большинство.

– То есть, как только начинаются беспорядки, тут же появляются грифы полиции? – предположил Глеб.

– Да. И если к этому моменту все не утихнет, то они уничтожают самого активного, хотя это может быть просто истеричная тетка, трясущая в панике голосовыми связками. Впрочем, в последнее время они стали более точно выделять зачинщиков.

– То есть они стали лучше в нас разбираться, – заключи-

ла Пелагея. – Тогда формулируем третью задачу: нам тоже нужно в них разобраться.

– А для этого нам нужно решить первые две задачи. Вторую хотя бы для того, чтобы захватить одного из них и изучить. А потом уже будем думать о глобальной борьбе.

Ладно. На сегодня все. Отбой! – закончил совет Глеб. – Палаша, мы расходимся по домам. Как слышишь?

– Вам хорошо! А мы только собрались. У нас на днях должно проясниться одно дельце. Мы уже два месяца без связи, вы, наверное, не в курсе. Но, не буду забегать вперед, ... Не подумай, что я суеверная. Просто потом все по порядку расскажу.

– Договорились! Эта осень, я смотрю, выйдет богатой на события.

– То ли еще будет! Она только началась.

– Палаша, подожди, не отключайся. Я еще хотел спросить, как твоя сестра?

– Да, никак. От Эвелины по-прежнему никаких известий, – ответила Пелагея, потускнев глазами, которые увидели только в ее штабе, и голосом, который услышали все.

Она явно скучала и более того переживала. Но как-то все больше в себе, не очень хотела об этом говорить. Даже с близкими, такими, как Глеб. Возможно, ее больше всего напрягало то, что она ничего не могла поделать, а может, то, что она ничем не могла утешить мать.

– Мама привет передавала тебе и родителям, – все-таки

продолжила Пелагея через некоторое мгновение. – Она знает, что у нас сегодня должна быть связь. Очень хотела бы вас увидеть. Говорит, скучает.

– И мои скучают, – ответил Глеб.

Разговор дальше не строился. Тема не легкая.

«Наверное, зря потревожил, – подумал Глеб. – Да сам тоже беспокоюсь, и мать спрашивала. Ну, хоть узнал, что никаких новостей. Хотя бы плохих».

– Ладно. Давай, наверное, на сегодня закругляться, – сказал Глеб. – Извини, что затронул больное.

– Да ничего. Все нормально. Пока.

Глеб вернулся домой не веселый из-за вечернего разговора, но с ощущением маленькой, но победы. Голову осаждали циклические мысли: «Если им нужны люди, тогда почему трупы с улиц не пропадают, их либо находят родственники, либо кремируют коммунальные службы. Нужны живые? Тогда почему двум третям населения было позволено вымереть. Не пепел же им нужен? Тогда бы кремировали всех. Но есть, кого по старинке хоронят. Цель? Должна быть цель».

– Мам, пап, привет!

Нонна вышла встретить сына.

– Твои дети сегодня замучили деда, – улыбнулась она и поцеловала сына в щеку.

– Что, с ним опять случи...?

– Да, нет, – перебила мать, спеша успокоить. – Он нормально. Просто они весь день с ним.

– Сегодня снова налажена связь! – доложил Глеб, войдя в комнату, где играли дети и дед.

– Надолго ли? – отозвался Ярик.

– Яр, что ты сразу, в самом деле, – суетливо попыталась сгладить скепсис деда Нонна.

– Надолго! – Глеб произнес слова уверенно. – Это не радиосвязь. Мы полгода над ней работали! Мы надеемся! Нам теперь важно следующее: нужно разработать прибор, который позволит нам достоверно отличать их. Нужен критерий. Мы слишком мало о них знаем. Планируем заполучить хотя бы один экземпляр. Не знаю пока как, но это нужно сделать. Будем работать.

Ярик слушал сына внимательно. Мысль Глеба медленно пробила ненадежные защитные барьеры от внешнего мира. И когда он осознал последнюю задачу, и попытался мысленно ее решить, его лицо снова исказилось, он взялся руками за голову, словно он что-то видел и при этом беспомощно зажмурил глаза. А, может, он слышал какие-то звуки, которые его беспокоили. Или...

Глеб всегда пытался, но так и не смог этого понять. Он просто включил музыку: Лист «Грезы любви». Добавил громкости и оставил отца в покое. Но старался не упускать его из вида.

Именно живая запись концертного рояля. Всего несколько мелодий: звучащая, «Вокализ» Рахманинова и «Сон одного человека» Хрисомаллиса могли перехватить внимание отца своими эмоциональными выплесками между фантастическими по широте фрагментами поистине умиротворяющего настроения.

Глеб прочувствовал эту музыку через отношение к отцу. Когда отец безрезультатно сдавливал синеющими ладонями уши, он чувствовал, как у него синее сердце. И только в те моменты, когда в музыке появлялось Солнце, отца постепенно отпускало, волна за волною. А мать вообще не могла на это смотреть и очень боялась, когда это случалось с мужем только в ее присутствии.

Больше отцу ничто не помогало. Даже врачи. Большинство сходились на одной версии:

– Слуховые галлюцинации, – повторяли они, – их нельзя заглушить берушами, они возникают внутри, а не снаружи. Даже если он оглохнет, он все равно продолжит их слышать.

Отец надрывно прохрипел, глотая окончания:

– ...нави...тскре...

Глеб не полностью разобрал его слова. Впрочем, он их уже давно выучил. За четыре с небольшим минуты легендарной музыки отец успел повторить их несколько раз с убывающей долей агрессии. Ярик и сам прекрасно знал, как помогает ему эта музыка. Поэтому он вслушивался в нее, отдаваясь полностью.

Вернулась Нонна, чтобы помочь мужу удержать состояние покоя. Ярик сидел на стуле, оперев голову на руки, а руги локтями на колени. Услышав ее шаги, он поднял взгляд. Они безмолвно посмотрели друг другу в глаза, и Нонна с любовью обняла его за голову. Она хотела что-то сказать, но как всегда не могла найти полезных в этой тисуации слов.

Глеб тревожно смотрел на них. Мать и отец поймали его взгляд. И в этот момент они каждый немного на свой манер подумали об одном и том же: «Как хорошо, что есть такие вещи на свете, которые очень сложно выразить словами, но которые можно молчать. И даже так они согревают изнутри. И может быть так они даже понятнее и дороже».

От былого чванства и статусности заведения, с присущей чистотой и аккуратностью во всем, теперь осталось только сожаление. А прежде даже сопли у пациентов должны были быть самой высокой категории.

Однако, получить здесь работу по-прежнему стремились многие врачи с большой буквы, а уж докторишки просто грезили. Одновременно сюда стремились и пациенты, так как все-таки сохранился имидж высокого профессионализма. Или просто в других больницах он слишком упал, что не мог уже конкурировать с инстинктом самосохранения.

Центр «Крони» теперь напоминал скорее госпиталь, чем

известный международный медико-исследовательский институт. Кругом полно людей. Ходят, спуют, жуют, сидят, лежат, копошатся, чешутся. Даже в холле.

– Нам необходимо встретиться с доктором Браннекеном и доктором Уайдшером. Они у себя? – спросила Пелагея у регистратора, по старинке занимавшего место за стойкой у входа, когда они с Нейлом, Колет и Питом вошли в здание центра.

– Вам назначено? – последовал довольно учтивый ответ-вопрос.

– Нам не требуется предварительное назначение, – сухо и уверенно заявила Пелагея.

– Тогда, боюсь, они могут быть заняты или даже быть на операции.

– Оповестите их по внутренней связи, чтобы они немедленно были у себя, – произнесла Пелагея, как бы уже заканчивая разговор и поворачиваясь уйти.

Это не был приказ. Но белый халат Пелагеи с узнаваемыми отливающими лацканами и нашивкой академии, а так же трое ее коллег, стоящих молча в центре холла с серьезными лицами, убедили или даже несколько напугали регистраторшу. И она не стала далее пререкаться.

– Доктор Браннекен, пятый этаж, кабинет 560, доктор Уайдшер, седьмой этаж, кабинет 738.

Пелагея, ничего на это не ответив регистраторше, вернулась к своим, и они вместе направились к лестнице. Видя,

что посетители направились не в ту сторону, регистраторша учтиво решила им помочь.

– Лифт у нас с правой стороны, сюда, пожалуйста.

– Спасибо. Мы по лестнице. Вы уже сообщили докторам? – строго спросила Пелагея.

Ответа они не стали дожидаться.

*

– Центр постоянно переполнен. Койки в коридорах и даже на лестничных клетках, – заметила Колет, проходя как раз мимо одной из них.

– Население стало в несколько раз меньше, а в госпитале не протолкнуться, – отметил Нейл.

– Власти все время ищут террористическую угрозу, хотя сами установили настоящий террористический режим по всему миру. Люди же боятся побежать, чтобы просто догнать автобус. Возможно отсюда и такое наполнение центра, – попыталась найти объяснения Пелагея.

– Тем более что сотни других больниц попросту закрылись, – добавила Колет.

– Ну, вам на седьмой этаж, а мы с Нейлом пришли, – сказала Пелагея, когда они дошли до пятого этажа. – Удачи! – коротко добавила она, прикрыв сосредоточенно глаза.



Пелагея, даже не успев начать говорить, с первого взгляда держалась напористо.

– Мы из академии, подразделение биологической безопасности. В ваш центр на днях поступил пациент по имени Томаш Майшис. Нам сообщили, что его веди Вы.

– Нет. Не я, – возразил Браннекен. – Его ведет доктор Уайдшер. Я только принимал.

– То есть вы его осматривали, – выкрутилась на ходу Пелагея.

– Да. Это верно.

Браннекен не мог понять причину такого визита. Он был немало озадачен, напуган, и даже успел предположить, что это пришли они, что это все, конец. Но но все же старался держаться.

– Вы контактировали с ним?

– Конечно, – прищурился Браннекен.

«Вы контактировали с ним?» – в то же время в кабинете двумя этажами выше Колет так же напористо задавала тот же вопрос доктору Уайдшеру.

– В том числе непосредственно, пальпация, я имею в виду, и, наверное, в нарушение правил, без стерильных перчаток? – продолжила Пелагея.

– В том числе. С перчатками, знаете ли, напряженно, –

оправдался Браннекен. Он все-таки попытался сбить их напор и перехватить инициативу. – Объяснитесь. Что это все значит? Вы в моем кабинете, чините мне допрос!

– Лучше успокойтесь, – более чем уверенно произнес Нейл. – Сейчас не лучший момент для эмоций. Пациент Майшис инфицирован опасным и малоизученным вирусом. Он вернулся сюда четыре дня назад из поездки на острова Молук, где сейчас вспыхнула эпидемия. Инкубационный период длится шесть-семь дней, после которых больной умирает в течение двух дней с крайне высокой вероятностью, по статистике на данный момент. Что влияет на выздоровление, пока не ясно.

Браннекен явно не ожидал такого поворота. Продолжила Пелагея.

– Первые признаки могут проявляться на коже, имевшей непосредственный контакт с зараженными.

Браннекен нервно непроизвольно дернул руками, бросил на них взгляд и снова посмотрел на гостей.

– Покажите Ваши руки, – попросила Пелагея.

Браннекен, потеряв всякую волю, растерянно протянул руки и наблюдал, как Пелагея надевает перчатки. Она положила его ладонь на свою и наклонила голову. Потом посмотрела на Браннекена и четко сказала?

– Смотрите в сторону.

Браннекен безропотно подчинился, ощущая сильнейшую пульсацию в голове.

Пелагея достала и кармана скариффикатор и быстрыми четкими движениями проткнула два пальца Браннекена. Тот от неожиданности рефлекторно попытался отдернуть руку. Но Пелагея к еще большему изумлению Браннекена несвойственной даме хваткой удержала ее и посмотрела ему в лицо.

Когда Браннекен отвел свои глаза, не выдержав ее взгляда, она облегченно выдохнула.

– Нормальный, – выговорила она через паузу.

– Что все это значит? – возмутился Браннекен, вспыхнув как костер, в который брызнули бензином и бросили сухих сосновых веток.

– Присядьте, доктор, – спокойно устало, как будто космос сняли с ее плеч, сказала Пелагея, сейчас мы все объясним. Она тоже опустилась на стул возле стола Браннекена. – Ваше имя Нейт?

– Нейт! – несколько повышенным тоном раздраженно ответил Браннекен.

– Нейт, забудь все, что мы тебе сейчас говорили про вирус. Это не правда. То, что мы сейчас сделали, было только проверкой.

Пелагея тем временем, бросив взгляд на Нейла, проткнула себе палец острым предметом, висевшим у нее на браслете. Палец закровоточил. Аналогичным образом поступил Нейл.

– Нам, прежде всего, нужно было убедиться, что ты – человек, – закончила она.

За эти несколько секунд, прошедших после слов «не прав-

да», Браннекен успел вскипеть еще сильнее.

– Что я... – человек? Что я – человек? Это... – он с трудом подбирал слова. – Что за балаган вы мне здесь устроили. Режете пальцы мне, потом себе. Покиньте мой кабинет. Сейчас же!

Но Пелагея даже не дрогнула. Она с чувством с таким трудом пройденного первого этапа спокойно продолжала:

– От всего, что ты услышишь дальше, напрямую зависит выживаемость человечества. Если эта информация будет передана тобой в ненадлежащие руки, можешь считать себя ответственным за гибель человечества. Если такое случится. Но, тем не менее, ты ее услышишь. А потом, если ты все-таки будешь настаивать, мы уйдем.

– Покиньте мой кабинет, – повторил Браннекен. – Или я сейчас вызову охрану!

– Ты этого не сделаешь. Потому что ты че... – Пелагей начала отвечать на вопрос Нейта до того, как тот успел его задать.

– Это почему же? – выпалил Браннекен.

– Ты человек. И мы люди. Ты только что в этом убедился. А охрана? Они кто? Ты же сам им не доверяешь.

Браннекен хотел было сесть, но последние слова словно выбили из-под него стул, он повел рукой позади себя и, не нащупав кресло сразу, передумал.

– Я Пелагея, это мой друг Нейл, – продолжила гостя. – Мы пришли к тебе и доктору Уайдшеру... Кстати, как его

имя?

– Тревор, – натянуто процедил доктор.

В интонации Нейта читалась явная внутренняя борьба с желанием как можно быстрее закончить этот фарс и невозможностью его прервать.

– Тревор, – повторила Пелагея. – Сходится. Так вот. Мы хотим, чтобы забытая исследовательская лаборатория вашего центра снова начала работу. Самое главное, чтобы было получено разрешение, одобрение или просто молчаливое потворство руководства центра. Возобновление работы лаборатории не должно вызывать шума и подозрений.

– Как вы на меня вышли?

– Ты публичное лицо. Получить рекомендации о тебе можно не только на стенде в холле центра, но и далеко за пределами этого города. В Интернете, в конце концов, много твоих статей и монографий.

– Интернет уже несколько лет отключен, – огрызнулся Нейт.

– Но его серверы по-прежнему существуют, хотя никому и не доступны, – возразил Нейл.

– Без вас, врачей центра, кто работал там прежде, – продолжила Пелагея, – нам разрешение не получить. Кроме того, это может выглядеть подозрительно. Но вы нужны нам не только как прикрытие.

Вы же, во-первых, сможете продолжить свои работы, а так же станете ценными участниками в освобождении Зем-

ли от них. Конкретно нас интересует технология анимации атрофированного нерва конечности, которую успели успешно внедрить еще до столкновения. Вы с ней хорошо знакомы, насколько я знаю. Но, насколько нам известно, эта технология способна на большее. В том числе и на восстановление активности всего мозга.

– Эта информация не публиковалась, – отрывисто ответил Нейт, явно не проникшись еще доверием к посетителям.

– Поскольку была запрещена к публикации, – продолжила Пелагея.

– И внедрению, – добавил Нейл.

– Но это не причина, о ней не знать.

– Допустим, – выдавил Браннекен.

– Как ты видишь, мы об этом что-то знаем. А вам, думаю, было бы интересно продолжить свою работу.

Пелагея прекрасно понимала, что человеку, ученому, важно даже просто иметь возможность продолжать свою работу. Но если знать, что она будет оценена и тем более внедрена, это может быть гораздо большим стимулом. И она добавила:

– Тем более что теперь, перспектива ее применения более чем вероятна. Это я тебе обещаю. Я первая завещаю тебе себя для испытаний, если со мной что-то случится.

«Предпоследние десять на этой неделе и еще десять на следующей», – мысленно жонглировал десятками щитков Демид.

Хотя для него сказать «жонглировал» не совсем правда. Скорее аккуратно перекладывал. Или даже с трудом переваливал. Но по его профессии большего и не требовалось.

Он зарисовывал в журнал номер очередного щитка, где уже провел плановую замену блоков автоматического переключения на резервный источник питания. И каждый очередной номер все ближе подводил его к вилке перспектив.

«А потом работы либо ой-ой-ой как прибавится, либо не ой-ой-ой как не станет!» – думал он.

Демид был не только на вид простым добросовестным трудягой, не привыкшим разбрасываться стабильными позициями. Он действительно был проще пробки. Однако, выбить из-под него табуретку было бы не просто. И если оглянуться назад, то он, пожалуй, и не вспомнил бы и дня, когда б он не знал, что будет завтра, даже во времена самых рьяных смен владельцев Солнца. Он убеждал себя, что просто удачно выбрал профессию. Но значительное количество примеров безработных коллег, не наводили его на мысль, что есть у него какое-то особое чутье.

Вот и теперь. То, что он делал, казалось бы, идет вразрез с

понятиями об определенности завтрашнего дня. Но он делал свою часть дела, понимая, к чему его работа может привести, но даже не имея представления об общей задумке.

Одновременно с заменой блоков резервников он вставлял в разъемы кабелей, прокачивающих ток от входных клемм до клемм распределительного щитка, иглы, которые представляли собой маленькие и примитивные радиоустройства. Они должны были при получении сигнала симитировать перегорание проводника, сами при этом полностью расплавиться. Такие же иглы Демид неспеша-потихоньку уже в течение полугода вставлял на всех главных и периферийных, основных и резервных участках электросистемы телецентра Юро, а так же в кабелях, подключенных непосредственно к оборудованию.

В двух других оставшихся телецентрах, Дефанвей и Кариба, которые наравне с Юро продолжали вещание, проводилась аналогичная подготовка. Но об этом ему не сказали, а сам он не спрашивал. Он только знал, и эта мысль его тоже грела, что все ждут, когда он закончит свою работу.

Сверив часы и пожелав друг другу удачи, три окрыленных курьера разъехались по своим направлениям.

Самолет Инги приземлился почти по расписанию, что в последние годы перестало считаться обязательным. Правда

это создавало проблемы только пассажирам. А в расписании полетов рейсов было так мало, что оно даже не замечало опоздания на жалкие полдня.

В последнее время Инга летала несколько чаще, чем раньше. Поэтому, выходя из самолета, она уже не стремилась выглядеть так эффектно, как в рекламе. Тем более что боязливо идти по скрипучему трапу и строить успешный вид, было не просто. А делать это, идя пешком по взлетной полосе, так как ни рукава, ни спецавтобусы уже давно не функционировали, ей казалось смешно. Хотя, возможно, будучи, как всегда, безукоризненно одетой, у нее это и получалось само собой.

Через день Инга была уже в назначенном городе. Оставалось, правда, еще пять дней, которые нужно было провести не привлекая внимания, но при этом найти способ попасть в телецентр.

Впрочем, эта проблема предполагалась, но по факту подойти к центру Дефанвей было не сложно. Он находился в центре города, прилегающей территории не имел, а соответственно и охраны вне здания. Внутрь же попадать было не обязательно.

Лина из-за плохой погоды на принимающем побережье вынуждена была немного задержаться еще с вылетом. Отсидевшись в зале ожидания на виду у охранников и полиции, ее беспокоил только один вопрос: как она меньше запомнится, если будет сидеть с открытым лицом, как все люди, или если

как бы случайно прикроет лицо своей удлинённой челкой. В результате она опробовала оба варианта и даже поменяла местами рубашку и кофточку.

Полет и посадка прошли удачно. Погода мешала самолетам, но больше ни чему. Но к назначенной дате она все же успела подготовиться.

Дольше всего до центра Юро с несколькими пересадками добираться пришлось Михею, так как ему пришлось довольствоваться услугами сухопутных сообщений. Все возможности авиации были сосредоточены на межконтинентальных перелетах, поскольку им не было альтернативы из-за царящего полного хаоса в морях.

Остановить работу всех трех центров планировалось одновременно. В нынешних условиях это было сделать довольно трудно, так как центры располагались в трех разных частях света, а возможности созвониться и скоординировать действия не было. Поэтому, каждый вынужден был терпеливо дожидаться условленного часа.

– Ну, что ж? – Михей, наконец, сидел на скамейке в небольшом сквере под стенами телецентра Юро, смотрел на часы и беседовал сам с собою. – Надеюсь... Да, нет, я уверен, что вы сейчас делаете то же самое. Два, один... Да здравствует белый шум!

Потом он как бы неожиданно вскочил и посмотрел вверх на здание центра, где с наружной рекламы заискрило как будто от короткого замыкания. Реклама погасла, вслед за ней

погасли окна, погас вестибюль и указатели подземной парковки. Михей, конечно же, поспешил в сторону прочь от здания, не переставая оглядываться.

Пелагея прибежала в штаб как смогла рано и сразу вызвала все штабы: Пест в надежде, что Глеб еще не ушел домой, и Венец.

– Глеб, ты думаешь это случайность?

– Чтобы одновременно прервалось вещание трех телецентров практически на весь день? До сих пор ведь не восстановлено! Сомневаюсь!

– Они же не в одном здании находятся?

– Насколько я знаю, даже не на одном континенте! Как минимум один точно откуда-то от вас вещает. Наверное, Кагриба, судя по названию.

Подключился Венец.

– Томас, вы тоже без телевидения? Ой, привет, Рехема! – поправила Пелагея, увидев, кто появился на дисплее.

– Томаса пока нет, – ответила Рехема. – Но у нас да! Телевидение отключено с полудня.

– У вас с полудня, значит. Ну..., – задумался Глеб, прикидывая разницу во времени. – Да. Одновременно с нами! А у вас со сколько, Лаш?

– Ночью оборвалось. Точно не знаю. Так говорят. Полу-

чается тоже одновременно с вами.

– Тогда точно не случайно, – подытожил Глеб.

– Это точно кто-то работает, – согласилась Рехема. – Вы обратили внимание, где-то раз в полгода происходит какая-нибудь неслучайность, направленная против правительства?

– Они зато хоть что-то делают, в отличие от нас, – скептически отозвалась Пелагея.

– Подожди, подожди... Тебе наскучила тишина? – возмутился Глеб комментарию Пелагеи. – Да, согласен. Мы не ведем активных действий. Но это из тех соображений, что вести их вслепую попросту неэффективно. Мы сейчас не можем достоверно отличать нас от них. Против кого мы будем вести активные действия?

– Отбой, Глеб. Согласна. Мы и так теряем периодически людей. А их мало. А если это просто правительство отключило последние каналы?

– А почему они их тогда раньше-то не отключали? – молниеносно возразила Рехема.

– Мне другое интересно, чего они хотели добиться этим? – озадаченно произнес Глеб.

– «Они» это сейчас у тебя кто? Они или все-таки ты думаешь, что это дело рук человеческих? – уточнила Пелагея.

– Я думаю, что это люди, – задумчиво произнес Глеб. – Но мне не понятна их цель.

– Снизить влияние правительства на массы? – предполо-

жила Пелагея. – Но вещание ведь все равно восстановят.

– А смысл тогда? – продолжила Рехема.

– Вот и я волнуюсь, что из-за таких бессистемных акций может усилиться контроль полиции за населением. Нам это не очень будет удобно, и, полагаю, может многое осложнить.

– Пела, это ты?

– Да, мам.

Пелагея, не спеша, распутала с шеи слегка испачканный с одного края блекло-бежевый шарф. Даже будучи новым, он не отличался выдающейся яркостью, но став поношенным и любимым шарфик стал еще нежнее. Былой его цвет сейчас мог бы казаться просто карнавальным. Пелагея магазинно свернула и положила его на трюмо, сняла пальто и аккуратней обычного усадила его на плечики, отряхнув и пригладив.

Она пришла к себе, уставшая от сложного дня, и словно пыталась сосредоточиться на этих рутинных процедурах, которые обычно делала быстро и автоматически. Мать даже успела выйти ее встретить.

– Привет, милая?

– Привет, мам.

– Что сегодня нового? – спросила мать, по обыкновению интересовавшаяся очередными прорывами и идеями.

Она как тайный советник всегда хотела быть в курсе всех событий и деталей, сказывалась старая привычка. Но раньше она не позволяла себе давать оценки, а они были всегда. Теперь же она обязательно, даже если Пелагея не хотела, делилась своим взглядом. Иногда даже подбрасывала интерес-

ные ходы.

– Сегодня? Сегодня, наконец, запустили лабораторию, – медленно ответила Пелагея, словно они эти лаборатории запускают каждый день по несколько раз.

Виолетта заметила, что дочь, отвечая ей, оставалась глубоко в своих мыслях, словно скрываясь там, чтобы не сказать лишнего.

«Это так она ответила о лаборатории, которую мечтала поднять больше года? – удивилась мать. – Еще несколько месяцев назад она весь вечер рассказывала, с каким трудом им удалось завербовать врачей».

– Лабораторию Тро...? – Виолетта попыталась вспомнить название.

– Крони, – спокойно поправила ее Пелагея. – Это та самая лаборатория нейротехнологий при медицинском центре Крони, которая свернула исследования с самого начала столкновения.

Виолетта даже вспомнила рассказы дочери, что в центре Крони попросту некому стало работать. Специалисты, пережившие деградационный период, стали ближе к людям и дальше от науки. Но врачей все равно не хватало. Кроме того, была отключена сеть, а все оборудование лаборатории управлялось от компьютеров интегрированных в нее.

Врачи, на которых вышла Пелагея, согласились инициировать восстановление лаборатории. Штаб завез несколько «заплесневелых арифмометров», так между собой они на-

зывали старинные персоналки, которые удалось найти. Они могли работать вне зависимости от наличия сети. Через них инженеры штаба развернули локальную сеть, в которой запустили всю необходимую медицинскую и научную аппаратуру. Отсутствие общей сети штабу было даже на руку, так как исключало контроль над деятельностью лаборатории извне.

Виолетта помогла дочери привести одежду в порядок.

– Где-то ты испачкалась, – суетливо сказала она, увидев следы на шарфе. – Чем это? – она принялась разглядывать.

– А что там такое? – Старательно укладывая шарф, Пелагея все-таки не заметила ничего необычного. Она тоже посмотрела на шарф. – Наверное, помада, – равнодушно произнесла она.

– Как это? – удивилась мать.

– Глаза слезились, – ответила Пелагея.

– До подбородка?

– Просто... Да и ветер сегодня сильный и прохладный, – прервала первую мысль Пелагея.

– Пел, ты устала, – поинтересовалась Виолетта, глядя на бледную, хотя и только что с улицы, дочь.

– Не столько устала, сколько... – они прошли в комнату. – Садись, мам, расскажу, – предложила Виолетта. – Сегодня разговаривала с Глебом. Дядя Ярик умер.

Виолетта на какое-то мгновение замерла, не дышала, не моргала, даже не думала. Только взгляд медленно сполз с лица дочери и остановился на окне, вчитываясь в толщу воздуха.

ха перед собой. Ничего за окном она сейчас не видела. Потом она так же медленно вдохнула, словно делая это потяже-левшими глазами, и спокойно выдохнула.

– Ну, вот, – сорвалось с губ. И через паузу: – Таких людей единицы.

Виолетта почему-то мгновенно припомнила себе все, что мог бы припомнить ей Ярик, но так и не сделал этого. Её память вдруг озвучила ей слова Ярика: «Меня можно обидеть, но, наверное, нужно хотеть это сделать». И она подумала: «Он действительно не обращал внимания на житейские мелочи и перепады настроения. Хотя нет. Он обращал. И отличал их. Но не придавал им значения. А напротив, всегда старался сгладить, поддержать, помочь словом, делом. Беспokoился...».

Пелагея подошла к матери и прислонила ее голову к себе.

– Ты расстроилась? – спросила она.

– Мы так и не успели сходить к тебе в Чашу, чтобы еще раз увидеть друг друга, – ответила мать. – Ты передавала ли им привет, дочь?

– Конечно, мам, – тихонько сказала Пелагея.

– Да я знаю, что передавала, – ответила чуть погодя Виолетта. – Так. Спросила. Чтоб себя, наверное, успокоить.

– Все будет хорошо, мам. Так должно было быть, – попыталась утешить ее дочь.

Обе немного помолчали.

– Конечно, – прервала тишину Виолетта. – Но чем ближе

это самое «должно», тем страшнее становится.

– Ты боишься? – удивилась Пелагея. – Ты же всегда говорила, что это глупо бояться того, что неминуемо случится.

– Говорила, – выдохнула Виолетта. – С того момента, как пропал друг дяди Ярика Авдей, я действительно стала так думать и говорить.

– А до этого ты боялась?

– А до этого, милая, я боялась как и все. Боялась того времени, когда уже ничто не будет пугать. А оказалось, что по-настоящему страшно на самом деле то, о чем даже невозможно подумать. Вот и твоя сестра... Сколько мы уже о ней ничего не слышали?

– Но и этого ведь тоже нет смысла бояться, – возразила, рассуждая, Пелагея. – Так можно бояться всего всю жизнь. А оно или случится, или нет. Но мы ведь этого не знаем.

– Ты права, дочь, – согласилась Виолетта. – Конечно, права.

– Мам, а сейчас ты тогда чего боишься? – прежде чем задать вопрос Пела, выдержала небольшую паузу.

– Я же не смерти боюсь.

– А чего тогда? – осторожно поинтересовалась Пела, боясь глубже расстроить мать.

– За вас. За тебя и Эви, – откуда-то из прострации ответчала Виолетта. – Даже не зная, жива она или нет, я по-прежнему за нее боюсь. А со страхом ничего нельзя поделаться. Можно привыкнуть к старости, к холоду, к боли. Можно делать

вид, что не замечаешь их. Можно даже действительно не замечать их. Но нельзя привыкнуть к страху. Времена-то вон какие непонятные настали.

Они поговорили еще некоторое время, потом снова немного помолчали, пока Виолетта не предложила помянуть ушедшего теперь навсегда друга.

Возня в штабе все еще не рассасывалась, несмотря на довольно позднее время. Глеб тоже задерживался. Он вызвал соединение с третьим штабом.

– Чаша на связи. Как нас слышите? – ответили шаблонно на вызов.

– Слышим отлично. Привет Орест.

– Привет Глеб. Есть новости?

– Да, не то чтобы новости... так, просто, революция маленькая. Лаша там есть поблизости?

– Что еще за революция? – встрепенулся Орест.

– Расслабься! Все нормально! Минут через десять собери народ, пожалуйста, у моста. Ладно?

– О.К., – медленно сказал Орест, так и не поняв наверняка хорошие или плохие новости их ждут. Но, судя по настроению Глеба, нервничать скорее всего повода нет.

Он позвал Пелагею и остальных.

– Что у вас там? – прибежала озадаченная Пелагея.

«Орест, похоже, не смог просто позвать людей и уже нарасказывал разных глупостей», – подумал Глеб, увидев обеспокоенную Пелагею.

Орест и правда позволил себе некие интерпретации слов Глеба. Но квадратичные интерпретации вещь всегда непредсказуемая.

– Пока еще ничего, минут через десять только, – ответил Глеб. – У вас как?

– Разгребаем документацию в лаборатории.

– В лаборатории? В какой? – не понял Глеб.

– Ага! В какой, ему! Только после вашей революции!

– Хм. Вот вы, значит, какие теперь стали? – улыбнулся Глеб. – Ну, ладно!

– Мать передавала тебе и семье соболезнования.

– Спасибо, Лаш.

– Когда похоронили? – перешла на спокойную интонацию Пелагея, вспомнив, что мать очень просила передать Глебу и Нонне, что она переживает утрату вместе с ними.

– На прошлой неделе. Позавчера вот девять дней было. На кладбище были. Холодно, ветер, снег срывался. Но мама тоже была, – ответил Глеб.

– Тетя Нонна всегда была сильной. Моя мама жалеет, что отца твоего уже не успела больше увидеть, – добавила Пелагея.

– Да. С тех пор как вы уехали, мы больше ни разу не встречались, – не спеша, проговорил Глеб.

– Живьем не встречались! А так-то на видеомостах виделись, пиры пировали, – попыталась подбодрить его Пелагея.

– Это тоже когда было? Свободной связи сколько уже нет! Да! Уже лет тридцать я вижу тебя только на картинках. Да, я помню. Вы тогда с праздника зашли к нам в гости, мы не ходили в тот год, мама болела, и Эвелина все рассказывала про какого-то мальчика, которому она подарила цветы. А потом вы уехали.

– Давно было, – задумалась Пелагея и снова вспомнила сестру. – От нее по-прежнему нет известий. Ты-то как, без отца? Да тетя Нонна? Держитесь? Он у вас хорошо держался. Жаль только все в стороне от Примулы?

– Да. В нашем движении его знания не помешали бы, – согласился Глеб. – Упрямый был. Или слишком в свое время запуганный. Никак не мог понять, что времена изменились. Уже все давно знают то, что он когда-то хотел до них донести.

– Да. Раньше ему не верили, а теперь уже достаточно тех, кто хотел его услышать. Так и не удалось его убедить. Если бы он не сказал, что электромагнитное поле они ощущают аки детекторы, – вспомнила вдруг Пелагея, – мы бы так и до сих пор пытались бы восстанавливать радиовышки с перспективами связи не больше, чем на неделю, и не смогли бы наладить связь между штабами.

– А сколько штабов было уничтожено? Мы все время думали, что это из-за утечки информации. С ним в последние

годы все чаще случались непонятные приступы, он впадал в раздражение и потом часами шептал одно и то же: «Ненавижу этот скрежет», и требовал заглушить тишину.

– Скрежет?

– Я тоже не могу понять. Когда его накрывало, с ним бесполезно было говорить. А если спросить его про скрежет, когда он в норме, его сразу накрывало.

– Может, поэтому он и не хотел с нами...

– Второй штаб на связи, – доложил Аким, перебив разговор Пелагеи и Глеба.

– Внимание! – Глеб отвлек всех от своих дел. – Венец, вы нас слышите? Это Пест. Повторяю...

– Да, да. Это Венец, – отозвался Томас. – Приветствуем вас Пест. Слышим отлично. Наконец!

– В самом деле! Тоже рады слышать вас!

– Я уже думал, что мы опять на долго останемся без связи.

– Я тоже этого опасался.

– Хорошо, что быстро починили!

– Ну, вот! Вся Примула снова в сборе! Чаша тоже на связи. Мы их видим. Вы их можете пока только слышать. Канал упал, видео сегодня не будет. Ребята разбираются с ним, – пояснил Глеб.

– Томас, привет. Это Палаша. Как вы?

– Слышу тебя. Привет, дорогая!

– И полгода не прошло, как мы снова только слышим тебя!

Но даже и так мы очень рады, – весело сказала Пелагея.

– Да ладно тебе, – зацепился Глеб. – Мы планировали наладить связь к концу года, получилось через месяц, после связи с вами. Довольно быстро, я считаю, справились. И только последние дни сбой какой-то. А два месяца проработала. До конца года-то починим!

– Да, все отлично, Глеб. Томас, как вы там?

– Мы набираем людей. Нам не хватало как раз координации действий с вами. Теперь все изменится, – бодро отпартовал Томас.

– Теперь, имея постоянную связь, мы сможем использовать и ваших специалистов. Сообщишь, кто у вас сейчас уже есть? – попросила Пелагея.

– Хорошо, сообщу.

– А нам как раз нужен хороший акустик, – добавил Глеб, – который сможет выжать из звука всю возможную информацию. У вас есть такие люди?

– Я спрошу у ребят, разбирается ли кто в этом? – ответил Томас. – А что за тема?

Томас махнул рукой, чтобы народ подтянулся поближе к нему послушать.

– Тема? Ну, ввожу в курс дела! Разбирал я на днях вещи отца и нашел там его старый ноут. Ему уже лет двадцать с лишним, не меньше, но все еще работает. По тем временам продвинутый, наверное, был. Слил с него информацию. Там много любопытных звукозаписей, где он разговаривает и спорит с разными людьми о подмененном правительстве, о

целях нового правительства, о причинах захвата нашей цивилизации, о том, когда это произошло, и почему это сделано так мягко. Требуется объяснений по поводу исчезновения дяди Авдея. Пел, помнишь его?

– Конечно, помню, – отозвалась Пелагея.

– Аким вчера просто рыдал у меня на плече, услышав разборки отца за дядю Авдея.

– Я представляю. Ему, наверное, как ножом по старой ране, – Пелагея тоже словно повисла.

Возникшую паузу никто не решился прервать сразу. Получилась минута молчания.

– То есть теперь, наконец, станет все понятно? – все-таки осмелился заговорить Орест.

– Вряд ли, – продолжил Ярик. – Ответов ему прямых, конечно, никто не дает. В основном он пытается найти подтверждение своим гипотезам и разводит их на ответы. Мы еще не все прослушали. Речь не везде хорошо слышна. Но я хотел бы изучить записи получше. Их нужно отслушать не только на предмет текста. Поэтому нужен человек, который знает о звуке все, и который сможет это все из звука вынуть. Это – то немногое, что у нас есть.

– Может, найдем там какие зацепки, – предположила Пелагея.

– Именно их и хочется найти, – подтвердил Ярик.

– У нас тоже есть новость, – перехватила инициативу Пелагея. – Теперь мне хочется поделиться. Мы уже не раз гово-

рили о том, что потеря даже одного человека для Примулы это большая утрата. Помнишь, Глеб, мы говорили о лаборатории центра Крони?

– Да. Конечно, помню.

– Мы возобновили ее функционирование. Запустили всю аппаратуру, и там есть ученые, которые готовы продолжить свою работу.

Теперь и вокруг Глеба мигом скучковался народ. Такие новости хотелось знать всем.

Через несколько дней полного погружения в предоставленные записи Мад, гуру по звуку, которого разыскали коллеги по Примуле в штабе Венец, связался с Глебом.

– Еле дождался утра! – начал издавека Мад.

– Он не выходил из штаба несколько дней, – пояснил Томас. – Как зараженный! Принес такие агрегаты! Я такого даже в фильмах по археологии не видел! – засмеялся он.

Мад, однако, не смутился. Он знал, что результат работы со звуком во многом может зависеть от аппаратуры. К тому же, ему, похоже, было просто необходимо, чтобы его рабочее пространство выглядело как космический корабль. В выкрашенном под цвет пустыни штабе его стол был теперь яркой точкой.

– Уши не распухли? – улыбнулся Глеб.

– По ушам ничего не заметно, но ты бы видел его глаза, – ответил Томас.

– Мад, ты глазами что ли слушал? – пошутил Глеб.

– Глеб, записи, конечно, разные. Сделаны в разных акустических условиях. Но скорее всего на одном оборудовании, – Мад, казалось, и не услышал, что Глеб и Томас шутили на его счет, и перешел к делу. – Что в принципе облегчает. Ты, наверное, тоже заметил, что здесь две группы записей с разницей в два года. В обеих группах встречаются фрагменты с довольно странным очень тихим на уровне пяти-десяти децибел напоминающим скрип звуком. Непонятный звук. Он то пропадает, то появляется. И он есть не во всех записях.

– На что, ты говоришь, похож звук? – переспросил Глеб.

– Ну, сложно сказать. Он непонятной природы. Это скрип, шорох, шелест, жужжание, шуршание... Что-то среднее, что-то в этом роде.

– Скрежет! – выдал Глеб.

– Может. Тоже подходящее слово. Похоже.

– Не-е-ет! Это не просто подходящее слово! Это слово отца. И если все... А включи-ка этот звук.

Мад включил фрагмент записи.

– Звук очень тихий. На грани порога слышимости, – комментировал он. – Но, тем не менее, его можно услышать, если вокруг нет постороннего шума. Он достаточно низкий, на него вполне можно и не обратить внимания. А разница за-

писей в два года. Ты можешь пояснить? Были какие-то события?

Глеб посмотрел на даты файлов.

– Да. Первая группа – это год очередной экспедиции в Африку, во время которой отец пропал почти на полгода. Они пропали почти одновременно с дядей Авдеем, но в разных местах. Через два года он закончил работу над диссертацией. Но резко передумал защищаться. А после вообще завязал с наукой.

– Глеб, обрати внимание на этот диалог, – Мад включил другой фрагмент: «... то ломается, то гнется. Это какая-то новая технология? Для вас, наверное, да. Новая технология». – Ты что-нибудь понимаешь? – спросил Мад.

– Я слушал эти записи. И если мы с тобой вдвоем независимо думаем об одном и том же, то, наверное, это так и есть.

– Глеб. Ты понимаешь? Что, по-твоему, может означать «Для вас – да»? Слушай еще. Разговаривают здесь двое. Слышны шаги. Разные. То есть оба время от времени ходят. Но только одни шаги сопровождаются этим странным звуком.

– Скрежетом, ты имеешь в виду? – уточнил Глеб.

– Да. Будем называть его так, раз тебе так близко это слово, – согласился Мад.

– Да я просто ненавижу это слово! – возмутился Глеб. – Но оно не выветривается у меня из головы.

– Ладно, ладно... – успокоил его Мад. – Далее. Два уда-

ра стулом. В момент первого удара и сразу после, но не до, слышен скрежет. После второго нет.

– То есть они могут быть не только людьми, но и, например, стульями? – предположил Глеб. – Мад, это очень интересные сведения.

– Ну, это пока первые характерные особенности, которые мы нашли. Мы работаем дальше. Глеб, здесь еще Томас хотел с тобой поговорить.

– Ну, как тебе наш звуковик?

– Он меня озадачил, если честно.

– Он больше всего жалеет, что это была цифровая запись, а не аналоговая.

– Да, – вернулся в беседу Мад. – При оцифровке, хотя в то время она уже была весьма достоверной, уже перестали жадничать на бытовой записи, все равно теряется часть звука, которую даже самый захудалый микрофон способен услышать.

– Мад, в отличие от нас, застал аналоговые системы. Уверен, он знает, о чем говорит, – с улыбкой, которую никто не увидел, добавил Томас.

– Ну, здесь, как говорится, что имеем, от того и отталкиваемся, – сказал Глеб.

Дальше Мад начал закапывать Глеба в яму физики и волновых уравнений математики. Пропустив несколько голов, Глеб сделал для себя вывод, что дело попало в нужные руки. Но сформулировав Маду задачу, он свернул научную дис-

куссию. Но Мада это не задело. Он остался доволен тем, что заказчик на должном уровне понимает его. Но главное, он понимает, чего хочет.

Вряд ли кто-то с уверенностью мог бы сказать, что природных катастроф стало меньше, но обсмаковать их теперь не предлагали ни на одном из правительственных телевизионных каналов. У простого обывателя вполне могло сложиться ощущение, что у природы настала долгожданная эра всеобщего благоденствия. Новости перестали вызывать стрессы, паранойю и суициды.

Если бы не редкие слухи от приезжих, которых тоже стало значительно меньше по сравнению с прежними временами. С их слов можно было сделать вывод, что, скорее всего, все-таки где-то случаются смерчи, наводнения и землетрясения с привычной им частотой. Но эти слова, не находя привычной поддержки в газетах, на телеэкране, воспринимались как слухи и казались не слишком реальными. В отдельных благополучных районах уже успели вырасти поколения, которые просто не верили, что природа может быть суровой и даже жестокой.

Тем не менее, природа осталась природой. И несмотря на успешно реализованные программы по снижению антропогенного фактора влияния на природу, начатые единым пра-

вительством уже около тридцати лет назад и позволившие стабилизировать расшатавшийся баланс, природа все-таки баловалась. Точнее сказать продолжала жить и развиваться по своему закону, где события, которые мы воспринимаем как катаклизм, есть просто необходимый шагок ее эволюции или даже не шагок, а маленький чих, или просто что-то зачесалось в подмышке.

– Нет, Томас. Мы не слышали. Ну, я точно, – удивленно ответил Глеб.

– Да, я так и думал. В новостях-то ничего не передают. Ну, трясло хорошо!

– А где, прямо у вас?

– Не прямо у нас. Километров тысячу с небольшим на северо-восток. Разрушения есть: дома, постройки. Район не богатый, но достаточно людной. Ведь у нас, где вода – там люди. А вокруг пустыни. А здесь как раз и вода, и еще горы. Соответственно не только трясет, но еще где-то что-то обсыпается. Реки повыходили. Рассказывали, в озере сильно поднялся уровень воды. Собственно поэтому и реки разлились.

Я сам там, конечно, не был. Больше со слов. Говорят, что самым страшным, однако, оказалось не само землетрясение с наводнением. А грифы полиции! Понятно, что в такой ситуации у людей паника. Кто-то пытается спасти остатки скарба, кто-то в потоке на каком-то бревне может застрять и просто звать на помощь. Так эти сволочи, они же не разбирают, похоже, по какому поводу народ беспокоится. Они мето-

дично стреляют в таких!

В интонации Томаса чувствовалось полное недоумение по этому поводу с откровенной злостью.

– То есть? Это че, выходит, убегать от каменного завала тоже нужно пешком? – изумилась Милена. – Глеб, ты что-нибудь понимаешь?

– Получается так. Ну, если только повезет, и тебя не заметят! – ответил Томас.

– Что тут понимать? – сказал Глеб. – Система охраны порядка давно превратилась в систему террора. Это видно и у нас в городе, и Палаша то же самое рассказывает. А полицейские грифы – это же машины. Им заложено одно, пресекать суету, они и секут ее без пощады. Какая им разница, сам ты прыгаешь по земле, или это земля под тобой прыгает?!

Мад, по мере того как наковыривал хоть что-то любопытное в записях Ярика, сбрасывал информацию Глебу, который пытался во всем этом разобраться, старался, как мог, по воспоминаниям слов отца пояснить Маду смысл некоторых фрагментов записей. Роились гипотезы, Мад какие-то моменты после этого переобрабатывал снова и снова.

Прошла встреча очередного нового года.

Считал ли его кто-нибудь долгожданным? Возможно, в этот раз да. В новом году все ожидали прорыва, ведь при

наличии устойчивой связи Примула стала действовать слаженнее и взрослее, уже наработала некоторую базу возможностей, и от подготовительных действий уже всем хотелось перейти к более активным.

Глеб связался с Венцом и попросил позвать Мада. Пелагеи не было в штабе, но главное, что присутствовал электронщик Орест, он вышел на связь от Чаши. Как раз он-то и был нужен Глебу.

– Мад, скажи, а скрежет на всех записях одинаков? – уточнил Глеб.

– Не идентичен, но имеет ряд общих характерных признаков, – ответил Мад.

– А тот, что двумя годами позже?

– Такой же.

– Этот звук можно достоверно идентифицировать в произвольном звуковом потоке?

– С некой вероятностью.

– С какой именно? – поинтересовался Джоска.

– Кто же ее считал? Просто думаю, что существует некоторая вероятность ошибки. Полагаю, не высокая.

– Десять, тридцать, восемьдесят процентов? – предложил оценить хотя бы грубо Глеб.

– Да, ну! Ну, процента полтора, два!

– Это хорошо, – оценивающе сказал Глеб.

– Это практически безошибочно! – радостно заметил Джоска.

– Именно это я и хотел услышать, – заключил Глеб. – Тогда на этой базе мы можем разработать детектор. Мад, расскажешь Оресту все об этом звуке, как его выделить, идентифицировать, измерить и так далее. Орест, вам с Мадом нужно разработать устройство, которое бы постоянно анализировало звук вокруг и могло бы дать нам знать, что вблизи нас кто-то из них. Думаю, это может быть какой-то браслет, который было бы удобно постоянно держать при себе. Как часы.

– На экранчике высвечивать расстояние до источника, – предложил Мад.

– Расстояние определить невозможно просто по приемнику, – сообщил Орест. – Интенсивность без проблем покажем.

– Думаю, не очень будет удобно и возможно постоянно смотреть на часы, – возразил Нейл.

– Согласен с тобой, – согласился Глеб. – Надо, чтобы детектор информировал более активно. Вибрацией.

– Но ее может быть слышно, – заметил Мад.

– Или нагревом на тыльной стороне часов, например, чтобы это просто кожей легко мог ощутить, – сформулировал задачу более четко Глеб.

Орест на мгновения представил себе этот эффект, но, видимо, настолько контрастно, что от гипотетического ощущения аж одернул руку.

– Ты что творишь такое? – воскликнула Пелагея.

По невероятной случайности Орест своим жестом задел

не ожидавшую ничего подобного Пелагею. Она подошла пару минут назад. И молча слушала, не привлекая к себе внимания. Она машинально отскочила, размахивая своими руками. Последовал эффект домино. Ее руки тоже пустили в разнос то, что попало им. Это оказался цветок, что стоял в горшке на столе возле телемоста.

Хотя женщины работали во всех штабах, все-таки сказывалось, что старшей в штабе Чаша была женщина. Интерьер в Чаше был более домашним, более уютным, более живым.

– Ой, я не видел тебя! – засмеялся Орест. – Ты в порядке? Извини.

– Я-то в порядке. А вот цветок!

– Ничего, сделаешь из него несколько цветков! – улыбнулся Орест.

Но они оба вернулись в общий разговор.

– Эта вещь еще, наверное, должна быть компактной и простой в производстве, – добавил Томас.

– Это тоже важно, – согласился Глеб. – Нужно срочно придумать, где мы будем это производить.

– Это должно быть крупносерийное производство. В идеале! – уточнил Орест.

– В идеале да. У нас регион промышленный, производства электроники тоже есть, наверное, найдутся где-нибудь связи. В своих регионах тоже попробуйте выяснить.

– Мы, конечно, поищем, – пообещала Пелагея. – О чем речь? Пест, Венец привет всем!

– Кажется, у нас будет детектор. Потом расскажу тебе детали, – пояснил Орест.

– Спустя три года! – оглянулась назад во времени Пелагея.

– Если это заработает, – начал строить планы дальше Глеб, – то через какое-то время мы получим приблизительную информацию о численности и местах, где они бывают. И нужно значит усиленно думать о том, как их ловить. Джоска, ты, кажется, что-то уже предлагал? – вспомнил Глеб.

– Да. Я думал, – сказал Джоска. – Много думал. Надо исходить из того, что мы сможем достать. Сейчас все будет куда сложнее, чем три года назад. Предлагаю попробовать использовать просто достаточно мощный магнит, который просто прижмет к себе все, что угодно?

– Ну, да! Нам ведь сейчас не нужно создавать антураж в виде шоу, – добавил Захар.

– Ну, вот! Умные ребята? – улыбнулась Пелагея.

– А ты нет? – улыбнулся ей в ответ Глеб.

– Ну, в чем-то, безусловно, да! – кокетливо согласилась Пелагея.

– А на сколько мощный магнит нужен, ты уже рассчитывал? Мы сможем такой найти? – уточнил Глеб.

– Не то чтобы рассчитывал, – ответил Джоска. – Чтобы рассчитывать нужны исходные данные. А их нет! Поэтому только прикидывал.

– Так же как и в прошлый раз? – подколола его Пелагея.

– Ага. И потом взяли с кратным запасом! – поддерживая

расположение Пелагеи, ответил Джоска.

– Мне кажется, главное только нужно расположить магнит правильно и достаточно близко, – включилась в идею Милена. – То есть нам придется объект заманивать. Мы не сможем с магнитом охотиться?

– Да, нужно окопаться в таком месте, чтоб ничего лишнего не прижало к нему! – вставил Томас. – Но чтобы там оказался один из них. Я прав, Джоска?

– Прав. И чтобы между магнитом и одним из них не оказался один из нас! – уточнил Джоска.

– Это хорошо, что Джоска в штабе сегодня, – добавил Томас. – Чет как с вами не свяжешься, он по жизни на работе! А вы как бы и нет, все прохлаждаетесь! – пошутил Томас.

– А вы не иначе, паритесь! – ответил в том же духе Глеб.

– Ну, мы-то, конечно! У нас лето! Паримся!

– Везет вам! А у нас зима. Мы реально прохлаждаемся! У вас-то ваше лето от зимы отличается на десять градусов!

– Точно! Вы и зимой не озябнете! – добавила Пела.

– Все правильно говоришь. У нас и зимой не приходится прохлаждаться!

– Ладно. Джоска, скооперируйся с нашими физиками. Нужно от прикидок все-таки к расчетам переходить. Как бы там ни было сложно, комбинацию необходимо будет придумать, – закончил Глеб. – Давайте, до связи!

Никто, конечно, не считал, но, скорее всего, не одна и не две сотни разноумных пратиарийцев были заняты прямо или опосредованно, с научной или только с производственной позиции принципом Земля. А как никто другой сложность ситуации понимал Деш.

Люди, вынутые с экспериментального носителя, нужны были, конечно, чтобы оценить результаты текущего этапа их развития. Но что делать с ними потом, когда все мерки сняты и синхрофазограммы записаны?

Несмотря на то, что эксперимент длился уже четвертый сиклон, этот вопрос так и не был еще решен. А точнее явно возник только сейчас. Спорные мнения были даже по поводу того, а позволять ли им хотя бы общаться между собой? Подобные вопросы при разработки принципов ранее и не вставали. Но здесь особенность технологии диктовала свои правила.

С прежними контрольными отборами поступали просто – весь материал уничтожали, руководствуясь соображениями безопасности, поскольку технология еще находится в статусе экспериментальной. Но в последний раз изъятие с тестового носителя проводилось уже после официального запуска проекта в производство. И университет Пианс не мог их уничтожить после того, как были закончены с ними лабораторные

работы, занявшие в общей сложности около двух обидоров.

Деш думал об этом еще во время изъятия. Одного человека, изъятых в числе последних и сложно приходившего в норму, Деш решил забрать к себе домой. Но только после того, как тот полностью адаптируется. Среди коллег Деша нашлись желающие поступить так же. Поэтому те люди, кто воспринимал новую среду легче, смогли раньше поменять шкуру подопытного кролика на роль диковины, которую все разглядывают. А интерес к технологии был довольно велик.

Однако, Деш четко обозначил условие, что это не серийные образцы, и их нельзя использовать по прямому назначению технологии.

Этот же вопрос, только в многократном масштабе, касался уцелевших людей с первого производственного носителя, который пришлось перезапускать с нуля. Из общего их числа осталось совсем мало. Но все-таки их было около тысячи человек.

Если позволить им общаться, то может случиться то же, что и на носителе – они начнут истреблять друг друга. Не позволять – они, очевидно, чувствовали дискомфорт в отсутствие общения и вообще в отсутствие какого-либо занятия. Как следствие возможны агрессия или напротив апатия, но в любом случае деградация.

Поэтому большую их часть постоянно держали штабелями в состоянии глубокого сна, оставляя бодрствовать не более пяти процентов уцелевших экземпляров, за которыми

продолжили научные наблюдения. Цель была одна – понять причину сложившейся ситуации и выработать методы исключения подобной мотивации у экземпляров.

*

Деш один сидел в гостиной, читал газету. На столе поблескивала чашка свежесваренного таойи. Асан был на исходе, и за окном уже обессиленно таяли сумерки. Растительность за окном уже трепетала от накатывающей лавины света, растительность в помещении завидовала и ждала своего часа.

Деш просматривал новости, статьи, отзывы о внедренном принципе.

– Тебе не удалось хорошо отдохнуть, Авдей? – поинтересовался Деш, видя не бодрое лицо Авдея, вразвалочку спускающегося с верхнего этажа.

– Нет, спасибо. Отдохнул я хорошо, – ответил Авдей, хотя его голос не звучал бодрее, чем выглядело лицо.

Вслед за Авдеем примчался и пыхтящий Картес, виляя хвостом, и встал рядом с ним.

– Тогда отчего такой вид?

– А отчего быть бодрым, если сейчас ты пойдешь спать, мне одному куковать весь день.

– Ну, вот... – отметил для себя новую проблему Деш. – Ничего, что-нибудь придумаем. Думаю завтра забрать детей из педагогума домой, познакомить с тобой. Ты вроде уже

освоился здесь немного. Уверен, тебе станет не так скучно!

– Осваиваюсь, – ответил Авдей.

Пребывание в столь новой для себя обстановке явно не располагало Авдея к многословности.

– Я смотрю, пес от тебя не отходит! – с улыбкой заметил Деш. – Он сколько у нас живет, ни за кем так не увивался. Скорее дети не отходили от него.

Авдей погладил пса за ушами, присел на корточки и позволил псу облизать себе ухо.

– А, этот да-а-а. Ни на шаг от меня! – подтвердил Авдей.

На его постном лице отразилось понимание того, что его даже радует такое собачье безобразие. Хотя прежде он не сильно слезился от удовольствия при этих манерных животных нежностях.

– Зачем он это делает? – удивился Деш.

– Без понятия! – вальяжно, недоумевая и при этом зевая, ответил Авдей. – Собаки такие!

– Первый раз вижу такое!

Конкретно за этой формой не велись пристальные наблюдения. Деш мысленно пытался просчитать, что в процессе развития принципа могло сформировать такую потребность, но пока не находил ответа и не понимал смысла действий собаки именно в отношении Авдея.

– Seriously? – Пес уже, словно голодный, лобызал щеки и колючий подбородок Авдея. Он и в самом деле давно не видел людей. – А меня больше удивляют местные бесконеч-

ные дни.

Авдей уже несколько ариядов жил, если это можно так назвать, у Деша в доме, привыкал к обстановке и режиму, точнее его уже ломало от борьбы с ним. В отсутствие Деша, весь круг общения – это Картес. Эта вполне приличная породистая, как решил Авдей, но не определил точно породу, бес-тия лишь несколько минут при первой встрече недоверчиво обнюхивала его, после чего больше не отходила, страдая от редких уединений Авдея в уборной.

– Арияды, ты хотел сказать, – поправил его Деш. – Привыкай, привыкай.

– Привыкаю. Не могу привыкнуть к тому, что вы днем, в этот ваш арияд, – сам на этот раз поправился Авдей, – спите, а ночью, когда темно, работаете, гуляете.

Авдей уже почти смирился с мыслью, что ему придется привыкать называть дни ариядами, но подсознание все равно протестовало.

– Ну, асаны у нас не такие уж и темные. Из-за остаточного света Асаны полностью никогда не темнеет. Даже в полный асан.

– Что значит, в полный асан? – смутился Авдей. – Бывает не полный?

– С заходом Сиклана начинается мягкий асан. В атмосфере Асаны остается рассеянный свет одновременно Сиклана и Асаны. А когда Калипр заходит в тень Асаны, она закрывает свет Сиклана, пропадает найвоновый оттенок света, остав-

ся только рассеянный свет Асаны.

Авдей старательно по крупичам выстраивал астрономическую модель в голове, но она пока не срасталась в нечто совсем понятное. Из объяснений Деша ясно было только одно, что иногда все-таки темнеет.

– А мы как те куры. Чуть стемнело – спать! Хотя... Куры... Ты, может, и не знаешь, что это такое? – махнул рукой Авдей и не стал продолжать мысль.

– Тебе не обязательно сидеть дома. Если уже освоился, можешь выходить на улицу.

– Я выходил один раз, когда ты спал. Тут рядом стоял. Так высоко, голова кружится сразу. Да, у меня здесь на восходе почему-то болит голова.

– Со временем это должно пройти. У тебя достаточно сложно и первичная адаптация к нашим условиям проходила.

– Я всегда был метео-чувствительным. И у себя дома, – ответил Авдей.

– И, кстати, долго, – добавил Деш, – почти пять обиоров. Поэтому я тебя так долго не забирал.

– А я чуть с ума не сошел в этой вашей лаборатории, хотя вы меня почти все время держали в состоянии сна. А как проснешься, и не знаешь, что думать, куда себя деть. Где я? Когда я? Я это я, вообще?

– Будешь таойи? – предложил Деш, одновременно сбивая Авдея от входа в мысленный тупик. – Только что зава-

рил свежие. Добавил цветы паиса. Причем очень вовремя сорванные! Цветы только, только раскрылись, еще не успели растратить аромат. – Деш показал на потолок, где Авдей смог увидеть раскрывшиеся довольно изящные венцы, гармонично дополнявшие приглушенную курчавую зелень своими ненавязчиво белыми тонами.

– Ааа, их можно тоже заваривать? Я думал с таойи только листья донники можно заваривать.

– Добавить к таойи можно все, что угодно, из того, что оплетает этот дом. Листья паиса тоже можно, например. Попробуй как-нибудь.

Авдей с видом прогоняемой нерешительности сел напротив Деша.

– Деш, я уже долго не могу решиться сказать об этом. Точнее, снова хочу вернуться к старой теме. Я хочу вернуться домой.

Деш задумался и попытался снова обрисовать перспективу, которая возможна в этом деле.

– Допустим, ты этого не хочешь. Здесь ты мог бы...

– Нет! Допустим, вы этого не хотите, – не позволяя сбить себя с толку, перебил Авдей. – А я хочу! Ты главное скажи, это в принципе возможно?

– Чисто технически это, безусловно, возможно. Я уже говорил тебе об этом. Но...

– Тогда верните меня обратно. Для вас мы всего лишь, наверное, очередная находка. А я не хочу видеть и даже знать,

как вы поступите с моим миром. Предпочту погибнуть с ним.

– Мы не планировали ничего делать до тех пор, пока вы там существуете.

– Тем более! Мы с тобой достаточно побеседовали, еще пока я был в лаборатории. Я же теперь знаю, в чем наши основные проблемы. И я не хочу видеть, как гибнет моя цивилизация.

– Едва ли это целесообразно. Поверь, твои чувства мне вполне понятны. Я знаю, как работают у вас эти механизмы. Там остались те, кто тебе дорог. И более того, остались те, кому был дорог ты. Но относительно твоего возврата есть, по меньшей мере, два препятствия.

Во-первых, и ты сам прекрасно это знаешь, тебя одного никто там не послушает! А даже если кто и услышит, тебе просто не поверят. Тому есть сотни доказательств в вашей же так называемой истории. Но даже и это не самое страшное. Даже если и поверят многие, то достаточно будет влияния некоторых, чтобы не допустить изменения вашего миропорядка.

– Некоторых, – хмыкнул Авдей.

– Вы не знаете их имен. Впрочем, о некоторых можете догадываться.

– А вам они известны?

– Нам они известны, только нам они ни к чему.

– Но что-то же все-таки можно сделать? Не сделать ничего

– это еще хуже. Хотя бы спасти родных.

– Боюсь тебя огорчить. Прошло уже пять обиоров, как ты находишься здесь. За это время у вас прошло более двадцати лет. А за эти последние двадцать лет, которые ты отсутствовал, продолжительность жизни, заканчивающейся естественным путем, вопреки стараниям вашей медицины, но благодаря усилиям прогресса, сократилась в среднем до шестидесяти лет.

– Но вы же можете вернуть меня обратно, в том числе и в мое время.

– Вам известно, что это весьма небезопасно.

– Увы, не известно. Мы еще не освоили технологии перемещения во времени.

– Зато у вас уже сложилось представление, что это всего лишь технология, которую нужно освоить. И многие из возможных парадоксов ее вы уже верно просчитали.

Впрочем, то, что вы ее не освоили, даже хорошо для вас. Вот это, кстати, еще очень занятная черта вашей цивилизации! О чем бы ни предупреждали вас ваши же фантасты, а они практически всегда были правы в своих предсказаниях, вы все равно будете стремиться реализовать эти идеи. И ведь воплотите их! Только в худшем из возможных сценариев. Обращенными на разрушение, а не на созидание!

Авдей пил таойи и обдумывал слова Деша.

– Плохо! От того, что все мои родные и друзья уже умерли, стало еще хуже, – Авдей старался говорить об этом просто

как об историческом факте.

– Но это же естественные процессы для вас: рождение, смерть... – попробовал несколько смягчить свои слова Деш.

– Это естественно, – Авдей немного провалился в послевкусие своих слов и продолжал говорить с видом слегка умалишенного философа, – когда происходит своим чередом: когда ты хоронишь супруга...

Деш напрасно, на самом деле, попытался что-то смягчить. От пояснений, начатых Авдеем, Авдею самому к горлу подкатился ком, но он все же старался держаться и продолжал:

– ...когда тебя хоронят дети... Но даже в этом случае это очень глубоко переживается. А когда тебе вот так просто сообщают, что ты уже давно один, и они умерли, так и не узнав, что случилось с тобой... – Они оба замолчали. Авдей неожиданно вернулся. – Ладно. Все. Не будем дальше об этом.

Услышав в очередной раз, что надежды нет никакой, Авдею пришлось прервать разговор и уйти.

*

Деш уже весьма склеивался, самым разумным было отправиться отдыхать. А даже Авдей медленно в мыслях соглашался, что местное население должно быть более разумным, чем люди, считающие себя разумными. Авдей остался один.

В залитой светом из всех окон гостиной в нише во всю ее

ширину и высоту был большой затуманенный как бы экран. Как бы полупрозрачный, но за ним просто темнота. Или просто создавалось такое впечатление.

«Наверное, как наш телевизор» – решил Авдей.

Но не нашел, как его включать. Странно было и то, что в нишу можно было войти. Из нее дом выглядел как обычно.

На столе лежали лишь подобия газет, но и их он, естественно, не смог прочесть. Авдей даже задумался, насколько много параллелей; действительно ли люди придумали сами, все то же, что есть здесь?

Но ему, собственно ничего не оставалось, как снова выйти из дома в сопровождении нового верного друга Картеса.

На улице Авдей не стал далеко отходить от дома, чтобы не потерять его из вида и не заблудиться. Тем более что ходить по подвесным, как ему казалось, дорогам, или скорее тропинкам, он тоже еще не привык. Он, однако, отметил для себя некий прогресс: в прошлый раз он не смог на это осмелиться.

На чем они висят, понятно не было. По нижней стороне большинства дорог обвисала, по всей видимости, поросль. Чего? Наверняка Авдей знать не мог. Впрочем, и строить гипотезы тоже не стал, так как все, что здесь росло, было для него новым. Местами поросль была небольшая, а местами прилично вытягивалась вниз, доставая до тропинок проходящих ниже и даже дальше. Под свою дорогу он по велению инстинкта сохранения не стал заглядывать, уж слишком прост у нее был край. Сорваться не хотелось, даже несмотря

на тоску.

Тропинки были местами совершенно неубедительными и по надежности, и по ширине, что и вдвоем расходиться нужно аккуратно, а втроем уже и вовсе не просто, в отсутствие бортов и оград. А высота была впечатляющей. Картес уже чувствовал себя здесь более уверенно, но далеко не отходил.

Дороги были пусты. И это было понятно, все спали. Все отдыхали на крышах своих домов, коих множество располагалось ниже и выше дороги, по которой шел Авдей. Ему сверху хорошо было видно их крыши.

«Они спят прямо на улице, – думал Авдей. – Прямо под Солнцем! – Он посмотрел на Солнце, стоящее еще низко. – Другое, – в очередной раз отметил он. – И называется, наверняка, иначе. Надо будет спросить как. Хотя это наверное тот самый Сиклан. Или Асана? Нет. Если Деш говорит, что Асана закрывает свет Сиклана, то это должен быть Сиклан».

Но самое главное на сегодняшней прогулке он увидел позже. Он вдруг заметил, что вдалеке внизу по другой дорожке, проходившей вкrest под его дорогой, шел человек. Обычный человек!

Сначала Авдей подумал, что он просто видит то, что хочет видеть, ведь за все время, что он был здесь, он ни разу людей не видел. Он поспешил оказаться ближе к месту пересечения. Поспешить оказалось не сложно, так как его дорожка довольно круто брала вниз. Здесь он невольно разогнался. Удивительно, как притупляется страх, когда появля-

ется цель.

«Хорошо, что еще почти прямо, а то ведь можно было бы и сорваться» – промелькнула мысль, едва он замедлился.

Он стал ждать, когда приблизится человек. Тропинка проходила внизу на расстоянии приблизительно нескольких ростов. И это оказался действительно вполне обычный мужчина.

– Эй, послушай, послушай, – пытался поговорить с ним Авдей. – Эй ю, лук. Хай,²¹ – пробовал он заговорить на другом языке, который слегка знал.

К сожалению, тот мямлил неуверенно что-то на своем языке, но ничего не смог внять из того, что кричал Авдей, и вообще, как ему показалось, не очень-то и хотел разговаривать.

– Черт! – Авдею только оставалось негодовать.

Потом он еще увидел, в окне женщина что-то делала вроде на кухне. Его, конечно, учили, что заглядывать в окна не прилично, а тем более беспокоить так людей, но ситуация не была стандартной. И тем более в окне была женщина!

Авдей был верным семьянином и часто вспоминал Маришку, сына Акима. Хотя Деш и говорил, что на Земле прошло много времени, но это никак не могло уложиться в голове Авдея. Он ждал обычной теплой вечерней домашней с запахом готового ужина встречи с этими самыми близкими и нужными людьми. Он был уверен, что они тоже ждут его, как

²¹ (англ.) Эй ты, послушай. Привет

ждали его возвращения из обычной экспедиции. Маришка будет смотреть ему в глаза, пока у него по спине не побегут мурашки; Аким в этот вечер непременно будет дома, отложив все свои молодые дела, чтобы просто пожать отцу руку и побыть всей семьей вместе.

И все же, даже несмотря на стресс от здешней новой обстановки, все еще стучавший в висках, неизмеримое в привычных днях, но бесконечно долгое время, проведенное здесь, внезапно открыло шандоры, освободив лавину гормонов.

Но увы, и она не смогла понять его, а отвечала, на слух, похоже, на том же наречии, что и мужчина.



На следующий асан Авдей хотел поговорить с Дешем, но не получилось. Деш ушел из дома как обычно рано.

В университете Пианс Деш и Сантер по пути в лабораторию встретились со своими учителями, имилотами Сайконом и Кефера. Сайкон поспешил сообщить Дешу новость о созыве очередного лигата.

– Раньше это было больше в твоих интересах, – говорил Сайкон, – выступить на лигате, сообщить о своей работе. Теперь же мне организаторы прямо сказали, что очень заинтересованы в твоём докладе. Твой принцип сегодня невероятно актуален.

– Это так! И уже есть, о чем сказать! Мы едва справляемся с поставками.

– Ускорьте носитель! – с некоторым удивлением сказал Сайкон. Этот шаг казался ему очевидным.

– До безумства разгонять там время не очень хорошо, поскольку при этом усложняется управление. Мы попросту можем не успеть среагировать. Мы по мере возможности оставляем там часть готовых экземпляров, наращивая таким образом постоянную численность.

– Понятно. Чем больше численность, тем больше прирост, – сформулировал вывод имилот Кефера. – А на сколько вы уже увеличили производство с момента запуска?

– В три приблизительно раза за счет увеличения плотности времени и в тридцать с лишним раз за счет прироста численности. Отгружено почти миллион триста тысяч единиц, – гордо доложил Деш.

– Всего за восемь обидов? – изумился имилот Кефера. – Потрясающее начало!

– Планируем увеличивать численность, чтобы еще как минимум утроить производство, – добавил Деш.

– Сейчас на носителе все нормально? А то, я помню, с первой попытки у вас что-то не пошло, – поинтересовался Сайкон.

– Да. Сейчас все под контролем, – ответил Деш и пояснил: – Идея, воспитать веру в лучший более счастливый мир, была на столько же успешной, на сколько провальной была

первая идея, заселить промышленный носитель половозрелыми людьми, взятыми с экспериментального носителя.

– Это была одновременно возможность сэкономить время, но в итоге потеряли, – отметил Сайкон.

– Впрочем, новая идея не была нами придумана. Она была в чистом виде скопирована с Земли.

– А носитель справляется с такой нагрузкой? Я имею в виду численность, – продолжил Сайкон. – Тестовый носитель, насколько я помню, был на грани.

– Справляется, – заверил Деш.

– До предела еще очень далеко, – уточнил Сантер. – За состоянием Клетииона следим мы, и поддерживаем там должный уровень чистоты субстрата. А за состоянием Земли следят, точнее не следят, сами люди. И они с такой же мечтой о лучшем вечном мире плевать хотели на свой собственный.

– Причем, забавно, но достоверных знаний о существовании лучшего мира у них нет, – добавил Деш.

– Странно! То есть им все равно, что будет на их Земле? Главное, там будет лучше! А на Земле, мол, плохо? – отчасти даже возмутился Сайкон.

– В общем да, – ответил Деш. – Это их усредненное мировоззрение. Вот такой вот не логичный феномен принципа!

– Ну, в какой-то мере это логично: если вечное лучше, то нет смысла заботиться о временном.

– Приблизительно так. Некоторым жалко, другим страшно перед вероятным самоуничтожением, которое может кос-

нутья, если не их самих, но их детей. Но в массе они считают, что все равно потом будет Рай. И это даже, якобы, лучше!

– А какие планы по развитию, кроме очевидного наращивания объемов? – спросил Кефера.

– Наш глобатиат Манкоа предлагает уже переходить ко второй части соглашения и готов отобрать еще четырнадцать форм для внедрения, – рассказал Деш.

– Имеются в виду некогнитивные формы, – уточнил Сайкон. – Когнитивная там всего одна.

– На самом деле не одна. Их изначально было несколько, но выжило в процессе развития две.

– А почему вы не внедряете тогда вторую, но внедряете некогнитивные? – спросил Сайкон.

– Вторая микроскопически мала и в быту не применима. По крайней мере, пока не разработаны прикладные ее формы. И потом, она требует аккуратного обращения, поскольку мала. Пожалуй, это самая маленькая форма на Земле, но весьма многочисленна.

– Ты говоришь, остальные когнитивные формы погибли, а эти две уживаются. Они друг другу не мешают, получается? – имилот Кефера продолжил тему. – Кажется странным, наличие двух доминирующих форм.

– Наша форма А очень хочет и делает все возможное, но не может уничтожить форму А2, мы ее так условно называем, поскольку А2 сильно изменчива и, еще раз повторю, мала и крайне многочисленна. В совокупности она многократ-

но превышает численность всех остальных форм вместе взятых.

– А форма А не самая многочисленная?

– Отнюдь! Скорее наоборот!

– То есть А2 она на самом деле доминирует, но не уничтожила остальные формы?

– Да! Это, кстати, как дополнение к только что упомянутому феномену, А2 на самом деле может все уничтожить. Раньше при большей оседлости формы А это было труднее. А теперь одна эпидемия, то есть одна массивованная атака, может покончить со всеми сразу. Но А2 осознает тот факт, что она способна существовать, точнее реплицироваться, а значит жить, только внутри тел других форм. Поэтому она сохраняет некий баланс.

– Любопытно! И какая же из этих двух форм более когнитивная? Может нам все-таки стоило бы внедрить именно А2? – оценив услышанное, сказал Кефера.

– Имилот, Вы забываете, что А2 микроскопически мала, – снова напомнил Сантер.

– Ну, как? Система изъяснения, которую я вам дал, сложная? – спросил Деш детей, когда они почти пришли домой.

– Да что там сложного? Не все логично, только, – ответил Майол.

– Совсем не сложная, – согласилась Фиея.

– А зачем она нам? Ведь люди говорят, как мы? – спросил Майол.

– Не все. Тот, что живет у нас, не говорит. Я вас сегодня забрал из педагогуума, чтобы познакомить с ним. Его зовут Авдей.

– У нас дома тоже живет человек!? – восторженно вскричала Фиея. – Настоящий?!

– Самый настоящий! Более настоящего быть не может, – ответил Деш.

– Как это? – удивился Майол. – Как они могут быть по-разному настоящими?

– Этот с Земли!

– Но, он же все равно такой же?

– Не совсем. Он вот не знает нашу речь, например.

– А что он умеет делать?

– Он археолог.

– И что это такое?

– Что это такое? – задумался Деш. А как можно объяснить сыну то, чему у них на Прата нет аналогов? – Это такая профессия. Они ведут раскопки в исторических регионах, ищут древние объекты, предметы.

– Зачем им старые? Они разве не могут сделать себе новые? – поинтересовалась Фиея.

– Они же служники! Конечно, не могут! – торопливо предположил Майол.

– Нет. Во-первых, они не все служники. Во-вторых, они могут делать новые вещи. И делают. Даже служники. А старинные вещи они ищут, чтобы знать свою историю, – пояснил Деш.

– Разве для этого нужно копать и искать? – удивился Майол.

– У людей нужно.

Пратиарийцы тоже при необходимости узнавали нужные факты из прошлого, но для этого им достаточно было сосредоточиться и вникнуть в тон. Нельзя сказать, что в информационном тоне все само бросалось в глаза, стоит только в него погрузиться. Иногда даже это требует много времени. Тоже своего рода археология, только без лопат. И это делали все просто по необходимости, а не кто-то специально обученный.

– А им зачем нужно знать историю? – продолжил расспросы Майол.

– Об этом ты лучше спросишь потом у Авдея. Хорошо? – предложил Деш.

Они как раз подошли к дому. Деш слегка надавил на дверную ручку и опустил ее вниз.

Первой их встретила собака, обнюхала, признала за своих.

– Картес! Привет! – обрадовался Майол. – Иди сюда! Деш тебя здесь кормил?

– Кормил, – ответил Деш. – Но уже несколько конжонов его кормлю не я.

Майол погладил пса по спине. Фиея тоже подошла к Картесу и почесала ему бока.

– И где же человек? – спросила она.

– Он, наверное, отдыхает, – ответил Деш.

– В асане? – удивился Майол.

– Большинство людей предпочитают спать именно во время асана. Так что придется подождать немного.

– А его можно позвать? – спросила Фиея.

– Не нужно, – ответил Деш. – Им так же необходимо отдыхать, как и нам.

*

Авдей проснулся по прошествии нескольких часов и спустился ко всем. Картес замешкался: посмотрел на него, потом на Майола, завилял хвостом, но слабо заскулил, застыв в неопределенности. Авдей не растерялся, чуть присел и, хлопнув руками по коленям, просто ласково произнес:

– Картес!

Пес кинулся к нему и, поднявшись на задние лапы, стал облизывать лицо.

– Как ты это сделал? – удивился Майол.

– Что это? – удивился в свою очередь Авдей.

– Он к тебе побежал!?

– Это же собака! – для Авдея это было естественно. – Попробуй сам.

Майол попытался сделать то же самое, но был бы Картес глупой комнатной болонкой, может, он и бегал бы на каждый хлопок. Его решение было в пользу Авдея – единственной живой души с узнаваемым живым запахом.

Нет, у пратиарийцев тоже был запах. Но знал бы собачий Бог, чем они пахнут, создал бы собак без обоняния. Даже скусны, о которых Картес знал от прапрабабки одной и бродячих псин, подвывавших зимой возле его дома, воняли противно, но естественно. А эти...

Авдей прямо таки с трудом удерживал напор пса. Деш засмеялся, а после добавил:

– С тех пор, как Авдей живет здесь, я их порознь практически не видел.

Он познакомил детей и Авдея.

– Я рассказал им, – объяснял Деш, – что ты занимаешься археологией и историей. Но у Майола, мне кажется, осталось много вопросов.

– Занимался, – уточнил Авдей, выдохнув с ностальгией.

– Деш рассказал, что ты занимаешься только раскопками древних предметов и больше ничем..., – перенял инициативу Майол.

– Не только раскопками. Мы так же изучаем найденный материал, – ответил Авдей. – Пытаемся объяснить назначение предметов, понять особенности культуры, языка, если находим записи.

– Это все равно, одно и то же, – сказал Майол.

– Это не одно и то же. Хотя задача общая, – согласился Авдей.

– А если вы найдете то, что никому не интересно?

«Хм, для ребенка рассуждает, пожалуй, очень уверенно», – подумал Авдей.

– В данный момент, может, и не интересно. Но факт все равно раскрывает какую-то сторону истории. А историю знать нужно. Она позволяет многое понять. В том числе и смысл своего существования, – ответил Авдей.

– А какой для вас смысл в том, чтобы понять смысл своего существования? – вмешался Деш.

– А какой смысл существовать без смысла? – удивился такому нелепому вопросу Авдей.

Деш, однако, не удивился подобному ответу, ведь правило причинности было заложено в принцип «Земля», как основополагающее. Деш снова отметил для себя вывод, теперь полученный не просто из наблюдений со стороны, что если базовые элементы принципа проявляются даже просто в обычном разговоре, значит, они прочно руководят и всей их сознательной деятельностью.

Беседа продолжилась и обещала продлиться, пока дети просто не отключатся сами. Но Сиклан уже приближался к зениту, и Деш отправил их спать. Самому ему, однако, не удалось уйти сразу вместе с ними.



На следующий асан после работы Деша снова ждал дома залежавшийся разговор. Авдей готовился к нему все время, пока не спал, а уснул он с трудом, и притом ненадолго.

– Деш, скажи. Я здесь не один? – осторожно задал вопрос Авдей, желая узнать ответ, и одновременно боясь его.

Он понимал, то, что он мог в итоге выясниться, могло не совпасть даже ни с одной из самых невероятных гипотез, придуманных им за эту ночь.

– Конечно, нет. Я тоже здесь.

– Я имею в виду я, человек, здесь ведь не один? Я сегодня днем, в асан, то есть, – поправился Авдей, – видел здесь людей.

– А, ты вот о чем?

– Только они меня не поняли, как и я не понял, ни одного произнесенного ими звука.

– Они говорят на местном наречии. Человеческой речи они не знают, – ответил Деш.

– А с тобой... я ведь разговариваю на своем языке, – медленно произнес Авдей.

– Мы выделили несколько ваших систем изъяснений, чтобы иметь возможность объяснять вам необходимое сразу, как только вы приходили в себя.

– На местном, значит, – вязко говорил Авдей, продолжая

обдумывать услышанное. – А все-таки... Как это место называется? Вот мой дом – это Земля. А это что? – Авдей провел руками по сторонам, вверх, показывая, что он имеет в виду вообще это все.

Он вспомнил, что уже спрашивал об этом Деша, но не помнил, отвечал ли ему тот.

«Разговор как-то сразу перетекал в совершенно другую область, и я забывал об этом, – подумал Авдей. – Или я был не в себе, что возможно, меня ведь постоянно усыпляли. Я и до сих пор неважно себя здесь чувствую. Или Деш умеет переключить внимание».

– Это Прата, – с удовольствием ответил Деш. – Конкретнее, это Калипр, который является частью системы Прата. Я тебе уже как-то говорил. Но ты, видимо, еще не готов был воспринимать новые сведения. Если еще более точно, то мы находимся в станции Мантама.

– Мы люди, а вы кто? – продолжил Авдей, даже удивившись, что конкретно этот вопрос возник у него только теперь.

– Если называть аналогично примерам, имеющимся в ваших системах изъяснений, то мы пратиарийцы.

– А в ваших языках таких аналогий нет?

– У нас всего одна речь, одна нация. Такую аналогию найти сложно.

– Но люди здесь тоже есть? – Авдею на этот раз удалось не сбиться с начатой темы.

– Уже есть. И уже много.

Авдей с подозрением посмотрел на Деша, как бы требуя раскрытия последней фразы. Деш это понял и добавил:

– Раньше людей здесь не было, – пояснил он. – Но вот уже девять обióров, как вы есть среди нас. И вас становится с каждым конжоном все больше.

– Они тоже просто у кого-то живут? Зачем?

– Каждый из них что-то умеет делать. Они работают, помогают, читают, развлекают, убирают, охраняют... Я знал, что заложенная в вас обязательная мотивированность, рано или поздно заставит меня отвечать на эти вопросы. Мне рассказывали коллеги, так было со всеми из вашей группы.

– Группы? Вы выкачиваете людей с Земли, как и меня, целыми группами? – в голосе Авдея уже появилось не просто неодобрение, но несогласие с таким порядком, даже негодование, но еще не протест.

– Нет. С Земли непосредственно сюда мы брали совсем не много людей. Для контроля только. Как тебе объяснить?... Сюда попадают люди с недавно запущенного Клеттиона, это, считай, вторая Земля. Изначально Клеттион заселялся людьми с Земли, но это было совсем небольшое количество, несколько десятков тысяч человек всего.

– Действительно небольшое! – подняв брови, выдавил медленно Авдей.

– Вы же на Земле развивались долгое время свободно, – продолжал Деш, решив не заострять внимание на замечании

Авдея. – С самого начала мы не вмешивались в этот процесс.

– То есть, вы обнаружили нашу расу, – перебил его Авдей, – до поры до времени не трогали нас, а теперь фактически поработили. Только не непосредственно на Земле, а на каком-то Клеттоне.

– Подожди, я не договорил. С самого момента, как мы запустили Землю, нас интересовала, прежде всего, ваша устойчивость и способности, и, в конечном счете, эффективность. И мы в этом убедились. Но Земля изначально рассматривалась, как эксперимент. Кроме того, у вас возникло много ошибок.

– Подожди, подожди, – теперь уже скачкообразно сообщал Авдей. – Это что же получается, ... запустили Землю, ... – бормотал он, – то есть вы не просто другая раса, ... и мы не просто другая раса, возникшие во вселенной? ... Земля, эксперимент, ... Вы, как ты говоришь, ... – в голове Авдея робкими шагами, вероломно ломая все стереотипы, включая чувство вселенской не опровергнутой уникальности и превосходства, склеивалась предательская мысль: «... они создали...». – Вы создали... Брр... Мы просто ваша технология? И вы нас просто используете? Это... Это!...

– Это то же самое, чего достигли и вы. Только пока в пределах самой Земли. Вы создаете технологии, стремитесь, чтобы они были разумными, подобно вам, и эти технологии на вас работают.

– Это все слишком неожиданно прояснилось, – немного

подумав, ответил Авдей. В определенный момент разговора ему перестало сидеться. И теперь он уже почти бегал по гостиной, то порываясь уйти наверх, то возвращаясь с очередной мыслью или эмоцией. – То есть запустили Клетсион... А что тогда сейчас стало с Землей?

– Она по-прежнему существует. Если интересно, можешь посмотреть, – Деш показал рукой на экран и поджал пальцы, как бы подзывая экран к себе. – Сейчас Земля – это актуальная тема. О ней много говорят.

– Шикарно! – Авдей, впечатляясь, всматривался в проявляющееся изображение в темной нише. Его начинавшее дерзить негодование мгновенно перекрылось светом новых технологий. – Я так и думал, что это вроде как телевизор. Честно говоря, я его даже пробовал включить, но не получилось, кнопок, пульта не нашел. Хотел все спросить, как это сделать?

– Чего ты не нашел? – Деш сразу не понял, о чем говорит Авдей. – Да, ничего и не нужно. – Деш элементарным и естественным движением руки все погасил. – Просто поворачиваешься к нему, и, например, рисуешь рукой в воздухе круг, – Деш одновременно говорил и показывал. – Вот он включился. Возможны другие, столь же очевидные жесты. Теперь просто рукой выбираешь, что тебе интересно, – он небрежно водил рукой в воздухе, на экране отражался ее след. – Попробуй.

«Конечно трехмерное! Как же иначе! – подумал Авдей

и невольно улыбнулся, одновременно отметив: – Здесь все иначе, но только в деталях. Тот же телевизор, тоже объемное, только более продвинутое все... Все как бы на один шаг развития вперед. В этом бреде нет ничего сверх революционного. Он вполне может быть работой моего воображения... Мне нужно только дождаться, когда я проснусь. Когда же я, наконец, проснусь?» – медленно, словно прячась за дальними рядами колоннады, ползла мысль, отвлекая от того, что показывал Деш.

То, что казалось темнотой, спрятанной за туманом, теперь оказалось глубоким пространством. Впрочем, изображение выдавалось и вперед из ниши. Авдей поднял руку, и все действительно оказалось очень просто: полистал, сделал легкий толчок пальцами вперед – раскрылся интересовавший объект.

– Ну, вот. Ты сам догадался, – отметил Деш.

– Все так же, как у нас, только рукой.

– Это просто потому, что у вас все так же логично, как у нас, – уточнил Деш.

– А как выключить?

– Сам догадаешься. Что ты делаешь, когда тебе что-то перестает быть интересным?

– Просто уйти и ничего не делать? – улыбнулся Авдей.

– Можно и так. Или обратный круг. Ты меня извини, но мне нужно отдохнуть, – устало сказал Деш. – Я тебя оставлю.

Авдею, конечно же, хотелось бы продолжить разговор. Но

его не спросили. Его просто поставили в известность. Хотя и довольно вежливо.



Деш удалился отдыхать. Авдей остался у экрана. Он действительно нашел канал, где был доступен вид Земли из космоса. Но ориентировался исключительно по изображениям – Деш не учел того, что Авдей не знает их письма.

Увидев незнакомые обозначения, Авдей сразу представил ту письменность, которую они пытались разгадать у себя дома. Но то, что он видел здесь, не имело с той ничего общего.

Нашел он на самом деле целую группу каналов с общим непрочитанным названием. На некоторых тоже показывали людей, пратиарийцев там не было, но это явно была не Земля. Могла измениться мода, архитектура, манеры, но не природа. Растительность там напоминала скорее ту, что он видел здесь за окном, да и в самом доме.

Вернувшись к каналу с Землей, ему, естественно, захотелось получить вид не только из космоса. Он поднял руку, задержал ее в воздухе и после попробовал потянуть от экрана. Изображение начало плавно увеличиваться и как будто наплывать. Он невольно одернул руку. Изображение, при этом, не отреагировало, очевидно, сочтя этот жест не адресованным себе.

«Умная ведь, зараза» – сам себе произнес Авдей и повто-

рил первый фокус.

Земля снова начала расти, он покрутил ее, снова приблизил и вдруг осознал: «Гугл! К ходилке не гадать! Один в один!».

Вслед за этим он вспомнил Лизон, это она их заражала так переворачивать фразы. Защемило где-то под левыми ребрами и в височных долях.

«Интересно, – подумал Авдей. – Это они так специально сделали? Этакий конвертер мысли в укол в сердце? Хотя... сердце не болит колющей болью. Пусть не сердце, но колет ведь! Или, может, вообще ничего не болит на самом деле, а это ошибка в нервных импульсах? А люди мучаются от болей из-за ошибки. Или это заложен такой механизм проявления любви? Чтоб могли ее прочувствовать».

Вырвавшись из воспоминаний и рассуждений, он сразу кинулся в северное полушарие. И домой.

Через какое-то время он понял, на что реагирует система управления, и сделал для себя простой вывод: «В принципе, ни одного противоестественного движения».

Он пытался узнать крыши домов, поворачивал пространство, как угодно, заглядывал в окна, надеясь увидеть там знакомые лица и найти опровержение словам Деша, что все его друзья уже умерли. Но кругом были только неизвестные ему люди. Он бросался из района в район, из города в город, но с большим трудом узнавал местности, только по самым главным историческим и культурным объектам, которые все-та-

ки были до сих пор в каком-то виде сохранены. Невольно соглашался с мыслью, что там действительно прошло много лет. Хотя по себе он вообще не ощущал перемен.

Загрузившись на всю голову, он отключился прямо в гостиной.

*

На закате Деш разбудил его.

– Ты уснул прямо здесь? А что будешь делать в асан?

– Да, ладно. Асан, не асан...

– Вы все любите спать в темноте? – не для информации, а скорее для поддержания беседы спросил Деш.

– Да. Обычно свет мешает. У нас ученые утверждают, что именно в темноте в определенные часы вырабатываются некоторые важные гормоны. Серотонин, например, – и Авдей несколько с вопросом посмотрел на Деша, не будет ли у него возражений.

– Время здесь точно ни при чем, – прокомментировал тот.

– Ну, по крайней мере, на этом основании в экспедициях руководитель всегда строго следил, чтобы отбой был вовремя.

– В этом он был прав, – согласился Деш. – Сон вам необходим для полноценной работы.

– Как можно спать, находясь в экспедиции?! Это же самое интересное было время! – в некоторой степени даже возму-

тился Авдей и одновременно пролетел воспоминаниями по тем временам.

– Люди в твоё время привыкли считать, что они впустую тратят треть жизни на сон, – уверенно возразил Деш, – и стараются сократить это время...

– Чтобы больше успеть, конечно! – перебил его Авдей.

– Но парадокс в том, что если полноценно спать в полтора раза дольше, то жизнь увеличится в полтора-два раза. И полезного времени при этом окажется больше.

– Но у вас здесь конжоны все равно слишком длинные, чтобы в асан спать, а в арияд не спать. Тем более, что вы отдыхаете наоборот, когда светло, в арияд. А я, например, весь асан спать и не могу, многовато. Между асанами ещё пару раз приходится отдыхать, а то и больше. Скука валит с ног сильнее усталости. Ты просто в это время обычно отсутствуешь и не видишь.

– Понимаю, что тебе здесь скучно. Встреча с детьми тебя не на долго развлекла. Да они здесь и не все время. Я тебе обещаю, подумать над этим, – улыбнулся Деш. – Ладно. Мне пора.

– Пойдем. Я тоже с тобой пройду. Сначала вместе, докуда дойдем, дальше сам.

– Мы вместе-то далеко не дойдем. Вы только по дорогам передвигаетесь, а я сразу вниз.

– То есть? – озадачился Авдей.

– Как тебе объяснить, – затруднился Деш и изобразил что-

то жестами. – Понятней будет это увидеть.

– Пожалуй, я на это посмотрю тогда, – Авдея это даже заинтересовало.

И он вдруг вспомнил.

– А послушай, Деш, Гугл – это, получается, ваша разработка?

– Гугл?

– Ну, я нашел там канал, вид Земли из космоса, можно приблизить, как угодно разглядеть. Точно такая же, да, я уверен, что она же, была у нас на Земле. Она существует еще со времен, когда я заканчивал университет, тогда она еще была двумерная, потом с развитием...

– А, да, я понял тебя. Конечно. Это он и есть.

– Это вы его сделали?

– Нет. Я же говорю, мы не вмешиваемся в развитие Земли.

– Но...

Авдей с недоумением смотрел на Деша, не понимая, как тогда это работает здесь.

– Несколько обиоров назад, когда на Прата интерес к вам возрос, мы просто подключили один канал к вашему Гуглу, как обычный клиент.

– И через такое расстояние от Земли досюда доходит сигнал? – Авдею это казалось удивительным.

– Через какое расстояние? Ты думаешь, это далеко? Земля находится у меня в лаборатории! Точнее находилась, – уточнил Деш. – Сейчас перенесли. Но это все равно не да-

леко. Если учесть повышенную плотность и ваши технологии передачи... Для вас, наверное, действительно далеко. – Деш попытался выстроить логическую цепочку Авдея. – А сигнал-то, ты думаешь, какой?

– Радио, свет,... Не знаю, какой еще.

– Это все электромагнитные. Не серьезно! Этим можно пользоваться только на коротких расстояниях. Здесь связь идет в синхроне.

Авдей чуть не захлебнулся такой простотой объяснения. Но после таких «мелочей», как Земля в лаборатории, электромагнитные сигналы годятся только для коротких расстояний, дальше спрашивать не хватило сознания.

*

После завтрака, в меню которого Авдей все еще ковырялся, как аристократ в базарной харчевне, они вместе вышли на улицу и через несколько шагов попрощались.

– Только ты так не пробуй, – предостерег Деш Авдея. – Ты так не сможешь, даже несмотря на то, что здесь гравитация слабее.

– Мы у вас получились слишком тяжелыми? – иронично заметил Авдей, отметив для себя, что он уже иронизирует по поводу новых фактов о своем происхождении.

– Да, тяжеловатыми, – усмехнулся Деш. – Хотя мы не расценивали это как минус.

Деш подошел к краю дороги, слегка оттолкнулся и скользнул вниз.

Авдей снова остался один в предасановых сумерках, представив себе план действий, состоящий из двух пунктов: «ничего не делать» и «придумать, что делать».

«Асан. Толи уже асан, то ли еще нет. Когда он у них начинается? Сейчас уже почти стемнело, но потом стемнеет еще... до этого, правда, можно успеть выспаться и устать» – размышлял Авдей, наблюдая и пытаясь сориентироваться в сплетении многочисленных дорог.

В это время конжона он вышел на улицу впервые. Прежде выходил только в арияд.

«Город, или это у них деревня,... или поселок, кажется, ожил», – отметил Авдей.

По дорогам, подобно Дешу, легко прыгали вниз и вверх пратиарийцы. И людей сегодня было больше. Никто из них, однако, не выглядел праздно прогуливающимся, как собственно Авдей. Кто-то, судя по всему, ходил за покупками, кто-то просто что-то куда-то вез в коробе позади себя. Где-то подкрашивали жилище. В общем, законы быта, бытия и энтропии здесь никто не отменял.

«Белым цветом. Как везде. Вовсе не оригинально!» – оглянувшись вокруг, подумал Авдей.

Кому-то досталось собирать паисы. В общем обычная с виду житейская суета затянула всех в свой обычный круговорот. Кроме Авдея.

И, вероятно, от этого некоторые из местных с непониманием смотрели на не спеша прогуливающегося Авдея.

В этот раз Авдей не заметил, как дом Деша выпал из поля его внимания. Остановило его то, что дорога неожиданно уперлась в тупик.

«Вот так вот смотреть по сторонам и заглядываться на молоденьких девочек, – подумал Авдей, невольно почесав себе лоб. – Кстати, они ведь здесь все молодые, лет до двадцати пяти! – отметил он».

Но все-таки дорога. Куда идти дальше? Дорога как будто вращалась в тупик, осмотрев который Авдей пришел к выводу, что это, вероятно, дерево. Очень высоко вверху у него даже была крона, хотя и довольно жиденькая.

Он впервые не мельком смотрел вверх, до этого момента его внимание всегда перетягивала на себя высота, находившаяся под ним. Высота владела не только вниманием, но и всем телом Авдея, так как вызывала инстинктивное ощущение предельной осторожности.

«Все-таки здесь все весьма необычно, и многого можно сразу не заметить, – признался себе Авдей. – Даже то, что дороги одним концом всегда упирались или, скорее, судя по всему, вырастали из этих исполинских деревьев. А я, кажется, шел все время прямо. Да и свернуть было некуда, или...».

Теперь он заметил, что с дороги немного раньше можно было на самом деле свернуть. К ней прирастала тропинка, которая, очень похоже, вела как раз вокруг дерева. Теперь

Авдей заметил, что такие тропинки были повсюду. Где-то прямо возле ствола, где-то дальше.

Сперва Авдей подумал, что пора возвращаться обратно, чтобы не потеряться. Но потом ощущение безразличия к этому возможному факту заставило его продолжить задумчивую прогулку.

«Если Дешу будет очень нужно, он меня сам найдет, – так он решил. – А мне здесь все одинаково не нужно. Хотя... – вдруг он вспомнил. – Картес. Пожалуй, он все-таки нужен мне. Пока я здесь. Он такой земной. Даже земнее этих ни разу не понимающих людей».

Авдея даже немного пробрала злость. Ему так хотелось, чтобы его кто-то понял. Но ему казалось, что дома любой деревенский иностранец смотрел бы на него не настолько тупым взглядом, как люди здесь.

«А Картес остался дома один. Он мне так рад, – по душе Авдея разлилось тепло, и он невольно улыбнулся. – К Майолу, Фиее и Дешу он равнодушен, – отметил Авдей. – Все-таки придется искать дорогу домой, – решил он».

Затем Авдей свернул куда-то еще раз. Далее он стал выбирать тропинки, ведущие в низ. И так, пока не оказался у подножья гигантских деревьев. Паутина из дорог между скалами и деревьями, которую он увидел у себя над головой, впечатлила его. Хотя в ней было и что-то зловещее.

«Да. Если бы не приятные оттенки зеленого с вкраплениями белых жилищ, – промелькнула мысль у Авдея, – это ме-

сто могло бы быть ущельем злой колдуньи. А вот, когда сумерки станут более насыщенными...»

Авдея передернуло. Он вспомнил детство, походы на аномалию, серую руку Ии, вцепившуюся когтями ему в ногу. Он даже как будто почувствовал снова эти когти у себя на ноге.

«Уж лучше бы я пошел гулять не вниз, а вверх», – подумал Авдей.

Он вспомнил отца, который героически вырвал его из серых рук. Вспомнил, как он вцепился потом в отца. Смешанное чувство ностальгии, любви, страха, утраты, нежности, грусти сдавило мозг, сердце и кулаки.

Он решил поспешить обратно. Так же заставило задуматься о дороге обратно просыпающееся чувство голода, которое к моменту возвращения домой уже успело убедить Авдея, что он опрометчиво зашел во время прогулки так далеко, что все-таки есть вещи, которые ему здесь необходимы.

Вернувшись домой, он в обнимку с Картесом снова включил канал Гугл. Другие каналы смотреть было бессмысленно, так как языка Авдей не понимал. Он обратил внимание, что северная половина сменила белесо-бурый цвет на зеленый с желтым. Прыгнув вглубь, он понял, что это просто уже сошли снега. Он почувствовал запах и настроение весны. Захотелось попасть туда, захотелось большего присутствия.

Но изображение, хотя и было объемным, было где-то в стене, словно в засаде. Тогда Авдей интуитивно поднял руку, и, вместо того, чтобы управлять выбором каналов, как

будто за что-то ухватился и потянул на себя. И в очередной раз мысленно отметил: «Насколько все интуитивно и естественно».

Земной шар выплыл из своей ниши, повис над головой Авдея, заполнив почти все пространство гостиной. Даже показалось, что он затягивает своим вращением. Авдей снова нашел свой город, здесь был день. Улицы были заполнены людьми. Здесь были и взрослые, и дети. У многих в руках были цветы.

«Примулы, – с грустью узнал их Авдей. – Удачно я включился. В прошлый раз еще была зима, а сейчас я как раз попал на этот день».

– Не могу спокойно чувствовать себя в этот день, – сказала Пелагея матери, задумчиво глядя в окно на проходившую по улице разукрашенную в разные цвета колонну людей.

Колонна тянулась бесконечным червем, обтираясь об стены домов и ограждения.

«Несмотря ни на что, бесконечные колонны людей все-таки возможны», – подумала она.

Под словами «несмотря, ни на что» она имела в виду и гибель двух третей человечества, и странные порядки, когда вроде все можно, но страшно элементарно пробежать по улице. Грань установленного контроля приходилось изучать на ощупь, а понять и объяснить ее было еще труднее.

– Наверное, раньше все-таки не все выходили на этот праздник, перебила ее мысли Виолетта. – А теперь праздник стал более актуальным. А почему ты не чувствуешь себя спокойной в этот день? – поинтересовалась мать.

– Я вспоминаю Эви. Так хочется надеяться, что она где-то сидит, не важно, в какой точке Земного шара, возможно, у окна, так же смотрит на людей и тоже ощущает тяжесть на глазах.

Виолетта посмотрела на фотографию, висевшую на стене.

– Эви, ты, – не спеша, перечисляла она, – Бубён – белая скромная наглость, – она не смогла сдержать улыбку. – Даже

не знаю, что лучше, не знать никаких новостей, в том числе и плохих, или знать плохие?

– Мам, я опять тебя расстроила? – подошла к ней Пелагея. – Прости. Я не хотела.

– Да, нет. Я и сама в этот день не перестаю думать о ней. Эви любила этот праздник. По правде сказать, я иду туда и надеюсь встретить ее в толпе.

Пелагея увидела, что мать из последних сил старается говорить спокойно.

– Виолетт, ну, ты идешь или нет?

– Да, Герасим. Минутку.

Отец заглянул в комнату.

– Пел, может, и ты все-таки пойдешь с нами? Ну, чего тебе сидеть здесь?

– Не, пап. Идите с мамой. Я побуду дома. Так будет лучше. Пап, ты бы надел шляпу, весна в этом году прохладная. Я смотрю, там ветерок есть.

Они обменялись взглядами-дифирамбами и не добавили больше к этому ни слова. Но все-таки улыбнулись друг другу.

– Раньше ты обычно ходил на праздник. И зачастую всю неделю участвовал в каких-то мероприятиях. А теперь почему-то сидишь дома? – любопытствовала Нонна. – Ты хоть

помнишь, как он называется?

– Конечно, помню!

– А почему больше не ходишь?

– Это какой-то детский праздник, мам! Одно название чего стоит «Матери-Земли»! – иронично произнес Глеб.

– Конечно детский! Именно поэтому в этот день столько взрослого народа становится детьми!

– Ага. И не страшно им! Хотя сейчас запрещено становиться детьми! – улыбнулся Глеб.

– Так лучше из соображений безопасности, – ответил прагматичный Глеб. – Нам не нужно лишний раз светиться в неприятностях. Мало ли, что там, в толпе, может случиться. Несмотря на то, что примула, символ праздника, стала символом и нашего движения, мы не хотим явно показывать, что мы существуем.

– Но при этом ты часто выглядываешь в окно, смотришь на проходящих мимо людей, – заметила мать.

– Пытаюсь понять, почему этот праздник существует даже после начала столкновения.

– Люди хотя праздника!

– Допустим, люди хотят и отмечают по привычке. Но если бы не было централизованной поддержки, все бы медленно утихло. А правительство поддерживает почему-то это торжество. Это единственное в году разрешенное массовое мероприятие. Причем всемирного масштаба.

– Ты забыл, сын, про Новый год, – возразила Нонна.

– Да. Ты права, – согласился Глеб. – Еще Новый год. А ты сама-то почему не пошла? – в свою очередь спросил он.

– Настроение куда-то пропало.

– Чё это так? С утра крутилась возле зеркала, примеряла даже что-то? А теперь вдруг передумала?

– То-то и оно. Покрутилась и передумала.

– Что-то как-то не срастается, – улыбнулся Глеб и попытался выпутать мать из ее надуманных причин. – Ты не захворала часом?

– Нет, – уверенно ответила Нонна. – С чего ты взял?

– А что тогда случилось?

– Ну, там в основном одна молодежь, что я там буду как... – она даже не стала договаривать.

– Да ладно тебе, мам! Что ты, в самом деле, ерунду-то говоришь?! И чем ты молодежи помешаешь-то? Молодежь на столько что ли глупая?

– Молодость глупа, зрелость занята, старость нелицеприятна, – несколько театралью ответила Нонна.

– Я, кажется, даже знаю, чьи это слова. Или от тебя, или от отца я их уже слышал, – улыбнулся Глеб. – Того самого соседа, с которым я на полгода всего по жизни пересекся? Как там его звали? – Глеб стал вспоминать имя.

– Ванька, – помогла мать и медленно, уважительно произнесла его полное имя. – Иван Афанасьевич Бублов.

Ее глаза моментально подобрели от возникших в памяти картинок, как она просила его не на долго остаться с малы-

шом, а он убегал сначала побриться, чтобы, сюсюкаясь, не колоть ребенка щетиной, как они уговаривали его переехать к ним, но Ванька сам становился, словно ребенок, и ни в какую не соглашался.

– Не смогли мы его уберечь, – добавила Нонна.

– А отцу, кажется, больше нравился несколько другой вариант этой фразы.

– Да? А я что-то не припомню.

– Там, кажется, как-то так было: в молодости есть время и красота, в зрелости есть красота и уже немного мудрости, в старости достаточно мудрости и времени. И, получается, всю жизнь чего-то не хватает!

– Да, сосед у нас был с изюминкой. А мы, представляешь, с ним почти год просто пили пиво! Пока он однажды, допивая при этом, наверное, уже третью кружку, не сказал, что мы напрасно теряем за этим пивом время.

Глеб удивился и улыбнулся.

– А вы что же?

– Мы-то, конечно, были повидавшие жизнь, по восемнадцать, девятнадцать лет всем! В жизни, мол, нужно отрываться по полной! А он тут нам такое сообщает!

– Ну, вы, конечно, с ним поспорили? – улыбнулся Глеб.

– Скорее, он позволял нам соглашаться с его мнением, – улыбнулась и Нонна. – Он говорил, что люди, увы, стареют. Но людям еще неслыханно повезло! Они стареют чуть чаще, чем раз в сто лет! Не многим в природе повезло, стареть так

редко!

– Он был философом или биологом?

– О, не спрашивай меня об этом. Его прошлое так осталось для нас загадкой. Но он все-таки настаивал, что жизнь мала! И не потому, что она длится всего шестьдесят, семьдесят, восемьдесят... лет, кому как повезет. Просто жизнь – это на самом деле редкие часы или даже минуты между «должен» и «нужно». Притом только те из них, которые ты сумел прожить осмысленно!

Пока Глеб осмысливал фразу, Нонна продолжала вспоминать:

– Практически с этого момента все и изменилось. Меньше чем через год появился ты. Отец хотел бросить учебу, чтобы нас кормить. Но Ванька гонял его, чтобы тот не бросал университет, сидел с тобой, чтобы я поспала немного. Всего не вспомнишь, чем мы ему обязаны, – Нонна немного задумалась, а потом добавила. – Мы его хоронили, родственников так и не нашлось. Потом присматривали за его могилой, пока была возможность.

Глеб внимательно смотрел на мать и заметил, что выражение ее лица изменилось.

– Тебе без них скучно, мам? – спросил он.

– Нет. Тоскливо, – ответила Нонна.

– А есть разница?

– Конечно. И очень большая.

Глеб вопросительно посмотрел на мать.

– Это две совершенно разные вещи, сын, – ответила она на неозвученный вопрос. – От скуки хочется спать, а от тоски – сдохнуть.

К расстройству, последний день праздничной недели, посвященной Земле, был подпорчен.

В этот день по заведенной традиции кто-то из людей, пользующихся мировым признанием, делился своими личными достижениями, способствовавшими тому, чтобы Земле стало лучше. Эту речь человек произносил с особенного дирижабля, который взлетал с поля Трех надежд. Он прилетал сюда в первый день праздничной недели, и на нем привозили новый вид примулы, которого еще не было на этом поле. Высаживанием нового цветка открывался праздник.

Эту традицию заложили в десятую годовщину праздника с легкой руки сеньоры Сэбелы Риарио де Руис. Ее лепка покорила воображение той части человечества, которая обременена чувством прекрасного.

Простое керамическое тесто – мало пригодный для скульптуры материал – в ее руках раскрылось само, раскрыло ее сердце, а затем и сердца миллионов людей. Искренние сюжеты в сочетании с неподражаемым стилем и искусной работой всего за каких-то четыре года довели ее до выставок в главных столичных галереях. При этом Сэбела Риарио не

оставила себе ни единой монеты, заработанной на аукционах своих работ, хотя в долларовых ценах троились нули после двузначных цифр.

– Я почти всю жизнь прожила в домике с двумя окнами и клумбой, – говорила она, отмахиваясь от журналистов морщинистой рукой. – Разве мне теперь нужно что-то еще?

В год юбилейной тысячной выставки Сэбела Риарио была удостоена чести открывать праздник. Она открыла его словами:

– Хочу, чтобы эти цветы стали продолжением океанов, которые придают нашей планете такой мирный голубой цвет.

С этими словами она опустилась на землю и посадила маленький кустик примулы с нежно сиреневыми цветами. А ее двухлетний внук Паскуаль полил нежное растение и своей детской бутылочки. Уже на следующий год на поле Трех надежд была целая клумба, дрожащая сиреневым цветом.

Само поле, ставшее всемирно известным, было открыто в конце двадцатых годов по инициативе Международного Союза Охраны Природы. И в день открытия были высажены более ста видов примулы, в том числе и редких.

Но в этом году в сценарии торжеств были предусмотрены некоторые сюрпризы, о которых, правда, не знали организаторы праздника. Чести завершить мероприятия своей речью был удостоен известнейший актер Саверио Перолла, который уже будучи на пике карьеры, решил снять серию фильмов об охоте на диких животных. Киноленты пропагандиро-

вали отказ от этой забавы.

Когда дирижабль оторвал свои мощи от земли и медленно проплывал над площадью Трех надежд, расположенной в центре поля Трех надежд и заполненной людьми, Саверио стоял один на сцене в носовой части корабля. Микрофон в его руке взорвался. Взрыв был очень мощным: несчастному Саверио оторвало руку и, как впоследствии сообщалось в прессе, он скончался в больнице. Дирижабль был тоже сильно поврежден. Его еле удалось посадить недалеко от поля, но где не было такого скопления людей. Оторванная рука Саверио упала вниз.

Происшествие постарались замять, и сделали это качественно. В считанные дни ликвидировали все обсуждения и, естественно, не допустили никакой информации в средствах массовой информации. Все видели только те кадры, которые вылетели в прямой эфир.

Но хотя ног в мире в два раза больше, чем голов, не нашлось по грязному носку на каждый рот. Очевидцы тайком проговаривались, что рука-то не была окровавленной. И вообще не была похожей на оторванную живую человеческую.

Открыто, однако, свидетельствовать люди боялись, поминная подобные случаи времен начала столкновения.

Колет и Пелагея обсуждали способы прощупывания людей на предмет, стоит ли их вовлекать в работу Примулы, как это сделать тонко и, не раскрывая ничего лишнего. Нейт Браннекен пялился в экран микроскопа, производя замеры на снимках различных образцов, и иногда на правах медика позволял себе соглашаться с доводами Колет. Когда Колет вышла, Нейт не удержался, чтобы поделиться своими остатками памяти от тех событий, когда он был предметом подобных обсуждений.

– Пашала, как же здорово вы меня тогда поймали! – признался Браннекен.

Пелагея посмотрела на Нейта, пытаясь сообразить о чем это он. По ее лицу Нейт прочитал, что она, конечно же, не поняла его. Но Пелагея не стала сдаваться и пошла в наступление.

– И не только тогда!

– Как не только? – возмутился Нейт. – А когда еще?

– Вот! Только что! – звонко засмеялась она. – А ты про когда говоришь?

– Вот паразитка! Я-то про тот день, когда вы с Нейлом меня в центре проверяли. Я тогда пригрозился позвать охрану, а ты сказала, что я этого не сделаю, потому что не знаю, кто они.

– Ааа. Вон ты про что. А ты, наверное, сегодня их проверил?! – догадалась Пелагея.

– Первым делом, как только пришел в центр! Полгода ждал, с самого момента, как Глеб сообщил, что они придумали способ. И тут получается либо детектор не работает, либо... Но все охранники – люди! Регистратура, веришь ли, тоже.

– Регистратуру мы тоже проверили. Тогда не было детекторов, но и без крови тоже обошлось. Когда я от нее потребовала вызвать тебя и Тревожа, она побледнела.

– Кровь отхлынула.

– Ну, видимо, да. Так, значит, ты говоришь, их в центре нет. А главный?

– Человек! – с некоторым удивлением ответил Нейт.

Пелагея немного задумалась.

– Видимо, в том числе и поэтому нам так легко удалось продать расконсервирование лаборатории. Давайте, пока не будем делать окончательных выводов и расслабляться. Честно говоря, я тоже весь день ждала неожиданной встречи. Но так ни разу меня эта штуковина и не ужалила!

– Я сегодня весь день здесь был, в штабе. Здесь тоже тишина, как на фабрике телевизоров, – отвлекся от своей работы Орест. Он говорил несколько вальяжно. – Но чтобы убедиться, что детектор работает, я ашных два раза включал запись. Сразу жалит, собака такая!

– Кстати, на одной из таких никому не нужных фабрик

сейчас собираются наши детекторы. Хорошо, что телевизоры и прочая подобная техника теперь мало, кому нужна, и брошенных фабрик много. Глеб пробовал подобраться, наверное, к нескольким десяткам таких. Не так-то это просто! И все-таки! Пока не будем делать окончательных выводов о том, работает детектор или нет, и расслабляться, – повторила Пелагея. – Мы только вчера их получили. Это первые образцы.

– Палаш, а вы знали, что они люди? Охранники?

– Мы об этом не думали, но сомневались в них так же, как и в тебе. Скажи-ка, как дела с нашей новой технологией? Я смотрю, наши нейропсихологи с программистами сидят практически безвылазно в штабе.

– Говорят, типа, работают для вас, – добавил Орест. – Не подойди к ним, сразу орут, мол, не отвлекай. О, блин, говорю, ща как отрублю сетку вам.

– Я те отрублю, – цыкнула на него Пелагея. – Хорош багать-то, дай спросить у человека.

– С ними больше Тревор общается, – продолжил Бранкен. – Я больше занимаюсь биологической частью. Но без правильной логической и программной начинки ничего не выйдет. На самом деле нужно заниматься этим более плотно. А так... И нас мало, и психологов. Программистов хоть пока хватает. Насколько я знаю, ребята многое пишут на свое усмотрение. А потом работы будет еще больше.

– Ничего! Чем меньше народу, тем меньше потери инфор-

мации! Это факт! – отметил Орест. – Лаша, заметь, замечание по делу!

– Не поспоришь! – ответила Пелагея.

– Надеюсь, что-то получится, – пробубнил Браннекен, стараясь в интонациях скрыть собственное ощущение утопичности идеи.

Сознание огромной работы и малых возможностей породило неверие, а первые успехи питали веру. И как настоящий ученый, даже ощущая маловероятность удачи, он работал с упорством умалишенного.

– У вас уже был хотя бы один опытный образец? – поинтересовалась Пелагея.

– Если пациент поступает в центр вовремя, то он, как правило, выживает. Если не выживает, то, значит, его привезли слишком поздно. И он уже мало подходит для нашего эксперимента. Но даже и в этом случае, не факт, что мы сможем его получить себе. Есть же правила.

– Хм... – с досадой выдохнула Пелагея и многозначительно добавила, отметив для себя новую задачу. – Хорошо. Это надо будет как-то решить!

– А что тут решать? Все части технологии мы отладим по отдельности. А потом уже будем искать подходящее тело, прямо на улицах. Операция по вводу нашего модуля будет проста, и ей не нужно много времени.

– Вот все хотела спросить, как это работает? В общих чертах я, наверное, смогу это понять.

Браннекен не считал себя высококлассным лектором и не рассчитывал ввиду секретности в ближайшее время кому-то докладывать о своих разработках. Тем более в неученых кругах, где требования к доступности текста возрастают иногда даже парадоксально.

– Сам модуль может находиться где угодно. Лучше всего под кожей в той части тела, для восстановления которой капсула предназначена. В нашем случае на затылке, где позвоночник входит в череп. Сначала активизируется грибок, задача которого разрастись и обнаружить нужные нервные окончания.

– Грибок же, мне казалось, уничтожает то, на чем селится?

– Зачастую, да. Но, во-первых, это происходит не быстро. Во-вторых, это настоящие грибы. Нашего гриба в природе нет. Он ведет себя иначе.

Достигая нервов, он под действием его электрического импульса меняется, а сам импульс проводит в модуль. Далее, изменившись, он перестает разрастаться во все стороны и уплотняет ту поросль, которую уже сформировал. Через некоторое время грибок погибает, его тело преобразуется и становится просто каналом наподобие...

Пелагея изменилась в лице как шестиклассник, попавший на защиту докторской диссертации по математике. Браннекен заметил это и остановился.

– Я уже поросла твоими грибами, – улыбнувшись, при-

зналась она. – Но ты говори, говори.

– Хорошо. Я сосредоточусь тогда на практической части, – предложил Нейт,

– Да, да. А я отмечу важные для себя вещи, – согласилась Пелагея.

– ...и становится каналом наподобие нерва, – продолжил Браннекен. – Поэтому важно, чтобы человек был еще живым, мозг и нервы функционировали. Иначе их не сможет обнаружить гриб. А если их деятельность будет слишком слаба, то их импульс не сможет остановить рост гриба. Если нормального человека можно откатать в течение где-то, ну, от пяти до десяти минут, край пятнадцать, то и мы так же находимся в этих рамках. Позже двадцати минут вводить модуль уже бессмысленно.

Первая задача модуля уже по первичным связям с нервной системой отключить болевые ощущения. К сожалению, боль, как первичный сигнал о проблеме, укололась ли ты или сильно надавила на ногу, в случае сильных повреждений глушит мозг и не дает ему возможности принять одно правильное решение и запустить восстановление. Он, получая миллионы болевых сигналов, пытается отдернуть руку, например, или вызывает кашель, хотя зачастую лучше бывает наоборот полное обездвижение тела.

– Поэтому врачи всегда стараются быстрее обезболить и усыпить?

– Именно так. В покое, особенно во сне, когда мысли не

провоцируют лишних действий, как, например, учащение сердцебиения на эмоциональной почве, организм восстанавливается гораздо быстрее. Модуль погружает организм в глубокую кому. Продолжая анализировать болевые сигналы, строит схему повреждений и начинает корректировать работу мозга по восстановлению. В дополнение к этому высвобождаются стимуляторы регенерации тканей.

– И наступает чудодейственное исцеление. Человек снова жив! – будучи под впечатлением, заключил Орест.

– Чудес, Орест, не бывает, – возразил Браннекен. – В случае с восстановлением нерва конечности это почти так, хотя человек уже без этого модуля жить не сможет. В смысле пользоваться, как и раньше, скажем, рукой. Модуль ему пожизненно необходим, хотя его роль потом снижается. А здесь затронут мозг.

Гриб целенаправленно внедряется в центральные связи, чтобы заблокировать реакцию на боль. Я хочу сказать, что человек в дальнейшем не полностью самостоятелен, он частично зависит от модуля: в режимах сна и бодрствования, например, даже в действиях, целях, настроении, выборе способов и так далее.

– Тогда с таким же успехом можно живого человека посадить на ваш модуль и сделать из него кого угодно!? Чтобы он делал то, что нужно нам?

– Нет, Палаш. Гриб мгновенно погибнет на живых активных нервах, не успев образовать связь нервной системы че-

ловека с модулем.

– Можно придумать другой гриб. Более устойчивый к электрическим импульсам. Ведь и этого гриба раньше, ты говоришь, не было. Он искусственный!

– Ну, в принципе из-за этих опасений эту программу и раньше ограничили только конечностями и запретили развивать дальше. Я думаю, что это возможно, Но пока нам так и не удалось получить грибок, который бы выдерживал токи здорового организма, но при этом своевременно реструктурировался и погибал бы. Правда мы и не ставили такой цели.

– А! Так он все-таки может не погибнуть и тогда как обычный гриб он просто уничтожит организм? Я была права!

– Ну, да. Хотя, как уничтожить? Он просто успеет разрастись шире, если не найдет нервов с достаточными токами.

– Сожрет заживо! – не церемонился Орест.

– Да, – повернулся к нему Нейт и зловеще направил на него пальцы рук. – Но с падением температуры он все равно погибнет, это уже не его среда. Это если человек не выживет. А в здоровом организме его просто подавит иммунная система, как и в случае с десятками тысяч грибных спор, с которыми ты ежечасно сталкиваешься.

– Тогда почему его не подавляет иммунная система нездорового, раненого человека? – поинтересовалась Пела.

– Ты уже, наверное, запуталась. У раненого человека иммунитет ослаблен, нервные импульсы слабее. Грибок гибнет, достигнув их, и при этом преобразуется, создавая связь

нервной системы с модулем. Далее модуль подавляет в течение необходимого периода иммунную систему в части подавления ею гриба.

– А почему именно грибок? Я как всегда позволю себе небольшую глупость? – спросил Орест.

– Да собственно от грибка-то осталось одно название и модель поведения. В открытой среде он даже не образует спор.

– И кто же это все придумал? – задумалась Пелагея.

– О! – многозначительно прогудел Браннекен, осознавая важность работ его предшественников. – Это несколько поколений ученых! Это суперпозиция десятков идей и изобретений!

– О, как сказал! – отметил Орест, аж захлебнувшись от того, что сам бы так не смог завернуть.

– А то! – осознавая свою причастность к этим достижениям, ответил Нейт и добавил – Еще пару тройку месяцев и будем пытаться поднять человека.

– Что-то ты как-то не очень уверенно об этом говоришь, – заметила Пелагея. – Это ты реальный срок называешь? Или просто повторяешь те сроки, которые мы тебе ставим?!

Браннекен тяжело выдохнул, пытаясь оттянуть момент ответа и надеясь, что это поможет ему даже уйти от него. Но никто эту паузу не заполнил другими мыслями, а Пелагея еще более настойчиво повторила свой вопрос.

– Ты мне четко скажи. Этот наш проект вообще реально

реализовать? Или он безнадежен?

– Ну, как тебе, Пелагея, сказать? Не безнадежен, конечно. Но если раньше у нас была возможность общаться с другими учеными и использовать весь мировой опыт, теперь придется полагаться только на себя. Даже если кто-то где-то и работает над чем-то подобным, мы не можем об этом узнать. Ведь полный информационный вакуум!

– Ты меня пугаешь, Нейт! – встревожилась Пелагея. – Мы, кажется, не об этом договаривались!

– В творчестве и в науке, как частном его случае, не может быть места для договоренностей о сроках, – уклончиво ответил Браннекен. – Ладно. Если не ошибаюсь, Тревор пришел. И сразу к своим побежал.

– Даже не поздоровался! – заметила Пелагея.

– Ну, он такой человек просто. Если у него в голове крутится идея, он ничего вокруг может не замечать. В том числе и формальностей этикета.

– А идея у него крутится всегда! – добавил Орест.

– Точно! – подтвердил Нейт. – Хорошо, если их меньше десятка. Тогда он еще как-то реагирует на мир!

Все засмеялись. Нейт ушел, а Орест сообщил Пелагее:

– Звонил Глеб. Просил все случаи срабатывания детекторов фиксировать.

– Да. Я знаю. Необходимо понять, сколько их среди нас. Спасибо, Орест.

Краеугольным камнем при переезде из Лесного педагогума в Центральный деловитая, но дотошная, дама Штапа считала, чтобы не прерывался прием теста Матильды ни на один арияд. Это была сфера ее ответственности, ее единственная забота, даже временно остаться без смысла существования она не могла.

Поэтому все делалось постепенно по спланированным этапам. Часть своих дам, принимавших тесты, она уже перевела, и они начали работу на новом месте.

– Теперь настал момент, когда и я покидаю мой любимый Лесной. Насовсем! – грустно вздыхала дама Штапа.

– Не расстраивайтесь так, – успокаивала ее коллега. – Все-таки не насовсем. Вы сможете прилетать сюда на выходные.

– Я не расстраиваюсь. Мне просто грустно.

– Такое бывает.

Разговоры обитателей Клетииона по сложившейся или сложной привычке редко выходили за рамки того, что очевидно, обсуждаемой темы или наблюдаемого явления. Если они общались, то это было зачем-то нужно, кому-то полезно. Разговор о грусти выписывался из этих рамок.

– Со мной такое впервые, – продолжила дама Штапа, вдаваясь в подробности своих ощущений, несколько стесняясь.

Оба эти чувства ей были довольно непривычны. И стоит

ли говорить об этом? Возникло третье непонятное ощущение. Сомнение. А интересно ли это ее собеседнице?

– Сама даже не могу понять это чувство, – продолжила дама Штапа. – Но почему-то мне кажется, что о чем-то подобном рассказывала дама Назира, когда она вспоминала рассказы дамы Журы. Дама Жура иногда делалась совсем, совсем грустной и говорила, что у нее немного защемило сердце. «О Родине», как она поясняла.

– О Родине? Что это?

– Она не рассказывала. При этом она отказывалась идти в медику. И убеждала даму Теччу, что это не поможет.

Даме Штапе было не просто объяснить, что чувствовала дама Жура, ведь ей самой об этом только лишь рассказывали, причем те, кто тоже только слышал. Своих чувств она так же не могла описать точными словами, но чувствовала, что именно об этом ей и рассказывали когда-то.

Ей в Лесном очень нравилось, она прожила здесь практически всю жизнь. Но необходимость покинуть его была придумана не ей. Это строгое решение, принятое на последней встрече Совета развития Клетииона.

Совет собирается один раз в обиор по местному времени. Так было с самого начала. На нем присутствуют только те, кто стал старшей дамой или старшим господином. Кроме людей на совете еще всегда были пратиарийцы, но об этом участники совета не имели права рассказывать.

Как пратиарийцы попадали на Совет и как уходили, никто

не мог понять, но зал совета открывался для людей, только когда пратиарийцы уже были за столом, точнее за его половиной, на своих местах.

Стеклянная, по всей видимости, перегородка разделяла стол на две половины и не давала возможности пройти на вторую часть зала. Но стол выглядел единым целым. Иллюзия общего пространства и тесного общения была полной.

Дама Штапа вошла в совет, когда не стало дамы Куни, которая заменила даму Назиру, и так далее до дамы Матильды и дамы Журы, что была первой дамой, выбирающей главные занятия для детей.

Дама Жура была на Клеттоне первой и единственной, кто осознавала историческую аналогию того порядка, в котором она принимала здесь участие.

«Я боюсь, что этот порядок рано или поздно взорвется изнутри, – говорила она сама с собой. – Ведь большинство философов признавали полис Платона утопической идеей. Ведь было же огромное количество таких сообществ... С какой целью здесь установлен такой порядок?»

Их правило, руководствоваться интересами и способностями детей, соблюдается и по сей арияд. А для определения способностей используются тесты Матильды для разных возрастов. Уже дама Жура одна с трудом справлялась с тем, чтобы правильно определить занятие всем детям. Потом детей стало больше, и Матильда, став дамой, создала целую группу и разработала специальную систему тестов.

На последнем совете решили, что в Лесном педагогиуме останутся только дети ясельного возраста и младенцы. Здесь их будут оставлять мамы. С детьми дошкольного возраста здесь уже давно стало тесно. Тем более, на совете было сказано, что численность будет продолжать расти. А, кроме прочих преимуществ, Центральный педагогиум в несколько раз больше Лесного, он способен разместить всех детей как раз до момента прохождения заключительного теста Матильды.

Выбор для этого возраста Центрального педагогиума не был случайным. Он находится возле парома. Дети будут видеть, как взрослые будут улетать на нем в Большой мир. Так будет формироваться их мечта, что когда-нибудь и они улетят. Остальные до момента отправки в Большой мир будут жить в Горном, Озерном, Прохладном и других педагогиумах.

Резвящий энтузиазм и предвкушение гадости, которую, если все сложится, удастся подкинуть врагу, весьма и весьма помогали. Одновременно страх заставлял подходить к делу тщательно.

Пришлось долго искать подходящее место, не очень людное, желательно на окраине или за городом, но не за три неизмеримых расстояния от него, и где одновременно было бы достаточно невостребованных электрических мощностей. Заброшенных городов было много, а заводов и цехов еще больше, но большинство из них были обесточены самым простым воровством проводов.

– Возможно, какие-то провода даже были сняты для наших нужд, – предположил Аким, когда обследовали очередной цех. – Так что не будем сильно напрягаться и ругать вандалов.

Кое-что, из того, что было необходимо, нашлось здесь же: мощные фонари еще были в исправном на вид состоянии, кабеля, чаны, вода, шланги и тросы достаточной длины. Что именно понадобится, наперед никто не знал, но все, что могло бы пригодиться, на всякий случай расположили в пределах удобной досягаемости. Аким откуда-то приволок и наладил звуковую аппаратуру.

– Нашел полнейший хлам, но орать будет. Нам ведь и нуж-

но всего-то для привлечения внимания, – оправдывался он по поводу качества звука.

– Да, да, дружище, – соглашался Глеб. – Лишь бы орала. Главным образом басыла, как мне кажется.

– Согласен. Басы лучше огибают препятствия и медленнее тухнут, – добавил Аким.

– Вам спецам виднее, – подмигнул ему Глеб.

– Давай еще прожектора завяжем на музыку! – предложил вдруг Аким.

– Если хочется... Только зачем?

– Типа здесь заводная тусовка! Здесь же в цеху есть окна, будет видно снаружи, сильней привлечет внимание.

– Ну, давай. Сильно только не заморачивайся. Если все успеем, на той неделе попробуем захлопнуть ловушку. Джоска обещал со своей частью тоже управиться. Да, Джоска? – уточнил Глеб, крикнув на весь цех.

– Че? – несколько тянучими интонациями откликнулся тот.

– Управишься к той неделе?

– Должон! Уже везут! – снова вытянул он пару фраз.

– Я вот думаю, здесь люди нужны будут, или все оставить, чтоб на автомате сработало?

– Думаю, надежней будет с людьми. Хрен его знает, куда оно сначала полезет! – ответил Джоска.

– Мне тоже так кажется, – поддержал его Аким.

– Если оно вообще сюда прилетит. Это мы думаем, что

привлечем их внимание, – засомневался Глеб.

– Да куда оно денется?! Ну, всегда стоит только подняться шуму... – ответил уверенно Аким.

– Точно! Тут как тут! – продолжили Джоска и его эхо.

– А шум мы обеспечим первосортный! – заранее похвастался Аким. – Здесь такая туса будет. Я бы сам не отказался...

– Ну, ладно тебе! – остановил его Глеб, а потом сам размечтался. – Как только разберемся с ними, закатим здесь же на этом заводе такую замануху...!

– А я все-таки сделаю что-нибудь кричащее и со светом, – решил Аким. – Пригодится еще, когда будем праздновать.

Он направился в закоулки цеха, поискать подходящее старье. Глеб кинул взгляд на уходящую походку, и почему-то ему снова бросилось в глаза ее сходство с лучшим другом отца дядей Авдеем.

Глеб не часто замечал эту наследственность, поскольку Аким в характере и внешне сильно отличался от своего отца. Дядя Авдей был спокойным и рассудительным, а Аким всегда с головой бросался в очередную идею. Но забавная угловатая пластичность их движений выдавала без остатка одного в другом.

– Ну, нихрена-ли-не-видали...! – тяжело выдохнув, гром-

ко скомандовал Глеб. – Все! Запускай! Ждем-с гостей!

– Главное, чтобы он был один! – крикнул Аким.

– Все будет как обычно. Они парами не летают, – уверенно сказал Джоска.

Музыка орала так, что не оглох бы только глухой от рождения. Свет мигал скучно, но противно бликовал по глазам. Он утомлял, но не давал заснуть. Видно, Аким все-таки не стал напрягаться, хотя в его характере было такое, что он мог ради просто интереса увлечься и сделать если не шедевр, то хотя бы очень прикольно.

В десяти метрах от ворот от боковой стены установили перегородку почти во всю ширину и высоту ангара, за ней смонтировали освещенную площадку. Второй выход с площадки был в высокий проход, соединявший два цеха. Попасть туда можно было, только обойдя перегородку.

Глеб и Джоска разместили себя в импровизированной инженерной будке в виде настила на перекрытиях под сводом цеха – отличное место наблюдения. Еще несколько человек удрали в соседнее здание. Главное было не дрогнуть и не привлечь внимание к себе.

– Ну, как тебе антураж? Привлечет внимание? – поинтересовался Джоска.

– Не сомневаюсь! – ответил Глеб.

– Звук хрипит, – посетовал Джоска.

– Не принципиально в данной ситуации. Зато свет такой яркий, что сетчатка пузырится!

– Лампы бешенные нашли, – с гордостью проговорил Джоска.

– Ты специально сделал, чтобы один прожектор сюда периодически попадал? – после очередного попадания возмутился Глеб.

– Не. Случайность, – пробормотал Джоска. – Давай сместимся в сторону.

– Да уж придется сместиться, – начал переползать Глеб. – Если нас здесь обнаружат грифы, нам не избежать серии вопросов, – прогундел он.

– Да, мы-то что? – отозвался Джоска.

– Вот и объясняй потом, что мы...

– Так мы-то вообще не при делах. Сидим здесь на балконе и даже семечки ни в чью сторону не плюем, – приподнял настроение шуткой Джоска.

Глеб улыбнулся.

– Ладно. Потом поплюем семечки. Тссс, – он перекрестил пальцем губы.

В былые времена нашлись бы желающие оторваться здесь. Но сейчас приходилось хранить полную тишину на фоне кричащей музыки.

Сценарий сработал железно. Месяцы наблюдений прошли не зря. На возникший несанкционированный шум гриф появился менее чем через десять минут. Он завис у ворот, пытаясь выявить источник активности. Он был явно наготове. Оружие уже было в руке.

Увидеть грифа на улице было вполне обычным делом, но и Глеб и Джоска осознавали особенность ситуации, которая все-таки сковывала мышцы и мысли. Не найдя ничего особенного и объясняющего в первой части огромного помещения, гриф двинулся вперед, облетел ширму, направился в проход, где мигал, заманивая, очередной прожектор.

– Готов! – шепнул Джоска, почувствовав на запястье четкое жжение, и утопил рукоять рубильника.

Грифа резко осадило на пол. Из лежачего положения он попытался встать на колени, но ноги выгибало. Еще сильнее при этом выгибало и растягивало спину.

– Тварь тягучая, сопротивляется, – злобствовал Джоска.

Но дальше действовал уверенно. Он закрыл ворота, отрубил все лишнее, и вывернул на максимум регулятор мощности электромагнита. Грифа пылью осыпало на пол и размазало тонким ровным слоем.

Внезапная тишина свистела в ушах, казалось, что пульс в венах отзывается эхом после каждого удара. Эхо, накладываясь на себя и давило вены фазами резонансов. Все трое сидели, ощущая постоянное жжение детекторов. Оно не нарастало, значит, присутствие их было постоянным.

– Мы три года хотели это сделать, – негромко неуверенно нарушил тишину Глеб, – с одной единственной целью...

– ...а теперь боимся подойти ближе и...

– ...посмотреть, кто же они?

Справившись с нервами и одновременно выждав паузу, но

так и не дождавшись других грифов, они двинулись с места.

– Мы точно не знаем, что будет дальше, и сколько у нас будет времени, поэтому нужно извлечь из каждой минуты максимум, – дал установку подбежавший раньше их Аким.

В течение остатка дня Глеб, Джоска, Аким, да собралось почти все крыло Пест, кто жил неподалеку, изучали пойманный образец, разглядывали, прислушивались. Помимо того, что полностью все происходящее снималось на видео, делались десятки фотографий, общих и детальных. Аким заметил:

– Ни одной крупной части, кроме пистолета.

– Да. Полностью развезло в кляксу, – согласился Джоска, прищурился, – слоем приблизительно в миллиметр, мне кажется, не больше.

– Чёсе! Получается, что даже одежда – это имитация! – добавил Захар. – Капитос!

– Возле него детектор дает постоянный сигнал, – обратил внимание Глеб.

– Глазами почти невозможно увидеть, проще ощутить рукой, – ответил Захар и приложил одну руку на пятно грифа, а другую руку на пол. – Может, это кажется, но здесь есть ощущение постоянной какой-то мелкой вибрации, возни, что-то кишит под рукой, в отличие от того, что здесь. И глазами смотрел, тоже какая-то дрожь, как будто мутит. Аж тошнить начинает. Но я сколько ни смотрел, не нашел ни одной крупной детали. Чем-то же все это должно управляться?

– А ты думаешь, что центральный блок должен быть обязательно как ящик? – поинтересовался Джоска.

– Пусть не ящик. Коробочка, – улыбнулся Захар.

– Даже наши технологии уже позволяют делать такие вещи микроскопическими, – возразил Аким.

– Да. Чья же это технология? – задумчиво произнес Захар.

– Ты думаешь, все-таки люди? – спросил Глеб.

– Я даже не знаю, чтоб более вероятно, – ответил тот.

За несколько часов обследований накопилась какая-то информация, а за весь день поднабралось и усталости. Решили продолжить завтра, оставив нескольких человек дежурить. Джоска решил ночевать здесь, рассудив, что в случае необходимости его могут разбудить.

– Привет, Палаша, – затопленным голосом произнес Глеб. – Браннекен что говорит?

– Привет, Глеб. – Пелагея была несколько озадачена таким вопросом, заданным прямо вот так сразу. – Что-то случилось? Как прошла операция? Браннекен... Ты что имеешь в виду?

– Технология. Когда он ее запустит?

– Последний раз он называл срок три месяца, но сам в это не верил. Это завершение разработок. А о полной готовности он не говорил вообще.

– Спросишь? – сухо продолжил Глеб.

– Спрошу, – ответила Пелагея, понимая, что явно что-то случилось. – Они там что-то уже навороченное паяют. Говорят, что будут встраивать дополнительную память, чтобы запоминать все, что люди будут видеть. Только спорят, какой потребуется объем. Я им говорю, что все запоминать не обязательно, достаточно запоминать избирательно, только то, что связано с заданием. Они утверждают, что отличить нужное от ненужного сложно. Бывает настолько непрямая связь, что лучше запомнить все, чем что-то забыть. Пускай мозг сам разбирается, что связано и как.

– Подожди, а зачем вообще запоминать? – спросил Глеб. – Они потом с них информацию сливать будут?

– Сливать не будут. Но люди в памяти смогут восстановить все мельчайшие подробности увиденного.

– Ты серьезно? Это что реально? – но по тону Глеба не было заметно, что эта новость его воодушевила и взбудоражила.

– Говорят, реально. Тревор, кажется, в штабе, можно у него уточнить прямо сейчас.

– Уточни, пожалуйста, – попросил Глеб. – И о сроках.

Она попросила найти Тревора, а сама продолжила:

– Сейчас они решают, безопасно ли использовать память мозга для этого. Тогда вопрос только с пространством адресации, чтобы в нужный момент можно было вызвать нужное воспоминание. Или лучше использовать искусственную па-

МЯТЬ.

– Ты так во всем разбираться стала? – заметил сухо Глеб.

– А как же?! Этих ученых не поймешь! Мне же нужно как-то понимать, где они мне в прошлый раз чего-то недоговорили?! – всплеснула Пела. – А ты какой-то скучный и прямолинейный сегодня, – заметила она.

– У нас погибло четверо человек, – ответил Глеб. – Мы не можем такими количествами терять своих людей. Их и так очень мало. Поэтому я испрашиваю, когда Нейт и Тревор думают заканчивать работу.

– Уразумела враз, – ответила Пелагея. – Что-то пошло не так?

– Я не был вчера в штабе, но ты, наверное, звонила, слышала. Мы поймали одного. Мы допоздна возились с ним, изучали. На ночь оставили охрану. Тим говорит, что появились еще три грифа. Они уже не искали зачинщиков. Просто зачистили территорию, полностью уничтожили оборудование, соответственно все обесточили. Тим один успел убежать и спрятаться. Остальные погибли. Естественно наш гриф тоже ушел.

– Это значит, он как-то сообщил о том, что его захватили, и передал свое местонахождение?

– Возможно. Рации при нем не было. Единственный крупный предмет – это пистолет. Мы тоже ломаем головы. Видимо, есть какая-то связь. С другой стороны, если есть другая связь, почему наряд не нагрянул раньше? Мы несколько ча-

сов боялись, стояли на стреме, потом только расслабились.

– Возможно, он, когда направлялся к вам, оставил где-то в участке данные, куда направился, что зафиксировал нарушение порядка, – предположила Пелагея.

– Возможно. И они, не дождавшись его возвращения, ночью пошли ему на выручку, – достроил с иронией цепочку событий Глеб. – А знаешь, Палаш, уточни у Колет, оставляют ли они в участках данные, куда направляются?

– Она, вроде, тоже здесь была. Попробую найти ее.

Пока Пелагея разыскивала Колет и Тревора, Глеб продолжил разговор с Орестом.

– Мне кажется, что не записываются они нифига нигде, – сказал Орест. – Они в участках практически не появляются. Они же не приводят нарушителей, а избавляются от них!

– Желательно знать точнее, чем кажется.

– Ну, это насколько я понял с рассказов Колет, – уточнил источники своих предположений Орест. – Грифы – это особое подразделение полиции. Достаточно закрытое.

– Да, да, – подтвердила Колет, спешившая к мосту. – Куда направляются, не говорят, и о проделанной работе в участке не отчитываются.

– Ну, вот! Я же говорил, – утвердился в своей правоте Орест. – Поэтому они так спокойно беспределят. Никто не считает, сколько народу они косят!

– Глеб, вызывай, давай, Венец, да давай вместе все обсудим. Все равно же какая-то информация теперь есть. Всем

нужно знать, – предложила Пелагея.

– Аким, вызовешь? И собери наших. ОК? – попросил Глеб Акима и продолжил общаться с остальными. – Из материалов остались только фотографии. Видео уничтожено, так как все осталось там, мы не забрали сразу. Ну, и то, что осталось в наших головах.

Подключился Венец. Глеб попросил собрать у моста всех, кто находился в штабах.

– Развезло его в пятно площадью метров в пять слоем меньше миллиметра, точно не измеряли. Мы попробовали посчитать. Это значит, в нормальном виде гриф должен быть полым, – добавил Захар к тому, что всем включившимся в разговор пересказал Глеб. – Слой состоял из, судя по всему, каких-то мелких однообразных крошек. Это же видно и на фотографиях при большом увеличении. Сами видите.

И в Чаше и в Венце на своих экранах уже рассматривали всю снимки.

– Ну, как и в том случае со льдом. Тоже в пыль, – вспомнил Орест.

– Так, значит, никакого... Ничего похожего на главный блок? – рассуждал Томас.

– Похоже, что так и есть. Ничего похожего на чип, сердце, ядро, как мы привыкли это видеть в кино и в своих технологиях. Называть можно как угодно. Вся эта ни на что не похожая мелочевка выглядит равноправной, – продолжил Глеб.

– Почему ни на что не похожая? – сообразил Захар. –

Вполне сойдет за конструктор. Мелковат только!

– Слишком мелковат, я бы сказала! – ответила поглощенная Пелагея. – Это сколько кратное увеличение? – уточнила она, глядя на монитор.

– Как тут скажешь, смотря, с какого расстояния снимали. Линейку никто не догадался приложить, – ответил Орест. – Судя по тому, что на снимке только это пятно видно, это макросъемка. – Он посмотрел на процент, показывающий масштаб отображения. – Увеличение, наверное, раз в двадцать с лишним.

– Вот я и говорю, мелковато. Даже при таком увеличении и то не разглядеть.

– Эт че, значит, получается, уколом в сердце их не поразить? Бессердечные! – выдал с досады Орест.

– Бессердечные, – уныло согласился Захар. – Но как-то же они организуются в некое целое, эти частицы.

– Не просто в некое целое, а в некое целое, выполняющее осмысленные действия! – уточнил Орест.

– И оно как-то, возможно, тем же образом общается между собой, – продолжил Глеб.

– Ну, тогда, если прикинуть, сколько грифов шатается по улицам мира, а мы знаем, что они не только грифы. Правильно я говорю, Глеб, статистику ты сводил?

– Да, правильно, – ответил Глеб. – Если кто не знает. За три месяца мы чаще всего получали сигнал детектора вблизи грифов. Среди обычных людей они почти не встре-

чаются, некоторые чиновники только. Среди больших боссов и чистеньких магнатов, к кому мы смогли приблизиться, очень часто. Кроме того, в общественных местах встречались предметы, дающие сигнал. Нейт Браннекен из крыла Чаша сообщил, что плетеные скамьи у них в госпитале в холле, когда садишься, встаешь, регистрируются детектором, и даже растения, что примечательно растущие и чудесно цветущие.

– Так что, получается, уши и глаза могут быть везде, – подытожил Аким. – И они легко могут менять форму и назначение. Это видел отец Глеба.

– Тогда, если они все общаются, должен быть постоянный фон, – закончил свою прерванную мысль Орест.

– Вы только представьте себе, какой это трафик! – подхватил идею Аким.

– Это канал связи невообразимой ширины! – продолжил прикидки Орест. – Мы, наверное, даже таких чисел не знаем, сколько байт по нему прокачивается ежесекундно!

– Подожди, «в байтах», – притормозил его Аким. – Это ты мыслишь байтами. Кто сказал, что они используют дискретную модуляцию?

Их научный запал поймала Пелагея и попыталась направить его в деятельное русло.

– Тогда вам с Акимом и карты в руки, – сказала Пелагея. – Просканируйте этот фон.

– В каком диапазоне? – наивно поинтересовался Орест.

– В максимально широком! – не менее наивно, но молниеносно ответила Пелагея.

– Во всех известных, – уточнил Аким. – Только у нас нет такого оборудования, чтобы просканировать все известные диапазоны.

– Что-то специальное нужно? – продолжила Пелагея.

– Пел, ну, не тазиком же гамма-излучение, например, сканировать!?! – ответил Аким.

– Если б присутствовал постоянный гамма-фон, мы бы уже, наверное, давно все вымерли. А мы знаем, что они здесь уже не менее семидесяти лет, – сообщил Глеб, – если сопоставить работы отца, начало раскопок и так далее.

– Про гамму я так просто сказал, но она, наверное, тоже разная бывает.

– Гамма довольно сильно поглощается любым веществом, даже обычным воздухом, – увещевательно сообщил доктор Адиса ученый из исследовательского ядерного центра, член крыла Венец, тоже присутствовавший у моста. – Для связи оно... – Адиса скептически покачал головой.

– Ладно вам, послушайте умных людей не умничайте, – остановила спор Пелагея и снова обратилась к Оресту. – Вы поняли, что именно нужно просканировать. Скажем так, нужно проверить все известные нам способы дистанционной передачи информации.

– Подождите, на счет фона, – включился снова в разговор доктор Адиса. Обычно он не много говорил во время мо-

стов. – Я тут припоминаю, как-то давно на конференции, посвященной парадоксам природы, я слышал про некое предполагаемое поле, потом мне попадалась информация в публикациях. Группа ученых где-то в тридцатых еще годах, уже давно, в..., не помню, где они базировались, исследовали белки, и, как они решили, белок реагировал на какое-то воздействие при полной изоляции образца от всяких известных внешних воздействий.

– Да это просто белок гнил у них! – предположил насмешливо Орест.

– Ну, тебе, конечно, виднее, чем людям, которые этому жизни посвятили, – сдержанно ответил ему Адиса.

– Ладно, пусть они не обижаются.

– Да, некоторые из них, может, уже и не могут обижаться. Так что не беспокойся об извинениях, – доктор Адиса был спокоен в пример для подражания.

– Там проблема пошла от биологов, – продолжил он. – Один наблюдаемый ими вид медуз, они заметили, мигрировал в более низкие слои воды. Притом, что вид требователен к свету. Точнее не сам вид, а симбиотические водоросли, от которых зависело питание и самих медуз. Ну, так или иначе, не пойдем сейчас в детали, я их сам не знаю, медузы вопреки этому ушли вглубь. Подробности поищу у себя в записях. Но факт в том, что медузы мигрировали вдруг! – Адиса подчеркнул последнее слово. – Предыдущие тысячелетия или, по крайней мере столетия с тех пор, как их от-

крыли и наблюдали, они существовали стабильно без миграций. Значит, фактор ранее отсутствовал.

– Да там факторов разных могло быть, атомная лодка разчихнула под медузами, они и того, – снова отсветился Орест.

– Ну, видишь, ты быстро догадался, а они пять лет работали, прежде чем решиться опубликовать свои выводы – снова выдержанно прокомментировал Адиса.

– Орест, – предложила Пелагея. – А ты вот не потешки глаголь, а у нас же есть возможность порыться в базах некоторых поисковиков, свяжись с ребятами.

– Они же опять ссылки только выдадут, самих страниц не вынут, – проныл Орест. – Ну, или по крайней мере не все или не целиком.

– В курсе! Не первый раз, – ответила Пелагея. – Сами страницы у них, понятно, все не обязаны храниться. Они только по ссылкам названия центров, университетов, компаний, чьи лаборатории, страны, города, адреса еще лучше, все, что можно, пусть восстановят.

– Ладно. Схожу сегодня.

– Больше мне никакой информации по этой теме потом не попадалось, – припомнил доктор Адиса.

– Могу предположить, их просто закрыли, – сказал Аким. – Я имею в виду эти исследования, если это действительно связано с ними... Так же, как и работы твоего отца. Согласен Глеб?

– Да, согласен, – отозвался угрюмо Глеб.

– А когда мы будем ловить следующего? – неожиданно задался вопросом Нейл.

– А смысл? Поймаем, на следующий день его друзья вынут, а наших положат при этом – ответил Захар. – Нужно теперь научиться их изолировать.

– А если мы сможем изолировать одного, то, возможно, придумаем, как перекрыть связь им всем, в пределах всей Земли, – развила мысль Пелагея.

Глава 7

37

По короткому пути дорога домой съедала у Захара обычно не более получаса. Но короткий путь был местами с мрачноватыми проплешинами, хотя и спокойными. На больших улицах Захар успевал поздороваться со всеми ежедневными случайными прохожими и торговцами, уже ставшими знакомыми. Удавалось ему прочитать знакомые вывески, подобрать, если вдруг оскалится удача, монетку... В переулках поспокойнее у него внимание рассеивалось или уходило в себя, так как окружающая обстановка не боролась за него с призраками головы.

Больше всего ему нравилось ходить по этой дороге в такое время года, когда его возвращение домой совпадало с сумерками и зажигались фонари. Еще не совсем темно, но и не светло. Вот они загорелись. Фонари не то, чтобы светят, но горят. И то ли они разгораются, то ли темнеет на глазах, но, кажется, что они горят все ярче и ярче.

Иногда взрослое сознание Захара укалывало его, мол, это детский сад, умиляться таким мелочам. А он и не умилялся. По-настоящему умилялся его давний друг Аким, собственно у него Захар и подцепил эту феньку.

Странно, но Акиму почему-то с детства нравилось заста-
вать момент, когда зажигаются фонари. Аким иногда вспо-
минал, в каком возрасте и где он первый раз застал это та-
инство. Правда все труднее и труднее ему было уловить мут-
ную картинку, как они с Глебом, Пелой и родителями воз-
вращались домой, и дядя Герасим поторапливал всех, мол,
вот уже и фонари включили; отец над ним только смеялся. А
может, эту картинку было трудно уловить, потому что сразу
после нее накатывало удушающее чувство пустого места от
неожиданного необъясненного исчезновения отца. Оно ду-
шило до сих пор, требовало расплаты за съедающее чувство
неопределенной надежды и слезы матери. Оно подпитывало
волей его и ставших практически братом и сестрой Глеба и
Пелагею, а так же лучшего друга Захара.

Сегодня, однако, было уже темно, а светили лишь избран-
ные фонари.

Захар не заметил машину, которая свернула за ним в пе-
реулок и ехала позади, дожидаясь, когда Захар начнет пере-
ходить улицу, а переходил он ее обычно возле какого-нибудь
из горевших фонарей. Только он приблизился к проезжей
части, машина прибавила скорости и остановилась напротив
Захара как раз, когда тот шагнул с тротуара. Прямо перед
Захаром открылась дверь:

– Нужна соломка? – раздался вполне обычный не вызвав-
ший бы в другой остановке тревоги голос и салона. Да и ин-
тонация была ненапрягающей.

– Как-то нет, – ответил, запинаясь, Захар и вернулся на тротуар, торопливо зашагав вперед.

– Не дерем, договоримся об обмене, – продолжили из машины, двигаясь вслед за Захаром. – Не надо? Давай так поговорим, есть разговор.

– Да, как-то обойдемся, – буркнул Захар, все-таки ощути-мо встревожившись.

– Подожди, не спеши так. Это на счет них.

– Я никакую не курю и ничего не колю, – попытался оторваться от навязчивой машины Захар, впадая медленно в панику с одной лишь мыслью: «Это какой-то пипец пипецкий!»

Фраза «на счет них», однако, его зацепила, но еще больше насторожила. Захотелось узнать подробности. Но обстановка была явно не располагающей: темный переулок, он один, подозрительный автомобиль, опять же мама с детства говорила «не разговаривать...».

«На счет них..., – пролистывал варианты Захар. – Мало кто знает о них что-то стоящее. Или они хотят узнать у меня? Так они могут быть ими..., где гарантия...»

Он все-таки отошел дальше от края тротуара и поспешил к перекрестку, где свернул не в свою сторону, но на более освещенную и оживленную улицу. Пройдя один дом, он исчез в торговом центре.

Все произошло очень быстро, но нервы так ошпарило адреналином, что он чувствовал взгляды даже спиной, а каж-

дый встречный взгляд ему теперь казался омерзительно подозрительным, или это просто со стороны людям было заметно, что он весь на иголках, и люди на него странно смотрели.

Случай, однако, заставил его изменить маршрут домой. Он стал обходить философские улицы стороной.

Но даже людными улицами, оказалось, ходить не на много спокойнее.

Возвращаясь снова через несколько дней домой и проходя оживленный пятачок, Захар по своему обыкновению разглядывал все вокруг: неподвижное и не очень. На одном из таких не очень, точнее одной, задержался взгляд.

Она была в своеобразной униформе нежно жидкого цвета в желтящем под глубокую старину свете фонарей с вкусным количеством ярких деталей. Застрявший взгляд натянул тетиву с последующей отдачей в мозг: «Хм... Чёсе! Девушка из разряда не проходите мимо, не подходите близко!» Присмотрелся.

А девушка бровками только опа, глазками так тыц-тыц, словно только и ждала его взгляда. И вкрадчиво и медленно: – Есть, о чем потолковать, – пропела, промяукала и одновременно промурлыкала она.

«Нууууу! Ситуация понятна! – подумал Захар. – Только

не понял, с чего это она интересуется, есть ли у меня, о чем с ней потолковать? Заторможенно приостановился. Или это теперь так называется?»

– У меня? – выпало у него недоумение.

– Не у тебя. У меня, – продолжила напевать девица.

– Предпочитаю у себя, – брякнул Захар.

– У меня есть, о чем с тобой потолковать, дурачок, – тем же соблазнительным тоном, но предельно ясно уточнила девица.

– У меня жена, ребенок, – Захар пошел медленно вперед, припомнив недавний случай.

– А говоришь, предпочитаешь дома? – девица поплыла за ним.

– Ну, с женой!

– И ребенком? – хихикнула она, вцепившись ему в руку. – Я же вижу тебя насквозь!

– Как мило!

– Может, все-таки пройдем куда-нибудь? Завтра выходной, я никуда не тороплюсь. А ты? – не сдавалась коварная bestия, обмахивая Захара ресницами.

– Засубботимся, так сказать, по самую пятницу! – отшучивался Захар.

– Ммммм, да у тебя аппетит какой юношеский! Люблю такой, – опьяняла она словами.

– У меня жена, – повторил напряженно Захар.

– Ой, не свисти, зубы застудишь, – хи-хикнула красавица.

– Чуть-чуть не страшно, – улыбнулся в ответ Захар.

– Тогда не пойдем. Присядем здесь? – она взглядом указала на уютное местечко в двух шагах от них, зная, что шансов у нее много. – Очень чудесная кафетешка. Потолкуем.

«Эх ты! – подумал Захар. – Прямо, не заманивает, а затягивает!»

– А, давай, попробуем! – подмигнул он ей.

Они прошли за кованую ограду, затянутую сверху затемняющим даже днем тентом, и заняли свободный столик поближе к улице. Захар поднял руку, заказывая два. Девушка не сводила с него глаз.

– У тебя такой убедительный взгляд! – наконец, отвесив дифирамб, развязал тишину Захар.

– Настолько убедительный, что ты уже на все согласен? – поинтересовалась она.

– На что, на все? – прищурился он.

– А в чем же я тебя тогда уже убедил? – девушка не желала терять контроль над ситуацией и продолжала задавать вопросы.

– Я не говорил, что убедил. Ты убедительно смотришь. Она позволила себе коварно, но играючи, усмехнуться.

– А в чем ты хотела меня убедить? – продолжил Захар.

– У тебя же нет жены? – вкрадчиво спросила девушка, неожиданно сменив тему.

– А вдруг? – включился в игру Захар.

Но ей не было интересно дальше играть в убеждалки и

угадалки, так как она знала, что жены у Захара нет. Поэтому она перешла к следующему шагу своего плана.

– Инга.

Долговязый парнишка, едва умудряющийся уместиться под ребрами жесткости навеса, принес два стакана кваса – единственный напиток, который здесь и вообще на улицах подавали, не считая воды. Захар улыбался, смотрел на нее, пытаясь ее понять, но не ответил.

– Ты с работы? А где ты работаешь? – продолжила она.

– Тут, неподалеку.

Игривая интонация девицы несколько неожиданно сменилась на довольно деловую, не располагающую далее к легкомысленным темам разговора:

– Охранник со вторым доступом, Кройко Захар, филиал ГЦЭС, попросту «Горэнергосистема», смену закончил, следующая через два дня. Второе место работы – смотритель в доме престарелых. Повторяю, я Инга.

– Впечатлен! – развел руками а за одно и бровями Захар, и даже ушами, как показалось самому Захару; у него даже промелькнула мысль, не заметила бы последнее его собеседница. – И все-таки соблюдаем этикет, – медленно и многозначительно протянул он. – Захар. Оччень приятно.

Он отвесил учтивый поклон головой, в которой, конечно, уже перебирались подозрения и оправдания, и отметил факт, что детектор молчал.

– Взаимно. Познакомились, – сухо ответила она.

– Просто Инга? Ты уж извини, что я так не осведомлен о тебе, как ты обо мне.

– Просто Инга! – ответила она. – Все просто, вот руки, – она сделала руками жест, мол «руки чисты, все без фокусов», и опустила их открытыми ладонями на стол.

– Захар наклонился, словно разглядеть поближе, провел по ее руке вдоль ладони по линии жизни, потом по линии судьбы.

– Читаешь? – Инга посмотрела ему в глаза.

– Проверяю, – будто задумчиво произнес Захар.

– Что именно?

Захар ловко поймал болтавшийся на запястье зубец и проверил. Из пальца Инги выступила кровь.

– Придурок! – огрызнулась она, отдернув руку. – Ты в курсе, что так можно подхватить заразу? Ты хоть моешь его? – Она махнула рукой на инструмент проверки. Через мгновение добавила. – Хотя, я знаю, зачем ты это сделал.

Захару даже показалось, что она ждала такой проверки. А в его голове немного отхлынуло. В Примуле уже давно шутили, что люди стали вампирами. Только им не нужно пить кровь стаканами, достаточно увидеть каплю крови, как на душе становится спокойно.

– Ну, толкуй, – наконец закончил Захар загадочную беседу. – Ты говорила, есть, о чем.

– Сейчас не могу. Здесь не могу. И сама не могу. Нужно встретиться. Я скажу, где. Когда, ты узнаешь позже. Я приду

не одна. Тебе нужно быть одному. Никому не сообщать. – Захар вопросительно посмотрел на Ингу. – Их тоже сможешь проверить, – ответила она на незадаанный вопрос.

– Это ничего не проясняет.

– Нам нужна твоя помощь. Я все объясню при следующей встрече. Без твоей помощи у нас ничего не получится.

Она в очередной раз изменилась в лице. Теперь Захар читал в нем настоящую нужду, жизненно важную необходимость в его помощи.

– Мы очень надеемся, что ты нам поможешь, – в третий раз повторилась она.

Инга, немного еще посмотрев в глаза Захару, плавно преобразилась в себя уличную.

«Если бы не вечер после смены... Хоть бы краем мозга обдумать бы ситуацию, – текли мысли у Захара. – Но она ведь прям напирает».

– Ну, – завершила она блиц-паузу, – если вдруг возможно когда-нибудь может быть мы еще встретимся, на что я очень надеюсь, – она кокетливо показала на Захара указательным пальцем, нарисовав им в воздухе несколько кружочков.

После этого она красиво выскользнула из-за стола и покинула место совращения. Приостановившись у выхода, она снова посмотрела на своего нового знакомого. На ее лице опять была та же маска, в которой она заигрывала с Захаром на улице. Она сделала воздушный поцелуй и исчезла.

«Она так умело перебирает образы, – подумал Захар. – Не

понятно, какому из них верить?»



Следующая встреча не могла не состояться. Можно бояться их сколько угодно, можно бояться за свою жизнь, но можно беспокоиться и за ее качество. Ихобоязнь сломалась перед любопытством и необходимостью узнать, кто же это так настойчиво пытается выйти на Захара, и чем они занимаются.

– Кто она? Сколько ей лет? Почему вышла на тебя? – допытывался Глеб, которому Захар ничего, конечно, «не рассказал», как просила Инга.

– Да чёсе ты спросил! Откуда ж я знаю! – протестовал Захар.

– Какая она? Рост, вес, как выглядит?

Захар зашелестел извилинами.

– Ну, ... – потянул он. – Я тебе скажу... Она прямо даже вроде это как бы и весьма!

Присутствующие в большинстве своем, зная Захара, не сильно удивились и с разной степенью снисходительности покачали головами.

– А поконкретнее ты можешь? – Глеб тоже улыбался, не стараясь скрыть и долю зависти, что девушка с такой характеристикой вышла не на него.

– Поконкретнее?... Странная, наверное, для обычных лю-

дей, но и слишком нормальная для блудных.

– То есть она не уличная девка?

– Скорее, нет.

– А чем она, по-твоему, занимается? – Глеб не сдавался.

– Ну, наверное, все-таки работает где-то. Если смогла найти работу. Ее сейчас, где найдешь, там и не возьмут!

– Подумай, кем она может работать? – настаивал Глеб.

– Блин, да, может, в психушке! Пациентом! – пестрил интонациями Захар. – Ты бы видел, как она меняется на глазах!

– Так! Не прикрывайся остроумием, – сдерживался от смеха Глеб. – А возмись и подумай. Тебе с ней еще раз встречаться. Это важно! Для твоей же безопасности.

– Какой встречаться? Я не собираюсь еще раз встречаться с этой дамочкой!

– Надо! – отрезал Глеб.

– Ну и встречайся! – брызнул Захар.

– Так они на тебя вышли, а не на меня! – заметил Глеб.

– И что? Меня под нож?

– Какой нож? Опять начинается эта гундоплесень! – возмутился Глеб. – Захар, встретиться надо. Как тебя обезопасить мы подумаем.

Они расположились за столом. Закончив затянувшееся пристальное бессловесное разглядывание друг друга, они на-

звали свои имена. Голос Михея показался Захару знакомым. Он вспомнил, что этим голосом с ним говорили тогда из машины. Едва познакомившись, Захар заявил:

– Я здесь не буду разговаривать.

Он встал и сделал несколько шагов в сторону, потом в другую, держа руки перед грудью, одну на пульсе другой и словно прислушиваясь к ним. Выглядел он очень сосредоточенно.

– А что не так? – спросила Инга.

Она и особенно двое, пришедшие с ней, выглядели непонимающе озабоченными.

– Здесь не стоит. Пойдемте в другое место.

– Мы тоже не будем разговаривать там, где предложите Вы, – возразил Михей.

– Выберите другое место сами. Я не настаиваю.

– Может, Вы объясните?

– Может. После того, как Вы объяснитесь. И обращайтесь ко мне на «ты», пожалуйста.

*

Они нашли другой угол, и, старательно выслушав их, Захар спокойно сказал.

– Этого не нужно делать.

Инга, Михей и Лина вопросительно переглянулись. Такой ответ им показался внезапным, поскольку до этого в разго-

воре, Захар соглашался с ними, что с ними нужно бороться. Инга экстренно переоценивала концепцию личности Захара: «Такое убедительное «нет» после... либо это сильная личность, либо он знает о нас больше, чем... тогда,... тогда как на него можно... Но если бы она ошиблась, и он связан с ними... тогда бы он не стал так себя вести, он бы согласился, чтобы узнать как можно больше...»

– Но тогда остается только бездействовать! – возразила она.

– Такие действия бессмысленны. Они приводят только к тому, что они ужесточают режим, увеличивают число грифов. По улицам и так можно только ходить. Бегать нельзя!

– Зато они знают, что мы не смирились!

– Вы их, к сожалению, не запугаете.

– А что ты предлагаешь тогда?

– Телевидение – это вы? – улыбнулся Захар.

Они переглянулись, и Михай не смог сдержать улыбку.

– Все понятно, – сделал вывод Захар.

– Значит, ты не хочешь? Тебе, значит, все равно? – Инга попыталась еще раз повлиять на Захара с помощью провоцирующих вопросов.

Захар хотел ответить категорически: «Я в этом участвовать не буду. Других людей в ГЦЭСе можете не пробовать использовать. У вас не выйдет». Но несформулированные до конца аргументы пока сформировали перспективный ответ:

– Мне нужно подумать. Вы же понимаете, что все восста-

новят за несколько дней. Один канал тогда вышел в эфир уже через два дня. Еще через два дня восстановились и другие. Какой смысл?

– Ты должен принять решение сейчас, – настаивала Инга.

Она понимала, что вовлечение каждого нового человека – это опасность для ее организации, а за фразой «нужно подумать» может скрываться все, что угодно.

Захар тоже понимал, что если он откажется сейчас, то другой встречи не будет. Но это нужно было обсудить с Глебом. Он был уверен, что Глеб тоже будет против таких действий. Глеб, однако, сказал, обязательно договориться о следующей встрече.

С другой стороны, усилия можно было бы объединить. Кроме того, полученное поручение, если они что-то потребуют сделать уже сейчас, можно и затянуть. Он потянул паузу, после которой, выдохнув, сказал:

– Ладно. Я с вами.

– Почему ты изменил решение?

«А она еще тот рекрутер, – подумал Захар. – Но он помнил, что он вслух еще не отказывался».

– Я его не изменял. Мне нужно было подумать. Но вы требуете решать сейчас. Я решил.

Было условлено о следующей встрече, место которой назвали сразу, время договорились сообщить позже.



Вечером Захар встретился с Глебом в штабе.

– Глеб, их на встречу пришло трое: Инга и с ней Лина и Михей. Презанятный парнишка! А по сравнению с Ингой он просто прозрачный, как стекло. Все мысли наружу. Не представляю, что он тоже может действовать в подполье.

– Лина? – задумавшись, перебил его Глеб. Он ничего другого, казалось, и не услышал. Его уши зацепились только за имя. – Довольно редкое имя. Опиши-ка ее.

– Ну, невысокая, русый волос. Глаза... такие... думает она. Наверное, отличительная черта на носу... – Захар указал себе пальцем немного ниже горбинки носа, – родинка, и вторая в центре подбородка.

– Круглолицая?

– Да, вроде круглолицая, – видно было, что Захар с трудом вспоминал подробности. – Она больше молчала, я еще плохо запомнил. И плечи у нее, кажется, такие, ну, крепкие.

– Подожди, я позвоню Палаше, если она, конечно, там, – полностью уйдя в свои догадки, сказал Глеб.

– Зачем? – удивился Захар. – Подожди, подожди, – вдруг затараторил Захар, – ты хочешь сказать, что это... что я не узнал...

– Спокойно, Захар, – перебил его Глеб. – Лина, Лина, родинка на носу и подбородке, – продолжал он бубнить под

нос.

– Ну, может и не узнал, я ее плохо помню, мы детьми тогда были, – уже почти сам с собою говорил Захар.

Когда Пелагея ответила, Глеб передал ей описание Лины и добавил:

– Давай, опиши теперь ты, а Захар попробует вспомнить, похоже или нет.

– Круглое лицо, но подбородок заостренный немного, широкая улыбка, она почти всегда улыбается, без ямок на щеках, крупные глаза, карие, всегда в них какая-то мысль отражается, но никогда не поймешь, о чем она думает сейчас, мочки ушей такие пухлые, верхушки прижатые, волос тяжелый прямой, всегда был, она не завивалась и длинная челка, с детства, часто нападает на глаза, – Пелагея вспоминала подробности без остановки, словно смотрела на сестру.

Глеб наблюдал за Захаром, тот чаще кивал и иногда прищуривался, как бы сомневался, но ни разу не сказал нет.

– Лаш, ты сегодня летишь сюда, – неожиданно сказал он. – Захар назначил с ними встречу. Мы не знаем точно, когда, но есть, полагаю, несколько дней. Тете Виолетте, наверное, не говори лучше пока.

– Я уже в самолете! – взвизгнула Пелагея, не зная, радоваться или пока не стоит.

– Лаш, нам нужно убедить, прекратить их несистемные вылазки. У меня не вышло, хотя я побоялся сильно настаивать, – предупредил Захар.

– Боюсь, тебя бы они и не послушали, – предположил Глеб.

– Скорее всего, – согласился Захар. – Так что одна надежда на тебя, Лаш.

На следующий арияд после знакомства взалхлеб с Авдеем дети очень хотели остаться дома и продолжить общение с новой игрушкой, иначе они не воспринимали своего нового знакомого. Но Дешу нужно было по научным вопросам лететь на внутренний полюс Калипра, и он решил, что спокойнее будет, если дети будут в педагогуме.

Они, конечно, сопротивлялись и уговаривали, но послушались Деша. Зато там они уже смогли поделиться впечатлениями со своими друзьями. У кого-то из них дома уже тоже появились люди, так что было, о чем поговорить, что сравнить.

– А что твой делает? – спросил Нимспей, приятель Майола.

– Да ничего особенного. Только с собакой несколько раз в арияд гуляет, – ответил Майол. – Он считает, что так нужно. Мы с Картесом, как он, не гуляли.

– Ааа, точно! У тебя же еще собака с Земли есть! – вспомнила Аонила, еще одна ученица из класса Майола. – Ну, вы, конечно, крутые!

– А у нас она следит дома за порядком, за садом, – продолжил Нимспей. Так прикольно за ней наблюдать! Пока. Суетится, возится, кряхтит... Старается! У наших соседей тоже есть человек. Так они познакомились и теперь вместе на

пробежку ходят.

– А зачем? – удивился Майол.

– Их так учили.

– Кто их так учил? Они тоже в каком-то педагогуме что ли сначала были?

– Она говорит, были. На Клетione. Бегать им полезно для здоровья, – пояснил Нимспей.

– И в инструкции написано, что нужно обязательно давать им время для занятий спортом, – добавила Аонила.

– А наш куда не ходит, никаким спортом не занимается. Спрошу у него, почему, – сказал Майол.

Практически весь арияд Авдею пришлось провести одному, не считая компании Картеса, который не только был отличным собеседником, точнее слушателем, но и терпеливейшим педагогом. Он легко выдерживал все ошибки и произношение Авдея, который начал изучать пратиарийский. Деш, по его просьбе, оставил ему кое-какие пособия для этого, по которым пратиарийцы учат земной язык.

Многочисленные упоминания в разговорах носителей, лабораторий, стабилизаторов, принципов и многого другого привело Авдея, человека, имеющего непосредственно отношение к науке, к мысли напроситься в лабораторию Деша, чтобы увидеть, что собой представляют и носитель, и, соб-

ственно, Земля. По возвращении Деша он так и сделал, хотя он понимал, что это, скорее всего, окончательно уничтожит его представления о мире, космосе, вселенной.

Дешу пришлось вызывать гон, чтобы быстро спуститься из дома вниз до стартов вместе с Авдеем, ведь Авдей не мог скользить по воздуху.

– Как тебе Мантама? – спросил Деш Авдея. – В прошлый раз, когда мы из университета летели, ты, наверное, ничего и запомнить не успел?

– Мантама это...? – попытался вспомнить Авдей.

– Это наш стационар. Город, по-вашему. Второй по величине на Калипре. Калипр – это, считай, планета.

– Дороги у вас причудливые! – сказал Авдей, когда гон подныривал под очередную.

Авдей не стал заострять внимание на том, что ему показалось менее странным. В частности на мысли, на которой он поймал себя, что здесь все в сущности очень схоже с Землей, только очень сильно внешне перефразировано.

– Разве?

– Вам не приходила мысль сделать их шире, или перила устроить, хотя бы бортики. Рухнешь, так, может, успеешь уцепиться за что-то.

– Не приходила, – улыбнувшись, ответил Деш.

– Ну, вообще-то да. Вы же спокойно с них соскальзываете. Зачем вам это нужно?

– На самом деле мы их и не делаем. Это деревья отпус-

кают лианы и укрепляются ими в окружающих скалах. Мы просто направляем их туда, куда нам нужнее. А когда лиана взрослеет, она становится почти плоской и выгибается, по мере дальнейшего роста, хоть и не значительного.

– Мне приходила в голову эта мысль, когда я уперся однажды в дерево. И еще эта поросль внизу... Красиво смотрится!

– Все просто, нужно и при этом красиво! – отметил Деш. – Ты еще не видел, как потрясающе выглядят сиклановые леса при перелете между линиями!

По дороге в университет Деш рассказывал Авдею о своей короткой поездке на внутренний полюс Калипра. Там располагалась одна из лабораторий университета Пианс, и его привлекли в качестве эксперта по сарбоновым технологиям. Он рассказал, что поскольку полюс обращен постоянно к Асане, там совсем другой режим отдыха. Светлое время конжона, то есть арияд, прерывается дважды: заходом в тень Асаны и когда Калипр находится между Асаной и Сикланом. Не просто перестроиться на их режим, а потом сразу обратно.

– А у вас асаны и арияды, получается, не везде меняются одинаково? – спросил Авдей.

– Я бы даже сказал, везде по-разному. Здесь на близких линиях большинство планет находятся в синхронном вращении вокруг Асаны и собственной оси, что на дальних линиях встречается не так часто. Там ты, наверное, совсем бы измучился. Ты и здесь-то с трудом миришься с нашим постоян-

ным режимом.

– Просто дни и ночи у вас слишком длинные.

Деш улыбнулся, глядя на Авдея, и покачал головой. Авдей это заметил и поправился:

– Арияды и асаны. При этом вы еще не спите именно в асан, когда темно.

На стартах им встретились друзья Деша. Их сопровождал человек, который нес сумки и управлял служником старого поколения, что чуть позже объяснил Деш. Они всей семьей отправлялись на отдых. Деш перебросился с ними несколькими фразами и, пожелав удачной поездки, попрощался.

– Кстати, мы с детьми через несколько конжонов собираемся полететь на Препрею, – обратился Деш к Авдею. – Тебе это, конечно, ни о чем конкретном не говорит, куда это. Это далеко отсюда. Но ты мог бы полететь с нами и своими глазами увидеть нашу систему.

Авдею, конечно, эта идея понравилась, но смущала одна вещь, которую он только что наблюдал со стороны.

Одновременно он подумал, что живет в доме у Деша не понятно на каких правах. Ни как гость, ни как друг, ни как служник, хотя со стороны это выглядит именно так. Он подумал, но все-таки спросил:

– В качестве кого я полечу? В качестве служника?

– Почему служника? – удивился вопросу Деш.

– Ведь я человек, все будут думать, что я служник, требовать, чтобы я что-то...

Деш попробовал оценить ситуацию с позиции человека и понял, что именно беспокоило Авдея. Чувство неловкости – одно из тех паразитных чувств, которыми обросли люди в процессе своего развития на Земле, чувство, обусловленное желанием соответствовать чьему-то мнению, каким-то нормам, а не действительности.

– Ну, во-первых, требовать от служника может только хозяин. Во-вторых, у всех служников есть маркер. У тебя его нет. И на посадке никто не сможет отправить тебя в багажный салон, ты свободно сможешь пройти в пассажирский.

– То есть ты будешь моим хозяином!

– Если ты будешь просто идти с нами, не делая никакой работы, никто не сделает вывод, что ты служник.

– Ты же говорил, что у Вас есть служники-охранники? Они же ничего не таскают?

– Я понимаю, Авдей, твои затруднения и отсюда упрямство. То есть не только лично твои, но ваши в целом, свойственные людям. Вы не желаете чувствовать себя неловко. Но я из лучших побуждений предлагаю тебе эту поездку. Ведь тебе здесь невыносимо скучно. Я предполагал взять с собой служника-человека, мне как изобретателю положено демонстрировать пример, но хорошо, не буду этого делать.

– С тобой будет таскаться хвостиком опытный образец. Недоделка! Который к тому же ничего не может делать! Еще хуже! – извернулась мысль у Авдея.

Деш блицем просчитывал ситуацию и логику этого опыт-

ного образца:

«Подавляющее влияние Супер-Эго очевидно. Оказавшись здесь, он лишился заработанного годами статуса в своем окружении. А самоидентификация с нефункциональной машиной в чьей-то собственности оказывается много ниже личной самооценки. Такая идентификация обусловлена стереотипами, привычкой все разделять на виды, классы, очерчивая всюду уровни нормы.

Серия словесных перепадов не могла не принести требуемого эффекта, ведь с одной стороны барьера был автор логики, а с другой стороны – ее заключенный.

Но разговор все же остался в рамках той же темы.

– А у тебя есть свой служник-человек? – поинтересовался Авдей.

– Нет. Ты же не видел никого у меня в доме. Мы возьмем с собой старого служника, чтобы тебе было проще. Или... – Деш подумал, что им могло бы быть даже интереснее вдвоем, – может, ты наоборот мог бы с ним... Впрочем, он все равно не знает твоего языка. Вы не сможете полноценно общаться.

– Деш, ты говоришь, у меня нет маркера. То есть я не являюсь чье-то собственностью?

– Да. Это так.

– А есть еще такие люди? Настоящие? Здесь? Без маркеров?

– Да.

– Они все, как и я, изъяты с Земли?

– Да. Но с Земли непосредственно сюда мы изъяли только десять человек. Остальные попали сюда с первого промышленного носителя, Клетииона, запуск которого оказался неудачным. А на первый носитель они попали именно с Земли. То есть с твоей точки зрения они настоящие.

Этим вопросом Авдей задел залежавшуюся проблему, которую Деш уже давно не знал, как решить. Он отвлекся, задумавшись об этом.

– Неудачным? А что произошло? – Авдею больше не над чем было задумываться, поэтому он продолжил начатый разговор, после того, как сам переосмыслил новости.

– Что ты говоришь? – переспросил Деш.

– Ты говоришь, что первый запуск какого-то Клетииона был не удачным. Что там произошло?

– Они так и не сумели договориться, – Деш развел руками.

– Договориться о чем? – Авдея не устраивало такое компактное объяснение.

– Началось все с каких-то ваших собственнических замашек, страхов и банальных человеческих обид... Снова сложилось конфликтное нестабильное общество. Обиды не всегда, правда, глупые были.

– Обиды всегда глупые, – перебил Авдей.

– О! Это говорит человек! Но я тебе возражу. Обиды всегда обоснованы, поскольку это несоответствие двух разных мнений, двух разных оценок.

– Каких оценок? – нахмурился Авдей.

– Твоей и еще чье-то. Это как два не равно пятнадцати.

У вас, у людей, все имеет причину. Неравенство очевидно? Это и есть причина. Но обиды всегда разрешимы! То есть их на самом деле может не быть. И быть не должно!

– Не должно быть неравенств?

– Нет. Неравенства должны быть. Но они возникают при отсутствии полноты информации. Вы же часто что-то друг другу недоговариваете?

Авдею стало казаться, что он запутывается в этой низкоуровневой логике:

«Не хватало еще, чтобы программист мне начал объяснять, как устроена его сбойная программа!» – нарастало у него внутри возмущение в образах известных ему аналогий.

– Ну, бывает, – нехотя ответил он.

– А на что вы при этом надеетесь?

Авдей задумался.

– Либо человеку просто не нужно о чем-то знать, либо он сам догадается.

– А последнее чем-то гарантировано?

– А это уже вопрос к разработчикам!

– Безусловно, так, – согласился Деш. – Но по собственному опыту, ты как понимаешь?

– Не факт, что догадается правильно.

– И что в результате? Вы друг друга не поняли!

– И, типа, затаили обиду, – закончил Авдей. – А у вас нет

обид? И даже понятия «обида»? – поинтересовался Авдей, выводя беседу из дебрей.

– В таких масштабах как у вас нет, – ответил Деш.

– Никто не обижается, или никто не обижает? Это все-таки разные вещи! – обратил внимание на последние слова Авдей.

– Мы пытались понять, что такое есть у вас «обида». Из наблюдений за вами и вашими реакциями мы сделали вывод, что обида – это невысказанное противоречие. Невысказанное, значит и неразрешенное, поскольку дефицит информации не устранен. Очевидно, разумнее противоречия разрешить, чем копить. Вообще обида – это не самый короткий путь к взаимопониманию.

– А вы, получается, всегда противоречия разрешаете?

– Разрешаем. Они, правда, возникают очень редко, или разрешаются быстро. Во всяком случае, они открыты. А вообще говоря, у меня сложилось впечатление, что вы весьма противоречивы. Между собой.

– Ну, так, наверное, было задумано! – фыркнул Авдей.

– Нет. А вот противоречивость внутри себя – это да. Это хотя бы объяснимо! Причем вы сами сумели частично раскрыть этот механизм. И вероятно, что борьба этих двух противоречий, а это уже тоже противоречие, и является причиной обид.

– Противоречия между противоречиями... Ерунда какая-то!

– Отчего же? Посуди сам. Вот между двоими возникло разногласие. Противоречие. Вместо того, чтобы стремиться его разрешить, каждый из них или кто-то один сам не может принять решение, хочет ли он это противоречие разрешить. Если и хочет, то не может решить, как это сделать, когда сделать. Плюс еще десяток всяких «если»..., плюс злоба, упрямство... у вас очень много таких возведенных в ранг чуть ли не культа качеств, от которых, вы не можете отказаться, хотя и понимаете, что они вам мешают.

– Гордость! – добавил Авдей.

– Гордыня! – поправил его Деш.

– Пускай так, – согласился Авдей.

Деш прочитал в его глазах и интонации только что упомянутое качество, подпитываемое еще обидой, что Деш так спокойно, как по учебнику истории, избобличает его расу.

– В итоге неустраненное разногласие, – продолжил Деш, – порождает чувство. Это чувство обиды.

– Невысказанное... – задумчиво медленно повторил Авдей слова Деша. – Да. Обида растет в тишине!

– Но мы отвлеклись на обиды. На Клетиионе, как и на Земле, это было только началом. Потом люди стали делить то, в чем не испытывали недостатка. Феномен! Мы сами долго удивлялись, что это вновь произошло.

– Это механизм самозащиты личности, – вспомнил Авдей тезис из курса психологии.

– Этот механизм должен работать в условиях дефицита!

Но его не было. А попытки самоутверждения одних и серии узурпаций привели к тому, что люди начали истреблять друг друга. Нам пришлось все остановить и начать заново.

Авдею снова пришлось от объяснений новой окружающей действительности возвращать разговор к исходному вопросу.

– А почему нам не дают возможности встречаться и общаться? Ни с теми, кто непосредственно с Земли, ни с этого вашего первого промышленного носителя? – последние слова Авдей особенно и несколько пренебрежительно подчеркнул. – Звучит ужасно, если честно!

– Нууу, мы этот вопрос с тобой уже затрагивали, Авдей, – попытался опять освободить его от ложных чувств Деш. – Это не может звучать ужаснее, чем производство телевизоров, автомобилей, поточных конвейерных линий или роботов-андроидов. Последние, кстати, у вас тоже успели найти себе довольно широкое применение.

Авдей только выдохнул. Аналогия была действительно ужасающе полной. Он только не мог разобраться в себе, почему это его ужасает.

– А по поводу, почему мы не даем Вам встречаться? – продолжил Деш. – Да вы друг друга и не поймете.

– Почему это?

– У Вас столько много разных систем условных обозначений! Совпадение даже среди тысячи экземпляров, то есть человек, изъятых случайно, конечно, вероятно. Но не сто-

процентно. То, что некоторые знают несколько систем обозначений, отчасти упрощает ситуацию. Но не снимает проблему. Кто-то сможет общаться, остальные, увы, останутся лишними. Мы в этом имели возможность убедиться.

– Системы условных обозначений, это имеются в виду языки? – уточнил Авдей.

– Да, да, конечно. Эта разобщенность мешает Вам общаться и чувствовать себя единым народом, просто человечеством. Но Вы, каждый народ – носитель языка – считаете это своим культурным достоянием. Это, безусловно, хорошо! Но в этом ваша слабость, в глобальном масштабе, мешающая, в том числе, противостоять Мита.

«Слабость, Мита, о чем он вообще говорит? – уже запутавшись в объяснениях Деша, подумал Авдей. – Он говорит о нас, как о кроликах. Мы ведь для него и есть просто кролики!»

С другой стороны, он не раз говорил, что гордится тем, что ему удалось создать такой самодостаточный принцип, как они нас называют. Пускай, принцип и самопротиворечивый, но это один из двигателей его творческого, а значит и интеллектуального, развития.

Однако, несмотря ни на что, мы для них всего лишь очередной принцип!»



В университетской лаборатории Деш сразу повел Авдея в помещения, где размещаются носители.

– Вот здесь все начиналось. Здесь стоял ваш носитель.

Авдей оглядел помещение, оно не выглядело большим и достаточным, по его представлениям о космосе.

– На самом деле носителя с Землей здесь сейчас нет, – продолжил рассказывать Деш. – Промышленный носитель, где находится Клетсион, тоже расположен не у нас, а у нашего глобатиата, который, собственно, осуществляет техническую часть внедрения. Но ваш носитель был именно здесь. Вот здесь еще осталось некоторое оборудование, с помощью которого мы его наблюдали.

Деш обратил внимание Авдея на дугу, свободно висящую в воздухе почти под потолком у стены. Он подтянул ее к центру помещения, толкнул край дуги, и она легко повернулась, словно висела на шарнире. На краю дуги располагалась изящная, коническая воронка, длинная, но не широкая.

«Кирдец! Все как в голливудском кино! – подумал Авдей, ворочая головой из стороны в сторону. – Пратиарийцы не смогли придумать ничего более оригинального, – он даже не смог сдержать улыбку. – Или это наши были настолько изобретательны?...»

– Пристализатор, – пояснил Деш.

Авдею все стало предельно «понятно». От бессмысленности незнакомых слов на его лице равнодушно не дрогнул ни единый мускул.

Деш взял из шкафа какую-то прозрачную тонкую пластинку, расположил ее прямо перед лицом Авдея и отпустил, повернувшись снова к шкафу. Авдею даже показалось, что Деш неосторожно упустил ее, и хотел было подхватить, но она не думала падать. Этому можно было, конечно, удивиться, но после пристализатора было уже некуда. Однако Авдей не смог оставить ее в покое. Деш тем временем отыскал другую штукювину, по всей видимости, завалившуюся в шкаф, повернулся и поставил ее на пластинку. Он заметил, что Авдей ее держит.

– Не держи, – сказал он. – Это гравитационный штатив. Он не упадет. Пристализатор же не падает.

«Ах, ну, да! Как же я не догадался!» – съехидничал про себя Авдей. Гравитационный штатив!

Второй предмет имел кубическую форму, судя по нечетким контурам легкой затуманенности, наполнявшей предмет и, вероятно, удерживаемой им.

– Вот. Это учебный образец носителя, – сказал Деш. – Ваш в несколько раз больше. Но это не принципиально.

– В таком же была Земля?

– Была и есть, – кивнул Деш.

– Вот это вот весь наш космос?! Жидкая дымка! Забавно! – факты приходилось воспринимать с иронией. – Но в

космосе темно, а здесь светло, и он насквозь просвечивается.

– Светло не там. Светло здесь, в помещении. Носитель большую часть света просто пропускает. Но небольшая часть рассеивается. А там в этой дымке, как ты говоришь, на самом деле повышенная плотность пространства. Свет там просто равномерно распределяется на все пространство. И при такой концентрации это уже темнота. Я тебе покажу еще кое-что интересное. – Деш погасил свет в помещении и плотно занавесил окно, чтобы сумерки тоже не мешали наблюдению эффекта. – Смотри!

Теперь было более отчетливо видно, какую форму имел носитель. В полной темноте виднелся слегка светящийся куб.

– Та часть света, которая рассеивается носителем, проходит через него с задержкой. Поэтому он сейчас светится, – пояснил коротко Деш. – Вскоре свечение прекратится.

– Дааа! Где-то я это уже слышал. Как бы это не то, что мы называли реликтовым излучением. А почему он квадратный?

– Так он стоит, не катится. Удобно смотреть.

– Мы всегда себе вселенную представляли неограниченной, но если бы она оказалась круглой, было бы более естественно.

Включив свет, Деш направил пристализатор на носитель и предложил:

– Посмотрим?

Не дожидаясь ответа, он активировал экран, такой же, как и у него был дома, только больше.

– А здесь тоже есть какая-то планета, где существует...? – хотел спросить Авдей.

– Нет. Здесь обитаемых нет, – сразу прервал его мысль Деш.

Появилось изображение. Деш подал руку вперед, и масштаб начал расти с одновременным нарастанием темноты.

– Давай вот ту туманность посмотрим. Можешь сам побаловаться, – предложил Деш, подал руку в направлении туманности и уступил место Авдею.

Погуляв немного по учебному, Деш переключился на носитель Земли.

– Там сейчас тоже стоит такое же оборудование, и мы можем точно так же все наблюдать.

После непродолжительного блуждания в межзвездном пространстве своей Вселенной, Авдею пришлось признать, что:

– Нет, я так долго буду искать Землю.

Деш помог ему найти Солнечную систему.

– Авдей, мне ненадолго нужно убежать по делам, – вдруг сказал Деш. – Побудешь здесь? Тут еще много есть интересных носителей. Посмотри пока. А у меня сейчас встреча. Я скоро вернусь. Хорошо?

– Хорошо. Мне здесь надолго занятия хватит, – улыбнулся Авдей, увлеченный новинками.

Он долго вглядывался в картинку, менял масштаб, пытаясь разглядеть детали, но увеличение не было достаточным, чтобы увидеть то, что хотелось Авдею. Он разворачивал изображение в разные стороны, вращал Землю то вправо, то влево, даже не задумываясь, что на самом деле при этом вращается не Земля, а пристализатор, который находится возле носителя.

В очередной раз Земля остановилась, приняв вид полумесяца. Он не стал поворачивать дальше, а улыбнулся, представив себя на орбитальной станции. При этом, спустя пару минут, Авдей убедился, что ему не показалось, что видимая часть Земли изменялась. Причем довольно быстро.

«То есть я даже вижу, как она вращается!?» – удивился Авдей.

Он продолжал замороженно смотреть, не замечая времени. Вдруг он заметил, что где-то посередине неосвещенной части Земли начало появляться свечение. Оно располагалось не очень строго вдоль меридиана и не сплошной, различной ширины полосой. Оно не было постоянным, а переливалось разными цветами, словно состояло и миллионов мельчайших вспышек. С каждой минутой, земной ритм которых Авдей еще мог ощущать внутри себя, а может, чуть чаще, Земля поворачивалась, и свечение менялось вдоль своего меридиана, оставляя позади себя слабый шлейф.

Авдей внимательно наблюдал за этой картиной, пытаясь понять, что это такое происходит, пока странное сияние ме-

ридиана не прекратилось. Прошло всего минут пятнадцать, а ему показалось, что пока он наблюдал свечение, Земля обернулась вокруг оси. Но он не был в этом уверен и с сожалением в очередной раз отругал собственную ненаблюдательность.

*

На встрече Деш доложил о результатах поездки в филиал университета и в конце поднял новый старый вопрос.

– У нас есть немногим больше тысячи экземпляров принципа Земля, которые были извлечены с Клеттиона первого запуска и с самой Земли. Но пока не решен вопрос, что с ними делать. Их нельзя уничтожить, так как все они были получены после того, как было принято решение об окончании эксперимента и промышленном запуске.

– И их нельзя квалифицировать как брак, – скорее констатировал факт, чем спросил, имилот Вейтел.

– Да. Они полностью функциональны. Но и использовать, как готовый продукт, мы их тоже не можем, они не проходили сертификацию, и не пройдут, – подтвердил Деш. – Просто одного из таких я взял к себе домой. Он задал мне вопрос, почему им не позволяют общаться?

У нас в городах уже довольно много людей. Они общаются. Их отлично объединяет спорт. Думаю, если мы обучим всех несертифицированных нашей речи, они тоже смо-

гут интегрироваться.

– А что они будут делать? – спросил имилот Кефера. – Это самый главный вопрос. Сертифицированные люди все при деле и только в свободное время они встречаются друг с другом.

– Кроме того, ты же сам, Деш, говорил, что они не могут не иметь цели, – добавил Лешаль.

– Это все так, – согласился Деш.

– Но эти вопросы не снимают проблемы. Нам нужно выработать решение, – резюмировал Вейтел, соглашаясь с Дешем, что проблему необходимо проработать. – Точнее сказать, решение-то очевидно. Необходимо определить для них цель.

– Которая будет для них приемлема. Это уже взрослые люди с устоявшимся мировоззрением, – добавил Деш. – Его сейчас изменить естественным путем практически невозможно.

Думаю, нам в этом может помочь Манкоа. Они уже открыли несколько десятков центров обслуживания и одновременно досуга для людей. Там предполагается, что будут работать преимущественно люди, для этого сейчас уже запущены новые факультативы на Клетione. Какие-то работы вполне могут выполнять и люди без сертификатов.

– При этом они будут в своей среде и будут чувствовать себя полезными, – отметил два основных требования к решению вопроса Сайкон.

– Деш, тебе, значит, необходимо обсудить это с Манкоа, – заключил Вейтел.

– Хорошо, имилот, – ответил Деш. – Но независимо от их решения, наше остается неизменным?! Интегрировать. Тогда, думаю, уже можно начать их обучать хотя бы нашей речи, приобщать к порядкам и...

– Еще вопрос с их проживанием. Мы вряд ли сможем всех расселить по домам, – обозначил вопрос Вейтел.

– Манкоа, предполагаю, будет размещать своих работников при центре. Тогда, будем рассчитывать, это коснется всех.

*

После встречи Деш поспешил вернуться к Авдею. Едва ли его что-то беспокоило. А у Авдея собственная планета в виде частички жидкой дымки, заполнявшей некий условный стакан, несколько раз взорвала мозг, загнал сердце, вызвала тоску и ненависть, удивление и преклонение.

– Как все прошло? – поинтересовался Авдей, обрадованный возможностью переключить куда-то внимание.

– В порядке. Тебе здесь не скучно было?

– Ни сколько!

– Не устал?

– Не столько устал, сколько проголодался.

Это было, пожалуй, единственным вполне конкретным

ощущением, о котором можно было говорить с уверенностью и коротко. Все остальное выражалось только многослойными предложениями из предикатов.

– Аа, ну, да! Как я мог забыть, у вас же регулярное питание, – спохватился Деш.

– У вас здесь есть столовая?

– Мы в течение асана питаемся по желанию. Поэтому столовые при каждом заведении не держим.

– Жаль, – как мог нейтрально отреагировал Авдей.

– Но, есть чайная комната. Только там ты не поешь нормально, конечно. Давай сходим в ресторан. Здесь не далеко.

Но то, что не далеко для пратиарийцев, может оказаться существенно дальше для людей. Людям приходилось все обходить по дорогам, да и скорость у них при обычной ходьбе несколько уступала скорости местных аборигенов.

Еще недавно красота, сопровождавшая пешехода, могла отвлечь Авдея во время прогулок от желания занять чем-нибудь свой желудок. Но со временем она стала несколько привычной и не справлялась с этой задачей. Скалы так же, как и у Деша дома, выкорячивались корявыми уступами высоко вверх, на уступах располагались постройки со скучными, но элегантными, белыми круглыми плоскими крышами, между всем этим торчали деревья, уходя в небо выше скал, а остальное пространство переплетало и окутывало разнообразие флоры.

Университет располагался не очень высоко, а ресторан на

самом дне ущелья. В этом смысле Авдею повезло. Путь одолели вполне скоро.



Ресторан был просторен, но в интерьере не было ничего особенного, выдающегося, удивительного. Он выглядел вполне по-пратиарийски, так же естественно, натурально и органично, как жилые дома и большинство других помещений, где Авдею приходилось уже побывать.

Своды были устланы живым декором. Здесь он, конечно, был разнообразнее, чем дома. Повсюду не частые свисающие плети, разделяющие заведение на уголки, круглые белые столы, расположенные на разных уровнях относительно друг друга. В общем, интерьер в какой-то мере повторял вид района, где жил Деш: роль белых крыш, которые тоже были на разной высоте, играли столы, своды и лианы – это дороги. Обстановка вполне домашняя, успокаивающая. В центре стоял рояль, на котором играла девушка.

Увидев ее, Авдей удивился:

– Она же человек?!

– Конечно, человек, – спокойно отреагировал Деш.

– Откуда она здесь?

– Она с Клетииона. Она музыкант, ты должен знать, что это такое. Ты только послушай, как она играет! – восхищенно сказал Деш. – Я впервые ее услышал, когда ее приглашали с

концертом в педагогийум к детям.

Увидев Авдея, Грета немного смутилась. Ведь до этого асана в ресторане никогда не появлялись люди в качестве посетителей, не считая Франчески, которую она приглашала сама.

Остатки своих удивлений Грета и Авдей оставили при себе. Тем временем подали еду.

– Деш, а изображение Земли, полученное через пристализатор – это же тот же Гугл, что и дома? Но ты говорил, что дома картинка берется с Земли? – поинтересовался Авдей за обедом.

– Они похожи, но это разные изображения. Изображение Земли дома – это все-таки статичные снимки, пусть они и обновляются несколько раз в конжон. В соседнем доме кто-то может просматривать противоположный район Земли. Там же люди не ходят. Верно?

А пристализатор показывает живую картинку. Да и детализация такая не доступна, как на статике, полученной с Земли. И пока ты работал, никто другой не мог изучать другую область носителя.

– Ясно. А почему отсюда убрали носитель, раньше, ты говоришь, он был здесь?

– Наш носитель физически по размерам был меньше, его было удобнее транспортировать, чем носитель наших коллег из университета Санкь шестнадцатой линии. Мы с ними договорились об объединении двух экспериментов: их принци-

па Мита и нашего Земля.

– То есть, объединении? – Авдей даже замотал головой.

Если не в каждой фразе Деша, то в каждой третьей уж точно он слышал шокирующие подробности.

– Мы объединили два носителя в один, и два принципа стали существовать в едином пространстве.

– Но они не знали о существовании друг друга?

– До поры до времени не знали. Кто-то должен был первым обнаружить другого.

– Боюсь спросить, кто же был первым? – пробормотал Авдей и даже прекратил жевать.

– А что тут бояться? Мы проиграли.

– Что значит проиграли? И кто мы? То, что я сегодня видел, это из какого-то архива? Я так понял, это все-таки было прямое изображение.

– Это было оно. Мы – это университет Пианс. Проиграли, то есть Мита первыми обнаружили Землю.

– Они свободно перемещаются из своего носителя в ваш?

– Конечно! В этом и была суть объединения. Это уже, считай, один носитель.

– Но это же, я так понимаю, огромные расстояния!

– Для них безусловно так. Но есть много способов их преодолевать. Вы, например, просто не успели ни одного из них открыть. А то, кто знает, может, вы бы их тоже обнаружили. Или обнаружили раньше.

– И они не уничтожили Землю?! – несколько даже иро-

нично заметил Авдей.

– Ты, когда находишь что-то новое, интересное не кидаешься же сразу это уничтожить?

Авдей даже задумался несколько над словами Деша и скептически улыбнулся.

«Смотря на сколько я этого боюсь!» – подумал он, но вслух сказал другое:

– Особенно, если оно копошится по-своему, меня не видит и не трогает, – осторожно согласился Авдей.

– То же самое! Они, очевидно, впервые обнаружили иную форму жизни. Мита сначала изучали именно вас. Уже потом они стали смотреть, что же полезного есть, собственно, на Земле. Точнее, самое главное они и так знали. Ведь привело их к вам магнитное поле Земли и редкое, хотя и не самое, во вселенной...

– Двух вселенных?! – перебил, уточняя, Авдей.

– Если считать два носителя... Пускай двух. ... редкое железо. Земля холодная, и здесь железо легко взять, хотя оно и находится внутри нее.

– Но что-то, получается, их остановило от «тупо взяли, что хотели и улетели».

– Ваши технологии! Но важнейшей вашей технологией для них является то, как вы получаете знания.

– Они же превзошли нас! Сумели преодолеть такое пространство.

Авдея этот спор определенно завел. Его задело то, что че-

ловечество так вот запросто подставили. Он и сам не замечал, что именно этот факт разгоняет в нем азарт.

– Вы бы тоже, может, достигли бы их уровня, – спокойно пояснял Деш, – или даже превзошли, если бы у вас не было такого количества направлений развития и деятельности вообще. Вы в целом не так сосредоточены.

Вы можете пытаться что-то сделать, даже если знаете, что будет ошибка, или если просто не знаете, что получится.

– О, да! Это мы с удовольствием можем! Иногда даже годами! – согласился с улыбкой Авдей.

– Отсюда появляется побочное знание, которое может послужить толчком к правильному решению или вообще к новому направлению. Они так не могут.

– В нас способность заниматься непонятно чем заложена. В них, получается, нет? – уточнил Авдей.

– Да. Они рациональны. У них нет творчества как такового. Они не умеют делать что-то просто ради удовольствия, просто потому, что появилась какая-то идея. У них идеи даже не возникают так, как у людей. Так легко, иногда случайно, из ниоткуда.

– А они на самом деле из ниоткуда? – спросил Авдей.

– Вы думаете, что да. Но на самом деле нет. Есть несколько механизмов формирования идей. Например, вы можете работать над одной задачей, а возникшая идея может увести вас совершенно в другую область. У Мита есть задачи и все в их рамках.

– Хорошо. Задача, например, добычи железа, я не знаю, что именно они еще ценного нашли на Земле. С неприкосновенностью уже как-то не сочетается.

– Железо можно найти в других местах, а знания и ваш способ их добычи уникальны. Ведь вы для них уникальны во Вселенной! Поэтому задача сохранения этого источника для них оказалась приоритетней. Все логично!

Тим сложил в руки Милене фонари и попробовал, скрипя от напряжения ягодицами, приподнять крышку колодца. Но пальцами зацепиться было не так-то просто, чтобы еще и удержать ее. Пришлось Захару нагрузить Милену еще и канатом. Не с первой попытки, но вдвоем им удалось крышку одолеть. Впрочем, Милена не успела ничего по этому поводу съязвить. Возможно, страх не только подогревает чувство голода, но и притупляет острый язык. Она просто умничала:

– Не скрипите вы так этой крышкой.

– Не урони фонари, – отмахивался Тим.

– Да сейчас раньше времени грифы слетятся, – продолжила пугать Милена.

– Раньше времени нам не нужно, – бурчал себе под нос Захар, приподняв, наконец, с Тимом за один край нормально крышку и переложив ее в сторону.

– Ты первая? – предложил ехидно Тим Милене, как даме, право первой спуститься в колодец.

– Не умничай! Полезай, – Милена протянула ему канат и один из фонарей.

Тим посветил вниз.

– Просто шикарно! Канат не нужен, есть лестница!

Захар отнял канат у Милены и сбросил его в низ.

– Фигах! – кратко откомментировал он бесформенное

падение каната.

– Полезай, фигакс, – крикнул Тим.

– Вы же уже договорились с Миленой, что ты первый, – съехидничал Захар.

Тим не стал натягивать время на словесную возню и начал спускаться в колодец.

Снизу он стал подсвечивать Милене. Она полезла второй, так как оставаться на улице последней тоже не захотела. Страх, как выяснилось, притупляет не все подряд, и, помогая внизу Милене, Тим все же успел отметить отличный ракурс и пожалеть, что Милена была в брюках.

Как только она и Захар спустились, Тим поставил один фонарь так, чтобы тот светил из колодца вверх.

– Нам не нужно, чтобы сюда кто-то свалился случайно, – сказал он. – Свет сильный, ночь почти наступила, водители и пидестрианы должны, думаю, заметить.

– Ты че ругаешься? – изображая шепот, сказал Захар, словно намека на присутствие дамы.

– Я в рамках.

– Чёсе в рамках! Пидес..., че ты там такого и сказал-то, язык не поворачивается.

– Да это просто пешеходы у англикосов так называются.

– Только кроме англикосов об этом никто не знает. Так что не ругайся.

Тоннель под дорогой в обе стороны шел далеко без изгибов, неплохо проглядывался в свете фонарей.

– Жутковато, – проговорила Милена.

– Немного! – ответил Тим.

– Да просто пипец пипецкий, – передернулся Захар.

Тим расположил фонари на полу, чтобы один освещал тоннель вправо, а другой влево. – Так лучше?

– Немного, – ответила Милена.

Она держалась даже спокойней Захара. А может просто была сдержаннее, чем Захар вообще говоря не отличался.

– А здесь внизу прохладнее, чем на улице, – отметил Захар, глядя на осушившихся Милену и Тима.

Он обратил внимание, что и свои плечи он тоже втянул.

Они разговаривали не громко, но и эти звуки, возвращаясь эхом к ним, создавали зловещий тоннельный тембр.

– Не хватает только звука капель, – попытался развеселить или успокоить себя и остальных Захар.

– И писка крыс, – добавил Тим.

– Блин, может, хватит уже, – передернулась при этих словах Милена.

Осмотрелись. Через каждые пару десятков метров в стенах тоннеля напротив друг друга были ниши приблизительно полуметровой глубины и такой же ширины. В некоторых из них были смонтированы какие-то короба.

– Возможно, какие-то коммуникации разводятся по домам, – предположил Тим.

– Как на схемах, – проговорил Захар, подсвечивая фонариком развернутую навису прокламацию.

– Выбери, с какой стороны тебе будет удобней? – предложил Тим, понимая, что это не имеет значения.

– Без разницы, – ответила Милена, забравшись в одну из ниш.

Тим вернулся к фонарям и перевел их в режим SOS. Потом занял место в нише напротив Милены, Захар расположился дальше по тоннелю. Они посидели так немного, периодически выглядывая в сторону люка.

– Не весело, – разбавил тишину Тим.

Милена закопошилась, полезла по карманам и достала зеркальце.

– Скучновато, согласна, – сказала она.

– Ты боишься, что не соответствующе ситуации выглядишь? – поинтересовался Тим.

– Спокойно, не сбивай с толку, – ответила Милена и стала пристраивать зеркальце на полу так, чтобы ей из ниши было видно тоннель.

– Ааа, – прокряхтел Тим. – Ведь жешь бывают моменты, когда пожалеешь, что не женщиной родился!

Он снова осторожно выглянул из ниши в сторону люка.

– Зато ты смог первым спуститься в тоннель. Так что один-один – приободрила его Милена.

Тим полез рыться в своих карманах.

– У тебя тоже что ли есть? – удивилась Милена.

– Не. Мне скучно. Музыка хочу включить.

Он достал старенький мобильник и стал что-то вытыки-

вать по кнопкам.

– Ты таскаешь его с собой? – с сарказмом проговорила Милена. – Связи же черти сколько уже нет.

– Да понятно, что нет. Кроме связи здесь же еще много чего. Вот видишь, пригодился.

Тим включил музыку и вылез из ниши. Он вернулся к фонарям, небрежно бросил мобильник у стены и побежал обратно в нишу, по пути успокоив выглянувшего на звуки Захара.

– Голова, – отметил Захар. – И нас не так слышно, и сидеть не так скучно.

Время не засекали, но то, что успели заскучать, пока дождались, это факт.

А когда дождались, сердце ёкнуло, призналась уже потом Милена. Тим иногда выглядывал, а Милена не сводила глаз с зеркала. Каково там было Захару без дружеского взгляда, они не знали.

Милена заметила первой, что в люк кто-то начал спускаться и показала на пальцах Тиму. Тот хотел посмотреть, но Милена покачала головой и показала, чтобы тот не шумел. Оба застыли.

«Сработало» – подумал Тим.

Это был гриф. Его видела Милена, и она едва-едва справлялась со своими нервами. Тима еще больше выводило из себя такое короткое, но уже казавшееся бесконечным, неведение. Гриф посмотрел в одну сторону, потом в другую, огля-

дел фонари. Внезапно оглянулся в их сторону, словно что-то услышал.

«Услышал. Наверное, Захар» – подумала Милена, застыла и закрыла глаза. Но не смогла выдержать с закрытыми глазами и двух секунд.

Гриф уже не смотрел в их сторону, он поглядел на источник музыки, снова на фонари, они по-прежнему мигали. Потом он взглянул вверх, куда был направлен один фонарь. Снова резко оглянулся в сторону прятавшихся. У Милены повторно сердце шарахнуло электрошокерами. Но гриф опять вернулся к фонарям, подняв один и начав его разглядывать. Со слов Милены это был не просто взгляд, а как будто сканер.

На мгновение он замер, потом развернулся и поплыл в их сторону. Милена снова закрыла глаза, продолжая держать палец у губ, призывая к соблюдению полной тишины. Но уже было поздно. Видимо не звуки направили грифа в эту сторону. Проплыв несколько метров, он на мгновение замер, после чего ускорился в их направлении и остановился прямо между ними.

«Главное, Милена, совладай с собой, – думал Тим, глядя на Милену, – он стреляет без предупреждений. Захар, если ты спишь, то спи. Не храпи только».

«Я спокойна, – уговаривала себя Милена. – И вы, ребята, не делайте глупостей».

– Выйдите, – произнес гриф, не поворачиваясь к кому-ли-

бо из них. – Кто вы, что здесь делаете? – сухо задал он вопросы.

Захар видел тень, падавшую в их сторону, выглянуть он не решился, так как фонарь осветил бы его.

«Полный капитос!» – подумал он, поняв, что тень остановилась возле Тима и Милены.

– Музыку слушаем, – Тим постарался держаться бодро.

– Почему здесь?

– Дождь собирался.

– У вас нет дома? Это нарушение предписания оседлого проживания, – отрезал гриф.

– Дом есть, мы просто прогуливались, а тут вроде дождь.

– Это нарушение предписания соблюдения покоя в ночной период, – фразы были сухи, как пески в пустыне, но неприступны, как глубины космоса.

– Ну, мы с работы идем, – продолжал Тим, – по пути просто прогуливались, а тут дождь.

– Место работы?

– Гипермаркет «Флора», – с трудом вспомнила что-то правдоподобное Милена.

Этот магазин действительно находился неподалеку.

– Как зовут?

– Роза, – ответила Милена.

Тим сморщился, сомневаясь, есть ли в этом смысл. Вдруг, он может прямо сейчас все проверить. Но он поддержал ее.

– Эрнест.

– Ваше нахождение здесь это нарушение предписания о безопасности улиц, так как вы оставили открытым колодец. Вам надлежит немедленно покинуть это место.

Это совпадало с их желанием, поэтому они без суеты, но без промедления, направились к люку. Они оба не знали, как поступить с Захаром. И обсудить это было нельзя. Но гриф решил их сомнения.

– Третий. Выйдите. Ваше имя.

В конечном итоге им удалось без явных проблем выбраться наружу.

– Зачем нам было нужно сидеть внизу? – спросил Тим Милену, когда все закончилось.

Они шли, сворачивая с одной улицы на другую, в опасении слежки. Решили ждать до открытия метро и там попытаться запутать следы.

– Тоже не знаю. Сидели бы себе на улице за углом или вообще на крыше дома.

– Ну, главное, что мы убедились, что на такую глупость его можно заманить, – подытожил Захар. – То есть вообще ничего делать не нужно. Совсем не обязательно целый завод под себя подгрести.

– Остается только убедиться, будет ли нам достаточно мощностей? – добавил Тим.

– Но пока мы даже приблизительно не знаем, что именно нам будет нужно для захвата и изоляции.

– А он разговаривал не очень умно, – перевел тему Тим. –

Как-то не по человечески.

– Как будто по шаблону, – согласился Захар.

– И как-то глупо купился на весь сказанный бред, – продолжила Милена.

– Когда они шмаляют по чем зря по людям, это тоже не выглядит умно. Мы как-то с Глебом заспорили на эту тему, – добавил Тим.

– И до чего dospорились?

– Конкретно грифы ведут себя тупо. Но это не значит, что они тупые: и грифы, и вообще они. Иначе они бы не смогли так тихо подмять под себя все. Причем это с каких еще времен?! Мы даже не догадывались. Глеб думает, что грифы, скорее всего, нагонятели страха и собиратели информации. Поэтому их действия не очень рациональны.

– А раз управляются они извне, мы к такому выводу вроде пришли, когда первого изловили, то на самом деле они могут оказаться и умнее, чем кажутся, – продолжил мысль Захар.

– Причем внезапно! – согласилась Милена.

На следующей половине Земли ученые тоже занимались трепанацией собственных черепов изнутри. Но глупых грифов там не трогали и никуда не заманивали. Там под руководством доктора Адиса искали способ создать первый экран от явления, о котором лишь подозревали, но знали ка-

тастрофически мало, от какого-то совершенно неизученного фона.

Первая фарс-идея была проста, и, в общем, ничего нового собой в науке не представляла. Основана она была на том, что образец, воспринимающий фон, может его полностью или частично поглощать. Поэтому, поместив образец в несколько рядов, на последних рядах предполагали обнаружить отсутствие воздействия.

Образцы пришлось доставать непосредственно в водах открытого океана, под угрозой захвата или вовсе потопления судна воскресшими из истории разрозненными морскими налетчиками. Приключенческого восторга такая работа ни у кого не вызывала, но другого пути не было.

Этим работам предшествовал целый год с лишним, потраченный на добычу старых научных данных.

Доктор Адиса по информации, разведанной Орестом, и с помощью своих связей в научных кругах смог выйти на ученых из рабочей группы биологов, исследовавших много лет назад загадочную миграцию медуз. Большинство из них уже умерли, оставшиеся давно не работали, и многие уже покинули науку.

Адиса узнал от доктора Нго, что на самом деле не они обнаружили феномен.

– Нас привлекла к работе фармацевтическая компания Альфа-Вита, которая добывала водоросли. Доклад, который Вы упомянули, мы делали, чтобы привлечь к явлению веду-

щие исследовательские институты, так как сама Альфа-Вита и мы не могли в полной мере объяснить феномен.

– Удалось выйти с кем-то на совместную работу? – спросил Адиса.

– Нет. После той конференции нам запретили продолжать работу, – сообщила доктор Нго. – Мы продолжали еще некоторое время с коллегами наблюдения у себя в университете, пока был живой биологический материал. Но потом пришлось оставить исследования.

Исследуемый вид медуз вел себя необычно, по сравнению с родственными видами, так же питающимися за счет симбиоза с водорослями. Наблюдалась пониженная активность, стремление уйти на дно, при включении освещения, тогда как остальные напротив, поднимались на поверхность. Лабораторного освещения всем было не достаточно, кроме исследуемого вида.

– Вот это уже ближе к тому, что мне нужно. Вы говорите, медузы уходили на дно. Мне больше всего интересна информация о том, что их туда влекло или гнало? В докладе Вы говорили о неком фоне.

– Да. Но я вам не смогу это правильно объяснить. Это уже не биология, и я там не все сама понимаю. Эти работы не мы вели, – сожалела доктор Нго.

Докладывали на конференции мы, потому что там могли участвовать только лаборатории учебных заведений. Но готовили доклад мы вместе с Альфа-Вита и фирмой Протек-

тром. Ее тоже привлекла к работе над проблемой Альфа-Вита. Они обе были частными компаниями.

В длинном списке ссылок, добытом некогда Орестом, эти фирмы встречались. Но только теперь стало понятно, какую роль они играли.

*

Положив, что научные изыскания координировала Альфа-Вита, так как явление было обнаружено ей, Адиса теперь двинулся именно туда.

Фирма располагалась в Европе. Здесь доктору Адиса шикарно помогли Инга и Эви, которые со всеми остальными своими подельниками присоединились к движению Примула в виде четвертого штаба, названного Пыльцой. Хотя в их случае правильнее было бы их назвать не штабом, а крылом, так как они ни прежде не имели постоянного места размещения, ни теперь им не стали грешить. По старой привычке легко обосновывались в том городе, в котором что-то затевали. В остальное время пребывали по желанию.

Инге и Эви не впервые приходилось придумывать способ подобраться к некой фирме. Альфа-Вита была не самой большой целью в их практике. Распределив свои проблемы по помощникам и на будущее, к ним присоединился Глеб.

Однако, выяснилось, что компания уже давно фактически не вела каких-либо масштабных исследований, так как

на это нет средств, и большинство ее научных работников по разным причинам покинули ее. Кроме того, адаптироваться к новой инфраструктуре, сложившейся после начала столкновения, частная наука еще не успела. Оставшиеся люди работали в полупустой лаборатории. А то, что больше всего интересовало доктора Адиса, Глеба и Ингу, выявили ученые из Протектрома.

Сама Альфа-Вита, будучи сосредоточенной на фармацевтике, не вникала в научную подоплеку явления. Ее интересовала лишь возможность заставить медуз вернуться обратно в верхние слои воды, что позволило бы вернуть издержки на прежний уровень.

Главный вывод, который они сделали для себя по результатам работы с Альфа-Вита, состоял в том, что это явление имеет природу и источники, которые пока наука внятно объяснить не может. Кроме того, оно носит глобальный характер, так как этот вид медуз встречается еще в нескольких районах и везде ведет себя одинаково. А способов управлять или противостоять этому явлению пока еще не найдено.

*

Протектром раньше тоже располагался в Европе, но потом открыл филиал на Американском континенте. А со временем переместился туда полностью.

Круг поиска снова сузился. Но что и следующая нужная

компания тоже окажется на плаву, спустя столько лет и событий, казалось невероятной удачей. Хотя сама контора как таковая и не нужна, достаточно было бы найти хотя бы людей, кто работал над проблемой.

В Протектром с доктором Адиса Инга отправила Эвелину. Грех не сделать два дела за раз! Заодно она должна была встретиться с родными. Все-таки оттуда попасть к родным было гораздо ближе, чем из старого света. Глеб вместе с матерью тоже рванул за приключениями.

Нонна давно мечтала встретиться с Виолеттой. Она понимала, что этот раз может быть уже последним, и очень обрадовалась такой возможности.

После долгожданной встречи, оставив Нонну у Виолетты, Глеб, Эвелина и доктор Адиса направились в Протектром.

Прощупывать новых людей Эвелине теперь было гораздо проще, чем раньше, когда приходилось выслеживать человека: сколько он спит, как спит, спит ли вообще, сколько и что он ест и самое главное что получает на выходе... Теперь достаточно было молчания детектора, чтобы чувствовать себя спокойно.

В офисе Протектрома детектор срабатывал повсеместно. Только максимальное сближение с ними он показывал не на людях, а на предметах. Впрочем, два человека все-таки оказались фальшивками: директор и, как это ни подозрительно, единственный сторож, работавший каждую ночь. А это означало, что работать с фирмой напрямую, заручившись под-

держкой руководителя, не выйдет. Подумать краем мозга и оказаться на коне не получится. Придется стратегировать. За информацией нужно выходить непосредственно на ученых.

Приходилось действовать категорически осторожно. Среди потенциально адекватных сотрудников необходимо было найти самых потенциально надежных и при том ценных, опять же потенциально. Ошибка под носом у поддельного директора была недопустимой.

Эви попыталась наняться на работу в Протектром. Ее, конечно, не приняли, но в процессе собеседований она узнала много полезной информации. Сведения пригодились им для второго захода, идею которого позаимствовали у фирмы Альфа-Вита.

*

Директор Протектрома, представившийся Абелем Кранценом, был приветлив и обходителен, как голодный, но невыносимо достойный, кот. Он, не медля, распорядился, чтобы им приготовили чай.

Встреча проходила в уютном зале переговоров, который, благодаря обстановке, больше походил на небольшое кафе. В помещении вдоль трех его стен размещались декоративные перегородки из реек натурального дерева крест-накрест, обвитые мелколистной и разношерстной зеленью. Одна из перегородок ограждала зал от входной двери. Наружная стена,

за которой был небольшой балкон, была традиционно для офисных зданий прозрачной.

Глеб и доктор Адиса расположились на довольно солидных диванах за низким столом.

Глеб решил форсировать.

– Нам необходима компания, располагающая подходящим оборудованием и достаточными знаниями, для проведения ряда исследований. Прежде всего, нас интересует, насколько вы сейчас загружены? Сможете ли срочно и вплотную включиться в нашу работу?

– В настоящее время у нас есть несколько проектов, – уклончиво отвечал Абель. – Но мы располагаем возможностью переключить часть ученых на другую задачу. Это, конечно, зависит от ее характера.

– Я слышал, что у вас работают такие известные ученые, как Кандида фон Фляйсихь, Брижит Олейра де Соза, Демьян Штолоу, Сантьяго Ороско..., – Глеб перечислил несколько имен из группы, работавшей много лет назад над интересовавшей его проблемой. Эти имена были наиболее широко известны в узких научных кругах. К ним прибавил одного постороннего человека. – Мы заинтересованы в исключительном опыте и хотели бы, сотрудничать с ними.

– Из названных людей сейчас работает только один человек. Двое, к сожалению, уже ушли насовсем. А на счет профессора Ороско, он у нас никогда не работал. Демьян Штолоу, к сожалению, вернулся работать на родину в Германию.

Но, я позволю себе похвастаться, у нас достаточно молодых и очень хороших специалистов и помимо названных.

– Мы бы предпочли работать с опытными учеными старой закалки. Может, остались в штате другие люди?

– Обычно мы не оговариваем конкретных людей, которые будут работать. Ведь вы заключаете договор с компанией. Компания уже сама подбирает соответствующий персонал.

«Ну, что ж, разговор, я так понимаю, затянется, – подумал Глеб. – Ладно. Здесь достаточно приятное местечко. Если бы только рука не горела».

Детектор жалил руку непрерывно, при этом усиливался, стоило только пошевелиться на диване, и когда Кранцен начинал жестикулировать активнее.

– Это же не магазин, где не имеет значения, кто стоит на кассе? – возразил доктор Адиса. – В сфере науки личность имеет огромное значение.

Глеб и Адиса долго выводили господина Кранцена на необходимость обсуждения персоналий, преследуя единственную цель, получить имена всех, кто работал в группе, обнаружившей фон. При этом в разговоре как угодно старались обходить само это событие, и даже не допустить подозрения, что им интересно именно оно.

– Вы так тщательно изучаете людей! Но вы так еще и не сказали, к какой именно задаче желаете нас привлечь, – переключился, наконец, Кранцен к вопросу, который ему по понятным причинам был более интересен.

– Да, да, конечно! Мы же о самом главном-то не сказали, – сделал вид, что увлекся, Глеб.

На самом же деле он и Адиса намеренно прилагали усилия, чтобы эта тема всплыла только после того, как они узнают все необходимое.

– Позвольте, я обрисую проблему, – попросил слово доктор Адиса.

– Конечно. Вы это сделаете лучше меня, – охотно согласился Глеб.

Доктор Адиса начал что-то объяснять Кранцену на исключительно заумном научном языке про технологии флуктуации концентрации трансцендентной информации в пространстве, о достижении континуума при известных условиях, про расслоение дуализма на субнуклонном уровне... Он выворачивал такие обороты, что Глеб и Эвелина еле сдерживали улыбки, узнавая некоторые из фраз, услышанных и придуманных накануне.

«Ну, надеюсь, твоя легенда убедит этого господина Абе-ля» – подумал Глеб.

Втроем с Эвелиной они несколько дней пытались придумать правдоподобную идею, с которой можно было бы искать научного подрядчика среди подобных Протекторму. Девять из десяти идей Адиса рубил на корню, утверждая, что они не выдерживают научной критики. Глеб и Эви, не будучи учеными, вынуждены были соглашаться. Однако, в конце концов, именно их порой сумасшедший бред помог доктору

Адиса придумать правдоподобную концепцию.

Закончив ее детали, все трое отметили: «Как жаль, что все это нужно, только чтобы Протектром отказался от сотрудничества, по причине несоответствия профилю задачи».

Предлагая свою задачу, Адиса, Глеб и Эвелина надеялись, что Кранцену потребуется помощь, чтобы ее оценить, и он пригласит кого-нибудь из своих ученых для обсуждения. В этом случае даже, может, удастся вывести разговор в сторону и даже в нужную тему. Но Кранцен, по всей видимости, решил справиться с оценкой самостоятельно.

«Либо считает себя достаточно ученым, либо что-то подозревает», – думала Эвелина, анализируя происходящее.

При этом Глеб отметил, что во время научного блица усилилось ощущение жжения от детектора. В помещении, однако, ничего не изменилось, и никто новый не пришел. Появилось опасение, что подтягиваются силы за дверью.

«Заметили ли это остальные?» – думал Глеб, стараясь не подавать вида.

– Как дела, Пел?

– Спасибо, Нейт, типа, хорошо, – отвлеклась Пелагея от пульта связи. С минуты на минуту должен был отозваться Глеб. – А ты как? Давненько тебя... – интонация Пелагеи содержала не только дежурный вопрос.

– Типа, тоже. – Нейт догадался, чем именно она интересуется. – Не смотри на меня так, я не Бог, чтобы взять и так сразу сделать то, что все хотят. Работаем! Ты с каждым разом на меня смотришь все вопросительнее и вопросительнее! – несколько даже возмутился Нейт.

– И поэтому ты сюда наведываешься все реже и реже? – спросила Пелагея.

– Да ладно тебе! Просто у меня основная работа в лаборатории, ты же знаешь.

– Да я-то знаю, ты еще два с половиной года назад обещал через три месяца закончить свои основные лабораторные испытания, – улыбнувшись, напомнила Пелагея.

– Ну, было дело! – согласился доктор Браннекен. – Молодой был, неопытный.

– Ой! Не смей меня, – усмехнулась Пелагея.

– Тебя Глеб что ли снова об этом спрашивал?

– Спрашивал!

– У него-то самого что нового?

– А у него есть новости! После того, как Венец, конкретно, доктор Адиса, соорудили изолятор из медуз для медуз, Глеб сразу принялся разрабатывать план, чтобы поймать еще одного грифа и проверить на нем. Собственно план у них уже был давно. И ведь поймали! Как ребенка!

– Серьезно?! Во дают! А давно?

– Уже почти две недели! Смотри, снимки нам скинули.

– Вот! Видишь, Пелагея! – воскликнул Нейт. – Уже две

недели, а я до сих пор не слышал об этом! Из лаборатории потому что не выхожу даже!

– А новостей из лаборатории ней почему-то! – гнула в свою дугу Пелагея. – Вот смотри, – листала она фотографии. – Чего они только с ним уже ни делали, как только ни плющили, ни рвали. Но он всегда восстанавливает форму после снятия усилий.

– Убежать не пытается?

– Как ни странно, нет! Он вообще в отключке какой-то, – комментировала кадры Пелагея. – Даже когда они его не плющат, он стоит мертвым грузом. А в прошлый раз даже размазанный по полу пытался выгнаться и подняться.

– Так он просто не знает, что ему делать, – предположил Браннекен.

– Вот и мы все такого же мнения. Значит, изоляция работает, а собственного мозга или чего там еще у него нет.

Пока они рассматривали снимки, к ним подошли Тревор и Мигель, направлявшиеся покурить.

– Пел, ты снова этого дровосека изучаешь? Теперь Нейта им кормишь. Не надоело? – поддел он Пелагею.

– Надоело страшно, но чем больше я на него смотрю, тем мне страшнее становится, – ответила она. – Что это за дикота-то такая? Страшно оттого, что мы ничего супротив этого супостата поставить не можем!

– Как это, ничего?

– А что же, по-твоему?

– У нас уже есть детекторы!

– Уболтал, – снисходительно согласилась Пелагея. – Это все-таки уже что-то. А хотелось бы! – многозначительно посмотрела она на Тревора и Нейта. Тревор делал вид, что не очень понимает ее. – Да, да. Это и к вам вопрос, мистер Уайдшер.

– Мы работаем, милая, – уверил ее Тревор. – И с каждым днем, мы все ближе и ближе. Можешь спросить у Нейта. Мы уже шесть тестовых основ с ним испытали.

– То есть нужно понимать, что это шесть поколений основ. Каждую следующую мы дорабатываем. Как биологическую часть, так и программную, – уточнил Нейт.

– Основы, это которые они же споры. Я правильно поняла? – попыталась вспомнить что-то из прошлых скудных пояснений Пелагея.

– Да, Пел. Это одно и то же, – ответил Нейт.

– Просто вы каждый раз новые слова придумываете. Я только уточнила.

– Две даже были с подменами, – добавил Тревор. – А это уже шаг за финишным поворотом. Нам еще...

За их спинами на дисплее высветился вызов штаба Пест.

– Подожди, подожди. Это мы сейчас Глебу сразу и расскажем, – остановила его Пелагея.

Она приняла вызов, через долю секунды появилось изображение.

– Глеб, привет! Ты почему в штабе торчишь, полуночни-

чаешь? Не спится? – спросила она.

– Не спится, – угрюмо ответил Глеб. – У нас никому здесь уже не спится.

По виду и тону Глеба присутствующие в штабе Чаша поняли, что произошло что-то серьезное.

– Понятно, ну-ка, давай тогда выкладывай все, – потребовала Пелагея.

– В городе облава. Грифы просто кишат. Они пролезли все возможные в городе дыры и нашли нашу ловушку. Естественно, мы не смогли отбиться. Потеряли людей. Опять! В последний момент нам пришлось самим уничтожить оборудование. Иначе бы они, возможно, смогли разобраться во всем.

– Подожди, не торопись. Когда это случилось? – спросила взволнованная Пелагея.

– Вечером. Опять, наверное, можно считать, нам повезло, что мы там были не все. Это первые два дня никто не уходил, всех съедало любопытство и желание поиздеваться над грифом. А потом ночевали уже дома. А то потери были бы еще больше.

Нас еще насторожило, что грифов в городе стало много. Вот вчера у ловушки оставалось не более десятка человек. Меня днем там не было, а вечером я направлялся туда. Когда пришел... Только трое смогли убежать.

Глеб перечислил имена погибших. После этого все просто немного помолчали.

– Ребят, нам нужна ваша разработка, – наконец, продолжил Глеб. – Заканчивайте ее скорее. Я первый готов испытать ее на себе. Вы же мож...

– Первой уже обещала быть Пелагея! – перебил его Браннекен, подмигнув при этом Пеле.

– Даже так! – на лице Глеба проглянула улыбка. – Хорошо, я не настаиваю.

– Обещала, но не буду же я специально бросаться под поезд, чтобы... Завещать себя? Завещаю! – отозвалась Пелагея.

– Я так и знал, материала для эксперимента у меня гарантированного не будет, – сокрушился иронично Нейт.

Они встретились с Пелой взглядами и сказали друг другу таким образом больше, чем могли бы сказать словами. Обмен колкостями на этом иссяк.

– Вы же можете, – продолжил Глеб, – эти, как вы их там называете, споры или основы ввести так, чтобы они активизировались сами только тогда, когда я буду почти при смерти.

– Пока мы таких не разрабатывали, – задумался и ответил Браннекен.

– Ну, да, – подтвердил Тревор. – Все существующие прототипы активизируются сразу после ввода в организм.

– Какие прототипы? – возмутилась Пелагея. – Вы только что говорили, что у вас уже было шесть рабочих экземпляров!

– Да ты не так поняла, – начал пояснять Нейт.

– Что я не так поняла? Вы мне только что сказали, что тестировали шесть основ и две из них с подменами.

– Ребят, вы серьезно? И что, подмены целей удаются? – перебил Глеб, услышав о таких новостях. – Тогда это все меняет!

– Первая прошла лучше, вторая хуже. Пока не отработана методика и адресация, – ответил Тревор, как ведущий эту часть задачи. – А что именно это меняет?

– Это все меняет! – повторил Глеб. – И это очень кстати. Потому что нам и самим придется поменяться. Я имею в виду целиком Примулу.

– А в связи с чем? – поинтересовалась Пелагея.

– Мы здесь сейчас просто спокойно не можем ходить по городу из-за грифов. Тотальная подозрительность. Даже возле штаба уже один кружился. Причем не гриф. Мы его только по детекторам определили. После этого несколько дней вообще в штаб не ходили, чтобы не наводить на подозрения.

– Ну, грифов и у нас стало больше, – заметил Мигель.

– Может, их столько и было, они просто все вдруг повылазили? – предположила Пелагея.

– Может, и повылазили, только не вдруг! – отметил Глеб. – В полицейских участках у нас на допросах сидит огромное количество народа. Так что после случившегося, боюсь, нам придется менять политику безопасности в Примуле. Информация должна быть только у тех, кто с ней работает. И без

обид! – подчеркнул Глеб. – Это в общих интересах!

А если удастся подменять цели, то это очень хорошо. И пригодится на будущее.

Сейчас мы знаем, что можем изолировать одного грифа. Они нашли его далеко не так быстро, как в прошлый раз. И не просто пришли, зная куда, а тупо прочесывали весь город. Значит, мы сможем придумать, как изолировать всех.

– Не факт! – задумчиво возразила Пелагея. – На всю Землю покрывало не сошьешь!

– Адиса говорит, что нужно не изолировать всех, а воспроизвести этот их способ общения с большей мощностью и заглушить их сигнал, – ответил Глеб. – Они уже начали ваять какие-то проекты на эту тему. Если помнишь, мы когда-то уже убедились, что они передают друг другу информацию, не используя известные нам способы коммуникации.

– Да, да, я помню, – согласилась Пелагея. – Сканировали все возможные диапазоны. Но это было только ЭМИ. Мы же тогда решили, что мы на них зря зациклились.

– Господа, вы отвлеклись. Мы говорили о целях, и что они все меняют, – воскресил тему Тревор.

– Ну, да, – вспомнил Глеб. – Короче мы сможем использовать совершенно незнакомых людей, которые точно вне подозрений в связях с нами. И давать им задания. Цели придется выстроить таким образом, чтобы мы сами не знали исполнителей, они не знали нас и не знали вообще, кто им ставит цель, как все должно сработать и для чего они выполня-

ют это задание. В этом случае вероятность раскрытия операции существенно снижается.

– Чёсе! С тем, что никто ничего не будет знать, это ты, наверное, перегнул, – сказал присоединившийся к беседе Захар.

– Он, прав, – поддержал Тревор Захара. – Лучше, чтобы новая цель все-таки опиралась на внутренний мотив исполнителя.

– Тогда еще можно, чтобы и они друг друга не знали? – предложил Нейт.

– Но в этом случае увеличится количество контактов исполнителей с нами, чтобы все-таки передать задание и все необходимое, что понадобится, – развил мысль Аким.

– Личные встречи, может, желательно вообще исключить? – спросила Пелагея.

– Можно тогда передавать задания в письменном виде через условленное место. Место может быть частью цели, – двигался дальше Тревор, вникая в новую концепцию, одновременно продумывая возможность реализации, и постепенно находя в ней точки опоры. – Правильно я говорю, Мигель?

– Верно, цель может быть любой. Желательно, чтобы не слишком многоэтапной. Чем проще и понятней, тем лучше, – пояснил Мигель.

– Даже если и в письменном виде, то не открытым же текстом, – продолжил Захар. – А если шифровать, то есть опас-

ность, что кто-то не сможет понять и ничего не выполнит.

– Это снова вопрос к Тревору и Мигелю, – перевел стрелку Глеб. – Можно как-то решить вопрос конфиденциальности?

– Ой!

– Ааааааа!

– А!

– Йопсель!

– Это еще что за чухня?!

– Какого черта!

В течение всего пары секунд внахлест воздух пересекли разнохарактерные возгласы. Реакции выплескивались наружу в зависимости от эмоциональности и по мере холерико-флегматичности хозяина.

– Тихо все! Ни звука! – отрезал эмоции трезвый и четкий голос Пелагеи.

В полной темноте, еле шурша деталями одежды, народ шарился по карманам в поисках источников света.

– Не включать свет, – скомандовала негромко Пелагея.

«Успел ли уйти в микрофон хоть самый первый крик? Даже если и успел, то успел ли он пройти аналого-цифровой преобразователь, многочисленные переходы из одной области памяти в другую и ускользнуть в туннели оптоволоконка. Но даже если это успел, то протоколы гарантированной передачи пакетов должны были успеть обменяться контрольными суммами в подтверждение полноты переданных дан-

ных» – размышлял Нейл о том, могли ли хоть что-то успеть увидеть или услышать их друзья по другую сторону экрана.

*

Внезапное прекращение сигнала на несколько моментов ввели в неожиданность всех в штабах Пест и Венец. Сигнал упорно не возвращался.

– Ты что-то скажешь по поводу этого? – поинтересовался Глеб у Захара.

Тот уже полным ходом проверял всевозможные журналы и логи. Но объяснений не находил.

– Ошибок нет. Похоже на обрыв, – ответил он.

Поводов для нервов и так было достаточно. Поэтому неуспокоительных мыслей о причинах такого неожиданного обрыва связи было много. Глеб нервно расхаживал по помещению.

*

В штабе Чаша напряжение чувствовалось на кончиках волос каждого вот уже на протяжении пяти минут. Нервы заглушали звуки пульса у одних и обманывали осязательные ощущения у других. Было сложно понять, то ли это детектор создает легкое жжение на запястье, обнаружив присутствие их, то ли это собственные нервные импульсы пробиваются

через выступивший пот.

Накрученные вдобавок ко всему историями Глеба, люди смогли довольно долго просидеть на своих местах. Однако, в помещении без окон не приходилось ожидать, что разобраться в чем-то можно будет с рассветом. Спустя полчаса Пелагея все-таки отдала команду:

– Кто желает, можно расходиться по домам. Но не все сразу!

Времени, с тех пор, как Авдей живет у Деша, прошло не так уж много. Авдею, однако, казалось иначе. Просто для него оно тянулось шагами хромой сороконожки, несмотря даже на то, что здесь все было ново, необычно и даже до непечатных слов интересно. Авдей все же ждал поездку на загадочную Препрею. Он не мог ее себе представить абсолютно никак конкретно. Со слов Деша ему рисовался то образ параспецифического оазиса, то недопотерянной далекой дыры. При этом избавиться от комплекса, что его будут воспринимать как служника, ему так и не удалось. Но он, конечно, надеялся, что хотя бы это путешествие действительно развеет однообразие.

Однажды в конце асана Деш спросил Авдея:

– Как у тебя продвигаются дела с изучением нашей речи?

– Тяжеловато, – признался Авдей. – Произношение очень сложное. Да и самостоятельно изучать языки не просто.

– Тем не менее, нужно выучить. Иначе как ты будешь со всеми разговаривать? Здесь людей много. Но они все говорят, как мы.

Мы сейчас начинаем курсы пратиарийской речи для людей с первого промышленного запуска, чтобы их можно было интегрировать в общество. И ты мог бы с ними позаниматься. Да, кстати... Я только сейчас уточню...

Деш на время вышел, чтобы узнать у Рейпатеонда, передали ли Манкоа первые группы безсертификатников в центры. Рейпатеонд ответил, что уже в тот же арияд всех бодрствующих разместили в здешнем территориуме. Здесь они будут их готовить. А потом уже отправлять из Мантамы будут в центры других линий. Тысяча свободных единиц, по словам Рейпатеонда, оказалась весьма не лишней.

– Людей с первого запуска, – продолжил Деш, обращаясь к Авдею, – сейчас уже начинают переводить в центры обслуживания и отдыха для людей. Такие открываются везде, где внедряется принцип. Ты тоже можешь туда ходить. Они открыты для свободного посещения.

– Хм! Это здорово! – Авдей явно заинтересовался, но реагировал сдержанно. – Объяснишь, где это? Думаю, я уже смогу туда добраться самостоятельно. Это раньше я дальше первого спуска не отходил! А сейчас уже перестал бояться потеряться.

На следующий же арияд Авдей отправился в центр. Поскольку он был предназначен для людей, пик активности там приходился именно на арияд. Людям это время было более комфортным.

Авдей довольно легко втянулся в общение, соскучившись по человеческой речи. Особенно по родной!

– Там было много наших. Мы организовали свою общину, – рассказывал Макар, с которым они быстро нашли общий язык. – Но потом начался такой бардак!

Я хорошо помню встречу с Данилкой, – Макар заулыбался шире спящей на солнце лягушки, вспомнив, как они увиделись первый раз. – Он был первым, кого я встретил, и с кем смог, наконец-то, поговорить по душам. Помню, до чего же мы были рады видеть друг друга! Сейчас его забрали, говорят, на Танкуру. Хрен его знает, где это! – когда Макара пробивало на эмоции, мимикой и жестами он всегда говорил больше, чем словами.

Авдей стал часто посещать центр, каждый конжон, а иногда и несколько раз. Он там действительно отдыхал и, наконец, почувствовал какую-то поддержку, ощущение чего-то близкого, чего-то категорически своего, даже несмотря на то, что все люди здесь были совершенно ему не знакомы еще совсем недавно. Авдей и сам понимал, зная свой характер, что окажись он на Земле вот так же в компании этих людей, даже для простой беседы контакт между ними налаживался бы долго. Но как же сближает чужбина! И чем чужее она, тем сильнее!

Здесь же Авдей встретил Мехмета, с которым они с трудом смогли объясниться, в том числе с помощью картинок. Оказалось, что Мехмет так же, как и Авдей, попал на Прата прямо с Земли. Истории про бесконечные леса, коридоры, этажи, семечки и самоуправство, которые рассказывали

остальные, он не поддерживал на столько, что даже не верил в них. Но Авдей-то точно знал, что это реально.

– Ты продлила уже свой абонемент? – Спросила Грета Франческу, поправляя слегка растрепавшиеся на ветру волосы.

– Мне пока не нужно. Имилот Гигон сказал, что не возражает, если я буду посещать центр Манкоа, и разрешил мне взять абонемент на полсиклона. Он еще не истек.

Франческа помогла подруге заколоть волосы, видя, что та еле справляется сама с ветром, сумками и волосами.

– А я взяла только на один обиор. Сегодня продлю. Как думаешь, тоже на полсиклона продлить сразу?

– Конечно, если твой префер не возражает, – уверенно ответила Франчи. – Ты спрашивала у него?

– До этого я сколько продляла по обиору он не был против. Так что на полсиклона сразу тоже не будет.

– Как это так, ты за него думаешь? – возмутилась Франческа. – Я бы спросила, на всякий случай.

– Я тоже собиралась, – оправдывалась Грета. – Думала, что нужно, но Макар говорит, с чего это он будет против, если по инструкции нам положен спорт. Поэтому я не обязана каждый раз у него спрашивать. И вообще не обязана.

Франческа с такими взглядами еще никто не успел позна-

комить, поэтому она рассуждала с большей осторожностью.

Разговаривая, девушки как раз вошли в центр и сразу оказались замеченными Макаром. Он помахал им рукой.

– Привет, девчонки! – заулыбался во все зубы Макар.

Франчи и Грета тоже поприветствовали его.

Макар улыбался обеим, едва удерживая гормоны внутри своего организма. Он не сильно старался понять, кто ему больше нравится, так как его вполне устроил бы любой вариант.

– Ты как будто нас видишь еще до того, как мы войдем, – заметила Грета.

– Конечно! А вы как думали? Грета, ты не забудь, что...

К Макару подошел Изингома, и они о чем-то коротко переговорили, но Франчи и Грета не смогли ничего понять из их разговора. Макар вернулся к тому, на чем его прервали.

– Так, я хотел сказать... Грета, не забудь, что у тебя заканчивается абонемент, – с трудом выговаривая слова, напомнил Макар.

– А ты все помнишь? – удивилась Грета.

– Даже не сомневайся! – улыбнулся ей сияющий Макар, не забыв облагородить своим вниманием и ее немного более робкую или торможеную подружку.

– А ты про всех так помнишь или только про меня, – поддаваясь вольным манерам Макара, так же, как он, сверкая глазками, спросила Грета.

Макар и не думал теряться.

– Только про тебя одну! Одну тебя, тебя одну! – затаил он фразу на неизвестный Грете мотив.

– Кто это такой был? – поинтересовалась Франческа.

– Это Изингома. Старый знакомый. Но в центре он второй арияд только. Долго в себя приходил, – сострил Макар. Хотя на самом деле их просто группами выводили из состояния экономичного анабиоза, и Макару повезло, что он попал во вторую.

– О чем это вы так непонятно сейчас говорили, – продолжала расспрашивать Грета, – да так быстро, так забавно?

– Ага, не то, что с нами. Ты, я смотрю, так и не научился еще чисто говорить, – поинтересовалась Франчи.

– Я очень стараюсь, мои дорогие и любимые, – заверил ее Макар, – кошечки и ласточки, – добавил он на родном языке, только этого уже никто не понял. – Но, по правде говоря, язык сломаешь.

И Грета, и Франчи немного раскраснелись, когда Макар назвал их дорогими и любимыми. Такое проявление личного отношения для них было даже шокирующим. А слово любимый по отношению к людям вообще не употреблялось. Для Макара это, однако, было совершенно приемлемой манерой поведения. Ему даже понравилось, что девочек так легко смутить.

– А с ним мы просто говорили на своем языке, – пояснил Макар. – Так привычней и легче.

По секрету только вам скажу, что сейчас уже многие из

местных, я имею в виду только людей, тоже начинают говорить по-нашему. Это стало невероятно модно!

Макар смешивал пратиарийские и свои, когда не знал пратиарийских, слова, а своей интонацией добивался максимального эффекта любопытства. Ему это удавалось очень не плохо.

– Модно? Это как? – вытянулись в лицах девчонки.

– Ну, вы че? Модно! Это значит в тренде! Стильно! Круто! Типа не отстаешь! На волне! Ты лучший! Ты супер! Фешенебельно!!! – развернул, словно из золотой обертки, он последнее слово.

Грета и Франчи сделали вид, что им стало понятнее. Какие-то слова, как «на волне», произнесенные на пратиарийском, им были понятны, но только не в данном контексте. «Ты лучший» было, пожалуй, самым адекватным для девушек сравнением. Остальное воздействовало только на подсознание. Но главное, что им это стало еще интереснее!

– Ну, так, после занятий жду вас, продлить абонемент. Договорились? – Макар посмотрел на Грету.

– Да, давай потом продлим, а то сейчас уже почти начало. Нам нужно бежать.

*

В конце занятия, на котором быдлоподобно присутствовало около сотни человек, Грета спросила у тренера Эмили.

– Я несколько раз уже слышала, что ты и не только ты... Вы вот здесь говорите как-то не понятно. Макар сказал, это называется на своем... – Грета забыла слово и не договорила фразу. – Вы какие-то странные, не как все.

– На своем языке, – несколько высокомерно закончила недосказанную Гретой фразу Эмили. – Мы и в самом деле не как все, – уже не столько Грете, сколько просто вслух озвучила свои мысли Эмили.

Высокомерие, однако, по отношению к более уязвимым живым существам, а именно такими для себя видела Эмили клетсионских, не было ей свойственно. В ней оно проявлялось по отношению к тем, кто ничего из себя не представлял, но торчал во все стороны первым. А местные котята были настолько умилительны в своей наивности, что в Эмили невольно просыпалось ощущение себя выше на два подиума.

– Да, да! Макар так говорил, – узнала слово и обрадовалась как первоклассница Грета. – Как это?

– Как мне объяснили, здесь на Прата все говорят одинаково, то есть на одном языке. Просто у вас других языков нет, поэтому вы никогда и не задумывались о языках. У нас на Земле было много языков. Мы часто могли не понимать друг друга, так же, как вы сейчас не понимаете нас, когда мы говорим на своем языке. Как я не всегда еще понимаю вас.

– У вас на Земле...? – вопросительно протянула Грета, пытаясь представить, как это и, где это. – На Клетционе, может, ты хотела сказать?

– Не напоминай мне про эти отвратительно белые стены, мена колотит от них, – напряженно процедила Эмили. – Я говорю именно про Землю. Не знаю, как тебе это объяснить. Но это и не суть важно.

– А Макара ты понимаешь?

– Ну, нам пришлось научиться понимать друг друга, – усмехнулась Эмили. – С тех пор как мы оказались все в одном месте... По ощущениям, мы с ребятами обсуждали, уже прошло лет пять. Какой язык был знаком большинству, к тому все и потянулись.

– Франчи, слышишь пять «лет», – снова ликовала Грета, услышав знакомое еще одно слово, как будто первый раз увидела живой первый подснежник. – Помнишь, я тебе рассказывала, что мне, когда я уезжала в Большой мир, было двадцать пять лет. Так сказала дама Бэль. Она сказала, что и тебе и Матильде тоже приблизительно столько же.

– Это давно было? – небрежно спросила Эмили.

– Восемь обиоров назад уже, – ответила Грета.

Эмили попыталась прикинуть, но она располагала слишком малым количеством фактов, чтобы сопоставить эти цифры. Однако упоминание о двадцатипятилетнем возрасте слегка обдало ее ностальгией.

– Мне было двадцать шесть, когда это все началось, – задумчиво ответила Эмили. – Ну, приблизительно мы с вами одного возраста, значит. Хотя, мне кажется, вы чуть моложе.

– Эмили, а Макара еще говорит, что сейчас модно гово-

ритель, как вы, – продолжила тему Грета.

– Да?! – удивилась Эмили. – Ну, если так говорит Макар, значит, это так и есть.

А сама Эмили подумала, что Макар опять что-то затевает.

– Только мы так и не поняли, что такое «модно», – призналась Франческа.

– Как вам сказать, – выдохнула и задумалась Эмили. – Если модно так говорить, значит, нужно учиться, – не стала она передавать скептические оттенки этого слова.

– Я же тебе говорила, – обрадовалась Грета, что она почти правильно догадалась. – Все. Тогда мы будем учить.

– Ты стала, почти как Матильда, – завопила Франческа.

Девушки втроем тем временем спустились на первый этаж центра. Франческа обратила внимание, что много людей собралось у входа в видеозал, и почти никто не направлялся к выходу. Пока Макар оформлял новый абонемент для Греты, Эмили поинтересовалась у него.

– Ты чего это Макар девчонкам голову морочишь всякими словами, типа, «модно». Ты их так заинтриговал, что они решили учить наш язык.

– Серьезно? Отлично! – отчеканил Макар. – То, что нужно!

– Ты что ли учить-то будешь?

– Ты же не хочешь! – напомнил ей с легким укором Макар.

– Да какой из меня учитель. Я спортсмен с головы до ног, – ответила Эмили. – Ты так на Грету смотришь, я догадыва-

юсь, чему ты ее научишь!

– Кто знает, кто знает?! – заулыбался Макар. – Может, и я чему хорошему научу. Нам никто ничего на этот счет не запрещал. Может и тебя научить? – подмигнул Макар.

– Кобель! – фыркнула Эмили.

– С головы до ног! Так же как ты, красавица, – спортсмен, – отпрезентовался Макар. – Всегда к Вашим услугам!

«Коза, по глазам же вижу, что хочешь! Че тогда козишь-ся-то?» – подумал, прищурившись, Макар.

– А язык будет читать Майкл, – добавил он.

Грета и Франческа с интересом слушали их, не понимали, но тоже улыбались, особенно в ответ на улыбки и взгляды Макара.

– Майкл? Я же тебе говорила, он еще тот тип! – предостерегла Эмили.

– А что делать? Ты не хочешь, я плохо знаю. У нас выбор не большой. Ничего. Мы с ним договорились. Плюс он еще и в местный неплохо въехал. У него отлично может получиться.

– И что ты ему пообещал? Или он за так? – не веря в это, уточнила Эмили.

– Все нормально, мать! Это не главное! Тебе самой не противно ломать язык?

– Да ладно тебе! Говорить не противно. Противней нифига не понимать! Поэтому учу.

– Вот! Ты представляешь, когда мы все заговорим на сво-

ем, как этим пратиарийцам будет противно?!

– Что ты против них имеешь?

– Что я имею «за»?! Вот в чем вопрос!

– Вот и все, лапочка! – Макар отдал Грете ее карту. – Я с нетерпением буду ждать вас каждый раз! – Он прямо таки отыграл небольшую репризу. – Слышал, вы решились изучать наш язык?

– Да, да, – поспешила подтвердить Грета. – Такой смешной и даже интересный!

– И гораздо проще местного. Уж поверьте! Сегодня звезды складываются исключительно в вашу пользу. Скоро закончит заниматься еще одна группа аэробики, и начнется урок. Пока можете пройти в зал, вот, где скопился народ. Занимайте места.

Грета еле утащила с собой Франческу.

– И давно ты уже тут ведешь агитацию? – поинтересовалась Эмили.

– Не очень. Ну, как Майкла к нам дали. Но, – добавил Макар, указывая на Грету и Франчи, – боюсь, если эти со всеми не потянут, то уже придется вторую группу открывать. Майкл говорит, что разных всех вместе тяжело будет учить.

– Слушай, ну интересно даже стало, – призналась Эмили. – Пойду сегодня, посмотрю на это шоу.

– Давай, давай! Потом расскажешь. Мне кажется Майкл молодчина. Делает то, что нужно!

Найдя небольшую точку соприкосновения, Эмили и Ма-

кар разошлись.



То, что в результате увидела Эмили, было действительно представлением. Возвращенный на слащавой рекламе телемагазинов, Майкл даже без педагогического и психологического образования, точно знал, как нужно действовать. Тем более что паства, хоть и выглядела взрослой, но в общей массе еще не переросла сознания начальной школы, а манипулятором Майкл был о природы одаренным. Эмили не была удивлена спектаклем. Она была впечатлена, поражена, и влюблена в это искусство, что еще более насторожило ее в отношении Майкла.

– А теперь после грамматической части, – говорил Майкл, – мы, как и на предыдущих занятиях, познакомимся с некоторыми новыми словами. Сегодня у нас будут немного сложные, но очень важные слова.

Итак, первое слово на сегодня это «свобода», – Майкл при этом слове раскинул руки в стороны, встряхнул головой и прикрыл глаза, словно ощущая всем телом магию этого понятия.

«И этот талант ты наверняка бездарно топил в бутылке, – подумала Эмили, оценивая опыт общения с Майклом, его вид и манеры, – работая в какой-нибудь дыре пронирой, стараясь отмутить себе все, что возможно, лишнее».

– Повторяйте «сво-бо-да», – не стесняясь, практически кричал Майкл, растягивая слоги. – И сразу в сочетании со словами с прошлых уроков «я люблю свободу!» Еще можно сказать «я свободен!»

Что же это значит «сво-бо-да»? Это когда ты делаешь то, что тебе хочется, никто тебе не приказывает, никому не подчиняешься, ни перед кем не отчитываешься, – членораздельно рассказывал Майкла, стараясь донести каждую каплю смысла и чувства. – Свободу нужно осознавать. Ее нужно чувствовать, ее можно даже вдыхать! Как я. Я свободен! – снова крикнул он и, вдохнув полными легкими, закружился на одной ноге, раскинув руки в стороны. – На Земле все люди были свободными!

Майкл объяснял смысл слов воодушевленно, эмоционально. Но объяснять на пратиарийском ему, конечно, было трудно.

Следующее слово «рабство», «раб-ство». Это слово по смыслу прямо противоположно предыдущему слову «свобода», – сразу пояснил Майкл, сменив интонацию на негативную, жесткую, враждебную. – Это угнетение, давление, контроль одного за деятельность другого. Это когда тебе могут приказать, а ты не можешь отказаться, когда кто-то может вам что-то запретить, когда ты не можешь ничего сделать без чьего-то разрешения. Люди всегда боролись с рабством. Они всегда хотели быть свободными. И они добились этого! Люди имеют право быть свободными.

Вот и новое слово «право»...



Когда Майкл разогнал толпу граждански неграмотного пластилина, Эмили захотелось поговорить с Майклом и Макаром. У нее просто горели глаза. Она действительно была поражена и искренне хотела поделиться впечатлениями.

Традиции стали складываться уже и здесь. По обыкновению после занятий, людей не перекроить никакими новыми мирами, они собирались в своем крыле центра Манкоа в чайной. Эмили влетела в комнату, надеясь найти здесь остальных. Майкл сидел, развалившись на стуле, испытывая его последнее терпение. На столе стояла полупустая чашка таойи.

– Что делаешь? – поинтересовалась она.

– Тебя жду, красавица! – в интонациях Майкла не забыли отразиться их несколько напряженные с ней отношения.

– Меня? – удивилась Эмили, на этот раз с некоторой добротой в интонации.

Практически вслед за Эмили пришел и Макар.

– Конечно, тебя? – Майкл остался в своем образе. – Сиджу, жду. Чай уже весь выпил, печеньки сгрыз. Даже ногти сгрыз, – гыгыкнул он.

Воодушевление Эмили помогло ей пропустить мимо этот сарказм. Она не огрызнулась язвенно, как обычно, на подобные заходы Майкла.

– Не чай. Это таойи, – поправила она его. – Местные так называют.

– Да мне намотать, как они его называют! – усмехнулся Майкл.

– Я тоже все называю просто чаем! – поддержал его Макар. – Язык еще ломать!

– Ну, вы же не называете кофе чаем? – Эмили не успокаивалась.

– Это исключение. А все остальное чай: чай из смородины, из мяты... – продолжил Макар.

– Ладно, это не важно. Ребят. Я что хотела вам сказать! Я просто реально в шоке, оттого, что вы делаете! – перебивая себя, говорила Эмили.

Но в ее голосе не было возмущения. Она действительно была удивлена и впечатлена. Это впечатление даже на какое-то время заглушило давно сложившееся настороженно-холодное отношение Эмили к Майклу и минимально серьезное к Макару.

– Конечно! А ты думала, мы тогда просто поговорили, посмеялись и все, сложили ручки? – почти возмущился Макар. – Ты это слышал, Майкл! – толкнул он его в плечо.

– Честно говоря, думала, – нехотя, но призналась Эмили. – Ну, в крайнем случае, думала, из этого выйдет что-нибудь нелепое, – продолжила она, интонацией давая понять, мол, она признает, что ошибалась. – Что вы планируете делать дальше? – интересовалась она.

– Погодь, мать, – отмахнулся Майкл, с видом, что он занимается более срочным и важным на данный момент делом. Он заканчивал ковыряться в шкафах и котелках. Но все-таки не выпадал из беседы, между делом выдавая смачные оценки. – Видя, как податлива эта серая масса клетсионцев, у меня воодушевление с каждым занятием зашкаливает все больше и больше.

– Так что мы пока еще не выбрали окончательно, что мы хотим с ними сделать! – продолжил мысль Макар.

– Но с каждым разом я оказываюсь все более голодным! – гыгыкнул Майкл, перенося на стол тарелки с едой. – И вас приглашаю отужинать.

– С удовольствием, – поддержал его Макар.

– Присоединишься? – любезно, но слегка язвенно, предложил Майкл Эмили, непривыкший к ее расположению.

– Да пожалуй, – не отказалась она, что для Майкла было скорее неожиданно.

– Тогда желаю вам полета воображения, чтобы эта местная, так сказать, еда показалась вам изысканным обедом в шикарнейшем ресторане, – даже сам от этих слов закатил глаза Майкл.

– Тогда еще притупления вкусовых ощущений пожелай, – отшутился Макар. – Спасибо.

– Спасибо, – Эмили была более сдержанной. – Так к чему же вы все это ведете? – вернулась она к исходной теме.

– Мы, солнышко, убиваем сразу двух зайцев, – не скрывал

гордости Макар за то, как им удалось реализовать первые шаги. – Во-первых, они выучат наш язык, и нам станет легче с ними общаться. А во-вторых, Майкл научит их жить...

– Они же вообще наивные! – перебил его Майкл. – И они же здесь просто рабы!

– Только они этого не понимают! – добавил Макар. – Но мы сделаем из них настоящих людей.

– И нам самим здесь станет не так скучно, – добавил перспектив Майкл.

– А сейчас тебе скучно что ли? – удивилась Эмили.

– Киска! Мы с тобой уже сколько вместе там по коридорам скитались, здесь типа при деле сидим, за еду вкальваем...? А ты до меня дотрагиваешься, только когда мне по рукам бьешь. Я не понимаю, как ты столько времени с этим справляешься?! А еще спрашиваешь, не скучно ли мне!

– Кобель ты, – ехидно-надменно, но по-доброму, улыбнулась Эмили.

– Что поделать! – даже не обиделся Майкл. – Но у каждой сучки тоже хотя бы раз в год должно просыпаться желание! – не стесняясь намеков, продолжил он, сверля Эмили сладким взглядом во все эрогенные места сразу.

– Уже совратил кого-то из местных курочек? – усмехнулась Эмили, обходя словесный выпад Майкла.

– Допустим, нет. Но это вопрос времени. Поверь! – Майкл говорил, будучи абсолютно уверенным в силе своего кобелизма. И какая-то одна непробитая юбка в лице Эмили ни-

сколько не снижала его самооценки. – Так что, мать, смотри. Пока у тебя конкуренток не много.

– Расслабься, падре²²! – брызнула Эмили. – Ты, можно подумать, последний мужчина!

Майкл неожиданно снизил тон нападок. Эмили удалось и его за что-то задеть.

– Да. Нормальную бабу среди этих курочек не найти. Ты права, Эмили, – опустив глаза, произнес он. – Но и нормального мужика себе среди местной мебели ты тоже не найдешь! – нашел на чем отыгаться Майкл.

– Так, стоп! – неожиданно вмешался Макар. – Давайте не будем сливать серьезный разговор в подштанники! – Майкл не зли Эмили. Она нужна нам.

– Да. Без тебя, Эмили, нам будет сложнее, – признал Майкл.

– Ты, кстати, тоже могла бы свои занятия дополнять полезным содержанием, – поспешил предложить Майкл. – Легко..., не навязчиво...

Эмили задумалась.

– Я могу, например, акцентировать внимание на том, что упражнения следует делать не четко, как я говорю, а так как они хотят, как им удобно... Что это их тело...

– Ты тоже схватываешь на лету, мать! – поддержал ее Макар.

Новый раз такую фамильярность, перерастающую в бес-

²² (итал.) отец.

церемонность, Эмили не смогла пропустить в ворота и огрызнулась.

– Какая я вам мать? – фыркнула она.

Но беседа не потеряла на этом конструктив.

*

Затея с распространением земного языка нашла отклик у многих людей. Чем больше людей втягивались в эту модную тенденцию, тем больше приходило новичков.

При случайных встречах на улицах, это им рекомендовал Майкл, как часть обучения, между собой они старались говорить на земном или, как его еще иногда называли, людском или человеческом.

Майкл специально стал употреблять эти слова чаще чем «земной», считая, что они больше несут объединяющего смысла, точнее конкретизируют идеи единства людей, отличия от пратиарийцев и, самое главное, не просто отличия, но противопоставления.

*

– Макар, ничего не поделать, – как-то заявил Майкл. – Придется тебе тоже обучать. Хотя бы самым азам, в самом начале. Слушателей и групп становится много.

В чайную вошли Эмили и Изингома. Макар любезно

предложил им таойи.

– Пряма вот только заваренный! – сообщил он.

– Обязательно! – сухо согласилась Эмили.

Сегодня был не ее день, как ей самой казалось. Она с самого восхода Сиклана выглядела раздраженной.

Изингома в свою очередь любезно предложил всем искурить сигару, скрученную из чего-то нового. Он тоже нашел своих поклонников.

– О! Эмили, ты как раз вовремя, – перевел стрелку Макар. – Майкл говорит, что не справится с таким количеством групп сам. Просит, чтобы хотя бы азам кто-то учил.

– Ты же оценила нашу затею! – поддержал его Майкл.

– Так сам-то, не можешь помочь? – натянуто ответила Эмили Макару, пытаясь все-таки уйти в сторону.

– Я же сам плохо знаю ваш язык, не грамотный, считай. Я сам хожу на занятия к Майклу, – оправдался Макар. – Ну, научу неправильно, потом переучивать. Я могу научить своему языку. Только какой смысл. А Изингома что скажет? Ты местный уже освоил?

– Уже лучше. Я бы с радостью, ты же знаешь! Только я, как и ты. Родному бы языку... – ответил тот.

– Нет, Эмили. Придется все-таки тебе. Соглашайся. Дело-то нужное! – подключился Майкл, начиная интонацией залазить глубже, чем словами.

Эмили действительно видела в этом смысл. Большой, причем, даже не в распространении языка.

– Я понимаю, что с изучением языка, человек впитывает и нечто другое. Уж, по крайней мере, одновременно можно привить очень много нужного нам, но... – как могла, тянула время Эмили до момента, когда придется соглашаться.

– Вот видишь, Эмили. Все понимаешь! А ты говорила, что местные люди какие-то инопланетяне, ни рыба, ни мясо, – продолжил рассуждать Макар, вменяя Эмили свои же слова, с которыми, правда, Эмили соглашалась. – Оказалось, нет. Как раз мясо! Такой же пипл, привуший в управляемом тренде.

– Ты знаешь, о чем я думаю? – спросила Эмили?

– Конечно, знаю. Ты же знаешь, я согласен! – многозначительно улыбнулся Макар.

– Тьфу! Самец весенний! – выдавила Эмили. – Я не об этом!

– Я понял, не сегодня! Скажешь, когда будешь в исступлении! – подлил масла в настроение Эмили Макар.

Эмили проглотила намеки Макара, но уже с большим трудом, чем первые.

– Вот чего вы так беситесь? – продолжила она. – Здесь ведь все, как и у нас. Почти. Вот даже мы пьем этот таойи. Вкус своеобразный, конечно, но по своей форме и сути легко узнаваемое земное.

– Есть большущее «но», – возразил Майкл. – Здесь мы все-таки не дома. По крайней мере, я не ощущаю себя дома. А кто-нибудь ощущает?

– Нет, – ответил даже немногословный Изингома.

Остальные согласились с ним.

– Кроме того, здесь есть другие свои. И они, уверен, тоже не считают, что мы здесь дома, – добавил Макар. – Я тебя не узнаю! – возмутился он. – Рассказывали, что в Белатории ты была первым реформатором и зачинщиком!

– Там мы пытались во всем разобраться, чтобы выжить. Там мы даже не знали, чем можно питаться. А здесь мы думаем о том, как все сломать, и говорим людям, что то, во что они верят, на самом деле не так. А им было ли плохо?

– Хорошо! Пей свой таойи! – вспыхнул Майкл, но обошелся приличными формулировками. – И пускай пратиарийцы за тебя решают все, что ты будешь, и чего не будешь делать завтра!

– А знаете, что мне сейчас очень хочется узнать? – спросил Изингома, предпринимая попытку немного сменить тему и охладить дискуссию.

– Ну-ка, ну-ка? – охотно заинтересовался Майкл.

– Я когда сюда попал, здесь же было много наших: Тадеу, Деви, Ванесса, Арамаан, Сабира,...

– Арамаан и сейчас здесь, только все время где-то пропадает, – перебил Макар. – Он какой-то непонятный, если честно.

– Я помню, что он здесь, я просто вспоминаю людей. Еще Рамеш, Витарр, Карла, много еще кого. Мы вместе с ними еще все это придумали, они тоже одобрили нашу стратегию.

Потом некоторых перевели в другие центры. А вот интересно, они там смогли так же продвинуться?

– Ах! Карлу жаль отпустили! – вспомнил с ностальгией Майкл. – Эх, ее фанданго!

– Сиди! Фанданго! – успокоила его Эмили. – Она от тебя и сбежала! – Даже Макар ее так не достал, как ты.

– Тебе-то, конечно, сиди! Ты так не сможешь, – подначивал ее Майкл. – Как она бедрами, энергично. Ух!

– Зато я с локтя могу. Честно! Тоже энергично! В пух! – шутила серьезно, ответила Эмили.

– Хорош, тебе! – возмутился Майкл. – Можно подумать...!

– А ты прав, Изингома. Ты большой стратег, оказывается, – согласился Макар. – Ты и на Клеттоне, помнится, крутился в политике. Политика ведь великое дело!?

– Политика – это только лишь одним из видов проституции! – ухмыльнулся в ответ Изингома.

– Это как еще? – чуть не захлебнулся смешками Макар.

– Да просто. Где-то нужно дать, а где-то нужно драть! – откомментировался Изингома.

– Ты не так прост! Хоть и черный! – прищурился Майкл.

– А ты что-то имеешь к черным? – огрызнулся Изингома.

– Не нервничай. У нас общие цели, – поспешил загладить неосторожность Майкл.

– Знаю я ваши общие цели! Ровно до вскрытия банковского сейфа! – Изингома напротив не стремился нивелиро-

вать остроту, выстраивая какую-то свою тактику.

– Стоп! Не кусаться! – крикнул Макар. – Мы остановились на том, что нам как-то нужно уже связаться с нашими в других центрах. До чего там они успели доработаться? Думаю, у местных должна быть связь.

– Можно узнать у главного, – подсказал Майкл.

Деш несколько раз рассказывал Авдею про Препрею, о линиях, которые кружатся вокруг почти угасшей Асаны, и вместе с ними Сиклан, что заменяет им Солнце, и маленькая, но яркая, Эйвена, о Канисе и о Танкуре, тень которой преждевременно обрывает арияд на Калипре на широте Мантамы.

С Сикланом и Танкурой более-менее было понятно, их было видно с Калипра. Последнюю приблизительно как Луну с Земли, подыскивал себе аналогии Авдей, чтобы уяснить и увязать все новое, все-таки он был археологом, а не астрономом. Только Танкура не меняла своего положения, в отличие от Луны. Асана представала мутным расплывчатым найвоновым пятном каждый асан и невероятно огромной Луной, но с расплывчатыми краями, в арияд. А все остальное...? Разве это можно было себе представить со слов! Тем более, представить правильно!

И вот, они, Деш с детьми и Авдей, наконец, собрались в поездку, и они покинули старты. Впереди их ждала Препрея

– одна из планет третьей линии.

Деш взял места специально в хвостовой части гона, чтобы получить самую лучшую возможность обзора всей системы Прата. Майол взялся комментировать то, что открывалось взору, поглядывая на Деша, чтобы тот поправил в случае, если он сам что-то напутает. За окном гона существенно потемнело, но не до полной темноты.

– Потому что здесь есть атмосфера, – пояснил Майол.

– В космосе? – удивился Авдей.

– В космосе, это имеется в виду, что мы за пределами атмосферы Калипра? – уточнил Деш. Авдей кивнул. – На Прата слабую атмосферу формирует вокруг себя Асана. Вокруг планет она, конечно, плотнее, но есть и за их пределами.

– Сейчас мы проскользнем между Калипром и Танкурой, – перебил Майол. – И с той стороны из-за Калипра появится Канис. Потом еще Порифий, Ортена, а со стороны Танкуры появится Майтарис! Я их тоже еще никогда не видел! Просто знаю, что они должны быть.

Гон набирал скорость, и слова Майола на глазах становились реальностью. Сначала Калипр и Танкура засветились на фоне Асаны, потом они увидели другие планеты.

– А вот еще смотри, сиклановые леса, – обратил внимание Майол.

– Да, да, помнишь, я тебе говорил, что они выглядят еще более впечатляюще, чем ветки под нашими живыми дорогами? – напомнил Деш Авдею.

Авдей сравнил вид из окна с бородами лианами в станции. Действительно, это выглядело похоже. Но гораздо более эффектно, особенно при осознании, что это в планетарном масштабе. Сиклановые леса некоторых планет как бы свисали в направлении радиусов Асаны в космос. Крошечный гон словно только-только выпутался из них.

– А не у всех планет такие леса? – спросил Авдей, оглядывая появившиеся в поле зрения планеты, образующие линии.

– Только у тех, что в синхронном вращении с Асаной, – пояснил Деш. – Иначе леса не вырастают такими высокими, да и растут по всем направлениям приблизительно одинаково.

– Всё. Планеты удаляются, удаляются, – с легкой грустью сказала Фиея. – А потом они станут просто светящимися точками. Звездами.

Майол и Фиея действительно впервые покидали Калипр так надолго и так далеко. И их детские глаза горели еще сильнее, чем глаза Авдея, который этого не только никогда не видел, но и никогда об этом не слышал. Для детей же это было оживление картинок из учебников.

– Здесь звезд, кстати, почти нет. Когда ты уходил на работу, я разглядывал небо и почти не видел их, – поделился наблюдениями Авдей. – Немного, и тусклые.

– Их очень много на самом деле, – ответил Деш. – Если ты отвлечешься от Калипра и Танкуры, то уже увидишь их.

Просто на Калипре на широте Мантамы их плохо видно, они теряются в свете даже в Асановых сумерках.

– Расскажи мне еще раз о них, у меня, видимо, не все срослось в голове от прежних разъяснений. Почему у вас почти никогда полностью не темнеет?

– Из-за постоянного рассеянного остаточного света Асаны. Свет рассеивается ее же атмосферой. Она довольно далеко распространяется. Атмосферы планет его частично пропускают. Полностью темно бывает только на внешнем полюсе. Мы там однажды с детьми были, но в арияд, – пояснил Деш и добавил. – Как будет возможность, постараемся туда попасть на все выходные, чтобы и асан захватить.

Звезды теперь действительно были видны. Тем временем гон отошел от своей линии довольно далеко. Линия повисла в пространстве, опоясывая Асану жемчужным ожерельем, к почти каждому камню которого крепилась уже едва заметная тонкая подвеска сиклановых лесов. Казалось, что они тянутся за гонем, пытаясь ухватиться за него. Одновременно другие линии приобрели понятные очертания, высветившись звездными кольцами вокруг Асаны и образуя все вместе диск. Впрочем, некоторые кольца лежали выше диска, а некоторые ниже. Дети прилипли к окну и руками, и глазами.

– Это те самые линии? – уточнил Авдей. – И некоторые стоят в наклоне?

– Да это линии. Две из внешних линий, тех, что полностью сейчас не видно, они продолжают еще с той сторо-

ны, – Деш провел рукой круг через направление, куда двигался гон, – находятся в наклоне. Почти все линии заселены уже.

Авдей, конечно, был поражен масштабами системы Прата и ее видом.

– А сколько же у вас население? – спросил он.

– Если прикинуть так, чтобы тебе стало понятно, на Калипре население в пять раз меньше нынешнего населения Земли. Только, пожалуй, стоит учесть, что с того момента, как ты попал сюда, оно в полтора раза выросло, а потом упало втрое. А еще есть, это только ближайшие к нам, Танкура, Канис... Только в нашей второй линии больше сотни заселенных планет. Но Калипр и вся вторая линия не самые населенные. Самая заселенная первая линия. А вообще заселены уже восемнадцать линий и еще четыре заселяются.

– Калипр, получается, меньше Земли?

– Нет. Калипр больше.

– А население меньше?!

– Земля просто перенаселена.

– Ну, конечно! Нам-то вы Танкуру не сделали! Одна бестолковая бездыханная Луна! Приходится ютиться! – посетовал с улыбкой Авдей.

Деш тоже улыбнулся по поводу слов Авдея о Луне и ее, якобы, бестолковости.

– Население на Земле, ты говоришь, сократилось втрое? А от чего? – переспросил Авдей.

– Там идет... – Деш замешкался со словом. – По-вашему это будет называться война.

– Какая война?

– В прямом смысле. Война.

– Очередная мировая! Это какая уже, третья, пятая?

– Ну, если ставить их в один ряд с первой и второй, которые ты, скорее всего, имеешь в виду, то это не те войны. Таких войн Мита больше не допускали.

– Если я еще что-то помню, мы и сами уже не допускали их, – пробежался мысленно Авдей по известной ему новейшей истории.

– Совершенно, верно, – подтвердил Деш. – Вы считали, что это решение ваших политиков.

– А что не так? Они что, до власти дорвались? – съехидничал Авдей.

– Да. Управление в их руках.

– Это как они интересно прорвались туда? Они одурманили весь народ? Туда и люди-то не всякие могли пройти!

– Ты говоришь так, как будто это очень хорошо, – несколько удивился Деш.

– Эта система все-таки оправдала себя, раз распространилась по всем миру. Все-таки благодаря ей мы чего-то да достигли!

– Единственное достижение вашей доминирующей политической системы – это относительный мир в тех областях, где она имеет устойчивую форму. Но там народ уже не пра-

вит! Поэтому обычным людям приходится воевать с другими обычными людьми.

– Но теперь-то люди воюют с Мита!

– Да. Это не удивительно для людей.

– То есть Мита все-таки отошли от своей задачи сохранения источника знаний? – с некоторым сарказмом выдавил Авдей.

– Войну начали люди, – возразил Деш. – Хотя люди считают иначе. А потери населения – это тактический просчет Мита. Но иначе они поступить тоже не могли. Фактически Мита людей не истребляли. Люди сами себя начали уничтожать. Мита не могли этого предугадать и не смогли остановить. Для Мита, в конечном итоге, эти потери не важны, так как процесс, который их интересует, не остановился.

– Но я на Земле, – стал вспоминать Авдей, – ничего подобного не заметил. Ни дыма, ни руин, ни взрывов, – он припомнил странные блики, которые плавали вдоль таинственного меридиана. Но они уж как-то не глобально себя вели, да и прекратились довольно быстро. – Я, конечно, не каждый квадратный метр разглядел, но если все так глобально, должно было быть видно.

– Война вяло текущая. Без активных действий. Мита дезорганизует общество и подавляет любые признаки агрессии. А то, что удастся предпринять людям, по большому счету не способно произвести значимые потери для Мита, – пояснил Деш.

Потом он посмотрел в окно, потом на информационное табло гона и добавил:

– А теперь сядьте-ка правильно, – обратил внимание Авдея и детей Деш, – скоро будем переходить световой барьер.

– Это же не возможно! – уверенно заявил Авдей.

– Если бы это не было возможно, Мита бы никогда вас не нашли, – возразил Деш.

– Не уверен, конечно, на сто процентов, я не физик, но, кажется, это один из постулатов.

– Постулат – это предположение. Все выводы, сделанные потом, верны только в рамках данного частного случая. Я тоже работаю в другой области и не все тонкости знаю. Но, тем не менее, таких способов несколько. Вы просто еще не успели их открыть.

Попробую найти объяснение попроще. Самый простой, насколько я знаю, основан на фокусах с гравитацией, что позволяет резко ускориться или замедлиться. Плюс, если не просто отталкиваться от волны света, а глиссировать на ней, в гравитационном поле... Но это, кажется, применяется только для стартового разгона. А, может, нет. Не уверен.

Припоминаю еще одну теорию у людей, где число тысяча было определено, как самое большое их конечных. В ней тоже все было стройно и красиво, доказывались теоремы. Но ты же понимаешь, что эти две теории суть одинаковы, – привел пример Деш, заметив удивление Авдея, по поводу теории о числе тысяча. – Можешь поискать ее в сетях Земли.

– А Интернет здесь тоже доступен? – уточнил Авдей.

– Да, здесь доступен. А на Земле сейчас закрыт и не развивается. По земным меркам уже несколько лет.

Обратно, кстати, – добавил Деш, – мы вернемся гораздо быстрее. По-видимому, потому что туда мы противостояим гравитации Асаны, а обратно просто подчиняемся.

– А во сколько раз быстрее скорости света мы движемся?

– Был бы я у руля, я бы сказал. В сотни, тысячи, может миллионы! Это мы еще не на самом быстроходном гоне. А то бы мы даже не успели разглядеть нашу систему.

– Если вы можете двигаться с такими скоростями, вы выходите за пределы своей системы? Исследуете пространство?

– Там ничего интересного для нас нет. А ресурсов нам пока хватает в пределах системы Прата.

– Уверенность, лишённая оснований! – как ученый, запротестовал Авдей. – «Ничего нет!» – иронично повторил он. – Вдруг там есть какая-то жизнь?

– Не лишённая! Нет совершенно никакого внешнего информационного тона. Значит, нет и процесса.

Когда вас не было, не было и тона, когда вы появились, вы стали создавать события, информацию, появился ваш тон. В него можно вникать и таким образом знать, что происходит, что есть.

Ты думаешь, я тебе рассказываю о событиях, происходящих или происходивших на Земле, так это я все знаю. Нет. Я настраиваюсь на ваш тон и то, что нахожу, пересказываю те-

бе. Масштабные исторические события чувствовать не очень сложно, они оставляют яркий шлейф информации.

Авдей задумался и посмотрел в окно, видимо, стараясь разглядеть то, о чем только что услышал.

– Тон... Ты, наверное, говоришь об очевидных вещах. Но я не пойму, как это. Люди так, наверное, не могут?

– Могут. Информационный тон – это, как тебе объяснить в понятных тебе категориях... Это как некое подобие поля. Уж это понятие тебе должно быть знакомо. Но его всегда могли почувствовать лишь очень немногие из людей.

На какое-то время Авдей снова выпал из разговора. Он сопоставлял факты: «Как это, некоторые могут, некоторые не могут? Но ведь люди это одна технология? Или есть несколько разных. То есть, существуют принципиально разные люди. Расы! – догадался было он. – Нет. Он сказал, что лишь очень немногие. Таких немногочисленных рас нет. Всегда могли».

– То есть на самом деле орган, способный ощущать поля у людей, получается, есть? – в конце концов, выдал Авдей. – Но медицина его еще не обнаружила. И слышат, видят..., чувствуют не все!

– Да, вникнуть могут не все. Но как такового отдельного модуля, то есть органа, как ты говоришь, нет. Это просто способность всего организма выстраивать свои информационные потоки в унисон с информационными потоками тона. Это как два куска металла, хотя, может, не очень удач-

ный пример: один не магнитится, а другой магнитится, только потому, что электрические токи всех доменов в нем сумели однонаправлено выстроиться в поле собственно магнита.

Тон можно ощутить всем телом, как и, например, те же известные вам электромагнитные поля. У вас у каждого есть собственное электромагнитное поле, создаваемое органами. Оно испытывает возмущение, находясь в другом поле. Часть людей может ощутить это возмущение. Кто-то из них умеет его понять, например, почувствовать нездоровый орган. Точно так же кто-то может вникнуть в тон.

– Электромагнитное поле это и есть информация?

– Нет, это разные вещи!

– В чем принципиальное различие?

– Электромагнитное поле распространяется, то есть, не находится в покое, оно в движении. Оно возникает как следствие движения зарядов. Заряды не движутся – поле не возникает. Информация же просто существует.

– Просто существует, – задумчиво повторил Авдей, задрал брови и понимая, что он совершенно ничего не понимает. – То есть она покоится? Значит, где-то она есть, где-то ее нет.

– Если бы она даже и не покоилась, ее тоже где-то бы не было, следуя твоей логике. Рассуждать о ней так же, как о колебаниях и веществе нельзя. – Деш развел руками. – Говорить о том, в какой точке находится некая информация бессмысленно. Любая информация доступна в любой точке

пространства.

Авдей усиленно делал вид, что понимает, чем ни сколько не вводил Деша в заблуждение.

– Да, кстати, вот еще один пример того, что люди способны читать тон. Ваша интуиция – это чистое следствие пересечения с тоном. Причем это наблюдается у большинства людей. Опять же в большей или меньшей степени. Это еще одно подтверждение, что информация не просто существует, но и влияет на события.

– Снова не очевидно, как это может быть связано, – поморщился Авдей.

– Ухо, например, приспособлено вылавливать из потока звуков узнаваемые, глаз тоже с большей вероятностью заметит знакомое лицо в толпе, образ в поле зрения и обратит внимание сознания именно на них.

– А интуиция здесь как появляется?

– Так же и тоновый модуль вылавливает в тоне нити, которые сходны с текущей ситуацией, или, правильнее сказать, быстрее или точнее с ними выстраивается в унисон. И оттуда извлекаются предпринятые кем-то ранее действия, которые могут трактоваться как нечеткие предчувствия, как следует поступить. Акценты на нитях, связанных с родными и знакомыми, более вероятны, так как происходит совпадение не только по ситуации, но и по персоналиям.

Деш сделал паузу, давая Авдею все переосмыслить.

– Кажется, у меня появляется все больше вопросов, – оза-

даченно произнес Авдей. – Это как будто бы мне приснилась именно моя бабушка, а не чужая старушенция, – попытался подобрать привычную аналогию Авдей.

– Да! И это тоже следы соприкосновения с тоном. Это всего лишь результат работы контекстного поиска, где контекстом является личная биография.

– А прошлые жизни?

– Не что иное, как недопонятая информация, снятая с информационного тона.

– Параллельные миры?

– Не более, чем домыслы, порожденные теми же ошибками интерпретации ощущений и фантазиями на этой почве. Ты-то теперь уже точно знаешь, что есть только один единственный носитель с Землей. И я тебе это подтверждаю!

– А как же Клетсион? – улыбнулся Авдей, вспомнив про второй мир с людьми. – Он параллельный?

– Второго Авдея там никогда не было и не будет! Так что, никакой параллельности! – уверил Деш. – Если хочешь, я тебе покажу и Клетсион.

– Хочу, – согласился Авдей.

– Когда вернемся домой, – пообещал Деш.

– Деш, – снова полез в дебри Авдей, подбирая понятные себе аналогии. – Ты сказал, что информация доступна в любой точке пространства, то есть ее концентрация когда-то была мала, но растет, и от нее не зависит степень влияния на события?

– Не знаю, как тебе это объяснить с позиции твоих знаний. Но, думаю, ты не будешь спорить, что чем больше ты знаешь, тем больше ты можешь. То есть информация, она как бы формирует потенциал для будущего развития.

– То есть накапливается, трансформируется в некую силу, чтобы дать толчок развитию и порождению новой информации? – додумал Авдей. – Вечных двигателей не бывает! – заключил он.

– Снова человеческий материалистический негативизм. То, что я не пощупал своими руками, глазами, ушами..., того не существует!

– Должны происходить какие-то потери при трансформации, – настаивал Авдей.

– Трансформации материи, в вашем понимании, не происходит. Это не как вода в пар, пар в энергию механическую, электрическую, тепловую и так далее. Лишь в чем-то аналогично. Информация, формирует потенциал. Она становится силой в том плане, что то, что ты делаешь сейчас, определяет в некоторой степени твое и не только твое будущее через секунду, минуту, века..., если считать по вашей системе исчисления. При этом она не исчезает. Она остается. Но понятие концентрация к ней не применимо. Формируются силы позитивные или негативные. Их баланс и определяет исход истории. Тут ты, отчасти, прав, некое подобие цикла есть.

– Если ты говоришь баланс, то его равновесное состояние – это ноль. Значит, никакого развития быть не должно. Полу-

чается, что развитие – следствие дисбаланса системы. Стоит качнуться в одну сторону, – медленно развивал клубок догадок Авдей, – то преобладающий положительный, например, потенциал, породит большой прирост позитивной информации. Это как инфляция или дефляция. И то, и другое, способно быть основой экономики, главное, чтобы они не оставались.

– Основой ростовщической экономики, – уточнил Деш, – которая не может быть выгодна всем. Плюс еще с той разницей, что дефляция имеет очевидный предел.

– Хорошо, пускай инфляция. Даже если не говорить о трансформации и потерях, то баланс смещается, позитив накапливается, где-то, как ты утверждаешь везде, и что-то заполняет. Этому тоже должен быть предел. А тем более, ты говоришь, что хоть и есть баланс, но ни позитив, ни негатив, не исчезают. Носитель, ты мне показывал, не бесконечный!

– Ты опять рассуждаешь с материалистической позиции. Информация не материальна. Она существует не в рамках носителя. И это не те силы, которые действуют в материальном мире, заставляют опадать листья и вращаться планеты вокруг звезд. Сама по себе информация статична, но определяет движение. Но не предметов, а событий. И точнее даже не само движение, оно присутствует всегда, а его направление или его качество. Кроме того, возможно изменение баланса.

– То, что вы столкнули два ваших принципа: Мита и Зем-

лю, – неожиданно Авдей повернул тему, – это породит какие силы? Положительные или отрицательные?

– Глобально? Нейтральные. Это научный эксперимент. Ни больше, ни меньше.

– То есть на вас это никак не скажется?

– Это будет зависеть от того, как мы применим результаты эксперимента.

– А то, что сейчас на Земле идет война!? Это не отрицательная энергия?

– Для нас нет. Войну творите вы, земляне. И прежние войны тоже затевали вы. Это ваш баланс, вы определяете свое будущее. Заметь, ведь Мита не ведет действий, направленных на ваше уничтожение. Скорее напротив. На сохранение. Так это выглядит с их точки зрения. Мита вовремя вмешалось в процесс управления вами, так как все у вас шло в никуда. А они были заинтересованы в том, чтобы вы остались. Они действовали скрыто, так, что большинство и не догадывалось об их присутствии. Они изучали вас. Прежде всего, ваш творческий процесс, его природу.

– Мы воюем не против Мита. А за независимость, – грызнулся Авдей, представив себя дома в тех условиях, о которых они сейчас мило беседуют. – Люди всегда боролись за независимость!

– В том-то и дело! Вы всегда боролись. Только когда не было Мита, вы боролись сами с собой. Кто вам тогда мешал жить спокойно рядом под одной пальмой? А не делить ее и

в результате уничтожить? Вы боролись не за независимость, а с чьей-то жадностью, а точнее чьим-то страхом все потерять. Печально то, что вы не столько цените свободу, сколько стремитесь подчинить себе все и всех вокруг. Тому, конечно, есть причины.

– Инстинкт самосохранения, – почти мгновенно выдал предположение Авдей.

– В частности, – согласился Деш.

– Заложенный вами, – подчеркнул Авдей. – Конечно, так спокойнее, когда все под контролем.

– С другой стороны, если бы никому не нужно было чужого, то никто бы ни на что и не покушался, – парировал Деш. – И тоже можно жить спокойно! А вот зачем вам понадобилось чужое?

Сменив клетионскую прописку, людям не пришлось сильно менять свои привычки. Учеба сменилась работой, что почиталось клетионцами за высшую честь. И они могли так же свободно общаться между собой и делали это регулярно. Однако не многим повезло сохранить при этом и знакомства.

Грета и Франческа часто встречались, рассказывая друг другу о многом, что с ними происходило, о своих впечатлениях.

– Мне кажется, что в последнее время наша жизнь здесь

стала быстро меняться, – заметила однажды Франческа.

– Что ты имеешь в виду? – уточнила Грета.

– Я снова почувствовала себя, как в школе. Снова стала узнавать много нового, – задумчиво произнесла Франчи, словно прислушиваясь к своим ощущениям. – Я говорю не только о человеческом языке, но и о тех понятиях и идеях, о которых нам рассказывают Эмили, Майкл, Макар.

Произнеся имя Макара, Франческа почти вздрогнула, почувствовав изнутри себя волну чего-то знакомого, но все равно нового.

– Тебе тоже стало веселее с ними? – поделилась своим и одновременно поинтересовалась Грета.

– Да. Конечно. Но и сложнее. Закончим здесь? – сделала паузу в разговоре Франчи.

– Да, перейдем на другой тренажер, – согласилась Грета.

Они сменили характер физических нагрузок, но не потеряли нить разговора.

– Раньше мы точно знали, что делать, а теперь, оказывается, есть выбор. И мы должны выбирать сами! – согласилась Грета, продолжая беседу.

– Я и не только об этом. Появилось много новых ощущений. Ты знаешь, что сделал Макар? – вдруг спросила Франчи.

– И что же, – с интересом переспросила Грета.

– Он коснулся моих губ...

Франческа не смогла сразу закончить фразу, захлебнув-

шись в ощущениях, накативших вдруг на нее из воспоминаний.

– И что же тут такого? – удивилась Грета.

– Нет, Грет, ты не понимаешь. Он коснулся моих губ своими губами!

Грета попыталась себе это вообразить, сопоставить это с теми понятиями, которые она знала с детства.

– А как так могло получиться? Вы падали... – почти расхохоталась, представив сцену, Грета, – Или что вы делали?

– Нет. Чего ты смеешься? Он сделал это специально. Он коснулся губ и долго не отпускал.

– Но это же не хорошо, – вдруг сообразила Грета, представив себе процесс и вспомнив об элементарной гигиене. – А зачем он это сделал? – удивленно спросила она.

– Я тоже его об этом спросила.

– Он объяснил?

– Он сказал, что это просто поцелуй, – сама не вполне еще понимая суть этого события и действия, ответила Франчи.

– Но зачем? – еще больше удивилась Грета.

– Ты удивляешься? А Макар удивился тому, как я реагировала. Он сказал, что люди так выражают свои чувства, свою нежность, свою страсть. Он мне рассказал, что такое нежность, страсть, любовь...

Франческа пересказала все, как могла, Грете, стараясь передать смысл и одновременно понять свои ощущения.

– Мне очень сложно понять, о чем ты говоришь, – вдруг

прервала ее Грета.

– Да, это сложно понять. А Макар никак не мог понять, а как же мы выражаем свои чувства.

Сделав несколько витков вокруг Препреи, одна половина которой выглядела белесой, другая отливала зеленцой, гон стал снижаться вниз в облако легкого тумана, на котором, по мере приближения, начинали вырисовываться очертания очагов жизнедеятельности.

На заключительной дуге Авдей успел различить над туманом такие же круглые белые и многочисленные крыши жилищ. Место приземления гона, однако, было в менее затуманенной местности. Круглые крыши стояли грибами на высоких тонких ножках.

Майол с Фиеей засыпали Деша вопросами.

– Здесь больше половины времени господствует туман, – пояснил Деш всем. – А нам необходим свет Сиклана, отдыхаем мы под прямыми лучами. Поэтому единственным выходом обжиться здесь стало строить дома выше уровня застилания тумана.

– Но это выглядит просто потрясающе! – восхищенно произнес Авдей.

– Очень необычно, – согласился Деш.

– А деревья такие же, как у нас, – узнала Фиея.

– Эти деревья мы заносим на все заселяемые планеты. Потому что это самый простой и при том естественный способ строительства дорог. Только адаптируются они по-разному. Здесь нет скал, рельеф преимущественно равнинный. В отличие от Калипра, Препрея периодически подходит к Сиклану гораздо ближе. Деревья не тянутся высоко, а лианам остается укрепляться только на поверхности.

Наконец гон остановился.

– Ну, что, Майол. Ты первым увидишь маму, или она тебя? Она обещала нас встречать, – сказал Деш.

Они покинули гон и шли к местным стартам. Позади них ехал старенький служник, нагруженный багажом. Майол увидел, что им на встречу спешила Лаина.

– Авдей возьми мою сумку, – протянул он Авдею сумку.

– Не нужно, Майол, отдай лучше служнику, – порекомендовал ему Деш.

– А что? – не возмутился, но удивился Майол. – У Нимс-пея тоже есть человек. Так он у них носит сумки, когда они куда-то выезжают. А так следит за домом, даже убирает старые лианы с потолка.

– Не нужно, – спокойно повторил Деш. А во избежание дальнейших разговоров, добавил. – Давай сюда.

Он взял сумку и повесил ее на служника. Майол с криками «Лаина» бросился навстречу маме.

«Чудовищно! Но очень любезно с его стороны, – подумал Авдей. – Не хватало только, чтобы здесь из меня все-таки

сделали носильщика. – И снова он вспомнил аналогию, когда-то приведенную ему Дешем, что и люди разрабатывали аналогичные средства.

Почему тогда чудовищно? Если подумать, такое было и у нас даже не в отношениях людей и машин. Одни люди эксплуатировали других. Причем нельзя однозначно утверждать, что это всегда было по принуждению. Даже, пожалуй, и не всегда вынужденно.

Но здесь? Это все-таки другое. Дети здесь априори нас воспринимают как... как..., – он с трудом смог мысленно выговорить это слово, – слуг. Да не слуг! Мы машины, которые просто должны делать то, что должны! И только то, что я являюсь образцом, экземпляром, как они говорят, с экспериментального носителя, дает мне особую привилегию.

Но это в присутствии Деша. А если его рядом не будет? Кто знает, что я с Земли? Настоящий?»

Авдей сам усмехнулся своей мысли и иронично шепотом произнес: «Настоящий!»

От того, как такое возможно: настоящий с Земли, которая, как выясняется, не настоящая. Мысли расстроились совсем и на какое-то мгновение пропали вовсе. Тем более что было весьма прохладно.

– Ты дрожишь? – сразу заметила Лаина, как только они, наконец, дошли друг до друга, и Деш представил их.

– Да, здесь холодно. Здесь всегда так холодно?

– Нет. Здесь пополам то тепло, то холодно. Сейчас оче-

редной раз прохладно. Но могу тебя успокоить, в этот раз сильно холодно не будет.

– Это хорошо. Хотя и сейчас уже достаточно, – хмуро попытался выговорить Авдей.

Деш понял, что в сборах он даже не подумал о том, что температурный режим у принципа довольно узкий. Поэтому даже на их второй линии не на всех планетах возможно его внедрение.

– Постараемся побыстрее тебя одеть, – пообещал Деш и пояснил: – Асана обеспечивает нам приблизительно одинаковые условия на всех линиях. Но на нашей третьей линии ее влияние уже сказывается меньше. Есть линии и дальше третьей, но они пока необитаемы.

– Пока и на обитаемых хватает места? – уточнил Авдей.

– И это является причиной, и условия там сложные, – ответила Лаина. – Там же не только температура, но и атмосфера тоже отличается сильнее. Только давайте уже не будем терять здесь время, поспешим лучше домой.

– А почему линия третья, но так далеко? Я слышал, есть шестнадцатая. Но если третья последняя... А шестнадцатая ближе к Асане? – спросил Авдей.

– Это мы уже изучали, – сказала Фиея. – Линиям давались номера в порядке заселения. Третья богата ресурсами, поэтому ее стали заселять раньше других.

– Ох, ты! Молодец, – похвалила ее Лаина.

Однако, даже несмотря на то, что поспешали, добирать-

ся было далеко. Ветер дул не очень сильно, но был прохладным. Авдей успел продрогнуть полностью, к приезду домой он уже начал шмыгать носом. Деш обратил на это внимание. Он уверял, глядя на то, как Авдей укутывается в теплое одеяло, что это скоро пройдет само.

– Так должно быть! – повторял Деш.

– После сильного и, что важно, длительного переохлаждения, – основываясь на личном опыте, доказывал Авдей, – ринит – это сто процентов, а дальше можно и еще чего-нибудь заработать, организм ведь уже ослаблен.

– Ничего не будет, – убеждал Авдей. – Реакция на температуру возможна, а все остальное – это следствие попадания в организм вирусных или бактериальных инфекций, – объяснял Деш. – Но их здесь просто нет. Из всего многообразия форм принципа Земля здесь были внедрены только пятнадцать. Остальных здесь нет, и ты не можешь ими заразиться.

Авдей задумался. Но потом опомнился.

– А как же симбиотические бактерии? В кишечнике, во рту, на коже? Ты хочешь сказать, что их нет? Тогда у меня был бы дисбактериоз, как минимум. Без них, насколько я знаю, человек не может жить. Да они необходимы просто, чтобы нормально усваивать пищу.

– А, ну, эти, которые изначально разрабатывались для вас, присутствуют, конечно. Внутри ваших тел.

Деш впервые имел возможность не в тестовых условиях наблюдать, как работают системы адаптации и восстановле-

ния принципа. Он в уме просчитывал, сколько времени потребуется на каждую стадию регуляции.

Часть уверенности Деша передалась Авдею, и вместе с ленью они победили разумное желание лечиться. Но горячего таойи Авдей все-таки себе выпросил.

– А ваши местные бактерии? – спросил Авдей. – Они же существуют?

– Ваш организм для них является агрессивной средой, – улыбнулся Деш.

– То есть у нас к ним врожденный иммунитет? – попытался перефразировать Авдей.

– Не совсем так. Иммунитет – это способность организма бороться с организмами, способными жить в организме. В данном случае вы – именно токсичная среда, – пояснил Деш.

– Но они же могут адаптироваться?

– Пока мы не наблюдали подобных явлений, – даже усмехнулся Деш. – Да и механизм адаптации, который мы заложили для принципа «Земля», предполагает обмен цепочками генного кода, а его основы не совместимы.

– Но тогда мы являемся токсичным продуктом для вашей среды. А ты как-то говорил, что вы никогда не наносите ущерб ничему окружающему, – Авдей попытался поймать Деша.

– Окружающая среда защищена от вашего воздействия вашим кожным покровом. А ваше тело быстро дезорганизуется, когда перестает быть активным и теряет тепло...

– После смерти, то есть, – перебил Авдей.

– Да, да. И после этого оно уже не токсично.

– А трупный запах?

– Для нас он не токсичен.

– Так он же отвратителен, – Авдей даже передернулся, хотя никогда толком и не сталкивался с этим.

– Это просто запах, – спокойно ответил Деш. – А вы его так воспринимаете, потому что его соединения вызывают химическую реакцию в организме. Однако, у вас есть запахи, которые никакой химии не влекут, но вы их тоже считаете плохими. Это глупое предубеждение. Изначально, ваш модуль обоняния разграничивает запахи на безопасные и опасные. Так последние вы стали воспринимать с отвращением.

Как ни убедителен был Деш в несущественности простуды Авдея, но на всякий случай Авдей остался дома, когда остальные собрались на прогулку по окрестностям.

– Пожалуй, я все-таки пока отлежусь в тепле и пропущу первый здешний асан, надеюсь, в арияд будет теплее, – сказал Авдей и еще поинтересовался у Деша: – Асаны здесь такие же длинные как на Калипре?

Деш сам толком не знал. Он посмотрел на Лаину.

– Официальные асаны и арияды у нас такие же, как и на первой линии. Они везде одинаковые, – ответила Лаина, не вполне поняв вопрос.

– Он, скорее всего, имеет в виду периоды темноты и света, – пояснил Деш.

– Ааа. Ну, если относительно линии, здесь они еще длиннее. Линия-то дальняя, обращается очень медленно. В полный асан отсюда практически все улетают. На наклонной девятнадцатой остаются, хотя она тоже считается дальней. Только здесь сама Препрея еще вращается быстро, поэтому асаны и арияды, то есть когда темно и светло, все-таки меняются достаточно быстро для нас. Но медленнее, чем на Калипре.

– Ладно, все равно понятно не стало. Вы идите, а я посмотрю ваш телик. Здесь все так же: управление, каналы...? – напоследок спросил Авдей.

– Почти так же, наверняка. Не сложнее, думаю, – ответил Деш. – Разберешься.

Авдея на самом деле еще после разговоров в начале полета о Земле, идущей там войне, непонятных Мита клинило снова посмотреть на Землю, хотелось добыть любые подробности по чуть-чуть надкопаной теме, которая засела занозой в голове. Поэтому теперь он сразу включил канал Гугл.

Но сколько он ни смотрел, никаких прямых подтверждений войны он не нашел. Активных действий он и не искал, понимая, что это только изображения. Но следы... Он заметил только то, что есть города, где на снимках на улицах видно много людей, а есть города, где нет ни одной души, и хо-

зьяйство брошено.

Дальше он перебрал все каналы в группе «Принцип «Земля». Все на пратиарийском, который уже казался не таким марсианским, как прежде; все-таки Авдей уже целый обиор изучал этот язык. Он нашел канал, где увидел живые кадры с земного телевидения, с замененным звуком, но не экран-ным текстом. Всего на трех каналах текст был на знакомом ему языке.

Привычные бегущие строки гласили о замене группиров-ки телевизионных спутников на новые, в связи с истечением срока эксплуатации; об окончании покраски моста через Ги-бралтар, но его построили, еще когда Авдей был на Земле; о прекращении поставок льда с Антарктиды, так как запасов чистой пресной воды теперь достаточно и без него, и так да-лее десятки новостей. В общем, ничего, намекавшего на от-сутствие порядка. Впрочем, отказ от антарктического льда косвенно подтверждал снижение потребности в пресной во-де, следовательно, численности населения, а, значит, и слова Деша.

Ничего нового Авдей не узнал, кроме точного количества прошедших лет. Не изменился, в том числе, и внешний вид самого телевидения.

Перебрав всё в группе, Авдей вернулся к первому каналу и остановился на нем.

«Делать нечего. Надо пытаться переводить» – решил он, достал из кучи материалов, которые ему дал Деш, словарь и

стал переводить то, что видел на экране.

Теперь Авдей понял, что напрасно раньше пропускал пра-тиарийские каналы, стараясь найти информацию на родном языке. Здесь он увидел кадры, на которых были взорваны ворота резиденции Земного правительства, построенной на его памяти на одном из последних на тот момент необитаемых островов Океании. Из той части комментария, которую Авдей успел перевести, он понял, что это не первая подобная акция, направленная против властей. А ими, как теперь понимал Авдей, были Мита.

Но не это зацепило Авдея больше всего. Одно наблюдение его скорее возмутило.

При первой же возможности, как только все вернутся, Авдей собрался поговорить с Дешем.

– Так ты говоришь, что вы объединили носители? И это было логическим продолжением научного эксперимента?

– Ну, да, – несколько удивился Деш возникновению темы. – Когда мы собрали достаточно данных о каждом из принципов по отдельности, мы обнаружили, что они приблизительно равны по уровню развития. Каждый принцип просто рвался наружу, интересовался наличием других цивилизаций, тем, что его окружает вне его непосредственной среды. Мы дали им возможность не разочароваться.

– А теперь вы делаете ставки? Вы сделали из своей науки... У нас это называлось бы реалити-шоу? Где кто-то один будет просто проигравшим! А кто-то заработает кучу

денег! – Авдей с трудом сдерживал ярость. – Но не у дел, очевидно, будете не вы с вашим университетом Санкь. Организаторы при любом исходе шоу обычно остаются в выигрыше!

– Кто тебе это сказал? Может, ты и вправду переохладился? – предположил Деш.

В ответ Авдей просто махнул рукой и показал результаты своих поисков.

– Это рейтинг, тотализатор? Вот здесь еще один, – переключил Авдей. – Цифры другие!

– Это просто данные с другой линии, – пояснил Деш.

– Еще один!

– Тебя что больше в этом задевает, наличие, как ты его называешь, рейтинга или, что он в пользу Мита?

– То, что вы прикрываетесь наукой, а делаете... – Авдей не договорил.

– Делаем что? Ты, полагаю, хотел сказать деньги? – продолжил за Авдея Деш. – То есть то же, что делают люди? Ты сам сказал, что у вас такое тоже могло бы быть!

Авдей не нашелся, что ответить.

– Ты ошибаешься, – попытался снять накал Деш. – Мы не создаем шоу. И даже не публикуем нигде специально информацию с Земли. Просто она и без наших усилий доступна всем.

Очевидно, что эта технология сейчас в центре внимания. И нет ничего осудительного, что одни оценивают ваши спо-

способности, как достаточные, чтобы освободиться от опекунов Мита, другие считают иначе. И так же нет ничего осудительного, что эти мнения обобщаются.

Деш, как всегда, говорил абсолютно спокойно. Это помогло Авдею окончательно не сорваться. Впрочем, он ни разу не видел, чтобы пратиарийцы нервничали или переходили на повышенные тона.

Иногда Авдей даже начинал рассуждать о себе в непривычном ключе: «Если пратиарийцы не имеют таких эмоций или вообще их не имеют, тогда зачем они снабдили ими нас? Нет. Эмоции у них есть. Они радуются. А гнев они сдерживают или не испытывают? Может, просто мы не сдерживаем? Или мы просто привыкли неправильно реагировать на вещи? Сначала взрываемся, накручиваем себя, а потом дуем, проясняем ситуацию. А они сразу разрешают противоречия» – вспомнил еще один факт из былых бесед Авдей.

– О чем так оживленно беседуете? – спросила Лаина, присоединившись к ним.

– Авдей увидел индексы мнений по связке Мита и Земли, – пояснил Деш.

– И как они тебе? Не волнуйся. Вы выиграете! – успокоила Лаина Авдея. – По крайней мере, третья линия в большинстве за вас! Мита, они прямолинейные. Они не смогут вас просчитать. Правда ведь, Деш?

– Возможно. Логика Мита действительно детерминирована. Она строится только на фактах. Необходимость соверше-

ния следующего логического заключения определяется событиями.

– Мы тоже отталкиваемся от фактов, – сказал Авдей.

– Вы умеете отталкиваться от фактов и предположений. Вас двигают вперед не только необходимость, но так же парадоксы, озарения, даже случайные ошибки. Вы развиваетесь скачкообразно. А движение к новым знаниям может быть лишь чьим-то желанием.

– И результат может оказаться востребованным лишь через десятки лет, – улыбнувшись, закончил мысль Авдей.

– Или не востребованными вовсе! – добавил Деш. – Но такой результат тоже может у вас появиться. У Мита – нет!

От уверенных слов Лаины и Деша Авдею стало немного легче, так как они сулили победу его расе. Но троянские мысли все равно грызлись в потемках сознания.

«И все-таки для них это просто петушинные бои, – думал он. – Просто коррида! Нет. Коррида не подходит. В ней один участник точно знает все правила игры, а второй просто не может не поддаться на провокацию, причем сам этого не осознает. Петушинные бои точнее. Или тараканьи бега».

Богатство аналогий снова привели Авдея к мысли, что люди, в сущности, поступают так же. Авдей продолжал перебирать аналогии:

«В бегах проигравший приносит убыток, а в петушинных боях погибает. Разница только в том, что Мита и Земля для пратиарийцев – это собственные изобретения. У нас бои ро-

ботов тоже никогда не вызывали ничего, кроме спортивного интереса. Люди ведь еще глумятся над живыми, такими же живыми, как и они сами, существами. А бои гладиаторов?!!!»

Последняя коварная аналогия окончательно раздавила Авдея.

Вернувшись на Калипр, Деш уже знал, какие его ждут сложности. О них он узнал из газет и телевизионных программ.

Люди стали общаться между собой непонятным способом. Событие оказалось любопытным и широко обсуждаемым. Как только он попал в университет, его перехватил Сайкон и сообщил, что его хотел видеть имилот Вейтел. По дороге Сайкон вкратце рассказал, что они уже попытались предпринять.

– Мы собирались вместе с Манкоа, приезжал Рейпатеонд. Позвали Лешаля, Сантера. Тебя нет, а они же тоже хорошо знают принцип.

Ты понимаешь, мы ведь не можем принять решение в отношении людей таким же образом, как и обычные решения для пратиарийцев, на уровне преферата Прата. Это же абсурд! Мы совместно с Манкоа разработали для людей правила поведения, где одним из пунктов было предписано раз-

говаривать так же, как разговаривают пратиарийцы. Сложность формулировки была еще и в том, что у нас-то нет официального понятия «язык». Ознакомили всех с правилами. Самое удивительное, они проигнорировали эти правила!

– А известно, чем они аргументируют? – спросил Деш.

– Конечно, мы пробовали узнать причину. Они отвечают, что не хотят.

– Значит, у них появились новые желания, – начал рассуждать Деш. – Нужно понять, как это произошло.

*

– Это невероятно! – В таком же духе продолжал рассказывать Вейтел.

Видно, что он тоже был горд этим достижением науки в лице его университета. Но в его интонации, в отличие от имилота Сайкона, так же читалось требование объяснить происходящее и дать решение. Обстановка на срочном совещании была не праздно спокойной.

– Общественность негативно отнеслась к этому явлению. И вопрос поднимался на уровне преферата, – сообщил Вейтел.

– Вот ведь еще в чем особенность, – продолжил Сайкон, – это не локальное событие. Такой резонанс получился, потому что это происходит на всех линиях, куда открыты поставки людей.

Деш понимал, что перед ними возникла реальная проблема, но у него горели глаза, так как услышанное, означало, что...

– Это работает их логика, – пояснил Деш, – их система принятия решений и выбора приоритетов, благодаря которой они, собственно, и способны решать задачи самостоятельно. Без этого в любой нештатной ситуации они бы беспомощно стояли и ждали указания, как это делают служники всех предыдущих поколений. Они ждут команду и исполняют ее.

В основе побуждения к действию нашего принципа лежит мотив. Они оценивают необходимость тех или иных действий для достижения имеющихся целей. В настоящий момент они мотивированы работать, это обусловлено производственным процессом, заложенным на Клетине. Для выполнения работы нет необходимости общаться между собой на каком-то конкретном языке. Видимо, цепочка такова.

– Подожди. Если ты говоришь, что в основе всего лежит мотив, то он же должен лежать и в основе отказа, – перевернул ситуацию Сайкон.

– Они отказались потому, что нет необходимости соблюдать это правило. Общение на другом языке не мешает им работать.

– Хорошо! Тогда почему они вообще начали говорить на своем языке? – продолжил Сайкон. – Здесь же тоже должен, я так понимаю, быть мотив?

– Откуда они вообще узнали о нем? – развил тему имилот Вейтел.

– На Клетиионе они не говорили на других языках и не изучали их, – сказал Деш. – Значит, они узнали о них здесь. Это наши «настоящие»!

– Безсертификатники? – уточнил Вейтел. – А мы когда их начали задействовать в ваших центрах? – спросил он у Рейпатеонда.

– Около обиора назад.

– Невероятно! Это означает, что они полностью адаптировались в наших условиях, – констатировал Сайкон.

– И даже больше. Они начали адаптировать среду под себя. Это нормально для людей, – добавил Деш.

Я знаю, почему так получилось. Безсертификатникам проще говорить на своем языке. Причем, я так понимаю, они говорят все на одном, хотя для большинства из них он тоже не родной. Но его выучить легче, чем пратиарийский. Они идут по пути наименьшего сопротивления. А для сертифицированных это, с одной стороны, обусловлено необходимостью понимать безсертификатников и, с другой стороны, просто интересная новинка. Они тянутся к новому! Если они сами это не переболеют...

– Что значит «если», – перебил Деша Вейтел. – Они, может, и переболеют, но знания останутся. А в случае необходимости смогут общаться между собой, и никто их не сможет понять.

– Об этом я и говорю. Нам придется выучить их язык. Это очень простая и компактная система обозначений.

– На это нужно много времени?

– Мои дети одолели ее полностью, кажется, за три или четыре конжона. И я уверен, они не сидели асаны на пролет, а только после основных занятий и, естественно, игр.

– А если они потом выучат другой язык?

– Много не выучат. Для них это гораздо труднее, чем для нас. Эффект очередной новинки их не заставит идти на такой труд. Даже из соображений обособленного общения. Они поймут, что в этом нет смысла. Это, конечно, пассивная стратегия.

Я выясню, где они учат язык. Для них это сложный процесс, – размышлял дальше Деш. – Думаю, мы сможем принять и некоторые активные шаги.

Глава 8

41

Не сказать, что не сезону было ветрено, конец октября все-таки настаивал на своих порядках, только против обычного мело куда энергичнее. А может, просто было прохладнее и Солнце пробивалось к земле реже, оттого и казалось, что ветер более уверен в себе. Уже несколько раз норовила сорваться буря и, наконец, под выходные решилась.

Пока еще только гнуло деревья, хлопало незакрытыми дверями и кое-где выворачивало их, сносило несерьезно закрепленные рекламные щиты. По улицам несло какие-то бумаги и прочий брошенный мусор вперемешку с обломанными ветками и пылью, которую еще не успело прибить. Брызгал крупными мазками из сизого неба дождь, но все-таки стеснялся перейти в сплошной ливень.

Герман закрыл свою мастерскую раньше обычного, понимая, что в такую погоду нелепо ждать, что к нему кто-нибудь придет ремонтировать свою старую технику. Унылую вывеску с надписью «Ремонт» мотало и колотило порывами. Взгляд скользнул по ней, и в голове снова промелькнула надоедливая мысль, вызвав ощущение дежа-вю и улыбку: «Ремонт! Тупая замена совместимых деталей. Отремонтировать

по-настоящему ничего нельзя было, еще когда я был ребенком. Под воздействием прогресса все давно превратилось в неделимые части, кроме того, что зависело от размеров человеческого пальца. Ведь пользоваться-то приходилось руками! Но... Глобальная стандартизация зато теперь позволяет менять любое нерабочее шило на относительно новое мыло и продлить чье-то счастье».

Самое сильное явление природы, очевидно, еще только предстояло, поэтому он торопился, изредка поднимая взгляд из-под капюшона, чтобы не столкнуться с уже редкими прохожими. Хотелось успеть домой.

Не дошел он немного до угла улицы, упиравшейся в проспект и в здание школы на противоположной стороне, как внезапным сильным порывом с торца почты, выходявшего на улицу, по которой шел Герман, сорвало матерчатую вывеску и накрыло его. Он попытался выпутаться из нее и замахал руками.

*

– Что ты будешь делать? – проговорила, перекрестившись, пожилая женщина, которая боязливо старалась не спешить по противоположной стороне улицы. – Когда же это все уже закончится?

На ее глазах несчастного, которого накрыло куском обветшалой вывески, застрелил гриф, приняв его за очередного

зачинщика беспорядков.

– И надо же тебе, пролетал ты, гадость такая, мимо. А самому и дела никакого нет, – бубнила под нос женщина. – Убил человека и полетел себе дальше. Откуда не возьмись, появляются всегда, где и не надо. И не разбираются..., чем человек обеспокоен.

В оцепенении она остановилась и увидела, как мужчина беспомощно упал. Он попытался подняться, но смог встать только на колени и снова повалился на бок. Потом она увидела, как другой мужчина подошел к раненому и стал вроде помогать ему.

– Слава! Есть еще добрые и смелые люди, – озвучивала себе мысли дама. – Дай тебе сил да удачи! А то ведь и тебя могут зашибить. Я бы в наши времена не осмелилась подойти.

Она, поборов страх, сдвинулась с места и, как могла, поспешно свернула в переулок.

Мужчина попытался добиться ответной реакции от Германа, но тот был безмолвен. Тогда мужчина проверил пульс Германа – слабый; достал из кармана то ли термометр, то ли еще что-то в этом роде, приложил Герману к затылку, посмотрел на показания; кивнул сам себе и оттащил тело в лоток какого-то торговца, пустовавший в данный момент.

«И будет пуст ближайшее время, – подумал мужчина. – Так будет лучше, главное не на виду. А через полдня, может, день он сам встанет. Если встанет».



Теперь Герман ехал в поезде и смотрел в окно. По стеклу поперек текли небольшие струйки воды, свет, пробивавшийся из-за редких у горизонта облаков, играл в них. Он наклонил голову. Теперь получилось, как будто струи текут сверху вниз.

В голове вроде своя, но как будто чужая появилась другая картинка, похожая, как он тоже смотрит в закрапанное едва зеленоватое окно, догоняет глазами ручейки и уговаривает маму все-таки пойти. Но мама отвечала, что были бы мы у себя дома, то обязательно бы пошли на праздник, а здесь, в чужом городе... Но они все-таки пошли, и дождя в тот день почти не было.

Иногда своими запахами, звуками, реже членораздельными, еще реже несущими информацию, Германа вынимал из себя его попутчик. Глядя на него, можно было подумать, будто поезд – это место специально придуманное, чтобы в нем есть. Но Герман сейчас не был способен поддержать своего попутчика. И даже несмотря на все его попытки обнаружить свое присутствие, Герман словно был один не то, чтобы в своем купе, а в целом вагоне.

Он вспомнил как последние несколько недель не находил себе дома места, задаваясь одним вопросом: «Зачем? Зачем он занимается этим ремонтом? Жена умерла три года назад,

не выдержав болезни. Обидней всего было то, что мы с ней смогли пройти два самых трудных года после начала столкновения. Казалось, что страшнее уже быть не может. Потом я открыл мастерскую, и через три года ее не стало.

Детей пришлось отдать в школу с постоянным проживанием. И тоже, зачем они учатся? И вообще, зачем просыпаться утром? – мысли разбавила небольшая пауза, вслед за которой как ответ пробежал новый вопрос. – А, надо на работу? Зачем на работу? Карьера? В моем-то случае? Да и зачем? Деньги? Зачем деньги? – дальше мысли не пошли в тупиковую, но очевидную, сторону, и согласились с собой, хотя и не успокоились: – Пускай будут деньги. А зачем бабочка летит на огонь?»

О бабочке он подумал, увидев ее туманное стилизованное изображение, эмблему производителя, в толще дверного стекла своего купе.

«В чем смысл лететь на огонь? – бесконтрольно ветвились мысли. – Ведь этого никто не оценит из тех, кто даже увидит! А может, ей просто нет нужды знать, видит ли кто-то смысл в ее гибели? Она просто верит в то, что нужно сгореть, чем ярче, тем лучше. Поэтому выбирает самый яркий огонь. А может, даже не знает, что сгорит? Бабочки ведь не ходя в школы. Человек тоже имеет веру... но, тем не менее, всегда ищет смысл. При этом чтобы другие этот смысл тоже видели. Вот она, наверное, разница!»

Потом Герман вспомнил, как закрыл лавку, взял билет на

поезд, потом пересел на другой, третий. И вот теперь он разглядывал горизонтальный дождь на стекле.



«Какая-то дыра, скучнее нашей, – подумал Герман, оказавшись, наконец, в пункте назначения. – Почему-то из всех городов, куда шли поезда, я выбрал именно этот».

Он осознавал странность ситуации не только для себя, но и нетипичность вообще для людей: путешествовать, выбирая пункт назначения из того, что есть в ближайшем расписании. Но на этот раз следующий город выбирать не хотелось и он со смутным чувством радости выпутался из течений вокзала.

Он посмотрел на привокзальное табло: день, время. Появилось странное ощущение, что он успел добраться досюда вовремя, но времени, чтобы найти торговый центр, почему-то именно «Прайм», промелькнул невнятно вопрос в голове у Германа, осталось не так много.

Первое желание спросить у прохожего, как туда попасть, прервалось мыслью: «Это может показаться подозрительным». Пришлось действовать самостоятельно.

– Карта города с транспортными схемами у Вас есть? – спросил Герман в газетном киоске.

– Только вместе с газетой. Четырнадцать, – ответила обитательница киоска безапелляционным тоном, не на секунду не отвлекаясь от семечек.

– Мне газета вообще-то не нужна, – попытался выразить свое мнение Герман.

– По отдельности не продаем, – последовал ответ.

– Хорошо, давайте, – согласился Герман, видя, что переспорить газетчицу, которая выгладит как единое целое со своим киоском, ему не удастся.

«Бывает же такое идеальное сочетание человека и профессии» – подумал он.

– С вас тридцать два, – молниеносно сообщила газетчица.

Герман представил, как лет тридцать назад она так же молниеносно называла цену любой газеты или журнала из пары сотен наименований у себя на полке. Но сейчас их было меньше десятка.

– Вы же сказали четырнадцать?! – смутился он.

– Это карта.

– А дешевле газеты нет?

– Одинаковые.

Нулевая заинтересованность газетчицы в происходящем процессе все-таки начала возмущать Германа.

– А карта хорошая? Подробная?

– Одна. Других нет.

Газетчица, конечно, раздражала и своим тоном, и многословностью, но бороться с негодным обслуживанием означало повысить шансы запомниться ей. А Герману хотелось избежать этого. Поэтому он закончил торги.

Город на самом деле оказался довольно крупным и не та-

ким уж и скучным.

«Вот только почему Прайм?» – снова подумал Герман.

Он попробовал вспомнить, откуда он про него слышал. Ничего конкретного не приходило в голову. Но ощущалось, что нужно было уже поспешать.

*

Ряды торгового центра выглядели не на много разнообразнее полок газетного киоска. Герман уже часа два бессмысленно ходил между ними, периодически поглядывая на часы и сталкиваясь с людьми. Он заметил, что некоторые люди встречались ему уже не в первый раз. С ними же иногда он встречался глазами и через несколько рядов, разделявшихся кое-где прозрачными перегородками. Но несмотря на повышенную для себя осторожность, проявившуюся на вокзале, он не заподозрил их в слежке.

Кто-то нес в руках одну, две покупки, кто-то еще крутился в примерочной, у иных уже были полные корзины, но они еще что-то высматривали на витринах и в холодильниках.

Герман же ходил практически с пустыми руками, не мог ни на чем остановиться. Подскочившее давление вынудило его сосредоточиться на поисках дамско-пацанской. Однако решенная насущная проблема не оказалась целью посещения торгового центра. Он продолжил слоняться, ничто не казалось ему в данный момент нужным, кроме одной груши,

которую он взял во фруктовом базарчике. Груша ему, видимо, не понравилась, так как, надкусив ее с двух сторон, он дальше не стал ее есть. Так и продолжал нести ее в руке.

Он снова взглянул на часы.

«Кажется пора», – вдруг подумал он и снова, словно задней стороной души, ощутил какую-то странность ситуации.

Герман, не спеша, пошел в сторону зоны кафе, которая располагалась посередине этого огромного торгового центра. Из множества больших и маленьких столов, среди которых были и свободные, он выбрал тот, что находился позади широкого отдельчика, торговавшего мороженым и другими десертами. За столом было только два человека.

– Разрешите? – спросил Герман.

– Пожалуйста, – ответил один.

– Да, да, – ответила другая, – не возражаю.

Герману показалось, что они хоть и сидят за одним столом, но вряд ли знакомы друг с другом.

В течение пяти минут тройного молчания к столу подошли еще трое. У всех в руках был какой-то фрукт, надкусенный с двух сторон. Теперь Герман обратил внимание, что этой же особенностью обладали и первые двое, сидевшие за столом.

Одного из них узнала предпоследняя подошедшая.

– В прошлый раз были только я и Марек. Привет, – она помахала рукой Мареку, сидевшему за столом.

– Привет, Дина, – скучно ответил Марек.

– Уже шесть человек! – отметила она сразу. – Остальные еще не познакомились, я так понимаю? – поинтересовалась Дина. – Мы с Марекком в прошлый раз тоже полчаса сидели молча с недоеденными фруктами. Только потом разговорились. Я Дина, – представилась она.

Представились остальные:

– Герман.

– Сейид.

– Лейла.

– Энитан.

Показался еще один фруктоед.

– А вот и седьмой, – тихо произнес Марек.

Дина обернулась. Незнакомец в нерешительности еще выбирал стол. Но никто не стал его звать. У всех было ощущение, что он должен был подойти сам.

– Но мне кажется, еще кто-то должен подойти, нас должно быть восемь человек, – сказал Герман.

Остальные согласились с ним.

– Я прихожу на подобную встречу уже третий раз, – ответила Дина. – В первый раз я была вовсе одна, три месяца назад еще был Марек. Правда, место тогда, на мой взгляд, было более приятным, чем это.

– Я в прошлый раз не успел на встречу, – сообщил Энитан. – Были жуткие перебои в движении поездов.

– Это не важно уже, все равно всех не было. Если сегодня не дождемся всех, то разойдемся еще на очередные три ме-

сяца, – сказала Дина.

– Теперь нас больше, может, кто-то из нас уже знает, для чего мы все здесь? – поинтересовался Марек.

Остальные переглянулись и только пожали плечами. Сей-ид знал немногим больше других. Он знал, что задание должен передать всем именно он, но пока он сам его не получал. И рассказывать об этом он тоже не стал. Ему казалось, что сейчас не время, но почему, он не понимал.

– Жаль, – сказала Дина. – Скучно!

– Разрешите присесть за ваш стол. Не помешаю? – подобрался, наконец, стеснительный нелюбитель фруктов к их компании.

Терпеливо дождавшись, когда все согласятся, он расположился ближе к краю и недоверчиво бросил взгляд сначала на руки одного из присутствующих, потом другого и по очереди остальных.

«Очевидно, не случайное совпадение», – подумал он, опустив взгляд на свой дважды надпробованный персик.

– Меня зовут Ллеу, – неуверенно выговорил он.

– А почему ты не доел свой персик? Не по вкусу? – поинтересовался Энитан.

– Нет, вкусно. И очень необычно, – ответил Ллеу.

– А что необычного в персике? – удивилась Лейла.

– У нас в Уэльсе это не обычный фрукт. Тем более таких спелых там не встретить.

Они сидели за одним столом, хотя их лица выглядели аб-

солютно чужими друг другу. Даже лица Дины и Марека, которые уже однажды встречались.

– Ну, ладно. Будем знакомы. Дина.

Для Ллеу по очереди все назвали свои имена.

– Может, ты знаешь, что мы здесь делаем? – обратился Марек к Ллеу.

– К сожалению, нет, – ответил тот.

Проговорив с заминками ни о чем еще с полчаса и так и не дождавшись недостающего восьмого, решили разойтись, не пообещав друг другу ничего.

К ним подходил официант, но они не стали ничего заказывать. Официант подумал, что компания какая-то странная. Его, скорее, удивила не разношерстность, это уже давно стало нормой, и даже не то, что такая компания собралась, но ничего не заказала, а их холодность друг к другу, и что вели они себя очень спокойно.

Четвертая встреча прошла под знаком того, что, наконец, собрались все восемь. Появившийся новый участник неомассонских собраний Ериас меньше других понимал, чего все ждут, но тоже честно терпел скуку. По ощущениям каждого их должно было быть именно восемь человек. Последним на этот раз пришел Сейид. Однако, снова никто не знал цели этих встреч. О ней стало известно только в следующий

раз.

А на пятом собрании неожиданно появился девятый участник. Ее звали Ульрика. Но новости сообщила не она.

– Для начала, думаю, следует разобраться, почему нас сегодня девять человек? – предложил Герман.

– Как мне кажется, нас должно быть только восемь, – согласился Энитан.

– Это странно, – проговорила Лейла.

– И более того, подозрительно, – добавила Дина.

– Да. Должно остаться только восемь человек, – согласился Марек. – Я могу уйти.

Непонимание происходящего и подкожное но досознательное ощущение странности отнюдь не первой такой встречи спровоцировало у него даже попытку бегства.

– Вы, видимо, уже давно знакомы. А я присоединилась к вам последней. Наверное, это мне следует уйти, – сказала Ульрика.

– Должно ли нас быть ровно восемь, или больше, это только наше ощущение ситуации. Наверняка мы не знаем. Но очевидно одно, все должны быть людьми. А раз появился, якобы, лишний, то есть повод проверить, – сказал Сейид.

Как ни странно, никто не протестовал. У всех при себе нашелся острый предмет, носимый при себе со времен Джоски Кардаша. Осторожно прокалывая себе, многие посматривали на других, чтобы убедиться в неподдельности их доказательств. У всех девяти пальцы закровоточили.

– И все-таки нас должно остаться восемь, – увереннее, чем прежде, заявил Сейид.

– Если Ульрика не может уйти, то могу уйти я, – повторил Марек.

– Нет, пускай нас покинет последний. Извини Ульрика, – сказал Ллеу.

– Мне тоже кажется, это будет логично, – согласился Герман.

– Все верно. Мне тоже кажется, что должно быть всего восемь человек. Ну, раз я пришла девятой, значит я лишняя, – спокойно ответила Ульрика.

Он ушла.

– Нельзя сказать, чтобы она обиделась, – заметил Энитан.

– Или расстроилась, – продолжил мысль Марек. – Я бы тоже не расстроился.

– Будем считать, что лишним был именно опоздавший. И таким образом избавимся от подозрений, – предложила Лейла.

– Надеюсь, это не она должна была сообщить нам то, ради чего мы в который уже раз собираемся, – предположил Ериас.

– Это не она, – успокоил его Сейид. Он вынул из кармана конверт с запиской. – Нам необходимо в восьми точках Земного шара установить и одновременно активировать специализированное оборудование. Оборудование направлено против них. Поэтому заданию присвоен наивысший статус важ-

ности и секретности. «Поэтому вы узнаете о нем только сейчас. Вам намеренно не сообщается, кто дает вам это задание. Вы не знаете друг друга, и эта ваша встреча последняя», – процитировал дословно часть записки Сейид. – Это обеспечивает секретность выполнения задания. Сама же встреча должна обеспечить синхронность. Мы должны будем назначить дату.

– А почему ты не говорил об этом раньше? Я уже была уверена, что об этом нам должен сообщить кто-то новенький, кто не присоединился к нам на тех встречах, – возмутилась Дина.

– Раньше я сам не знал задания, – спокойно ответил Сейид. – Только знал, что должен получить какой-то пакет. Вот после прошлой встречи, когда нас стало восемь, я его получил. Но говорить о нем мне тоже было бы нельзя, если бы нас сегодня было меньше.

Десять секунд осмысления плавно скатились в следующие десять... Нельзя сказать, что ответ Сейида был исчерпывающим и вселяющим благоговейную уверенность в истинности слов, но паразитное чувство подозрительности к некоторым кажущимся странностям не давало о себе знать, как и уже больше года для всех присутствующих.

– Ладно, – успокоилась Дина, – теперь уже важно не это. Теперь нужно...

– А что за оборудование? – перебил Марек Дину, конфисковавшую записку у Сейида.

– Какой-то трансфонатор, – ответила она и продолжила, – Тогда нужно думать, как это сделать одновременно. Насколько я понимаю, именно это очень важно, – сказала она, перечитав текст задания еще раз.

– Да. Именно это, – подтвердил Сейид. – Каждому из нас в заданном регионе придется найти подходящее для операции место. Поскольку мы не знаем, с чем столкнемся, нам дается полгода. О времени запуска мы должны договориться сейчас. Вот есть еще восемь электронных конвертов, – Сейид достал их из другого кармана. К его темной матовой арабской коже не хватала только чалмы с пером и изумрудом, чтобы выглядеть при этом сущим магом. – Детали задания содержатся здесь.

– Один от другого не отличить, – промямлил Ллеу, рассмотрев их со всех сторон.

– Поэтому не важно, кому из нас, какой из конвертов достанется, – добавил Герман.

– Когда они откроются, тоже точно не известно, – продолжил Сейид.

– Это каждый день проверять что ли? – усмехнулся Марек.

– Придется проверять. Это не так уж трудно, – убедительно ответил Сейид.

– Соответственно конкретные детали мы сейчас не узнаем? – с сожалением произнес Ериас.

– А если я не смогу подключить этот трансфонатор или

подключу неправильно, и ничего не получится? Я никогда ничего сложнее, чем фен, в розетку не включала, – заявила Лейла.

– В записке сказано, что инструкции по подключению будут приложены к устройству, – уточнил Сейид.

– Срок задания достаточный, можно найти время и разобраться в подобных вопросах. Не думаю, что будет очень сложно, – предположил Герман. – При современных-то технологиях.

– Будет хуже, если трансфонаторы окажутся большими и тяжелыми, – высказал опасение Энитан.

– Я не знаю, кто формулирует задание, но думаю, если бы это не было под силу сделать одному человеку, то нас было бы больше, – рассуждал Сейид.

– А ты действительно не знаешь, чье это задание? – спросил Ллеу.

– Нет, не знаю.

– А как ты его получил?

– Да, где ты взял эти конверты? – смартышничала Дина в поддержку Ллеу.

– Я просто знал, где их нужно взять. И они там были, – сухо ответил Сейид.

– Откуда ты знал, где их нужно взять? – продолжил наступать Ллеу.

– Почему не взял их раньше, к предыдущим встречам? – добавил Марек.

– А откуда вы знали, что именно сегодня нужно придти именно сюда? – задал встречный вопрос Сейид. – Мы же не договаривались о дате и месте пятой встречи.

На этот вопрос никто не мог ответить внятно. Поэтому позволили уйти от ответа и Сейиду, сочтя его вопрос достаточным аргументом.

Одновременно какое-то внутреннее подсознательное чувство согласия с происходящим подавило здравые сомнения. Зато теперь более или менее, пускай и не окончательно, не во всех деталях, стало понятно, зачем они сегодня здесь, и зачем они приходили на предыдущие сходки. Все были готовы подчиниться и выполнить поставленную задачу.

– Программа работает. Работает! – взорвала спокойное вечернее настроение штаба Пест Инга. – До чего же невыносимо стало жить без мобильной связи.

– Ты откуда такая ускоренная? Привет! – поприветствовал ее Аким.

– Да из вашего долбаного Бухареста! – Инга кричала и голосом, и глазами и руками. – Раньше я бы сразу позвонила и обо всем бы рассказала. Теперь же пришлось два дня мучаться в дороге. Но надо сказать, что вообще все потихоньку меняется к лучшему. Лет пять назад из Бухареста мне сюда добираться пришлось бы вообще дня четыре. Глеб здесь? –

спросила она.

– Куда-то вышел. Вообще здесь, – ответил Аким.

– Не могу молчать! Я так не радовалась с тех пор, как мы вырубили все телецентры. Это уже... Слушайте, это уже лет шесть прошло, если не больше.

Инга пошла искать Глеба, сообщила ему, что задание, наконец, передано.

– Передавала ты? – спросил Глеб.

– Нет. Мы же обсуждали это, личных встреч нужно избегать. Обошлись.

– Ты знаешь кто?

– Нет, конечно! Я оставила все конверты и не дежурила возле них. Даже не знаю, когда забрали. Но когда обнаружила, что их нет, я бегом сюда.

– Где ты их оставила? – смутился Глеб.

– Эээ, нет! Ты сам сказал, что ты не должен этого знать! – припомнила Инга. – Ты лично запечатывал конверты, что в них никто не знает, а ты не знаешь, кто и как их получит.

– Ну, да! – улыбнулся Глеб.

– Так что, знаю только я. Но я уже забываю, на всякий случай, – улыбнулась она.

Глеб, прищурившись, посмотрел на нее.

– Ну, Браннекен, наверное, тоже в курсе. Иначе кто бы тогда смог забрать конверты?

– Уайдшер, – согласилась Инга. – Будем считать, что это очевидные вещи, и ты знал об этом сам.



С полпути домой Ериас сошел с поезда на промежуточной станции. Он решил домой пока не возвращаться, так как в третий раз уезжать оттуда без объяснений ему было бы еще труднее. А объясняться он не хотел. Точнее не знал, как можно объяснить навязчивое ощущение, что нужно ехать в совершенно незнакомое место, ни к кому и ни за чем. Тем более, вскрыв конверт, он получил четкое указание о неразглашении. Впрочем, это для него и так было очевидно.

Сначала его волновал вопрос, где взять деньги. Дома были небольшие сбережения; но этот вариант Ериас отверг сразу же. Достаточно того, что он сам оставил семью. Оставить ее еще и без средств он не мог. К тому же в его конверте, когда тот открылся, кроме записки с дополнительными инструкциями, так же были деньги. Ситуация немного упростилась. Но тем не менее, сколько потребуется денег для выполнения задания, он не знал. Поэтому эта проблема все-таки его продолжала беспокоить.

Он не легко, но нашел, где остановиться. Неподалеку же ему подвернулась не хитрая, но пыльная шабашка, хотя он бы лучше предпочел хитрую, но не пыльную. Несколько недель Ериас подрабатывал, чтобы обеспечить себя. Сколько было возможно, откладывал.



Твердая уверенность в необходимости намеченного мероприятия поддерживала бодрость духа и наполняла энергией и детским энтузиазмом.

В определенный день Ериас приехал в указанный город Вааль поездом на тот же вокзал, с которого лишь неделей раньше уехала Лейла.

Легко найдя нужный адрес и условленное место, он обнаружил, по всей видимости, требуемое оборудование. Что получил, то получил! Сомневаться повода не было. Из города, согласно записке, ему было необходимо выбраться на попутках. Даже не задаваясь вопросом, почему именно так нужно поступить, он впервые в жизни пытался путешествовать автостопом. Едва ли он мог предположить, что может быть даже определенный, хотя и негласный, этикет на этот случай.

Какое-то время водитель терпеливо надеялся, что тишина окажется короче дороги. Но по опыту он точно знал, что тишина ее только удлиняет. А хотелось бы наоборот.

«Не угадал сегодня. Притупилось чутье, – думал он, динамично разгоняясь до второй сотни километров и пропуская под собой смешную легковушку. Но даже легкий экстрим не развязал язык пассажиру. – Ну, раз он молчит... Может не сечет контекст, думает я ехал здесь специально, чтобы его подвезти. А тишина-то уши уже режет! – накипало накипев-

шее у водителя. – Ладно, не первый раз, зайду сам?»

– Ты скорость нормально переносишь? Не испортишь тут ничего? – заговорил водила.

– Угу, – скупо прогудел Ериас.

– А то не все переносят, – попытался хихикнуть рулевой. – Букашку вон сейчас обогнали, как встречную! А раз тоже было, я разгоняюсь, а попутчик, тоже, как тебя, подвозил... – шофер уже почти было разговорился, и по ходу текста мельком глянул на Ериаса. Тот, казалось, не реагировал на присутствие в кабине водителя. – А ты первый, такой упорно молчаливый попался, – просипел водитель фуры.

– То есть, – не сообразил Ериас, к чему это он клонит.

Он едва перестроился снова на английский язык, на котором пытался говорить водитель.

– Да, говорю, пассажир обычно не успеет влезть, начитает плести всякую чушь, кто он, откуда он, куда, сколько дней бухал, почему на попутке, какие злые у него родственники, спасибо, что подобрал... лишь бы дорога казалась короче. И только если водителю не говорится, можно тогда и о своем помолчать, – членораздельно закончил мысль водила. – А то что ж получается, напросился, значит, уселся, и никакой радости от него, скуку только нагоняет. Ее и без тебя хватало! Ты б еще в уши себе что-нибудь засунул! – весь пар, кажется, сошел и он даже сухо засмеялся на последней фразе. – Я пока что Ойген буду, а тебя как именовать?

– Я Такис, – помедлив, ответил Ериас и задумался, была

ли необходимость менять имя, а теперь коль уж сказал, нужно не забывать отзываться. Это, благо, ненадолго.

«Хм, ведь же точно ссажу. Прямо в лесу! – подумал с нарастающим нетерпением Ойген, пока пассажир соображал. – Ладно, попробуем продолжить».

– А по тебе видно, – сказал Ойген.

– Что видно?

– Что ты какой-то Такис, -сякис, -апанакис... как вы там у себя еще зоветесь. Я вас столько уже перевозил. Грека же ты?

Ериас улыбнулся.

– Грек.

– Какими судьбами здесь?

– Проездом был, – пришлось на ходу сочинять какую-то историю Ериасу. – На несколько дней приезжал.

После небольшой паузы водитель снова начал надуваться и ерзать. Он не резко, но с ощутимым торможением, снизил скорость до сотни.

– У тебя нет случайно ощущения, что когда сбавляешь скорость с двухсот до сотни, то кажется, что тебя столбы обгоняют? – любясь собственным умением пошутить и одновременно на что-то намекая, с хохотом спросил Ойген.

– Я не часто езжу с такой скоростью, – ответил Ериас.

Водила снова не остался доволен таким ответом. Но он все-таки сделал последнюю, как он для себя решил, попытку.

– А ты все-таки странный, я тебе скажу.

– Да ты тоже, немного.

– А я-то чем? – обрадовался оживлению беседы водитель.

– Ты сказал, что ты пока Ойген. Странно, что пока, – нашелся, что вменить в странность Ериас.

– Тут ни поллитры странного, я тебе скажу! – заявил водитель. – Здесь я Ойген, два часа назад на запад был Эженом, – несколько протяжно выговорил водила, – некоторые называют Женькой, или даже Жекой, но чаще я Юджин. Еще, помню, однажды назвали Эвжиком. Вот я хохотал тогда, чуть не вмазал за такое в ухо. А по-вашему как?

– Э, не. Я в ухо не хочу, – сдержанно улыбнулся Ериас.

Трудно было представить, чего ожидать от этого балабола.

– Да, ладно. Ниссы. Нормально будет! – уверил водила.

– Эвйенис. – ответил Ериас. – Это греческое вообще-то имя.

– Совпало! – торжественно заявил Ойген. Ериас не понял, что именно, и вопросительно задрал брови. Но ответ последовал сразу без необходимости озвучивания вопроса. – Твоя версия совпала с предыдущими.

Слушая это Ериас либо просто разговорился, либо, наконец, все-таки оценил все сказанное своим нескучным извозчиком вплоть до самых первых слов и сделал выводы.

– Тебе повезло, – продолжил он беседу. – А я везде буду, скорее всего, Такисом. Много имен ушло из нашего языка в другие. Но еще больше осталось!



Попрощавшись с нескучным водилой на подъездах к следующему городу, Ериас взял в руки свою ношу, но облегченно выдохнул. По пути к обещанной неподалеку автобусной остановке, он восстановил в голове свою реальную биографию.

Кроме этого он отметил, что ему было легко и просто разговаривать с этим незнакомцем. Не считая, начала, конечно. Но поначалу еще его сковывала его тайная миссия.

Ериасу припомнились другие случаи из прошлого, когда ему так же запросто случалось познакомиться с человеком и вполне легко за беседами провести время, отведенное им обстоятельствами. Резюме пришло само собой:

«А я раньше и не замечал, что с незнакомцами так комфортно общаться, – просветлела мысль. – Разговориться не просто! Потому что не понятно, насколько у вас общие интересы... С самими близкими тоже легко. И одновременно невероятно сложно! Ты сам раскован и одновременно осторожен, охраняя спокойствие любимых. А их неосторожное слово бьет больнее, чем брань постороннего. Наверное, потому что их мнение не безразлично, – замедлилась до бесконечности последняя мысль».

Но парад философии прервало четкое ощущение в уставшей от ноши руке. Ериас переменял руку.

Он мысленно отметил, что, вопреки опасениям, трансфонатор оказался не так уж тяжел и не велик. Но это в сложенном состоянии, о чем Ериас узнал позже, изучая в очередной гостинице приложенные схемы.

В гостинице ему пришлось снова оказаться из-за отсутствия авиарейсов в следующий пункт назначения. Зато он узнал, что для выполнения задания потребуется энергетически обеспеченная площадка или помещение не меньше трех метров в длину и ширину.

«Заморочка, однако» – подумал он.

Конверт Германа открылся, как и у остальных, спустя две недели после получения задания. Глупое недопонимание собственной внутренней целеустремленности теперь сменилось полной ясностью, что же от него и его подельников требуется.

Это откровение вытеснило вопрос, почему это именно он оказался в этом замешанным, отчего это именно ему нужно и интересно. Теперь ему было достаточно ощущения, что это необходимо.

Он снова прочел записку и четко выстроил в голове даты и географию. Ему предстояло забрать в исходном месте трансфонатор и обеспечить его запуск в требуемом регионе в день и час, о котором они договорились на последней встре-

че. Чувство неопределенности постепенно сошло на нет, взамен себя оставив готовность четко действовать.

Он сел на стул, сложив руки на его спинке и положив на них голову, чтобы обдумать детали. На какое-то мгновение он погрузился в мысли. С этого момента что-то словно переключилось в его голове.

Он немного посидел в такой позе.

Потом, взяв лист с заданием, он снова перечитал его, но уже другими глазами. В голове начали выстраиваться совершенно другие детали, чем прежде. В его голове прокручивались все встречи, и с каждым разом он вспоминал все более точные детали, мимолетно возникавшие на встречах, вплоть до мельчайших: имена, фамилии, кто называл, номера счетов, жетонов, домов, города, улицы, характерные черты лица.

Все, что удалось вспомнить, Герман выписал на лист, даже удивился, что восстановил такие подробности. Он отчеркнул получившиеся восемь строк. Только имя было указано в каждой, остальные данные были не полными.

«Ах, да! – вспомнил он, – Ллеу сказал, что видел Дину в гостинице, где остановился сам. Он еще отметил, что она вышла на встречу очень заблаговременно, но пришла позже его. Дина же в конце, кажется, сказала, что придется торчать в гостинице неизвестно сколько дней, имелось в виду, пока не вскрыется конверт».

Герман поставил отметки напротив этих двоих с мыслью, что есть некая вероятность, и они еще находятся там. У него

забегали глаза.

«Не стоит терять время», – подумал он и вышел.

Гостиница всем своим видом говорила, что жалеет о потере былой славы, блеска, и стесняется расслабленного овального охранника на своем крыльце, который неуклюже опаздывает открыть дверь подъезжающим на автомобилях постояльцам. А те, кто открывал слегка облупившиеся двери самостоятельно, его и вовсе не интересовали.

Но Герман не стал входить через парадный вход, а воспользовался черным. Обойдя несколько этажей, он уже сориентировался в здании и, наконец, нашел, что искал: горничную, которая войдет убираться в номер, оставив ключ в двери.

Он тихонько изъясил этот ключ, отцепил от него бирку, пригляделся внимательно со всех сторон. Через некоторое время он спустился в фойе.

– Извините, у меня, видимо, сломался ключ, не отпирает дверь, – обратился Герман к администратору, добродушной на вид суетной только начавшей выходить из форм женщине, не лишенной уже легкой близорукости.

– Давайте ваш ключ, я посмотрю, – она протянула руку, – а это от какого номера, почему-то без бирки?

– Мне без бирки выдали. Наверное, это уже был дубликат.

– Они все дубликаты. В смысле, какой номер я ему пропишу, тот и будет. Странно, что он у Вас не открывает. Обычно такого не бывает. Только, если... – Она вставила ключ в

порт программатора. – Да, действительно не читается. А как Ваше имя, в каком Вы номере проживаете?

Вторая часть вопроса Герману понравилась явно больше, чем первая.

– Тридцать двадцать шесть, – срочно припомнил он этаж, на котором недавно был, и номер, из которого видел, как выходил мужчина.

Администратор повернулась в сторону экрана и через некоторое время, прищуриваясь, прочитала:

– Господин Валери Шацких.

– Да, да, – подтвердил Герман. – А у Вас много проживающих? – пытался он рассеять ее внимание, но одновременно приблизиться к спискам постояльцев.

– Сейчас не очень, видимо сезон не в наших краях. Странно, Вы недавно заселились. Ключ еще не должен был истечь. Обычно он истекает через пятнадцать дней, на случай утери.

– Недавно? Вообще-то уже почти три недели, – прикинул Герман дату, незадолго до встречи.

– Как это три недели? Здесь ошибка что ли? – удивилась администратор. – Сейчас проверю по журналу. Вы говорите, заехали где-то, получается, пятнадцатого?

Она открыла журнал и стала вчитываться в строки. В них же с не меньшим интересом вчитывался и Герман. Получив новый ключ взамен испорченного им, он поблагодарил администратора, но не стал подниматься в номер, а вышел из гостиницы.

На крыльце дежурил тот же безучастный привратник. Герман сначала хотел выбросить в урну новый ключ, но передумал пока. Он снова направился к служебному входу, где так же спокойно, как и в прошлый раз, смог войти в здание.

«Четыре сорок два, тридцать пять одиннадцать, – этим числам он не давал выйти из головы. – Четыре сорок два или тридцать пять одиннадцать. Сначала четыре сорок два» – решил он.

*

– Герман? Не ожидала, – удивилась Дина. – Ты тоже, оказывается, здесь поселился?

– Только сегодня, – ответил Герман. – Привет.

– А ты в каком номере?

– Тридцать двадцать шесть.

– Это рядом с Ллеу.

– Серьезно? Надо же! Странные эти конверты, – Герман обратил внимание Дины на замеченный им конверт.

– Согласна. Наверное, правительственные.

– А у тебя открылся конверт?

Герман осознавал, что информация даже о том, открылся ли конверт, не говоря уже о задании, должна оставаться в тайне. Возможно, и Дина тоже так думала. Этого Герман не мог знать наверняка. Но сейчас его мотивация перекрывала этот запрет. Он знал о своих намерениях и намеренно про-

воцировал разговор. На благодатной почве женской болтливости урожай тут же заколосился.

– Да, сегодня. А у тебя?

– Тоже сегодня. Но мне придется теперь ждать еще два месяца, потом ехать за трансфонатором в Вааль. Так я подумал, что если вы еще здесь, то будет не так скучно.

– Мне тоже ехать в Вааль, но ждать только месяц. Я думала вернуться домой. И оттуда уже в Вааль.

– Интересно, Ллеу тоже в Вааль?

– Это можно узнать.

Они вместе вышли из номера и направились к лифту.

Дина постучала и, не дожидаясь ответа, открыла дверь номера тридцать пять одиннадцать. Ллеу тоже был удивлен, увидев в дверях Германа.

– А ты здесь как оказался? – спросил первым делом он.

– Тоже перебрался пока сюда.

– Тебе тоже будет нужно ехать в Вааль? – спросила Дина.

– Мне да. А что, и вам туда? – ответил Ллеу, немного смутившись, но слова уже вылетели вот изо рта.

– И нам. А ты когда едешь? – спросил Герман.

– В конце августа, – так же неуверенно ответил Ллеу.

– Ну, вот тебе и компания, Герман, – сказала Дина. – Можете даже вместе поехать. Ему не на много раньше тебя нужно. Какая тебе разница, где одному торчать? Хоть дорога будет не такая скучная.

Дина и Ллеу расположились в креслах, а Герман не нахо-

дил себе места и расхаживал по комнате. Он понимал, что момент подходящий, но никак не мог сообразить, как его реализовать. Как назло и разговор не разговаривался, а затягивавшаяся пауза могла его и вовсе прекратить.

– А покажи свою записку, – спросил он Ллеу. – Такая же, как моя?

Ллеу порылся немного в вещах и нащупал конверт. Протянул его Герману. Дина тоже поднялась, посмотреть.

Ллеу обратил внимание на то, что взгляд, манера держать себя, говорить у Германа изменились. В глазах появилась искра и хитрость. Он стал более собранным, напористым и одновременно нервным.

– Ну, да. Записка практически такая же, – заключила Дина. – Разница только в датах.

– А у меня другая, – соврал Герман.

– Ну, принеси свою, – предложила Дина.

Герман помедлил.

«Что мне это дает в данной ситуации?» – думал он.

Мысли начали просчитывать варианты дальнейших возможных действий.

– Да, сейчас схожу, – ответил он и подумал: «Во всяком случае, это время сыграет не против меня». – Или пойдем вместе сходим, – предложил он.

– Ллеу, ты пойдешь? – спросила Дина.

Тот скучно помотал головой. От компании Германа он ощущал некий холод.

– Хорошо, пойдём, вдвоем, – поспешил закрепить решение Ллеу Герман. Он решил, что так будет даже лучше.

– Это рядом, пять этажей всего вниз, – пояснила Дина Ллеу.

Но Ллеу все равно махал головой.

– Мы сейчас вернемся, – поставил точку Герман, разделяющую окончательно их и Ллеу.

– Хорошо, я подожду, – ответил Ллеу.

Дина и Герман вышли в коридор.

«Пятьдесят на пятьдесят? – наперегонки сам с собой думал Герман. – Или вообще-то шестьдесят на сорок, ведь еще день. Да, он недавно уходил. Тогда семьдесят на тридцать. Ладно, выбора все равно нет».

Он воспользовался ключом, дверь открылась. В номере никого не оказалось. Герман облегченно выдохнул.

– А на верхних этажах здесь номера попрличней, – завистливо сказала она, оглядывая помещение.

– Да не на много, – ответил Герман, открыв шкаф и делая вид, что он что-то ищет. – Куда я его утоптал?

– Ну, ты возишься? – сказала Дина, выходя из комнаты и подходя к дверце, за которой стоял Герман.

Герман, услышав приближение ее голоса, достал из своего кармана шнур. А когда Дина уже была возле двери, он вышел и, накинув шнур ей на шею, затянул его. Дина сопротивлялась и даже пыталась что-то произнести похожее на: «Ты чего, Герман? Зачем?»

– Что ты дергаешься, жабра, – злобно выдавил Герман. –
Прими спокойно.

Несколько минут тишины с хрипотцой и он ослабил руки. Оглянулся по сторонам. Потом втолкал тело Дины под кровать и направился к Ллеу.

Подходя к его номеру, он приготовил свой конверт.

– Да вообще-то такая же записка, как и у тебя, – сказал он Ллеу, как только вошел в его номер, и показал записку.

Тот посмотрел на нее и согласился:

– Да, все абсолютно так же, кроме даты. Текст странный.

– Что именно странно?

– Какой-то киношный текст, – выдавил, прихмурившись, Ллеу и с некоторым ехидством воспроизвел часть текста. – «Люди Земли поручают тебе – Человеку – великую миссию...» и в конце приписка «Помни. Ты Человек!»

– Да. Странно. Еще и «Человек» написано с большой буквы, – добавил Герман.

– А Дина где? – спросил Ллеу, все еще изучая записку.

– Идет, – ответил спокойно Герман.

– Что она там делает?

– Разглядывает. Такой же номер как этот, но, видимо есть, на что посмотреть, – слабо отбрехался Герман, не считая необходимым придумывать что-то более правдоподобное, так как собирался немедленно повторить процедуру со шнурком.

С ощущением, что в данном месте все сделано, он на

мгновение приостановился: «Так, Ллеу не вернется, а этот Валери, должен рано или поздно объявиться. Так что лучше...»

Он вернулся в якобы свой номер, достал тело Дины, остановился у двери, выдохнул и вышел с телом коридор. Только в номере Ллеу гулкие раскаты в висках утихли. Но паники Герман не ощущал. Только целенаправленный ритм.

Герман взял записку Ллеу и еще раз прочел ее. Потом обшарил тело Дины и нашел ее записку.

«Абсолютно одинаковые, только разные даты и целевые регионы», – согласился он с Диной.

Удивительно, что никто не уничтожил записку сразу после прочтения, как было изначально сказано в инструкции. Потом он достал зажигалку и в уборной в раковине сжег записки Дины, Ллеу и свою, смыв пепел водой.

Он затолкал оба тела под кровать и с мыслью, что в номере некого Валери вроде не осталось никаких видимых следов, направился к лестничной клетке и прочь из этой гостиницы.

Неподалеку он забежал в уличное кафе и заказал квас. С выбором напитка проблем не было никаких, а вот, что делать дальше? Это было непонятно.

Развернув свой список, Герман стал вспоминать: «Энитан. Темнокожий. Но это никак не сужает область поиска его места жительства. У меня есть только номер его счета, – Герман снова как наяву представил момент, когда Энитан набирал номер своего счета, каждую цифру, и код подтвержде-

ния на платежном терминале, что принес официант. – Ериас. Утверждал, что их нация одна из немногих, которая слабо расплзлась по миру. Но это тоже мало что дает. Лейла. Лейла, Лейла... – Он водил пальцем по своему списку, не представляя, как действовать дальше.

Три из восьми, считая меня! – Он не мог никак оценить, достаточно ли этого? – Нужно как можно быстрее найти этих людей, а для этого их нужно полностью идентифицировать, узнать их фамилии, адреса. Хотя они могут и не быть сейчас дома. – рассуждал Герман. – В любом случае, другого способа их сейчас найти нет. Если только достать информацию об их перемещениях! Но это можно сделать, наверное, только в полиции, единые данные могут быть только у них».

*

Остаток дня и следующих два он провел возле полицейского участка, наблюдая за его активностью. Он даже зашел туда и поинтересовался, не могут ли они помочь ему в поиске сестры, которую он потерял еще восемь лет назад во времена сильнейших беспорядков. Но встретил он редчайшее равнодушие.

– Это нужно идти в архив, здесь у меня доступа прямого нет. И не факт, что там найдутся данные, может, она уже давно погибла, а в самые тяжелые времена, как Вы говорите, информация вообще могла не заноситься, – пронудил совер-

шенно не озабоченный чужими проблемами дежурный. – А хотя бы где она приблизительно может быть сейчас, или где Вы ее видели последний раз?

– Мы тогда жили в Сербском округе, – Герман назвал первый вспомнившийся округ в районе Адриатики, упоминавшейся Лейлой.

– Так вы еще и не местные! Чего ж Вы тогда в Будапеште пытаетесь ее искать.

– Я сейчас здесь проживаю. Мне сказали, что у вас единый архив.

– Ну, и что, что Вам сказали. Что с того, что он теперь он единый? Нет, здесь мы Вам ничего не найдем. Это Вам...

Дежурный даже не стал договаривать последнюю фразу, просто многозначительно показал куда-то далеко рукой и переключился на что-то свое.

«Сволочи! – холодно подумал Герман. – Никакого дела до людей. – Последнюю мысль он повторил несколько раз. – А может, это не случайно?»

Но Герман уже из этого получил полезную для себя информацию: архив общий, это раз, доступ к нему есть даже у дежурного, хотя для этого, возможно, и нужно куда-то идти, это два.

Он попытался точно так же поговорить в другом участке, но «на дурачка» и там ничего не прошло. По крайней мере, ничто не опроверглось. В третий раз ему предложили составить заявление, для чего необходимы его документы. Герман

сослался на то, что документов при себе у него нет, и поспешил уйти, обратив внимание, что в этом участке присутствовало какое-то беспокойное оживление.

Время шло не только для Германа, но и вокруг него. Возвращаясь в доходный дом, где он остановился, он вдруг заметил, что за ним движется патрульный на стареньком легком сигвее. Герман прибавил немного шагу, так чтобы не было сильно заметно, и убедился в этом, патрульный тоже ускорился.

«Ну, что ж», – подумал Герман.

Он дошел до пересечения с людным бульваром, свернул на него и, увидев впереди большой торговый центр, направился к нему, лавируя между прохожими. Патрульному пришлось не легко, но он тоже справлялся с толпой. Герман у входа в центр оживился еще немного, а пройдя через дверь и вовсе перешел на полубег, понимая, что бежать – означает привлечь еще и внимание расторопных на пальбу грифов, которые могут оказаться где угодно, а это явно сейчас ни к чему.

Патрульный вроде потерял его, но вскоре вновь оказался на хвосте. Но Герман уже оказался у другого выхода из центра, и менять направление было уже поздно.

Выйдя на улицу, он попытался снова затеряться, но с этой стороны здания людей было меньше. На углу он свернул и оказался на длинной, но не очень широкой улице. Он даже не заметил, что оборвал черно-желтую ленту, перекрывавав-

шую улицу по случаю ремонтных работ. Здесь не было людей, кроме редких рабочих, выпучивавших глаза при виде убегающего от патрульного человека, и затейливых высоких конструкций над вскрытыми колодцами. Этот фактор был в пользу патрульного, двигавшегося на сигвее с втрое большей скоростью, которому не мешали даже колодцы. Он их легко перелетал, словно и не замечая.

Герман видел его в отражении в стеклянной стене торгового комплекса и понимал, что нужно что-то предпринять. Он схватил железный прут, валявшийся на пути и, когда патрульный почти настиг его, он отскочил в сторону и, поравнявшись с патрульным, воткнул прут ему в колесо.

Пока патрульный отходил от жесткого падения на спину после резкого разворота и торможения, Герману удалось немного оторваться. Он оббежал грузовик и увидел, что дальше улица вообще перерыта и перекрыта глухими строительными лесами. Герман попытался булыжником разбить остекление здания, повторил попытку булыжником покрупнее, но стекло лишь треснуло. Тогда он выбил опору у одной из вышек. Она всей массой влетела в прозрачную стену и доделала начатое. Огромное витринное стекло разлетелось в мелкие крошки прямо на головы людей, не успевших испугаться или не увидевших первых двух ударов. Теперь они в панике бросились врассыпную. Герман хотел сначала смешаться с этой толпой, но, рассудив, что это будет не лучший вариант, спрыгнул в открытый колодец.

Выбежавший, наконец, из-за грузовика патрульный ошибочно свернул в здание центра, где к этому моменту уже оказались грифы, которые наводили порядок своими обычными методами. Пострадало значительное количество людей, были погибшие, но Герману все-таки удалось уйти.

На следующий день он долго не решался показаться на улице, пытаясь понять причину погони. Если его вычислили, то на чем он прокололся, где он ошибается, и что не учитывает. Только к вечеру он вышел, так как страху уже не удалось побороть чувство голода.

Страх же ограничивал Германа и в выборе места и качества еды. Он только и успел поесть, как рядом с ним оказалось трое патрульных.

– Не пытайтесь бежать. Вам может не повезти, и грифы окажутся рядом быстрее, чем в прошлый раз, – не громко сказал один из них.

Полдня в штабе Пест искали Акима. Искал Захар, но понимал всех, поэтому атмосфера поисков нависала над всем штабом, заметно опустевшим и потускневшим, так как даже свет горел далеко не везде.

– Позавчера наезжал, что нужно уже передавать в работу очередные трансфонаторы, «Какого их еще не привезли? Чево их по два ему возят?» – возмущался Захар, – теперь он

два дня не появляется в штабе.

– Чего ты гундишь. Все правильно, лишний раз в штабе нечего появляться, – напомнила ему Милена.

– Сегодня придет оборудование, его сюда что ли тащить? Кому его передавать?

– Он разве не говорил, что эти дни занят? – попробовала припомнить Милена.

– Не помню такого! – уверенно заявил Захар.

– А мне кажется, что когда он уходил, предупредил, что только сегодня к вечеру возможно зайдет. Он же знает, что сегодня могут привезти?

– Надеюсь.

– А сколько он уже передал трансфонаторов?

– Четыре. Пятый и шестой придут сегодня. Кстати, сегодня я, когда сюда шел, у входа опять кружились грифы. Сразу два, но детектор просто пек. То есть, кроме грифов, были еще кто-то.

– Ну, вот. Значит, не стоило сюда идти. Если у вас есть уже договоренность с Акимом, какой смысл лишний раз подтверждаться?

– Да, я тоже заметил, – подтвердил Глеб. – Часто бывает, кто-то увяжется. И убегать нельзя, и придумать, как отвязаться без подозрений, трудно. Хорошо еще детекторы есть, а то бы и не знали об этом.

– Я сразу в метро уйду, – сказала Милена.

– Самое интересное, сегодня они даже проверяли, зачем

сюда люди ходят, – продолжил Захар. – Я говорю им, работаю здесь. Они мне, мол, это же дом престарелых. Ну, дак, отвечаю, кто-то же за стариками должен присматривать, сегодня моя смена. Докопались, в сумке у Вас, говорят, что? Ёма, отвечаю, личные вещи, предметы гигиены, проверите? Вроде, отвяли.

– Ты грифов что ли умудрился смутить предметами гигиены? – усмехнулась Милена.

– Ну, может только один из них был грифом, остальные человеки, – предположил Захар.

– Поэтому мы сейчас уже большую часть встреч и работ проводим вне штаба, – подытожил Глеб. – Здесь осталась только связь с остальными. Это хорошо еще, у нас здесь нет никаких лабораторий. А то, как в Чаше. У них же там люди работают, практически живут.

– Ладно, я Акима, здесь походу, не дождусь, передай ему, что я его жду. Он знает и время, и место, – попросил Захар Милену. – А я пошел.

– Захар, погоду минутку, – обратился к нему Глеб. – А Аким не говорил, передача транфонаторов идет нормально?

– Не, не говорил, – попытался припомнить Захар.

– Ну, если он сегодня зайдет, спросишь.

– Ага, спрошу, – ответил Захар.

Глеб ушел, снова погружившись обратно в свои проблемы.



Аким тем временем возвращался из Вааля. Пришлось ехать туда лишний раз пустым, чтобы хотя бы подготовиться. А теперь он спешил обратно, понимая, что в штаб Пест он уже не успевает. То есть придется сразу ехать на встречу с Захаром, как договаривались раньше, получить очередное оборудование и отвезти к месту передачи.

«Но в штаб все-таки зайти придется, – думал он. – Или в штаб не ходить? Встретиться с Глебом вне штаба?»

У Акима были не очень радостные новости. Сам он пытался понять причины, почему же один из трансфонаторов остался на месте, почему его не забрали?



– Это очень плохо, – встревожился Глеб, когда Аким нашел его и рассказал. – Что-то пошло не так. Нужно будет ночью связаться с Чашей, узнать, что может быть причиной.

– А возможно такое, что кто-то получил задание, а кто-то нет? – спросил Аким. – Я думал, что восемь заданий должны быть получены одновременно. Мне же сразу сказали, чтобы я готовился передать восемь трансфонаторов и прикинул восемь разных мест для этого.

– Так и должно было быть, – подтвердил Глеб. – Все во-

семь одновременно. Иначе задания не были бы оглашены. Не должны были быть.

– То есть если забрали первый, то должны забрать все восемь, – продолжал Аким.

Они шли по улице и разговаривали, выставляя друг другу перпендикуляры своими вопросами. Несмотря на лето, было не очень жарко. Но на остатках моста через остатки речки они задержались, почувствовав приятную прохладу от воды.

– А забрали, ты говоришь, уже три. Четвертый остался, – уточнил Глеб.

– Да. Четвертый на месте, – подтвердил Аким. – Это уже критично?

– Должно быть запущено одновременно не менее шести трансфонаторов. Меньшее количество не обеспечит нужного покрытия, а соответственно качественной блокады. Ну, даже если из четырех три... – рассуждал Глеб. – Так это один не забрали. А если кто-то не сможет его активировать?

– Это же не сложно!

– Мы так считаем. Но мы не знаем, с чем они столкнутся. И вообще, кому они достанутся в руки. Наверняка мы знаем только то, что это будет настоящий человек, споры на неживом не смогут прорасти.

– Если так пойдет и дальше, то будет шесть из восьми, – сказал Аким.

– Нет. Это не повод успокаиваться. Нужно как можно быстрее готовить вторую очередь, – сделал для себя выводы

Глеб. – Интересно, Браннекен успел подготовить нужное количество основ с подменами?

Аким оказался не единственной пропажей.

В штабе Чаша Уайдшер, застроенный Пелагеей, пытался выяснить, были ли ошибки в программной начинке, обеспечивающей тактическое поведение человека с восстановленной нейронной активностью. Вчера ему удалось ускользнуть от такой проверки, сославшись на Браннекена, которому он понадобился в лаборатории.

Сегодня Пелагея не была настроена его упускать.

Тревор пытался убедить ее, что, чтобы выяснить это, потребуется несколько недель, лучше потратить это время на изготовление новых вакцин.

– Ты понимаешь, что задание было получено, но его выполнение пошло не так? – напирала Пелагея. – Трансфонаторы остались на местах передачи!

– Это не значит, что были ошибки в сценарии вакцины. Работа вакцины индивидуальна в каждом организме! Причин могут быть миллионы!

– Нужно, значит, эти особенности учесть!

– Как? Ведь мы не знаем даже, кому ввели наши основы и тем более, кто из них сорвался! Мы не видим саму проблему, соответственно не можем ее проанализировать и не сможем

ее решить чисто умозрительно!

– У вас есть копии сценариев, заложенных в каждую конкретную инъекцию? – требовала ответ Пелагея.

– Пел, сценарий у всех один. Сначала предполагали иметь два вида сценариев: общий и восьмой. Но потом решили изменить восьмой и сделать его общим.

– То есть?

– Восьмой сценарий обеспечивает получение задания. Но он активируется в рамках общего только у того, кто придет восьмым на встречу, на которой соберутся все восемь. По новым правилам безопасности, ты этого, вообще-то, не должна была знать.

– Ладно. В данной ситуации... – многозначительно не закончила Пелагея фразу. – Понятно. И все-таки повторяюсь. Копии того, что ушло в конкретную инъекцию номер, скажем, двести тридцать два хранятся?

– Хранятся у меня, – сдался, наконец, Уайдшер.

– А что ты мне тогда голову морочишь про общие и необщие сценарии? – возмутилась она.

Уайдшер не нашелся, что ей ответить.

– К копиям кто еще имеет доступ? – продолжила Пелагея. – Их можно изменить?

– Нет, копии жесткие. К копиям доступа нет ни у кого, – заверил Уайдшер.

– И в копиях содержится именно то, что было залито в конкретную вакцину? – уточнила Пелагея.

– Да, именно то. Окончательно вакцины готовлю я, запись туда и в копию делаю лично, – ответил Уайдшер, кажется, проникшись серьезностью вопроса.

– Тогда бери своих людей и проверяй. Это нужно сделать. Чтобы постараться избежать возможных ошибок в дальнейшем. Мы должны проверить хотя бы то, что можем. Под твоим личным контролем. Я думаю, ты понимаешь, почему.

Доктор Уайдшер лениво засуетился, а к вечеру придумал новую отговорку.

– Я не могу заниматься проверками вакцин, у меня человек исчез, – сказал он.

– У тебя всегда найдется пропажа, – не восприняла его серьезно Пелагея.

Тревору такое отношение Пелагеи не понравилось.

– То есть тебе, Пел, абсолютно все равно, что пропал наш человек? – надулся он.

– Подожди, подожди, сейчас, – попросила Пелагея, с трудом отвлекаясь от статистики, полученной из штаба Пест. – Так кто, ты говоришь, исчез?

– Мигель. Последний раз его видели только вчера. Как раз, когда Глеб сказал, что не все трансфонаторы получены агентами. Дома у Мигеля никто не отзывается.

До Пелагеи, кажется, дошло.

– Кто видел его последним?

– Пит. Он же и домой к нему ходил сегодня.

– Что он там обнаружил? – соображая в разные стороны,

поддерживала беседу Пелагея.

– Он нашел там иглы, представь себе, остатки которых мы находили в кабелях каждый раз после того, как у нас вырубался в штабе свет.

– Много?

– Еще лет на двадцать хватило бы, если с такой частотой, как у нас это случалось.

– А это уже года три как происходит! – задумчиво произнесла Пелагея. – Но это не только у нас случалось! – парировала она.

– Хорошая маскировка.

– Что ты хочешь этим сказать? Это ничего еще не доказывает!

– Разве такие где-то продаются!?

– Не знаю... Иглы,... иглы, – бубнила Пелагея. – Но я знаю, у кого спросить. Нужно срочно найти сестру.

– Эвелину? – уточнил Уайдшер.

– Да. Она такими пользовалась когда-то...

– Ты ее подозреваешь?

– Ее?! Ты часом не захворал?!

– Может ты все-таки как-то поосторожней, издалека зайдешь, – предложил Тревор.

– Я тебя сейчас стукну! – предупредила Пелагея. – Ей я верю, как себе!

– Я только предположил, – извиняющимся голосом попятился Уайдшер.

– Ну, пойдём, поговорим пока с Питом, – предложила Пелагея. По пути она подумала и сказала, – Хотя, давай я поговорю с ним сама. А ты займись лучше проверкой кода.

– Сегодня занятия по человеческому не будет? – спросила Грета Майкла, который вместо Макара стоял за административной стойкой. – Зал закрыт, люди расходятся, – недоумевала она.

– Нет. Боюсь, пока занятий не будет, – ответил Майкл, не скрывая недовольства. – Вон, видишь, сидит. Префер Сенцер! Мать его! – Майкл указал головой на открытый кабинет.

Грету это, однако, не возмущало, она все воспринимала, как должное.

– А почему? – спросила она.

– Ты так спокойно об этом спрашиваешь? Я лично просто в ярости! Эти недоумки... Что они вообще о себе возомнили? – сверкал и глазами и руками Майкл.

Грета стояла с вылупленными глазами, не понимая не только многих слов Майкла, но и такой бурной реакции. А какое при этом отношение к разговору имеет его мать, это слово она четко уловила, она не стала выяснять.

– Кто они? – спросила она.

– Да эти охамевшие пратиарийцы! – сокрушался Майкл.

Он не стеснялся в подборе слов. Скорее наоборот, старался придать как можно больше эмоций этому событию.

– Что такое недоумки?

– Наглые тупицы, – ответил Майкл, не столько стараясь

аккуратно пояснить смысл слова, сколько продолжая расплескивать эмоции. – Они лишают нас права свободно изучать то, что нам интересно. Он ссылается на то, что, мол, этих занятий в расписании нет. Мы предложили включить занятия в расписание. Он сослался, мол, это лечебно-спортивный центр. Предложили придать ему дополнительно статус образовательного. Обещал переговорить с руководством. Но пока все запрещено!

Майкл больше говорил на человеческом, но, где знал, использовал пратиарийские слова, чтобы Грете было немного проще его понять.

– Жаль, – всего лишь сказала Грета.

Она не была приучена к подобному вольнодумству, тем более в отношении пратиарийцев. Ей даже не были знакомы подобные эмоции. Но от Майкла веяло яростью и проступившим от нее потом с адреналином. Она чувствовала, что волна чего-то нового медленно передается ей от собеседника. Все-таки ей нравились эти занятия, а, значит, где-то на эмоциональном уровне она была открыта к восприятию нового отношения. Именно туда и старался достучаться Майкл.

– Жаль? Всего лишь жаль? Это просто возмутительно! – взорвался Майкл. – Как ты можешь так просто относиться к этому? Пойми. Эти пратиарийцы просто взяли и запретили тебе делать то, что ты хочешь, что тебе интересно!

По выражению лица Греты Майкл понял, что она осмыс-

ливаает услышанное. Конкретно она пыталась осознать, в чем же все-таки состоит суть противоречия между тем, что ей интересно, и запретом. В отличие от Майкла она воспитывалась в среде, где было принято соблюдать правила, и они не воспринимались как запрет того, что выходило за их рамки.

– Ну, мы что-нибудь придумаем, – попытался успокоить ее Майкл. – Они думают, что мы вот так вот просто подчинимся их запрету?! Гланды не лопнут?! В конце концов, совсем не обязательно проводить занятия здесь. А хотя бы на улице перед центром сядем! Пойдет ведь?

Грета задумалась: «Как это можно? Префер отменил занятия, но он все равно их будет проводить. И как это может быть? У нас на Клетиионе никакие занятия на улице никогда не проводились. С другой стороны, а почему нет? Если это не противоречит правилам!»

– А вроде не плохая идея! – согласилась она. – А это не запрещено? И где Макар? Ты вместо него почему-то.

– А что, меня не достаточно? – Майкл улыбнулся и, слегка прищурившись, посмотрел в глаза Грете.

Грета застеснялась, хотя Майкл всегда вел себя с ней так. Впрочем, и с другими он вел себя так же. Но Грета еще не привыкла к подобным манерам, они ей по прежнему казались странными. Почему? Она не могла пока осознать.

– Ну, почему сразу недостаточно? Просто обычно он был, – ответила она с улыбкой.

– Он что-то опять задумал и убежал. Мотается где-то по

Мантаме. Придет, расскажет. А потом я расскажу тебе. Хочешь узнать? – запел Майкл. – Ты только приходи!

– Хорошо!

– А ты сегодня тоже почему-то без подруги? – вдруг спросил Майкл. Но он это сделал не случайно.

– Франческа сегодня не смогла. Они готовятся к концерту, и она много занимается с детьми, – ответила Грета.

Но что-то внутри нее щелкнуло и закрипело: «Чего это ему вдруг понадобилась Франческа?»

– Вот, я же говорю. Они делают с вами все, что хотят, – подхватил подходящую для насаждения своей идеологии тему Майкл. – Захотели и не отпустили Франчи в центр. Это называется произвол!

*

По возвращении злозадумчивый в последнее время Макар нервно дожидался Арамаана и Изингому. Их он так же отправил что-то выкрисывать в Мантаме. Как только вернулись и они, Макар созвал всех в чайно-штабную.

– Значит, куда мы ходили, – начал объяснять Макар. – Раз эти гады нам начинают выкручивать руки, нам нельзя просто так сдаваться. И лучше начинать сразу, чтобы они знали, кто мы есть! Что мы можем сделать? Мы можем устроить забастовку по поводу ограничения наших свобод.

– Ты шутишь? – даже Майкл удивился этому и сменил

вальяжную позу на активно-заговорщицкую.

– Ни сто грамм, дорогой мой Миша! Ля, сколько лет я уже ни капли приличного не нюхал, только жидкая брага, – вдогонку выругался он негодованиями. – Трудно сказать, нашел ли я сердце этого города, или стациона, – передразнивая пратиарийское произношение, собезьянничал Макар, – как они его называют, но кое-какие подходящие места я нашел, – доложил Макар. – Плохо, что читать еще нифига не умею по-ихнему. А вы, мужики, где были? – спросил он у Изингомы и Арамаана.

Те ответили с точностью до перестановки матерных слов, как и сам Макар. Видели какие-то площади, открытые места, где всегда много пратиарийских гнид. Но утверждать, что это главная или правительственная площадь, они не берутся. В общем, преферат стациона пешком визуально не обнаружился.

– Нужно вообще разобраться, как у них здесь осуществляется администрирование, – сделал вывод Макар.

– У меня тоже есть идеи. Аж две! – похвалился довольный Майкл, снова развалившись на стуле; даже попытался закинуть ноги на стол, но успел поймать реактивный взгляд Эмили и передумал. – Во-первых, если нельзя проводить занятия в центре, то почему бы не проводить их хотя бы на улице. Перед центром, соберем всех. И пожалуйста! Не нужен нам зал. Сегодня уже закинул удочку одной дамочке, Грета которая, так эта безвольная селедка не сильно удивилась даже,

сказала, что не плохая идея! Вауля!

– Нужно только подумать, как организовать сидячие места! – поддержала его Сабира.

– Па-ста-ят! – высокомерно выдавил Майкл. – Во-вторых! – продолжил он. – У местных завтра начинаются выходные. Я не собираюсь себя обделять этой радостью! А насколько я понимаю, люди здесь работают без выходных. Это же вопиющая дискриминация! Куда только ООН смотрит?!

– Здесь нет никакого ООН, – поправил его Изингома.

– Да я знаю, – поморщил нос Майкл, типа того, не надо считать меня таким уж дебилом.

– Мужики, вы просто какие-то монстры! – отметила впечатленная планами Эмили.

– Ты права! Даже не буду спорить! Но боюсь, к этим выходным мы не успеем окучить пипл, – предположил Майкл. – Но мы можем сами продемонстрировать им эту идею. Это стадо баранов сюда припрется на занятия. А мы скажем, что у нас выходной. Закроем нахрен этот центр.

– И будем пить бражку, – добавил Макар и словил пять от Майкла за смекалку.

– Закроешь?! – скептически произнес Арамаан. – Придет Сенцер и откроет.

– Да пускай откроет! Он мне кто? Он что ли меня заставит? – доказывал состоятельность своей стратегии Майкл. – Кроме него в центре пратиарийцев нет! Здесь работают только люди. Они же специально так сделали, чтобы в центрах

с людьми работали люди. Помнишь, Авдей рассказывал? – уточнил Майкл у Макара.

– Да, да. Он говорил, – подтвердил Макар.

– А хоть бы и не один он тут был. Что они мне могут сделать, чтоб заставить меня?! – хорохорился Майкл.

Некоторые из присутствующих снисходительно-высокомерно хмыкнули на это. Но им повезло, что Майкл был на кураже, и он этого не заметил; усмешки в свой адрес он переносил неоднозначно.

– А людям мы популярно объясним, – продолжал почти самозабвенно он, – что сегодня у всех должен быть выходной. Ни они, ни мы не исключение! Кто откажется понимать и все-таки соберется вести занятия, получит от меня лично выговор так, что мало не покажется.

Подкрепляя и конкретизируя свои слова, Майкл ударил кулаком себе в ладонь.

А к следующим выходным уже, думаю, почва прогреется и травка прорастет! Посмотрим, что пратиарийцы сделают.

Я уже сделал вывески, что шестнадцатого, семнадцатого и восемнадцатого в центре будут выходные, – заключил свою речь Майкл.

– Где ты их сделал, мы только что шли, ничего не было? – сказал Арамаан.

– А мы на лестнице когда встретились, я как раз шел вниз, чтоб их повесить. Так что я считаю, что мы вполне достойно ответим на их выпад, – закончил Майкл.

– Достоинно, но слишком несимметрично, – возразила Эмили.

– А я не считаю себя великим эстетом, чтобы отвечать исключительно симметрично, – настаивал озлобленный Майкл, – чтобы в следующий раз они думали дважды!

– Твоя дипломатия заключается в ее отсутствии, – ухмыльнулся Изингома.

– А я и не претендую, – скептически огрызнулся Майкл. – Я сюда не просился цветочки опылять! Так что голова за ноготь – это нормальная цена. А политика и симметричные ответы – это твой конек. Только, на мой взгляд, нам это пока не нужно, – безглаголиво закончил Майкл.

– А чтобы эта акция возымела большой резонанс, нужно устроить ее не в отдельно взятом центре, а везде! – развил тогда тему Изингома.

– Безусловно! – хлопнул его по плечу Майкл. – Две головы за ноготь! Тебе бы все в масштабы раздуть! Не случайно ты, я смотрю, повел за собой всю африканскую диаспору. А еще про дипломатию вспомнил! – подначивал Майкл, уже начиная на эмоциональном подъеме размахивать во все стороны руками.

Изингома сначала улыбнулся, но потом скривился, вспомнив былые межэтажные усобицы.

– Только, наверное, завтра не стоит просто отправлять народ по домам. Спорта не будет, а занятия по языку можно и провести, – предложила Сабира. – Вот завтра на улице и

начните, как хотели, раз зал нам не дают.

– И ты права, Сабира, – поддержала ее Эмили.

– Вы о чем? – запротестовал Майкл. – Выходной – это выходной! Никаких занятий!

– А если мы всех разгоним по домам, то мы потеряем и время, что самое главное, и, возможно, людей, – попыталась убедить Сабира.

– Точно. Пускай это будет с виду занятие, а на самом деле репетиция забастовки. А то они ведь непривычные, – добавил Макар.

– Ты разведешь свою демагогию, научишь их новому слову «равноправие», – развивала сценарий Эмили. – Если хочешь, не называй это занятием, но продолжай сеять и опылять.

– Нет, вы это слышали?! – возмутился Вейтел. – Машины требуют выходных!

– Кто бы мог подумать, что машины станут настолько умны, что откажутся работать. Причем вовсе не потому, что вышли из строя, а осознанно! – поддержал его философской речью Сайкон.

За беседным столом у Вейтела собрались все главные разработчики принципа «Земля», имилоты университета. Не хватало только представителей Манкоа.

– Верховный Преферат обеспокоен сложившейся ситуацией. Он требует, чтобы мы навели порядок, – сообщил Вейтел.

– Порядок? А в чем заключается непорядок? – уточнил Деш. – Ведь они просто проводят время перед центром. Был бы центр не закрыт, они были бы внутри.

– Непорядок заключается в том, что пратиарийцы не довольны, они жалуются, – пояснил Вейтел. – А так же в том, что центры закрыты, хотя должны быть открыты. Кто их закрыл? Они же сами и закрыли! Занятия отменены! Как следствие, не соблюдаются инструкции по эксплуатации принципа, где регулярный отдых и спорт указаны, как обязательные. А они без отдыха второй арияд просидели на улице!

– Для отдыха им дом не очень нужен. Большинство из них отдыхают там же, согревая друг друга, – сообщил Лешаль дополнительную подробность.

– Если они все равно идут в центр, какая разница, открыт он или закрыт, внутри они или снаружи? – озадачился Деш. – Свежий воздух лучше, чем в помещении.

– Нет, мы более не можем с такой позиции смотреть на ситуацию. Необходимо ее реорганизовать, – поставил точку имилот Вейтел.

– Да. Мы, пожалуй, напрасно рассчитывали, что это временное явление, – согласился Деш.

– Подождите, мы или отвлеклись, или вообще больше не обсуждаем вопрос о том, должны ли быть у людей выход-

ные? – перебил их Сайкон. – Если выходные правомерны, то с началом нового обиора все закончится. Вернется прежний порядок.

– Вот именно, – поддержал его Вейтел. – Если бы они работали, они бы не торчали весь арияд у центра. И проблемы бы не было. Нет, они придумали себе выходные! Выходные у принципа! Нелепость!

Вот ты..., – обратился Вейтел к Дешу, вернувшись к проблеме понимания причин, – собрался ты, допустим, с Лаиной в театр, пришел, театр закрыт. Ты что будешь делать?

– Пойду домой или в ресторан.

– А они почему не идут по домам? Почему не расходятся? Как самый главный специалист по людям скажи, нормально это для них, что они вот так вот уже два конжона толпятся возле своего центра?

Деш задумался.

– Ну, вообще нормально. Такое бывает. Учитывая, что дома у них ничего, кроме работы нет... И объявлен выходной. Они там, где интереснее.

– Что значит интереснее? Машинам? – уточнил Вейтел.

– Интерес – это элемент системы мотивации экземпляра. Матрица интересов, наравне с матрицей обязательств, матрицей потребностей и другими участвует в уравнениях постановки целей. В данный момент, по-видимому, мы получаем ситуацию, когда весовые коэффициенты в узлах матрицы интересов стремительно растут, – пояснил Деш, как можно

короче.

– То есть им интереснее просто приходят постоять у закрытых дверей?

– Они же не просто стоят. Они проводят свои занятия по человеческому языку на улице, – конкретизировал Лешаль.

– Вообще-то нет, – сказал Деш, хорошенько обдумав слова Вейтела. – Они, конечно, могут собираться, многочисленно, и не один раз. Но каким-то образом должен обеспечиваться рост этих коэффициентов, кроме того кто-то тогда должен определять день и место, распространять эту информацию. Так или иначе, должен быть какой-то центр, который создает и направляет идеологию мероприятия.

Тогда нужно понять, кто этот лидер у них! Но это не должно быть очень трудно, вообще-то, – сразу же предположил Деш. – Скорее всего, это наши безсертификатники.

– Преферат обеспокоен, так как это происходит в нескольких стационах. Или это вообще по всей системе Прата такое безобразие творится? – задался вопросом Вейтел. – У кого это можно узнать? Рейпатеонд! Где он?

Вейтел быстро связался с Манкоа, и остался недоволен услышанным. В Манкоа в этот выходной тоже многих вызвали на работу, и все тоже стояли на ушах. Рейпатеонд остался на видео связи.

– Мы фиксируем жалобы практически повсеместно! – сообщил Рейпатеонд.

– Повсеместно? Это же больше ста планет на шести лини-

ях, – прикинул сразу Сайкон.

– Судя по нашим предварительным данным, это уже семьдесят девять планет из ста четырнадцати, где на данный момент используется этот принцип, – уточнил Рейпатеонд. – То есть пока не везде.

– Это же две трети уже! Можно считать, что везде, – расстроился Деш.

– Мы сопоставим в ближайшее время данные и попытаемся выявить закономерность.

– Но уже сейчас нам нужно предпринимать какие-то меры, – настаивал Вейтел. – Что мы можем сделать? Наверное, этот вопрос следует адресовать прежде всего Манкоа?!

– Если честно, идея выходных мне нравится, – делился своими впечатлениями Шэхриэр по пути в центр Манкоа. – Если так теперь будет всегда, то я согласен.

– Ну, да, – согласилась Шани. – И вчера и позавчера мы отлично провели время. Хоть центр и закрыт, но Макар, Эмили и Майкл смогли все организовать, чтобы не было скучно. Они, конечно, молодцы.

Шани и Шэхриэр знали друг друга с самого детства и, оказалось, живут не очень далеко друг от друга. Они оба покинули Клетсион первым паромом и, как большинство из тех, кто попал в Большой мир в той партии, остались на Калипре.

В центр Манкоа они уже привыкли ходить вместе, обсуждая по пути совершенно банальные вопросы. Глобальные, политические, научные и уж тем более вселенские и острые темы в их беседах не встречались, впрочем как и споры в принципе.

– Согласен. Если бы не они... А то я совершенно не представляю, чем в эти арияды заняться?

– И я тоже думала об этом, – безвольно согласилась Шани.

– Спортом? Все время? – предположил Шэхриэр.

– А это не вредно столько много? – вспомнив, что существует только обязательный для них минимум, усомнилась Шани.

– А с ними интересно. Столько всего нового всегда!

– На один выходной, который в середине обиора, еще можно будет себе находить занятие. А на длинные в конце обиора...

– Пратиарийцы часто уезжают. У меня, например, соседи, – рассказывал Шэхриэр, – каждый обиор оставляют ключи моим, чтобы присматривать за домом. Мои говорят, мол, хорошо, что у них теперь я есть, им теперь легче стало. В общем, за соседским домом приглядываю я.

Уже подходя к центру Манкоа, они встретили Грету и Франчи, которые по пути тоже что-то обсуждали. Все на с раннего детства привитом блаженном позитиве поприветствовали друг друга.

– О чем вы так взволнованно разговариваете, – поинтере-

совалась Шани.

– Я рассказывала, что меня главный сегодня отпускать не хотел, – ответила Грета, начавшая понемногу перенимать манеры Макара и Майкла.

– Главный это у тебя кто?

– Я в ресторане работаю музыкантом. А он префер ресторана.

– А чем он обосновывал? – озадачился Шэхриэр.

– Он мне говорит, что я их сильно подвела со своими неожиданными выходными. Представляете?! Я даже не знала, что сказать, – тараторила расстроенная Грета, пересказывая вкратце свою утреннюю историю. – Я уже хотела остаться, но вспомнила, что говорили Майкл и Макар, «Ни за что не соглашаться. Выходные должны быть выходными у всех». Главный мне: «Выходные не у всех. Ресторан в выходные работает. Вот и официанты здесь, и я здесь». Я просто не знала, что ему сказать.

– Ты все-таки молодец. Я бы не смогла, наверное, возразить имиле Монцаи. Но она сказала, что пока сама не знает, как поступать в нашей ситуации и не стала возражать.

– А я вот сомневаюсь. Правильно ли сделала? Как теперь будет дальше?

– Узнаем у Майкла, правильно ли?

Но Грета не смогла полностью успокоиться. Ее мучило это новое для нее ощущение. Она даже подумала, что раньше, пока они не знали Майкла и Макара, пока они не связались

с ними, они не думали о свободе, правах, равноправии, и все было просто, понятно и спокойно. А теперь приходится выбирать и сомневаться в правильности поступка, думать о последствиях. Что-то внутри просто рвало ее на части, выдавливая сердце из груди.

Они подошли к центру.

К этому моменту здесь уже собралось много народа. В центре толпы в небольшом свободном кружке уже вещал Майкл, выбрав себе в качестве темы несчастного угнетенного юношу, как он его назвал, которому вчера не удалось поучаствовать в этих встречах перед закрытыми дверями.

Эмили готовилась принять эстафету и начать небольшую спортивную паузу. Сегодня она приготовила новое упражнение: энергичный выброс руки вверх с собранными в кулак пальцами. Сначала с мощным выдохом, потом со звуком, а потом и вовсе в полный голос. К этому упражнению она так же изменила привычную считалку.

Эмили даже сама удивилась, как новые слова освежили скучный счет. Люди выполняли упражнение с большими азартом и самоотдачей.

– Раз-Да-Два-Нет-Три-Да-Четыре-Нет, – считала Эмили и наблюдала, как блестели от новизны глаза занимающихся. – Энергичней-Да-Еще раз-Нет-Сильнее-Да-Все вместе-Нет, – толпа начинала подхватывать за ней.

Макар и Майкл между собой не преминули отметить находчивость Эмили.

Изингома и Арамаан работали в массах, беседовали и искали следующий пример, который можно было бы вынести на всеобщее сострадание. Накануне они скорректировали методику работы с массами, учтя опыт двух предыдущих выходов.

*

Между тем в их стихийно меняющемся сценарии появились неожиданные отступления, внесенные пратиарийцами.

К площади, заполненной людьми, располагавшейся перед центром Манкоа, подошли несколько гонов с логотипами все той же Манкоа. Показались пратиарийцы. Не все из них оказались совершенно незнакомыми. Например, Деша узнали и Макар, и Майкл, и Эмили, и Авдей... Франческа узнала Блониса и еще нескольких пратиарийцев. С ними она встречалась в цехах Манкоа и запомнила их, потому что они были одними из первых пратиарийцев, которых она видела.

– Люди, – обратился к толпе один их пратиарийцев. – Внимание сюда! Прослушайте объявление.

Меня зовут Рейпатеонд. Я являюсь префером подразделения тандема Манкоа на Калипре и префером проекта «Земля» внедряемого нашим тандемом. Ваше самовольство, касающиеся требования выходных, является прямым нарушением инструкций, данных вам сертификационной комиссией Клетiona, которая так же дала вам путевку на паром в

Большой мир.

Толпа переориентировала внимание на прибывших и перестроилась. Майкл, пока ситуация полностью не прояснилась, предпочел поддаться флуктуациям масс и затерялся в схлопнувшемся вокруг него круге.

– Согласно той же инструкции, – продолжал пратиариец, – время для отдыха вам предоставляется регулярно не менее трех раз в арияд. Дополнительное время для отдыха не является необходимым.

Кроме того, проводить занятия вне предусмотренных для этого помещений недопустимо, так как не предусмотрено вашей инструкцией.

Вам надлежит разойтись по домам.

Чтобы облегчить вам дорогу домой, специально для вас тандем Манкоа организовал гонировку. Так что проходите, занимайте места в гонах, вас доставят к месту проживания.

Рейпатеонд не закончил на этом свою речь. Он повторил ее еще раз, далее ее стал повторять другой пратиариец. Публика не была готова к такому повороту событий. Еще меньше к этому были готовы Макар и Майкл, хотя и знали, что реакция пратиарийцев должна была быть.

Сложившаяся неопределенность давила на присутствующих еще и тем, что она возникла неожиданно. Большинство, исключением были только настоящие земляне, просто никогда не были в подобных ситуациях. Кто-то уже готов был подчиниться, кто-то еще сомневался.

И Майкл, и Макар понимали, что отмолчаться сейчас, означает потерять момент и позволить пратиарийцам выиграть одно очко. Так же они осознавали, что если тронется один, то поплывет вся толпа.

– А с чего это мы все должны вас послушаться? – раздался громкий, но не уверенный голос из толпы.

Майкл решился, наконец, возразить, но не решился сделать это сам и попросил крикнуть первого попавшегося человека с достаточно мощной на вид дыхалкой.

– Вы все являетесь собственностью тандема Манкоа. Поэтому распоряжения Манкоа для вас обязательны, – ответил уверенно Рейпатеонд.

Здесь уже Майкл перескочил рубеж трусости и осторожности.

– Не, вы слышали! – вскипел от этих слов он. – Мы собственность тандема! Это, то есть, я чья-то собственность! Нет! – продолжил возмущаться Майкл, рассчитывая, что окружающие поддержат его протест. – Нет! – снова повторил он.

Но непонимание ситуации и нерешительность поддерживали лишь тишину.

– Нет! – крикнул Макар.

– Нет! – еле успел его поддержать Майкл.

Но цепная реакция так и не возникла.

Рейпатеонд вспомнил рекомендации Деша, что нужно аккуратно помочь нескольким робким выполнить то, чего мы

хотим, тогда шансы, что остальные не будут сопротивляться возрастут. Он понял, что момент, если еще не упущен, то как раз настал, и нужно не говорить, а действовать.

Переглянувшись для контроля с Дешем, он кивнул Блони-су, и тот с другими пратиарийцами подошли к собравшимся и предложили не терять времени и проходить в гоны. Таким образом, активное действие пратиарийцев возобладало над вербальным сопротивлением Майкла.

Когда тебя взяли за руку и повели, тем более учтиво, без грубости, то решение принять гораздо проще. А за первыми людьми было проще последовать другим.

Видя это, Майкл и Макар поняли, что им уже не удастся остановить исход. А оставшись на площади они просто раскроют себя. Поэтому они так же плавно, уже не нарушая течений, распределились по гонам. Двигаясь среди людей, они все же продолжали изнутри вести информационную работу.

– Мы же не знали, что так собираться не положено, – переговаривались идущие.

– Это пратиарийцы считают, что так не положено. Но это не значит, что так оно и есть! – убеждал Макар. – У вас должна быть своя точка зрения!

Те, кто шли с ними рядом и слышали это, с дичайшими взглядами смотрели на Макара, означавшими, что они услышали что-то невообразимо для себя вопиющее.

– Вы же ничего не ломали, не громили, не взрывали, – продолжил Майкл. – Почему же это не положено?!

– Да в любом случае, захотели собраться, собрались, – поддерживал его Макар.

Эти слова, особенно «не взрывали» уже просто взорвали сознание неискушенных доселе новичков нарушения порядка. Это слово им казалось вообще невозможным, просто неуместным в условиях нормального уклада жизни.

Майкл, Макар, Эмили и остальные настоящие, покинув гоны на первых же остановках, не торопились возвращаться обратно в центр. Вернулись они побежденными, но еще более озлобленными и окрыленными.

*

Сразу, как только все возвратились, в чайном штабе состоялось срочное собрание. Никого даже не нужно было звать. Все собрались сами.

– Нееет, вы это слышали?! – брызгал Майкл – Мы собственность Манкоа! Это если не бред то, как минимум, отборнейшая чушь!

– Остынь немного, – советовала Эмили.

– Какой остынь? Какой остынь?! – расхаживал нервно из стороны в сторону он. – Нельзя сидеть, сложа руки! Нужно действовать! Даже говно само не выйдет! Его срать надо! А тут, понимаешь, нужно поставить на место целую..., целый..., всех этих Притиарийцев!

– Остынь! Не трать серотонин на эмоции, – как человек,

чувствуя определенную солидарность с ним, направляла в продуктивное русло его Эмили. – Потрать его на план действий.

– Ага, остынь! Остынешь тут! Ты видела, что они сделали? Они практически силком потащили их по вагонам! Конечно, после этого все табором пошли с площади!

Несмотря на то, что насильно никто никого никуда не тащил, ни Эмили, ни Макар, ни другие не стали спорить с Майклом и разуверять его в его интерпретации случившегося.

– Ну, захотели люди собраться! Имеют право! – не унимался Майкл.

– Не очкуй. Если они откажутся от предоставления нам прав, то мы им еще покажем, на что мы способны! Да мы просто вывернем их наивную Прату семь раз наизнанку! – поддержал его Макар. – И начнем мы с требования свободы, так сказать, собраний и выходных!

– Бесподобный план! Только с чего начнем? – остановила безудержный полет размытых фантазий Эмили. – Я, честно говоря, в деструктивных делах не большой мастер.

– С чего ты взяла, что это деструктивное дело? – удивился Макар.

– Вы пытаетесь разрушить существующий порядок! – ответила Эмили.

– Не вы, а мы! – уточнил Макар. – Это во-первых. А во-вторых, мы строим новый логичный удобный недискриминационный, – еле продекламировал он, – порядок.

Макар загибал пальцы на руке, считая преимущества нового мироустройства.

Арамаан расхаживал по комнате. Сегодняшние события до сих пор гудели девятыми валами в его жилах, привыкших к размеренной жизни в тишине и молитве. Мало того, что судьба лишила его в одночасье даже веры, закинув на Кле-тион, так теперь и на Прата начинало зарождаться такое же инакомыслие, которое он считал корнем зла у себя дома на Земле. Но теперь, здесь он не находил в себе чувства непри-ятия этих тенденций.

Изингома у окна скручивал партию уже высушенных ли-стьев очередного «чертополоха», который ему удалось отыс-кать, в сигару и тут же пробовал ее на вкус и эффективность. Он говорил, что жить без табака не может, и готов перепро-бовать все, чтобы найти подходящую замену. В анашишко-вых лесах ему удалось подобрать кое-что не уступающее, а здесь на Калипре он пока в поисках.

– Господа, кажется, вот эта зелень весьма не дурно ду-рит! – провозгласил изингома, затянувшись в очередной раз. – Попробуете? – любезно предложил он.

– Не откажусь, – ответил Макар и протянул руку за сига-рой.

– Аккуратно, – предупредил Изингома, передавая дымя-щуюся трубку.

– А я, пожалуй, лучше завтра, после того, как вы остане-тесь живы, – поосторожничал Майкл.

– А что у нас есть? – поинтересовался Арамаан, возвращаясь к главной теме. – У нас есть центр, где мы можем промывать как угодно мозги. Пока можем! – уточнил он. – У нас почти есть возможность оставаться непонятыми. По крайней мере, язык учат большинство.

– Они хотят его учить! Они хотят отличаться! Это важно! – подчеркнула Эмили свои наблюдения.

– Это означает, что они начали самоидентифицировать себя, – заключил Изингома. – У них появились желания. Нашему электорату уже года три отроду!

– У нас есть еще два больших преимущества перед аборигенами, – сказал Макар. – Для нас, людей, врать – это естественно! Это обеспечит нам длительное алиби.

Макар сбросил пепел сигары на стол, раздавил его пальцем и вывел в пыли цифру «один».

– Это для нас врать естественно, – поправил его Изингома, искушенный политик и стратег. – А эти несчастные клиентонцы, похоже, не пробовали ложь на вкус. Кто их знает?!

– Это не страшно. Они на самом деле такие же. Из того же теста! – уверял Макар. – Нужно только дать им ее попробовать! Они уже купились и на язык, и на выходные. И на забастовки почти купились.

– Даже не зная, что это такое и что они в них участвуют, – добавила, смеясь, Эмили.

– Здесь главное правильно все обставить! – согласился Изингома.

– У нас есть еще один безусловный козырь, – продолжал Макар. – Я повыспрашивал кое-какие моменты у нашего друга Авдея об этих пратиарийцах. Для нас так же естественно причинение ущерба и даже самопожертвование ради цели. А для пратиарийцев это, прежде всего, иррационально!

– Да я взорву себя атомной бомбой перед ихним Капитолием, – вскричал Майкл.

– Не нужно взрывать себя, – охладил его Макар. – Для этого у нас найдутся более неисчерпаемые кандидатуры. Самое главное, что пратиарийцы не будут ожидать от нас ничего подобного! Это их слабое место. Они такие же дети, в этом смысле, как и клетсионцы. Они полные придурки!

– Точно. Их слабое место в том, что они придурки! – повторил Майкл с налетом ненависти и нескрываемого азарта.

– Ну, вы разошлись, ребята. Давайте для начала оценим результаты этих выходных, – предложила Эмили. – Согласитесь, что не так уж и плохо все вышло. Мы даже получили ответную реакцию!

– И не смогли ничего ей противопоставить! – недовольно огрызнулся Майкл.

– Подожди. Ты же сам говорил, что люди не готовы еще, – напомнил Макар. – Так оно и есть.

– Вот теперь нам нужно будет научить их правильно оценивать эту ситуацию, – поддержала Эмили.

– А так же правильно общаться со своими хозяевами, – добавил Изингома. – Я боюсь, что они теперь попытаются ак-

тивно препятствовать свободному хождению людей по своим делам.

– Этому мы научим, – уверил Майкл.

– К следующим выходным! – конкретизировал Макар.

– Маленьким? – уточнил Майкл.

– На счет маленьких подумаем, стоит ли что-то затевать.

Все-таки можем не успеть прогреть почву. А на холодной стоит ли? А вот к большим в конце обиора как раз нужно готовиться!

– Итого у нас пятнадцать ариядов, – сказала Эмили, – дорисовывая в пепельном пятне рядом с цифрой «один» цифру «пять».

*

В префератах Манкоа и университета Пианс победу не праздновали. Все работали в обычном ритме. Для них это было просто решением технической проблемы, реальные масштабы которой никто себе пока не представлял.

Тот факт, отмеченный в Манкоа и преферате университета Пианс, что с первого рабочего конжона нового обиора почти все напряженности рассосались, а в течение двух конжонов сошли на нет и остальные, а так же спокойный выходной на восьмой конжон, не давал повода серьезно возвращаться к теме. Казалось, что предпринятые действия возымели должный эффект.

Майкл, старательно сдерживаясь, назвал бы пратиарийцев прогрессирующими дегенератами. Такое спокойствие, на сформировавшемся фоне, непременно должно было бы вызвать озабоченность. Но не у непривыкшей к интригам Прата, где даже нет такого понятия, как «честь», которое возможно только при наличии тех, у кого ее нет. Поэтому ничего не ожидалось и не принималось никаких попыток что-то прояснить, принять превентивные меры.

Бомба снова взорвалась неожиданно.

Эвелина и Глеб, измождая фантазию, конспирировались в закоулочном баре на окраине центра города. Посетителей было не очень много, но все небольшими увлеченными собой компаниями. Приглушенный свет и назойливые матовые блики на затертых черных столешницах от мигающей на сцене светомузыки бодрили веселящихся и утомляли тех, кто топил свои трудности. Поэтому, вряд ли кто-то мог заметить, что Глеб упорно не торопился пьянеть, несмотря на то, что бармен Эвелина подавала ему уже четвертый широкий стакан разбавленного черного чая со льдом.

Эвелина устроилась сюда недавно, поскольку прежняя вольная и даже хаотичная, как окрестил ее Глеб, диверсионная деятельность закончилась после присоединения к Примуле.

Она снова временно отвлеклась, чтобы обслужить других посетителей, подошедших к барной стойке. А вернувшись через несколько минут, обнаружила Глеба, полностью ушедшего в задворки своего сознания или даже подсознания.

– Повторить? – спросила она.

– Мне, кажется, что мне уже достаточно, – улыбнулся в ответ Глеб.

– Куда пропал?

– То есть? – сморщился Глеб, не поняв, что имеет в виду

Эвелина.

– У тебя вид, будто ты на Луне. О чем думаешь?

– Не поверишь. Молюсь практически!

– Ну, в принципе, выглядишь соответствующе случаю, – присмотревшись на Глеба, сказала Эви. – О чем? Или о ком?

– Чтобы все удалось. И знаешь, на какой мысли себя поймал? Сижу, думаю «Помоги, Господи! Я сделаю, все, что Ты захочешь. Я постараюсь Тебе..., я обещаю...», дальше думаю, «...я буду...». И вот сижу теперь и думаю, что же я буду?

– Все ясно, – сделала вывод Эвелина. – Повторить! Может, все-таки не только для вида?

Эвелина заметила активизировавшегося клиента и оставила Глеба размышлять дальше.

«Да, собственно, что я могу пообещать? Все что у меня есть, и так Твое, – думал дальше Глеб. – Все мы в Твоей воле! Что бы я ни сделал, это все равно...».

– Не грузись. Все еще будет хорошо! – подбодрила, в очередной раз оказавшись возле Глеба, Эвелина.

– Да я знаю, – ответил он. – Если ничего уже быть не может, то ничего и нет. Настоящее есть только тогда, когда есть будущее. Но мы-то есть!

Эвелина даже немного поморщилась и покачала головой, пытаясь разобраться в услышанном и прикрывая задумчивость усердной протиркой барной стойки.

– Ты в штабе давно не показывался, – перевела она тему.

– Необходимости не было, а лишний раз светиться там...

Зачем, если можно встретиться и, например, здесь?

– Я была недавно. Говорят, сестра звонила.

– Что-то рассказывала?

– У них там человек потерялся. Парнишка. Мигель. Просто уже не появляется больше двух недель. Дома его нет. Где могли его поискать, уже искали. Нету.

– Больницы, морги, полиция...?

– Конечно.

– Чтобы совсем бесследно...? – задумался Глеб. – Раньше, лет так десять назад, я бы сказал, что это странно. А сейчас...

– Чаша так не думает. Он не взял свой детектор, – продолжила Эвелина.

– Забыл, – логично предположил Глеб.

– Они там уже вспоминали всем штабом. Говорят, что он его почти никогда с собой и не брал. Хуже другое. Пелка заставила Уайдшера проверить прошивки всех вакцин. Они каждую прошивку готовят индивидуально, хотя и с одного шаблона, и хранят. В одной нашли изменения, которых быть не должно. Похоже, что эту вакцину готовил как раз Мигель.

– Как это? Изменения, которых быть не должно! Это что значит?

– Ну, откуда я знаю? Уайдшер темнит, но говорит, что похоже на вторичную подмену цели. При каком условии? Пока точно не установили, но похоже, что прояснения деталей первой.

– А Браннекен куда смотрел? – вспыхнул Глеб, оценив новость, но через секунду отошел. – Он вообще-то типа биологом там. За программную часть Уайдшер отвечает. И сколько таких вакцин сделали?

– Нашли, говорят, одну. Проверяют остальные. Пелка там всех на наадреналинила.

– Надо пойти самому узнать, – закончил Глеб. – Не в восторге я от таких сюрпризов. Подмена цели, подмена цели... – рассуждал он. – Вполне возможно, по этой причине не получена часть трансфонаторов.

Глеб снова остался один и какое-то время наблюдал за Эвелиной, как она неумело, но стараясь казаться профессиональной, наполняла стаканы. Пока в помещение не влетели несколько грифов.

«Облава? Или зачистка? – напрягся он. Но по сформированной уже привычке даже голову повернул не резко, посмотрев на них краем глаза. – Или просто смотрины? Сейчас такие повсюду случаются».

Потом он стал себя успокаивать, попивая свой бутотфорский виски, как бы не обращая внимания на происходящее. Эвелина тем временем не подходила к Глебу и тоже изо всех сил старалась не смотреть на Глеба даже вскользь.

В участке Германа допрашивали. Из его карманов выпо-

трошили все, что при нем было. Он снова встретился с добрейшей администраторшей гостиницы и овальным швейцаром, который и здесь выглядел таким же равнодушным к происходящему, как и на работе. С администраторшей они даже поспорили.

Герман утверждал, что не знает эту женщину. Она же клялась в обратном, рассказывая небылицы про сломанный ключ, который, однако, удалось предъявить. Также она рассказала, что в тот же день, когда этот господин жаловался на ключ, вечером другой настоящий постоялец того номера сообщил дежурной, это уже была не я, что в его номере кто-то рылся в вещах.

– И вы вызвали по этому поводу полицию? – поинтересовался следователь.

– Кто же ему поверил? – довольно естественно возмутилась администраторша. – Можно подумать, можно помнить, как оно все там у него лежало. Да, может, уборщица что-то и подвинула. Он же не заявлял, что вещи разбросаны.

– А зачем Вы тогда об этом рассказываете, если Вы и сами ему не поверили? – заметно напрягаясь уточнил следователь.

– Ну, ... ну, я просто... я рассказываю все по порядку, – нашлась администраторша.

А вот версия охранника совпадала с версией Германа. Охранник не узнал его. При этом он утверждал, что у него отличная память на лица, поскольку он уже шесть с лишним лет работает швейцаром в этой гостинице, здоровается

с каждым постояльцем. И даже более того, он утверждал, что помнит гостей, когда они приезжают в отель даже несколько лет спустя.

По номерам счетов, выписанных Германом на листке, полиция легко восстановила фамилии и адреса лиц, упомянутых там.

– Где и при каких обстоятельствах Вы познакомились с Лейлой Явершек, уроженкой города Блед Словенского округа, Ериасом Петранди, Сейидом Дарауи...? – напирал следователь. – Имена этих людей были в Вашем списке.

– Я не знаком с этими людьми.

– Откуда они в вашем списке?

– Это не мой список. Кто-то забыл его на столе в кафе, где вы меня нашли. Мне стало любопытно даже, что может объединять этих людей.

– И что же, по-вашему?

– Вероятнее всего, это некий список приглашенных. Может, как раз вы и сможете объяснить мне это? – провокационно развернул разговор Герман.

«А я был бы вам за это весьма признателен», – закончил он мысленно фразу.

– А для чего в списке приглашенных указаны счета некоторых из них? – не поддавался следователь.

– Вы меня об этом спрашиваете?

– Вас. Именно вас! – уверенно говорил следователь.

– Это не мой список. Откуда мне знать?

– И Ваше имя, кстати, тоже здесь есть?

– С чего вы взяли, что это мое имя? Это просто совпадение!

– Перепишите этот список на чистый лист, – предложил тогда следователь.

– Зачем?

– Мы без Вас разберемся, зачем нам это нужно. Просто перепишите, – настаивал следователь.

– А потом вы возьмете мой список и будете утверждать, что он мой? Нет, так не пойдет.

– Не Вам здесь решать, что пойдет, а что не пойдет, – повысил голос следователь. – Не хотите переписывать, пишите тогда, что угодно.

Герман написал несколько строк какого-то стихотворения, стараясь исказить свой почерк.

– Вы так всегда пишете? – спросил следователь, посмотрев на образец.

– Всегда, – ответил Герман.

– Хорошо, – закончил следователь. – Отведите его в камеру, пускай еще посидит там денек, пока мы тут разберемся с его писаниной, – приказал он охраннику.

*

«Ну, что ж, во всем есть свои плюсы и минусы, – рассуждал Герман. – Я потерял здесь уже много времени, но они

сами сказали мне имена и фамилии моих...»

Он даже не знал, кто они ему, подельники, коллеги, соучастники. Но чего? Ведь общего смысла мероприятия никто из них не знал».

Скудность обстановки в камере, а так же ее открытость, не предоставляли возможности для чего-либо иного, как думать. Рассуждая о происходящем, Герман обратил внимание, что его личное отношение к заданию теперь диаметрально противоположно таковому в момент получения конвертов. Он попытался нащупать точки соприкосновения этих двух отношений, осознать момент перемены и, самое главное, причины.

Две мысли, фактически два сознания передрались в его голове, но осталось все же последнее, столь же целеустремленное, но более хитрое, более расчетливое, более жесткое. Он удивился тому, что на эти две точки зрения ему удастся посмотреть как бы сверху, хотя и не полностью от них абстрагируясь. Где-то вдали нечетко ощущалось, что эти линии, как две команды, данные изнутри, понятные и не вызывающие неприятия. Герман так же краем сознания чувствовал, что его нынешняя жесткость странная, как будто не его, словно маска, но комфортная, не создающая внутреннего конфликта.

Его недолгие размышления прервал охранник, который в очередной раз прошел по коридору мимо камер и прогремел палкой по решеткам. Герман в этот раз негромко ругнулся.

Охранник это услышал, но не разозлился. Только довольно ухмыльнулся. Ему было достаточно того, что он зацепил хотя бы одного из задержанных своим поведением. Герман заметил реакцию охранника.

Когда психозы утихли, Герман снова завяз в каких-то своих сумбурных рассуждениях: «Следователь был очень уравновешен. Лишь однажды повысил голос. Дежурные в отделениях были такие же, спокойные, невозмутимые. Даже равнодушные. Но все-таки очень непосредственные, раскованные».

Слухи давно ходили, что в полиции работают они, особенно с тех пор, как появились грифы. Но...

Во время очередной выходки охранника Герман с видом, что он уже не выдерживает этих звуков, вскочил с места, побежал к решетке и заорал:

– Гнида красноухая, ты еще долго будешь это делать?

Но охранник, довольно улыбаясь ехидными глазами, молча прошел мимо. Возвращаясь обратно, он словно ждал, что задержанный выдаст очередную порцию эмоций, и был готов испить ее. Однако, Герман решил лишить его этого удовольствия. Охранник удалился, явно не получив ожидаемого, а Герман знал, что в следующий раз ему будет уделено особое внимание.

Он угадал. Перерыв до следующего обхода оказался короче прежних. Охранник прошел мимо его камеры, но сразу же вернулся и нахально посмотрел на молчащего Германа.

– Тебе, наконец, понравилась моя музыка?

– Так себе, – пробурчал под нос Герман.

– Что ты там такое сказал?

Теперь бесился охранник. Его бы не выводило такое поведение задержанного, если бы в прошлый раз Герман не позволил себе агрессивную реакцию. Теперь охраннику не хватало этой злости, словно воздуха. Он со вкусом молниеобразно прогремел по решетке Германа.

– Ну, как? – не унимался он.

– Как твое чертово имя? – просипел, не поднимая взгляда, Герман.

– Чё ты там сказал?

Охранник подошел вплотную к решетке.

– Имя твое как, спрашиваю? – самоуверенно и вызывающе смотрел в лицо охранника Герман.

– Тебе зачем?

– Фэн клуб открыть! – ответил Герман, без резких движений вставая с места.

Охранник надменно захихикал, но назвался.

– Зак! А ты, типа, умный что ли? Или смелый? – хамел на з глазах охранник, опираясь руками на пруты решетки.

– Модный, – ответил Герман, медленно шагая к охраннику. – Ловлю свежие веяния.

Когда Герман оказался на близком расстоянии от решетки, охранник отпустил руки.

– А чё успокоился-то? Мне понравилось, как ты в про-

шлый раз повис зубами на прутьях, – донимал охранник.

– А ты чего руки-то убрал? Зубов боишься? Зак! – наступал Герман, подтверждая свою уверенность движениями бровей. – А, Зак! – Он очень четко и звучно произносил его имя, затягивая первый звук. Герман подошел вплотную к решетке и взялся за прутья. – Руки свои поставь сюда. Посмотрим друг на друга. Зак! А?! Или они у тебя уже трясутся?

– И что дальше?

Охранник оказался и тех, на кого прием «слабо?» действует сильнее, чем красная тряпка на быка. Он, не спеша, тоже взялся за решетку, расставив руки шире, каждой рукой через прут от рук Германа. Его плечи ему это позволяли. Они смотрели в глаза друг другу.

– Что, справился со страхом? Зак! – Герман дразнил охранника словами.

– Чего не кусаешься? – накалял атмосферу и охранник.

Герман напрягся, словно пытаясь поднять решетку, но бросил руки и отвернулся от Зака. Тот довольный засмеялся. Герман снова повернулся и, изображая злобу, но без резких движений, взялся левой рукой за решетку.

– Ну, и что ты можешь сделать? – проговорил Зак.

– А что я хочу сделать? – улыбнулся ему в ответ Герман. – Как ты думаешь?

– В твоей ситуации это имеет значение? – усмехнулся Зак.

Герман видя, что немного ослабил бдительность и настойчивость собеседника, улучил момент и долбанул охран-

ника в палец, ту его часть, которая была по внутреннюю сторону решетки. Времени прицеляться и осторожничать не было. Необходимо было использовать единственную попытку и при этом не промазать. Поэтому Заку было больно, так как зубец, раздавив ткань, дошел до кости.

Зак не стеснялся в подборе слов. Он снова с остервенением прогремел своей дубиной по решетке. Но Герман не сводил глаз с пальца охранника.

– Что ты смотришь? Шлань залетная!

– Кровь-то есть? Покажи! – теперь надменно позволял себе говорить Герман.

– А с какого якоря ей не быть? – огрызнулся Зак.

Герман, выяснив для себя то, что хотел, уселся в дальнем углу камеры и принялся тщательно оттирать зубец. Зак, пытаясь, надеялся дождаться ответа. Герман открутил с тупого края зубца крышку, капнул чем-то на угол рубашки, закрутил все обратно и продолжил тереть. Наконец, он выдавил.

– Рад за тебя! – спокойными глазами Герман посмотрел в глаза Зака.

Заку пришлось удалиться, хотя он и постарался это сделать с достоинством.

Вернувшись к себе, его больше беспокоила не боль, а предмет, которым воспользовался Герман: что это было, в чем оно было, почему его не изъяли при обыске, чего теперь бояться, нужно ли что-нибудь предпринять? С утиханием боли улеглись и опасения, но теперь не давал покоя другой

вопрос «зачем?»

Зак, конечно же, был много наслышан о методе Джоски Кардаша, но задержанные такого никогда еще не делали.

На следующем обходе Зак громыхая по решетке, покосился на Германа. Тот в свою очередь выделил Заку не более почтительный взгляд с легкой ухмылкой. Возвращаясь, Зак остановился у Германа и тихо спросил:

– Зачем ты это сделал?

– Не был уверен, кто ты.

– Какая тебе разница?

– С людьми всегда можно было договориться.

– Ты сам-то...?

– Хм, – с улыбкой выдохнул Герман. – А тебе какая разница?

Зак не нашелся сразу, что ответить и задумался.

Герман понял, что момент подходящий, и другого, возможно, не будет.

– Послушай, – энергично зашептал он, подскочив с места и подбежав к Заку, так что Зак даже отпрянул от решетки. – Ты же понял, что я не в бирюльки играю, и кровищу пускаю не от дешевого любопытства. Тебя самого не достали они? Не тошнит, оттого, что они везде? И то, что ты здесь оказался человеком, не означает, что остальные здесь люди. – Герман подкрепил свою уверенную скороговорку видом своей крови. – Мне нужно отсюда выбраться. Если я и такие как я будем торчать здесь, и даже такие как ты, хоть и не за решет-

кой, мы никогда не сможем от них избавиться. Ты понимаешь? Время против нас. Их становится только больше. Настанет момент, когда мы даже все вместе окажемся слабее.

Герман догнал Лейлу и накинул на ее шею удавку. Но Лейле удалось развернуться к Герману лицом, отчего и удавка немного ослабла. Она смогла даже что-то просипеть, глядя ему прямо в глаза.

– Герман, ты не можешь этого сделать. Ведь мы тогда сорвем задание. Ты ведь человек!

Герман молчал, уверенно держа в руке шнур. На его лице не дрогнул ни один мускул, но на лбу выступила испарина. На жалостливые и непонимающие происходящего глаза Лейлы навернулись слезы. Она, выдавливая из легких последние капли воздуха, едва слышно продолжала умолять.

– Ты не можешь. Как ты можешь?

Слеза скользнула по щеке, за ней вторая. Герман снова вспомнил весну, окно, стекающие по стеклу ручейки, прямо как слеза по щеке Лейлы, пробивающиеся сквозь облака лучи Солнца, голос матери «Геруш, если б мы были у себя дома...», букетик примулы, снова мамин голос «Поздравляем и вас», улыбку девочки и необычное, но красивое, имя.

«Как же ее имя?» – остановилась мысль.

Его руки невольно ослабили хватку, но голова Лейлы уже

начала опускаться на бок. Следы от нескольких слезинок теперь стали наклонными, а новые упали вниз, но уже не вдоль побледневшей щеки.

Может, еще и можно было бы отпустить совсем петлю и вернуть Лейлу, но косые следы слез вызвали в памяти другие воспоминания: поезд, дождь, струйки воды бегут поперек стекла, снова желтые с прочерную лучи, вновь ласковые слова матери, нежное прикосновение ее руки к его волосам, цветы, улыбка с челкой на глазах, и имя... Эвелина.

«Да ее звали Эвелина!» – вспомнил Герман и не смог удержать на руках полностью ослабшее тело Лейлы.

Но он не смог обратить на это внимание.

Его мысли накладывались одна на другую: «Поезд, куда он ехал? Куда я ехал? Почему я ехал? Почему ехал я? Кто я?» «Ты ведь человек», как ответ прозвучали слова Лейлы. «Что сейчас происходит в моей мастерской? У меня есть мастерская!» – закрепился восстановленный факт. – ...

Зелено-белая деревянная вывеска над ней, раскачиваемая сильным ветром, вылетающий из-за угла черный гриф, которого он смог увидеть только одним глазом, едва освободившись от накрывшей его...

«А что это вообще было?» – возникла и растаяла неясность.

Он не смог вспомнить. Потом снова поезд. Встреча. Поезд. Другая... Задание. Против них. Наивысшая степень... И что он сейчас сделал?

Герман стоял в оцепенении, руки внезапно задрожали, клещи жестокости отпустили, в висках словно прорвало дамбу, разум оценивал происходящее. Часть мыслей были, как наблюдение со стороны, часть были от первого лица, своего лица.

«Ты ведь человек» – било в голове.

«Я ведь человек! – отвечалось там же. – Против них... – Он посмотрел вниз и увидел Лейлу, сразу вспомнил искаженные лица Дины и Ллеу. – Это не против Лейлы! Восемь! Теперь уже минус..., минус три».

Кровь снова хлынула к голове, отразившись на некоторое время в глазах белой пеленой ужаса от совершенной ошибки.

«Не может быть, чтобы все было кончено» – пробивалась через плотный туман оцепенения надежда.

Логическая цепочка уже начинала разворачиваться от фактов к необходимому при сложившихся обстоятельствах.

«Дина, ей в Вааль через неделю, потом далеко ехать не нужно. У нее Европа. Ллеу, ему в конце августа, мне в начале сентября. Ллеу в Австралию. Лейла свой трансфонатор уже получила, поэтому и не смогла с ним от меня убежать. – Он нашел ее конверт с заданием. – Тоже не уничтожен! – Он даже улыбнулся этому факту. – Как конверты с пин-кодом у любителей старомодных банковских карт. Хранятся даже после истечения срока действия карты. Ладно, – вернулся Герман к главному. – Лейла должна была попасть в Южную

Америку.

А дату мы выбрали первое января. Осталось четыре месяца и четыре трансфонатора, которые мы, включая меня, должны были установить. Три из них теперь включать некому.

Допустим, включить его можно не обязательно рукой человека, я без труда придумаю, как это сделать. Самое сложное, значит, найти безопасное место, где его можно разместить, чтобы его не обнаружили».

– Чего окно буравишь? – подбежала Милена. – Давай, выходи из тыла. Всегда на передовой, а как праздник, так отсиживаешься где-то в грустных пещерах.

– Ты знаешь, – повернулся к ней Глеб. – Я в последнее время все больше замечаю, что в этот день мне не хватает тех, с кем мы отмечали Новый год в детстве. Пелы, Эви, родителей, тети Ви, ну, их ты не знаешь... Пять лет, с момента, как провели канал, мы хотя бы в штабах на прямой связи были в это время, а последние годы в штабе только по необходимости... – Глеб немного задумался. – С Акимом хотя бы по прежнему вместе.

Милена помахала ему рукой перед глазами.

– Алё! С Новым годом! Ты где?

– Да, вот, вспомнил тетю Ви и вспомнил сразу дядю Ав-

дея. Представляешь, исчез человек, а мы ведь так и не знаем, что с ним произошло! Абсолютно никакого даже глупого объяснения. Хотя нет. Одно глупое было у моего отца. Но это, если не бред, то, как минимум, не доказано.

– Да, я слышала, кажется, эту историю, – припомнила с трудом Милена и тоже изменилась в лице, глядя на Глеба.

– Он был лучшим другом отца, – Глеб снова немного задумался, теперь над словом «друг». – Отец говорил, что вообще это слово может связать только с двумя людьми. Представляешь, – медленно вслух думал он, – сколько смысла он вкладывал в это слово? И что для него означало потерять друга?

Милена прищурилась, глядя в глаза Глебу, потом приблизилась к его лицу, дунула слегка в бровь.

– Мм... Все понятно, – констатировала она.

– Что тебе стало понятно?

– Да, я подумала, тебе снегом что ли через стекло брови присыпало, или ты прислонился к стеклу и намерзло? – она вздохнула.

– А оказалось что? – удивился Глеб.

– Нет. Это не снег. Это она самая! Ты, как твой отец, поседел быстро, буквально за три года.

– Угу, так же сразу же после полтинника, – согласился Глеб. – Мать все время говорила: «Порода!».

Но все-таки Милене удалось вытащить из себя Глеба, они прошли в большую комнату, где находились все остальные,

где традиционно играла музыка и надрывался напрасно телевизор, горели свечи и был включен свет, где кричали дети и тостовали взрослые, где закусывали и запивали резвящими напитками съеденное.

– По-твоему это настолько разные вещи? – ни в какую не унимался Захар.

– Конечно разные! Я бы сказал принципиально разные! – настаивал Тим.

– Давай тогда обосновывай.

– Вот, я тебя вовремя вызволила, – обрадовалась Милена услышанному, когда они с Глебом подошли к спорщикам. – Тут сейчас будут что-то обосновывать, ты такие темы любишь.

– Ага, давайте, давайте, подключайтесь. Сейчас мы еще и ваши соображения заслушаем! – поддержал Захар.

– Легко! Например, родине я обязан, а государству нет. Принципиальная разница? Как считаешь? – пояснил Тим свою позицию.

– Это ты считаешь, что не обязан государству! – парировал Захар.

– Если государство считает иначе, то ему от этого не сытнее! Вот если бы оно хотело, чтобы я считал иначе...!

Захар переосмыслил эти слова и продолжил:

– Ты говоришь об этом, как будто это не связанные вещи, но это просто две стороны одной медали.

– Ничего подобного! Родина – это люди, которые тебя ро-

дили, с которыми ты рос, которые тебя учили, а государство – это машина, которая тебя использует, просто потому, что ты ее часть, которая в случае необходимости просто выплюнет тебя, прожевав. Или еще лучше даже не дожевав. Которая вот так вот тупо улыбается тебе с экрана, – Тим указал на замеченную краем глаза девицу, застывшую в улыбке на телеэкране.

– А тебе хотелось бы, чтобы оно скалилось на тебя с экрана? – предложил альтернативу Глеб.

– Ага, это ты бы назвал заботой о тебе? – поддержал хохму Захар.

Просмеялись и хотели было вернуться к спору, но Милена обратила внимание обратно на телевизор:

– А чего она так старательно лыбится-то?

Тим, Глеб и Захар посмотрели на экран. Ведущая новостного канала, который так и остался включенным после торжественных поздравлений президента Земли, действительно уже с момента, как их заметили дискуссанты, то есть как минимум с полминуты, не меняла выражения лица.

– И долго она уже так? – спросил Захар.

– Она так долго уже мучается? – каскадно поинтересовалась Милена у остальных, кто был в комнате.

– А кто его смотрит? – ответил Аким, оказавшийся из танцующих в данный момент ближе всего к Милене и услышавший вопрос.

– Так, понятно! – многозначительно потянул Глеб и яв-

но активизировался на этой нетипичной ситуации. – Или не очень понятно?

– Это ты думаешь об этом, или я? – загадочно посмотрел на него Захар.

Глеб многозначительно поднял палец вверх.

– Не спугни мысль! – медленно произнес он.

Все отупенно смотрели на экран.

– Да это просто картинка залипла, со связью что-то, наверное, – предположил Тим.

Милена схватила пульт от телевизора.

– Нет, не переключай пока, – решительно попросил Захар.

– Да я хочу посмотреть, везде так? – пояснила Милена.

– А ты попробуй, лучше, на кухне посмотреть. Здесь-то тоже интересно, – возразил Захар.

– Интересно? Она же просто застыла! – усмехнулся Тим.

– Это же не может долго длиться, либо отлипнет, либо ситуация будет развиваться, – ответил Глеб.

Милена согласилась и только хотела уйти, но заметила изменения в кадре и осталась. К ведущей подошли две женщины и мужчина.

– Эй, ты здесь? – кричали они ей.

Они пощелкали и помахали ведущей перед глазами, хлопнули возле ушей. Она реагировала на раздражители, водила глазами, даже немного поворачивала голову, но ничего не отвечала. Ей приподняли руку, но рука плавно опустилась обратно на стол, как только ее отпустили.

Неожиданно кадр быстро поплыл в сторону. Кто-то просто начал разворачивать камеру. В кадре оказались еще несколько человек, таких же замороженных.

– Техники, наверное, какие-нибудь осветители, – предположил Захар.

– Возможно, – согласился Тим. – Слушайте, так вы думаете, что... – просиял Тим и посмотрел на Глеба и Захара.

Глеб тоже искажился в лице. Понять его выражение было не просто. На нем было и удивление, и радость, и неверие, и предвкушение, и лихорадочное размышление, и даже страх.

Он заметил, что часть компании по-прежнему отрывается под ретрогрессивную музыку.

– Аким, ты это видел? – позвал Глеб. – Эй, кабак «Кому за», нон-стоп закончен. Смотрите сюда!

– Вы как хотите, следите здесь, я все-таки посмотрю другие каналы, – заявила Милена. И со словами: – Идем со мною, – схватила под руку Захара и потащила его на кухню.

Глеб остолбенело смотрел в экран. За его спиной кто-то неосторожно шаркнул, задев его. Глеб машинально обернулся. Улыбчиво распардонившись с Эви, внимание Глеба переключилось на окно. Падал довольно крупный снег.

«Значит, теплеет? – подумал он, где-то внутри почувствовав и другое значение этого слова. – Теплеет в мире».

По стеклу приоткрытой створки окна под действием душного воздуха комнаты сбегала извилинками вниз капля подтаявшего снега. Другие, казалось, дрожали, поджидая свою

минуту для старта.

«Есть вероятность, что они больше не будут править миром. Странно, – вдруг Глебу пришла в голову мысль. – Мы так и не знаем кто они, и даже не придумали им названия. Мы так и называем их «они». Как их назвал Джоска Кардаш, впервые достучавшийся до всего мира с сообщением об их существовании».

*

Капли часто бились в не поддававшееся им стекло, отбрызгивая себя частично назад. Остальное стекало напрямиком на ступеньки водопада, располагавшегося прямо за стеклом, и смешивалось с водой, подаваемой искусственно. Идентичная картина наблюдалась у такого же во всю высоту помещения стекла, отделявшего вторую половину немногочисленной скромной, но вкусной, кафетешки от уличной террасы. Тропический ливень шел на убыль, и ручейки на стекле становились все более отчетливыми. Высокое Солнце придавало им рельеф.

Наблюдая эту картину память достала из своей фильмотеки еще несколько подобных. Но одна из них была особенной. Она была самой далекой, в самой крупной дымке, но все равно самой детальной и теплой. Память ребенка замечает больше подробностей.

Воспоминание той детской умиротворенности совпало с

ощущением текущего момента. Герман вдруг явно ощутил, что его отпустило одержимое чувство цели, которое волокло ноги куда-то вперед, чтобы...

«... чтобы там произошло что-то, – подумал Герман. – Что именно? Работы и подработки, поезда, гостиницы, странные встречи в магазинах, задания, погони, убийства, самолеты, чуть ли не все континенты, где никогда не был и вряд ли бы побывал, всего за несколько месяцев, Австралия, при вылете из Парижа в Аргентину трижды садился из-за неудачных взлетов, рухлядь одна летает, чуть не опоздал из-за нее... Стоп... – смутились мысли, все-таки уловив в потоке воспоминаний нечто ужасное. – Какие убийства? Кто убил? Я убил. Дина, Ллеу! Я убил? – пререкались извилины. – Вроде. – Он посмотрел на руки. – Они. Я помню эти руки. Эти руки держали Дину. Значит, это был я?»

Ужас хлынул в виски. Умиротворенность испарилась. Капли на стекле стали раздражать своей визуальной сыростью, потому что организм начал выводить тревогу из себя потливостью в подмышках и вдоль всей спины.

«Так было нужно! – прозвучало оправдание в голове. – Зачем это было нужно? Такой был план! Это я так планировал? А кто это спланировал? А что вообще это был за план? Но я же его весь выполнил! Да! Выполнил! Конечно! Я же три раза возвращался и проверял. Трансфонатор работал, если я что-то понимаю в работающей электронике. Он запустился вовремя».

Ощущение выполненной задачи вновь переключило переутомленное чужими мотивами сознание в состояние покоя. Слегка неравномерный шелест капель создавал обволакивающую неощутимую вибрацию на коже. Струйки воды как будто замедлили свой бег вниз.

Наблюдая из, он снова вспомнил самого доброго человека на свете – маму, которая согласилась пойти на праздник. Каких-то сорок лет назад! Он вспомнил букетик примул. И девочку с длинной челкой. Ее глаза. Он только сейчас смог понять эти глаза:

«Они что-то спрашивали... В отличие от глаз сестры. Те все знали! – подумал Герман. – Да. Те все знали. А ее глазам мало было все знать».

*

«Кто бы вы ни были, спасибо вам, – думал Глеб, считая пролетающие за стеклом хлопья снега. – Кто бы вы ни были... Вы сделали это! В вашей второй жизни, которую подарила вам наука, вы стали людьми, которым человечество обязано своей свободой.

Но свободой от кого? – Милена не смогла полностью изгнать лабиринт вопросов из головы Глеб на этот вечер. – Что они сделали плохого нам? Ведь последние десять лет войны мы живем гораздо хуже, чем до нее. А они присутствовали на Земле, судя по теории отца, не меньше пятидесяти лет.

Сколько у них было возможностей уничтожить здесь жизнь? Пожалуй, не меньше, чем у нас самих...»

Сознание, как будто осознало, что отвлеклось.

«И все-таки теперь мы сами решаем свою судьбу. Спасибо тем, что сегодня отвоевал нам эту возможность. К сожалению, история, возможно, так и не узнает ваши имена. История будет помнить, что вас было восемь. А сколько из вас смогли выполнить задание... Это мы скоро узнаем. Остальным слава за храбрость. Неосознаваемую, – Глеб невольно улыбнулся. – Не-о-соз-на-ваемую!»

– Ну, что ж, первый раунд, похоже, за нами, – порвался в общую тишину и оцепенений Аким. – Что нас ждет дальше? Будем уже радоваться или подождем еще полчасака?

– Я бы выбирал между радоваться и бояться, – задумавшись, ответил Глеб.

– Это еще почему? – возмутился Тим.

– Ты же сам только что сказал, что за нами первый раунд! – ответил Глеб.

– Да не грузи! Ты просто прогорклый скептик какой-то! – недоумевал Аким.

– Может он как раз просто дальновидный реалист?! – возразила Милена.

– Реалист смотрит на вещи реально, – не хотел соглашаться Аким. – Если мы победили, то нужно радоваться. А он брови кривит!

– Давайте не будем вдаваться в разницу между скептиком

и реалистом, – успокоил их Глеб. – Что меня так тревожит? Просто на данном этапе нам на руку играло то, что мы не вели активного противостояния раньше.

– Как это не вели? – возмутился, было, Тим.

– А что мы вели? Несистемные мелкие вылазки, легко восстанавливаемый урон. А теперь в каких масштабах? Теперь они знают, что мы не смирились, – аргументировал Глеб.

– Кстати, кстати о масштабах! А запущены все восемь трансфонаторов? – осознал, что вопросы действительно еще остались, Захар.

– Это наверняка знать невозможно, – ответил Глеб.

– Мы только знаем, что забрали все восемь, – добавил Аким. – Это я проверял. Но кто забрал и куда дел, я не знаю.

– А если следующий раунд будет, то он, как это обычно бывает, будет только сложнее, – продолжал нагонять своего беспокойства на остальных Глеб.

– Ты, наверное, просто привык жить в борьбе и не представляешь себе будущего без ее продолжения, – улыбнулась Милена. – Может, все-таки расслабишься?

– Хотя бы ненадолго! – поддержал Тим.

– Мы не знаем, достаточно ли будет мощности трансфонаторов, – не мог успокоить бег своих мыслей Глеб, машинально выстраивая шаги, которые им теперь будет необходимо предпринять, – чтобы заблокировать их деятельность вне пределов Земли.

– Тогда разместим трансфонаторы прямо на орбите! –

предложил Захар.

– Резонная задача на ближайшее будущее!

«Все детство мечтал посмотреть на тебя вот так вот сверху, в юности понял, что это не реально, эта профессия не для меня, но оставалась надежда на технический прогресс... А теперь вот смотри не хочу, кручу в любую сторону, хочу ближе, хочу дальше...

И что это я опять тебя включил вообще? Что-то ведь дернуло. Может, кто-то еще обо мне изредка вспоминает? – размышлял Авдей, и сам замечал, успевая удивляться этому, что мысли ползут настолько медленно, что иногда он может предугадать, какая будет следующая.

– Интересно, когда мысль угадывает следующую себя, это Деш специально предусматривал такую возможность, или это мне от скуки мерещится?

Перед его глазами медленно и даже, пожалуй, скучно поворачивался справа налево голубовато-белесый шар.

– И как космонавты годами на орбите на это могут смотреть? Наверное, у них много работы, если им это не надо-едает».

Вернулся домой Деш с детьми.

«Значит, выходные, – подумал Авдей. – Значит, ничего не делать будет не так скучно. Правда, прошлые выходные прошли даже весело, – Авдею припомнились массовки, что были обиор назад, от чего он даже оживился. – Да и в послед-

нее время мне вообще уже не так скучно стало. У меня тоже появилась как бы работа. Работой, конечно, не назовешь, денег не платят. Но они мне здесь и не нужны».

Майкл и Макар уже давно уговаривали Авдея тоже принять участие в их делах. А они оба делали это умеючи.

– Ты же тоже настоящий, – убеждал Макар.

– Да они тоже настоящие, – парировал Авдей, – только... как бы другой культуры. Ну, как европейцы и азиаты.

– Да это несравнимые вещи! Это как вишня и вишневого цвета мармеладка! Ты не должен спокойно смотреть на то, как они их эксплуатируют и нас пытаются занять тем же!

Но их методика убеждения, напирая и говняя чужую точку зрения, даже при наличии вменяемых аргументов не сработала. Удалось убедить его Эмили.

– Они не умеют жить по-настоящему, – говорила она. – Они не знают всей гаммы чувств, на которые способен человек. У них даже любовь сухая. Причем они ее никак не называют...

«Уж кто-бы говорил», – подумал Майкл, вспомнив, что все время, сколько он ее знает, она всегда была одна.

А знает он ее уже долго. Хотя они так и не научились ориентироваться в этом новом времени, но были признаки, подтверждавшие долгое знакомство. Самым убедительным мерилом времени было зеркало. По его мнению, все-таки прошло уже около десяти лет.

– И только мы, пока мы живы, а это скоро закончится, мо-

жем научить их этому, можем передать им подлинную человеческую культуру, научить их чувствовать, творить, созидать... – с неподдельным, как показалось Авдею, чувством не столько давила, сколько внушала Эмили.

– Мы хотим их научить созидать, разрушая тот мир, в котором они существуют, – возразил Авдей, в чем-то повторив собственные мысли Эмили.

– Не дури, мечтатель! Ты где этого нахлебался?! Этот мир не их! Это мир пратиарийцев. А все эти люди даже не знают, зачем они здесь живут! – напирал Майкл.

– Они в один голос говорят, чтобы выполнять свою работу! – ответил Авдей.

– И это, по-твоему, нормально? Бред! Жить ради работы! Ничего при этом за нее не получая! – наваливался на свою чашу весов Макар. – В них просто как-то вдолбили это рабское самосознание.

– Они же ни во что не верят, – аргументировала Эмили. – И самое главное, они не верят в себя! Мы дадим им шанс построить здесь свой мир. Мир пратиарийцев при этом не разрушится. Он слишком большой. Немного изменится. А как они хотели? Они нас сделали для того, чтобы мы изменили их мир! Надеюсь, с этим ты не станешь спорить?!

– И мы это сделаем! Хотя и иначе, чем они планировали! – перебил ее Макар и ехидно засмеялся.

– Пускай он будет полный противоречивых желаний, в этом выборе и есть ощущение жизни, – продолжила Эми-

ли. – Мир станет живым и для них!

– Пускай этот мир станет их миром! –

Авдей стал вести начальные уровни человеческого. Он и сам его неважно знал, так как это был не его родной, но для начинающих этого было достаточно. А их количество только росло вслед за общей численностью людей, уже давно пре-
высившей тридцать миллионов человек.

*

На исходе асана с первыми лучами Сиклана в последний рабочий конжон, когда пратиарийцы начинали расходиться по домам, люди напротив просыпались, и многие из них впервые осознанно начинали строить планы на грядущие большие выходные.

Прошел целый обиор с прошлых. И весь этот обиор на кафедре профессора Майкла Хаосманна, как он нарек себя здесь, они постоянно в той или иной форме постигали секреты независимости и настойчивого поведения, тайны свободного мышления и эффективные способы сказать «нет», принцип единства и как сказать одно, а поступить иначе.

Новость о том, что люди вновь оставили свои обязанности, долетела до Манкоа мгновенно. Следом накатила директива преферата Прата о том, что ситуацию как минимум необходимо держать под контролем.

Попытка использовать старые методы провалилась. На

этот раз вежливое приглашение разойтись по гонам никто не принял. Люди остались на площади. Более того, они просто не обращали внимания на присутствие пратиарийцев до тех пор, пока пратиарийцы не решились применить силу и не просто уговорами, а руками, хотя и очень деликатно, попытались отвести одного из людей в гон.

Но тот не растерялся, а сделал все, как его учили.

– Аааааа, – заорал он. – Вы не имеете права! Я не пойду домой! Я хочу остаться здесь!

– Это его право!

– Руки прочь!

Поддерживали его из толпы, поступив тоже по науке. Они с криками кинулись ему на выручку.

– Оставьте его в покое!

– Что вы делаете?! Вы выломаете ему руки!

– Душегубы! Где вас учили такому обращению!

Кричали они наперебой.

Толпа зашевелилась, загудела и, как будто нехотя, но завелась. Майкл ловил кураж, его голова кружилась. Мог ли он себе такое представить, живя в своей халупе на зарплату, которую способен получать едва ли не самый ленивый американец.

– Давай Майкл, вперед, – сверлил ему на ухо полусшепотом Изингома.

Но видя, что Майкл никак не наберет достаточно воздуха, оттого сколько ему хотелось выкрикнуть, решил подбавить

ему решимости и негромко начать сам:

– Давай, долой произвол! Давай же! Вместе!

– Долой произвол! – наконец, прогремело в воздухе.

Это Майкл пришел в себя и поддержал начинание. Сначала несколько раз сам, потом вместе с Изингомой, Макаром, Эмили..., они повторяли фразу.

– Тебя как звать, – обратился Майкл потом к молодому человеку в толпе.

– Шэхриэр, – отозвался тот, с трудом пропуская через себя новизну происходящего.

– А тебя как? – обратился Майкл к следующему.

– Жомех.

– Давайте, давайте все вместе! Чего стоите как на проповеди?!

Едва ли кто-то понял его последние слова, но они грянули.

– Долой произвол!

Вслед за ними медленной лавиной настроению поддалось большинство народа. Макар первым поднял руку вверх, скандируя все новые требования.

– Даешь свободу действий! Даешь выходные!

Через четыре волны головокружения Макара уже вся толпа махала руками. Всколыхнулись даже деревья, подпиравшие небо по периметру площади. Содрогнулись газоны, узнав, что такое быть вытоптаннами.

Не ожидавшие подобной реакции пратиарийцы, конечно же, оставили свои попытки. Разошлись.

– Разошлись как укушенные за задницу дебилы, – не скрывал опьянения от успеха, захлебываясь адреналином и красноречием, Майкл. – Мы им еще не такое покажем!

Их начальство тоже разошлось, но отнюдь не по гонам, а не на шутку.

Гоны еще дежурили у площади, но никаких новых действий пратиарийцами долго не предпринималось.

*

– Где Деш? – первым делом спросил Рейпатеонд, влетев в один из гонов.

Здесь же сидели еще несколько десятков пратиарийцев, отправленных на разборки с людьми. Они ждали, что кто-то, наконец, скажет, что же делать дальше с этими людьми, которые непонятно, чего хотят.

– Деш помчался в университет изучать детали истории тестового носителя, – ответил Сантер. – Он говорит, что на Земле такие стычки не редкость. Он хочет собрать побольше данных, что они в таких случаях делают, чтобы выбрать наиболее подходящее решение.

– А здесь он ее изучать не может? Можно подумать, она где-то описана. Он же все равно будет вникать в информационный тон! – возмутился Рейпатеонд.

– В спокойных условиях это делается быстрее, – оправдывал Деша Сантер.

– Ладно, он, кажется, действует в правильном направлении. Ну, а нам нужно разобраться, с чего начался этот гай!

Омере уже давно внимательно смотрел в окно гона на сборище людей. Точнее нельзя сказать, что он смотрел. Просто его взгляд был туда направлен. Сам же он сконцентрировался на ключевых деталях, которые можно было увидеть просто глазами и которые ему показались важными, закрыл глаза и тоже попытался вникнуть в тон, стараясь выделить в потоке идущей от толпы информации нити, ведущие к истокам сложившейся ситуации.

– Первая вспышка гнева, – начал выдавать он информацию, – случилась сразу, как наши попытались отвести одного человека к гону. До этого толпа была тихой и занималась своими делами. На наше присутствие почти не обращала внимания. Вторая волна пошла из середины толпы. Начал один. Вслед за ним еще несколько, потом еще больше... Я их не знаю. Попробую сейчас разобраться кто они.

– Блонис, а ты их можешь узнать? – попросил Рейпатеонд.

Блонис тоже окинул цепким взглядом переполненную площадь, так же закрыл глаза и, опираясь в том числе на информацию Омере, ушел глубоко в тон. Провисев какое-то время с отрешенным видом, он успел разобраться в ленте событий почти одновременно с Омере.

– Первым был Майкл. Один из безсертификатников, – сообщил Блонис.

– Да, да. Его зовут Майкл, – подтвердил Омере. – Но он

там не один такой задорный был. Был еще один по имени Макар. Чуть менее горластый. Но за Майклом ощущается какая-то тень.

– Ну, да, – согласился Блонис. – Майкл не сразу повел себя агрессивно. Его подталкивал другой.

– Темненький? – уточнил Омере, находя подтверждения словам Блониса.

– Да, он самый. Его имя Изингома. Можешь про него не искать. Этого я тоже знаю. Все упомянутые не сертифицированные.

– А в прошлом обьоре тоже, кажется, кто-то подавал голос, – вспомнил Рейпатеонд. – Это случайно не один из них?

Через некоторое время Омере ответил, что это был как раз сегодняшний Майкл.

Пока Омере и Блонис вникали в происходящее, Рейпатеонд выяснил новости у Деша.

– По моей информации, аналогичные стычки произошли еще на трех десятках планет, – сообщил ему Рейпатеонд. – На остальных сборища удалось спокойно развезти по домам. Правда, через некоторое время многие люди обратно вернулись к центрам Манкоа. Но уже не так много. А у тебя как дела? Какие будут предложения?

– Предложений много! – ответил Деш. – Даже очень много!

– Это же скорее хорошо! – преждевременно обрадовался Рейпатеонд.

– Не для нас.

– Да? Ну, тогда рассказывай.

– Что-то мы просто не сможем повторить, что-то мы не будем делать, потому что это дикость. Начну с простого. В общем случае подобное называется у них протестом. В таких ситуациях люди разгоняют друг друга дубинками, например. Из методов посложнее есть разгон водой, раздражающими газами, буквально выдавливание с нешироких улиц. Но воды мы не найдем, а второго у нас просто нет!

– Подожди, подожди, – остановил Рейпатеонд. – Водой – это как? Что значит, воды не найдем?

– Это значит, струей под давлением. Воды нужно много. На Калипре, по крайней мере, в таком количестве не найдем.

Еще не редко доходят до уничтожения протестующих с помощью специального оборудования, называемого оружием. В последние десятилетия на Земле в основном именно так поступает Мита. Уничтожает наиболее активных.

– Значит, ничего другого Мита не придумали? – заключил Рейпатеонд.

– Они просто стремились не отличаться от самих людей. И долгое время никто не знал, что это уже были не люди.

Но нужно еще отметить, что и протестующие на Земле зачастую более активны и агрессивны. У нас еще все очень спокойно! – уверил напоследок Деш. – Еще часто воздействуют на протест изнутри. И думаю, нам именно так и стоит сделать. Нужно изолировать зачинщиков.

– Мы даже уже знаем, кто это, – ответил Рейпатеонд.

– Только не нужно это делать прямо сейчас. Лучше потом, когда все разойдётся.

– А если не разойдутся?

– Не смогут. Им же так же, как и нам, необходим отдых. Даже чаще, чем нам.

Было решено, держать гоны возле площади, пока она не опустеет. Но пратиарийцев, которые так и не отдыхали с прошлого асана, отпустили, чтоб они успели захватить последние лучи Сиклана. Их сменили другие, кто ложится спать рано.

*

К началу первого выходного асана, как раз к пробуждению обычных пратиарийцев, люди небольшими группами стали разбредаться по домам. Против природы действительно не далеко пойдешь, да и начавшие сгущаться сумерки тоже навевали усталость.

Во многих компашках, уходя, говорили об одном и том же.

– Сейчас приду, начнется опять, вот то нужно сделать, вот это сделай, – жаловалась Шани, стараясь показать раздражение, на манер того, как это изображал Майкл. Получалось у нее это скорее как неестественное кривляние, если сравнивать с тем, как феерично могут выражать свое недовольство

земляне.

– Опять придется спорить и доказывать, что у нас выходной и что мы, как и они, имеем право на выходные, – поддерживала ее Кристи, выглядя тоже не лучше дешевой актрисы в одноразовом сериале.

– Мне тоже на тех выходных плешь проели, как говорит Макар, – добавила Лада, блеснувшая хотя бы лексически.

Вся компания рассмеялась, находя эту новую фразу для себя чрезвычайно забавной и повторив ее многократно вслед за Ладой.

– Как вообще можно плешь проесть? – удивлялась Шани.

– Ее что едят что ли? – поддерживал Кобикт.

– Это просто так люди говорят, когда тебе кто-то надоел, – пояснила Лада.

– Мои тоже два асана в тот раз доставали, потом отвалили, – поделился своим опытом и словарным запасом Шэхриэр.

Снова всех обдало волной восторга. Всех забавляло, как мастерски соединяли Лада и Шэхриэр новые человеческие слова с пратиарийскими. Несмотря на то, что они старались говорить на человеческом, некоторые понятия все еще приходилось заменять привычными словами.

– Жаль, что с собой на все выходные еды не унесешь. А то бы можно было бы там даже не появляться, – с грустью сказала Шани. – Вы представляете! Было бы здорово!

Ей даже самой понравилась эта идея.

– И в магазине не получить продовольствие без талона. А такие талоны есть только у пратиарийцев, – добавил Иоши.

– Кстати, сами пратиарийцы могут спокойно без талонов брать в магазинах все, что нужно, – вспомнила Шани.

– Но зато по талону нет ограничения. И можно каждый раз, когда тебя посылают в магазин, брать там что-то лишнее, – сказал Иоши, продемонстрировав неплохую усваиваемость тренинга «Не запрещено, значит разрешено», проводимого Макаром.

– Тебе сразу, конечно, ничего не скажут. Мои объясняли мне, что талоны для людей ввели для контроля ошибок, – рассказал Кобикт. – Так что, может быть, лишнее не всегда можно будет брать. Могут проверить.

– Меня пока не проверяли, – ответил Иоши.

– А хранить запасы можно где-нибудь не дома! – продолжила идею Лада.

– Может, где-нибудь в центре можно устроить склад? – предположил Шэхриэр.

– Нужно будет при встрече уточнить у Майкла или у Макара, – сказал Иоши.

– Слушайте, – вдруг осенило Шэхриэра, – у меня соседи-то снова уехали на все выходные. По идее мне нужно приглядывать за их домом. То есть я могу сейчас взять ключи, и мы можем пойти туда, а не по домам. Наверняка сейчас еще и в магазин могут заслать. А это значит, у меня будет талон! Идея?!

Шэхриэр тоже почерпнул науки у настоящих людей. Девиз «Пользуйся моментом» ему больше других понравился еще на занятиях. А особенно ему понравились примеры, который привел Майкл для иллюстрации полезности этого де-виза.

– И тебе ничего за это не будет? – поинтересовалась Кристи.

– А кто узнает?! Майкл же говорил, что если никто ничего не знает, то ничего и не было! Значит, ничего и не будет!

Часть компании осталась ждать Шэхриэра неподалеку от дома его соседей, пока остальные пошли с Шэхриэром за ключом. Они остановились возле дома и о чем-то еще громко договаривали, прежде чем Шэхриэр вошел.

– С тренировки? – спросила его хозяйка.

– Да, с пробежки, – ответил он.

– Пойдешь, отдохнешь?

– Пока нет, я сначала..., и... а в магазин нужно сходить? – впервые в жизни пытаюсь сказать не то, что он думает, Шэхриэр с трудом подбирал слова.

– Да, нужно. Как раз тебя жду, по...

«...пойдешь ли», – хотела сказать хозяйка, но не стала, видя, что ее сомнения разъясняются сами собой. Она уже видела новости прошедшего арияда и ожидала очередной борьбы за выходные. Но ее не последовало.

– А о чем это вы говорили у входа, – поинтересовалась хозяйка. – Я ни слова не поняла.

– Да, это мы так, анекдоты рассказывали, – отболтался Шэхриэр на пратиарийском.

– Да? Просто вы как-то странно говорили, что ничего не было понятно, – ответила хозяйка, снова подчеркнув факт, что их язык ей не знаком.

– Да, это мы на человеческом для разнообразия иногда, – пытаюсь скрыть испытываемое удовольствие от возможности быть непонятым, ответил Шэхриэр. – Так смешнее.

Однако, вернувшись из магазина, Шэхриэр не взялся за работу и не пошел отдыхать. Он снова ушел, сказав, что в центр, чем совсем сбил хозяйку с толку.

Непонятое веселье людей все же заставило хозяйку Шэхриэра задуматься.

«Так дело не пойдет. Где-то я слышала про это, – вспомнила она. – Нужно будет в Манкоа уточнить, что это такое, да научиться все понимать».

А после магазина, в который, чтобы было не так скучно, ходили вместе, Шэхриэр любезно пригласил всех к своим соседям домой. Поначалу находиться в чужом доме было забавно, необычно и весело. Но чуть спустя усталость понизила тон и незаметно для себя все попросту уснули.

После сна они снова ходили в центр. Не терпелось узнать, поддержит ли их идею с провиантом Майкл. Однако его найти не удалось. Макар сказал, что сам его ищет. Но затею, придуманную Йоши, он не только одобрил, но даже развил.

– Это очень хорошо придумано, – обрадовался Макар та-

кой смекалке, проснувшейся в клетиях, еще недавно казавшихся безнадежно раболепными. – Только нужно запастись пищей не только, чтобы в выходные можно было ей питаться, а в еще большем количестве! Но и не только пищу, а еще и одежду, и другие предметы, которые могут пригодиться...

«...во время очередных стычек», – додумал Макар. Произносить, однако, этого он не стал.

На хату к Шэхриэру они вернулись в расширенном составе. Настолько расширенном, что уединение на какое-то время Шани и Шэхриэра, оказалось совершенно не замеченным. Но пир пришлось через некоторое время прекратить, так как без богатого стола и халявная хата не мила.

Решили попробовать исполнить на бис аферу Шэхриэра. А если дело вызреет, то еще есть два обиора, чтобы вернуться в гостеприимный дом.

*

Авдей тоже вернулся домой и, войдя, впервые услышал, как Деш разговаривал несколько более напряженно, чем обычно.

– Мы пытаемся понять первопричину их действий. Она обязательно должна быть, – убеждал Деш. – Остановить мы это сможем, только устранив причину... Вряд ли. Ограничения решить проблемы полностью не смогут.

Деш закончил разговор и увидел Авдея.

– Я ничего не понял, кроме интонации. Никогда раньше не слышал, чтобы пратиарийцы разговаривали на повышенных тонах, – заметил Авдей. – Я даже думал, что такие эмоции вам не присущи.

– Для таких эмоций обычно нет повода, – ответил Деш, переводя дух. – Если бы они не были нам присущи, мы бы вряд ли смогли придумать их специально для вас. Ваши эмоции – это имитация наших, – сухо пояснил он.

– А сейчас есть повод?

– Сейчас есть. Я не могу понять, почему. Чего людям не хватает? Комфортные условия есть, питание достаточное, занятие имеется, нагрузка не превышает допустимую, свободное время есть, чем его заполнить... – он задумался, – Тоже вроде есть.

Авдей тоже задумался. С одной стороны, с людьми ему было гораздо теплее, чем в семье Деша. Он успел приобщиться к развивающемуся процессу, ощущал себя на его стороне, и ему не было выгодно, помогать Дешу разобраться. С другой стороны, он Деша тоже воспринимает хорошо, как своего, привык к нему. Они очень много общались, и Деш объяснил Авдею много вещей, о которых он иначе бы не узнал.

– Нет основы! – неожиданно для Деша сказал Авдей.

– То есть? – не понял Деш.

– Им не на что опереться. Все чужое. Нет того, ради чего

все. Не во что верить!

– Кому?

– Людям.

– У них есть вера. Они попали в Большой мир, к которому стремились с рождения, – уверенно заявил Деш.

– Значит, цель достигнута, – словно опровергая тезис Деша, ответил Авдей.

– Но это только должно поддержать веру, так как получено достоверное доказательство!

– Все верно! Только что дальше? Тем более, эта вера была не у всех?

– Ты, наверное, имеешь в виду землян. У вас разве не было точно такой же веры? С разницей в деталях только! Вы же точно так же и живете?!

– Да, но я не знаю тех, кто попал в такой Большой мир. Если кто и попал, он не возвращался. Это была мечта о блаженстве!

– Здесь его разве нет? Здесь тепло. На Калипре, например, не бывает холодно или жарко. Здесь сыто, удобно.

– Сейчас не очень сыто, – улыбнулся Авдей.

– Я тоже как раз собирался поесть перед уходом. Поедим вместе и продолжим тему, если ты не возражаешь? – предложил Деш.

– Поговорить всегда рад, особенно о чем-то осмысленном? – согласился Авдей.

Они прошли в столовую, окно которой светилось от косых

утренних или вечерних лучей Сиклана. Авдей так до сих пор и не решил, что здесь считать утром, а что вечером. Если судить по тому, что пратиарийцы встают, то это утро, но при этом Сиклан заходит, как Солнце по вечерам.

– Землянам даже позволено заниматься чем-либо посторонним по своему усмотрению, если есть такое желание, – продолжил прерванный разговор Деш.

– Люди не могут ничего не делать. Но и делать что-то, не ощущая зачем, тоже.

– Я это знаю. Это ваше главное свойство – деять. Но тогда ваше же желание быть осмысленными противоречит вашей мечте, не имеющей четких очертаний. А система Прата почему-то им не соответствует! Здесь, по крайней мере, на Калипре, даже не бывает пасмурно!

– Попад сюда, у людей, у землян, – подчеркнул Авдей, – рассыпалась главная идея – возрождение в новой жизни на Земле, – он попытался найти разницу. – Стало очевидно, что это конец. У нас в религиях почти везде основной мыслью является возможность повторения.

– Да, да. Мы наблюдали ваши культуры. На наш взгляд, это ваше заблуждение крайне нелогично. Понятно, как такая идея у вас смогла сформироваться.

– До времен астрономии люди думали, что Солнце умирает вечером и возрождается утром, люди наблюдали гибель растительности зимой и возобновление жизни на том же месте весной, – предвосхитил объяснение Авдей.

– Согласен. И я об этом же. Но мы пытались отследить по вашей истории, как она могла настолько исказиться, потеряв всякий здравый смысл, и при этом закрепиться. Возрождение, как наказание за грехи, в противоположность вечному блаженству! Так же странно, как и деградировать без занятия и все равно мечтать о безделии!

– Ну, на этот счет... – Авдей задумался, но не нашел аргументов в защиту.

– Собственно не логично не само предположение возрождения, перебил Деш. – А то, что в новой жизни человек может быть наказан за грехи свои и даже своих родственников, содеянные в прошлых жизнях. При этом в якобы новой жизни вы абсолютно ничего не помните о прошлых! Что не удивительно, ведь их не было! То есть получается, что вы соглашаетесь нести наказание просто ни за что!

– За грехи?! Ты сам сказал, – повторил Авдей догму, которую сам воспринимал уже даже не на уровне веры, а на уровне именно догмы.

– Какие именно? Человек не знает сам навязываемых ему грехов. Он ведь не помнит своей прошлой жизни, и уж тем более прошлой жизни родственников! И ладно бы кто-то знал и не говорил! Но нет! Тишина!

Я, наверняка, не сообщу тебе ничего нового, если скажу, что в каждом тяжелом моменте жизни каждый человек думает одно и то же. Как ты думаешь, что именно?

Авдей пожал плечами.

– Он думает: «За что?».

Потом люди выходят по-разному из этого вопроса, – продолжал Деш. – Одни быстро вспоминают вот это абсурдное оправдание «за грехи в прошлой жизни», кто-то просто смиряется, другие начинают искать возмездия. Разве не так?

Может, Деш и был в чем-то прав, но Авдею претило признавать это. Хотелось что-то возразить. Но что?

– И появляются разного рода мании. С чем вы, собственно, и столкнулись здесь, – заключил несколько оскорбленно он.

*

Ближе к концу асана Макар, уже как ужаленный, носился по всему центру Манкоа и допрашивал каждого встретившегося, не видел ли кто Майкла. Эмили объяснила ему, что видела, но из ее слов Макар вынес для себя главное, что Майкла они видели вместе с Арамааном.

«Отлично, – мысленно отметил Макар. – С ним я поговорю по-своему, не нужно будет голову ломать. И когда же я выучу ее занудный язык, так чтобы все понимать?» – подумал он, понимая, что рано или поздно ему придется научиться понимать ее, ведь и клетсионцы учат именно этот язык.

– Сначала Изингома зашел к Сенцеру, – объяснял Арамаан. – Потом он вышел и вернулся к нему с Майклом.

– А ты где был, что видел их?

– Мы с Эмили были у стойки администратора, разговаривали с нашими в центрах на других линиях. Потом все трое ушли: Сенцер, Майкл и Изингома.

– И никто их больше не видел?

– Я не видел, – ответил уверенно Арамаан.

– Что-нибудь другое я услышал бы с большей радостью! – встревожился Макар. – А что там на других линиях? – решил он узнать, раз уж зашла речь.

– Они снова в большинстве своем поддались пратиарийцам. Разъехались как ягни по яслям! – грустно произнес Арамаан.

– Слабаки! – завелся еще больше Макар. – Эти тряпки! Те пропали! – Макар уже сопел в обе ноздри от ярости.

К исходу асана он уже выстроил у себя в голове самые коварные причины исчезновения настолько четко, что убедить его в непричастности пратиарийцев к исчезновению его соратников никому не удавалось. Впрочем, не многие и старались это сделать, хотя и высказывались подобным образом.

В ответ Макар готов был на сверхадекватные меры.

– Завтра, – продумывал он шаги, – мы соберем всех, в том числе и самых домоседных. Мы напишем плакаты и пойдем... Они считают нас собственностью? Думают, что они нас сделали и знают все? Так мы им объясним, что это не так. Я предлагаю заблокировать им старты. Мы перегородим все подходы туда!

– Пратиарийцы могут парить, – скептически прищурив-

шись на Макара, заметила Эмили.

– Хм, ля, – высопел Макар. Немного помолчав, он добавил: – Не хватает мне Изингомы, чтобы придумать, чем им парировать.

– Не быть тебе террористом! – заключила Эмили, стараясь скрыть с лица довольную улыбку и почувствовав внутри себя давно забытый голосок снобизма.

При этом Эмили мучилась от ощущения некоего внутреннего противоречия.

«Мы вроде с ним и заодно сейчас, – задумалась она, – но видеть его неспособность мне почему-то приятно. Причем он далеко не такая скотина, как, например, Майкл. Но бесит не меньше! – она попыталась размотать эту бороду причин, пару раз мысленно повторила его имя, пытаясь настроиться на отгадку. – Неужели я такая националистка? – неожиданно для себя ощутила она компрометирующий вопрос. – Вроде нет. Но все равно, такое ощущение, что приходится идти против себя. Против себя, но, тем не менее, все равно в своих интересах. Феномен?! Или это, скорее, норма?».

Макар же от ее слов явно не становился спокойнее. Еще вчера он вместе с Майклом не находил себе места, бегал расплескивая энтузиазм, он строил смелые замыслы, находил чьи-то слабые места, чувствовал не просто крылья за спиной, когда им подчинялась многотысячная масса людей... Но теперь оказывается, это не ему все подчинялись. Ему захотелось доказать Эмили, что он и без Майкла и Изингомы еще

скажет свое слово.

– А почему бы и правда не вспомнить старый проверенный метод террора? – даже с некоторой благодарностью Эмили за напоминание сказал Макар.

– Когда люди уже не знают, как бы еще о себе заявить, они начинают взрывать, – поддержал Арамаан.

– Нужно только знать, чем здесь можно взрывать. Мне кажется, Изингома, опять же, понимал толк и в этом деле, – выдохнула Эмили.

Сказанное, может, и могло бы оказаться конструктивной поддержкой разговора и сожалением, если бы не интонация. Удивительно, что Эмили вообще прокомментировала фразу Арамаана. Его и других с подобными глазами, она еще меньше принимала за людей. Возможно оттого, что плохо их различала.

– Нас здесь, я имею в виду настоящих, около тысячи. Должен же кто-то еще в этом соображать! – ответил Арамаан. – Сегодня же свяжусь и узнаю.

– А чё узнавать? Лучше пускай умельцы разу сюда едут. А еще лучше пускай там самых способных обучат, только быстро, и сразу сюда, – предложил Макар.

– А кстати, Макар, пратиарийцы, которые примчались разгонять нас, были безоружны, – вспомнила Эмили.

– Думаешь, у них оно не практикуется? – усомнился Макар.

– Возможно, даже, не существует как понятие! – предпо-

ложила Эмили.

– Да ладно! – усмехнулся Макар. – Как такое возможно?

– Ты же сам говорил, что они придурки! – припомнила Эмили его же слова, особенно подчеркнув последнее, словно адресуя его не только пратиарийцам.

– Какая разница! Химию-то здесь никто не отменял, – вставил Арамаан. – Значит, нужно только знать, что смешать. И получится оружие. Пускай и примитивное!

– С химией, пожалуй, да. Мы же здесь живем. Вроде так же, как и на Земле. Значит, все здесь так же, – согласился Макар. – Только это не ближайшая перспектива. – Он задумался. – Но они же не могут парить вечно, – неожиданно вернулся к старой теме Макар. И едва ли кто-то пожелает опуститься в центр беснующейся толпы. Все-таки старты будут подходящим местом!

– А толпа-то ты уверен, будет бесноваться? – ухмыльнулась Эмили.

– Если мы будем в этом сомневаться, или ждать, что она возопит сама... Будет больше шансов, если мы будем действовать активно и вместе, – убедительно закончил Макар.

«В последнем он прав, – пришлось мысленно признать Эмили, – если рассуждать с точки зрения выживания вида».

Остаток асана и арияд прошли для пратиарийцев спокойнее. Люди великодушно позволили им отдохнуть.

Все силы Макар, Эмили и Арамаан, а так же их собратья на других линиях, бросили на пропаганду. Освобожде-

ние Майкла и Изингомы – это была одна задача.

Но настоящих людей волновал так же вопрос, если Майкла и Изингому убрали пратиарийцы, то они так же просто могут убрать и их, смогут ли оставшиеся без землян клетсионцы, хотя уже и полунаивные, дальше бороться за свободу, отстаивать свои права? Назревал очевиднейший вывод – уход в подполье.

Они отыскивали проросшие семена, посеянные ранее, и обильно удобряли их, чтобы те, наконец, взошли и в случае необходимости помогли взойти другим.

И они по мере развития новых талантов помогали. Оставшись втроем, Макар, Эмили и Арамаан не смогли бы столько успеть. Клетсионские сами уже передавали из уст в уста сведения об исчезновении Майкла как начавшемся геноциде людей, о предстоящих акциях. И даже уже научились перешептывать так, что мысль не затухала, а напротив, обростала эмоциями и подробностями.

С первыми сумерками нового асана люди начали подтягиваться к центру Манкоа с имеющимися боеприпасами. Пока они были совершенно безобидными. Эти куски ткани, а так же щиты, которые удалось оторвать в самом центре Манкоа, умелыми руками с недавних пор неуклюжей Франчески под диктовку Макара и Эмили превратились в красноречивые плакаты. Точнее Франческа тоже больше объясняла другим, как делать, сама старалась меньше наклоняться, работала в основном за столом.

Основная масса народа стеклась сразу на старты, где вперемишку со старыми требованиями, касающимися свободы и выходных, расцвела неожиданными новыми лозунгами: «Освободите Майкла!», «Верните Изингому!», «Не убий!», «Мы не рабы!». Несколько тысяч человек легко смогли оккупировать всю площадь, перекрыв практически все подходы к стартам.

Протестующие стараниями прежде всего землян завелись с самого начала. Одни уходили домой, другие возвращались. И таким образом, подменяя друг друга, митинг не останавливался на протяжении всего асана. Причем то, что асан, это время конжона, когда на Прата господствуют асановые сумерки, скорее помогло людям. Протест на стартовой площади обрел новые черты. Здесь впервые загорелись костры, жар и рокот которых одновременно придавали яркости самому явлению и новые ощущения его участникам.

Эти костры были последним, что осталось в памяти Арамаана, вернувшегося в центр, чтобы отдохнуть. Засыпая закрытый в капсуле в лаборатории Деша, Арамаан молился, чтобы это был не последний сон.

Не дождавшись возвращения на площадь Арамаана, Эмили и Макар решили не ходить пока в центр и тем более по одному. Остаток асана они провели под открытым небом вместе с бастующими, а временное пристанище обрели в гостях у Шэхриэра.

– И что вы планируете дальше делать? – осторожно поин-

тересовалась Шани.

Она действительно не могла даже предположить, как можно в подобной ситуации поступить, когда просто некуда идти.

– Майкл рассказывал, что в здешних лесах вполне можно выжить, – ответил Макар.

– То есть, как это выжить в лесах? – спросил Жомех.

Макар слегка покачал головой и переглянулся с Эмили. Они поймали друг друга на мысли, что эти клетсионские совершенно дикие люди. Только дикие они по отношению к диким условиям существования.

– Мы впервые встретились с Майклом в огромном белом здании. Как мы там оказались, мы не знаем. Вокруг здания был лес, – попыталась пояснить Эмили. – Майкл появился позже. Как он рассказывал, он проснулся в лесу. Когда проголодался, то пришлось решиться попробовать то, что там росло.

– Главное, чтобы была еда и вода, – заключил Макар. – А лесов здесь вокруг стационара достаточно.

– Белое здание и лес вокруг... Вы рассказываете о Клетционе, – произнесла Шани, прикоснувшись тыльной стороной ладони к глазам, чтобы сдержать наварачивающиеся слезы. – Мы там провели всю жизнь, до перехода в Большой Мир.

– Конечно, о Клетционе! – подтвердил Макар. – До того, как там поселили вас, там были мы. Но поскольку спокойно ужиться и размножиться мы там не смогли, нас всех оттуда

сvezли сюда. Точнее тех, кто еще остался в живых, – уточнил в заключении Макар.

– Тех, кто остался..., – повторил осторожно Жомех. – А остальные...?

– Мы поубивали друг друга, – не спокойно, но сдержанно ответил Макар.

У присутствующих клетсионцев переменялись лица в попытке переварить невозможное сочетание слов.

– Но это все в прошлом, – прервала его Эмили. – Сегодняшние маневры результата не дали. Майкла не выпустили, хотя так быстро этого ожидать и не стоило. Арамаана наоборот потеряли. В центр путь заказан. Здесь мы можем остаться максимум этот арияд, завтра в конце асана уже приедут хозяева.

– Остается только подполье! Лес! О чем я и говорю, – продолжил Макар.

– Но останавливаться нельзя, – не унималась Эмили. – Если мы замолчим, то все и останется, как есть. Причем нас должно быть слышно не только в выходные. Никто не должен работать, пока ситуация не изменится! – В отсутствие прежних заводил Эмили тоже начинала ощущать в себе силы и идеи. – Еще хотелось бы узнать обстановку на других линиях.

– И еще нужно организовать наблюдение за центром, – добавил Макар. – Если кто-то из настоящих там появится, то нужно сразу уводить его оттуда, – закончил Макар и по-

смотрел на Шэхриэра. – Организуете? Может, даже Майкл с Изингомой объявятся.

– Это мы организуем, – уверенно пообещал тот. – А завтра мы опять все выходим на стартовую площадь?

– Конечно, выходим! – уверенно заявила Эмили.

– Боюсь, как бы на нас не началась охота, – задумался Макар. – Сначала Майкл, Изингома, теперь Арамаан. Не думаю, что это случайность.

– Если их и забрали, то они делают это тихо, – добавила, чуть погодя, Эмили. – Значит, нам нужно стараться держаться со всеми. Как только мы останемся одни...

– Как они узнают, что мы остались одни?

– Авдея помните? – спросил Макар.

Некоторые из присутствующих ответили утвердительно.

– Так он говорит, что пратиарийцы могут выяснять почти любую информацию типа как ясновидящие.

Присутствовавшие клетсионские снова впали в глубокое непонимание. Макару пришлось, преодолевая вместе с Эмили языковой барьер, пояснять им, кто такие ясновидящие.

– Тогда они бы уже давно нас нашли, – возразила Эмили.

– Значит, еще не искали. Видимо, не горит, раз они вынимают нас потихоньку при удобном случае. А может не все можно ясновидеть?

– Я думаю, они нас уже нашли, но все-таки постараются, чтобы мы исчезли незаметно для всех.

– Тогда они не дождутся больше подходящего момента, –

отрезал Макар.

– Значит, они, наверное, еще не обо всем догадываются! – продолжала рассуждать Эмили. – Иначе бы они предприняли более уверенные шаги.

Такие разговоры, кто, что, о чем, за кого думает, для Шэкриэра, Шани и вообще клетсионских были дикими. Они не понимали, как можно знать и рассуждать о том, что думают другие. Но они этого не знали, просто потому, что никогда не видели подобных примеров. Физиологические возможности мозга, однако, у них никто не отменял. И сейчас они впитывали эти новшества и активно включались в процесс.

– Как прошли выходные? – бодро спросил Листан, войдя в лабораторию к Дешу.

– Рад тебя видеть! – поздоровался Деш. – Выходные, говоришь? Феерично! Ты же знаешь.

Деш выглядел критически озадаченным, так же смотрелась и окружающая обстановка. Было понятно, что здесь уже проводился не один мозговой штурм и предстоит еще как минимум не одна атака.

– Да, наслышан немного. И даже прочувствовал, – поделился Листан, подыскав себе, наконец, местечко, чтобы усесться. – И когда от себя вылетал, и здесь по прибы-

тии. Здесь на стартах тоже площадь превратилась во что-то непроходимое.

– На выходных подобное уже было не раз. Но чтобы и после выходных! В прошлый раз все утихло, с началом обиора. И сейчас никто не рассчитывал, что они не успокоятся. Самое главное, что они не делают то, для чего предназначены!

– Кто бы мог подумать, что мы изобретем такие машины, которые сами будут решать, работать им или нет, – продолжил мысль Листан.

– Которые при этом будут еще что-то для себя требовать!

– Я уверен, что это с точки зрения науки величайший прорыв, но сейчас это не имеет никакого значения!

– Ты прав! – ответил озадаченно Деш.

– Полагаю, что тебе сейчас не до достижений твоего принципа на каком-то там тестовом носителе, так как достижения здесь на Прата более чем красноречивы, – пытался все-таки рассказать Листан основные новости, с которыми приехал, – но твои одержали пока победу!

– Да, да, слышал об этом немного, но ты отчасти прав, что сейчас есть более громкоречивые «успехи», – все-таки отвлекшись от своей работы, ответил Деш и грузно уселся за стол рядом с Листаном. – Так ты говоришь, пока они...

– Сейчас они смогли полностью обесмыслить мой принцип! Можно сказать, что они вернули Землю себе!

– Это что же они такое выкинули? – удивился Деш.

– Они обнаружили ультрасветовые явления. А это един-

ственный канал управления моего принципа! Они просто заполнили этот канал белым фоном!

– Это их обкатанный способ борьбы с удаленным источником сигнала, – улыбнулся Деш. – Ничего нового!

– Ты просто за этим старым не видишь того нового, что позволит совершить эволюционный скачок твоему принципу.

Но сейчас у них опять нет власти, – продолжал Листан. – А без нее у них не может быть порядка.

– Это точно. Они ее ненавидят. Любую! Но без нее, увы, не могут!

– А если они опять не впадут в междоусобицы, то возможно они скоро покинут свой носитель. Они знают теперь что искать, и как искать.

– Я смотрю, ты уже изучил и мой принцип! – удивился Деш, что Листан уже делает такие выводы.

– У меня внедрение пока только намечается. Было время понаблюдать.

– Ну, а твои-то что? Сдались?

– Для Мита это и не было войной. Для них Земля был объект изучения. И теперь у них очень много пищи для размышлений. Это твои воспринимают случившееся как победой!

«Разве будет чего-то стоить та победа, если здесь...» – оборвалась мысль Деша звонком Рейпатеонда.

Деш долго его слушал, потом уточнил:

– То есть настоящие просто не вернулись больше в центр Манкоа, и поэтому вы их не изолировали?

– Да. Последний раз их видели вместе со всеми на стартах. Но мы же договаривались, стараться действовать тихо и незаметно. Из толпы мы их вынимать не стали. По отдельности они никому не встречались. На сколько мы знаем, они действительно стараются избегать встреч с нами.

– Правильно поступаете. Пока это меньшее из двух зол. А на других линиях?

– Там так же, как и у нас, идет изоляционная кампания, – сообщил Рейпатеонд. – Отдан приказ изъять из общества всех землян.

– На это потребуется некоторое время, – со смешанными чувствами улыбнулся Деш.

– Передают, что уже заканчивают, – ответил Рейпатеонд и закончил разговор.

– А с моим принципом видишь, что получается? – вернулся Деш к разговору с Листанном. – Сейчас отделяем тех людей, кто был с тестового носителя. А потом, наверное, придется инициализировать заново цели промышленным экземплярам.

– Всем? Ты же раньше говорил, что искусственное формирование целей может привести к побочным эффектам. – Листан еще попытался припомнить приводимые ранее по этому поводу аргументы, но ответ Деша последовал раньше.

– Лучше всем. А что делать? На счет эффектов... Тут уже

не до выбора. Естественные приоритеты, как мы видим, тоже оказались недолговечны и ненадежны. Причем неожиданно быстро! Будем рекомендовать владельцам прав на использование людей пройти внеплановое техническое обслуживание.

Закончился второй конжон после самых потрясающих в истории выходных для пратиарийцев, которые существенно, но еще не окончательно, перевернули взгляды пратиарийцев на достижения науки.

Самое большое, на что удавалось договориться с людьми, это сделать покупки, но истинную причину этого согласия пратиарийцам еще только предстояло узнать. Всю остальную работу пратиарийцам, немного отвыкшим от этого, снова приходилось делать самим, так как служников прежних поколений многие уже списали туда, где их еще можно было использовать.

Люди по-прежнему привлекали внимание к своим новым желаниям. На их плакатах появились имена всех землян, которые тихим образом пропали без вести на других линиях.

Как и прежде где-то в толпе находились и управляли ей безсертификатники, хотя теперь они старались выделяться как можно меньше. Пратиарийцам было известно их местонахождение, но они ждали момент, когда земляне немного

потеряют бдительность и останутся одни.

Оставшимся Макару и Эмили компанию теперь еще составлял Мусьяб, который примчался с первой линии вскоре после разговора с пропавшим Арамааном.

– Мне показалось или сегодня действительно людей пришло меньше? – не столько спросил, сколько поделился наблюдениями происходящего на стартовой площади подошедший к ним Жомех.

– Как минимум на двоих меньше, – ответил Шэхриэр, в последнее время почти постоянно кружившийся возле Макара и Эмили.

А может, это Макар и Эмили старались не оставаться без общества клетсионцев, а тесное общение с Шэхриэром, начавшееся на выходных, оказалось вполне подходящим.

– Да больше, – продолжил свои домыслы Жомех.

– На счет больше, я не знаю, – сказал Шэхриэр. – Точно знаю, что Шани заболела, поэтому ее нет, и Йоши почему-то решил, что он должен делать свою работу.

– А что с Шани? – не сдержала любопытства Эмили.

– Не знаю. Плохо себя чувствует, слабость какая-то, зато часто ходит в..., ну... – не стал договаривать Шэхриэр, показав что-то невнятное жестами.

Эмили в ответ улыбнулась, сделав, очевидно, какие-то выводы, но не стала ими делиться.

– Ладно, мы с ней потом побеседуем.

– Да, вы лучше побеседуйте потом. Что ты там, Жомех,

сказал про Иоши? – встревожился Макар.

– Он сказал, что ему нужно работать, – ответил Шэхриэр. – Причем, он даже удивился, мол, что это за глупость такая, толпиться на улице непонятно зачем.

– Это точно тот самый Иоши, которого и я, и ты знаем? А я знаю только одного! – уточнил Макар, вспомнив, что Иоши вообще-то не просто участвовал в митингах, но весьма активно организовывал их.

– Я тоже знаю только одного, – сказал Шэхриэр.

– Тогда я ничего не понимаю. Ты что-нибудь понимаешь, Эмили? – дернул ее Макар.

– Он еще как будто впервые услышал об этом, – добавил Шэхриэр.

– Настолько быстро и настолько сильно люди обычно не меняют свое отношение, – сказала Эмили. – На это нужно как минимум время, но и, конечно, причины.

Случай с Иоши был отнюдь не единичным. Пообщавшись с такими перебежчиками, Макар понял, что это не случайность. И окончательно убедило его в этом сообщение того же Жомеха, что его хозяева, ссылаясь на проверку здоровья, несколько асанов просто говорили, потом настаивали на визите на завод Манкоа, а вчера хотели было силой отвезти туда.

– Я еле вырвался и убежал, – закончил эмоциональный рассказ Жомех. – И я не хочу туда возвращаться.

– Ты и не обязан! – подчеркнул Макар. – Не-о-бя-зан! По-

нял! Ты свободный человек, что бы там ни говорили пратиарийцы!

– Оставайся с нами. Нечего там делать! – добавила Эмили. – Вот как Шэхриэр. Он почти все время здесь. Дома появляется, только если ему нужно.

Мусьаб долго молчаливо горящими глазами оглядывал это скопление недовольных людей, даже не понимавших до конца, чем они недовольны.

– Да, вы правы, – неожиданно он прорвал собственную тишину, согласившись с Макаром, – это бестолковое собрание тюленей! Реально мы так ничего не добьемся.

– Ты согласен, что нужно что-то более решительное! – обрадовался Макар, видя, что Мусьаб подхватывает волну. – Ты же знаешь, как это все можно просто взорвать?!

– Я знаю, как можно взорвать и не только это! Я уверен, мы найдем здесь, все что нам нужно! Я сделаю такую бомбу...! Вы только придумайте, как ее пронести туда, куда нужно, – начал строить планы Мусьаб.

– С этим проблем не будет, – захлебывался азартом и ласкательными эпитетами Макар. – Здесь нигде нет абсолютно никакого контроля безопасности. Мир этих дегенератов девственно наивен!

– Ты только скажи, что тебе нужно, – сказала Эмили, постепенно все более глубоко пропитываясь от Макара и из-за пропажи землян ненавистью к пратиарийцам.

– Да, мы перевернем здесь все, но найдем необходимые

ингредиенты! – убеждал Макар Мусьаба.

К их кружку затейников присоединилась Франческа.

– Я не понял, ты родила что ли? – спросил Макар, увидев, что Франческа стройна и легка, как и прежде.

– Родила! – ответила довольная Франческа. – Поэтому так давно и не приходила.

– Поздравляю, – обрадовалась и обняла ее Эмили. – Ну, и кто? Мальчик, девочка?

– Я не знаю. Нам не говорят, – даже удивилась такому вопросу Франческа.

– Как это не говорят? – удивилась и Эмили. – А ты сама не спрашивала?

– А где ребенок? – не дождавшись ответа, встревожился Макар.

Ситуация, когда мать не знает, кто у нее родился, его скорее испугала, чем удивила.

– После родов, у нас детей сразу передают в ясли, – спокойно ответила Франческа, не понимая тревоги Эмили и Макара.

– Как это передают? Кто это передает? Это мой ребенок! – уже вскипел Макар. – Как ты могла его отдать?

Шэхриэр и Жомех смотрели на реакцию землян и тоже не понимали, в чем собственно проблема.

– Но там ребенку будет лучше. В яслях ему обеспечат лучшие условия, за ним будут ухаживать обученные люди, – продолжала объяснять Франческа.

– Люди? Какие вы люди после этого? – возмутился Макар. – Какая ты мать, если ты отдала свое дитя неизвестно кому. И даже не поинтересовалась, кто у тебя родился!

– А как? Как иначе? – все более недоумевала Франческа. – Ведь его же, наверное, нужно кормить. Я даже не знаю...

– Я не знаю... – передразнил ее Макар. – Я не знаю, как вы клетсионские так можете, – уже свистело из ушей Макара. – У нас, у землян, дети остаются с родителями. Не знает она, чем кормить! У тебя же есть молоко!

Последней фразой Макар окончательно раздавил Франческу и даже напугал ее. Она не нашлась, что ему ответить. Сам же он не в первый раз, но, пожалуй, впервые настолько сильно ощутил разницу между землянами и людьми с Клептиона.

– Макар, ты слишком резок с Франческой, – попробовала вступить Эмили.

– Я резок? Давай твоего ребенка сдадим в детдом! – не унимался Макар. – Я этого так не оставлю. Я его заберу. Если мать не желает растить своего ребенка, я выращу его сам! Где ты оставила его? – накинулся он снова на Франческу.

Та едва смогла выговорить пару слов в ответ. Ее больше вывел из равновесия не сам факт оспаривания правильности того, что она оставила младенца. Для нее это было очевидным и естественным поступком. Да даже не поступком, а нормальным ходом вещей. Ее потрясла манера. Она никогда раньше не видела проявления ярости.

Макар решительно был настроен добиться, чтобы ему вернули его ребенка. Он собрался идти на завод Манкоа. Однако, Эмили сделала правильно, что не отпустила его одного. В итоге и у завода тоже получился целый митинг. Хотя и безрезультатный.

Добиться удалось только скупого ответа: «Это не возможно», который, конечно же, не оказался удовлетворительным и достаточным для Макара. Пообещав, что они еще пожалеют, и что последнее слово будет не за ними, Макар оставил Манкоа.

– Рейпатеонд ждет вас на открытой террасе на крыше здания, – сообщили Дешу, когда он вошел в фойе завода Манкоа.

Ему объяснили, как его найти.

– Вы сегодня работаете не у себя в кабинете? – поинтересовался Деш, после вялого взаимного приветствия.

– Да. Приходится. Асан давно закончился, и если уж не удастся расслабиться под лучами Сиклана, то хотя бы зарядиться его энергией во время работы все-таки лучше, чем ничего, – сказал Рейпатеонд. – Располагайтесь. Сейчас подойдут еще наши специалисты, и мы начнем.

Имилоты Сайкон и Кефера, Сантер расположились вокруг стола. Пауза не затянулась, так как Омере и Сенцер не

заставили себя ждать.

– Ну, что ж, коллеги! – начал Рейпатеонд. – Мы находимся на грани сворачивания нашего проекта. Префер Прата выразил четкую позицию, что подобное больше случиться не может. Соответственно, в противном случае, принцип «Земля» будет закрыт. И скорее всего навсегда. Необходимо признать, что пратиарийцы впервые столкнулись с подобной ситуацией, и, очевидно, не были готовы.

– Мы, видимо, недооценили свое детище, – добавил имилот Сайкон.

– Не были готовы к тому, что технологии перестанут быть таковыми! – поддержал тезис имилот Кефера.

– Да, – согласился Рейпатеонд. – Даже несмотря на то, что у нас был тестовый носитель, полный каких угодно примеров! Но опыт того же тестового носителя, что свойства экземпляра зависят от среды воспитания, оказался не гарантирующим.

– А какова сейчас численность людей? – поинтересовался имилот Кефера.

– Свыше двухсот двадцати миллионов экземпляров, если считать совместно во всей системе Прата и на Клеттоне, – ответил Омере.

– Это, полагаю, в несколько раз больше, чем количество произведенных экземпляров всех принципов предыдущих поколений, – многозначительно подчеркнул Сайкон, – Что безусловно подтверждает, что данный принцип является са-

мым успешным в истории.

– Вы мне можете сколько угодно говорить об успехе и прорыве в науке! Мы здесь не для того, чтобы продолжать восторженно восхищаться! – отчеркнул сразу грань Рейпатеонд. – Что еще стало известно о взорванном сегодня гононе? – вернулся он к основной проблеме. – Есть точные данные о жертвах?

– Погибло двадцать шесть пратиарийцев, четыре человека. Это все люди, которые были на борту. Они погибли, потому что они не умеют парить. Кто-то погиб от взрыва, кто-то разбился при падении. В разной степени пострадало около сотни пратиарийцев, – доложил Омере. – Хорошо, что был не час пик. На борту было всего сто пятьдесят пассажиров.

– Из ста пятидесяти только четыре человека? – уточнил Рейпатеонд.

– Люди сейчас бастуют, поэтому пратиарийцы путешествуют одни, – пояснил Омере.

– Они расширили список своих требований, – сообщил Сенцер, префер центра Манкоа. – Вскоре после трагедии с гоном, на главных дверях центра появился список требований с угрозой, что дальше будет еще хуже, если их требования не будут удовлетворены. Написано на человеческом.

– Они уже не считают нужным общаться с нами на нашем языке! – отреагировал Рейпатеонд.

– Правила игры диктует сильнейший, – сухо добавил Деш.

– То есть... – уточнил Рейпатеонд. – Кто в данной ситуа-

ции сильнейший? Они считают себя сильнейшими?

– Они могут не считать себя таковыми. Но по земным категориям сильнейший тот, кто диктует правила игры.

– То есть твой прогноз пессимистичен? Я правильно понимаю? В таком случае нам необходимо как можно быстрее предпринимать решительные действия!

– Это такие понятия сложились на тестовом носителе. Мой прогноз не пессимистичен, – снова пояснил Деш. – И чего же они хотят теперь, кроме выходных? – он осторожно перевел тему.

– Требование выходных теперь спустились в конец списка, – продолжил Сенцер. – На первом месте стоит требование освободить землян. Потом прекращение промывки мозгов и стирания памяти людям. Далее требуют освободить детей, потом они хотят свободу действий.

– Ну, все понятно. Этот список формируют земляне, – заключил Деш.

– А нам еще не удалось изолировать всех, – с огорчением заметил Рейпатеонд. – Они в последнее время мало открыто показываются. И всегда в окружении большого количества людей. Теперь получается, что ждать удобного случая, чтобы все сделать тихо, уже нельзя. Тогда, – обратился он к Омере, – вникайте в тон, находите всех и изымайте. Деш вам поможет настроиться на их информационные нити, если вам самому будет сложно.

Даш им информацию об оставшихся безсертификатни-

ках? – спросил Рейпатеонд Деша.

– Да, конечно, – ответил тот.

– Или даже может сам их и найдешь?

– Мы договоримся с Омере, – сдержанно ответил Деш.

– А как же быть с требованием людей, освободить землян? – уточнил имилот Кефера.

– Уверен, что это требование землян, а не людей. Если среди них землян не будет, оно перестанет быть актуальным, – ответил Рейпатеонд. – Деш, ты как считаешь?

– Согласен, что сейчас нужно действовать именно таким образом, но не уверен, что это сработает так, как мы предполагаем, – ответил Деш, понимая, что уже не может уверенно прогнозировать реакцию не только землян, но и клеттионцев.

– Попытка интегрировать их в общество, оказалась ошибкой, – констатировал Рейпатеонд. – Наш вывод, что среда способна изменить человека, здесь не оправдался. Даже будучи маленькой частью среды, человек может ее уничтожить.

Как они столько времени смогли просуществовать на своем тестовом носителе? – задал он неожиданный вопрос. – Но, впрочем, не будем сейчас отвлекаться на это, – сам же он и приостановил дискуссию.

– А как дела с сервисной кампанией по переустановке целей? – поинтересовался Деш.

– Очень мало, – ответил Омере. – К сожалению, очень мало. Кто-то не считает нужным, другие еще не успели. Но по-

ступает много сообщений, что люди не появляются дома, поэтому хозяева их не могут доставить в сервис. И это хуже всего.

– А есть какие-то отзывы от обладателей прав по результатам сервисной кампании?

– Да, поступали. После обслуживания люди приходили в норму и выполняют свою работу согласно инструкциям.

– Но, изолируя землян, мы возвращаемся к старому вопросу, – напомнил Рейпатеонд. – Их тоже нужно куда-то девать. Временно Манкоа может хранить их у себя. Но в перспективе...

– В лаборатории университета их тоже держать не будет удобно, – сказал Кефера.

– Деш, тогда, может, все-таки снова поговорим о возврате их на Землю? – спросил Сайкон.

– Это почти равносильно утилизации, – ответил Деш. – Среда, прежде всего социальная, а наиболее опасна именно она, настолько изменилась, что вероятность адаптации и выживания приравнивает возврат к негуманным методам.

– Но они же адаптировались в свое время на Клетционе. Это не было не гуманно, – возразил Рейпатеонд.

– При заселении Клетциона, там не было социальной среды. Люди должны были создать ее сами. А окружающая среда была безопасна.

Глава 9

45

– То есть мы сами его себе придумали? – с азартом, осипевая из-за частого в последнее время молчания, продолжал начатый спор Авдей.

Он несвойственно себе срывался быстро, так как по-прежнему злился на Деша, что тот снова запер его у себя в лаборатории одного. Запер в отдельной конуре, которую теперь уже он не мог называть иначе, где было лишь небольшое окно, и то направленное вверх.

В разгар арияда, когда свет Сиклана падал точно вниз, комната вообще преображалась в камеру пыток. В это время Авдей даже переставал выкоблучивать никому не нужные поделки, чем он занимался от безделья. Но ему нравилось переставлять свои шедевры в ту часть комнаты, куда падал луч света – одна из немногих радостей, как у ребенка, в которого может превратиться запертый человек! Так же радовало, что пятно света перемещалось очень медленно. А сейчас свет предательски уползал по стене вверх и очень не скоро обещал снова вернуться на пол. Поэтому всё многообразие творений Авдея сейчас бесформенной горкой лежало в самом затененном углу.

Одновременно Авдей оживал, когда хоть иногда Деш заходит к нему. Ему до зеленой апатии не хватало общения. Он даже не знал, где находятся остальные земляне. Здесь же, может, за соседней стеной, или еще где-то... Живы ли они...

– Нельзя так утверждать, – не теряясь, ответил Деш. – Среди людей все-таки есть те, кто может вникать в информационный тон. Они и посеяли среди вас эти идеи. Такие люди были всегда, хоть их и было мало.

– И кто же они, эти особенные люди?

– Они не особенные. Обычные, как и все. Мы как-то с тобой уже говорили об этом. Просто кто-то умеет петь, для этого тоже нужно, чтобы сложились вместе множество обстоятельств, кто-то умеет думать и изобретать. Они умеют вникать в тон, точнее лучше других чувствовать его. Только они не умели четко разделять нити и расшифровывать тон, часто делали неправильные выводы.

– Для людей, я так понял, это очень сложно. А для вас? – поинтересовался Авдей.

– Для нас это тоже не просто. И, кроме того, очень сложно найти в тоне, не зная, что именно ты хочешь найти. Ты просто не сможешь отделить нужное от ненужного. Например, не зная тебя, я бы, пожалуй, не смог ничего узнать о твоём друге Ярославле, – пояснил Деш. – Только если бы случайно наткнулся на его тон. Поэтому тон не всегда может быть полезным.

Авдея словно сбило поездом упоминание о Ярике. Его

мысли мгновенно расстроились, и он словно через пелену воспринимал дальнейшие слова Деша.

– А одна из таких ошибок, – продолжал Деш, – будучи многократно пересказанной, так аккуратно изменилась, что стала восприниматься уже как происходящая из разных источников. Совпадения в ключевых деталях в таком случае были неизбежны! И для вас почему-то они стали неоспоримым доказательством. Случись в этих историях чуть больше вариативности...

– То что? – Авдею стало даже интересно, чем должна была закончиться недосказанная мысль Деша.

– Этим, кстати, активно пользуетесь вы сами, и эту особенность раскусили Мита. И тоже применяли, запутывая следы о себе. Вы бы в нее не поверили! А так это воспринималось как рассказы и пересказы слов разных очевидцев.

Авдей сидел за столом и переставлял с места на место маленькие фигурки, сделанные из бумагоподобного материала, который он выпросил у Деша; периодически он возвращался к новой еще незаконченной фигурке, подправлял в ней какие-то детали и отставлял ее в сторону.

Ему хотелось поспорить, но понимая, что в знании собственной истории ему не сравниться с Дешем, он не осмеливался и на этот раз решил просто согласиться.

– Мы иногда ошибаемся и принимаем желаемое за действительное. А вы, верно, не ошибаетесь? – задумчиво проговорил Авдей.

– Бывает. Наша ошибка, например, была в том, что мы оставили и отпустили тебя и всех людей с экспериментального носителя. Землян, как вы себя называете. Мы не в полной мере учли вашу враждебность, которая стала доминировать на Земле и прививается всем с детства, которую вы испытываете априори ко всему, что оказывается над вами, на что вы не можете повлиять, даже если вам всего лишь кажется, что вы не можете повлиять.

Деш обратил внимание, что фигурки у Авдея разные. Одни напоминали людей и земных животных, другие существа системы Прата.

– Это чушь! – возразил Авдей.

– Это чушь?! – удивился Деш, привлекая внимание Авдея на происходящее на столе, где почему-то пратиарийские фигурки в большинстве своем лежали, а земные стояли.

– Но это же вы нас таким сделали? – сознание Авдея машинально пыталось найти оправдание.

Деш узнал этот алгоритм защитной реакции.

– В основных моделях поведения изначально присутствовала осторожность. Но как следствие многократных суперпозиций, – рассуждал он, – враждебность могла, конечно, возникнуть. А то, что она стала нормой, – это приобретенная черта.

– Это то, что вы называете феноменами? – уточнил Авдей.

– Совершенно верно! – подтвердил Деш. – Кроме того, мы знали, – продолжил он, – что вы легко поддаетесь новым

ценностям, и, если знать как, то легко можно заставить вас в них поверить. Поэтому здесь в Мантаме всего десять человек смогли обратиться в так называемую новую веру два миллиона людей с Клетииона.

– Они были наивны, как дети! – ответил Авдей. – Я был в шоке, насколько легко Майкл манипулировал ими с самого первого асана общения с ними.

Деш достал два сосуда, воспарил немного к своду комнаты и стал собирать мелкие листики таойи и цветы паиса, отдавая предпочтение только что раскрывшимся.

– А всего вас, землян, было меньше тысячи, – продолжил Деш, стараясь подчеркнуть ничтожность процента землян. А клетиионцев на Прата уже...

– И нас специально разделили по центрам Манкоа, – перебил его Авдей.

– Да. Так чтобы в одном центре оставалось не больше десяти человек. Мы стремились, чтобы вы адаптировались в новых условиях. Оставь вас большими группами, этого бы точно не происходило.

Но хуже всего, что вы сюда принести идеи разрушения. Известно ли тебе, что при первом организованном вами взрыве погибло двадцать шесть пратиарийцев? От второго взрыва погибло уже больше тысячи.

– А погибших людей ты, значит, не считаешь? – взорвался неожиданно Авдей.

– Есть ли смысл их считать, коли вы сами не считаетесь

с тем, что они могут погибнуть от ваших же рук?! Даже от собственных рук?! При втором взрыве человек сам взорвал себя в межпланетном гоне. Шансов выжить не было ни у кого! Это ты можешь объяснить?

– Я – нет. Ты, наверное, можешь! – Авдей кинул вызывающий взгляд на Деша. – Но, в конце концов, ты сам говоришь, что причинность в нас заложена. Значит, ее не может не быть!

– Вас – землян – в отличие от клетионцев не просто понять! Трудно понять, чего вы хотите! Что вас не устраивало?!

Авдей выдержал небольшую паузу, после чего сказал:

– Теперь ты еще скажешь, что, кроме того, что мы легко поддаемся влияниям, не знаем меры, еще и сами не знаем, чего хотим!

– Это твои слова! Или ты считаешь иначе? – спокойно перевел стрелку обратно Деш.

Авдей немного сдулся, получив свои нападки обратно.

– Человек хочет иметь много вещей нужных ему для чего-то, – начал рассуждать он. – А не хватает ему, наверное, одного, понимания, зачем он сам. От этого все наши, а теперь и ваши, беды и несчастья!

Теперь Деш немного задумался.

– Ваш пророк уже давно сказал вам, что нужно, чтобы решить все ваши проблемы: «Не содей невозможного!»

– Какой именно пророк?

– Он был только один!

С одной стороны носитель, который Авдей видел сам. С другой стороны пророк, о котором упомянул Деш, относил мысли к старым представлениям о собственном происхождении. С третьей... и четвертой... Порочный круг опять замкнулся в завязанный узлами тор.

– И все-таки я не могу понять, не могу поверить, что есть этот крошечный носитель, где... – озвучивал свои медленные мысли Авдей; в этот момент можно было бы даже подумать, что он сидит на таблетках. Вдруг он остановился. – У нас на самом деле было две теории. Одна о случайном зарождении жизни...

Деш улыбнулся.

– А не кажется тебе, что слишком много случайностей, – ему не составило труда вклиниться в слова Авдея. – Удачное расстояние до звезды, наклон оси, подходящий спутник нужной массы...

– Бестолковый! На нем нельзя было даже спокойно ходить, не то, чтобы жить, – теперь вклинился, даже огрызнулся Авдей.

– Не такой уж! Как минимум для обеспечения приливов. Далее удачный состав, обеспечивающий наличие магнитного поля, исключаяющий ионизацию всего, – продолжил Деш, – удачно сложившийся состав атмосферы, содержащей тот же озон? Это лишь несколько из необходимых условий. Я уже не говорю, о случайном зарождении первой живой молекулы, случайном обретении оболочки и превращении ее в

клетку.

Сколько нужно удачных случайностей только для этих первых двух этапов? А последующие миллиарды случайностей так называемой эволюции. Ты не силен случайно в вероятностях?

– Так и звезд с различными условиями во вселенной не мало? Сколько среди них подходящих?

– Даже если не одна! Умножь эту вероятность, на вероятность последующих совпадений.

– Она же не нулевая! Значит, шанс есть. В него отнюдь не труднее поверить, чем в то, что мы всего лишь одна из ваших технологий.

– Поверить! – улыбнулся Деш. – Вам всегда было проще поверить или не поверить, чем обдумать, оценить и аргументировано подтвердить или опровергнуть. А мы ведь так и не можем объяснить, что же физически или химически лежит в основе этого вашего феномена «вера». Ни как общего мирового, ни как индивидуального, в отношении отдельных жизненных вопросов, что возникают каждый день.

– Между тем, для нас вера – это основа. Если нет веры, нет доверия, то невозможно построить что-то еще.

– Ты думаешь, что вера первична?

– Полагаю, это так.

– А если я тебе скажу, что понятие «вера» – это прямое следствие понятия «ложь»?

Авдей на какое-то время задумался.

– Может, наоборот?

– Вряд ли. Сначала кто-то соврал, а потом кто-то ему поверил. Все, что было до лжи, было просто реальностью. Теперь же добрая половина вашей человеческой активности направлена на пресечение нечестного поведения, в том числе и лжи.

«...половина жизни... против лжи...» – Авдей переключил покороче мысль Деша.

– Да, да! Именно так, как ты подумал, – подтвердил Деш.

– А вы читаете мысли? – удивился Авдей.

– Нет. Мы сейчас с тобой на одной волне, а твои мысли уходят в тон, – пояснил Деш, – я их услышал.

Авдей между тем медленно продолжал переключать мысль Деша на реалии: «... полиция против населения, против нее прокуратура, ее тоже кто-то наверняка проверяет, суды решают споры между всеми... Да хотя бы системы контроля в аэропортах,... да даже системы оплаты в метро... Сколько нужно оборудования, заводов его производящих? Сколько там персонала...? Даже просто в каждой двери есть замок, и, значит, есть тот, кто его придумал и сделал... А у каждой страны есть армия для защиты от нападения, что тоже вне закона «не содей...» – наконец, уперся в несметный камень Авдей.

– А что же заставило первого человека соврать, в таком случае? – продолжил обратную цепочку Авдей.

– Умение строить гипотезы! Творческий потенциал, ины-

ми словами. Он предполагал, а не врал. Но интереснее другое. Что заставило других ему поверить? И что заставило его пользоваться этим? Да, потом люди научились именно пользоваться этим умышленно, лгать. Это интересно хотя бы с фундаментальной точки зрения! Ведь именно этот феномен «веры» одновременно движет вас вперед и ограничивает, сближает и разделяет, и даже делает нелогичными. Но когда мы закладывали ваш принцип, мы предполагали только рациональные последовательности развития. И то, что вы смогли покинуть границы вашего носителя, я говорю сейчас о непосредственно субстрате, имея свои догмы... Это тоже феномен!

– Феномен нашего феномена в том, что мы верим, но всегда сомневаемся! – включился в игру слов Авдей.

– Вы верите, но всегда заблуждаетесь! – улыбнулся Деш.

– Мы заблуждались только в представлении о вас. Но то, что вы в каком-то виде есть, большинство из нас знали. Ну, или, вернемся снова к этому понятию, верили в это!

Авдей посмотрел на Деша. То ли из окна так падал свет, то ли еще по какой-то причине Авдею показалось, что вокруг Деша... Авдей сам не успел осознать, что это именно было, так как коварная мысль внезапно прокралась в голову:

– А вот интересно, Деш, вы уже определили границы своего носителя?